

thebigbook

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

ВСЕМ, КОМУ ПОПРАВИЛИСЬ «СУМЕРКИ» СТЕФАНИ МАЙЕР
И «ВАМПИРСКИЕ ХРОНИКИ» ЭНН РАЙС!

Потрясающая история о магии,
науке и запретной любви.

People

КНИГА ЖИЗНИ

РОМАН

КНИГА ЖИЗНИ

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

the book

ОТКРЫТИЕ ВЕДЬМ

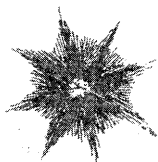
ТЕНЬ НОЧИ

КНИГА ЖИЗНИ

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

КНИГА ЖИЗНИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 21

Deborah Harkness
THE BOOK OF LIFE

Copyright © Deborah Harkness, 2014

All rights reserved

This edition published by arrangement with Viking, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

Перевод с английского Игоря Иванова

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-13806-3

© И. Б. Иванов, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Карен.
Она знает, по какой причине*

Выживает не самый сильный и не самый умный, а тот,
кто лучше всех приспосабливается к изменениям.

*Слова Филиппа де Клермона,
часто приписываемые Чарльзу Дарвину*

Солнце в Раке

Знак Рака имеет отношение к домам, землям, сокровищам и всему, что скрыто. Это четвертый знак зодиака. Он знаменует смерть и конец событий.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсальвиша, № 4890, лист 8¹*

¹ Значки «г» и «v» вверху номера листа обозначают соответственно его правую и левую сторону. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Глава 1

Призраков не напрасно называли бесплотными. Все они состояли лишь из воспоминаний и сердца. Стоя на крыше одной из круглых башен Сет-Тура, Эмили Метер прижала прозрачную руку к груди, к тому месту, где и сейчас тяжким камнем лежал пережитый ужас.

«Мне когда-нибудь станет легче? — Ее голос, как и очертания ее призрачного тела, был едва уловимым. — Неужели я так и буду наблюдать, ждать и знать?»

«Я что-то не заметил перемен», — коротко ответил Филипп де Клермон.

Он устроился рядом с Эмили и внимательно разглядывал свои прозрачные пальцы. Многое ему не нравилось в его нынешнем, призрачном состоянии. Он не мог обнять свою жену Изабо. Мир потерял для него запахи и вкусы. Исчезло его сильное, крепкое тело, а как славно было бы сейчас помахать мечом на поединке. Но сильнее всего Филиппа угнетала невидимость. Невидимость постоянно напоминала ему о безвозвратно утраченной значимости.

У Эмили вытянулось лицо, и Филипп мысленно себя обругал. С момента своей гибели эта ведьма была его постоянной спутницей, деля вместе с ним одиночество. О чем он думал, рываясь на нее, как на служанку?

«Когда они совсем перестанут в нас нуждаться, быть может, тогда и нам полегчает», — уже мягче произнес Филипп.

Хотя он и был более опытным призраком, Эмили лучше понимала метафизику их положения. Рассказанное ведьмой шло вразрез со всеми представлениями Филиппа о загробном мире. Он считал, что живые видят мертвых, поскольку живым от них что-то нужно: помощи, прощения, воздаяния. Эмили называла

такие представления заурядными человеческими мифами. Только когда живые откажутся от подобных мифов, мертвые смогут появляться перед ними.

Филиппа десятками лет угнетало то, что Изабо не ощущает его присутствия. Слова ведьмы успокоили его, но лишь отчасти.

— Жду не дождусь, чтобы рассказать Эмили. Представляю, какое будет у нее лицо, когда она узнает.

Сочный низкий голос Дианы поднимался вверх, достигая парапетов башни.

«Диана и Мэтью», — в унисон произнесли Эмили и Филипп, глядя на мощный двор, окружавший замок.

«Вот они», — сказал Филипп, указывая в сторону проезда.

Его вампирское зрение даже в призрачном состоянии оставалось острее, нежели зрение ведьм. К тому же он не утратил прежнего обаяния. Широкие плечи, дьявольская улыбка. Увидев ее, Эмили просто не могла не улыбнуться в ответ.

«Правда, чудесная пара? Посмотри, как сильно изменился мой сын».

Время не меняло внешнего облика вампиров. Эмили ждала, что увидит те же черные волосы, отливающие синевой, те же переменчивые серо-зеленые глаза, холодные и отрешенные, как зимнее море, ту же бледную кожу и широкий рот. Но предположения Филиппа подтвердились. Волосы Мэтью стали короче, он отростил бороду, делающую его облик еще опаснее. Сейчас он чем-то был похож на пирата. Эмили шумно вздохнула (насколько призраки умеют шумно вздыхать).

«Никак Мэтью стал... шире в плечах?»

«Да. Когда они с Дианой были здесь в тысяча пятьсот девяностом году, я хорошенько отделал его во время поединка. Книжки его размягчили. Я еще тогда сказал Мэтью, что ему нужно поменьше читать и побольше сражаться».

Филипп всегда был против «избыточной учености». Мэтью служил живым подтверждением отцовских представлений.

«Диана тоже изменилась. Эти длинные волосы медного оттенка делают ее больше похожей на мать», — сказала Эмили, заметив самые впечатляющие перемены в своей, пусть и неродной, племяннице.

Диана зацепилась за выбоину в камне и споткнулась. Мэтью тут же протянул руку, удерживая ее от падения. Прежде Эмили

считала поведение Мэтью обычным вампирским стремлением окружить сверхзаботой тех, кто им дорог. Состояние призрака обострило ее пронизательность. Эмили поняла, чем вызвана такая сверхзабота. Мэтью с необычайной чуткостью улавливал малейшие изменения в лице Дианы, каждое колебание ее настроения. Стоило ей слегка устать или проголодаться, как Мэтью уже это знал. Однако сегодня забота Мэтью показалась Эмили более целенаправленной и обостренной.

«У Дианы не только волосы изменились. — Лицо Филиппа приняло благоговейное выражение. — Диана носит ребенка. Ребенка Мэтью».

Эмили тщательнее присмотрелась к племяннице. Среди прочего смерть усилила ее способность видеть и чувствовать правду. Филипп увидел лишь часть правды, касающейся состояния его невестки.

«Ты хотел сказать „детей“. Диана беременна двойней».

«Двойня», — таким же благоговейным тоном произнес Филипп.

Как всегда, появление жены поколебало его спокойствие.

«Смотри, их встречают Изабо, Сара, Софи и Маргарет».

«Филипп, что теперь будет?» — спросила Эмили, на сердце которой стало еще тяжелее, ибо она предчувствовала дальнейшее развитие событий.

«Окончание. Начало, — уклонился от прямого ответа Филипп. — Перемены».

«Диана терпеть не могла перемены», — сказала Эмили.

«Потому что ее страшит то, кем она должна стать», — ответил Филипп.

Вампиром Маркуса Уитмора сделал Мэтью. Было это в 1781 году. После ночи своего превращения Маркус успел повидать более чем достаточно ужасов. Однако ни один из них не шел в сравнение с сегодняшней пыткой: сообщить Диане Бишоп, что ее любимой тетки Эмили Метер нет в живых.

Изабо позвонила Маркусу, когда он с Натаниэлем Уилсоном смотрели телевизор в семейной библиотеке. Там же, на диване, мирно спали жена Натаниэля Софи и их трехмесячная дочка Маргарет.

— Храм, — изменившимся голосом выдохнула Изабо. — Немедленно отправляйся туда.

Маркус безоговорочно подчинился приказу бабушки, задержавшись ровно настолько, чтобы позвать с собой двоюродного брата Галлогласа и тетку Верену.

Чем ближе к вершине горы, на которой находились развалины храма, тем светлее делался сумрак летней ночи. То был свет, излучаемый сверхъестественной силой. Маркус видел лишь сполохи между деревьями, но ему хватило и этого. Воздух был настолько густо пропитан магией, что у Маркуса волосы стали дыбом.

Затем он почувствовал запах вампира. Герберта из Орильяка. Второй запах принадлежал ведьме.

В каменном коридоре послышались легкие, но уверенные шаги, вернувшие Маркуса из воспоминаний о недавнем прошлом в настоящее. Тяжелая дверь, как всегда, открылась со скрипом.

— Привет, дорогая, — произнес Маркус, отрываясь от созерцания полей и холмов Оверни.

Запах вошедшей Фиби Тейлор напоминал ему аромат кустов сирени, что росли сразу за ярко-красной дверью дома его настоящих родителей. Тонкий и в то же время неотступный, этот запах символизировал надежду на весну, сменившую долгую зиму в Массачусетсе. Запах напоминал Маркусу понимающую улыбку давно умершей матери. Однако сейчас запах сирени ассоциировался у него только с этой молодой хрупкой женщиной. Хрупкость была обманчивой: Фиби обладала железной волей.

— Все пройдет хорошо.

Фиби встала на цыпочки и поправила ему воротник. Ее оливковые глаза были полны сострадания. Познакомившись с Фиби, Маркус стал одеваться строже. Футболки с эмблемами рок-групп сменились рубашками. И подписывался он теперь не «Маркус Уитмор», а «Маркус де Клермон». Так он представился Фиби, впервые придя к ней на работу. Через некоторое время он рассказал ей о вампирах, своем отце-создателе, чей возраст насчитывал полторы тысячи лет, о французском замке, полном опасных родственников по вампирской линии, и о ведьме по имени Диана Бинион. Реакция Фиби граничила с чудом: она осталась рядом с Маркусом.

— Вот здесь ты ошибаешься, — запоздало отозвался Маркус, поцеловав ей руку; Фиби знала о Мэтью только с его слов. — Прощу тебя, держись рядом с Натаниэлем и остальными.

— Маркус Уитмор, в последний раз заявляю тебе: когда ты выйдешь поздороваться с отцом и его женой, я буду стоять рядом с тобой. По-моему, нам незачем дальше обсуждать этот вопрос. Или ты все же намерен? — поинтересовалась Фиби, протягивая ему руку.

Маркус взял протянутую руку. Фиби думала, что сейчас они вместе выйдут, однако Маркус крепко обнял ее. Одна рука Фиби утонула в его ладони, а другую он прижал к своему сердцу. Жест Маркуса ее удивил.

— Хорошо, Фиби. Ты пойдешь вместе со мной, но с определенными условиями. Первое: ты постоянно будешь находиться возле меня или Изабо.

Фиби открыла рот, приготовившись возражать, но серьезный взгляд и тон Маркуса утихомирили ее.

— Второе: если я попрошу тебя уйти, ты это сделаешь, причем сразу же, не задавая вопросов. Иди прямо к Фернандо. Он будет либо в часовне, либо на кухне. — Маркус пристально посмотрел на Фиби и увидел признаки настороженного согласия. — И третье: ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах не приближайся к моему отцу на расстояние вытянутой руки. Договорились?

Фиби кивнула. Она выросла в семье дипломатов и, как всякий хороший дипломат, была готова подчиниться правилам Маркуса. Но если отец Маркуса действительно окажется чудовищем (а кое-кто здесь, похоже, так и думал), Фиби поступит так, как должна.

Когда картофельные ломтики на сковороде зарумянились, Фернандо Гонсалвиш накрыл их взбитыми яйцами. Его испанская тортилья была одним из немногих кушаний, которые Сара Бишоп соглашалась есть. Сегодня ей как никогда требовались телесные силы. Фернандо мысленно называл ее вдовой, хотя она потеряла не мужа, а интимную подругу.

Галлоглас сидел за кухонным столом, выковыривая из старинных досок кусочки старинного воска. Светлые волосы почти до плеч и мускулистая фигура делали его похожим на угрюмого медведя. Плечи и руки Галлогласа покрывали узоры татуировки. Узоры отражали мысли, владение им в настоящее время, поскольку на коже вампиров татуировка держалась всего несколько

месяцев. В данный момент он думал о своих корнях, что явствовало из кельтских узлов, рун и изображений сказочных чудовищ, почерпнутых в скандинавских и гэльских мифах и легендах.

— Да успокойся ты, — посоветовал ему Фернандо; голос повара был теплым и выдержанным, словно шерри в дубовых бочках.

Галлоглас поднял голову и тут же снова занялся выцарапыванием воска из щелей.

— Пойми, Галлоглас: никто не уберезет Мэтью от того, что он должен сделать. Отомстить за смерть Эмили — вопрос чести.

Фернандо выключил плиту и, на ходу отворачивая рукава белой рубашки, которая даже после нескольких часов, проведенных на кухне, оставалась безупречно чистой, направился к столу, где сидел Галлоглас. Босые ноги бесшумно двигались по каменным плитам пола. Заправив рубашку в джинсы, Фернандо запустил руки в свои темные курчавые волосы.

— Ты же знаешь, Маркус пытается взять вину на себя, — сказал Галлоглас. — Но парень совсем не виноват в смерти Эмили.

Если не знать, что происходило на вершине горы, вся сцена выглядела удивительно тихой и спокойной. Галлоглас достиг развалин храма вскоре после Маркуса. Да, только тишина и фигура Эмили Метер. Ведьма стояла на коленях внутри круга, граница которого была обозначена белыми камешками. Рядом находился колдун Питер Нокс. Его руки лежали на голове Эмили, а на лице застыло выражение предвкушения и даже голода. Был и зритель — Герберт из Орильяки, ближайший из соседей-вампиров. Он с интересом смотрел на происходящее.

— Эмили!

Отчаянный крик Сары взорвал тишину. Он был настолько сильным, что даже Герберт попятился назад.

Нокс, вздрогнув, отпустил Эмили, и она без сознания рухнула на землю. Сара атаковала колдуна всего одним, но очень могущественным заклинанием, отчего Нокса буквально сдуло с вершины.

— Нет, Маркус ее не убивал, — сказал Фернандо, вновь заставив Галлогласа поднять голову. — Но его небрежность...

— Неопытность, — перебил повара Галлоглас.

— Небрежность, — повторил Фернандо, — сыграла роль в этой трагедии. Маркус это знает и принимает ответственность на себя.

— Маркус не врался в главные! — глухо прорычал Галлоглас.

— Да. Это я предложил его кандидатуру. Мэтью согласился, посчитав такое решение правильным.

Фернандо легко сжал плечо Галлогласа и вернулся к плите.

— Так ты поэтому появился здесь? Чувствуешь свою вину за отказ возглавить братство, когда Мэтью просил тебя о помощи?

Сильнее всех появление Фернандо в Сет-Туре удивило Галлогласа, ведь Фернандо сторонился замка с XIV века, когда погиб Хью де Клермон, отец Галлогласа.

— Я здесь, потому что в свое время, когда французский король казнил Хью, Мэтью бросил все и примчался меня поддерживать. Я тогда был совсем один, если не считать моего горя. — Голос Фернандо сделался хриплым. — А возглавить орден Рыцарей Лазаря я отказался, потому что не являюсь де Клермоном.

— Ты был интимным другом, истинной парой моего отца, — возразил Галлоглас. — Ты такой же де Клермон, как Изабо или ее дети!

Фернандо осторожно закрыл дверцу духовки.

— Я остаюсь истинной парой твоего отца, — не поворачиваясь к Галлогласу, сказал он. — И твой отец никогда не станет для меня тем, о ком говорят в прошедшем времени.

— Прости, Фернандо, — пробормотал потрясенный Галлоглас.

С момента гибели Хью прошло почти семьсот лет, но Фернандо так и не оправился от потери. «И вряд ли когда-нибудь оправится», — подумал Галлоглас.

— А что касается моей принадлежности к де Клермонам, — продолжал Фернандо, по-прежнему глядя в стену над плитой, — Филипп возражал против этого.

Галлоглас возобновил свое нервное занятие. Пространство вокруг него заполнялось темными катышками воска. Фернандо налил два бокала красного вина и поставил их на стол.

— Выпей лучше, — сказал он, протягивая бокал Галлогласу. — Тебе сегодня тоже понадобятся силы.

В кухню стремительно вошла Марта, домоправительница Изабо. В этой части замка хозяйкой была она и очень не любила, когда кто-нибудь вторгся на ее территорию. Недовольно поглядев на Галлогласа и Фернандо, Марта принюхалась и рванула дверцу духовки.

— Это же моя лучшая сковородка! — с упреком воскликнула Марта.

— Знаю. Потому и взял ее, — ответил Фернандо, делая глоток.

— А тебе, дон Фернандо, вообще нечего делать на кухне. Иди наверх. И Галлогласа с собой заведи.

С полки над мойкой Марта сняла чайник и пакет с чаем. Затем взгляд ее упал на соседний столик, где вместе с чашками, блюдами, кувшином молока и сахарницей на подносе стояла кастрюля, обернутая кухонным полотенцем. Марта нахмурилась еще сильнее.

— Чем тебе мешает мое присутствие? — спросил Фернандо.

— Ты к слугам не относишься.

Марта развернула полотенце, подняла крышку и с явным подозрением принялась к содержимому кастрюли.

— Любимое блюдо Дианы. Помнишь, я спрашивал, какие блюда она любит, и ты мне рассказала? — Фернандо печально улыбнулся. — В этом замке все служат де Клермонам. Единственная разница, что тебе, Алену и Виктуар за это щедро платят. Остальные, похоже, должны быть благодарны за предоставленную привилегию.

— С полным основанием. Другие *манжасаны*¹ мечтают стать частью этой семьи. Постарайся не забыть об этом в будущем и не свалить дурака, дон Фернандо, — сказала Марта, сделав особый упор на его знатном титуле. Она взяла чайный поднос, невозмутимо добавив: — Кстати, твоя яичница подгорает.

Фернандо помчался к плите.

Черные глаза Марты остановились на Галлогласе.

— А ты не сказал нам всего, что должен был рассказать о Мэтью и его жене.

Галлоглас виновато уткнулся взглядом в бокал с вином.

— Мадам бабушка разберется с тобой позже, — ледяным тоном произнесла Марта и удалилась из кухни.

— Что еще ты натворил? — спросил Фернандо, убедившись, что Марта соврала и его тортилья — хвала Всевышнему — ничуть не подгорела.

Долгий опыт общения с Галлогласом подсказывал Фернандо: какой бы хаос ни устраивал этот шотландец, намерения у него были самые добрые, а о возможных последствиях он попросту не думал.

¹ Окситанское слово «манжасан» означает «пожиратель крови», «кровопийца». Аналог слова «вампир».

— Видишь ли, — начал Галлоглас, растягивая гласные так, как только шотландцы это умеют, — в повествовании я кое-что упустил.

— Например?

Среди привычных кухонных ароматов ноздри Фернандо уловили запах беды.

— То, что тетушка Диана беременна, и не от кого иного, как от Мэтью. Я умолчал, что дед признал ее своей дочерью. Боже, его клятва на крови была просто оглушительной! — Галлоглас выглядел потрясенным. — Думашь, мы и сейчас сможем ее услышать?

Фернандо стоял с разинутым ртом.

— Не смотри на меня так! — огрызнулся Галлоглас. — Мне показалось неуместным рассказывать о ребенке. Ты знаешь, как женщины относятся к подобным темам. А о клятве на крови Филипп рассказал тетушке Верене в тысяча девятьсот сорок пятом году, перед своей смертью. С тех пор она ни словом не обмолвилась! — добавил Галлоглас, будто оправдываясь.

Воздух в кухне задрожал, словно где-то взорвалась бесшумная бомба. Мимо окна пронеслось что-то огненно-зеленое.

— Это что еще за чертовщина?

Фернандо распахнул дверь кухни, заслоня глаза от яркого солнца.

— Думаю, это была невероятно разозленная ведьма, — хмуро ответил Галлоглас. — Скорее всего, Сара уже сообщила Диане и Мэтью о смерти Эмили.

— А мне показалось, будто что-то взорвалось. Но это не взрыв. Смотри туда!

Фернандо указал на колокольную церквы в Сен-Люсьене. Вокруг нее летало двуногое огнедышащее существо. Галлоглас встал, присмотрелся.

— Это Корра. Неразлучная спутница тетушки Дианы, — равнодушно произнес он.

— Но это же дракон! — выкрикнул Фернандо, глядя на папыньку бешеными глазами.

— То-то и оно, что не совсем дракон. Разве не видишь, что у нее всего две лапы, а не четыре? Корра — огнедышащая дракониха.

Галлоглас повернул руку, показывая Фернандо татуировку крылатого существа, здорово напоминающего летающую тварь.

— В общем-то, я и о Корре умолчал. Не стал пугать почтеннейшую публику. Лишь предупредил, что тетушка Диана вернется из прошлого изменившейся ведьмой.

— Дорогая, это правда. Эм умерла.

Несколько слов, сказанных Диане и Мэтью, обернулись для Сары сильнейшим стрессом. Ей даже привиделся дракон. Прав был Фернандо: ей нужно расставаться с виски.

— Я тебе не верю! — выкрикнула Диана.

Голос племянницы был высоким, пронзительным, грубым от охватившей ее паники. Диана принялась обыскивать большую гостиную Изабо, словно Эмили могла прятаться за спинкой одного из витиеватых барочных диванчиков.

— Диана, Эмили здесь нет. — Приглушенный голос Мэтью был полон нежности и сострадания. — Она покинула наш мир, — добавил он, подходя к жене.

— Нет! — Диана попыталась оттолкнуть мужа и продолжить поиски, но Мэтью схватил ее за руки.

— Сара, прими мои глубокие соболезнования, — сказал Мэтью, крепко прижимая Диану к себе.

— Не смей говорить о соболезнованиях! — взвизгнула Диана, пытаясь вырваться из цепкой хватки вампира; ее кулак молотил Мэтью по плечу. — Эм не умерла! Это просто кошмар! Мэтью, пожалуйста, разбуди меня. Я хочу проснуться и убедиться, что мы по-прежнему в тысяча пятьсот девяносто первом году.

— Это не кошмар, — тихо возразила Сара.

Несколько долгих недель убедили ее, что смерть Эм — ужасающая реальность.

— Значит, я сделала неверный поворот. Или плохо завязала узел в заклинании обратного путешествия. Такое не могло случиться в месте нашего возвращения! — Диану всю трясло от горя и плача. — Эм обещала мне: она никогда не покинет этот мир, не простившись!

— Эм не успела проститься ни с кем. Но это не значит, что она тебя не любила. — Эти слова Сара твердила себе по сто раз на дню.

— Диане лучше присесть, — сказал Маркус, выдвигая стул.

Во многом сын Мэтью оставался таким же, каким Диана увидела его впервые, когда в конце октября прошлого года он вдруг

появился на крыльце дома Бишопов: парнем лет двадцати пяти, заядлым путешественником по Интернету. И кожаный шнурок со странными вещичками, собранными за несколько веков, по-прежнему болтался в его светлых волосах, стучаясь о затылок. На ногах — все те же любимые им хайтопы фирмы «Конверс». Новым был сдержанный, печальный взгляд.

Хорошо, что сейчас рядом с Сарой находились Маркус и Изабо. Она была им благодарна за поддержку. Но в ком она нуждалась сильнее всего, так это в Фернандо — твердая скала среди волн хаоса, в который превратилась ее жизнь.

— Спасибо, Маркус, — произнес Мэтью, усаживая Диану.

Фиби попыталась дать ей стакан воды. Поймав отсутствующий взгляд Дианы, Мэтью молча взял у девушки стакан и поставил на столик.

Глаза всех были устремлены на Сару.

Сара не умела выступать перед аудиторией. В отличие от Дианы, ей не приходилось читать лекции. Диана бы знала, как соединить противоречивые события в последовательный рассказ, имеющий начало, середину и конец. Возможно, племянница даже представила бы убедительное объяснение причин смерти Эмили.

— Мне очень трудно рассказывать вам об этом, — начала тетка Дианы.

— Тебе не надо рассказывать все сразу. — Глаза Мэтью были полны сострадания и поддержки. — Объяснения подождут.

— Нет. Вы оба должны это знать.

Сара потянулась за стаканом с виски, который обычно находился где-то рядом. Но сейчас его не было. Тогда она с молчаливой мольбой посмотрела на Маркуса.

— Эмили умерла в развалинах старого храма, — начал Маркус, взяв роль рассказчика на себя.

— Храма, посвященного богине? — шепотом спросила Диана. Она морщила лоб, заставляя себя сосредоточиться.

— Да, — ответила Сара и закашлялась, прогоняя комок в горле. — Эмили проводила там все больше времени.

— Она была там одна?

Из сочувственного и понимающего лицо Мэтью сделалось каменным. И вопрос он задал ледяным тоном.

В гостиной вновь установилось тяжелое, неловкое молчание.

— Эмили не позволяла никому ходить с ней. — Сара заставляла себя говорить только правду, ведь Диана тоже была ведьмой и легко узнала бы, где и в чем тетка отошла от истины. — Маркус пробовал ее убедить. Говорил, что ходить одной опасно, но Эмили отказывалась.

— Но почему ей хотелось одиночества? — спросила Диана, сразу улавливая в голосе тетки смущение и какую-то недосказанность. — Что здесь вообще происходило?

— Где-то с января Эм стала обращаться к высшей магии за советом и водительством. — Сара отвернулась; ей было невозможно видеть потрясенное лицо племянницы. — Эм стали донимать жуткие предчувствия смерти и несчастий. Она рассчитывала с помощью магии узнать их причину.

— Но Эм всегда сторонилась высшей магии, поскольку считала ее слишком опасной для ведьм. — Диана говорила все громче. — Эм была осторожной в таких делах. Я помню ее слова о том, что ведьмы, заигрывающие с высшей магией, на собственном горбу убедятся, до чего это опасно.

— Она это знала на собственном опыте, — вздохнула Сара. — Высшая магия способна затягивать. Эмили не хотела посвящать в это тебя, но ритуалы высшей магии влекли ее к себе. Она уповала на твердость собственной воли. Со времен юности она не брала в руки гадательный камень и не пыталась вызвать духа.

— Вызвать духа? — удивился Мэтью.

Его глаза превратились в щелочки. Темная борода делала его облик по-настоящему пугающим.

— Мне думается, она пыталась найти дух Ребекки. Знай я, как далеко она зашла в этих попытках, то проявила бы больше настойчивости, чтобы ее остановить. — В глазах Сары заблестели слезы. — Должно быть, Питер Нокс учуял силу, с которой общалась Эмили. Высшая магия всегда завораживала и притягивала его. И когда он нашел Эм...

— Нокс? — тихо переспросил Мэтью, но от его вопроса волосы на затылке Сары встали дыбом.

— Когда мы нашли Эм, там были и Нокс с Гербертом, — пояснил Маркус, болезненно морщась. — У Эмили случился тяжелейший сердечный приступ. Скорее всего, она напрягла все силы, противясь действиям Нокса. К тому моменту в ней едва теплилось сознание. Я пытался оживить Эмили. Сара тоже. Но наши усилия не помогли.

— Зачем Герберт и Нокс явились сюда? И что Нокс рассчитывал получить, убивая Эм? — выкрикнула Диана.

— Дорогая, я сомневаюсь, что Нокс пытался убить ее, — ответила Сара. — Нокс считывал мысли Эм или старался их прочесть. Вот ее последние слова: «Я знаю тайну „Ашмола-782“, и вам никогда не завладеть манускриптом».

— «Ашмола-782»? — переспросила Диана, испытав новое ошеломление. — Ты уверена?

— Целиком и полностью.

Лучше бы ее племянница не находила этот проклятый манускрипт в Бодлианской библиотеке. Он был причиной большинства их нынешних бед, включая и смерть Эм.

— Нокс утверждал, что де Клермоны владеют утраченными страницами из Дианиного манускрипта и знают его тайны, — включилась в разговор Изабо. — Мы с Вереной сказали ему, что он ошибается. А потом он увидел маленькую Маргарет и забыл про манускрипт.

— Натаниэль и Софи последовали за нами к развалинам храма. Софи взяла с собой Маргарет, — пояснил Маркус, увидев изумленный взгляд отца. — Чувствовалось, что Эмили вот-вот потеряет сознание. В этот момент Нокс увидел Маргарет и потребовал объяснений, почему у двух демонов родилась ведьма. Он стал угрожать, что заберет Маргарет, предъявит ее Конгрегации и начнет давно назревшее расследование о «серьезных нарушениях» закона. Пока мы старались оживить Эмили и поскорее вернуть Маргарет в замок, Герберт и Нокс улизнули.

Вплоть до недавнего времени Сара относилась к Конгрегации и завету как к необходимому злу. Демонам, вампирам и ведьмам было нелегко жить среди людей. Все три породы испытывали на себе последствия человеческого страха и агрессии; просто в одни периоды истории больше доставалось демонам, в другие — ведьмам и вампирам. И тогда, в сравнительно давние времена, был установлен завет — своеобразный свод законов, позволяющих отвести внимание людей от нечеловеческих пород и свести к минимуму риск столкновения. Завет запрещал близкие и даже дружественные отношения между породами, а также вмешательство в человеческую политику и все религии людей. Надзорным органом, следящим за соблюдением завета, стала Конгрегация, состоящая из девяти членов — по три от каждой породы. Но те-

перь, когда Диана и Мэтью вернулись из прошлого, Саре стало наплевать на Конгрегацию. Конгрегация могла отправляться в преисподнюю, прихватив с собой и завет.

Диана резко повернула голову. На лице мелькнуло изумление.

— Галлоглас? — прошептала она, вдыхая знакомый запах моря.

— С возвращением, тетушка.

Галлоглас пошел к Диане. Везде, где на его бороду падали солнечные лучи, она вспыхивала золотистым огнем. Диана смотрела на племянника и вдруг дала волю слезам.

— Ну, будет плакать, — произнес Галлоглас, заключая ее в медвежьи объятия. — Давненько женщины не плакали при виде меня. И уж если на то пошло, это я сейчас должен реветь во весь голос от нашей встречи. Ты со мной встречалась всего несколько дней назад. А по моим меркам с тех пор прошло несколько веков.

Вокруг тела Дианы появилось непонятное свечение. Она вдруг стала похожа на медленно разгорающуюся свечу. Сара заморгала. Нет, нужно пойти и хорошенько проспать. И больше — ни капли виски.

Мэтью с племянником переглянулись. Поток слез из глаз Дианы нарастал, а вместе с ним усиливалось таинственное свечение. Мэтью смотрел на жену со все большей тревогой.

— Мэтью проводит тебя наверх, — сказал Галлоглас.

Он протянул Диане мятый желтый шейный платок, заслонив ее от собравшихся.

— Что с ней? — спросила Сара.

— Устала немного, только и всего, — ответил Галлоглас.

Без дальнейших пояснений они с Мэтью увели Диану в башню.

После ухода Дианы Сара больше не могла сдерживаться и заплакала. Она каждый день заново переживала смерть Эмили, но делала это наедине с собой. Говорить об этом вслух, да еще Диане, оказалось настоящей пыткой. В гостиную вошел Фернандо. Вид у него был встревоженный.

— Ты поплачь, Сара. Легче будет, — сказал он, прижимая ведьму к себе.

— Мне так нужна была твоя поддержка! Где тебя носило? — спросила Сара, у которой плач перешел в рыдания.

— Зато сейчас я с тобой, — ответил Фернандо, нежно укачивая ее. — А Диана и Мэтью благополучно вернулись домой.

— Мне никак не остановить дрожь.

У Дианы стучали зубы. Руки и ноги дергались так, словно их тянули за невидимые ниточки. Галлоглас стоял с поджатыми губами и смотрел, как Мэтью укутывает жену одеялом.

— Ты испытала шок, лоп соеиг, — тихо сказал Мэтью, поцеловав Диану в щеку.

Он понимал: произошло наложение трагедий. Известие о смерти Эмили пробудило травматические воспоминания о потере родителей. Мэтью стал массировать Диане руки.

— Галлоглас, принеси вина, — попросил он племянника.

— Мне нельзя. Наши малыши... — пачала Диана, и ее лицо вновь скривилось в горестной гримасе, вернулись и слезы. — Они никогда не увидят Эм. Наши дети будут расти, зная об Эм лишь по нашим рассказам.

— Держи.

Галлоглас бросил Мэтью серебряную фляжку. Мэтью ловко поймал ее и кивком поблагодарил племянника.

— Это даже лучше. — Мэтью отвинтил крышку. — Диана, сделай глоток. Всего один глоток. Намим двойняшкам это не повредит, а тебе поможет успокоиться. Я велю Марте заварить для тебя крепкий черный чай и положить туда побольше сахара.

— Я убью Питера Нокса, — свирепо заявила Диана, глотнув виски.

Свечение вокруг нее стало еще ярче.

— Только не сегодня, — твердо возразил Мэтью, возвращая фляжку Галлогласу.

— Никак после вашего возвращения тетушкино свечение стало еще ярче?

Галлоглас не видел Диану Бишоп с 1591 года, но он не помнил, чтобы тогда ее свечение было столь заметным.

— Да, — ответил ему Мэтью. — Пока добирались сюда, Диана маскировала свечение особым заклинанием. — Он подхватил Диану на руки и отнес на диван. — Ей хотелось ошеломить Эмили и Сару вестью о том, что они станут бабушками. И сделать это она намеревалась в первые же минуты, пока тетки не начали забрасывать ее вопросами о возросшей магической силе.

Галлоглас подавил ругательство, готовое сорваться с его губ.

— Тебе лучше? — спросил Мэтью, целуя Диане пальцы.

Диана кивнула. Ее зубы продолжали выстукивать дробь. Галлоглас внутренне содрогнулся, поняв, каких усилий ей сейчас стоило владеть собой.

— Я глубоко скорблю о смерти Эмили, — сказал Мэтью, касаясь ладонями лица Дианы.

— А если это наша вина? Вдруг мой отец был прав и мы своим затянутым пребыванием в прошлом нарушили законы?

Шепот Дианы был едва различимым даже для острого слуха Галлогласа.

— Ни в коем случае, — торопливо ответил Галлоглас. — Это сделал Питер Нокс. И больше никто не виноват в случившемся.

— Давай сейчас не будем искать виноватых, — сказал Мэтью, но у самого глаза были злыми.

Галлоглас понимающе кивнул. Потом он подробно расспросит Мэтью и о Ноксе, и о Герберте. Но сейчас дядю волновало состояние жены.

— Эмили посоветовала бы тебе заботиться о Саре и себе самой. Пока этого достаточно.

Мэтью отвел медные пряди Дианы, приклеившиеся к ее щекам из-за соленых слез.

— Мне нужно спуститься к Саре, — заявила Диана, вытирая глаза желтым платком Галлогласа. — Ей требуется моя поддержка.

— Полежи здесь еще немного. Подождем, пока Марта не делает чай.

Мэтью сел рядом. Диана привалилась к нему. Ес дыхание напоминало икоту. Диана пыталась удержать слезы.

— Не буду вам мешать, — хмуро произнес Галлоглас.

Мэтью кивнул в знак благодарности:

— Спасибо, Галлоглас.

Диана протянула ему платок.

— Оставь себе, — сказал Галлоглас, выходя на лестницу.

— Мы одни. Тебе больше не надо сдерживаться, — сказал Мэтью, слушая, как затихают шаги Галлогласа.

Мэтью и Диана обнялись. Их тела переплелись, образовав узел, который не разрубить ничем. Лица обоих были искажены болью и страданием. Они дарили друг другу утешение, которое не могли обрести поодиночке.

«Я не имела права вызывать тебя сюда. Нужно было поискать иной способ получения ответов. — Эмили повернулась к своей самой близкой подруге, которую не видела почти тридцать лет. — Напрасно ты не осталась со Стивеном».

«Мне сейчас важнее быть рядом с дочерью, — ответила Ребекка Бишоп. — Стивен поймет».

Она вновь повернулась к дивану, на котором сплелись в скорбных объятиях Диана и Мэтью.

«Не бойся. Мэтью о ней позаботится», — сказал Филипп.

Ребекка Бишоп до сих пор оставалась для него загадкой, которую он пытался разгадать. Мать Дианы была невероятно вызывающей особой, а хранить тайны умела не хуже любого вампира.

«Они обязательно поддержат друг друга, — сказала Ребекка, прижимая руку к сердцу. — Я знала, что так и будет».

Глава 2

Мэтью несся вниз по винтовой каменной лестнице, соединявшей его башню с первым этажом замка. Он ловко обогнул скользкое место на тридцатой ступеньке и грубую каменную заплату на семнадцатой, где однажды, во время ссоры, меч Болдуина с чудовищной силой ударил в камень и выкрошил приличный кусок.

Эту башню Мэтью когда-то строил в качестве места уединения, где можно укрыться от нескончаемого шума и дел, постоянно окружавших Филиппа и Изабо. Вампирские семьи были большими и шумными, особенно когда два или больше родов собирались под одной крышей и пытались жить единой дружной стаей. Такое редко случалось среди хищников, даже тех, кто ходил на двух ногах и жил в прекрасных замках. В результате башня Мэтью строилась прежде всего как оборонительное сооружение. Она не имела дверей, приглушавших крадущуюся походку вампиров. Единственный вход служил и выходом. Никаких запасных лестниц. Столь тщательно продуманная планировка красноречиво свидетельствовала о характере отношений Мэтью с его вампирскими братьями и сестрами.

Но сегодня уединенность башни действовала на него угнетающе. Жизнь в Лондоне эпохи Елизаветы I заставляла их мечтать о тишине, так как их дом был постоянно полон теми, кого они считали семьей, слугами и друзьями. Должность шпиона королевской, которую занимал Мэтью, была опасной, но приносила свои плоды. Его тогдашнее членство в Конгрегации уберегло нескольких ведьм от виселицы. Диана начала пробуждать и совершенствовать свои ведьмины дарования. Они с Дианой даже взяли под опеку двух сирот, которым дали шанс на лучшее будущее. Жизнь в XVI веке не всегда бывала легкой, но их дни наполняла любовь и надежда. Надежда буквально следовала за Дианой по пятам.

В Сет-Туре же они попали в пространство, со всех сторон окруженное смертью и де Клермонами.

Это сочетание сделало Мэтью беспокойным. Когда Диана была рядом, он изо всех сил сдерживал свой гнев, однако тот угрожал вырваться на поверхность. Сделав Мэтью вампиром (и сыном в вампирском понимании родства), Изабо передала ему и опасную болезнь, именуемую *бешенством крови*. Болезнь эта накатывала приступами, порою внезапно, завладевая умом и телом вампира. Самообладание и доводы рассудка отступали на задний план. Стараясь ни в коем случае не поддаться бешенству крови, Мэтью неохотно согласился на время оставить Диану под присмотром Изабо, а сам, сопровождаемый Фаллоном и Гектором, его верными собаками, прогуляться по окрестностям замка. Мэтью необходимо было основательно прочистить голову.

В большом зале Галлоглас напевал старинную матросскую песню, какие сопровождали работы на парусных кораблях. По непонятной для Мэтью причине каждая строчка перемежалась ругательствами и ультимативными требованиями. Мэтью хотел было пройти мимо, но любопытство взяло верх, и он, немного помешкав, спросил племянника о причинах.

— Долбаная дракониха.

Из оружейной стойки у входа Галлоглас вытащил пику, которой сейчас медленно размахивал в воздухе:

— «Прости-прощай, испанские красотки». Спускай свою задницу вниз, не то бабуля сварит тебя в белом вине и скормит собакам. «В старушку Англию приказано нам плыть». У тебя что, мозгов не больше, чем у обкурившегося попугая? «И вряд ли свидимся, милашки, снова».

— Что ты тут вытворяешь? — спросил Мэтью.

Дико сверкая синими глазами, Галлоглас повернулся к дяде. Его черную футболку украшало изображение черепа со скрещенными костями. Сзади футболка была разорвана наискось: от левого плеча к правому бедру. Дыры на джинсах протерлись от долгой носки, а не от сражений. Волосы даже по меркам Галлогласа были всклокочены. Изабо наградила его прозвищем сэр Бродяга, но бабушкина ирония не повлияла на его внешний вид.

— Пытаюсь поймать зверюшку твоей жены.

Галлоглас вдруг метнул пикку вверх. Послышался удивленный крик, и на пол, словно кусочки слюды, посыпались светло-зеле-

ные чешуйки. Светлые волосы на руках Галлогласа заблестели от мерцающей зеленой пыли. Он чихнул.

На галерее для музыкантов обосновалась Корра — огнедышащая дракониха, дух-хранитель Дианы. Цепляясь когтями за балюстраду, она неистово верещала, цокая языком. Увидев Мэтью, дракониха приветственно махнула шипастым хвостом, отчего в драгоценной шпалере, изображавшей единорога в саду, появилась дыра. Мэтью поморщился.

— В часовне я чуть ее не поймал. Возле алтаря, где узкое место. Ну, думаю, теперь не вывернешься. Но Корра — девка смышленная, — с оттенком гордости произнес Галлоглас. — Спряталась в верхней части могилы деда, крылышки распушила. Я сдуру и посчитал ее надгробным памятником. А теперь посмотри. Торчит под балками, довольная как черт. Бед от нее здесь вдвое больше. Видел, как она располосовала любимую шпалеру Изабо? Бабулю удар хватит.

— Если характером Корра целиком пошла в хозяйку, попытки загнать ее в угол добром не закончатся, — заметил Мэтью. — Лучше постарайся с ней поладить.

— Ну как же! Это с тетушкой Дианой можно поладить, но не с этой тварью, — фыркнул Галлоглас. — И что тебя угораздило выпустить Корру из поля зрения?

— Чем шумнее себя ведет дракониха, тем спокойнее Диана, — ответил Мэтью.

— Не спорю. Но Корра не канарейка, чтобы порхать в помещениях. Что ни день, то убыток. Не далее как сегодня она расколотила одну из бабушкиных севрских ваз.

— Если это была не синяя, с львиными головами, подарок Филиппа, я бы не стал особо волноваться.

Увидев лицо Галлогласа, Мэтью застонал и выругался:

— Merde!¹

— Вот и Ален сказал то же, когда узнал, — сообщил Галлоглас, опираясь на пикю.

— Изабо придется смириться с утратой одного экземпляра из ее коллекции ваз, — вздохнул Мэтью. — Пусть Корру и не назовешь кроткой птичкой, сегодня Диана крепко спит. Впервые с момента пашего возвращения.

¹ Дерьмо! (фр.)

— Я же не спорю. Только убеди Изабо, что искусства Корры благотворно влияют на внутриутробное развитие бабулиных внуков. Скажи, пусть рассматривает гибель своих ваз как акт жертвоприношения. Я тоже считаю, что тетушке нужно хорошенько выспаться. А пока постараюсь чем-нибудь развлечь эту летучую мегеру.

— Это каким же образом? — скептически спросил Мэтью.

— Буду услаждать ее слух пением.

Галлоглас задрал голову. Корра, польщенная его вниманием, еще шире раскинула крылья. Теперь они отражали свет декоративных светильников в скобах, где когда-то пылали факелы. Посчитав это ободряющим знаком, Галлоглас набрал в легкие побольше воздуха и грянул новую балладу:

Голова идет кругом, я весь горю,
Влюбился, словно дракон.
Как имя ее? В ответ говорю...

Корра одобрительно защелкала зубами. Галлоглас улыбнулся. Его пика качалась, будто маятник метронома. Прежде чем петь дальше, он покосился на Мэтью:

Я без конца ей подарки слал,
Жемчугом, златом думал пронять.
Когда же запасы свои исчерпал,
Решил ее к черту послать¹.

— Удачи, — пожелал племяннику Мэтью, искренне надеясь, что Корра не понимает слов баллады.

Мэтью своим чутьем обследовал прилегающие помещения, попутно отмечая всех, кто там находился. Из семейной библиотеки доносился легкий запах лаванды и мяты. Хэмиш был там, занимался какой-то писаниной. Постояв немного у закрытой двери, Мэтью распахнул ее.

— Найдется минутка для старого друга? — спросил он.

— А я уж начал думать, будто ты сторонись меня.

Хэмиш Осборн отложил перьевую ручку и ослабил галстук с пол-летнему ярким цветочным орнаментом. У большинства муж-

¹ Это строчки из баллады «The Lover», написанной известным английским поэтом, композитором и певцом Чарльзом Дибдином (1745–1814). Галлоглас нарушил последовательность строк, поменяв их местами.

чин не хватило бы смелости надеть такой галстук. Даже здесь, во французской провинции, Хэмиш одевался так, словно ему предстояла встреча с членами парламента: темно-синий костюм в тонкую полоску, рубашка сиреневого цвета. Мэтью почувствовал себя мгновенно перенесшимся в начало прошлого века, в эпоху недолгого правления короля Эдуарда.

Мэтью знал: демон пытается вызвать его на спор. С Хэмишем они дружили не один десяток лет, с тех самых пор, как учились в Оксфорде. Их дружба строилась на взаимном уважении и поддерживалась общностью острого и пронизательного интеллекта каждого. Поэтому даже обыденные разговоры между ними были сложными и стратегически выверенными, как шахматная игра двух гроссмейстеров. Но их разговор только начался. Слишком рано, чтобы позволить Хэмишу поставить его в щекотливое положение.

— Как Диана? — спросил Хэмиш, понимая, что Мэтью сознательно отказывается заглатывать наживку.

— Всё в рамках ожидаемого.

— Разумеется, я и сам мог бы у нее спросить, но твой племянник велел мне проваливать. — Хэмиш отхлебнул из бокала. — Хочешь вина?

— Откуда оно? Из моих запасов или из погребов Болдуина?

Внешне невинный, этот вопрос служил тонким напоминанием. Теперь, когда Мэтью и Диана вернулись из прошлого, ему придется выбирать между Мэтью и остальными де Клермонами.

— Это кларет. — Хэмиш качнул бокалом, наслаждаясь игрой света и ожидая ответа Мэтью. — Дорогой. Старый. С потрясающим букетом.

— Спасибо, не хочу, — скривив губы, ответил Мэтью. — В отличие от большинства моей родни, я никогда не питал пристрастия к этому сорту.

Кларет от Болдуина. Мэтью скорее согласился бы наполнить садовые фонтаны редкими бордоскими винами брата, чем пить их.

— А что это за история с драконихой? — поинтересовался Хэмиш, и Мэтью заметил дернувшуюся жилку на его подбородке, но было это признаком удивления или гнева, Мэтью не знал. — Галлоглас утверждает, что Диана привезла это существо в качестве сувенира из прошлого, но ему никто не верит.

— Дракониha действительно принадлежит Диане, — сказал Мэтью. — Хочешь узнать больше — спрашивай у нее.

— После твоего возвращения у всех обитателей Сет-Тура поджилки трясутся. — Хэмиш резко переменял тему и двинулся в наступление. — Они еще не поняли, что ты сам до смерти напуган.

— А как поживает Уильям?

Мэтью не хуже демона умел головокружительно менять тему разговора.

— Душка Уильям обрел иную привязанность.

Рот Хэмиша скривился. Демон даже отвернулся. Страдание, которое еще не утихло в нем, неожиданным образом заставило Мэтью прекратить их игру.

— Мне очень жаль, Хэмиш, — сказал Мэтью. Ему казалось, что отношения демона и человеческого возлюбленного окажутся прочнее. — Уильям любил тебя.

— Выходит, недостаточно, — пожал плечами Хэмиш, но не смог скрыть боль, мелькнувшую в глазах. — А если говорить о романтических надеждах, тебе лучше возложить их на Маркуса и Фиби.

— Я и двух слов не сказал с этой девицей, — признался Мэтью и, вздохнув, налил себе Болдуинова кларета. — Что ты можешь сообщить о ней?

— Юная мисс Тейлор работает в одном из лондонских аукционных домов. То ли в «Сотбис», то ли в «Кристис». Я так толком и не пойму разницу между ними. — Хэмиш уселся в кожаное кресло возле холодного камина. — Маркус познакомился с ней, когда выполнял какое-то поручение Изабо. Думаю, это серьезно.

— Так оно и есть. — Взяв бокал, Мэтью медленно двинулся вдоль полок, занимавших все стены библиотеки. — Она целиком покрыта его запахом. Похоже, они сблизилась по-настоящему.

— У меня возникли те же подозрения. — Хэмиш потягивал вино, наблюдая за беспокойным ходением друга. — Разумеется, никто ничего не сказал. Твоя семья могла поучить МИ-6 тому, как надо хранить секреты.

— Изабо должна была бы прекратить эти отношения в самом начале. Фиби слишком молода для отношений с вампиром, — сказал Мэтью. — Ей едва ли больше двадцати двух, однако Маркус связал ее нерушимыми узами.

— Да. Запретить Маркусу влюбляться — это стало бы забавным развлечением. — Проявившаяся шотландская картавость

Хэмиша показывала, насколько он изумлен таким предложением. — В том, что касается любви, Маркус упертостью пошел в тебя.

— Если бы он больше думал о своих обязанностях предводителя Рыцарей Лазаря...

— Мэтью, больше ни слова, иначе я услышу от тебя какую-нибудь настолько лживую фразу, что потом мне будет тебя не простить. — Слова Хэмиша хлестали, будто плеть. — Ты знаешь, как тяжело быть великим магистром ордена. Не следует ожидать от Маркуса действий слишком зрелой личности. Пусть он и вампир, но по мировосприятию Маркус недалеко ушел от Фиби.

Орден Рыцарей Лазаря был создан в эпоху Крестовых походов, чтобы защитить интересы вампиров в мире, где все сильнее начинали доминировать люди. Первым великим магистром ордена стал Филипп де Клермон, истинная пара Изабо. Он был легендарной фигурой не только среди вампиров, но и среди демонов, ведьм и даже людей. Никто другой не мог дотянуться до таких стандартов, установленных Филиппом.

— Но влюбиться в эту девчонку... — возразил Мэтью, гнев которого нарастал.

— Никаких «но»! Маркус проделал блестящую работу, — прервал друга Хэмиш. — Он привлек в орден новых членов, проследивал все финансовые детали наших операций. Маркус потребовал от Конгрегации наказать Нокса за его майские действия. Далее, твой сын потребовал официальной отмены завета. Никто, даже ты, не смог бы сделать больше.

— Наказание Нокса Конгрегацией несоизмеримо с тяжестью содеянного им здесь. Они с Гербертом вторглись в мой дом. Нокс убил женщину, заменившую моей жене мать.

Мэтью залпом выпил кларет, словно рассчитывал подавить свой гнев вином.

— Учти, Эмили умерла от сердечного приступа, — напомнил другу Хэмиш. — Маркус сказал, что установить истинную причину невозможно.

— Зато я знаю достаточно, — с неожиданной яростью проговорил Мэтью и швырнул пустой бокал.

Перелетев к противоположной стене, бокал ударился о край одной из полок, и на толстый ковер посыпались осколки.

— Наши дети будут знать об Эмили лишь по чужим рассказам и редким фотографиям. А Герберт, веками находившийся в близ-

ких отношениях с де Клермонами, стоял и спокойно смотрел, как Нокс издевается над Эмили, хотя прекрасно знал, что Диана — моя пара.

— Здесь все говорили, что ты не позволил бы Конгрегации осуществить правосудие по ее законам. Я им не поверил.

Хэмишу не нравились перемены, произошедшие в друге. Похоже, экскурсия в XVI век разбредила давние забытые раны.

— Я должен был бы разобраться с Ноксом и Гербертом еще тогда. Это ведь они помогли ведьме Сату Ярвинен похитить Диану и удерживать ее в развалинах Ла-Пьера. Прояви я тогда твердость, Эмили сейчас была бы жива. — Плечи Мэтью напряглись от тяжелого осознания упущенной возможности. — Но Болдуин запретил мне вмешиваться. Он заявил, что у Конгрегации и так достаточно хлопот.

— Ты имеешь в виду убийства вампиров? — спросил Хэмиш.

— Да. Болдуин считал, что расправа над Гербертом и Ноксом лишь ухудшит наше положение.

В газетах разных стран — от Лондона до Москвы — сообщалось о странных убийствах, когда жертвам перерезались вены, а на месте преступления не находили следов крови. Нападения и впрямь выглядели зверскими. Каждая статья подчеркивала странный метод убийства. Все это угрожало разоблачением вампиров перед людьми.

— Я не повторю прошлой ошибки и на сей раз не стану молчать, — продолжал Мэтью. — Пусть Рыцари Лазаря и де Клермоны не в состоянии защитить мою жену и ее близких. Зато я в состоянии.

— Мэтт, ты не убийца, — пытался урезонить друга Хэмиш. — Не позволяй гневу тебя ослеплять.

Когда черные глаза Мэтью взглянули на него, Хэмиш побледнел. Он знал, что Мэтью на несколько шагов ближе к животному миру, чем большинство двуногих, но впервые видел друга столь опасным. Сейчас Мэтью был похож на взбесившегося волка.

— Ты уверен, Хэмиш?

Обсидиановые глаза Мэтью сверкнули. Затем он повернулся и вышел из библиотеки.

Запах Маркуса Уитмора отдавал лакричным корнем. Нынче вечером к этому запаху примешивался густой аромат сирени. Мэтью без труда установил местонахождение сына: Маркус на-

ходил на третьем этаже замка. Возможно, острый вампирский слух позволил ему услышать напряженный разговор отца с Хэмишем. Мэтью испытал легкий укол совести, однако не оставил своего намерения. Чутье привело его к двери рядом с лестницей. Это добавило Мэтью гнева. Маркус посмел расположиться в старом кабинете Филиппа.

Постучавшись, Мэтью не стал дожидаться ответа и толкнул тяжелую дверь. Если не считать серебристого ноутбука, занявшего место расходной книги, кабинет ничуть не изменился со дня смерти Филиппа де Клермона в 1945 году. Возле окна — все тот же черный телефонный аппарат из бакелитовой пластмассы. Стопки тонких конвертов и пожелтевшие листы бумаги с загнувшимися от времени краями. Филипп вел очень обширную переписку. На стене по-прежнему висела старая карта Европы, на которой Филипп отмечал позиции гитлеровских армий.

Острая, резкая боль заставила Мэтью закрыть глаза. При всей своей проницательности отец не предвидел, что попадет в руки нацистов. Путешествие во времени сделало Мэтью неожиданный подарок: возможность увидеть отца живым и помириться с ним. За это он расплачивался сейчас, вторично переживая боль утраты и снова привыкая жить в мире, где уже не было Филиппа де Клермона.

Когда глаза Мэтью открылись, он увидел разгневанное лицо Фиби Тейлор. Маркусу хватило доли секунды, чтобы оказаться между Мэтью и теплокровной женщиной. К счастью, влюбленность Маркуса не привела к утрате им бдительности. Это несколько успокоило Мэтью. Но если бы он действительно хотел причинить Фиби вред, девица была бы уже мертва.

— Добрый вечер, Маркус, — выдал из себя Мэтью, пораженный тем, что Фиби не принадлежала к типу женщин, которые нравились Маркусу; сын всегда предпочитал рыжеволосых. — Когда мы встретились, было не до знакомства, — продолжил Мэтью. — Я Мэтью Клермон, отец Маркуса.

— Я знаю, кто вы.

Произношение Фиби было не только британским. Оно было «правильным». Так говорили в закрытых привилегированных школах, загородных домах и гнивающих аристократических семьях. Маркус, всегда отличавшийся идеализмом и демократическими воззрениями, запал на особу голубых кровей.

— Добро пожаловать в нашу семью, мисс Тейлор, — слегка поклонился Мэтью, пряча улыбку.

— Зовите меня просто Фиби. — Она быстро обошла Маркуса и протянула правую руку, но Мэтью и не думал протягивать свою. — В кругах, где высоко ценят вежливость, вам, профессор Клермон, следовало взять мою руку и пожать ее.

Лицо Фиби выражало легкую досаду. Рука оставалась протянутой.

— Вы находитесь среди вампиров. С чего вы решили, что здесь действуют общепринятые правила вежливости?

Мэтью не мигая смотрел на подругу сына. Почувствовав дискомфорт, Фиби отвела взгляд.

— Фиби, можете считать мое приветствие излишне официальным, но должен сказать вам, что ни один вампир не прикоснется без разрешения к чужой паре. Даже к чужой невесте.

На среднем пальце левой руки девушки поблескивало кольцо с крупным изумрудом. Этот камень Маркус выиграл в карты лет двести назад, и было это в Париже. И тогда, и сейчас камень стоял немалых денег.

— Вот как? Маркус не говорил мне про это, — хмуро призналась Фиби.

— Однако я рассказал тебе о нескольких простых правилах. Наверное, пора их вспомнить, — прошептал невесте Маркус. — Если что-то в нашем поведении даст сбой, мы будем повторять наши свадебные клятвы.

— Зачем? Ты и сейчас не найдешь в них слово «подчиняться»! — запальчиво произнесла Фиби.

Упреждая спор влюбленных, Мэтью кашлянул.

— Я пришел извиниться за свою вспышку в библиотеке. Я слишком быстро поддался гневу. Прошу простить мне этот недостаток моего характера.

Причина была не только в характере, но Маркус, как и Хэмиш, этого не знал.

— Что за вспышка? — наморщила лоб Фиби.

— Ничего особенного, — ответил Маркус, хотя его лицо свидетельствовало об обратном.

— Я также зашел спросить: не согласишься ли ты осмотреть Диану? Ты ведь уже знаешь, что она беременна двойней. Мне думается, она находится в самом начале второго триместра. Там,

откуда мы вернулись, иное представление о медицине и иные возможности. Поэтому мне хочется знать наверняка.

Мэтью протягивал сыну оливковую ветвь, пусть и невидимую. Как и рука Фиби, эта ветвь некоторое время оставалась в воздухе, прежде чем Маркус принял ее.

— К-конечно, — запинаясь, произнес Маркус. — Спасибо, что доверяешь мне осмотреть Диану. Я тебя не подведу. А Хэмиш прав, — добавил Маркус. — Сара была против вскрытия тела Эмили. Но даже если бы я и провел вскрытие, оно бы ничего не сказало о причинах смерти. Мы так никогда и не узнаем, была смерть Эмили вызвана естественными причинами или магической атакой.

Мэтью не хотелось затевать спор. Он точно выяснит, какую роль играл Нокс в смерти Эмили, и тогда уже решит, убивать колдуна быстро или заставить помучиться.

— Фиби, я был рад с вами познакомиться, — сказал Мэтью, не выдавая своих мыслей.

— Взаимно, — вежливо и убедительно соврала Фиби.

Пожалуй, она станет ценным дополнением к стае де Клермонов.

— Приходи к нам завтра утром, — сказал он сыну. — Будем тебя ждать.

Улыбнувшись на прощание и слегка поклонившись ошеломленной Фиби Тейлор, Мэтью ушел.

Ночные хождения в окрестностях Сет-Тура не уменьшили беспокойство и гнев Мэтью. Наоборот, трещины в его самообладании стали даже шире. Испытывая подавленность, он избрал обратный путь мимо крепости замка и часовни. В часовне покоились останки большинства де Клермонов, покинувших этот мир: Филиппа, Луизы, ее брата-близнеца Луи, Годфри, Хью. Здесь же были похоронены кое-кто из их детей, а также близкие друзья и слуги.

— Доброе утро, Мэтью.

В воздухе разлился запах шафрана и горького апельсина.

Фернандо. Выждав несколько секунд, Мэтью заставил себя вернуться.

Обычно старинная дверь часовни была закрыта, ибо никто, кроме Мэтью, сюда не ходил. Но сегодня ее распахнули настежь,

словно приглашая войти. Неярко горели свечи. На их фоне виднелся силуэт.

— Я надеялся, что ты здесь появишься, — сказал Фернандо, жестом приглашая Мэтью войти.

Мэтью был братом погибшей пары Фернандо и приходился ему кем-то вроде деверя. Фернандо следил, как он медленно идет навстречу, и вглядывался в лицо Мэтью, ища признаки беды. А они были: увеличенные зрачки, подрагивание плеч — напоминание о вздыбленной волчьей шерсти, изменившийся голос, огрубевший где-то в глубине гортани.

— Ну как, я прошел проверку? — спросил Мэтью.

Ему не понравились интонации собственного голоса. Такое ощущение, будто он оправдывался или защищался.

— Прошел. — Фернандо плотно закрыл дверь часовни. — С натяжкой.

Мэтью слегка коснулся массивного саркофага Филиппа в центре часовни и начал ходить вокруг. Темно-карие глаза Фернандо следили за каждым его шагом.

— Прими мои поздравления с женитьбой, — сказал Фернандо. — Хотя я еще не показывался Диане на глаза, Сара столько рассказала о ней, что я почувствовал, будто мы с твоей женой — давние друзья.

— А тебе спасибо, что поддерживаешь тетку Дианы, — сказал Мэтью. — Знаю, как тяжело тебе быть в этом месте.

— Вдове нужно, чтобы кто-нибудь разделил с нею боль потери. Когда Хью не стало, то же самое сделал для меня ты, — без обиняков ответил Фернандо.

В Сет-Туре все, начиная от Галлогласа и садовника и до Виктуара и Изабо, за глаза называли Сару не по имени, а истинной парой Эмили. Это было знаком уважения и постоянным напоминанием о ее потере.

— Должен тебя спросить, Мэтью: Диана знает про твое бешенство крови?

Фернандо говорил почти шепотом. Стены часовни были толстыми и почти не пропускали звук, но осторожность никогда не мешала.

— Разумеется, знает, — ответил Мэтью.

Он подошел к одной из ниш и опустился на колени. Внутри лежала груда доспехов и оружия. Пространства ниши хватило

бы и для гроба, однако Хью де Клермона сожгли на столбе, и хоронить было нечего. Тогда в память о любимом брате Мэтью соорудил мемориал из расписанного дерева и металла. В нише лежал щит Хью, его кольчужные рукавицы, сама кольчуга, нагрудник, шлем и, конечно же, меч.

— Прости за оскорбительное предположение. Хорошо, что ты не утаил столь важные сведения от любимой женщины. — Фернандо дружески съездил Мэтью по уху. — Но тебя стоит высечь за другое. Маркус, Хэми и Сара тоже имеют право знать об этом.

— Высечь? Ну что ж, попробуй!

Угроза в голосе Мэтью отпугнула бы кого угодно, только не Фернандо.

— Ты бы предпочел прямое и быстрое наказание. Я же тебя знаю. Но так просто ты не вывернешься. Во всяком случае, в этот раз, — сказал Фернандо, опускаясь на колени вместе с ним.

Мэтью молчал. Фернандо терпеливо ждал, когда он снимет внутреннюю защиту.

— Бешенство крови. Оно усугубилось.

Голова Мэтью медленно опускалась к ладоням, сложенным в молитвенной позе.

— Само собой, усугубилось. У тебя теперь есть жена. Твоя истинная пара. Чего ты ожидал?

Парная жизнь вампиров была отнюдь не безоблачна. Химические и эмоциональные раздражители проявлялись очень сильно, и даже безупречно здоровым вампирам было трудно выпускать свои пары из поля зрения. В тех случаях, когда они не могли находиться вместе, появлялась раздражительность, агрессия, беспокойство и в редких случаях безумие. Для вампира, подверженного бешенству крови, парный импульс и последствия даже кратковременного нахождения порознь были еще сильнее.

— Я думал, что справлюсь с этим. — Лоб Мэтью уперся в ладони. — Я верил, что любовь к Диане окажется сильнее болезни.

— Ох, Мэтью! Ты способен быть еще бóльшим идеалистом, чем был Хью в свои лучшие дни, — вздохнул Фернандо, опуская ему руку на плечо.

Фернандо всегда утешал и помогал всем, кто в этом нуждался; порой даже тем, кто не заслуживал его забот. Это он послал Мэтью учиться к знаменитому врачу и хирургу Альбукасису, чтобы унять буйство и неуправляемость, сопровождавшие Мэтью

в первые века вампирской жизни. И не кто иной, как Фернандо, оберегал Хью, перед которым Мэтью преклонялся, от жизненных перипетий. Хью любил сражения не меньше, чем поэзию, перемещаясь между полями битв и библиотеками. Он следовал внутренним порывам. Если бы не Фернандо, Хью вполне мог бы отправиться на очередную битву с томиком стихов, тупым мечом и одной кольчужной рукавицей. В свое время Фернандо предупредил Филиппа: нельзя приказывать Мэтью вернуться в Иерусалим, поскольку это чревато непоправимой ошибкой. Увы, ни Филипп, ни Мэтью его не послушались.

— Минувшей ночью я заставил себя уйти из спальни, — признался Мэтью; его взгляд метался по часовне. — Я не могу сидеть спокойно. Мне все время отчаянно хочется кого-то убить. И в то же время для меня почти невозможно отойти от Дианы на несколько десятков шагов, где я уже не слышу звука ее дыхания.

Фернандо слушал с молчаливым сочувствием, одновременно недоумевая: почему такое состояние удивляет самого Мэтью? Пришлось Фернандо напомнить себе, что вампиры, недавно обретшие пару, часто недооценивают силу парных уз. А у этой силы бывают свои зигзаги.

— Пока Диане хочется быть рядом с Сарой и мной. Но потом, когда скорбь по Эмили начнет утихать, ее потянет к самостоятельной жизни, — сказал Мэтью.

Фернандо заметил его беспокойство:

— А вот самостоятельной жизни у нее не получится. Особенно когда ты рядом. — Общаясь с Мэтью, Фернандо обходился без иносказаний и смягчающих тонов; с такими идеалистами нужно говорить прямо, иначе они запутаются. — Если Диана тебя любит, она приспособится.

— Ей незачем приспособливаться, — стиснув зубы, возразил Мэтью. — Я не отниму у нее свободу, чего бы мне это ни стоило. В шестнадцатом веке я не каждую минуту находился подле нее. Так зачем менять это в двадцать первом?

— В прошлом тебе было легче управлять своими чувствами. Когда ты отсутствовал, рядом с Дианой находился Галлоглас... Что ты так удивленно смотришь на меня? Он мне рассказывал о вашей жизни в Лондоне и Праге. Впрочем, и он не мог постоянно быть при ней. Тогда ее окружали другие: Филипп, Дэви, лондонские ведьмы, Мэри Сидни, Генри. Неужели ты всерьез дума-

ешь, что мобильные телефоны способны дать тебе сопоставимое ощущение связанности с нею и контроля над ней?

Вид у Мэтью был не только сердитый (он с трудом удерживал бешенство крови), но и несчастный. Фернандо считал это шагом в правильном направлении.

— Изабо нужно было оборвать твои отношения с Дианой сразу же, как ты почувствовал связующие узы! — отчеканил Фернандо.

Будь Мэтью его сыном, Фернандо посадил бы свое чадо под крепкий замок, но не допустил бы сближения с ведьмой.

— Изабо это делала. — Лицо Мэтью приобрело еще более несчастное выражение. — Наши узы по-настоящему закрепились, лишь когда в тысяча пятьсот девяностом году мы приехали в Сет-Тур. Филипп дал нам свое благословение.

Рот Фернандо наполнился горечью.

— Самоуверенность твоего отца не знала границ. Не удивлюсь, если он намеревался все исправить, когда ты вернешься в свое время.

— Филипп знал, что его в том времени уже не будет, — тихо сказал Мэтью, и Фернандо вытаращил глаза. — Я не говорил ему о его смерти. Филипп сам догадался.

Фернандо заковыристо выругался, рассчитывая, что бог Мэтью простит такое богохульство, поскольку ругательство было очень даже к месту.

— А твое закрепление парных уз произошло до того, как Филипп произнес клятву и пометил Диану своей кровью, или уже после?

Даже путешествие во времени не заглушило отзвуков клятвы Филиппа. По мнению Галлогласа и Верены, слова клятвы просто гремели. К счастью, Фернандо не принадлежал к династии де Клермонов и «песню крови» воспринимал лишь как постоянный шумовой фон.

— После, — сказал Мэтью.

— Понятно. Клятва на крови, произнесенная Филиппом, гарантировала Диане безопасность. «*Noli me tangere*»¹. — Фернандо покачал головой. — В таком случае Галлоглас понапрасну тратил время, пристально следя за Дианой.

¹ Не трогай меня (лат.).

— «Не прикасайся ко мне, ибо я принадлежу Цезарю»¹, — тихо произнес Мэтью. — Так оно и было. Ни один вампир не смел покуситься на Диану... кроме Луизы.

— В таком случае Луиза оказалась на редкость безумной. Но это ей даром не прошло, — заметил Фернандо. — Теперь понятно, почему в тысяча пятьсот девяносто первом году Филипп так спешно отправил ее на другой конец тогдашнего обитаемого мира.

Его решение многим казалось внезапным и неоправданным. Более того, Филипп и пальцем не пошевелил, чтобы затем отомстить за гибель дочери. Все эти сведения Фернандо отправил в хранилище своей памяти, чтобы поразмыслить на досуге.

Дверь часовни распахнулась настежь. Дерзкой серой молнией внутрь влетела Сарина кошка Табита. За ней вошел Галлоглас. В одной руке он держал пачку сигарет, в другой — серебряную фляжку. Табита тут же принялась тереться о ноги Мэтью, выпрашивая внимание.

— Сарина киска — почти такая же бедокурая, как тетушкина дракониха. — Галлоглас бросил Мэтью фляжку. — Промочи горло. Конечно, это не кровь, но и не бабулино французское пойло. То, что она предлагает, сойдет за дорогой одеколон, а на другие нужды совершенно не годится.

Мэтью покачал головой. С него довольно вина Болдуина, которое теперькисло у него в животе.

— И ты еще называешь себя вампиром, — упрекнул Галлогласа Фернандо. — Какой-то um requeno dragão² нарушил твоё спокойствие, заставив прикладываться к фляжке.

— Если ты думаешь, что Корру легко приручить, попробуй сам. — Галлоглас зубами вытащил из пачки сигарету. — Или можем решить голосованием, как быть с этой крылатой тварью.

— Голосованием? — удивился Мэтью. — С каких это пор вопросы в нашей семье стали решаться голосованием?

— С тех самых, как Маркус оказался во главе Рыцарей Лазаря. — Галлоглас достал из кармана серебряную зажигалку. — Едва вы с тетушкой отправились в прошлое, мы тут задыхались в оковах демократии.

¹ Точных данных о происхождении этого выражения нет. По утверждению римского писателя Солина, через триста лет после убийства Юлия Цезаря были найдены белые олени, имевшие ошейники с такой надписью.

² Дракончик (*португ.*).

Фернандо выразительно на него посмотрел.

— Что? — спросил Галлоглас, откидывая крышку зажигалки.

— Часовня, Галлоглас, — это место священное. Вдобавок ты знаешь, что Маркус крайне неодобрительно относится к курению, когда в замке теплострувные, — выговорил ему Фернандо.

— Могу напомнить, что твоя тетушка Диана беременна, — сказал Мэтью, вырывая сигарету у Галлогласа изо рта.

— Помнится, когда в нашем семействе было меньше обладателей медицинских дипломов, жизнь протекала веселее, — хмуро изрек Галлоглас. — Золотые были денечки. Мы штопали собственные раны, и плевать нам было на уровень железа в крови и витамин D.

— Это точно. — Фернандо поднял руку, показывая зубчатый шрам. — И впрямь денечки были славные. А уж как ты владел иглой. Легенда. Bife¹.

— Я потом научился получше, — заявил в свое оправдание Галлоглас. — Правда, уровня Мэтью или Маркуса не достиг. Не все из нас могли учиться в университетах.

— Пока Филипп был главой семьи, — пробормотал Фернандо, — он предпочитал, чтобы его дети и внуки умели владеть мечом и не забивали себе голову идеями. Это делало всех вас гораздо более сговорчивыми и податливыми.

В сказанном была крупница правды, а вокруг нее — океан лжи.

— Мне пора возвращаться к Диане. — Мэтью встал и слегка коснулся плеча Фернандо.

— Не тяни время, дружище. Не думай, что потом тебе будет легче рассказать Маркусу и Хэмишу о бешенстве крови, — предупредил Фернандо, загораживая ему путь.

— Все эти годы я думал, что моя тайна надежна скрыта, — сказал Мэтью.

— Тайны, как и покойники, не всегда остаются погребенными, — печально заметил Фернандо. — Расскажи им. И поскорее.

В башню Мэтью вернулся еще более возбужденным, чем уходил. Его встретил хмурый взгляд Изабо.

— Спасибо, Матап, что была рядом с Дианой, — сказал он, поцеловав Изабо в щеку.

¹ Бифштекс, отбивная (португ.).

— А ты, сын мой? — Изабо коснулась его щеки. Как и Фернандо, она искала признаки бешенства крови. — Может, мне стоило быть рядом с тобой?

— Я в норме. Честное слово, — ответил Мэтью.

— Разумеется. — В лексиконе Изабо, известном узкому кругу, это слово имело много значений, но только не выражение согласия. — Если понадобится, я у себя.

Изабо неспешно удалилась. Когда затихли ее шаги, Мэтью широко распахнул окна и придвинул стул к одному из них. Он пил терпкие летние запахи смолёвок и аромат почти отцветших левкоев. Звук ровного дыхания Дианы, спавшей двумя этажами выше, смешивался с другими ночными песнями, доступными лишь уху вампира. Жуки-олени скрежетали рожками, сражаясь за самок. Тихо верещали сони-полчки, бегающие по парапетам. Пронзительно попискивали ночные бабочки. Царапая кору сосен, по стволам взбирались куницы. Из огорода доносилось характерное похрюкивание. Галлоглас обещал поймать дикого кабана, подрывавшего овощи Марты, однако преуспел в этом не больше, чем в поимке Корры.

Обычно Мэтью любил это тихое время, равноудаленное от полуночи и рассвета. Совы уже перестали ухать, и даже самые дисциплинированные двуногие «жаворонки» еще не выскочили из постелей. Однако сегодня даже знакомые запахи и звуки не могли успокоить его своей магией.

Но успокоительное существовало. Всего одно.

Мэтью быстро поднялся на верхний этаж башни. Он встал возле кровати, глядя на спящую Диану. Потом разгладил ей волосы и улыбнулся, когда жена инстинктивно прижалась затылком к его руке. При всей невозможности такого союза они соединились: вампир и ведьма, мужчина и женщина, муж и жена. Кулак, сжимавший сердце Мэтью, разжался всего на несколько миллиметров, но каждый из них значил для него очень много.

Мэтью тихо разделся и нырнул в постель. Простыни скомкались вокруг ног Дианы. Мэтью осторожно их расправил, чтобы можно было укрыться вдвоем. Он лег и прижался бедрами к телу Дианы. Мэтью упивался ее мягким успокаивающим запахом. От Дианы пахло медом, ромашкой и соком ивы. Не удержавшись, Мэтью поцеловал ее светлые волосы.

Прошло несколько минут. Сердце Мэтью успокоилось. Общее беспокойство тоже стало уходить. Диана дарила ему покой, который вечно ускользал от него. Здесь, в его объятиях, было все, о чем он когда-либо мечтал. Жена. Дети. Его семья. Душа Мэтью стала наполняться мощным чувством справедливости. Рядом с Дианой он всегда испытывал это чувство.

— Мэтью, — сонно произнесла Диана.

— Я здесь, — прошептал он ей на ухо, теснее прижимаясь к ней. — Спи. Еще и солнце не взошло.

Вместо этого Диана повернулась к нему лицом и уткнулась в шею.

— Что случилось, топ коег? — нахмурился Мэтью.

Он лег на спину, чтобы лучше разглядеть лицо жены. Щеки покраснели и опухли от слез. Горе и тревоги сделали морщинки вокруг ее глаз глубже и заметнее. От недавней успокоенности Мэтью не осталось и следа.

— Расскажи мне, — тихо попросил он.

— Смысла нет. Этого все равно никто не исправит, — вздохнула Диана.

Мэтью заставил себя ободряюще улыбнуться:

— Позволь, я хотя бы попробую.

— Ты можешь остановить время? — прошептала Диана. — Пусть ненадолго. Можешь?

Мэтью был древним вампиром, а не колдуном, способным перемещаться во времени. Но он был также и мужчиной, а потому знал единственный способ, позволяющий совершить это магическое действие. Разум твердил ему, что, пока Диана переживает смерть Эмили, о подобном лучше забыть, однако тело отправляло ему более убедительные послания.

Мэтью намеренно опустил голову, чтобы Диана смогла его оттолкнуть. Но вместо этого она запустила пальцы в его короткие волосы и поцеловала с такой страстью, что у него перехватило дыхание.

Тонкая полотняная сорочка Дианы вместе с ними вернулась из прошлого, и хотя ткань была почти прозрачной, сорочка оставалась барьером между их телами. Мэтью приподнял сорочку, обнажая слегка округлившийся живот, где росли его дети, и груди, которые становились все более налитыми, готовясь вскармливать близнецов. Мэтью мысленно усмехнулся, подумав, что послед-

ний раз они с Дианой занимались сексом в XVI веке. Ее живот стал плотнее: знак того, что малыши продолжали расти и развиваться. Теперь ее груди и лоно требовали больше крови, и организм послушно отзывался на требования.

Мэтью изголодался по Диане и сейчас удовлетворял свой голод глазами, пальцами и ртом. Но вместо насыщения он чувствовал лишь обострение голода. Мэтью опустил Диану на кровать и целовал, пока не достиг потайных мест, о которых знал только он. Ее руки обхватили лицо Мэтью, чтобы крепче прижать к телу его губы. Он слегка укусил ее за бедро, молчаливо упрекая за такую поспешность.

Диана мягко, но настойчиво требовала продолжения и окончания. Она сражалась с его самообладанием. Тогда Мэтью перевернул жену и холодной рукой погладил ее спину.

— Ты просила остановить время, — напомнил он.

— Оно остановилось, — сказала Диана, призывно прижимаясь к нему.

— Тогда почему ты меня торопишь?

Мэтью провел пальцами между лопатками Дианы, ощупывая шрам в форме звезды. Там был еще полумесяц, касавшийся ее ребер. Мэтью нахмурился. Ниже, у поясницы, темнела тень. Она находилась глубоко под кожей и имела жемчужно-серые очертания драконихи. Ее челюсти кусали полумесяц, крылья закрывали грудную клетку Дианы, а хвост прятался вокруг бедер.

— Почему ты остановился? — Диана откинула волосы, мешавшие смотреть, и вытянула шею. — Я хотела, чтобы остановилось время, а не ты.

— У тебя там кое-что на спине, — сказал Мэтью, обводя пальцами очертания крыльев драконихи.

— Ты хочешь сказать, еще что-то появилось? — нервно рассмеелась Диана.

Она по-прежнему тревожилась из-за шрамов, оставшихся «на память» о Ла-Пьере. Диана считала их телесными изъятиями.

— Вместе с остальными твоими шрамами то, что я вижу сейчас, напоминает мне картину в лаборатории Мэри Сидни. Ту, где огнедышащий дракон держит в пасти луну.

Интересно, смогли бы это увидеть другие или странная картина на спине жены была доступна только его вампирскому зрению?

— А знаешь, очень красиво. Зрима память о твоей храбрости.
— Помнится, ты говорил, что я вела себя безрассудно, — прошептала Диана.

Меж тем рот Мэтью опустился к драконьей голове.

— Ты и сейчас ведешь себя безрассудно. — Губами и языком Мэтью обвел все изгибы хвоста драконихи и опустился ниже. — И это сводит меня с ума, — прошептал он.

Мэтью насыщался телом жены, удерживая Диану на самом краю желаний. Он то и дело останавливался, чтобы прошептать ей ласковые слова или пообещать новые наслаждения. Это держало ее в напряжении. Диана хотела удовлетворения и покоя, который придет вместе с забвением, пусть и недолгим. Но Мэтью хотелось на целую вечность растянуть эти мгновения, наполненные ощущением их близости и защищенности от всего мира. Мэтью повернул Диану лицом к себе. Ее губы были мягкими и полными, глаза — сонными. Мэтью медленно и осторожно вошел в нее. Его движения внутри были такими же нежными и осторожными. Так продолжалось, пока сбившийся ритм сердца Дианы не подсказал ему, что она близка к оргазму.

Диана выкрикнула его имя и соткала заклинание, поместившее их в центр мира.

Потом они лежали обнявшись. Темнота за окном начинала розоветь, уступая краскам раннего утра. Диана положила голову Мэтью себе на грудь. Он вопросительно посмотрел на жену. Она кивнула. Тогда Мэтью потянулся ртом к маленькой серебристой луне над выступающей голубой артерией.

У вампиров это было древним способом познания своей пары, священным моментом единения, когда обмен мыслями и чувствами происходил честно и без суждений. Вампиры всегда отличались скрытностью, но когда вампир вкушал кровь из сердечной вены своей пары, то переживал мгновения совершенного покоя и понимания. И тогда, пусть на время, в нем затихала эта вечная сжигающая потребность охотиться и обладать.

Зубы Мэтью осторожно прокусили кожу Дианы, и он выпил несколько драгоценных унций ее крови. С кровью к нему проник поток впечатлений и чувств: радость вперемешку с печалью, счастье возвращения в свое время, к близким и друзьям, притушенное горем. Гнев на тех, по чьей вине умерла Эмили, сдерживался тревогами за мужа и детей.

— Если бы я мог, то уберег бы тебя от этой потери, — прошептал Мэтью, целуя отметину, которую его зубы оставили на коже Дианы.

Мэтью лег на спину. Диана накрыла его собой.

— Знаю, — сказала она, глядя ему в глаза. — Я знаю, что ты не можешь постоянно находиться рядом со мной. Но если тебе нужно куда-то уйти или уехать, обязательно попрощайся. Не исчезай... как тогда.

— Я никогда тебя не покину, — пообещал Мэтью.

Диана прижалась губами к его лбу, выбрав место чуть выше глаз. Большинству теплокровных спутников и спутниц вампиров был недоступен вампирский ритуал единения, но жена Мэтью сумела преодолеть эти ограничения, как преодолела большинство иных препятствий на пути их совместной жизни. Диана обнаружила: когда она целует Мэтью в эту часть лба, то ловит отблески самых потаенных мыслей и проникает в темные углы, где скрываются его страхи и тайны.

Во время ведьминого поцелуя Мэтью ощутил лишь легкое покалывание. Он замер, стараясь, чтобы Диане открылось как можно больше уголков его души. Он даже заставил себя расслабиться, превращая мысли и чувства в медленный непрерывный поток.

— С возвращением, сестрица.

В спальне запахло дымом костра и седельной кожей. Появившийся Болдуин бесцеремонно откинул одеяло.

Диана испуганно вскрикнула. Мэтью попытался заслонить собой ее обнаженное тело, но было слишком поздно. Руки Болдуина крепко держали Диану.

— Кровную клятву моего отца я услышал чуть ли не на полдороге к замку. А ты еще вдобавок и беременна.

Взгляд Болдуина де Клермона замер на округлившемся животе Дианы. Лицо брата Мэтью было полно холодной ярости, не вязавшейся с гривой его огненно-рыжих волос. Болдуин согнул ее руку, приняв хался:

— А весь запах на тебе принадлежит только Мэтью. Так-так.

Болдуин отпустил Диану. Мэтью сразу же обнял жену.

— Поднимайтесь! Оба! — приказал Болдуин.

Его голос был полон такой же холодной ярости.

— Болдуин, у тебя нет власти надо мной! — выкрикнула Диана, шурясь от вспыхнувшего гнева.

Эти слова выплеснулись из нее. Вряд ли Диана могла бы придумать иной ответ, который разозлил бы Болдуина сильнее. Болдуин бросился на нее. Только рука Мэтью, схватившего его за горло, остановила незваного гостя. Их лица разделяло всего несколько дюймов.

— Кровная клятва отца утверждает, что такая власть у меня есть... ведьма. — Болдуин смотрел Диане прямо в глаза, пытаясь заставить ее отвести взгляд; когда этого не произошло, глаза Болдуина зло вспыхнули. — А твоей жене, Мэтью, недостает воспитания. Преподай ей несколько уроков, иначе я сам займусь ее манерами.

— Вздумал меня воспитывать?

Глаза Дианы округлились. Она растопырила пальцы, и вокруг ног закружился ветер, готовый ответить на ее призыв. Сверху послышался крик Корры, сообщавшей хозяйке, что она спешит на помощь.

— Сейчас — никакой магии и никаких драконов, — шепнул ей на ухо Мэтью.

Он молил всех богов, чтобы на этот раз жена его послушалась. Ни Болдуину, ни остальным незачем знать, насколько возросли силы и способности Дианы после возвращения из елизаветинского Лондона.

Чудо свершилось: Диана кивнула в знак согласия.

— Как прикажешь это понимать? — донесся из коридора ледяной голос Изабо. — Похоже, Болдуин, ты окончательно рехнулся. Только этим можно объяснить твое присутствие здесь.

— Полегче, Изабо. Не торопись показывать коготки. — Болдуин неторопливо двинулся к лестнице. — И не забывай: главой семейства де Клермон являюсь я. Мне не нужны причины для появления в замке. Жду тебя, Мэтью, в семейной библиотеке. И тебя, Диана, тоже. — Болдуин повернулся, устремив на Мэтью свои странные золотисто-карие глаза. — Не заставляйте меня ждать.

Глава 3

Солнце еще не взошло. Свет, льющийся в окна семейной библиотеки де Клермонов, смягчал очертания всех предметов: корешки книг, четкие линии книжных полок, опоясывающих стены помещения, и даже золотисто-синие узоры обюссонского ковра.

Вот только мой гнев он никак не мог смягчить.

Все эти три дня мне казалось, будто ничто не сможет отодвинуть на задний план мою скорбь по умершей Эмили. Три минуты в обществе Болдуина показали, насколько я ошибалась.

— Входи, Диана, — произнес Болдуин.

Он расположился под высокими окнами в кресле Савонаролы, похожем на трон римских императоров. Лампа освещала его сверкающие рыжие волосы с золотистым отливом. Их цвет напомнил мне перья Августы — охотничьей орлицы императора Рудольфа. Каждый дюйм мускулистой фигуры Болдуина был напряжен от гнева и сдерживаемой силы.

Я оглядела помещение библиотеки. Мы оказались не единственными, кого Болдуин позвал на эту незапланированную встречу. Возле камина пристроилась молодая женщина с белой, цвета снятого молока, кожей и черными колючими волосами. Казалось, она забрела сюда случайно. У нее были огромные темно-серые глаза и густые ресницы. Женщина приняхивалась, словно чуяла приближающуюся бурю.

— Здравствуй, Верена, — сдержанно поздоровался Мэтью.

Он рассказывал мне о дочерях Филиппа, настолько неуправляемых и жутких, что семья попросила его больше их не создавать. Однако Верена не показалась мне страшной. Ее лицо было спокойным и даже безмятежным. В отличие от Болдуина, держалась она без напряжения, а глаза искрились энергией и умом. Если бы не ее унылая черная одежда, Верену можно было бы принять за эльфийку.

Но потом я заметила рукоятку ножа, выглядывающую из-за голенища ее сапога на высоком каблуке.

— Wölfling¹, — ответила Верена.

Не очень-то теплое приветствие сестры, давно не видевшей брата. Впрочем, меня она наградила совсем ледяным взглядом, процедив:

— А-а, ведьма.

— Вообще-то, меня зовут Диана, — сказала я, ощущая волну гнева.

— Как я тебе и говорила: ошибиться было невозможно. — Верена, словно не замечая моего ответа, повернулась к Болдуину.

— Болдуин, зачем ты приехал? — спросил Мэтью.

— Я и не подозревал, что для приезда в отцовский дом мне требуется приглашение, — ответил он. — А если тебе нужно знать причину, то я приехал из Венеции встретиться с Маркусом.

Несколько секунд братья в упор смотрели друг на друга.

— Представь мое удивление, когда я увидел тебя здесь, — продолжал Болдуин. — И уж никак не ожидал, что твоя истинная, с позволения сказать, пара теперь доводится мне сестрой. Филипп окончил свои дни в тысяча девятьсот сорок пятом году. Почему тогда я чувствую кровную клятву отца? Обоняю и слышу ее?

— Спроси об этом кого-нибудь другого, и тебе расскажут.

Мэтью взял меня за руку, собираясь увести из библиотеки.

— Никто из вас не уйдет отсюда, пока я не узнаю, как эта ведьма удостоилась кровной клятвы мертвого вампира.

Угроза изменила тональность его голоса, заставив звучать ниже.

— Это не было обманным трюком! — с негодованием воскликнула я.

— Тогда чем? Некромантией? Гнусным заклинанием, воскрешающим мертвых? — спросил Болдуин. — Или ты вызвала дух Филиппа и заставила его принести клятву?

— Происходившее между Филиппом и мной никак не было связано с моей магией. От начала и до конца это было проявлением его щедрости.

Мой гнев продолжал распаляться.

¹ Волчонок (нем.).

— Тебя послушать — получается, ты видела его и говорила с ним. Такое просто невозможно.

— Только не для путешественницы во времени, — ответила я.

— Ты... путешественница во времени?! — изумился Болдуин.

— Мы с Дианой вернулись из прошлого, — пояснил Мэтью. — Из тысячи пятьсот девяностого года. Накануне Рождества мы находились здесь, в Сет-Туре.

— И вы видели Филиппа? — спросил Болдуин.

— Да. В тот год Филипп зимовал один. Он послал монету, велел мне приехать домой.

Находящиеся в библиотеке знали личный код Филиппа: если к письму с приказом была приложена одна из древних серебряных монет, от получившего требовалось беспрекословное подчинение.

— Вы были там в декабре? Значит, мы вынуждены еще целых пять месяцев выдерживать песнь крови Филиппа, — пробормотала Верена и ушибнула переносицу, словно у нее болела голова.

— Почему пять месяцев? — хмуро спросила я.

— Согласно нашим легендам, кровная клятва вампира звучит в течение года и еще одного дня. Слышать ее способны все вампиры, однако для тех, кто несет в своих жилах кровь Филиппа, эта песнь звучит особенно громко, — ответил Болдуин.

— Филипп хотел, чтобы ни у кого не было сомнений в моей принадлежности к де Клермонам, — сказала я, поглядев на Мэтью.

Должно быть, в XVI веке все вампиры слышали песнь крови Филиппа и знали: я не только истинная пара Мэтью, но и дочь Филиппа де Клермона. Филипп оберегал меня на каждом шагу нашего путешествия сквозь прошлое.

— Ни одна ведьма никогда не будет признана одной из де Клермонов! — заявил Болдуин.

Казалось, он выступал в суде, вынося окончательный приговор.

— Как видишь, меня признали. — Я подняла левую руку, показывая Болдуину обручальное кольцо. — Мы с Мэтью не только соединились парными узами, но и поженились. Церемонию возглавлял твой отец. Если сохранились церковные книги Сен-Люсьенского прихода, ты найдешь там запись о нашей свадьбе. Она состоялась седьмого декабря тысяча пятьсот девяностого года.

— Если мы возьмемся рыться в приходских книгах, то наверняка обнаружим, что нужная страница вырвана, — едва слышно произнесла Верена. — Атта¹ всегда заметал свои следы.

— И ваш брак с Мэтью тоже не имеет значения, поскольку сам Мэтью не является истинным Клермоном, — холодно заявил Болдуин. — Он всего лишь дитя пары моего отца.

— Но это же смешно! — возразила я. — Филипп называл Мэтью не иначе как своим сыном. Мэтью зовет тебя братом, а Верену — сестрой.

— Я не сестра этому щенку. У нас нет одной крови, только общая фамилия, — усмехнулась Верена. — И хвала Господу за это!

— Диана, вскоре ты убедишься, что большинство де Клермонов не слишком серьезно воспринимают брак и парные узы, — послышался незнакомый голос, говоривший не то с испанским, не то с португальским акцентом.

Незнакомец, произнесший эти слова, остановился в дверях библиотеки. Золотистая кожа и светлая рубашка только подчеркивали его темные волосы и глаза цвета кофе эспresso.

— Тебя, Фернандо, сюда не приглашали, — сердито заметил ему Болдуин.

— Как ты знаешь, я появляюсь, когда во мне нуждаются, а не когда зовут. Фернандо Гонсалвиш, — представился он, слегка поклонившись. — Прими мои глубочайшие соболезнования по случаю твоей утраты.

Колесики моей памяти завертелись. Где-то я уже слышала это имя.

— Ты тот, кого Мэтью просил возглавить орден Рыцарей Лазаря, когда он сложил с себя полномочия великого магистра, — сказала я, наконец вспомнив.

Фернандо Гонсалвиш считался одним из самых сильных и доблестных воинов братства. Судя по широким плечам и могучей фигуре, это вполне соответствовало действительности.

— Так оно и есть.

Как у всех вампиров, голос Фернандо звучал тепло и сочно, наполняя пространство библиотеки почти сверхъестественными звуками.

¹ *Атта (греч.)* — папа.

— Но моя истинная пара — Хью де Клермон. С тех пор как он покинул этот мир, разделив участь других тамплиеров, я почти не соприкасаюсь с рыцарскими орденами. Ведь даже храбрейшим рыцарям недостает мужества держать свои обещания... Разве не так, Болдуин? — спросил Фернандо, остановив взгляд на брате Мэтью.

— Ты бросаешь мне вызов? — Болдуин встал.

— А разве это нужно? — улыбнулся Фернандо. Он уступал Болдуину в росте, но у меня возникло стойкое ощущение, что его не так-то легко одолеть в поединке. — Мне бы и в голову не пришло, что ты оставишь без внимания кровную клятву твоего отца.

— Мы не знаем, что понадобилось Филиппу от этой ведьмы. Возможно, он хотел больше узнать о ее силе. Не удивлюсь, если она употребила свою магию и принудила Филиппа плясать под ее дудку, — заявил Болдуин, упрямо выпятив подбородок.

— Не глупи! Тетушка нашла общий язык с дедом без всякой магии.

В библиотеку непринужденной походкой вошел Галлоглас. Его лицо было удивительно спокойным, как будто Клермоны имели обыкновение встречаться в половине пятого утра, чтобы обсудить неотложные вопросы.

— Если здесь Галлоглас, я оставляю де Клермонов расхлебывать их семейную кашу. Мэтью, позови, когда понадобится. — Фернандо кивнул моему мужу и ушел.

— Мы великолепно поладим. Как-никак одна семья, — произнес Галлоглас, невинно хлопая глазами и глядя на Верену и Болдуина. — А что понадобилось Филиппу, это, дядюшка, проще простого. Он хотел, чтобы ты официально признал Диану его дочерью. Спроси Верену.

— Как прикажешь понимать эти слова? — спросил Болдуин, поворачиваясь к сестре.

— Атта позвал меня за несколько дней до смерти, — упавшим голосом начала Верена.

Слово «атта» я слышала впервые. Должно быть, оно было ласкательным словом, каким дочь называет отца.

— Филиппа тревожило, что ты можешь проигнорировать его кровную клятву. Он взял с меня обещание, что в нужное время я обязательно подтвержу его слова.

— Клятва Филиппа была глубоко личным действием, происходившим между ним и мною. Она не требовала подтверждения тобой или кем-то еще, — бросила я Верене.

Мне не хотелось, чтобы Болдуин или Верена марали мои воспоминания о Филиппе и том моменте.

— Ошибаешься, ведьма. Принятие теплокровной в клан вампиров — отнюдь не личное действие, — возразила Верена и сердито посмотрела на Мэтью. — Неужели ты не нашел времени поучить свою ведьму нашим вампирским обычаям, прежде чем влетать в запретные отношения?

— Время было для нас недостижимой роскошью, — ответила я Верене.

В самом начале наших отношений с Мэтью Изабо меня предупреждала, говоря, что я должна многое узнать о вампирах. После сегодняшнего разговора тема кровных клятв переместилась на самую верхнюю строчку моего исследовательского списка.

— В таком случае я кое-что тебе объясню. — Голос Верены звучал язвительнее, чем голоса самых противных школьных учительниц. — Прежде чем песнь крови Филиппа затихнет, один из его чистопородных детей должен подтвердить твоё вхождение в семью. Если этого не произойдет, ты не будешь считаться настоящей де Клермон и никто из вампиров не обязан почитать тебя таковой.

— Ты все сказала? Меня ничуть не волнует почтение вампиров. Мне достаточно быть женой Мэтью.

Чем больше я слышала об особенностях вхождения в клан де Клермонов, тем меньше мне хотелось туда входить.

— Если бы этого было достаточно, мой отец не удочерил бы тебя, — парировала мой довод Верена.

— Мы найдем компромиссное решение, — сказал Болдуин. — Филипп наверняка был бы доволен, если бы имена ведьминых детей, когда они родятся, были занесены в мою ветвь в родословной де Клермонов.

Его слова могли показаться великодушными, но я не сомневалась, что за ними кроется некий тайный и коварный умысел.

— Мои дети не относятся к твоей ветви! — прогремел Мэтью.

— Относятся, если Диана является членом семейства де Клермон, о чем она заявляет, — улыбнулся Болдуин.

— Подождите! Какая еще родословная?

Я должна была разобраться в очередном сюрпризе, и поскорее.

— Конгрегация ведет официальные родословные всех вампирских семей, — сказал Болдуин. — Некоторые отошли от соблюдения этой традиции, однако де Клермоны продолжают ей следовать. Родословные содержат сведения о новых рождениях, когда теплокровные только становятся вампирами, об их смертях, а также имена их пар и потомства.

Моя рука инстинктивно прикрыла живот. Мне хотелось, чтобы Конгрегация как можно дольше не знала о существовании наших детей. Настороженность в глазах Мэтью подсказывала: им сейчас владели такие же чувства.

— Возможно, твое перемещение во времени и закроет вопросы насчет кровной клятвы. Но объяснить беременность можно либо самыми чудовищными заклинаниями черной магии, либо... обыкновенной супружеской неверностью, — продолжал Болдуин, явно наслаждаясь смятением брата. — Мэтью, эти дети не могут быть твоими.

— Диана носит моих детей, — сказал Мэтью, и его глаза угрожающе потемнели.

— Быть того не может, — невозмутимо возразил Болдуин.

— Представь себе, может.

— В таком случае они станут наиболее ненавидимыми и наиболее преследуемыми детьми, какие только существовали в мире. Ведьмы и вампиры будут жаждать их крови. И вашей тоже, — закончил пророчествовать Болдуин.

Я успела заметить, что Мэтью больше нет рядом со мной. И в то же мгновение я услышала треск ломающегося кресла Болдуина. Потом все замелькало, а когда мелькание прекратилось, моим глазам предстала жуткая картина. Мэтью стоял у Болдуина за спиной, одной рукой обхватив его горло. В другой был зажат нож, приставленный к сердцу брата.

Верена глянула вниз, обнаружив, что ножны за голенищем сапога пусты. Она выругалась.

— Пусть ты и глава семьи, но никогда не забывай, что ассасином в семье являюсь я, — прорычал Мэтью.

— Ассасином? — вырвалось у меня.

Вот и еще одна тайная сторона Мэтью неожиданно открылась. Я попыталась скрыть охватившее меня замешательство.

*Ученый. Вампир. Воин. Шпион. Принц.
Ассасин.*

Впрочем, такая ли тайная? Мэтью постоянно говорил мне, что он убийца, однако я считала это неотъемлемой частью вампирской природы. Да, он убивал, обороняясь, убивал в сражениях и ради собственного выживания. Но мне и в голову не приходило, что Мэтью совершал убийства по воле своей семьи.

— Никак ты об этом не знала? — В голосе Верены ощущалась злоба; холодные глаза внимательно разглядывали меня. — Не будь Мэтью искусен в своем ремесле, кто-нибудь из нас давным-давно показал бы ему его место.

— Верена, в семье каждый из нас исполняет какую-то роль. — Голос Мэтью был полон желчи. — Эрнст знает твою? То, как все начинается между мягкими простынями и мужскими бедрами?

Верена молнией метнулась к Мэтью. Ее пальцы согнулись, превратившись в смертельно опасные когти.

Вампиры отличались быстротой движений, но магия была быстрее.

Потоком ведьминого ветра я припечатала Верену к стене и держала ее там, не подпуская к Мэтью и Болдуину. За это время Мэтью заставил брата что-то пообещать ему и разжал руку.

— Благодарю, *ma lionne*. — Эти слова Мэтью произносил всякий раз, когда я совершала смелый или отчаянно глупый поступок. — Подержи пока, — сказал Мэтью, протягивая мне нож Верены.

Затем он помог Верене встать. Галлоглас остановился возле меня.

— Ну и ну, — пробормотала Верена, вновь оказавшись на ногах. — Теперь я понимаю, почему атта восторгался твоей женой. Но я бы никогда не подумала, что ты, Мэтью, можешь запасть на такую женщину.

— Времена меняются, — лаконично ответил Мэтью.

— Несомненно, — буркнула Верена, оценивающе косясь на меня.

— В таком случае ты исполнишь обещание, данное деду? — спросил у нее Галлоглас.

— Там видно будет, — уклончиво ответила Верена. — У меня в запасе есть несколько месяцев.

— Время пройдет, но ничего не изменится. — Болдуин смотрел на меня, едва сдерживая неприязнь. — Учти, Верена: признание жены Мэтью одной из нас будет иметь катастрофические последствия.

— Я уважала желания атты, когда он был жив, — сказала Верена. — Я не смею игнорировать их сейчас, когда его нет с нами.

— Нас должно утешать то, что Конгрегация уже выслеживает Мэтью и его пару, — усмехнулся Болдуин. — Кто знает? Возможно к декабрю их не будет в живых.

Окинув нас презрительным взглядом, Болдуин покинул библиотеку. Верена, виновато посмотрев на Галлогласа, потащила следом.

— Итак... встреча завершилась благополучно, — усмехнулся Галлоглас. — Как ты себя чувствуешь, тетушка? Сияния у тебя прибавилось.

— Ведьмин ветер сдул мое маскировочное заклинание, — сказала я, пытаясь вернуть его на место.

— Пока Болдуин в замке, тебе лучше не сиять, — посоветовал Галлоглас.

— Болдуину нельзя знать об истинной силе Дианы. Мне пригодилась бы твоя помощь, Галлоглас. И помощь Фернандо тоже.

Каких-либо подробностей, касающихся этой помощи, я не услышала.

— Мне не привыкать. Я наблюдаю за тетушкой всю ее жизнь, — буднично произнес Галлоглас. — И прекращать наблюдение не собираюсь.

Стоило ему произнести эти слова, как непонятные фрагменты моего прошлого вдруг обрели предельную ясность. Казалось, я наконец-то нашла недостающие куски пазла и положила их в нужные места. В детстве я часто чувствовала, как существа нечеловеческой природы наблюдают за мной. Подталкивающие взгляды, характерные для демонов, покалывание во всем теле, если я оказывалась в поле зрения ведьм. И холод среди жаркого дня, если ко мне приглядывался вампир. Одним из таких наблюдателей был Питер Нокс — враг моего отца. Колдун, явившийся в окрестности Сет-Тура, поскольку искал нас с Мэтью. Убийца Эм. И Галлоглас — этот двуногий медведь, которого я любила, как брата. Неужели мы с ним впервые встретились только в XVI веке, а прежде никогда не встречались?

— Ты наблюдал за мной?

Глаза наполнились слезами, и я принялась моргать, не давая им пролиться.

— Я обещал деду оберегать тебя от бед. Ради Мэтью. — Синие глаза Галлогласа потеплели. — Дед оказался прав. Ты была сущим бесенком: лазила по деревьям, бегала по улице наперегонки с велосипедами. Могла и в лес уйти, никому и полсловечка не сказав. Как родители с тобой справлялись — ума не приложу.

— А мой отец знал?

Я не могла не задать этот вопрос. В елизаветинском Лондоне отец был в восторге от могучего шотландца. Мы с Мэтью наткнулись на моего отца случайно. Оказалось, он регулярно совершал экскурсии в прошлое. Думаю, даже в современном Массачусетсе отец сразу бы узнал Галлогласа. Такого великана не спутаешь ни с кем.

— Я делал все, чтобы не попадаться ему на глаза.

— Галлоглас, я же не об этом спрашиваю. — У меня все лучше получалось извлекать крупницы сведений из вампирской полуправды. — Отец знал, что ты наблюдаешь за мной?

— Я намеренно показался Стивену перед тем, как он и твоя мама в последний раз отправились в Африку, — признался Галлоглас, и его голос понизился до шепота. — Я думал, это его поддержит... Словом, когда он поймет, что больше тебя не увидит, его успокоит мысль, что ты не оставлена вниманием. Ведь ты тогда была совсем маленькой. Представляю, какие внутренние мучения испытывал Стивен, думая о том, как долго тебе еще идти до встречи с Мэтью.

Ни Мэтью, ни я не знали, что Бишопы и де Клермоны годами... даже веками трудились ради нашей успешной встречи. Филипп, Галлоглас, мои родители, Эмили.

— Спасибо тебе, Галлоглас, — хрипло произнес Мэтью.

Как и я, он был удивлен откровениями сегодняшнего утра.

— Не стоит благодарности, дядя. Я делал это с удовольствием. Галлоглас несколько раз кашлянул, маскируя свои эмоции, и тоже ушел.

В библиотеке установилась гнетущая тишина.

— Черт! — пробормотал Мэтью, запуская пальцы в волосы.

Я хорошо знала этот жест, показывающий, что у моего мужа закончилось терпение.

— Что нам теперь делать? — спросила я, пытаюсь восстановить равновесие.

После неожиданного появления Галлогласа оно было изрядно нарушено.

Мэтью не успел ответить. За дверью послышалось деликатное покашливание, после чего она открылась.

— Прошу прощения, милорд, что нарушил ваше уединение. — В дверях стоял Ален Ле Мерль, давний слуга Филиппа, бывший одно время его оруженосцем.

В одной руке Ален держал старинный сундук с серебряными инициалами «Ф. К.» на крышке, в другой — небольшую конторскую книгу в зеленом коленкоровом переплете. Его доброе лицо и волосы с проседью ничуть не изменились. Передо мной был тот же Ален, которого я впервые увидела в 1590 году. Наряду с Мэтью и Галлогласом он был еще одной неподвижной звездой в моей переменчивой вселенной.

— Что случилось, Ален? — спросил Мэтью.

— У меня дело к мадам де Клермон, — ответил тот.

— Дело? — нахмурился Мэтью. — А оно не может обождать?

— Боюсь, что нет, — извиняющимся тоном произнес слуга. — Знаю, милорд, времена нынче непростые. Но сир Филипп был непреклонен и велел мне как можно скорее передать мадам де Клермон ее вещи.

Вслед за Аленом мы вернулись в нашу башню. То, что я увидела на письменном столе Мэтью, заставило меня забыть о событиях последнего часа. Я стояла затаив дыхание.

Записная книжка в коричневом переплете.

Вышитый рукав, ветхий от времени.

Драгоценные камни, стоящие нынче баснословных денег: жемчуг, бриллианты и сапфиры.

Золотой наконечник стрелы на длинной цепочке.

Два миниатюрных портрета, не утратившие за века яркости красок.

Письма, перевязанные выцветшей красной лентой.

Серебряная крысоловка с гравированной надписью, немного потемневшей от времени и грязи.

Позолоченный астрономический инструмент, достойный украшать стол императора.

Маленькая шкатулка, изготовленная колдуном из ветки рябинового дерева.

Коллекция старинных предметов не была обширной, но их значимость превосходила сотни старинных безделушек. Эти предметы являлись своеобразной летописью восьми месяцев, проведенных нами в прошлом.

Дрожащей рукой я взяла со стола и открыла записную книжку. Мэтью подарил мне ее вскоре после нашего появления в Вудстоке поздней осенью 1590 года. Тогда ее переплет был новеньким, а страницы — белыми. За века он успел покрыться пятнами, да и бумага пожелтела. В прошлом, покидая Олд-Лодж, я спрятала книжку на верхней полке кабинета Мэтью, служившего и библиотекой. Однако экслибрис, помещенный внутри, сообщал, что нынче моя книжка принадлежит какой-то библиотеке в Севилье. На форзаце значилось: «Manuscrito Gonçalves 4890». Кто-то (наверняка это был Галлоглас) вырвал самый первый лист. Помнится, я тогда пыталась освоить гусиное перо, выводя свое имя и щедро ставя кляксы. Чернила просочились и на соседний лист, однако список монет Елизаветинской эпохи, имевших хождение в 1590 году, был вполне читабельным.

Я перелистала другие страницы. Улыбнулась рецепту снадобья от головной боли. Я училась его готовить, делая напрасные попытки стать настоящей женой Елизаветинской эпохи. Короткие записи о повседневных событиях пробудили сладостные и одновременно грустные воспоминания о Школе ночи. Часть страниц я заполнила описанием каждого из двенадцати знаков зодиака. Там было еще несколько рецептов, а в конце — список вещей для нашего путешествия в Сет-Тур. Я слышала тихий мелодичный звон: прошлое и настоящее соединились. В углах холодного камина едва заметно мерцали голубые и янтарные нити.

— Как эта книжка оказалась здесь? — спросила я, стараясь не выпадать из настоящего.

— Давным-давно мастер Галлоглас отдал ее дону Фернандо. Когда дон Фернандо в мае приехал сюда, он попросил вручить книжку вам.

— Чудо, что все эти предметы дожили до наших дней. И как тебе удавалось столько лет прятать их от меня?

Мэтью взял со стола серебряную крысоловку. Помнится, он поддразнивал меня, когда я заказала крысоловку одному из лучших часовых мастеров Лондона, который дорого брал за свою ра-

боту. Мною тогда двигало желание переловить всех крыс, разгуливающих по чердаку нашего дома в Блэкфрайерсе. Месье Валлен сделал крысоловку в виде кошки, у которой двигались уши, а на носу сидела крошечная мышь. Мэтью намеренно нажал пружину, и острые кошачьи зубы вонзились в его палец.

— Мы делали то, что от нас требовалось, милорд. Ждали. Молчали. И не теряли веру, что время снова приведет мадам де Клермон в Сет-Тур. — В уголках рта Алена застыла грустная улыбка. — Если бы сир Филипп смог дожить до этого дня...

При мысли о Филиппе у меня заколотилось сердце. Должно быть, он знал, какую злобу и неприятие вызову у них я — их новая сестра. Тогда почему он поставил меня в столь трудное положение?

— Диана, ты не устала? — спросил Мэтью, беря меня за руку.

— Нет. Просто воспоминания нахлынули.

Я взяла миниатюры, запечатлевшие нас с Мэтью в изящных нарядах Елизаветинской эпохи. Портреты написал Николас Хиллиард по просьбе графини Пемброк. Они с графом Нортумберлендом вручили нам эти миниатюры в качестве свадебного подарка. Вначале они были друзьями одного Мэтью, равно как и члены Школы ночи: Уолтер Рэли, Джордж Чапмен, Томас Хэрриот и Кристофер Марло. Вскоре большинство из них стали и моими друзьями.

— Миниатюры нашла мадам Изабо, — пояснил Алэн. — Она каждый день внимательно просматривала газеты, ища ваши следы. То есть искала что-нибудь необычное, выделяющееся из общего потока событий. Когда мадам Изабо увидела объявление о продаже миниатюр на аукционе, то послала мастера Маркуса в Лондон. Вот там он и познакомился с мадемуазель Фиби.

— А это рукав от твоего свадебного платья. — Мэтью дотронулся до ветхой ткани, проведя пальцем по вышитому рогу изобилия — традиционному символу богатства. — Никогда не забуду, как ты спускалась по холму в деревню. Пылали факелы, а дети расчищали заснеженный путь. — Его улыбка была полна любви и удовлетворенной гордости.

— После свадьбы многие деревенские мужчины предлагали мадам де Клермон свое ухаживание на случай, если вы устанете от нее, — усмехнулся Алэн.

— Спасибо, что сохранили для меня всю эту зримую и осязаемую память. — Я повернулась к столу. — Ведь так легко поверить,

будто наше путешествие в тысяча пятьсот девяностый год — плод моих безудержных фантазий и в действительности мы там никогда не были. Но вещи оживляют то время, делают его реальным.

— Сир Филипп полагал, что у вас могут возникнуть такие мысли. Но есть еще два предмета, на которые я хочу обратить ваше внимание, мадам де Клермон.

Алан подал мне расходную книжку. Она была плотно перевязана веревочкой, а узел прикреплен к обложке кусочком воска.

— Что это? — спросила я, беря книжку.

Толщиной она значительно уступала расходным книгам в кабинете Мэтью, где отмечались финансовые операции ордена Рыцарей Лазаря.

— Ваши счета, мадам.

— Я думала, моими финансами занимается Хэмиш. Он оставил мне кучу документов на подпись.

— Мистер Осборн ведает финансовой стороной вашего брачного контракта с милордом. А это средства, которые вы получили от сира Филиппа.

Взгляд Алена задержался на моем лбу, на том месте, которое Филипп пометил своей кровью, удочеряя меня.

Испытывая любопытство, я сломала печать и открыла книжку. В нее периодически добавлялись чистые страницы, для чего приходилось менять переплет. Первые записи были сделаны на плотной бумаге XVI века и датированы 1591 годом. Среди них — сумма, врученная мне Филиппом в качестве приданого: 20 тысяч золотых венецианских цехинов и 30 тысяч серебряных рейхсталеров Священной Римской империи. Деньги эти не лежали мертвым грузом, а постоянно куда-то вкладывались, чтобы приносить более выгодные проценты. На них покупались дома и земли, которые тоже приносили доход. Все эти не слишком понятные мне операции методично фиксировались аккуратным почерком Алена. Я перелистала книжку, дойдя до последней страницы. Она была совсем новенькой и представляла собой нечто вроде окончательного финансового отчета, датированного 4 июля 2010 года — днем нашего приезда в Сет-Тур. Увидев сумму в строке доходов, я выпучила глаза.

— Простите, что не сумел порадовать большей суммой, — торопливо произнес Алэн, приняв мою реакцию за недовольство. — Я вкладывал ваши деньги наравне со своими, но более прибыльные и, следовательно, более рискованные вложения потребовали

бы одобрения сира Болдуина, а он не подозревал о вашем существовании. Как вы понимаете, ему было незачем раньше времени знать о вас.

— Ален, я даже не представляла, что настолько богата.

Подписывая со мной брачный контракт, Мэтью перевел на мое имя весьма значительные средства, но сумма, указанная в книжке, превосходила их в несколько раз. Филипп хотел, чтобы я, как и все женщины семьи де Клермон, была финансово независимой. Мой свекор — живой или мертвый — всегда добивался желаемого. Этим утром я получила подтверждение.

— Спасибо, — сказала я Алену, откладывая книжку.

— Был рад вам услужить, — ответил он, поклонился, а затем что-то достал из кармана. — И наконец, сир Филипп велел передать вам это.

Ален вручил мне довольно неказистый конверт из тонкой волокнистой бумаги. На нем было выведено мое имя. Полоска клея давным-давно высохла, но клапан конверта надежно удерживали застывшие капли черного и красного воска. К одной из них была прикреплена древняя монета — особый знак Филиппа.

— Сир Филипп трудился над этим письмом более часа, а когда написал, заставил меня прочитать ему вслух. Он хотел удостовериться, что в письме есть все, о чем он хотел сказать.

— Когда? — хрипло спросил Мэтью.

— В день его смерти, — ответил Ален, явно встревоженный завершающим этапом своей миссии.

Мое имя было написано неровным дрожащим почерком. Так мог писать либо глубокий старик, либо кто-то настолько ослабевший, что перо его плохо слушалось. Передо мной было наглядное подтверждение чудовищных страданий, перенесенных Филиппом. Я провела пальцами по буквам своего имени. Достигнув последней буквы, я ощупала поверхность конверта, стараясь вытянуть из букв то, что они скрывали. Вначале появилась маленькая черная лужица, которая быстро приобретала очертания мужского лица. Оно еще сохраняло прежнюю красоту, хотя было искажено болью. Я помнила мудрые рыжевато-коричневые глаза Филиппа, искрящиеся юмором. Сейчас на месте одного темнела пустая глазница.

— Ты не говорил мне, что нацисты ослепили твоего отца на один глаз.

Я знала о зверских пытках, чинимых над моим свекром, однако и представить не могла, до какой степени простирались зверства нацистов. Лицо Филиппа было изранено. Хвала судьбе: пять букв моего имени не могли дать более детальный портрет. Я осторожно коснулась щеки Филиппа. Изображение пропало, оставив на конверте чернильное пятно. Тогда я щелкнула пальцами, сотворив маленький вихрь. Когда он перестал бушевать, буквы на конверте заняли прежние места.

— Знаете, мадам де Клермон, сир Филипп часто говорил с вами о своих бедах, — тихо продолжал Ален. — Особенно когда боль становилась нестерпимой.

— Говорил с ней? — оцепенело спросил Мэтью.

— Почти ежедневно, — кивнул Ален. — Чтобы никто случайно не подслушал, он велел мне удалять всех из той части замка, где он лежал. Мадам де Клермон дарила сиру Филиппу утешение, как никто другой.

Я перевернула конверт, провела пальцем по выпуклостям древней серебряной монеты.

— Когда Филипп добавлял к письмам монеты, адресаты их потом ему возвращали. Лично. Тогда как я смогу это сделать, если он покинул наш мир?

— Возможно, ответ ты найдешь в письме, — предположил Мэтью.

Я осторожно извлекла монету, затем вскрыла конверт и достала сложенный лист бумаги — настолько хрупкий, что мне было боязно его разворачивать.

Мои ноздри уловили слабый запах лавра, фигов и розмарина.

Взглянув на письмо, я мысленно поблагодарила свой опыт чтения самых трудных и неразборчивых почерков. Освоившись с написанным, я стала читать письмо вслух.

Диана!

Не позволяй призракам прошлого лишать тебя радости будущего.

Спасибо, что держала мою руку.

Теперь ты можешь ее отпустить.

Твой отец по крови и клятве,

Филипп.

Р. С. Эта монета -- плата паромщику. Скажи Мэтью, что я буду ждать твоего благополучного прибытия на нашу сторону.

Несколькими последними словами я буквально поперхнулась. Потом они прозвучали еще раз, отразившись от стен.

— Значит, Филипп ждет, что я верну ему монету.

Я представила, как он стоит и ждет, пока Харон не перевезет меня на другой берег реки Стикс. Наверное, рядом с ним будут стоять Эмили и мои родители. Я закрыла глаза, прогоняя мрачные картины.

— Как понимать его слова: «Спасибо, что держала мою руку»? — спросил Мэтью.

— Я пообещала твоему отцу, что в тяжкие дни не оставлю его одного, а буду рядом с ним. — Мои глаза наполнились слезами. — Как я могла забыть об этом?

— Не знаю, любовь моя. Однако тебе удалось сдержать свое обещание. — Мэтью наклонился, поцеловал меня и заглянул через плечо на строки отцовского письма. — А Филипп, как всегда, сумел оставить последнее слово за собой.

— То есть как? — спросила я, вытирая мокрые щеки.

— Он оставил письменное подтверждение, что удочерил тебя добровольно и с радостью. — Длинный белый палец Мэтью коснулся хрупкого бумажного листка.

— Потому-то сир Филипп и хотел, чтобы мадам де Клермон как можно скорее все это получила, — согласился Ален.

— Все равно не понимаю, — пожала я плечами.

— Драгоценные камни, сумма твоего приданого и, наконец, отцовское письмо — все это весомые доказательства. С ними ни детям Филиппа, ни даже Конгрегации уже не заявить, что Филипп удочерил тебя насильно, против своей воли.

— Сир Филипп хорошо знал своих детей. Часто он не хуже любой ведьмы предвидел их будущее, — кивая, подтвердил Ален. — Не буду мешать вашим воспоминаниям.

Поблагодарив Алена, Мэтью дождался, когда его шаги затихнут, потом внимательно и встревоженно посмотрел на меня:

— Это не сильно по тебе ударило, мой сиег?

— Ничего, я справлюсь, — ответила я, глядя на стол.

Там было разложено пропавшее. Вот только где взять ясное будущее?

— Пойду переоденусь, — сказал Мэтью, чмокая меня в щеку. — Я недолго. Потом спустимся на завтрак.

— Не торопись, — ответила я, добросовестно изображая искреннюю улыбку.

Когда Мэтью ушел, я потянулась к золотому наконечнику стрелы. Вспомнила, как Филипп настоял, чтобы я надела его на свадьбу. Тяжесть наконечника действовала успокаивающе. Металл быстро нагрелся от моего прикосновения. Я перекинула цепь через голову. Острые наконечника замерло у меня между грудей. Его грани успели стереться и не царапали кожу.

В кармане джинсов что-то зашевелилось. Сунув руку, я достала связку шелковых нитей. Нити прядильщицы. Они вместе с нами переместились из XVI века. Но если рукав свадебного платья выцвел и истлел, если выцвели ленточки, которыми были перевязаны мои письма, то нити были яркими и крепкими. Они переплетались и танцевали вокруг запястий, словно яркие змейки. Их сплетения давали новые оттенки, чтобы через мгновение вернуться к первоначальным цветам. Затем нити поползли к голове и добрались до волос, словно что-то там искали. Я осторожно их вытащила и спрятала в карман.

Мне была уготована участь прядильщицы. За короткое время я научилась плести сложные узлы заклинаний. Но смогу ли я когда-нибудь понять хитроумные узоры паутины Филиппа де Клермона, которую он сплел больше четырехсот лет назад, принося кровную клятву и сделав меня своей дочерью?

Глава 4

— Ты собирався когда-нибудь рассказать мне о своей роли ассасина в семье де Клермон? — спросила я, протянув руку за грейпфрутовым соком.

Я завтракала на кухне, где Марта накрыла стол. Мэтью сидел напротив и молча смотрел на меня. Он сумел тайком провести сюда Гектора и Фаллона. Собаки прислушивались к нашему разговору, но еще больше их интересовала еда, расставленная на столе.

— И услышу ли я об отношениях Фернандо с твоим братом Хью? Меня растили две женщины, которые были не просто близкими подругами. Не стоило скрывать от меня такие сведения из боязни, что я могу их осудить.

Гектор и Фаллон посмотрели на Мэтью. Как и я, они ждали ответа. Мэтью продолжал молчать. Тогда собаки вернулись к созерцанию еды.

— А Верена показалась мне симпатичной, — сказала я, намеренно провоцируя мужа.

— Симпатичной? — изогнул нависшие брови Мэтью.

— Ну, за исключением ножа, который она таскает за голенищем, — уточнила я, довольная, что моя стратегия сработала.

— Ножей, — поправил меня Мэтью. — Ты видела лишь один. Второй спрятан у нее на поясе, а третий — в лифчике.

— Никак Верена успела побывать в герлскаутах?

Похоже, теперь был мой черед удивляться. Увы, ответить Мэтью не успел. В кухню черно-синим вихрем влетел Галлоглас, а за ним — Фернандо. Мэтью тут же вскочил на ноги. Собаки тоже поднялись, но он указал на пол, и псы немедленно легли.

— Доканчивай завтрак и потом сразу в ванню! — приказал Мэтью, прежде чем исчезнуть. — Собак возьми с собой. Вниз не спускайся, пока я не приду.

— Что случилось? — спросила я у Марты, оглядывая внезапно опустевшую кухню.

— Болдуин в замке, — ответила она, сочтя такой ответ достаточным.

— Маркус! — вырвалось у меня.

Я вспомнила: Болдуин явился сюда, чтобы повидаться с сыном Мэтью. Я вскочила со стула. Собаки последовали моему примеру.

— Где Маркус?

— В кабинете Филиппа, — хмуро ответила Марта. — Сомневаюсь, что Мэтью хочет видеть там и тебя. Не исключено кровопролитие.

— Мне к такому не привыкать.

Сказав это, я оглянулась и нос к носу столкнулась с Вереной. С ней был высокий, худощавый пожилой джентльмен. Я сразу отметила его добрые глаза. Пробормотав извинение, я попыталась их обойти.

— Куда это ты собралась? — спросила Верена, загораживая мне путь.

— В кабинет Филиппа.

— Мэтью велел тебе идти в его башню. — Глаза Верены сощурились. — Он твоя истинная пара, и ты должна повиноваться ему, как добропорядочная жена вампира.

Она говорила с легким немецким акцентом. Пожалуй, нет. Ее акцент был странной смесью, вобравшей особенности немецкого языка Германии, Австрии и Швейцарии.

— Как же вам всем не повезло, что я ведьма.

Пожилой джентльмен с едва скрываемым любопытством наблюдал за нашей перепалкой.

— Диана Бишоп, — сказала я, протягивая ему руку.

— Эрнст Нейман. Я муж Верены.

Его акцент указывал на уроженца Берлина.

— Зачем препятствовать Диане, Schatz?¹ Пусть идет вслед за мужем. И тебе стоит поторопиться. Я же знаю, как ты не любишь пропускать ожесточенные споры. Я подожду в гостиной вместе с остальными.

— Хорошая мысль, любовь моя. Они вряд ли посмеют упрекнуть меня, если эта ведьма сбежит из кухни.

¹ Моя дорогая, мое сокровище (нем.).

Верена с нескрываемым восхищением посмотрела на мужа и наградила его долгим поцелуем. Хотя по внешнему облику она вполне годилась Эрнсту во внучки, чувствовалось, что они горячо любят друг друга.

— Иногда мне в голову приходят хорошие мысли, — сказал он, озорно подмигивая ей. — А сейчас, пока Диана не сбежала и ты не погналась за ней, скажи: мне стоит вооружиться ножом или пистолетом на случай, если кто-нибудь из твоих братьев впадет в буйство?

Верена задумалась.

— Думаю, тесака Марты вполне хватит. Им смогли остановить Герберта, а его шкура намного толще, чем у Болдуина или Мэтью.

— Вы ходили с тесаком на Герберта? — Мне все больше нравился Эрнст.

— Ну, это, пожалуй, преувеличение, — сказал Эрнст, слегка покраснев от смущения.

— Боюсь, Фиби пытается разводить дипломатию, — вмешалась Верена. Она развернула меня в направлении кабинета. — С Болдуином дипломатия не проходит. Нам пора.

— Если Эрнст берет нож, я возьму собак.

Я шелкнула пальцами и быстро пошла по коридору. Гектор и Фаллон побежали следом, виляя хвостами и тявкая, словно мы отправлялись на увлекательную игру.

Площадка третьего этажа, где находились комнаты большинства обитателей замка, была забита встревоженными зрителями. Натаниэль, Софи с Маргарет на руках и очумело распахнутыми глазами, Хэмиш в его великолепном шелковом халате с шотландским орнаментом и наполовину выбритым лицом и, наконец, Сара, явно разбуженная общим шумом. Лицо Изабо выражало откровенную скуку, словно такие события происходили здесь постоянно.

— Отправляйтесь все в большую гостиную! — велела я, подталкивая Сару к лестнице. — Эрнст тоже туда подойдет.

— Даже не знаю, почему Маркус слетел с катушек, — сказал Хэмиш, убирая полотенцем крем с невыбритой щеки. — Болдуин позвал его в кабинет. Вначале разговор был вполне спокойным, а потом они начали кричать.

Тесный кабинет Филиппа был полон вампиров. Тестостерон зашкаливал: Мэтью, Фернандо и Галлоглас соперничали, стараясь

занять место поудобнее. Болдуин восседал в виндзорском кресле, положив ноги на стол. Кресло раскачивалось на задних ножках. Маркус стоял по другую сторону стола, упираясь в столешницу. Его лицо было красным. Рядом с ним находилась и Фиби Тейлор — его истинная пара. Эту невысокую худенькую девицу я увидела в день возвращения, но помнила смутно. Сейчас она пыталась играть роль рефери в споре между главой семейства де Клермон и великим магистром ордена Рыцарей Лазаря.

— Пестрое сборище ведьм и демонов, которое ты здесь собрал, нужно немедленно выгнать из замка! — заявил Болдуин, безуспешно пытаясь обуздать свой гнев.

Кресло под ним качнулось и с грохотом опрокинулось на пол.

— Сет-Тур принадлежит Рыцарям Лазаря! Я великий магистр ордена, а не ты. И мне решать, кого собирать под крышей замка! — выкрикнул в ответ Маркус.

— Остынь, Маркус, — произнес Мэтью, беря сына под локоть.

— Если ты не будешь неукоснительно выполнять мои распоряжения, Рыцари Лазаря останутся лишь в воспоминаниях!

Болдуин поднялся. Теперь оба вампира стояли нос к носу.

— Хватит мне угрожать, Болдуин, — сказал Маркус. — Ты мне не отец и не хозяин.

— Зато я глава этой семьи! — Свои слова Болдуин подкрепил звучным ударом кулака по столу. — И тебе, Маркус, придется меня слушаться либо пожинать плоды своего бунтарства.

— Ну почему бы вам обоим не сесть и не обсудить ваши дела спокойно и обстоятельно? — спросила Фиби, делая весьма смелую попытку разделить двоих вампиров.

Болдуин зарычал на нее, требуя не соваться. Маркус тут же бросился к дядиному горлу.

Мэтью резко оттащил Фиби в сторону. Девушку трясло, но больше от злости, чем от страха. Фернандо развернул Маркуса и с силой вытянул его руки по швам. Тяжелая рука Галлогласа легла Болдуину на плечо.

— Не задевай его, — сурово произнес Фернандо, когда Маркус попытался вырваться. — Иначе ты уже никогда не вернешься в этот замок.

Через несколько тягостных мгновений Маркус нехотя кивнул, и Фернандо отпустил его, однако остался стоять рядом.

— Эти угрозы просто абсурдны, — уже сдержаннее произнес Маркус. — Рыцари Лазаря и Конгрегация много лет сохраняют

близкие отношения. Мы следим за их финансовыми делами, не говоря уже о наведении порядка среди вампиров. Я уверен...

— Ты уверен, что Конгрегация не рискнет покарать семейство де Клермон? Не вторгнется в святилище, каким всегда оставался Сет-Тур?.. Увы, Маркус, они уже вторгались, — покачал головой Болдуин. — И на этот раз Конгрегация не намерена ограничиваться устрашающими маневрами. Они давным-давно ищут повод распустить Рыцарей Лазаря.

— Они повели себя так, потому что я предъявил Ноксу официальное обвинение в смерти Эмили? — спросил Маркус.

— Отчасти. Конгрегация никак не смогла переварить твои требования аннулировать завет.

Болдуин бросил Маркусу пергаментный свиток. Три восковые печати, свисавшие с нижней части, качнулись, явно недовольные столь грубым обращением с важным документом.

— Мы еще раз обсудили твоё требование. И снова отвергли его.

Это коротенькое «мы» разрешило для меня давнюю загадку. Завет был подписан в XII веке. Тогда же возникла и Конгрегация. И на протяжении почти тысячи лет одним из трех вампиров, входящих туда, всегда был кто-нибудь из де Клермонов. Вплоть до сегодняшнего дня я не знала, кто это. Оказалось, Болдуин.

— Скверно уже то, что вампир вмешался в свару между ведьмами, — продолжал Болдуин. — Требование репараций за смерть Эмили Метер было глупостью с твоей стороны, Маркус. А твои продолжающиеся нападки на завет непростительно наивны.

— Что произошло? — спросил Мэтью.

Он поручил Фиби моим заботам. Чувствовалось, он был отнюдь не рад увидеть меня здесь.

— В апреле Маркус и другие члены его маленького отряда бунтовщиков призвали прекратить действие завета. Маркус объявил, что семья Бишоп находится под непосредственной защитой Рыцарей Лазаря, втянув в это и братство.

Мэтью сердито посмотрел на сына. Я не знала, то ли поцеловать Маркуса за его усилия защитить мою семью, то ли отчитать за мальчишеский оптимизм.

— В мае... Ты знаешь, что произошло в мае, — продолжал Болдуин. — Маркус расценил смерть Эмили как враждебный акт, совершенный членами Конгрегации с целью спровоцировать открытый конфликт между ведьмами и вампирами. Он полагал, что

в обмен на перемирие с Рыцарями Лазаря Конгрегация согласится пересмотреть его прежнее требование об аннулировании завета.

— Это было абсолютно разумным требованием, — заметил Маркус, развернул свиток и пробежал глазами написанное.

— Разумным или нет, но результаты таковы: двое за и семеро против, — сообщил Болдуин. — Это, Маркус, тебе урок на будущее: никогда не устраивай голосование, исход которого не можешь предсказать заранее. Пора бы тебе усвоить печальную особенность, присущую демократии.

— Этого просто не может быть. Значит, мое предложение поддерживали только ты и мать Натаниэля, — заключил ошеломленный Маркус.

Агата Уилсон, мать Натаниэля, с которым Маркус успел подружиться, занимала в Конгрегации одно из трех мест, закрепленных за демонами.

— Агату поддержал еще один демон, — холодно ответил племяннику Болдуин.

— Ты голосовал против?

Маркус явно рассчитывал на поддержку семьи. Даже при моем скудном опыте общения с Болдуином я понимала, насколько беспочвенны такие надежды.

— Позволь взглянуть. — Мэтью вырвал свиток из рук Маркуса и посмотрел на Болдуина, требуя объяснений.

— У меня не было выбора, — сказал Болдуин. — Ты знаешь, сколько дров успел наломать твой сын? Скоро поползут слухи о молодом выскочке из низшей ветви генеалогического древа де Клермонов, который попытался устроить бунт против тысячелетней традиции.

— Из низшей? — вырвалось у меня.

Я оторопела, услышав неприкрытое оскорбление в адрес Изабо. Однако мою свекровь это ничуть не удивило. Ее лицо приняло еще более скучающее выражение. Изабо продолжала разглядывать свои длинные, безупречно обработанные ногти.

— Болдуин, ты заходишь слишком далеко! — прорычал Галлоглас. — Тебя здесь не было. Те двое отколовшихся членов Конгрегации, что в мае явились сюда и убили Эмили...

— Герберт и Нокс не отколовшиеся члены! — возразил Болдуин, голос которого снова зазвучал громче. — Они входят в большинство, составляющее две трети.

— Плесвать мне, куда они входят! По-прежнему твердить ведьмам, вампирам и демонам, чтобы не переходили границ своей породы, — нынче это стало бессмыслицей... если вообще когда-либо имело смысл, — продолжал гнуть свою линию Маркус. Лицо у него было каменным. — Разрушить оковы завета — справедливая и своевременная мера.

— С каких это пор она стала своевременной? — Казалось, Болдуин начал уставать от бесплодного разговора.

— Здесь говорится, что Питеру Ноксу было вынесено порицание, — сказал Мэтью, поднимая голову от свитка.

— Более того, Ноксу пришлось уйти со своего поста в Конгрегации. Герберт и Сату пытались его защищать. Утверждали, что его действия против Эмили были спровоцированы. Однако Конгрегация не могла отрицать, что он сыграл определенную роль в смерти этой ведьмы.

Болдуин вновь уселся за отцовский стол. Внешне он был крупным и рослым вампиром. И все же чувствовалось: ему не место за столом Филиппа.

— Так, значит, мою тетку действительно убил Нокс! — Вместе с гневом во мне нарастала магическая сила.

— Он утверждает, что всего лишь расспрашивал ее о местонахождении Мэтью и манускрипта из Бодлианской библиотеки. Похоже, речь идет о священной книге, которую вампиры называют Книгой Жизни, — сказал Болдуин. — По словам Нокса, перелом в состоянии Эмили наступил, когда он узнал, что у двух демонов родилась дочь-ведьма. Здесь Эмили пришла в необычайное возбуждение, и у нее случился сердечный приступ. Нокс считает причиной ее смерти слабое сердце, подвергшееся стрессу.

— Что за чушь! — возразила я. — Эмили была здоровой как лошадь.

— И какую цену заплатит Нокс за убийство родственницы моей жены? — тихо спросил Мэтью, кладя мне руку на плечо.

— Нокса не только лишили членства в Конгрегации. Конгрегация полностью отказалась от его услуг в будущем, — ответил Болдуин. — В этом Маркус своего добился. Но я сомневаюсь, что в конечном счете мы не пожалеем о таком исходе.

Они с Мэтью долго и пристально смотрели друг на друга. Я чувствовала, что упускаю нечто важное.

— Кто займет его место? — спросил Мэтью.

— Пока слишком рано говорить. У ведьм логика такая: Нокс — шотландец, а раз он не дослужил до конца срока, то и замена ему должна быть шотландского происхождения. Дженет Гоуди слишком стара, чтобы возвращаться на службу. Могу побиться об заклад, что заменой станет кто-нибудь из Макнивенгов. Возможно, Кейт. Не исключено, что и Дженни Хорн, — ответил Болдуин.

— Шотландия славится могущественными ведьмами, — без тени улыбки произнес Галлоглас. — Гоуди, Хорны и Макнивенны — наиболее уважаемые семьи на севере.

— Ими будет не так легко управлять, как Ноксом. Пока ясно одно: ведьмы полны решимости заполучить Книгу Жизни, — заявил Болдуин.

— Они всегда к этому стремились, — сказал Мэтью.

— Не всегда. Нокс нашел в Праге одно старинное письмо. По его словам, там содержатся доказательства того, что ведьмы владеют либо когда-то владели Книгой Начал. Или, если вам больше нравится его версия, — сборником изначальных колдовских заклинаний ведьм, — пояснил Болдуин. — Я пытался разуверить Конгрегацию, сведя все к фантазиям колдуна, одержимого поисками магической силы, но мне не поверили. Конгрегация потребовала всестороннего расследования.

О содержании древнего манускрипта, нынче спрятанного в недрах Бодлианской библиотеки под каталожным номером «Ашмол-782», ходило множество легенд. Ведьмы считали, что там записаны самые первые заклинания, вампиры и демоны думали, будто там скрыты тайны их происхождения. Мое общение с манускриптом было слишком кратким, и я не знала, какие истории не лишены правдивости. Зато мы с Мэтью и Галлогласом знали другое: содержание Книги Жизни не шло ни в какое сравнение с генетической информацией, которую она хранила. Книга Жизни была сделана из останков тел ведьм, вампиров и демонов. Материалом для пергамента служила их кожа, в красках содержалась их кровь. Нитями, которыми сшивались листы, служили волосы, а клей для переплета был сварен из их костей.

— Нокс говорил, что Книга Жизни была повреждена неким демоном по имени Эдвард Келли. Он жил в шестнадцатом веке и последние годы провел в Праге. Келли вырвал три первых листа. Нокс утверждает, что тебе, Мэтью, известно, где находятся

эти листы... Это действительно так? — спросил Болдуин с нескрываемым любопытством.

— Нет, — ответил Мэтью, глядя Болдуину в глаза.

Как и многие ответы Мэтью, этот был частично правдивым. Он не знал, где сейчас находятся два утраченных листа из Книги Жизни. Но третий был надсжно спрятан в запертом ящике его письменного стола.

— Тогда слава Богу! — произнес Болдуин, удовлетворенный ответом. — Я поклялся душой Филиппа, что подобное утверждение не соответствует действительности.

Галлоглас обходительно поглядывал на Фернандо. Мэтью повернулся к окну. Изабо, не хуже ведьм умеющая распознавать ложь, посмотрела на меня и прищурилась.

— И Конгрегация поверила твоим словам? — поинтересовался Мэтью.

— Лишь отчасти, — неохотно признался Болдуин.

— Какие еще заверения ты им дал, змееныш? — лениво спросила Изабо. — Ты умеешь красиво шипеть, Болдуин, но где-то обязательно прчется жало.

— Я пообещал Конгрегации, что Маркус и Рыцари Лазаря по-прежнему будут придерживаться условий завета... — Болдуин сделал паузу. — Конгрегация назначила... беспристрастную проверочную комиссию из ведьмы и вампира. Им поручили обследовать Сет-Тур сверху донизу. Они должны удостовериться, что в замке нет ни ведьм, ни демонов, ни клочка Книги Жизни. Герберт и Сату Ярвинен будут здесь через неделю.

В кабинете стало оглушающе тихо.

— Откуда мне было знать, что Мэтью и Диана окажутся здесь? — риторически спросил Болдуин. — Но это уже не имеет значения. Посланцы Конгрегации не найдут ничего, кроме привычного ритма жизни замка. Это означает, что Диане тоже придется отсюда уехать.

— Что еще? — спросил Мэтью.

— Нашим близким и друзьям велено убираться. Тебе этого мало? — сердито спросил Маркус.

Фиби обняла его за талию, пытаясь успокоить.

— Маркус, твой дядя, по обыкновению, сначала сообщает хорошие новости, — пояснил Фернандо. — Если перспектива уви-

деть здесь Герберта считается хорошей новостью, плохие окажутся на редкость отвратительными.

— Конгрегации потребовались гарантии. — Мэтью выругался. — Что-то такое, что заставит де Клермонов и Рыцарей Лазаря вести себя как пайныки.

— Не что-то. Кто-то, — откровенно заявил Болдуин.

— Кто? — спросила я.

— Конечно же я, — невозмутимо ответила Изабо.

— Ни в коем случае! — Мэтью с нескрываемым ужасом посмотрел на брата.

— Увы, это так. Вначале я предлагал им Верену, но они отказались.

Верену отказ Конгрегации слегка обидел.

— Конгрегации хоть и свойственна ограниченность, но полными дураками их не назовешь, — пробормотала Изабо. — Никому еще не удавалось держать Верену в заложниках более суток.

— По мнению ведьм, нужен гарант, способный выманить Мэтью из норы. Верена такими способностями не обладает, — пояснил Болдуин.

— Когда в прошлый раз меня удерживали против воли, моим тюремщиком был ты, Болдуин, — приторно-сладким тоном произнесла Изабо. — Ты и сейчас окажешь мне честь?

— Не получится, — ответил Болдуин. — Нокс и Ярвинен хотели, чтобы тебя отправили в Венецию, где Конгрегация смогла бы приглядывать за тобой, но я отказался.

— Почему в Венецию? — спросила я.

Я знала, что Болдуин приехал из Венеции, но не понимала, почему Конгрегация предпочитает это место, а не какое-то иное.

— Там с пятнадцатого века находится штаб-квартира Конгрегации. С тех самых пор, как нас выдавили из Константинополя, — торопливо пояснил Мэтью. — Конгрегация в курсе всех событий, происходящих в городе. И потом, Венеция — родной город сотен вампиров, ведьм и демонов, у которых сложились давние отношения с советом. Сюда же относится и ветвь Доменико.

— Отвратительное сборище неблагодарных лстецов, — добавила Изабо, слегка поевжившись. — Очень рада, что мне не придется туда ехать. И без клана Доменико Венеция в это время просто невыносима. Стада туристов. Добавь еще жутких комаров.

Мне стало худо от одной мысли о венецианских комарах, насосавшихся вампирской крови.

— Твой комфорт, Изабо, не был первоочередной заботой Конгрегации, — угрюмо произнес Болдуин.

— И куда же я отправлюсь? — спросила Изабо.

— Учитывая давнишнюю дружбу с нашей семьей, Герберт поначалу отнекивался, но затем великодушно предложил разместить тебя в своем доме. Конгрегация никак не могла ему отказать, — ответил Болдуин. — Надеюсь, пребывание там не создаст тебе проблем?

Изабо выразительно пожала плечами. Типично галльский жест.

— Кому-кому, только не мне.

— Герберту нельзя доверять! — Гнев Мэтью почти не уступал недавнему гневу Маркуса. — Болдуин, о чем ты думал?! Он стоял и равнодушно смотрел, как Нокс терзает Эмили своей магией!

— Я очень надеюсь, что у Герберта все тот же мясник, — сказала Изабо, будто не слышала слов Мэтью. — Марта, разумеется, отправится со мной. Ты об этом позаботишься, Болдуин.

— Ты никуда не поедешь, — возразил Мэтью. — Я готов предстать перед ними.

Изабо опередила меня, не дав возразить:

— Нет, сын мой. Ты ведь знаешь, что я уже бывала в заложниках у Герберта. И всегда возвращалась. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как я вернусь. Самое большее — несколько месяцев.

— А зачем это вообще понадобилось? — спросил Маркус. — Припрутся эти двое сюда, облазят замок, убедятся, что никаких нарушений нет. Никак им этого мало?

— Конгрегация нуждается в заложнице. Им важно показать, что они могущественнее де Клермонов, — объяснила Фиби, проявив удивительное понимание ситуации.

— Но, Grand-mère, — растерянно пробормотал Маркус, — в таком случае заложником должен быть я, а не ты. Это моя вина.

— Если я прихожусь тебе бабушкой, это не значит, что я старая и дряхлая особа, — сказала внуку Изабо, припорошив слова инеем. — Моя кровь, на какой бы низшей ступени она ни находилась, знает свой долг и не уклонится от него.

— Но ведь должен же существовать какой-то иной способ, — возразила я.

— Нет, Диана, — покачала головой Изабо. — В этой семье у всех нас есть свои роли. Болдуин будет и дальше нас страшить.

Маркус — заботиться о братстве, Мэтью — о тебе, а ты — о моих внуках. Что касается меня... знаешь, иногда полезно сменить обстановку. Меня будоражит перспектива снова оказаться в плену. Интересно, какой выкуп назначат за мою персону?

Хищная улыбка свекрови заставила меня поверить ее словам.

Поучаствовав в разрядке напряженности между Болдуином и Маркусом и убедившись, что достигнуто пусть и хрупкое, но перемирие, мы с Мэтью вернулись в башню. Едва войдя, он сразу же включил стереосистему, и комната наполнилась многоголосием фуги Баха. Музыка мешала другим вампирам подслушивать наши разговоры, поэтому Мэтью всегда отгораживался звуковым фоном.

— А хорошо, что нам известно об «Ашмол-782» больше, чем Ноксу, — тихо сказала я. — Едва только я разыщу манускрипт в Бодлианской библиотеке, Конгрегация перестанет рассылать ультиматумы из своего венецианского гнезда. Им придется войти в непосредственный контакт с нами. И тогда мы заставим Нокса ответить за смерть Эмили.

Мэтью молча посмотрел на меня, затем налил вина и залпом выпил. Мне он предложил воды, но я покачала головой. Сейчас я просто жаждала крепкого чая. Но Маркус настоятельно советовал на время беременности воздержаться от чая и кофе. Травяные настои были скверными заменителями.

— Что тебе известно о вампирских родословных Конгрегации? — спросила я, усаживаясь на диван.

— Немного, — ответил Мэтью, наливая второй бокал.

Я нахмурилась. Вино не действовало на вампиров так, как на теплокровных. Даже выпив всю бутылку, Мэтью не опьянел бы. Опьянить его могла лишь чужая кровь, содержащая алкоголь. И тем не менее Мэтью редко пил бокал за бокалом.

— Скажи, а у Конгрегации есть родословные ведьм и демонов? — поинтересовалась я, надеясь отвлечь мужа.

— Не знаю. Ведьмы и демоны меня никогда особо не занимали. — Мэтью пересек гостиную и остановился возле камина.

— Сейчас это не суть важно, — сказала я. — Сейчас нам важнее всего найти «Ашмол-782». Я должна как можно скорее поехать к Оксфорд.

— И что ты будешь делать, когда туда приедешь, ma lionne?

— Искать способ вытащить манускрипт из место его нынешнего хранения.

Мой отец особым заклинанием связал манускрипт с Бодлианской библиотекой. В заклинание были вплетены определенные условия.

— Отец говорил, что Книга Жизни окажется у меня в руках, если она действительно мне нужна. Я ему поверила. Думаю, наши нынешние обстоятельства вполне отвечают этой потребности.

— Таким образом, твоей главной заботой является безопасность «Ашмола-782», — тихо произнес Мэтью.

Я насторожилась, уловив в его голосе опасность, но продолжила:

— Конечно. А еще — отыскание двух вырванных листов. Без них Книга Жизни никогда не раскроет свои тайны.

Листы были вырваны из манускрипта весной 1591 года, накануне нашего бегства из Праги. Сделав это, демон-алхимик Эдвард Келли разрушил магию, которой сопровождалось создание книги. Для защиты написанного строчки прятались вглубь пергамента, создавая магический палимпсест. Слова гонялись друг за другом по страницам, будто выискивая пропавшие буквы. Прочитать манускрипт было невозможно.

— Когда манускрипт окажется у меня, ты займешься его генетической экспертизой. Установишь, из каких вампиров, демонов и ведьм делались листы. Возможно, даже узнаешь дату. В твоей лаборатории есть все необходимое для этого. — (Исследовательская работа Мэтью касалась проблем происхождения и исчезновения видов.) — Потом, когда я узнаю, где находятся два отсутствующих листа...

Мэтью повернулся ко мне. Его лицо было маской спокойствия.

— Ты хотела сказать, когда *мы* добудем «Ашмол-782» и когда *мы* узнаем, где находятся недостающие листы.

— Мэтью, прояви благоразумие. Ничто так не разозлит Конгрегацию, как известие, что нас видели в Бодлианской библиотеке.

Его голос зазвучал еще мягче, лицо стало еще спокойнее.

— Диана, ты находишься на четвертом месяце беременности. Члены Конгрегации уже вторглись в мой дом и убили твою тетку. Питеру Ноксу не терпится прикоснуться к «Ашмолу-782».

Он знает, что тебе по силам разыскать манускрипт. Каким-то образом он узнал и о недостающих листах Книги Жизни. Поэтому одна ты не пойдешь ни в Бодлианскую библиотеку, ни куда-либо еще. Только со мной.

— Я должна вернуть Книге Жизни прежнюю цельность! — Кажется, я почти кричала.

— *Мы*, Диана, — снова поправил меня Мэтью. — И, как ты предлагаешь, мы проявим благоразумие. В настоящее время «Ашмол-782» лежит себе преспокойно в каком-то тихом углу библиотеки. Вот и пусть себе лежит, пока не уляжется вся эта шумиха с Конгрегацией.

Мэтью уповал на то, что я единственная ведьма, способная снять заклинание, наложенное моим отцом на манускрипт. Мне его упования казались завышенными.

— И сколько нам придется ждать?

— Возможно, пока не родятся наши малыши.

— Получается, еще целых полгода, — сказала я, сдерживая гнев. — И все это время я только и буду делать, что ждать и готовиться к родам. А что намереваешься делать ты? Сидеть сложа руки, вместе со мной поглядывая на календарь?

— Я буду выполнять распоряжения Болдуина, — ответил Мэтью, допивая вино.

— Мэтью, это неудачная шутка! — воскликнула я. — Почему ты обязан подчиняться его диктаторским заманкам?

— Потому что сильный глава семьи предотвращает хаос, бессмысленное кровопролитие и более страшные вещи, — на полном серьезе ответил Мэтью. — Диана, ты забываешь, что я возродился к жизни вампира совсем в другое время. Оно даже отдаленно не было похоже на нынешнее. Подавляющее большинство тех, кто жил тогда, безоговорочно кому-то подчинялись: феодалу, священнику, отцу, мужу. Мне выполнять приказы Болдуина будет не столь трудно, как тебе.

— А я тут при чем? Я не вампириша. Я не обязана слушаться Болдуина.

— Если ты одна из де Клермонов, тебе придется его слушаться. — Мэтью взял меня за локти. — Конгрегация и вампирская традиция почти не оставили нам выбора. К середине декабря ты станешь полноценным членом семьи Болдуина. Я знаю Верену: она не посмеет нарушить обещание, данное Филиппу.

— Я не нуждаюсь в помощи Болдуина. Я прядильщица, и у меня достаточно магической силы.

— А вот об этом Болдуин не должен знать. — Мэтью еще крепче сжал мои локти. — Во всяком случае, пока. И никто не сможет обеспечить большую безопасность тебе и нашим детям, чем Болдуин и семья де Клермон.

— Ты один из де Клермонов, — сказала я, тыча пальцем Мэтью в грудь. — Филипп высказался об этом с предельной ясностью.

— Это в твоих глазах, но не в глазах других вампиров. — Мэтью взял меня за руку. — Я считаю себя родственником Филиппа де Клермона, но не его сыном по крови. А ты — его дочь по крови. По одной этой причине я выполняю любой приказ Болдуина.

— И даже убьешь Нокса? — (Такого вопроса Мэтью от меня не ожидал.) — Ты же ассасин Болдуина. Нокс вторгся на землю де Клермонов, а это уже прямой вызов чести семьи. Мне думается, рано или поздно Болдуин может отдать такой приказ.

Я старалась говорить спокойным, будничным тоном, а это требовало напряжения сил. Я знала, что Мэтью приходилось убивать людей и существ нечеловеческой природы. Но почему-то слово «ассасин» придавало этим смертям иной, более мрачный оттенок.

— Я уже сказал тебе, что буду выполнять приказы Болдуина.

Серые глаза Мэтью с их зеленоватым отблеском показались мне холодными и безжизненными.

— Меня по-прежнему не волнуют приказы Болдуина. Я всегда ненавидела Нокса, но тебе нельзя убивать этого колдуна, Мэтью. Вплоть до недавнего времени он был членом Конгрегации. Лучше никому не станет, а вот хуже станет всем.

— Расправой над Эмили Нокс уже подписал себе смертный приговор. — Мэтью отпустил мои руки и прошел к окну.

Нити вокруг мужа вспыхивали черным и красным. Не каждая ведьма могла видеть ткань мира, но, будучи, как и мой отец, прядильщицей и создательницей заклинаний, я ясно видела эту ткань.

Я тоже подошла к окну и встала рядом с Мэтью. Солнце уже взошло, позолотив зеленые холмы. Пейзаж казался таким благостным и безмятежным, но я знала: под шелковистой травой скрыты камни, такие же твердые и неприступные, как вампир, которого я любила. Я обвила талию Мэтью и прижалась к нему головой. Так он всегда держал меня, когда мне требовалось ощущение безопасности.

— Тебе незачем расправляться с Ноксом ради меня или по приказу Болдуина, — сказала я.

— Я должен это сделать ради Эмили, — тихо ответил он.

Эмили похоронили среди развалин древнего храма, посвященного богине. Я уже была там с Филиппом. Вскоре после нашего возвращения Мэтью чуть ли не силой повел меня туда. Эмили навсегда покинула наш мир, и Мэтью хотел, чтобы я в этом убедилась. Потом я еще несколько раз приходила сюда — успокоиться и поразмышлять. Правда, не одна. Мэтью настаивал, чтобы меня обязательно кто-нибудь сопровождал. Сегодня моей провожатой была Изабо. Мне требовалось побыть вдали от мужа, а также вдали от Болдуина и всего, что сделало удушливой атмосферу Сет-Тура.

Место это всегда поражало своей красотой. Кипарисы, словно часовые, стояли вокруг обломков колонн, едва видимых за зеленым покровом. В декабре 1590 года здесь все было белым от снега. Среди сочной зелени выделялся коричневый прямоугольник голой земли — место упокоения Эмили. Мягкая земля пестрела следами копыт. В верхней части могилы образовалась ложбинка.

— Кто-то из белых оленей повадился спать на могиле, — перехватив мой взгляд, объяснила Изабо. — Их сейчас совсем мало осталось.

— Я уже видела белого оленя в этих местах. Это было накануне моей свадьбы. Филипп привел меня сюда, чтобы сделать приношения богине.

Тогда я чувствовала ее силу, пробивающуюся из-под земли. Такой же поток силы я ощущала и сейчас, но ничего не сказала. Мэтью был непреклонен: о моей магии не должен знать никто.

— Филипп сообщил мне о встрече с тобой, — сказала Изабо. — Он оставил записочку внутри переплета одного из алхимических трактатов Годфри.

Записочки, оставляемые Филиппом и Изабо между страницами и внутри книжных переплетов, сообщали о мелких подробностях повседневной жизни, которые, если не записать их сразу, легко забывались.

— Представляю, как ты тоскуешь по нему, — сказала я и проглотила тяжелый ком, вставший поперек горла.

— Да, — тихо призналась она. — Другого такого, как он, уже никогда не будет.

Мы остановились возле могилы и замолчали. Каждая думала о своем.

— События этого утра все изменили, — нарушила молчание Изабо. — Расследование, затеянное Конгрегацией, существенно осложнит нам жизнь. Нам станет труднее хранить семейные тайны. А у Мэтью их больше, чем у кого-либо из нас.

— Ты про его роль ассасина в семье?

— Да. Многие вампирские семьи дорого заплатили бы, чтобы узнать, кто из клана де Клермонов повинен в смерти их близких.

— Когда мы были здесь с Филиппом, я думала, что узнала почти все тайны Мэтью. Я знаю, как он пытался покончить с собой. И то, какую «последнюю услугу» он оказал отцу.

Это было самой жуткой из тайн Мэтью — рассказ о том, как он помог Филиппу умереть.

— У вампиров тайнам нет конца, — сказала Изабо. — Но тайны — ненадежные союзники. Они убаюкивают нас, внушая мысли о защищенности, а сами постоянно нас разрушают.

Может, и я была одной из разрушительных тайн, лежащих в сердце семьи де Клермон? Я вытащила из кармана серый конверт и протянула Изабо. Увидев каракули Филиппа, она изменилась в лице.

— Это письмо вручил мне Ален. Филипп написал его в день своей смерти, — пояснила я. — Прочти, что он пишет. Думаю, его послание было адресовано всем нам.

Дрожащей рукой Изабо осторожно развернула хрупкий листок и прочла несколько слов вслух. Первая фраза ударила по мне с новой силой: «Не позволяй призракам прошлого лишать тебя радости будущего».

— Ох, Филипп, — вздохнула Изабо.

Она вернула мне письмо и потянулась к моему лбу. На мгновение я увидела Изабо такой, какой она была при жизни Филиппа. Тогда она умела радоваться.

Рука Изабо не достигла моего лба. Словно очнувшись, она поспешила убрать руку. Тогда я сама приложила ее пальцы к впадинке между бровями, позволив Изабо коснуться места, где Филипп де Клермон пометил меня. Пальцы Изабо были холоднее пальцев Мэтью. Они не давили, а лишь слегка касались моего лба. Потом Изабо убрала руку, отошла. Она силилась что-то сказать.

— Я что-то... чувствую. Намек на присутствие Филиппа, — призналась Изабо; ее глаза сверкали.

— Как жаль, что его нет с нами! — воскликнула я. — Он бы знал, что делать со всей этой неразберихой. С Болдуином, клятвой на крови, Конгрегацией, Ноксом и даже «Ашмолем-782».

— Мой муж предпринимал какие-то действия, только если в этом была абсолютная необходимость, — ответила Изабо.

— А мне он показался очень деятельным.

Я вспомнила, как в 1590 году он подготовил нашу поездку в Сет-Тур, невзирая на погоду и нежелание Мэтью ехать.

— Отнюдь. Он наблюдал. Выжидал. Филипп позволял другим рисковать, а сам собирал их тайны и хранил, чтобы воспользоваться в будущем. Потому-то он и прожил так долго, — сказала Изабо.

Ее слова напомнили мне о задании, которое Филипп дал мне в 1590 году, сразу после кровной клятвы и удочерения: «Думать и оставаться в живых».

— Вспомни о его задании, прежде чем помчишься в Оксфорд за своей книгой. — Изабо понизила голос до шепота. — Вспоминай об этом в грядущие тяжелые дни, когда откроются самые мрачные тайны семейства де Клермон. Выполняй его напутствие, и ты покажешь всем, что являешься настоящей дочерью Филиппа де Клермона.

Глава 5

Мне хватило двух дней присутствия Болдуина в Сет-Туре, чтобы понять, зачем Мэтью построил себе отдельную башню. Еще лучше, если бы эту башню он возвел в другой части Франции или даже в другой стране.

Болдуин без обиняков заявил: кто бы ни являлся законным владельцем замка, Сет-Тур — его родной дом. Когда мы собирались за столом, он неизменно занимал главенствующее место. Каждое утро Ален спешил к нему получить распоряжения и в течение дня несколько раз являлся и докладывал, как они выполняются. Мэр Сен-Люсьена нанес Болдуину визит, и они уселись в гостиную, обсуждая местные дела. Марте он устроил настоящий экзамен, проверяя, как она ведет хозяйство, и нехотя признал, что с делами она справляется блестяще. Он без стука входил в чужие комнаты, дергал Мэтью и Маркуса ради пустячных поручений, часть которых просто выдумывал. Придирался он и к Изабо, спрашивая с нее за все: от убранства гостиной до пыли в большом зале.

Натаниэль, Софи и малышка Маргарет были первыми счастливицами, покинувшими замок. Они тепло простились с Маркусом и Фиби, пообещав немедленно сообщить, как только доберутся до места. Болдуин настоял, чтобы они поехали в Австралию, разыграв солидарность с матерью Натаниэля, демоницей и членом Конгрегации. Натаниэль пытался возражать, утверждая, что им будет неплохо и в Северной Каролине, но холодная рассудительность и, в частности, железная логика Фиби взяли верх.

Позже мы допытывались у Фиби, почему она поддержала Болдуина. Объяснение было простым: Маркус беспокоился о безопасности Маргарет, и Фиби не хотела, чтобы ответственность за благополучие малышки целиком ложилась на его плечи. Поэтому

Натаниэлю следовало принять тот вариант, который Болдуин считал наилучшим. Выражение лица этой юной особы предостерегало: «Думаешь по-другому — держи свое мнение при себе».

После первой волны уехавших Сет-Тур все равно оставался довольно населенным. Болдуин, Мэтью, Маркус, а также Верена, Изабо и Галлоглас. Фернандо предпочитал не мозолить глаза, проводя большую часть времени с Сарой или Хэмишем. Мы все находили укромные уголки, куда могли удалиться, испытывая острую потребность в тишине и покое. Поэтому меня удивило, когда Изабо влетела в кабинет Мэтью сообщить, где в данный момент находится Маркус.

— Маркус в Круглой башне, и Сара тоже там! — выпалила Изабо; на ее щеках обычно бледного лица проступил румянец. — Вместе с ними — Фиби и Хэмиш. Они нашли старые семейные родословные книги.

Я не понимала, отчего это известие заставило Мэтью отшвырнуть ручку и вскочить со стула. Поймав мой удивленный взгляд, Изабо ответила печальной улыбкой.

— Маркус близок к раскрытию одной из отцовских тайн, — пояснила она.

Это завело и меня.

В Круглой башне я еще ни разу не бывала. Она располагалась напротив башни Мэтью. Их разделяло главное здание замка. Едва оказавшись там, я догадалась, почему эту башню не включили в мою экскурсию по Сет-Туру.

В самом центре башенного пола я увидела круглую металлическую решетку. Из ямы, закрываемой ею, тянуло знакомым запахом веков, смерти и отчаяния.

— Подземная темница, — прошептала я, временно обездвиженная зрелищем.

Мэтью услышал мои слова и стал спускаться по гулким ступеням.

— Филипп строил эту башню под тюрьму, но по большей части она пустовала, — пояснил он.

Давно я не видела его с наморщенным лбом и таким встревоженным.

— Идем, — сказала я, отмахиваясь от дурных мыслей. — Я пойду следом.

Если подземная тюрьма на первом этаже Круглой башни была местом забвения, то третий этаж был местом воспоминаний.

Его пространство наполняли сундуки, книги, свитки и разные предметы. Я попала в семейный архив де Клермонов.

— Неудивительно, что Эмили буквально паслась здесь, — сказала Сара.

Она склонилась над шатким столом, где лежал наполовину развернутый свиток. Рядом стояла Фиби. Еще с полдюжины свитков лежали на том же столе и ждали своего часа.

— Она была помешана на генеалогии, — добавила тетка.

— Привет! — весело крикнул нам с высокой галереи Маркус.

Галерея тоже была плотно заставлена сундуками и стеллажами. Дурное предчувствие Изабо пока не оправдалось.

— Кстати, Хэмиш собирался сходить за вами.

Маркус ловко перемахнул через перила и бесшумно приземлился рядом с Фиби. Я повертела головой по сторонам, однако ни постоянной, ни приставной лестницы не увидела. Скорее всего, забирались на галерею по стене, держась за выступающие части грубо обтесанных камней, а затем спрыгивали вниз. Высокий уровень безопасности на вампирский манер.

— А что ты тут ищешь? — спросил Мэтью, выказывая легкое любопытство.

Маркус вовек не догадался бы, что мы появились здесь по подсказке Изабо.

— Способ сбросить Болдуина с наших хребтов. Большие тут искать нечего, — ответил Маркус и подал Хэмишу тетрадь в ветхом переплете. — Смотри, что я нашел. Записки Годфри по вампирскому праву.

Хэмиш принялся листать страницы, явно стремясь найти полезные сведения юридического характера. Годфри был самым младшим из трех сыновей Филиппа. Его отличал недюжинный ум. На третьем этаже Круглой башни запахло дурными предчувствиями.

— И что же ты нашел? — спросил Мэтью, бегло взглянув на свиток.

— Подойди и взгляни. Диане тоже будет интересно, — ответил Маркус, подзывая нас к столу.

— Диана, тебе это явно понравится, — подхватила Сара, поправляя очки. — Маркус нашел генеалогическое древо де Клермонов. На вид — очень старое.

— Так оно и есть, — сказала я.

Генеалогическое древо было исполнено в средневековой манере. Вверху, в квадратных рамках, составитель красочно изобразил мужчину и женщину, отчасти похожих на Филиппа и Изабо. Их разделяло пространство, через которое тянулись и смыкались их руки. От каждого вниз отходили цветные ленты с кружками. Кружки содержали имена. Некоторые были мне знакомы: Хью, Болдуин, Годфри, Мэтью, Верена, Фрейя, Стасия. Многие я видела впервые.

— Двенадцатый век. Французская работа. Стиль исполнения характерен для мастерской в Сен-Севере, — сказала Фиби, подтверждая мои предположения о возрасте изображения.

— Все началось, когда я пожаловался Галлогласу на то, что Болдуин сует нос повсюду, — пояснил Маркус. — Он рассказал мне, что Филипп вел себя не лучшим образом. Это было, когда Хью осточертел отцовский диктат и он решил жить самостоятельно, забрав с собой и Фернандо. Галлоглас назвал их семью боковой ветвью и добавил, что иногда боковые ветви — это единственный способ поддержания мира.

Ох, не видать Галлогласу мира, когда дядюшка Мэтью разыщет его! На лице моего мужа читалась ярость, которую пока ему удавалось подавлять.

— Помню, я что-то читал о боковых ветвях. Одно время дед питал надежду, что я пойду по юридической стезе и возьму на себя прежние обязанности Годфри, — добавил Маркус.

— Нашел! — объявил Хэмиш, постучав пальцем по странице. — «Каждый мужчина, имеющий чистокровное потомство, может создать боковую ветвь при условии, что его решение было одобрено его отцом или главой его клана. Новая боковая ветвь будет считаться ответвлением от изначальной семьи, однако во всем остальном глава нового семейства свободен в изъяснении своей воли и применении своей власти».

Достаточно прямолинейные слова, но, поскольку они принадлежали Годфри, это включало в себя еще что-то.

— Создание боковой ветви — самостоятельной ветви семейства де Клермон, где главой станет Мэтью, решит все наши проблемы! — заявил Маркус.

— Только учти, что не все главы кланов приветствуют появление боковых ветвей, — предостерег сына Мэтью.

— Познавший вкус бунтарства вовеки бунтарем пребудет, — пожал плечами Маркус. — Ты это знал, когда создавал меня.

— А Фиби? — вскинул брови Мэтью. — Невеста разделяет твои революционные взгляды? Возможно, ей не понравится перспектива, когда твой дядя наложит лапу на все твои финансы и вас обоих выставят из Сет-Тура без гроша за душой.

— Как прикажешь это понимать? — нахмурился Маркус.

— Пусть Хэмиш меня поправит, если я ошибаюсь, но мне помнится, что в следующем разделе книги Годфри говорится о наказаниях, налагаемых в случае, если боковая ветвь создается без позволения главы основного семейства, — ответил Мэтью.

— Ты — мой отец, а значит, и глава, — возразил Маркус, упрямо выпятив подбородок.

— Только в биологическом смысле. Я поделился с тобой своей кровью, чтобы ты смог возродиться вампиром.

Мэтью молотил руками в воздухе. Меня это встревожило. Я представляла, что сейчас происходит у него внутри.

— У Годфри написано «sire», то есть «производитель». Ты знаешь, до чего я ненавижу это слово. Я считаю себя твоим отцом, а не донором крови.

— А я прошу тебя встать на ступеньку выше, — не сдавался Маркус. — Болдуин превратно понимает завет и роль Конгрегации. Если ты создашь боковую ветвь, мы сможем проложить собственный путь и сами принимать решения.

— Мэтт, разве что-то мешает тебе создать свою ветвь? — спросил Хэмиш. — Теперь, когда Диана беременна, думаю, ты с радостью вырвешься из-под диктата Болдуина.

— Все не так просто, как ты думаешь, — ответил Мэтью. — И у Болдуина могут появиться оговорки.

— Фиби, а это что?

Палец Сары застыл на пергаменте почти под самым именем Мэтью. Генеалогия интересовала мою тетку больше, нежели юридическая казуистика.

Фиби пригляделась:

— Похоже на подчистку. Когда-то здесь тоже помещался кружок с именем. Подчищали грубо. Имя все равно можно прочитать. Веја... нет, должно быть, Вејамін. В Средние века имена часто сокращали и ставили «i» вместо «j».

— Имя-то выскребли, а убрать красную ленточку, тянущуюся к Мэтью, забыли. Следовательно, этот Бенжамен — один из детей Мэтью, — заключила Сара.

При упоминании о Бенжамене у меня похолодела кровь. У Мэтью действительно был сын с таким именем. Жуткое создание.

Фиби развернула другой свиток. Это генеалогическое древо тоже было старинным, но все же ближе к нашему времени. Невеста Маркуса нахмурилась.

— А это вроде уже тринадцатый век, — сказала Фиби, разворачивая пергамент. — Никаких подчисток и никакого упоминания о Бенжамене. Получается, был и бесследно исчез.

— Кто он такой — этот Бенжамен? — спросил Маркус.

Его вопрос меня удивил. Уж кто-кто, а он-то должен знать имена всех остальных детей Мэтью.

— Бенжамена не существует, — с бесстрастным лицом, тщательно выбирая слова, заявила Изабо.

Мой мозг пытался сопоставить последствия вопроса Маркуса и странный ответ Изабо. Если сын Мэтью не знал о Бенжамене...

— Значит, потому его имя и соскребли? — спросила Фиби. — Может, исполнитель древа допустил ошибку?

— Да, он был ошибкой, — упавшим голосом произнес Мэтью.

— Однако Бенжамен существует, — сказала я, пристально глядя в серо-зеленые глаза Мэтью, зашторенные воспоминаниями. — Я встречала его в Праге шестнадцатого века.

— Так он жив? — спросил Хэмиш.

— Не знаю. Я создал его в двенадцатом веке и полагал, что он погиб вскоре после превращения в вампира, — ответил Мэтью. — Через несколько сот лет Филипп слышал о ком-то, чей словесный портрет совпадал с обликом Бенжамена. Установить истину мы не успели. Тот вампир исчез. В девятнадцатом веке ходили слухи о Бенжамене, однако доказательств не было.

— Ничего не понимаю, — замотал головой Маркус. — На генеалогических древах изображают и умерших. Значит, Бенжамен должен был бы там присутствовать.

— Я от него отрекся. И Филипп тоже. — Не желая встречаться с нашими любопытными взглядами, Мэтью закрыл глаза. — Подобно тому как через клятву на крови можно сделать кого-то частью твоей семьи, можно из семьи и изгнать. И тогда, согласно вампирскому праву, такой вампир считается безродным и вынужден сам о себе заботиться. Маркус, ты знаешь, какую значимость придают вампиры родословной. Отсутствие признанной родо-

словной у вампиров считается таким же пятном, как у ведьм — быть под властью чужого заклинания.

Теперь я яснее понимала, почему Болдуин может воспротивиться моему включению в генеалогическое древо семьи де Клермон в качестве дочери Филиппа.

— Значит, Бенжамен действительно мертв, — сказал Хэмиш. — По крайней мере, с юридической точки зрения.

— А мертвые иногда восстают и преследуют нас, — пробормотала Изабо, заработав мрачный взгляд сына.

— Не представляю, какое преступление мог совершить Бенжамен, если вы с дедом отrekliсь от него. — Маркус по-прежнему находился в замешательстве. — В свои ранние вампирские годы я был просто ходячим ужасом, но ты же от меня не отрекся.

— Бенжамен был одним из немецких крестоносцев, отправившихся с армией графа Эмиха в Святую землю. По пути, в Венгрии, их разбили, и тогда он примкнул к солдатам моего брата Годфри, — начал Мэтью. — Мать Бенжамена была дочерью очень богатого ближневосточного купца. Торговые связи семьи требовали знания языков. Он сносно знал еврейский и даже арабский. Он был ценным союзником... поначалу.

— Так Бенжамен был сыном Годфри? — спросила Сара.

— Нет. Моим, — ответил Мэтью. — Через какое-то время Бенжамен нашел более выгодный товар для торговли — семейные тайны де Клермонов. Он грозился раскрыть жителям Иерусалима существование не только нашей породы, но и ведьм с демонами. Узнав о его предательстве, я потерял самообладание. Филипп мечтал создать на Святой земле надежную гавань для всех нас. Место, где мы могли бы жить, не ведая страха. Бенжамен имел силу уничтожить надежды Филиппа. Самое ужасное — это я дал ему такую силу.

Я успела изучить мужа, чтобы представить степень его чувства вины и раскаяния.

— Почему ты не убил его на месте? — спросил Маркус.

— Смерть была бы слишком быстрой расплатой. Я хотел наказать Бенжамена за его вероломство. Хотел, чтобы он познал страдания, через которые проходили вампиры, ведьмы, демоны. Я сделал его вампиром. Если бы ему вздумалось разоблачить де Клермонов, он разоблачил бы и себя... А потом я отрекся от него, — помолчав, добавил Мэтью.

— Тогда кто учил его выживанию? — тихо спросил Маркус.

— Я обрек его на... самообразование. Это было частью его наказания, — ответил Мэтью, выдерживая пристальный взгляд Маркуса. — Это же стало частью и моего наказания. Бог заставил меня искупить мой грех. Я отрекся от Бенжамена, не зная, что он унаследовал от меня бешенство крови. Только через много лет мне стало известно, в какое чудовище превратился Бенжамен.

— Бешенство крови? — Маркус с явным недоверием смотрел на отца. — Это же невозможно. Носящий бешенство крови становится бездумным и безжалостным убийцей. Уже почти две тысячи лет не было ни одного случая бешенства крови. Ты мне сам рассказывал.

— Я солгал, — дрогнувшим голосом ответил Мэтью.

— Мэтт, у тебя никак не может быть бешенства крови, — возразил Хэмиш. — О нем упоминается в документах вашей семьи. Там же перечислены симптомы: слепая ярость, неспособность рассуждать и всепоглощающий инстинкт убивать всех без разбору. Я ни разу не замечал в тебе даже малейших признаков этой болезни.

— Я научился управлять ею... за редкими исключениями.

— Если бы Конгрегация узнала об этом, за твою голову назначили бы вознаграждение. Судя по тому, что я здесь вычитал, не только любой вампир, но и любой демон и любая ведьма имели бы законное право тебя убить. — Последнюю фразу Хэмиш произнес с нескрываемой озабоченностью.

— Не только меня. — Взгляд Мэтью скользнул по моему округлившемуся животу. — Моих детей тоже.

— Невинных малюток... — пробормотала ужаснувшаяся Сара.

— И Маркуса тоже?

Вопрос Фиби прозвучал спокойно, но ее пальцы вцепились в край стола так, что побелели костяшки.

— Маркус всего лишь носитель, — попытался успокоить ее Мэтью. — Симптомы проявляются немедленно. — (Фиби явно вздохнула с облегчением.) — Когда я сотворял Маркуса, то искренне верил, что излечился. С момента последней вспышки прошел почти век. То время называли эпохой Разума. Нашими умами владела гордыня, и мы верили, что можно излечить все беды прошлого: от оспы до суеверий. А потом ты отправился в Новый Орлеан.

— Мои собственные дети... — ошалело произнес Маркус, затем до него начал доходить смысл отцовских слов. — Вы с Жюльет Дюран приехали в город, и они начали гибнуть. Я думал, это Жюльет убивала их. Оказывается, ты. Ты убивал их из-за бешенства крови, которое им передалось.

— У твоего отца не было выбора, — вздохнула Изабо. — Конгрегация знала о беспорядках в Новом Орлеане. Филипп приказал Мэтью разобраться на месте и сделать это раньше, чем вампиры узнают истинную причину. Откажись тогда Мэтью, вы все были бы мертвы.

— Остальные вампиры, входившие в Конгрегацию, были убеждены, что бич древности — бешенство крови — вернулся, — сказал Мэтью. — Они намеревались разрушить город и сжечь его до основания. Я возражал, называя причиной безумия молодость и неопытность, а не бешенство крови. От меня ждали, что я убью не только этих взбесившихся деток, но и тебя, Маркус.

Признание ошеломило Маркуса. Изабо и бровью не повела.

— Филипп негодовал, но я уничтожил только тех, у кого проявлялись симптомы. Я убивал их быстро, без страха и сожаления, — признался Мэтью.

Его голос стал мертвым. Я не впервые слышала этот голос. Я ненавидела тайны, которые он хранил, и горы вранья, навороченные ради сокрытия этих тайн. Однако сердце за Мэтью у меня все равно болело.

— Остальные выходки моих внуков я объяснял вполне обычными причинами: бедностью, склонностью к пьянству, алчностью. Затем я взял на себя ответственность за случившееся в Новом Орлеане, оставил свой пост в Конгрегации и поклялся, что ты не будешь сотворять детей до тех пор, пока не станешь старше и мудрее.

— Ты говорил мне, что я неудачный вариант. Позор для семьи. — От подавляемых эмоций голос Маркуса сделался хриплым.

— Я должен был заставить тебя остановиться. Я не знал, как еще это сделать.

Мэтью признавался в грехах, однако не просил о прощении.

— Мэтью, а кто еще знает твою тайну? — поинтересовалась Сара.

— Верена, Болдуин, Стасия и Фрейя. Фернандо с Галлогласом. Мириам. Марта. Ален. — После каждого имени Мэтью немного

разгибал пальцы, сжатые в кулаки. — Хью, Годфри, Хэнкок, Луиза и Луи тоже знали.

— Я хочу знать все. С самого начала, — заявил Маркус, с горечью глядя на отца.

— Мэтью не может рассказать тебе эту историю с самого начала, — тихо произнесла Изабо. — Только я могу.

— Нет, Мапап, — затряс головой Мэтью. — В этом нет необходимости.

— Ошибаешься, Мэтью. Есть. Я принесла болезнь в семью. Я такая же носительница, как и Маркус.

— Ты? — ошеломленно переспросила Сара.

— Этой болезнью страдал мой производитель. Он считал ее великим благом. Я превращалась в *ланию* — страшное, кроваво-жадное чудовище, убить которое почти невозможно.

Слово «производитель» Изабо произнесла с гневом и презрением. Теперь понятно, почему Мэтью ненавидел это слово.

— В ту эпоху между вампирами шли постоянные войны и любое преимущество становилось оружием. Но я разочаровала папашу, — продолжала Изабо. — Кровь моего создателя не проявлялась во мне так, как он надеялся, хотя у остальных его детей бешенство крови полыхало как пожар. И в наказание... — Изабо умолкла; ее вдох был похож на всхлипывание. — В наказание меня посадили в клетку, сделав предметом развлечения для братьев и сестер. Живой мишенью, на которой можно отрабатывать навыки убийства. Мой производитель не ожидал, что я останусь в живых. — Изабо снова замолчала, поднеся пальцы к губам. — Очень долго я жила в той крошечной зарешеченной тюрьме: грязная, голодная, раненная изнутри и снаружи. Я жаждала смерти, но умереть не могла. И чем дольше я сопротивлялась жизненным обстоятельствам, тем более интересной игрушкой становилась. Мой, с позволения сказать, отец неоднократно насиловал меня. Братья тоже. То, что они делали со мной, проистекало от извращенного любопытства. Им хотелось узнать, какое издевательство все-таки сделает меня покорной. Но я была проворной и смысленной. И тогда мой производитель начал подумывать, что я могу ему пригодиться.

— Филипп рассказывал не такую историю, — возразил ошеломленный Маркус. — Дед говорил, что вызволил тебя из крепости. Твой создатель похитил тебя и сделал вампиршей против

твоей воли, потому что ты была невероятно красивой и он не хотел делить тебя с кем-либо. Филипп утверждал, что производитель насильно превратил тебя в свою жену.

— Он рассказывал правду, но только не всю, — ответила Изабо, пристально глядя на внука. — Филипп действительно нашел меня в крепости и спас из ада. Но к тому времени я уже не была красавицей, какие бы романтические истории твой дед ни рассказывал потом. Однажды птица уронила на оконный косяк обломок морской раковины. Этим обломком я почти наголо обкромсала себе волосы, чтобы меня не могли за них схватить. Шрамы сохраняются до сих пор, хотя сейчас они и скрыты. Вдобавок у меня была сломана нога. Кажется, и рука тоже, — рассеянно добавила Изабо. — Марта лучше помнит.

Неудивительно, что Изабо и Марта так тряслись надо мной после недолгого пребывания в плену в Ла-Пьере. Одна сама прошла через истязания, другая помогала ей вернуться к жизни. Но на этом рассказ Изабо не заканчивался.

— Когда явился Филипп с отрядом солдат, я посчитала это ответом на свои молитвы, — продолжала она. — Моего производителя они убили на месте. Солдаты сказали, что нужно уничтожить и всех его детей, чтобы зараза больше не распространялась. Они не церемонились. На следующее же утро уволокли всех моих братьев и сестер. Меня Филипп отстоял. Не позволил солдатам расправиться и со мной. Твой дед солгал солдатам, сказав, что моим создателем был совсем другой вампир, а этот держал меня в плену, поскольку я отказывалась становиться его женой. Иными словами, я к бешенству крови не имею никакого отношения и убиваю только ради собственного выживания. Тех, кто мог бы возразить, солдаты успели уничтожить. — Изабо посмотрела на потрясенного Маркуса. — Потому-то Филипп и простил Мэтью, что он не убил тебя, хотя ему и было приказано. Филипп понимал, сколько страданий это принесло бы твоему отцу. Любовь и требования справедливости не всегда сочетаются.

Слова Изабо не смогли прогнать сумрак из глаз Мэтью.

— Много веков Филипп, Марта и я хранили эту тайну. Прежде чем мы обосновались во Франции, я создала много детей и искренне считала, что бешенство крови навсегда осталось в прошлом. Мои дети жили долго, не обнаруживая ни одного признака болезни. А затем я создала Мэтью... — Голос Изабо дрогнул; под веком

появилась красная капелька, и Изабо смахнула кровавую слезу, не дав ей упасть. — К тому времени, когда я сотворила Мэтью, вампиры воспринимали моего производителя как мрачную легенду далекого прошлого. Ее рассказывали в назидание: вот что угрожает каждому вампиру, если им будет управлять необузданная жажда крови и стремление к власти. Правы тогда были очень суровыми: если вампира всего лишь подозревали в бешенстве крови, его немедленно убивали вместе с его производителем и потомством, — бесстрастным тоном сообщила Изабо. — Но я не могла убить своего сына и не позволила бы другим сделать это. Мэтью не виноват, что ему передалась такая болезнь.

— В этом вообще никто не виноват, Мамап, — сказал Мэтью. — Бешенство крови — генетическое заболевание, природу которого мы до сих пор не понимаем. Филипп поначалу отличался беспощадностью. Это обстоятельство и умение нашей семьи скрывать правду — вот основные причины, почему Конгрегация до сих пор не знает, что я подвержен бешенству крови.

— У них нет полной уверенности, но кое-кто из членов Конгрегации подозревает, — предостерегла сына Изабо. — Были вампиры, считавшие, что твоя сестра страдала не безумием, а бешенством крови.

— Герберт, — прошептала я.

— И Доменико тоже, — кивнула Изабо.

— Не надо авансом придумывать себе беды, — сказал Мэтью, пытаясь ее успокоить. — Я присутствовал на заседании Конгрегации, когда обсуждался вопрос о бешенстве крови. И ни у кого не возникло даже малейших подозрений, что я ему подвержен. Пока они считают, что бешенство крови осталось в прошлом, угрозы для нашей тайны нет.

— Должен вас огорчить. Конгрегация опасается, что бешенство крови вернулось, — сказал Маркус.

— Чем обусловлены их подозрения? — спросил Мэтью.

— Волной убийств, совершенных вампирами.

Мне вспомнился прошлый год и газетные вырезки, которые я видела в оксфордской лаборатории Мэтью. Загадочные убийства происходили по всему миру, и так продолжалось несколько месяцев. Расследование наталкивалось на препятствия, и эти убийства привлекли внимание людей.

— Судя по всему, убийства прекратились еще в январе, однако Конгрегация до сих пор находится под впечатлением сенсаци-

онных заголовков, — продолжал Маркус. — Виновные так и не были найдены. Конгрегация не исключает, что в любой момент убийства могут возобновиться. Это я собственными ушами слышал в апреле от Герберта, когда впервые обратился с заявлением об отмене завета.

— Неудивительно, что Болдуин не горит желанием признавать меня своей ссстрой, — сказала я. — Клятва Филиппа на крови непременно привлекла бы внимание к семейству де Клермон. Неизбежные вопросы. Вдобавок вас легко могли заподозрить в тех убийствах.

— У Конгрегации есть официальная родословная нашей семьи, где отсутствуют какие-либо упоминания о Бенжамене. Фиби и Маркус нашли семейные копии, и не более того, — сказала Изабо. — Филипп считал, что Конгрегации незачем знать об... опрометчивом поступке Мэтью. Когда Бенжамен стал вампиром, родословные Конгрегации хранились в Константинополе. Мы находились в далеком Утремере¹, изо всех сил стараясь удержать наши территории в Святой земле. Если мы уничтожили его имя на генеалогическом древе, кто бы об этом узнал?

— Неужели никто из вампиров в колониях крестоносцев не знал о Бенжамене? — удивился Хэмиш.

— Знали, но до сего дня дожила совсем горстка. А тех, кто посмеет усомниться в официальной версии Филиппа, — всего ничего, — ответил Мэтью, однако скептическое выражение так и не исчезло с лица Хэмиша.

— Тревоги Хэмиша обоснованны. Когда о браке Мэтью и Дианы узнают все, не говоря уже о клятве Филиппа и существовании близнецов, кое у кого из тех, кто до сих пор молчал о моем прошлом, могут вдруг развязаться языки, — сказала Изабо.

— Герберт, — выдохнула Сара.

Она произнесла имя, вертевшееся в мыслях каждого из нас.

Изабо кивнула:

— Кому-то вспомнятся похождения Луизы. Еще какой-нибудь вампир припомнит Новый Орлеан и жуткие истории, творимые детьми Маркуса. Потом Герберт поделится с Конгрегацией своими воспоминаниями и расскажет, как давным-давно у Мэтью

¹ *Утремер (фр.)* — «земля за морем»; общее название государств крестоносцев.

однажды проявились признаки безумия, с которыми он затем сумел справиться. И де Клермоны впервые окажутся предельно уязвимыми.

— Не исключено, что один или оба близнеца могут унаследовать эту страшную болезнь, — сказал Хэмиш. — Убийца, которому полгода от роду... жуткая перспектива. Никто не посмеет упрекнуть Конгрегацию за решительные меры.

— Не исключено и другое. Кровь ведьмы может стать своеобразной вакциной и не допустить укоренения болезни в малышах, — высказала свое предположение Изабо.

Маркус слушал нас вполуха, продолжая о чем-то думать.

— Погодите, — вдруг произнес он. — Когда именно Бенжамен стал вампиром?

— В самом начале двенадцатого столетия, — хмуро ответил Мэтью. — После Первого крестового похода.

— А когда ведьма в Иерусалиме родила ребенка-вампира?

— Какого еще ребенка-вампира? — Вопрос Мэтью прозвучал словно выстрел.

— О нем нам рассказала Изабо. Еще зимой, в январе, — пояснила Сара. — Получается, вы с Дианой не первые, у кого родится межвидовое потомство. В прошлом такие случаи уже были.

— Я всегда считала эти сведения не более чем слухами и думала, что их распространяют с единственной целью: натравить ведьм на вампиров. Однако Филипп верил в правдивость той истории. А теперь, когда Диана вернулась беременной...

Я впервые слышала, чтобы у Изабо дрожал голос.

— Теперь расскажи ту историю нам, — попросил Мэтью. — Все, что тебе известно, Мамап.

— В Иерусалиме некий вампир изнасиловал ведьму. Она забеременела его ребенком, — торопливо начала рассказывать Изабо. — Имени вампира мы так и не узнали. Ведьма отказалась его назвать.

Зачать ребенка от вампира могла только прядильщица времен. Обычной ведьме такое не по силам. Эти слова я слышала в елизаветинском Лондоне от Благочестивой Олсоп.

— Когда это случилось? — почти шепотом спросил Мэтью.

Изабо залумалась:

— Незадолго до создания Конгрегации и подписания завета.

— Вскоре после моего сотворения Бенжамена, — добавил Мэтью.

— Возможно, Бенжамен унаследовал от тебя не только бешенство крови, — сказал Хэмиш.

— Что было с ребенком? — задал новый вопрос Мэтью.

— Умер от голода, — прошептала Изабо. — Младенец отказывался сосать материнскую грудь.

Мэтью вскочил как ужаленный.

— Чему ты удивляешься? Многие новорожденные отказываются от материнского молока, — попыталась успокоить его Изабо.

— А младенец пил кровь? — спросил Мэтью.

— Мать утверждала, что да.

Мэтью с размаху хватил кулаком о стол. Изабо передернуло.

— Но Филипп не был в этом уверен. К тому времени, когда он добрался до несчастной малютки... забыла сказать, это была девочка... Словом, Филипп застал ее при смерти. Ребенок уже не требовал никакой пищи.

— Филипп должен был бы рассказать мне эту историю сразу, как увидел Диану.

Изабо молчала. Указующий (и упрекающий) перст сына был направлен в ее сторону.

— А еще раньше об этом должна была бы сообщить мне ты, едва Диана впервые появилась в Сет-Туре.

— Если бы мы всегда поступали так, как надлежит, то давно обитали бы в раю, — ответила сыну Изабо, начинавшая терять самообладание.

— Прекратите оба! Мэтью, ты не можешь ненавидеть отца или Изабо за то, что совершил по собственной воле, — спокойно заметила Сара. — И потом, нам по горло хватает нынешних забот, чтобы ссориться из-за событий прошлого.

Слова моей тетки мгновенно разрядили напряжение.

— И что нам теперь делать? — спросил Маркус.

Мэтью, похоже, был удивлен этим вопросом.

— Мы — семья, — продолжал Маркус. — Признаёт это Конгрегация или нет, мы остаемся семьей. Равно как вы с Дианой муж и жена независимо от представлений тех идиотов в Венеции.

— Пока мы не будем оспаривать решения Болдуина, — подумав, ответил Мэтью. — Я отвезу Сару и Диану в Оксфорд. Если сведения о раннем межвидовом браке — правда, если другой вампир... возможно, Бенжамен... смог оплодотворить ведьму, нам

необходимо выяснить, почему некоторые ведьмы и некоторые вампиры способны давать потомство.

— Я сообщу Мириам, — сказал Маркус. — Она будет рада твоему возвращению в лабораторию. Пока ты здесь, подумай о механизмах действия бешенства крови.

— А чем, по-твоему, я занимался все эти годы? — тихо спросил Мэтью.

— Значит, твои исследования касались не только происхождения нечеловеческих видов и их генетики, — сказала я, думая об исследованиях мужа. — Ты пытался выяснить особенности передачи бешенства крови и возможные способы лечения.

— Мы с Мириам работали в нескольких направлениях и всегда надеялись, что однажды сделаем открытие и оно приведет нас к созданию лекарства, — признался Мэтью.

— А чем я могу тебе помочь? — спросил Хэмиш.

— Тебе тоже придется уехать из Сет-Тура. Я попрошу тебя внимательно изучить завет и все, что сумешь найти о ранних дебатах, возникавших в Конгрегации. Словом, любые документы, проливающие свет на то, что происходило в Иерусалиме сразу после окончания Первого крестового похода и вплоть до момента, когда завет стал законом. — Мэтью обвел взглядом обширный архив де Клермонов. — Чертовски скверно, что ты не можешь работать здесь.

— Если хотите, я могу помочь с исследованиями, — вызвалась Фиби.

— Приказ покинуть Сет-Тур распространяется и на тебя, — сказал ей Хэмиш.

— Нет, я останусь здесь, с Маркусом, — дерзко вскинула подбородок Фиби. — Я не ведьма и не демоница. У Конгрегации нет закона, который запрещал бы мне находиться в Сет-Туре.

— Это временные ограничения, — напомнил Мэтью. — Как только члены Конгрегации удостоверятся, что положение дел в Сет-Туре отвечает их требованиям, Герберт заберет Изабо в свою резиденцию в Кантале. Вскоре вампирская драма наскучит и Болдуину. Он вернется в Нью-Йорк, а все мы снова встретимся здесь. Надеюсь, к тому времени у нас будет больше знаний и наш план окажется совершеннее прежнего.

Маркус кивнул, хотя слова отца не удовлетворили его.

— Разумеется, если ты создашь боковую ветвь...

— Невозможно! — отрезал Мэтью.

— «Impossible» n'est pas français¹, — заявила Изабо, тон которой по резкости мог соперничать с укусом. — В лексиконе твоего отца такого слова не существовало.

— Для меня не может быть и речи, чтобы оставаться внутри клана Болдуина и под его непосредственным контролем, — сказал Маркус, кивая словам Изабо.

— Неужели после сегодняшних откровений, когда все семейные тайны оказались на поверхности, ты по-прежнему способен гордиться моим именем и принадлежностью к моей крови? — спросил его Мэтью.

— Уж лучше ты, чем Болдуин, — ответил Маркус, не сникая под пристальным отцовским взглядом.

— Даже не знаю, как ты способен выносить мое присутствие, — тихо сказал Мэтью и отвернулся. — Я уж не говорю про то, как у тебя получается меня прощать.

— Я тебя не простил, — спокойно возразил Маркус. — Найди лекарство от бешенства крови. Поддержи меня в борьбе за отмену завета и не поддерживай несправедливые законы Конгрегации. Создай боковую ветвь, чтобы мы смогли жить без Болдуина, дышащего нам в затылок.

— И тогда? — язвительно спросил Мэтью.

— Тогда я не только тебя прощу. Я буду первым, кто заявит о своей верности тебе. И как отцу, и как моему создателю, — ответил Маркус.

¹ «Невозможно» — это не по-французски (фр.).

Глава 6

В Сет-Туре отношение к обедам было довольно наплевательское. Мы ели когда хотели и что хотели. Однако сегодняшний вечер был нашим последним вечером под крышей замка. Болдуин приказал всем собраться за общим столом, чтобы вспомнить и поблагодарить уже уехавших и пожелать счастливого пути Саре, Мэтью и мне.

Я удостоилась сомнительной чести заниматься приготовлениями к торжеству. Если тем самым Болдуин рассчитывал меня напугать, то жестоко просчитался. В 1590 году я неплохо справлялась с устройством трапез для обитателей замка. В нынешнее время это было еще проще. Я разослала приглашения здешним вампирам, ведьмам и людям и надеялась на лучшее.

Пороку я сожалела о просьбе, чтобы каждый явился к столу в официальном наряде. Шею я украсила жемчужным ожерельем Филиппа. Оно дополняло золотой наконечник стрелы, который я привыкла носить постоянно. Но иитки доходили мне почти до бедер и плохо гармонировали с брюками. Жемчуг я отправила в устланную бархатом шкатулку, доставшуюся мне от Изабо. Туда же улеглись и длинные серьги, способные восхитительно играть на свету, но елозящие мне по подбородку. Их я заменила сережками-капельками.

— Вот уж не знал, что ты так долго возишься со своими побрякушками, — заявил выпедный из ванной Мэтью.

Он смотрел на мое отражение в зеркале, вставляя золотые запонки в манжеты рубашки. Запонки украшала эмблема оксфордского Нового колледжа. Мэтью надел их в знак солидарности со мной и в память о своих многочисленных альма-матер.

— Мэтью! Ты побрился!

Я уже отвыкла видеть мужа без елизаветинской бородки и усов. Хотя облик Мэтью оставался впечатляющим во все эпохи

и при любых господствующих модах, сейчас передо мной снова был элегантный, безупречно выбритый мужчина, в которого я влюбилась в прошлом году.

— Поскольку мы возвращаемся в Оксфорд, я подумал, что лучше не выделяться из преподавательской среды, — сказал он, ощупывая гладкий подбородок. — Так гораздо легче. Бороды чешутся. Так и кажется, что тебя щекочет дьявол.

— Я тоже рада, что на место опасного принца вернулся обаятельный профессор, — тихо произнесла я.

Мэтью надел пиджак цвета древесного угля, сшитый из тонкой шерсти, затем поправил манжеты серой, с жемчужным отливом рубашки. Выглядел он... восхитительно застенчивым. Стоило мне встать, и такая же смущенная улыбка превратилась в оценивающую.

— Какая же ты красавица! — восторженно присвистнул он. — И в жемчугах, и без них.

— Тут немалая заслуга Виктуар. Она настоящая волшебница.

Виктуар — портниха-вампириша и жена Алена — сшила мне потрясающий наряд: темно-синие брюки и такого же цвета шелковую блузу до бедер, которая открывала шею и плечи, а ее мягкие складки удачно скрывали мой округлившийся живот, но при этом не создавалось ощущения, будто на мне надет комбинезон для беременных.

— В синем ты особенно неотразима, — заметил Мэтью.

— До чего же у меня сладкоречивый муж.

Я разгладила ему лацканы пиджака и поправила воротник. Все мои действия были совершенно бесполезными: пиджак сидел на Мэтью как влитой, без малейших огрехов. Но этим я удовлетворяла свои собственнические чувства. Потом я привстала на цыпочки и поцеловала мужа.

Мэтью с энтузиазмом обнял меня, запустив пальцы в медные пряди моих волос, рассыпавшихся по плечам. Я тихо и удовлетворенно вздохнула.

— Какой приятный звук, — пробормотал Мэтью и еще крепче поцеловал меня, а когда я негромко и страстно застонала, Мэтью улыбнулся. — А этот звук нравится мне куда больше.

— После таких поцелуев женщине простительно опоздать к обеду, — сказала я, и мои пальцы оказались между поясом его брюк и аккуратно заправленной рубашкой.

— Искусительница.

Зубы Мэтью осторожно сдавили мне верхнюю губу, и он отошел.

В последний раз я повернулась к зеркалу. Учитывая «знаки внимания», которыми удостоил меня Мэтью, я поняла, что не зря отказалась от предложения Виктуар завить мои волосы и тщательно их уложить. После пальцев Мэтью я вряд ли сумела бы вернуть прическе изначальный вид. Сейчас я ограничилась конским хвостом, завязав его пониже. Потом щеткой пригладила две или три непокорные прядки.

Затем настал черед маскировочного заклинания. Оно производило то же действие, что и плотные шторы на окне, залитом солнцем. Краски сделались тусклее. Черты лица тоже приглушились. Маскировочным заклинанием я привыкла себя окружать еще в Лондоне и продолжала это делать после возвращения в двадцать первый век. Теперь я была похожа на заурядную женщину. Такой едва ли посмотрят вслед... за исключением Мэтью. Муж хмуρο наблюдал за моим превращением.

— Когда вернемся в Оксфорд, я убедительно прошу тебя больше не пользоваться маскировочным заклинанием, — сказал он, скрещивая руки на груди. — Терпеть не могу это ухищрение.

— Я не могу ходить по университету, окруженная сиянием.

— А я не могу ходить по улицам, убивая направо и налево, хотя и подвержен бешенству крови. Каждый из нас вынужден нести свой крест.

— Я думала, ты не хочешь, чтобы кто-нибудь узнал о моей истинной магической силе.

Ее действие мог заметить даже сторонний наблюдатель, и это меня беспокоило. В прежние эпохи, когда прядильщиков времени было больше, я бы не стала так осторожничать.

— Я не хотел и не хочу, чтобы о твоей силе знал Болдуин и остальные Клермоны. А Саре обязательно расскажи, и чем раньше, тем лучше. Дома тебе незачем скрывать свою магию.

— А мне противно утром сплетать маскировочное заклинание и снимать только на ночь, чтобы на следующее утро все повторилось. Куда легче таскать его не снимая.

Так меня не застигнет врасплох появление нежданных гостей или выброс необузданной магической силы.

— Наши дети обязательно должны знать, кем на самом деле является их мать. Они не будут расти во тьме неведения, как росла ты. — Тон Мэтью исключал возражения с моей стороны.

— Тогда почему бы не подойти с тем же критерием и к тебе? — незамедлительно спросила я. — Должны ли близнецы знать, что их отец подвержен бешенству крови, или ты намерен скрывать это от них, как скрывал от Маркуса?

— Ты пытаешься сравнивать несравнимое. Твоя магия — дар. Бешенство крови — проклятие.

— Это одно и то же. Сам знаешь. — Я взяла его за руки. — Мы привыкли прятать то, чего стыдимся. Здесь мы с тобой абсолютно схожи. Давай оставим эту привычку, не дожидаясь, пока дети появятся на свет. А когда нынешние трения с Конгрегацией будут улажены, мы сядем всей семьей и спокойно обсудим создание боковой ветви.

Маркус был прав. Если создание ответвления освободит нас от необходимости подчиняться Болдуину, такую возможность нужно рассмотреть со всех сторон.

— Создание боковой ветви сопряжено с ответственностью и обязательствами. Тебе придется вести себя как вампириша и целиком вписываться в роль моей супруги, помогая мне управлять остальными членами семьи. — Мэтью покачал головой. — Ты не приспособлена к такой жизни, и я бы не посмел просить тебя об этом.

— Ты ни о чем не просишь. Я сама предлагаю. Изабо научит меня всему, что необходимо знать.

— Изабо первая попытается тебя отговорить. Ты не представляешь, какое чудовищное давление она испытывала, будучи истинной парой Филиппа. Когда отец называл Изабо своим генералом, смеялись только люди. Каждый вампир знал: Филипп говорит сущую правду. Изабо прямыми угрозами, уговорами и лестью заставляла нас выполнять повеления Филиппа. Он мог управлять всем миром, потому что Изабо железной рукой управляла его семьей. Ее решения были окончательными, а наказания за провинности следовали быстро. Никто не смел ей возражать.

— Звучит многообещающе. И знаешь, не так уж это невозможно, — спокойноотреагировала я.

— Диана, пойми: это работа без выходных. — (Я чувствовала нарастающее раздражение Мэтью.) — Неужели ты готова отринуть профессора Бишоп, чтобы стать миссис Клермон?

— Возможно, ты не заметил, но я уже являюсь миссис Клермон. — (Мэтью недоуменно заморгал.) — Мне и так болес чем на

год придется отказаться от занятий со студентами, лекций, чтения академических журналов и публикаций статей, — добавила я.

— Это временно, — буркнул Мэтью.

— Ты так думаешь? — удивилась я. — И ты готов пожертвовать своим местом в колледже Всех Душ, чтобы превратиться в мистера Мамашу? Или мы найдем няньку, которая будет возиться с нашими непредсказуемыми и неуправляемыми детьми, пока я читаю лекции и веду ученые споры?

Молчание Мэтью было красноречивее любых слов. Похоже, до сих пор он вообще не задумывался об этой стороне нашей семейной жизни. Или решил, что я с легкостью жонглера смогу совмещать преподавание и заботу о детях. «Твой *типичный* подход», — подумала я и сделала новый бросок:

— Только один раз ты ненадолго сбежал от меня в Оксфорд. Захотелось побыть рыцарем в сверкающих доспехах. Твои нервы тогда были ни к черту. Я понимала твое состояние, потому и простила тебе это бегство. Но все остальные дни нашей совместной жизни мы сообща встречали наши беды. Почему ты считаешь, что теперь этот подход должен измениться?

— Это не твои беды, — ответил Мэтью.

— Когда я связала свою жизнь с твоей, они стали и моими бедами. У нас уже есть общая ответственность за детей. Чего ж ты не скажешь, что это не твои дети?

Мэтью молча уставился на меня. Его молчание затягивалось, и я стала волноваться, не вогнала ли я его в ступор.

— Более никогда, — наконец пробормотал он, встряхнув головой. — После сегодняшнего дня я никогда не повторю этой ошибки.

— Мэтью, в нашем семейном лексиконе нет слова «никогда». — Мой гнев на мужа искал выход; я подошла и впиалась ногтями в плечи Мэтью. — Изабо считает слово «невозможно» не-французским? Так вот, «никогда» — это не бишопско-клермонское слово. Больше не произноси его. А что касается ошибок, как ты смеешь...

Мэтью заглушил мои слова поцелуем. Я молотила по его плечам, пока не начала уставать и терять желание превратить своего драгоценного мужа в месиво. Криво усмехнувшись, Мэтью отошел на шаг.

— Дай мне хотя бы закончить мысль. Никогда... — Мэтью перехватил мой кулак на пути к своему плечу. — Никогда более

я не сделаю ошибки... Я недооценивал тебя. Это не повторится. — Воспользовавшись моим изумлением, Мэтью поцеловал меня крепче и более страстно, чем прежде. — Теперь понятно, почему у Филиппа всегда был такой изможденный вид, -- задумчиво и печально произнес Мэтью, оторвав свои губы от моих. — Сколько сил уходит на то, чтобы делать вид, будто ты главный, когда в действительности всем курятником управляет твоя жена.

Я хмыкнула. Такой анализ динамики наших отношений выглядел подозрительным.

— Пока мы наедине, повторю еще раз: я убедительно прошу тебя рассказать Сарс, что ты прядильщица времени. И про все лондонские события тоже расскажи. Договорились?

— Договорились, — ответила я, надеясь, что он не заметил моих скрещенных пальцев.

Ален дожидался нас внизу, стоя возле лестницы. Как всегда, он был в темном костюме. На лице — его всегдашнее выражение бдительного спокойствия.

— Все готово? — спросила я.

— Конечно, — ответил Ален, подавая мне окончательный вариант меню.

Я быстро пробежала глазами строчки:

— Прекрасно! Пригласительные карточки разложены? Вино разлито по графинам? Серебряные чаши ты тоже нашел?

Губы Алена слегка дрогнули.

— Все ваши распоряжения, мадам де Клермон, были исполнены неукоснительно.

— Вот вы где. А я уж начал думать, что вы собрались бросить меня на съедение львам.

Попытки Галлогласа одеться к торжественному обеду ограничились причесанными волосами и кожаными штанами, надетыми вместо заношенных джинсов. Ковбойские сапоги, надо полагать, по его представлениям, вполне соответствовали официальной обуви. Однако вместо рубашки он так и остался в футболке. Надпись на ней советовала нам сохранять спокойствие и хранить верность мотоциклам «Харлей». Короткие рукава позволяли лицезреть впечатляющую коллекцию татуировок на руках нашего племянника.

— Не ругайся, тетушка. Футболка черная, — извиняющимся тоном произнес Галлоглас, поймав мой хмурый взгляд. — Мэтью

послал мне одну из своих рубашек, но когда я стал застегивать пуговицы, она лопнула на спине.

— Ты выглядишь очень стильно, — успокоила я его, оглядывая коридор на предмет появления гостей.

Вместо них я увидела Корру. Моя дракониха взгромоздилась на статую нимфы и торчала там напоподобие нелепой шляпы. Весь день она кружила над Сет-Туром и Сен-Люсьеном. Я позволила ей порезвиться в обмен на обещание хорошо вести себя завтра в дороге.

— Вы что там замешкались наверху? — спросила вышедшая из гостиной Сара, подозрительно поглядывая на нас с Мэтью.

Как и Галлоглас, Сара ограничилась минимум дресс-кода. На ней была длинная, ниже бедер, рубашка лавандового цвета, и бежевые брюки до щиколотки.

— Мы уж думали, нам придется отправлять поисковый отряд.

— Диана не могла найти свои туфли, — гладко соврал Мэтью и тут же виновато посмотрел в сторону Виктуар, стоявшей неподалеку с подносом, полным бокалов и рюмок.

Разумеется, туфли она поставила у самой кровати.

— Виктуар не свойственна забывчивость, — изрекла Сара, щуя близорукие глаза.

Корра заверещала и зацелкала зубами, выражая согласие. На каменный пол посыпались искры. Хорошо, что он не был устлан ковром.

— Диана, неужели ты не могла притащить из елизаветинской Англии что-нибудь менее проблемное? — спросила моя тетка, угрюмо поглядывая на дракониху.

— Что? Может, нетающий снежок? — спросила я.

— Вначале мне пришлось разбираться с последствиями ведьминой воды, низвергавшейся с башни. Теперь эта огнедышащая дракониха, погнящая мои статуи в коридоре. Вот что значит пустить в семью ведьму!

Изабо нарядилась в светлый шелковый костюм. По цвету он напоминал шампанское в фужере, который она взяла с подноса.

— Тут поневоле задумаешься, так ли уж не права Конгрегация, заставляющая нас держаться порознь.

— Желаете что-нибудь выпить, мадам де Клермон? — спросила Виктуар, спасая меня от необходимости отвечать свекрови.

— С удовольствием, — ответила я.

В бокалах на подносе было не только вино, но и вода со льдом, в которой плавали голубые цветки огуречника и листья мяты.

— Привет, сестричка, — послышался голос Верены.

Она вышла из гостиной вслед за Изабо. Для прощального обеда Верена выбрала высокие черные сапоги и невероятно короткое черное платье без рукавов. Платье позволяло насладиться зрелищем ее безупречных перламутрово-белых ножек. На поясе болтались ножны с кинжалом.

Раздумывая, зачем Верене понадобилось являться на обед при оружии, я инстинктивно протянула руку к золотому наконечнику стрелы, висящему в глубине выреза блузы. Я сжилась с этим талисманом — зримым напоминанием о Филиппе. Холодные глаза Изабо моментально впились в наконечник.

— Я думала, этот накопечник утрачен навсегда, — тихо сказала она.

— Филипп вручил мне его в день свадьбы.

Я стала вытаскивать цепочку, чтобы снять и вернуть Изабо их семейную реликвию.

— Нет. Филипп хотел, чтобы наконечник оставался у тебя. Он был вправе делать такие подарки. — Изабо осторожно сжала мои пальцы вокруг золотой вещицы. — Только береги эту вещь, дитя мое. Она очень древняя, и найти аналоги было бы ужасно трудно.

— Обед готов? — громко спросил Болдуин.

Он возник рядом со мной внезапно, как толчок землетрясения, в очередной раз проявив полное равнодушие к нервной системе теплокровных.

— Да, готов, — шепнул мне на ухо Ален.

— Да, готов, — бодро повторила я, заставляя себя улыбнуться.

Болдуин подал мне руку.

— Идем, Matthieu, — тихо сказала Изабо, беря сына за руку.

— Диана! — напомнил о себе Болдуин, по-прежнему стоя с протянутой рукой.

Я сердито посмотрела на него и, демонстративно игнорируя его руку, двинулась вслед за Мэтью и Изабо.

— Это не просьба, а приказ. Если вздумаешь мне противиться, я мигом выдам вас с Мэтью Конгрегации, — угрожающим тоном произнес Болдуин.

Первым импульсом был протест. Не пойду с ним за руку, и плевать мне на последствия. Но если я так сделаю, выиграет Болдуин. «Думай, — напомнила я себе. — И старайся остаться

в живых». Идти с ним за руку я не хотела. Держаться за его локоть, как современная женщина, тоже. Я положила свою ладонь поверх его ладони. У Болдуина слегка округлились глаза.

— Почему ты так удивлен, *братец*? — спросила я. — С самого появления здесь ты ведешь себя как настоящий феодал. Если ты намерен играть роль короля, давай сделаем это надлежащим образом.

— Отлично, *сестрица*!

Пальцы Болдуина сжались в кулак. Он напоминал мне о своей власти, заодно показывая и силу.

В столовую мы с Болдуином вошли, словно английская королевская чета в аудиенц-зал Гринвичского дворца. Увидев нас, Фернандо ехидно скривил рот. Болдуин сердито сверкнул на него глазами.

— А в этой миленькой чаше налита кровь? — спросила Сара, наклоняясь к Галлогласу и припнухиваясь.

Похоже, она не замечала напряжения, исходящего от нас. Или делала вид, что не замечает.

— Я и не знала, что они у нас сохранились. — Изабо взяла одну из серебряных чаш, украшенных гравировкой, и улыбнулась мне.

Маркус помог бабушке сесть слева от себя. Мэтью обогнул стол и сел рядом с Фиби, расположившейся напротив.

— Я попросила Алена и Марту поискать их в кладовых. Филипп пил из такой на нашей свадьбе, — сказала я, теребя золотой наконечник стрелы.

Эрнст учтиво выдвинул мне стул.

— Прошу всех садиться, — добавила я, помня о своей роли.

— Убранство стола — выше всяких похвал, — выдала мне комплимент Фиби.

Но смотрела она не на хрусталь, не на драгоценный старинный фарфор и не на серебряные шедевры. Ее внимание было поглощено наблюдением за разношерстной публикой, рассеявшейся вокруг сверкающей поверхности палисандрового стола.

Мэри Сидни как-то рассказывала, что рассаживание гостей за пиршественным столом — занятие не менее сложное, чем диспозиция войск перед сражением. По возможности я строго соблюдала правила этикета, усвоенные в елизаветинской Англии. Это уменьшало риск открытой конфронтации за столом.

— Фиби, спасибо за добрые слова, но основная заслуга здесь принадлежит Марте и Виктуар. Они с необычайным вкусом по-

добрали фарфор, — ответила я, сознательно показывая, что не поняла ее слов.

Верена с Фернандо посмотрели на свои тарелки и переглянулись. Марта обожала потрясающую по красоте посуду небесно-голубого цвета, приобретенную Изабо в XVIII веке. Виктуар поначалу остановила свой выбор на роскошном позолоченном сервизе, украшенном изображениями лебедей. Я не представляла, как можно есть из такой посуды, и выбрала благородный черно-белый сервиз в стиле неоклассицизма. На тарелках был изображен уроборос де Клермонов. Он окружал букву «К», увенчанную короной.

— По-моему, нам грозит опасность стать цивилизованными, — пробормотала Верена. — И попасть в зависимость от теплокровных.

— Не спеши с выводами, — ответил Фернандо, разворачивая на коленях салфетку.

Мэтью поднял бокал:

— Предлагаю тост за наших любимых, покинувших этот мир. Да пребудут их души с нами сегодня и всегда.

Все согласно закивали. Сара смахнула слезу. Галлоглас взял ее за руку и нежно поцеловал. Забыв о своих горестях, я благодарно улыбнулась племяннику.

— Второй тост предлагаю за здоровье моей сестры Дианы и за невесту Маркуса, которые совсем недавно вошли в нашу семью, — произнес Болдуин, снова поднимая бокал.

— За Диану и Фиби! — подхватил Маркус.

И вновь собравшиеся подняли бокалы, хотя в какой-то момент мне казалось, что Мэтью выплеснет вино Болдуину в лицо. Сара лишь пригубила искрящийся напиток и поморщилась.

— Давайте-ка лучше есть, — сказала она, торопливо отставляя бокал. — Эмили всегда сердилась, когда пища остывала. Да и Марте это вряд ли понравится.

Обед прошел безупречно. Теплокровным подали окрошку, а вампирам — кровь в серебряных бокальчиках. Затем настал черед рыбного блюда. Жареная форель еще несколько часов назад плавала в ближайшей речке, не подозревая, какая участь ее ожидает. Марта учла пищевые особенности моей тетки. Сара не выносила мясо пернатой дичи, и потому в качестве мясного блюда подали жареную курятину. Была и оленина, от которой я воздер-

жалась. В конце нашего пира Марта и Ален принесли десерт из вареных фруктов, а также чаши с орехами и блюда с ломтиками сыра.

— Какое замечательное угощение! — произнес Эрнст, откидываясь на спинку стула и похлопывая себя по тощему животу.

Удивительно: никто за столом не заводил разговоров на щекотливые темы. Напряженное начало не испортило нам вечера. Это был настоящий семейный вечер. Я успокоилась.

— Поскольку здесь присутствует вся семья, я хочу сообщить вам новость, — сказал Маркус, улыбаясь Фиби. — Как вы знаете, Фиби согласилась выйти за меня.

— Вы определились с датой свадьбы? — спросила Изабо.

— Пока нет. Мы решили сделать это... так, как было принято раньше, — ответил Маркус. — Старомодным образом.

Все де Клермоны повернулись к Мэтью. У них были застывшие лица.

— Если уж говорить о том, как было принято раньше... вы пошли вразрез с традициями, — сухо заметила Сара. — Вы уже живете вместе.

— Видишь ли, Сара, у вампиров другие традиции, — пояснила Фиби. — Маркус спросил, согласна ли я быть с ним до конца его жизни. Я ответила «да».

— Вот оно что, — озадаченно нахмурилась Сара.

— Не хочешь ли ты сказать... — Я не договорила, устремив глаза на Мэтью.

— Я решила стать вампиршей.

Сияющими счастливыми глазами Фиби смотрела на мужа, с которым собиралась прожить всю вечность.

— Маркус настаивает, чтобы я сначала привыкла к этой жизни, и только потом мы поженимся. Посему наша помолвка продлится дольше, чем нам хотелось бы.

Фиби говорила так, словно решила поменять прическу или сделать пустячную пластическую операцию. На самом деле она замахивалась на кардинальную биологическую трансформацию.

— Я не хочу, чтобы в дальнейшем Фиби о чем-либо сожалела, — тихо сказал Маркус и снова расплылся в улыбке.

— Фиби не станет вампиршей. Я запрещаю. — Мэтью говорил, не повышая голоса, однако его слова эхом разнеслись по столовой.

— Твой запрет ничего не значит. Это наше решение: мое и Фиби, — возразил Маркус. — И конечно же, Болдуина, -- добавил он, бросая дяде вызов.

Болдуин загородился ладонями, словно обдумывал сказанное. Мэтью ошеломленно смотрел на сына. Маркус отвечал ему дерзким и вызывающим взглядом.

— Я всегда хотел, чтобы у меня был традиционный брак, как у деда с Изабо, — сказал Маркус. — Когда дело доходит до любви, то революционером оказываешься ты, Мэтью, а не я.

— Даже если Фиби и станет вампиршей, это пойдет вразрез с традицией. Из-за опасности бешенства крови ей нельзя будет пить кровь из твоей сердечной вены, — охладил пыл сына Мэтью.

— А я уверен: дед пил кровь Изабо. — Маркус посмотрел на бабушку. — Я прав?

— Ты отваживаешься рискнуть, невзирая на то что нам известно о болезнях, передаваемых через кровь? — спросил Мэтью. — Если ты по-настоящему любишь Фиби, то не меняй ее человеческой природы.

У Мэтью зазвонил мобильник. Он неохотно достал телефон и взглянул на дисплей.

— Мириам звонит, — сказал он, хмуря брови.

— Она бы не стала звонить в такое время. Возможно, в лаборатории что-то случилось.

Мэтью перевел телефон в режим громкой связи, не собираясь скрывать этот разговор от остальных.

— Да, Мириам. Слушаю тебя.

— Нет, отец. Это твой сын. Тебе звонит Бенжамен.

Голос, раздающийся из динамика, был одновременно чужой и знакомый, какими нередко бывают голоса в кошмарных снах.

Изабо встала. Ее лицо сделалось белым как снег.

— Где Мириам? — металлическим тоном спросил Мэтью.

— Чего не знаю, того не знаю, -- лениво ответил Бенжамен. — Возможно, с каким-то Джейсоном. Он звонил несколько раз. Или с Амирой. Та тоже звякнула раза два. Разве ты забыл, отец? Мириам — твоя верная, вышколенная сука. Щелкни пальцами или свистни — и она прибежит.

Маркус открыл было рот, однако Болдуин предостерегающе зашипел на него, требуя молчать.

— Мне стало известно, что в Сет-Туре произошла какая-то пакостная история. И касалась она ведьмы, — продолжал Бенжа-

мен, но Мэтью не проглотил наживку. — Я так понимаю, эта ведьма раскрыла одну из тайн де Клермонов, но умерла раньше, чем успела о ней сообщить. Какая жалость! — с фальшивым сочувствием воскликнул Бенжамен. — Она была похожа на ту, что околдовала тебя в Праге? Восхитительное создание! — (Мэтью инстинктивно повернулся в мою сторону, желая убедиться, что я продолжаю сидеть на месте.) — Отец, ты всегда называл меня паршивой овцой семьи де Клермон, но у нас с тобой много общего. Просто ты не хочешь это признавать. Я даже начинаю разделять твое пристрастие к обществу ведьм.

В столовой изменился воздух. По венам Мэтью запульсировал гнев. У меня зашипало кожу, а в большом пальце левой руки появилась тупая боль.

— Мне совершенно неинтересно, чем ты там занимаешься, — холодно ответил Мэтью.

— Даже если в число моих занятий входит Книга Жизни? — Бенжамен намеренно выдержал паузу. — Я знаю, что ты ее разыскивашь. Это имеет какое-либо отношение к твоим исследованиям? Трудную область ты выбрал. Генетика...

— Чего ты хочешь? — спросил Мэтью.

— Твоего внимания, — засмеялся Бенжамен, но Мэтью промолчал. — Ты ведь редко теряешь дар речи, Мэтью, но, к счастью, сейчас твой черед слушать. Наконец-то я нашел способ уничтожить тебя и остальных де Клермонов. И теперь тебе не помогут ни Книга Жизни, ни твои жалкие научные знания.

— То-то я посмеюсь, когда ты снова окажешься вруном. Впрочем, тебе не привыкать.

— А вот у меня иное мнение на этот счет. — Бенжамен понизил голос, словно намеревался сообщить великую тайну. — Видишь ли, мне известно то, что ведьмы узнали еще много лет назад. А тебе?

Мэтью безотрывно смотрел на меня.

— Я буду держать связь с тобой, — пообещал Бенжамен и отключился.

— Позвони в лабораторию, — потребовала я, думая только о Мириам.

Мэтью нажал кнопку быстрого вызова. Трубку взяли сразу же.

— Ты вовремя позвонил, Мэтью, — послышался голос Мириам. — У меня вопрос: что именно я должна искать в твоей ДНК?

Маркус называл это репродуктивными маркерами. Что они означают?

Тон Мириам был резким, раздраженным. Вероятно, таким же было и ее настроение.

— Твой электронный ящик ломится от входящей корреспонденции, а я, кстати, давно должна бы пойти в отпуск.

— С тобой все благополучно? — хрипло спросил Мэтью.

— Да. Чего это ты вдруг спрашиваешь?

— Ты знаешь, где твой мобильник?

— Нет. Оставила сегодня где-то. Наверное, в одном из магазинов. Ничего страшного: кто найдет, свяжется со мной.

— Уже связался, но не с тобой, а со мной! — рявкнул Мэтью. — И твой мобильник попал в руки... к Бенжамену.

Динамик умолк.

— К *твоему* Бенжамену? — спросила Мириам, заметно испугавшись. — Я думала, он мертв.

— Увы, нет, — с искренней досадой произнес Фернандо.

— Фернандо, это ты? — спросила Мириам и облегченно выдохнула.

— Sim, Miriam. Tudo bem contigo?¹ — ласково спросил Фернандо.

— Слава богу, что ты там. Да-да, у меня все хорошо. — Мириам героически сражалась с дрожью в голосе. — Когда в последний раз кто-нибудь из вас слышал о Бенжамене?

— Несколько веков назад, — ответил ей Болдуин. — Мэтью едва успел вернуться, а Бенжамен уже нашел способ с ним связаться.

— Это значит, Бенжамен выслеживал и поджидал его... Боже мой, — прошептала Мириам.

— Скажи, у тебя в телефоне хранилось что-нибудь касающееся наших исследований? — спросил Мэтью. — Электронные письма? Данные?

— Нет. Ты же знаешь, я удаляю все электронные письма сразу после прочтения. — Мириам задумалась. — Но там была адресная книга. Оттуда Бенжамен выудил твои номера.

— Ничего, мы сменим номера, — быстро ответил Мэтью. — Дома не появляйся. Поезжай к Амире в Олд-Лодж. Постоянно держитесь вместе. Бенжамен упомянул имя Амиры. Она тебе звонила... И Джейсон тоже, — нехотя добавил мой муж.

¹ Да, Мириам. У тебя все хорошо? (*португ.*)

— Сын Бертрана? — с тревогой воскликнула Мириам.

— Мириам, ты не волнуйся. — Мэтью пытался успокоить свою давнюю соратницу и ассистентку; хорошо, что Мириам не видела выражения его глаз. — Бенжамен заметил, что Джейсон звонил тебе несколько раз. Только и всего.

— У меня есть снимок Джейсона. Бенжамен увидит и запомнит его лицо! — К испугу Мириам примешивалась ярость. — Мэтью, ты же знаешь: Джейсон — это все, что у меня осталось от моей истинной пары. Если с ним что-нибудь случится...

— Сейчас я удостоверюсь, что Джейсон знает об опасности.

Мэтью мельком взглянул на Галлогласа. Тот сразу же достал свой телефон.

— Джейс? — тихо спросил Галлоглас.

Он поспешно вышел из столовой, бесшумно закрыв дверь.

— Почему Бенжамен снова появился на нашем горизонте? — устало спросила Мириам.

— Пока не знаю, — ответил Мэтью и поглядел в мою сторону. — Ему известно о смерти Эмили. Вдобавок он упомянул наши генетические исследования и Книгу Жизни.

Я почти физически чувствовала, как громадный фрагмент большой головоломки вдруг встал на место.

— В тысяча пятьсот девяносто первом году Бенжамен находился в Праге, — начала я, медленно произнося каждое слово. — Должно быть, тогда же он услышал о Книге Жизни. Манускрипт хранился у императора Рудольфа.

Во взгляде Мэтью я уловила предостережение. Когда он заговорил снова, его голос звучал сухо, отрывисто и властно:

— Мириам, ты только не волнуйся. Мы обязательно выясним, какую игру затеял Бенжамен. Это я тебе обещаю.

Мэтью еще раз призвал Мириам соблюдать осторожность и пообещал позвонить ей сразу же, как только мы окажемся в Оксфорде. Разговор закончился, и в столовой установилась оглушительная тишина.

Вернулся Галлоглас:

— Джейс пока не заметил ничего подозрительного, но пообещал быть начеку... И что мы теперь будем делать?

— Мы? — удивленно переспросил Болдуин.

— Бенжамен — это моя сфера ответственности, — мрачно заявил Мэтью.

— Да, твоя, — согласился Болдуин. — Тебе давно пора это признать и разобраться с хаосом, который ты породил. А ты до сих пор прятался за спиной Изабо и предавался интеллектуальным фантазиям об излечении бешенства крови и раскрытии тайны жизни.

— Слишком поздно ты решил разбираться с Бенжаменом, — добавила Верена. — Уничтожить его в Иерусалиме, когда он только-только стал вампиром, было проще простого. Теперь это несравненно труднее. Бенжамен не смог бы так долго прятаться, не будь у него детей и союзников.

— Ничего. Мэтью с ним справится. Как-никак Мэтью у нас — семейный ассасин, — насмешливо бросил Болдуин.

— Я тебе помогу, — сказал Маркус.

— А вот ты, Маркус, никуда не поедешь. Ты останешься здесь и вместе со мной будешь встречать посланцев Конгрегации. Галлоглас и Верена тоже останутся. Нам нужно устроить для гостей шоу семейной солидарности.

Взгляд Болдуина переместился на Фиби, которая дерзко смотрела в глаза главе семейства де Клермон.

— Фиби, я обдумую твоё желание стать вампиршей, — объявил Болдуин, закончив осмотр невесты Маркуса. — Я готов подержать его вне зависимости от чувств Мэтью. Желание Маркуса сочетаться традиционным вампирским браком продемонстрирует всем, что де Клермоны по-прежнему чтят заветы прошлого. Ты тоже останешься в замке.

— Если Маркус этого хочет, я с большой радостью останусь в доме Изабо. Изабо, ты не возражаешь?

Учтивость Фиби была одновременно костылем и оружием. Действовать так тонко и напористо умели только англичане.

— Конечно, — ответила Изабо, снова опускаясь на стул; она взяла себя в руки и даже улыбнулась невесте внука. — Я всегда рада видеть тебя, Фиби, под этой крышей.

— Спасибо, Изабо, — ответила благовоспитанная девица и многозначительно посмотрела на Болдуина.

Но его внимание было уже обращено на меня.

— Осталось решить последний вопрос: как нам быть с Дианой?

— Моя жена, как и мой сын, — это моя забота, — сказал Мэтью.

— Возвращаться в Оксфорд вам нельзя. — Заявление Мэтью Болдуин пропустил мимо ушей. — Возможно, Бенжамен по-прежнему там.

— Мы поедem в Амстердам, — нашелся Мэтью.

— Это тоже исключено, — возразил Болдуин. — Тот дом не имеет надежной защиты. Если ты не в состоянии обеспечить безопасность Дианы, пусть отправляется к моей дочери Мияко.

— Диана возненавидит Хатиодзи, — убежденно заявил Галлоглас.

— Не говоря уже о Мияко, — вкрадчиво добавила Верена.

— Тогда пусть Мэтью вплотную займется своими обязанностями. И побыстрее.

Болдуин встал. Через мгновение его уже не было в гостиной, словно он растаял в воздухе. Следом ушли Верена с Эрнстом, пожелав нам спокойной ночи. После их ухода Изабо предложила нам перейти в гостиную. Там она включила старую стереосистему и поставила Брамса. Музыка этого композитора в ее фонотеке хватало, чтобы заглушать самую продолжительную беседу.

— Мэтью, что ты намерен делать? — спросила Изабо, к которой еще не вернулась ее обычная невозмутимость. — Диану нельзя отпускать в Японию. Мияко заживо ее сожрет.

— Мы отправимся в Мэдисон, в дом семьи Бишоп, — сказала я.

Трудно сказать, кого больше удивило мое предложение вернуться в штат Нью-Йорк: Изабо, Мэтью или Сару.

— Сомневаюсь, что это удачная затея, — осторожно возразил Мэтью.

— Эм разыскала в Сет-Туре нечто важное. Настолько важное, что она предпочла умереть, но промолчать о своей находке. — Я удивлялась собственному спокойствию.

— Почему ты так думаешь? — спросил Мэтью.

— Сара говорит, что Эм буквально паслась в Круглой башне, где хранятся все семейные архивы де Клермонов. Если она слышала о ребенке той иерусалимской ведьмы, ей наверняка захотелось узнать больше.

— Да. Сначала Изабо рассказала о ребенке нам обоим, — сообщила Сара, повернувшись к Изабо за подтверждением. — Потом мы рассказали Маркусу. Но я все равно не понимаю, почему это вынуждает нас ехать в Мэдисон.

— Потому что сведения, обнаруженные Эмили, побудили ее вызвать духов, — сказала я. — По мнению Сары, Эмили пыталась войти в контакт с духом моей матери. Возможно, мама тоже что-то знала. Если мое предположение верно, дополнительные сведения мы отыщем в Мэдисоне.

— Тут, тетушка, целая гора из предположений, догадок и домыслов, — мрачно изрек Галлоглас.

Я посмотрела на мужа. Он так и не отреагировал на мое предположение и сейчас рассеянно глядел в пустой бокал.

— Мэтью, а что скажешь ты?

— Да, мы можем поехать в Мэдисон... на какое-то время, — лаконично ответил он.

— Я поеду с вами, — сообщил Фернандо. — Составлю компанию Саре.

Естественно, Сара наградила его благодарной улыбкой.

— Все сложнее, чем нам кажется, — снова заговорил Мэтью. — В этой истории замешаны Нокс и Герберт. Нокс приезжал в Сет-Тур, поскольку в Праге нашел письмо, где упоминался «Аш-мол-782». — Мэтью выглядел встревоженным. — Находка Ноксом письма, смерть Эмили, появление Бенжамена. Одно событие цепляется за другое, и связь между ними отнюдь не случайна.

— Вы с Дианой были в Праге. Там же в это время находились Книга Жизни и Бенжамен, — произнес Фернандо. — Ты прав, Мэтью. Связь между этими событиями не случайна. Это цепь целенаправленных действий.

— Книга Жизни не просто старинный манускрипт. Мы умолчали об одной ее особенности, — вдруг сказал Мэтью. — Листы пергамента, на которых она написана, сделаны из кожи демонов, вампиров и ведьм.

У Маркуса округлились глаза.

— Получается, она напигована информацией генетического характера.

— Совершенно верно, — кивнул Мэтью. — И потому нельзя допустить, чтобы она оказалась в руках Нокса или — боже упаси! — Бенжамена.

— Поэтому нам во что бы то ни стало нужно отыскать саму Книгу Жизни и вырванные из нее листы, — сказала я.

— Мы могли бы найти там сведения о происхождении и эволюции нечеловеческих видов. Возможно, научились бы лучше понимать особенности бешенства крови, — подхватил Маркус. — Но еще не известно, сумеем ли мы добыть оттуда полезную генетическую информацию.

— Вскоре после нашего возвращения родовое гнездо Бишопов вернуло Диане один лист книги, где изображена алхимическая свадьба, — сказал сыну Мэтью.

Местные ведьмы знали, что наш дом отличался «магическим своеволием». Он прятал особо ценные предметы, и казалось, будто они исчезли навсегда. Но проходило время, и дом возвращал их владельцам.

— Нам бы попасть в какую-нибудь хорошо оснащенную лабораторию. Там бы мы проверили, что к чему.

— В хорошо оснащенных лабораториях покрутят пальцем у виска, если мы обратимся с такой просьбой, — покачал головой Маркус. — А в Оксфорде тебе появляться никак нельзя. Здесь Болдуин прав.

— Может, Крис найдет вам подходящую лабораторию в Йельском университете? — предположила я. — Он ведь биохимик. Интересно, у него есть нужное вам оборудование?

Я не очень понимала, какое оборудование требуется Мэтью и Маркусу. Мои представления об оснащении лабораторий застыли на уровне 1715 года.

— Я не стану исследовать лист из Книги Жизни в университетской лаборатории, — заявил Мэтью. — Для такой работы надо поискать какую-нибудь частную лабораторию. Должна же найтись такая, где можно арендовать время и оборудование.

— Древние ДНК очень непрочны. Для достоверных результатов одного листа нам мало, — возразил Маркус.

— Тогда тем более нужно забрать «Ашмол-782» из Бодлианской библиотеки, — сказала я.

— Пойми, Диана: манускрипту там безопаснее, — попытался убедить меня Мэтью.

— Пока. Но положение может измениться.

— Но ведь где-то в мире лежат еще два вырванных листа. Давайте сначала разыщем их, — предложил Маркус.

— Наверное, и я смогу помочь, — вызвалась Фиби.

— Мы будем только благодарны тебе.

Невеста Маркуса обладала исследовательской жилкой, в чем я убедилась, наблюдая за ней в Круглой башне. Помощь Фиби будет нам как нельзя кстати.

— Мэтью, Бенжамен говорил, что начал разделять твое пристрастие к обществу ведьм. Как понимать его слова? — спросила Изабо.

Мэтью лишь покачал головой.

Мое шестое ведьмино чувство подсказывало: ответ на вопрос Изабо вполне может оказаться ключом ко всему остальному.

Солнце во Льве

Женщина, рожденная во время нахождения Солнца во Льве, будет отличаться природной скрытностью, сообразительностью и устремленностью к учебе. Все услышанное и увиденное ею, если там вдруг окажется нечто ей неизвестное, тут же пробудит в ней желание это узнать. Магические науки будут ей громадным подспорьем. Она сведет знакомство с принцами и будет весьма любима ими. Ее первым ребенком станет девочка, вторым — мальчик. В течение своей жизни она познает немало трудностей и опасностей.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 8^в*

Глава 7

Я стояла в Сариной кладовой и смотрела сквозь пыльное оконное стекло. Оно было волнистым, и любопытные прохожие не видели того, что творилось внутри. Весь дом нуждался в основательном проветривании. Я начала с окна кладовой. Медный шпингалет на подъемной раме словно прирос к дереву и сопротивлялся попыткам его повернуть, но потом покоробленная рама сдалась и стремительно сдвинулась вверх, возмущенно подрагивая.

— Перебьешься, — буркнула я раме и принялась оглядывать пространство кладовой.

Я сразу же ощутила знакомую странность помещения. Когда я была совсем маленькой, тетки проводили здесь изрядную часть времени. Весь беспорядок Сара оставляла за порогом. Внутри царил порядок и чистота. Нигде ни пылинки. На полках выстроились ряды каменных банок. Выдвижные ящики были снабжены этикетками с названием содержимого: РУДБЕКИЯ, ПИРЕТРУМ, РАСТОРОПША, ШЛЕМНИК, ПОСКОННИК, ТЫСЯЧЕЛИСТНИК, ГРОЗДОВНИК.

Травы и иные вещества, необходимые для отваров, настоек и заклинаний, располагались не в алфавитном порядке, а подчинялись некоему ведьминому порядку. Во всяком случае, Сара мгновенно находила нужную ей траву или семена.

Отправляясь в Сет-Тур, Сара взяла с собой и гримуар Бишопов. Теперь он вернулся вместе с теткой и занял прежнее место на старой конторке, купленной Эм в антикварном магазинчике Буквилла. Тетки отпилили опорный столб, к которому крепились верхняя часть конторки, и она просто стояла на старом кухонном столе. Стол этот появился в доме еще в конце XVIII века, когда тут обосновались первые Бишопы, и с тех пор не передвигался.

Одна ножка была заметно короче остальных. Почему — никто не знал. Скорее всего, чтобы компенсировать неровность пола, ибо стол стоял на удивление прочно и не шатался. В детстве я думала, что это достигается за счет магии. Став взрослой, поняла: магия тут ни при чем, а все дело в обычной хозяйственной сметке моих предков.

С обкромсанной конторкой соседствовали старые кухонные приборы и такая же старая поцарапанная колодка удлинителя с несколькими розетками. Знакомая «долговарка» цвета авокадо, кофеварка почтенного возраста, две кофемолки и блендер. Это были орудия современной ведьмы, хотя Сара, «на всякий случай» и из уважения к традиции, держала возле очага большой черный котел. «Долговаркой», позволявшей готовить кушанья на водяной бане, тетки пользовались для разных отваров и выжимок, а кофемолками и блендером — для приготовления ароматических смесей и измельчения трав. В кофеварке они готовили настои. В углу стоял ослепительно-белый старинный холодильник с красным крестом на дверце, давно отключенный от сети и никак не используемый.

— Возможно, Мэтью дополнит святилище Сары более высокотехнологичными устройствами, — рассуждала я вслух.

Не помешала бы бунзеновская горелка. Несколько перегонных кубов тоже. Я вдруг затосковала по лаборатории Мэри Сидни, прекрасно оборудованной по меркам конца XVI века. Я подняла голову, питая слабую надежду увидеть замечательные фрески, повествующие об алхимическом процессе.

Увы, фрески остались в замке Байнард. А здесь с веревки, натянутой между потолочными балками, свисали пучки засушенных трав и цветов. Некоторые из них были мне знакомы: стручки чернушки дамасской, разбухшие от обилия семян; островерхие цветки тысячелистника; длинные стебли коровяка, увенчанные ярко-желтыми цветами, за что их прозвали «ведьмины свечи»; стебельки фенхеля. Все их Сара знала по виду, вкусу, запаху и даже на ощупь. Их она применяла для заклинаний и оберегов. Сейчас это великолепие было серым от пыли, но трогать его я бы ни за что не решилась. Войдя в кладовую и увидев обломанные стебли, Сара бы не простила мне столь дерзкого вторжения в ее ведьмин мир.

Это помещение строилось как кухня и когда-то было таким. Одну стену целиком занимал очаг с парой духовок, а кладо-

вая находилась на чердаке, куда вела шаткая лесенка. Там я провела немало дождливых дней, устроившись с книжкой и слушая, как струи монотонно барабанят по крыше. Теперь там разместились Корра. Приоткрыв один глаз, дракониха с ленивым интересом наблюдала за происходящим внизу.

Я вздохнула, отчего в воздухе закружились пылинки. Чтобы привести теткино святилище в надлежащий вид, придется израсходовать немало воды и изрядно попотеть. И если маме действительно было известно нечто такое, что поможет нам отыскать Книгу Жизни, связь с ее духом можно установить только здесь.

Послышался тихий звон. Он повторился.

Благочестивая Олсоп научила меня различать нити, связывать ими мир и ткать заклинания, которых нет ни в одном ведьминском гримуаре. Нити окружали меня постоянно и когда соприкасались, возникала эта странная музыка. Я протянула руку и подцепила пальцем несколько завитков. Голубой и янтарный — эти цвета связывали прошлое с настоящим и будущим. Я видела их и прежде, но только по углам, где те, кто не являлся прядильщиком, не могли случайно застрять между продольными и поперечными нитями времени.

Неудивительно, что в доме Бишопов поведение времени было иным, нежели в прочих домах. Связав голубые и янтарные нити в узел, я попыталась вернуть их на место, но они упрямо липли к моим пальцам, отягощая воздух воспоминаниями и сожалениями. Узел прядильщицы не мог исправить нагромождения здешних «неправильностей».

Тело взмокло от пота, хотя вся моя работа состояла из перемещения пыли и грязи с места на место. Я и забыла, насколько жарко в Мэдисоне в это время года. Взяв ведро с грязной водой, я толкнула вторую дверь кладовой, выходящую на задний двор, но она не поддавалась.

— Табита, изволь подвинуться, — сказала я, усиленно напирая на дверь, чтобы заставить упрямую кошку отойти.

Табита совсем не по-кошачьи завывала. Сначала она отказывалась впускать меня в кладовую, теперь не желала выпускать. Кошачья логика была прямолинейна: я посмела вторгнуться в святая святых Сары и Эм.

— Я Корру на тебя напущу, — пригрозила я.

Табита сдалась. В щели мелькнула одна лапа, затем вторая. Табита освободила дверь. Сарина любимица не желала поединка

с моим духом-хранителем, но чувство кошачьего достоинства не позволяло ей торопливо убежать.

Я распахнула дверь. Монотонно звенели насекомые. Неумолчно стучала кувалда. Грязную воду я выплеснула прямо с крыльца. Табита спрыгнула вниз и бросилась к Фернандо. Тот стоял, поставив ногу на пень для колки дров, и смотрел за работой Мэтью. Муж вбивал столбы для новой изгороди.

— Ему по-прежнему скверно? — спросила я, покачивая пустым ведром.

Стук разной тональности и интенсивности не умолкал уже несколько дней. Сначала Мэтью взялся чинить крышу, затем восстановил в саду все покосившиеся решетки для растений. Теперь настал черед обновления изгороди.

— Когда Мэтью делает что-то руками, его разум становится спокойнее, — сказал Фернандо. — Он может резать камень, упражняться с мечом, ходить под парусом, сочинять стихи, ставить эксперимент. Вид деятельности не столь важен.

— Он продолжает думать о Бенжамсне, — вздохнула я.

Если так, неудивительно, что Мэтью искал отвлечения.

Фернандо повернулся ко мне. Невозмутимость не покидала его и здесь.

— Чем больше Мэтью раздумывает о своем сыне, тем глубже погружается в далекое время, где ненавидел себя и решения, которые принимал.

— Мэтью редко говорит об Иерусалиме. Он показал мне свой знак паломника и немного рассказал об Элеоноре.

Совсем немного, учитывая долгие годы, проведенные им в тех краях. Даже мои ведьмины поцелуи не могли поднять пласт столь давних воспоминаний.

— М-да... Прекрасная Элеонора... Ее смерть была из числа ошибок, которых он мог бы избежать, — горестно произнес Фернандо. — Ему ни в коем случае нельзя было отправляться на Святую землю ни в первый раз, ни тем более во второй. Политические интриги и кровопролитие — чрезмерное испытание для молодого вампира, да еще страдающего бешенством крови. Но Филипп тогда стремился закрепиться в Утремере и нуждался в каждом воине.

Средневековую историю я знала так себе, однако упоминание о государствах крестоносцев пробудили порядком забытый

университетский курс. Кровавые столкновения, жестокая осада Иерусалима.

— Филипп мечтал создать там королевство *манжасанов*, но его мечтам было не суждено сбыться. Всего один раз он недооценил алчность теплокровных, не говоря уже об их религиозном фанатизме. Напрасно Филипп не оставил Мэтью в Кордове с Хью и со мной. От Мэтью тогда было мало толку и в Иерусалиме, и в Акко, и в любом другом месте, куда посылал его отец. — Фернандо с силой лягнул пень, сбив лепешку мха. — Бешенство крови может быть оружием, когда тебе нужен бездумный убийца, и не более того.

— Я так понимаю, Филипп тебе не нравился, — тихо сказала я.

— Со временем я научился его уважать. Но чтобы нравиться? Нет, — покачал головой Фернандо.

Недавно я и сама ощутила вспышки неприязни к Филиппу. Ведь это он сделал Мэтью ассасином, убивавшим тех, кого де Клермонам требовалось устранить. Иногда я смотрела на мужа, одиноко стоящего в предвечерний час, когда летние сумерки не торопились наступать, а тени от предметов становились все длиннее. Или видела его силуэт на фоне освещенного окна. Я чувствовала груз многовековой ответственности, давящий ему на плечи.

Мэтью загнал очередной столб в землю и поднял голову.

— Тебе что-то понадобилось? — крикнул он мне.

— Ничего. Просто вышла набрать воды.

— Пусть Фернандо тебе поможет, — сказал Мэтью, кивнув в сторону моего пустого ведра.

По его мнению, беременные женщины не должны носить тяжести.

— Конечно, — разыгрывая покладистость, ответила я.

Удовлетворившись моим ответом, Мэтью вернулся к работе.

— Ты, конечно же, не позволишь мне нести ведро. — Фернандо приложил руку к сердцу, изображая отчаяние. — Ты ранила мое сердце. Как истинный рыцарь, я должен поставить тебя на пьедестал и совершать подвиги, вдохновляясь твоим образом. А ты отказываешь мне в этой милости. Смогу ли я после этого смотреть в глаза семейству де Клермон?

— Мэтью собрался арендовать каток и выровнять подъезд к дому. Если ты сумеешь отговорить его от бредовой затеи, я поз-

волю тебе до конца лета щеголять в сияющих доспехах. — Чмокнув Фернандо в щеку, я поднялась на крыльцо.

Жара лишала меня душевного равновесия, делая беспокойной. Продолжать уборку не было ни сил, ни желания. Я поставила пустое ведро в кухонную раковину и пошла искать тетку. Найти ее было несложно. Основным местом обитания Сары стала гостиная, где она сидела в бабушкином кресле-качалке и созерцала почерневшее дерево, растущее из камина. Вернувшись в Мэдисон, Сара вновь переживала потерю Эмили, но уже на совершенно ином уровне. Она затихла и замкнулась в себе.

— Не могу убираться на такой жаре. Съезжу в город, куплю чего-нибудь. Хочешь поехать со мной? — спросила я.

— Нет. Мне и здесь хорошо, — ответила Сара, раскачиваясь в поскрипывающем кресле.

... Ханна О'Нил опять звонила. Приглашала нас к себе на трапезу по случаю Лутнасада.

После возвращения в Мэдисон мы получили целый шквал телефонных звонков от ведьм Мэдисонского шабаша. На вежливые расспросы Вивьен Харрисон — верховной жрицы шабаша — Сара ответила, что чувствует себя прекрасно и ни в чем не нуждается, поскольку близкие о ней заботятся. На другие звонки тетка уже не отвечала.

Приглашение Ханны Сара пропустила мимо ушей и продолжала разглядывать дерево.

— Тебе не кажется, что рано или поздно призраки вернутся сюда? — спросила она.

Удивительно, но до сих пор никто из призраков не нанес нам визита. Мэтью считал причиной Корру, однако я была иного мнения. С момента кончины Эм прошло не так уж много времени. Призраки не хотели, чтобы мы доискали их вопросами о ее существовании в потустороннем мире, потому и не появлялись.

— Они непременно вернутся, но только должно пройти какое-то время, — ответила я.

— Без них тишина в доме бывает просто гнетущей. Я никогда не видела их, как видишь ты, но чувствовала их присутствие.

Сара качнулась сильнее, словно эти движения были ритуалом по вызыванию духов.

— Ты решила, как поступить с Каминным деревом?

Впервые мы с Мэтью увидели его, вернувшись из 1591 года. Кривой черный ствол дерева заполонил собой почти весь дымо-

ход, а корни и ветви протянулись в комнату. Дерево выглядело мертвым, однако на нем периодически появлялись странные плоды: автомобильные ключи, лист с изображением алхимической свадьбы, вырванный из «Ашмола-782». Не так давно на нем появился рецепт компота из ревеня, датированный 1875 годом, а затем и накладные ресницы из 1973 года. Мы с Фернандо считали, что дерево нужно спилить, отремонтировать каминную трубу с облицовкой и все заново покрасить. Сара и Мэтью не горели желанием избавляться от странного дерева.

— Даже не знаю, — вздохнула Сара, отвечая на мой вопрос. — Я начала к нему привыкать. На праздники его можно украшать.

— Зимой через трещины будет наметать снег, — сказала я, беря со стола сумочку.

— Чему я тебя учила насчет магических предметов? — спросила Сара, и я уловила в ее голосе знакомые резкие интонации.

— Не трогать, пока не поймешь их назначения и свойств, — голосом шестилетней девчонки отбарабанила я.

— А спиливать дерево, появившееся здесь не без помощи магии, — это посерьезнее, чем просто трогать.

Сара отогнала от дерева Табиту, намеревавшуюся поточить коготки о кору.

— Нам нужно молоко, — сказала тетка. — И яйца. Да, Фернандо просил купить цветной рис. Он обещал сделать паэлью.

— Молоко. Яйца. Рис. Запомнила. — Я еще раз с тревогой взглянула на Сару. — Передай Мэтью, что я недолго.

Когда я подходила к двери, коридорные половицы тихо скрипнули. Этот звук заставил меня замереть на месте. Дом Бишопов был не просто старым домом. Он обладал своими ощущениями и мнениями, как сейчас бы сказали, по широкому кругу вопросов: начиная с того, кто имел право в нем жить, и кончая одобрением или неодобрением цвета, в который покрасили ставни.

Но, кроме скрипа, других звуков не последовало. Дом, как и призраки, выжидал.

Напротив двери стоял новый автомобиль Сары. Ее старую «хонду-сивик» мы оставили на стоянке Монреальского аэропорта, когда летели в Европу. На обратном пути из Монреаля машину начало лихорадить. Пришлось арендовать другую, а эту поручить доверенному лицу семьи де Клермон доставить в Мэдисон.

Однако где-то между Буквиллем и Уотертауном двигатель «хонды» заглох окончательно. Чинить эту старину было бесполезно. Желая утешить Сару, Мэтью подарил ей «мини-купер» цвета «пурпурный металлик». Вдоль радиатора тянулись две белые полосы, окаймленные черным и серебристым. На пластине, куда прикреплялся номерной знак, присутствовал «персональный элемент» — надпись «НОВАЯ МЕТЛА». Мэтью надеялся, что эта «ведьмина ремарка» заменит Сарину потребность обклеивать всю машину стикерами. Боюсь, пройдет немного времени — и на поверхности пурпурного металлика тоже появятся стикеры.

На случай если кто-нибудь подумает, что новая машина Сары и отсутствие стикеров означает смену убеждений, Мэтью купил шарик, который цеплялся к антенне. Шарик был в виде головы ведьмы в остроконечной шляпе, из-под нее торчали рыжие волосы. Антураж дополняли солнечные очки. Шарик понравился не только Саре, и в первую же поездку его украли на парковке. Тогда Мэтью купил целую коробку таких шариков и поставил в стеной шкаф в прихожей.

Я подождала, пока Мэтью не начнет забивать очередной столб, и прыгнула в Сарин «мини-купер». Развернувшись, я быстро выехала за пределы участка. Мэтью пока не запрещал мне покидать дом без сопровождающих. К тому же Сара знала, куда я отправилась. Надо, надо на время сменить обстановку. Я открыла люк в крыше машины и, обдуваемая июльским ветром, поехала в центр Мэдисона.

Моей первой остановкой была почта. Миссис Хатчинсон с нескрываемым интересом поглазела на мой животик, выпирающий из-под футболки, но ничего не сказала. Посетителей на почте было немного: двое торговцев антиквариатом и Смитти, продавец магазина хозтоваров, с которым Мэтью успел сдружиться.

— Мистер Клермон уже освоил кувалду для забивания столбов? — спросил Смитти, постукивая кипой рекламных буклетов по полям своей бейсболки «Джон Дир». — У меня эти кувалды давным-давно не покупали. Все норовят купить сваезабиватели, чтобы руками поменьше махать.

— Сегодня он машет вашей кувалдой с самого утра и вполне доволен, — ответила я, мысленно добавив: «Просто среди твоих покупателей еще не было вампиров ростом шесть футов и три дюйма».

Буклет местного супермаркета и другой, предлагавший новые шины, я благополучно отправила в мусорную корзину.

— Хорошего мужа вы себе нашли, — продолжил Смитти, пялясь на мое обручальное кольцо. — Он даже сумел поладить с мисс Бишоп. — Последние слова торговец хозтоварами произнес с оттенком благоговения.

Избавившись от печатного спама, я запихнула счета и каталоги себе в сумку.

— Пока, Смитти.

— До свидания, миссис Клермон. Мистеру Клермону скажите: пусть позвонит, когда ему понадобится каток для подъездной дорожки.

— Не зовите меня миссис Клермон. Я по-прежнему... Не обращайтесь внимания, — прибавила я, поймав недоуменный взгляд Смитти.

Открыв дверь, я поспешно отошла, пропуская двоих сорванцов, спешащих к прилавку. Ребята торопились купить леденцы, украшавшие прилавок миссис Хатчинсон. Я уже выходила, когда моих ушей достиг шепот Смитти.

— Энни, ты видела мистера Клермона? — спрашивал он хозяйку почты. — Приятный парень. А то я начинал уже думать, что Диана по примеру своей тетки останется старой девой. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю... — добавил Смитти, многозначительно подмигивая миссис Хатчинсон.

Я свернула на запад и поехала по шоссе 20. Дорога вилась мимо зеленых полей и бывших фермерских усадеб, когда-то снабжавших едой жителей Мэдисона. Многие строения обрели новых владельцев, а земля использовалась уже не для посевов. В одном здании разместилась школа, в другом — какие-то офисы. Бывший амбар делили между собой камнерезная мастерская и ткацкий цех.

Супермаркет находился в Гамильтоне. Когда я туда добралась, стоянка была практически пуста. Впрочем, даже в разгар занятий в местном университете половина ее территории оставалась свободной.

Я не хотела оставлять Сарину машину совсем уж на виду и потому припарковалась рядом с минивэном. Такие машины люди покупают, когда у них есть малолетние дети. Минивэн имел раздвижные дверцы, позволяющие быстро устанавливать детские

кресла, множество держателей для кружек и бежевые коврики, на которых не видны крошки от сухих завтраков и печенья. Я видела жизнь, ожидавшую меня в недалеком будущем.

Юркая машина Сары напоминала, что в жизни существуют и другие возможности, хотя, когда родятся близнецы, Мэтью наверняка будет настаивать, чтобы средство передвижения отвечало всем требованиям безопасности. Не проще ли тогда будет купить танк? После очередной кражи антенного шара сегодня на серебристом прутике торчала глуповатая голова ведьмы с зелеными волосами. Я произнесла несколько слов. Прут антенны чуть изогнулся, и губчатая резина шарика пристала к нему намертво. Теперь никто не посмеет стащить Сарин талисман.

— Какое чудесное связующее заклинание! — послышался сзади сухой женский голос. — Пожалуй, я такого не знаю.

Я обернулась. Женщине, произнесшей эти слова, было чуть больше пятидесяти. Ее длинные волосы до плеч поседели раньше времени, но изумрудно-зеленые глаза не утратили яркости. Я слышала низкое гудение магической силы, окружавшей ее. Женщина не выпячивала, но и не прятала свою силу. Это была верховная жрица Мэдисонского шабаша.

— Здравствуйте, миссис Харрисон.

Харрисоны были древним гамилтонским родом. Они переехали сюда из Коннектикута. Как и в нашей семье, их женщины, даже выходя замуж, сохраняли девичью фамилию. Роджер, муж Вивьен, сделал радикальный шаг: когда они поженились, он взял фамилию жены и из Баркера стал Харрисоном. В летописях шабаша это было отмечено с похвалой как знак уважения к традициям. Правда, мужья других ведьм щедро осыпали его насмешками.

— По-моему, ты уже вполне большая девочка, чтобы называть меня просто Вивьен. — Ее глаза скользнули по моему животу. — Приехала за покупками?

— Угу.

Ведьма не может врать другой ведьме, но я все равно старалась отвечать как можно лаконичнее.

— Какое совпадение. Я тоже, — сообщила Вивьен.

За ее спиной две тележки отделились от сцепки и покатались к нам.

— Похоже, тебе рожать в январе? — спросила она, когда мы вошли в супермаркет.

Я чуть не уронила бумажную сумку с яблоками какого-то местного фермера.

— Если я допущу до конца срока, тогда в январе. У меня будет двойня.

— Двойня нынче редкость, — с грустью сказала Вивьен. — Можешь спросить у Эбби. — Она подозвала женщину с двумя упаковками яиц.

— Привет, Диана. По-моему, мы с вами еще не встречались.

Одну упаковку Эбби поместила на сиденье тележки, куда обычно сажают маленьких детей, и закрепила хлипким ремнем.

— Когда ходишь по супермаркету с детьми, вечно приходится следить, чтобы и они не покалечились, и яйца не разбились.

— Неужели весь округ знает о моей беременности? — спросила я.

Похоже, жителям было известно и о моем выезде за покупками.

— Пока только ведьмы и те, кто поговорил со Смитти, — ответила Эбби.

Мимо пронесся мальчишка лет четырех в полосатой рубашке и маске Человека-Паука.

— Джон Пратт! Перестань гонять сестренку!

— Не беспокойся. Грейс я нашел в кондитерской секции.

К нам подошел симпатичный мужчина в футболке с эмблемой Колгейтского университета. У него на руках извивалась, норовя вывернуться, девчушка лет двух с небольшим. Ее лицо было густо переначкано шоколадом и крошками печенья.

— Здравствуйте, Диана. Я Кайлеб, муж Эбби. Преподаю в местном университете.

Он говорил непринужденно, но в его голосе ощущалась магическая сила. Может, ему доступна магия стихий?

Мне показалось, что вокруг него я заметила тонкие нити, но тут меня отвлекла Вивьен.

— Кайлеб — профессор на кафедре антропологии, — с гордостью сообщила она. — Я очень рада, что они влились в наше сообщество.

— Рада знакомству с вами обоими, — пробормотала я.

Ну почему всему шабазу приспичило в этот четверг явиться за покупками в «Косткаттер»?

— Мы встречаемся, только когда нужно поговорить о делах, — ответила Эбби, легко прочитав мои мысли.

До сих пор мне казалось, что ее магические способности слабее, чем у Вивьен и Кайлеба, однако в ее крови явно присутствовала сила.

— Мы ждали сегодня Сару, но она почему-то сторонится нас. Она хорошо себя чувствует? — спросила Эбби.

— Увы, нет, — лаконично ответила я.

Когда-то я упорно старалась отгородиться от Мэдисонского шабаша и этой стороны принадлежности к семье Бишоп. Однако лондонские ведьмы наглядно показали мне, сколь дорогую цену платят ведьмы, живущие в отрыве от себе подобных. Вся нехитрая правда заключалась в том, что мы с Мэтью не могли обойтись лишь своими силами. Особенно после недавних событий в Сет-Туре.

— Диана, ты хочешь что-то сказать? — спросила проницательная Вивьен.

— Нам нужна ваша помощь.

Слова сами выскользнули из меня. Заметив мое изумление, две ведьмы и колдун принялись хохотать.

— Для того мы здесь и собрались. — Вивьен одобряюще улыбнулась. — И что же у вас случилось?

— Сара увязла в скорби, — честно ответила я. — Да и мы с Мэтью попали в переплет.

— Понимаю. То-то меня уже несколько дней донимает покалывание в больших пальцах, — сказал Кайлеб, предотвращая очередную попытку Грейс выскочить из отцовских рук. — Поначалу я решил, что это из-за вампиров.

— Все куда серьезнее, — мрачно продолжила я. — Случившееся касается ведьм, а также Конгрегации. У моей матери были какие-то мысли на этот счет, но я даже не знаю, где искать дополнительные сведения.

— А что говорит Сара? — поинтересовалась Вивьен.

— Почти ничего. С возвращением в Мэдисон она пошла по новому кругу оплакивания Эмили: целыми днями сидит в гостиной, смотрит на дерево, которое теперь растет у нас прямо из камина, и ждет возвращения призраков.

— А ваш муж? — спросил Кайлеб.

— Мэтью вбивает столбы для нового забора.

Я отвела с шеи взмокшие волосы. Если станет еще жарче, на крыше Сариной машины можно будет жарить яичницу.

— Классический пример перемещения агрессии, — задумчиво произнес Кайлеб. — И еще потребность установить прочные границы.

— Какая магия помогла вам все это определить?

Удивительно: из нескольких моих слов он сумел так много узнать о Мэтью.

— Эта магия называется антропологией, — улыбнулся Кайлеб.

— Давайте перенесем разговор в другое место, — предложила Вивьен.

Она тепло улыбнулась растущему числу зрителей во фруктовой секции. Люди сразу же заметили четверых существ иной природы, вставших в проходе. Некоторые слушали наш разговор, делая вид, будто оценивают спелость канталуп и арбузов.

— Мне пора возвращаться, а то меня уже заждались, — сказала я, желая поскорее покинуть супермаркет.

— В пятой секции есть рис сорта «арборио», — сообщил Кайлеб, передавая извертевшуюся Грейс матери. — В Гамильтоне это самый подходящий рис для паэльи. Если он вас не устраивает, взгляните к Морин в магазин здоровой пищи. Она закажет вам испанский рис. А иначе надо ехать в Сиракьюс.

— Спасибо, — вяло пробормотала я.

Ни в какой магазин здоровой пищи я не поеду. Там такой же садок для ведьм, как и «Косткаттер».

— Ограничусь здешним рисом, — сказала я, направив тележку к пятой секции.

— И не забудьте молоко! — крикнула мне вдогонку Эбби.

Когда я вернулась домой, Мэтью и Фернандо стояли возле забора, поглощенные беседой. Я выгрузила покупки и увидела в раковине оставленное ведро. Пальцы сами собой потянулись к краю, готовые повернуть его и пустить воду.

— Что за чертовщина творится со мной?

Я не стала наполнять ведро, а отнесла его в кладовую и шумно закрыла дверь.

Эта комната видела мои величайшие провалы в попытке постичь ведьмино ремесло. Хотя теперь я знала причину (у ведьмидышц все не так, и вместо изучения чужих заклинаний они создают свои), неудачи прошлого отзывались болью в душе.

Что ж, самое время попробовать.

Я поставила ведро на очаг, ощущая поток магической силы, который всегда тек через меня. Благодаря отцу я не только стала прядильщицей. Моя кровь была полна воды. Усевшись на корточки перед ведром, я придала руке вид водопроводной трубы и сосредоточилась на своих желаниях.

Чисто. Свежо. Ново.

Рука превратилась в трубу. Из-под пальцев хлынула вода, с глухим стуком наполняя пластмассовое ведро. Когда оно наполнилось, рука вернулась в прежнее состояние. Я улыбнулась, раскачиваясь на пятках. Я могла творить магию в доме Бишопов! Окружающий воздух переливался разноцветными нитями. Они уже не ощущались плотными и тяжелыми. В них появилась яркость и возможности. Из окна подул прохладный ветер. Пусть мне и не удастся одним узлом решить все наши проблемы, но если я хотела узнать то, что знали Эмили и мама, надо просто начать.

— Первый узел завязала — заклинания начало, — прошептала я, вытаскивая и крепко завязывая серебристую нить.

Краешком глаза я увидела пышный подол и корсаж с яркой вышивкой, принадлежавшие моей родоначальнице Бриджит Бишоп.

«С возвращением домой, внученька», — произнес призрачный голос.

Глава 8

Мэтью взмахнул кувалдой, ударив по торцу деревянного столба. Удар был сильным и точным. У Мэтью завибрировали руки, плечи и спина. Он снова поднял кувалду.

— Сомневаюсь, что тебе нужно лупить по этому столбу в третий раз, — лениво проговорил Фернандо. — Он не покосится и простоят вплоть до нового ледникового периода.

Мэтью опустил кувалду на землю и уперся в рукоятку. Он не устал и даже не вспотел. Но появление Фернандо вызвало у него раздражение.

— В чем дело, Фернандо?

— Слышал, ты вчера вечером говорил с Болдуином. — (Мэтью молча поднял бур, которым проделывал лунки для столбов.) — Я так понял, что Болдуин велел тебе пока сидеть здесь и не высываться.

Мэтью вогнал два острых лезвия бура в землю. Они вошли глубже, чем если бы бур находился в руках человека. Сделав оборот, Мэтью вытащил бур и подхватил очередной столб.

— Остынь, Mateus. Починка Сариного забора не самое полезное времяпрепровождение.

— Согласен. Самым полезным времяпрепровождением было бы найти Бенжамена и избавить семью от этого чудовища. Раз и навсегда. — Мэтью поднял семифутовый столб, словно тот весил не больше карандаша, и всадил заостренный конец в мягкую землю. — А вместо этого я жду позволения Болдуина сделать то, что надлежало сделать уже давным-давно.

Фернандо поглядел на столб и хмыкнул:

— Тогда почему бы тебе не отправиться на поиски? Плюнь ты на Болдуина с его диктаторскими замашками. Ищи Бенжамена. Мне не составит труда позаботиться о Диане и Саре.

Мэтью обернулся и раздраженно посмотрел на Фернандо:

— Мы сейчас в самой гуще опасных и непредсказуемых событий. Я не могу оставить свою истинную пару, да еще беременную, на чье-либо попечение. Даже на твое.

— Значит, ты намереваешься оставаться здесь, чинить все, что под руку попадется, и ждать счастливого момента, когда Болдуин позвонит и повелит тебе убить твое порождение. Тогда ты потащишь Диану в логово Бенжамена и на глазах жены вспорешь ему брюхо? Это же абсурд! — Фернандо сердито поморщился и взмахнул руками.

— По-моему, ты собственными ушами слышал в Сет-Туре слова Болдуина. Он не потерпит никаких возражений.

Когда позвонил Бенжамен, Болдуин тем же вечером отвел всех де Клермонов мужского пола и Фернандо подальше от замка, где жестко и подробно объяснил, что ждет каждого из них, если он услышит хотя бы шепот возражения и заметит малейший намек на сопротивление. После этого даже Галлоглас сник.

— Было время, когда ты обскакивал Болдуина. Тогда ты и не думал ему подчиняться. Но после кончины твоего отца ты позволил брату помыкать собой. — Фернандо схватил столб и кувалду, прежде чем это успел сделать Мэтью.

— Я не мог потерять Сет-Тур. Матан бы этого не пережила. Особенно после смерти Филиппа.

Да, смерть Филиппа подкосила Изабо. Исчезла ее легендарная нестигаемость. Она стала похожа на хрупкую стеклянную вазу.

— Формально замок может принадлежать Рыцарям Лазаря, но всем известно, что само братство принадлежит де Клермонам. Если бы Болдуин захотел тогда нарушить волю Филиппа, у него бы это получилось, а Изабо осталась бы ни с чем.

— Но Изабо, как мы знаем, все-таки оправилась после смерти Филиппа. Что за причина у тебя теперь?

— А теперь в семью де Клермон вошла моя жена, — ответил Мэтью, пристально глядя на Фернандо.

— Понятно, — хмыкнул Фернандо. — Женитьба превратила твой разум в кашу и согнула слину, точно ивовый пруттик. Вот так-то, друг мой.

— Я не сделаю ничего, что ставило бы под удар ее положение. Диана может этого не понимать, но мы-то с тобой хорошо знаем,

сколь важно быть сыном или дочерью Филиппа, — сказал Мэтью. — Имя де Клермонов защитит ее от любых угроз.

— И за эту слабую семейную поддержку ты согласен продать душу дьяволу в облике Болдуина? — Фернандо был по-настоящему удивлен.

— Ради Дианы я готов на что угодно. — Мэтью отвернулся. — Готов заплатить любую цену.

— Твоя любовь к ней граничит с одержимостью. — Фернандо не шелохнулся, когда Мэтью снова повернулся к нему, сверкая потемневшими глазами. — Это губительное состояние, Mateus. Для вас обоих.

— Уж не Сара ли тебе уши прожужжала о моих недостатках? Ничего удивительного. Дианиным теткам я никогда не нравился.

Мэтью бросил сердитый взгляд на родовое гнездо Бишопов. Возможно, это была просто игра света, но ему показалось, что дом задрожал от смеха.

— Теперь, когда я вижу тебя с их племянницей, то понимаю, почему они так говорили, — невозмутимо продолжил Фернандо. — Бешенство крови всегда вызывало у тебя склонность к крайностям. Женитьба их только усугубила.

— Фернандо, моя совместная жизнь с Дианой продлится лет тридцать. Если повезет, сорок или пятьдесят. А сколько веков ты провел вместе с Хью?

— Шесть, — буркнул Фернандо.

— И тебе их хватило?! — взорвался Мэтью. — Прежде чем судить меня и говорить, что я по уши завяз в мыслях о благополучии моей истинной пары, поставь себя на мое место. Каким было бы твое поведение и поступки, если бы ты знал, что вам с Хью отпущено несколько коротких десятилетий?

— Утрата имеет власть над нами, и душа вампира столь же хрупка, как души теплокровных. Шестьсот лет, шестьдесят или шесть — значения не имеет. Когда умирает твоя истинная пара, с ним... или с ней умирает часть твоей собственной души, — тихо сказал Фернандо. — Но у тебя останутся дети: Маркус и близнецы. Это должно тебя утешать.

— Какое же это утешение, если рядом не будет Дианы? — Глаза Мэтью были полны отчаяния.

— Неудивительно, что ты так жестко повел себя с Маркусом и Фиби, — продолжал Фернандо, начиная догадываться. — Твое величайшее желание — превратить и Диану в вампиру.

- Никогда! — зарычал Мэтью.
- И это же — твой величайший кошмар.
- Если она превратится в вампиршу, то перестанет быть моей Дианой, — сказал Мэтью. — Это уже будет другая личность.
- Но ты бы по-прежнему ее любил.
- Я люблю Диану такой, какая она есть. Сомневаюсь, что полюбил бы изменившуюся Диану.

Фернандо было нечем крыть. Он не представлял себе Хью кем-то иным. Только вампиром. Это определяло личность Хью, создавая неповторимое сочетание свирепого мужества и идеализма, пронизанного мечтаниями, что и пробудило любовь Фернандо.

— Рождение детей изменит Диану. Что произойдет с твоей любовью, когда они появятся на свет?

— Ничего, — грубо ответил Мэтью и потянулся за кувалдой.

Фернандо без труда перекинул тяжелый инструмент из одной руки в другую, оставляя кувалду вне досягаемости.

— В тебе сейчас говорит бешенство крови. Я слышу его интонации в твоем голосе. — Фернандо подбросил кувалду, которая, пролетев со скоростью девяносто миль в час, приземлилась на дворе О'Нилов, и схватил Мэтью за горло. — Я боюсь за твоих детей. Мне больно говорить... больно даже думать, но я видел, как ты убил свою любимую женщину.

— Диана... не... Элеонора. — Слова Мэтью напоминали удары кувалды.

— Конечно нет. Твои чувства к Элеоноре не шли ни в какое сравнение с твоими нынешними чувствами к Диане. Но тогда Болдуин ненароком заметил... всего лишь предположил, что Элеонора скорее согласится лечь с ним, чем с тобой, и ты был готов порвать в клочья обоих. — Фернандо впился взглядом в лицо Мэтью. — Как ты поступишь, если малыши займут у Дианы первое место, отодвинув твои потребности?

— Не забывай: самоконтроль у меня сейчас намного крепче, чем тогда.

— Бешенство крови пробуждает все инстинкты вампира, доводя их до умопомрачительной остроты. Твои собственнические наклонности уже опасны. Почему ты уверен, что сумеешь их контролировать?

— Черт тебя побери, Фернандо! Да, я не уверен. Ты это хотел от меня услышать? — спросил Мэтью, запустив пальцы в волосы.

— Я хочу, чтобы вместо починки заборов и очистки канав ты прислушался бы к словам Маркуса, — ответил Фернандо.

— И ты туда же. Думать о собственной ветви сейчас — безумие. Или ты забыл, что Бенжамен разгуливает на свободе, а Конгрегация привела себя в полную боевую готовность? — раздраженно бросил Мэтью.

— Я имел в виду совсем не это.

Фернандо считал идею Маркуса превосходной, но знал, когда стоит высказываться вслух, а когда лучше держать язык за зубами.

— Тогда что? — хмуро спросил Мэтью.

— Твою работу. Если бы ты сосредоточился на разгадке причин бешенства крови, то смог бы разрушить замыслы Бенжамена, не нанеся ни одного удара. — Фернандо помолчал, давая Мэтью переварить услышанное. — Даже Галлоглас считает, что тебе нужно безотлагательно заняться анализом листа из Книги Жизни, а уж он ничего не смыслит в науке.

— Ни один из местных колледжей не имеет лабораторий для исследований такого уровня, — сказал Мэтью. — Как видишь, я не только покупал водосточные трубы, но и наводил справки. А насчет Галлогласа ты прав. Племянничек ни черта не смыслит в моих исследованиях.

Фернандо тоже не смыслил в генетике и даже не пытался. Зато он знал, что Мириам в этом разбирается не хуже Мэтью.

— Пока ты отсутствовал, Мириам явно вела какие-то исследования. Она не из тех, кто будет сидеть сложа руки. Неужели тебя не тянет расспросить ее о последних результатах?

— Я сказал ей, что результаты обождут, — угрюмо ответил Мэтью.

— Учитывая появление в твоей жизни Дианы и близнецов в ее чреве, даже прежние результаты могут оказаться полезными. — Фернандо использовал любые приманки, включая Диану, только бы вывести Мэтью из состояния глухой обороны и вернуть к настоящим действиям. — Возможно, беременность Дианы объясняется не только твоим бешенством крови. Не исключено, что и она, и та иерусалимская ведьма унаследовали способность беременеть от вампиров.

— Возможно, — выдохнул Мэтью.

Его внимание привлек пурпурный «мини-купер» Сары, подпрыгивающий на ухабах подъездной дорожки. Плечи Мэтью опустились, глаза посветлели.

— Дорожка никуда не годится. Нужно будет хорошенько протюжить ее катком, — рассеянно произнес он, наблюдая, как машина подъехала к дому и остановилась.

Диана вылезла из «мини-купера» и весело помахала ему. Мэтью улыбнулся и тоже помахал.

— Тебе нужно снова включить мозги, — заметил Фернандо.

У Мэтью зазвонил мобильник.

— Да, Мириам. Что-то случилось?

— Я тут раздумывала... — Мириам не тратила время на обычные учтивости, включая приветствия. Эти привычки не изменил даже страх перед Бенжаменом.

— Какое совпадение, — сухо ответил Мэтью. — Фернандо только что настоятельно убеждал меня включить мозги.

— Помнишь, в октябре прошлого года кто-то проник в оксфордское жилище Дианы? Мы тогда опасались, что кому-то понадобился ее генетический материал: волосы, остриженные ногти, кусочки кожи.

— Разумеется, помню, — ответил Мэтью, вытирая лицо ладонью.

— Тогда ты был уверен, что это Нокс и американская ведьма Джиллиан Чемберлен. А вдруг это были не они? Что, если там побывал Бенжамен? — Мириам умолкла на несколько секунд. — Знаешь, Мэтью, у меня скверные предчувствия на этот счет. Кажется, я проснулась после приятного сна и обнаружила, что пауки успели затянуть меня в свою паутину.

— Бенжамена в жилище Дианы не было. Я бы сразу учуял его запах. — Мэтью говорил уверенно, однако в голосе ощущались тревожные потки.

— Бенжамен достаточно хитер. Он бы не полез туда сам. Послал бы своего приспешника или кого-нибудь из детей. Его, как сына, ты еще можешь учуять, но ты не хуже меня знаешь, что запах внуков практически не воспринимается. — Мириам с отчаянием вздохнула. — Бенжамен упоминал ведьм и твои генетические исследования. Помнишь, ты говорил, что не веришь в совпадения?

Мэтью хорошо это помнил. Фраза была сказана задолго до знакомства с Дианой. Сейчас слова Мириам заставили его про-

верить дом Бишопов на предмет вторжений. Им руководил инстинкт в сочетании с рефлексом. Потребность защищать свою жену. Собственнические чувства? Плевать ему на то, как к этому отнесится Фернандо.

— Скажи, тебе удалось проникнуть глубже в ДНК Дианы?

В прошлом году Мэтью брал образцы ее крови и щечные мазки.

— А чем, по-твоему, я занималась все это время? Вязала крючком покрывала на случай, если ты привезешь сюда малышей, и лила слезы, скучая по тебе? Да, мне известно о близнецах, но только общие сведения. Их, сам понимаешь, недостаточно.

— Зато я скучал по тебе, Мириам, — признался Мэтью, грустно качая головой.

— Напрасно. Когда мы снова встретимся, я укушу тебя, да так, что у тебя на многие годы останется шрам. — Голос Мириам дрогнул. — Тебе еще тогда нужно было убить Бенжамена. Ты знал, какое он чудовище.

— Даже чудовища подвержены изменениям, — тихо возразил Мэтью. — Возьми меня.

— Ты никогда не был чудовищем. Ты придумал это вранье, чтобы отпугивать нас.

Мэтью мог бы снова возразить, но решил не уводить разговор от главной темы.

— Так что тебе удалось узнать по поводу Дианиной ДНК?

— Мы считали, что у нас достаточно знаний о генетике твоей жены. Так вот, наши знания — капля в море незнания. Ее ядерная ДНК подобна лабиринту: стоит туда зайти, ты почти наверняка заблудишься. — Эти слова Мириам касались уникального генетического отпечатка Дианы. — Столь же ошеломляюща и ее митохондриальная ДНК.

— Давай пока не будем трогать митохондриальную ДНК. По ней мы узнаем, что у Дианы общего с ее предками по женской линии. — Мэтью пообещал себе обязательно вернуться к исследованиям митохондриальной ДНК жены. — Я хочу понять, что именно делает ее уникальной.

— Что тебя тревожит? — Мириам достаточно хорошо знала Мэтью, чтобы услышать то, что он не сказал.

— Прежде всего способность Дианы зачать от меня детей. — Мэтью глубоко вздохнул. — Из шестнадцатого века Диана приносила с собой... дракона. Точнее, огнедышащую дракониху по имени Корра. Своего духа-хранителя.

— Духа-хранителя? А я думала, что это люди выдумали про ведьминых духов-хранителей. Тогда понятна странность ее трансмогрификационного гена, — пробормотала Мириам. — Огнедышащая дракониха. Как раз то, что нам нужно. Постой, она на поводке или в клетке? Можно взять образец ее крови?

— Возможно, — неуверенным тоном ответил Мэтью. — Правда, вряд ли Корра согласится на щечный мазок.

— Меня интересует возможная генетическая связь Дианы и драконихи... — Мириам умолкла, заинтригованная новым направлением исследований.

— Тебе удалось обнаружить в ведьминой хромосоме Дианы факторы, управляющие плодовитостью? — спросил Мэтью.

— Я только сейчас это слышу. Да будет тебе известно: ученые находят лишь то, что входит в сферу их поисков, — язвительно сказала Мириам. — Дай мне несколько дней, и я проведу дополнительные исследования. В ведьминой хромосоме Дианы полным-полно неидентифицированных генов. Иногда я даже начинаю сомневаться, ведьма ли она, — засмеялась Мириам.

Мэтью промолчал. Не мог он сказать ассистентке: «Диана больше чем ведьма. Она — прядильщица времени». Даже проницательная Сара не почувала этого в своей племяннице.

— Ты от меня что-то скрываешь, — с упреком сказала Мириам.

— Пришли мне отчет обо всем, что сумеешь установить, — попросил он. — Через несколько дней мы это обсудим. Загляни и в мой ДНК-профиль. Обращай внимание на любые гены, которые нам не удалось идентифицировать. В особенности если они находятся рядом с геном бешенства крови. Подмечай все, что привлечет твоё внимание.

— Ладно, — осторожно согласилась Мириам. — У тебя защищенный канал Интернета?

— Самый защищенный, какой могут обеспечить деньги Болдуина.

— Тогда вполне. Я позвоню. И знаешь что?..

— Что? — нахмурился Мэтью, ожидая подвоха.

— Я все равно намерена тебя укусить. Прохлопать такой шанс разделаться с Бенжаменом!

— Вначале тебе придется меня поймать.

— Ну, это как раз несложно. Достаточно поймать Диану — и ты сам прискачешь, — сказала она и отключилась.

— Мириам снова в прекрасной форме, — усмехнулся Фернандо.

— Она всегда удивительно быстро умела оправляться от потрясений! — восхищенно подхватил Мэтью. — Помнишь, когда Бернар...

На дорожке появилась незнакомая машина. Мэтью бросился к ней. Фернандо — следом.

Седоволосая женщина за рулем потрепанного темно-синего «вольво» не удивилась, обнаружив рядом с машиной двоих вампиров, один из которых был исключительно рослым. Наоборот, она даже опустила стекло.

— Должно быть, вы Мэтью, — сказала женщина. — А меня зовут Вивьен Харрисон. Диана просила меня заехать и проведать Сару. И потом, вашу жену беспокоит появление странного дерева в гостиной.

— Чем это пахнет? — спросил Фернандо.

— Бергамотом, — шурясь, ответил Мэтью.

— Вполне распространенный запах! — дерзко заявила Вивьен. — Я ведь не только верховная жрица шабаша, но еще и бухгалтер. Как, по-вашему, я должна пахнуть? Огнем и серой?

— Вивьен? — На крыльце стояла Сара и шурилась от яркого солнца. — Никак кто-то заболел?

Вивьен вылезла из машины:

— Никто не заболел. Я была в супермаркете и встретила Диану.

— А приехав сюда, успела познакомиться с Мэтью и Фернандо, — заметила ей Сара.

— Да. — Вивьен смерила взглядом обоих вампиров. — Убереги нас богиня от общения с обаятельными вампирами. Диана говорила, у вас возникли трудности, — сказала Вивьен, направляясь к крыльцу.

— Ничего такого, с чем бы мы не справились, — хмуро бросил Мэтью.

— Мэтью всегда это говорит. Иногда он даже бывает прав. Идем в дом. Диана приготовила чай со льдом.

— У нас все в порядке, миссис Харрисон, — заверил ведьму Мэтью.

На крыльцо выскочила Диана. Уперев руки в бока, она с яростью посмотрела на мужа.

— В порядке? — выкрикнула Диана. — Питер Нокс убил Эм. В гостиной из камина торчит странное дерево. Я беременна твоими

детьми. Нас вышвырнули из Сет-Тура. Сюда в любой момент могут нагрянуть представители Конгрегации и потребовать, чтобы мы расстались. Вивьен, вы тоже считаете это нормальным положением вещей?

— Тот самый Питер Нокс, который с ума сходил по Дианиной матери? Он ведь входит в Конгрегацию? — спросила Вивьен.

— Уже нет, — ответил Мэтью.

— Сара, ты мне говорила, что Эм умерла от сердечного приступа. — Вивьен погрозила ей пальцем.

— Так оно и было, — ответила Сара, защищаясь от нападающей верховной жрицы, и та недовольно скривила губы. — Я говорю правду! Такую причину назвал сын Мэтью.

— Сара, ты виртуозно умеешь сочетать правду с враньем... Эмили много значила для нашего сообщества, — уже мягче сказала Вивьен. — Нам необходимо знать правду о случившемся во Франции.

— Вам так важно знать, причастен Нокс к ее смерти или нет? Это ничего не изменит и не воскресит Эмили. — Сара быстро смахнула навернувшиеся слезы. — Я не хочу впутывать в это наш шабаш. Слишком опасно совать нос в подобные дела.

— Мы твои подруги, и мы уже впутались. — Вивьен потерла ладони. — В воскресенье мы празднуем Лугнасад.

— Лугнасад? — насторожилась Сара. — Мэдисонский шабаш десятилетиями не праздновал Лугнасад.

— Да, мы очень давно не устраивали пышных празднеств. Но в этом году Ханна О'Нил решила потряхнуть стариной и отметить твое возвращение. И потом, для всех нас это станет и прощанием с Эм.

— Но Мэтью... Фернандо. — Сара умолкла. — Завет.

Вивьен громко расхохоталась:

— Диана беременна. Поздно вато думать о соблюдении правил. И потом, шабашу все известно о Мэтью. И о Фернандо тоже.

— Успели вынюхать? — удивилась Сара.

— Представь себе. Оказывается, Мэтью и Смитти свели знакомство на почве рабочих инструментов, а ты знаешь, какой сплетник этот Смитти. — Благоклонная улыбка Вивьен, обращенная к Мэтью, несколько смягчила резкость ее слов. — Нас считают прогрессивным шабашем. Если повезет, Диана покажется нам без своего маскировочного заклинания. До воскресенья. — Улыбнув-

пись Мэтью и помахав Фернандо, Вивьен прыгнула в машину и укатила.

— Вивьен Харрисон — настоящий бульдозер, — проворчала Сара.

— Но в наблюдательности ей не откажешь, — задумчиво произнес Мэтью.

— Это да. — Сара всмотрелась в племянницу. — А Вивьен права. На тебе маскировочное заклинание. Причем добротное. Кто его на тебя наложил?

— Никто. Я...

Диана была не в силах врать, но и рассказывать тетке правду тоже не хотела. Она попросту закрыла рот. Мэтью нахмурился.

— Я не настаиваю. Можешь не рассказывать. — Сара шумно двинулась назад в гостиную. — А на их пиршество я не пойду. Весь шабаш свихнулся на вегетарианстве. Только и будут есть цукини и абсолютно несъедобный лаймовый пирог Ханны.

— Вдова потихоньку оживает, — прошентал Фернандо и, довольно улыбаясь, последовал за Сарой. — Ее надо было вернуть в Мэдисон.

— Помнишь о своем обещании? Ты говорила, что, как только мы сюда вернемся, ты расскажешь Саре, кем являешься, — упрекнул жену Мэтью, когда они остались вдвоем. — Почему не сказала?

— Я не единственная, у кого есть тайны. Я говорю не о бешенстве крови и даже не о том, что вампиры убивают собратьев, имеющих такую особенность. Тебе бы тоже стоило уже давно рассказать мне, что Хью и Фернандо были супружеской парой. И уж конечно, не молчать о том, как твоя болезнь годами служила Филиппу страшным оружием.

— Сара знает, что Корра — не сувенирчик из Елизаветинской эпохи, а твой дух-хранитель? И почему ты умолчала о встрече с отцом в Лондоне?

— Не было подходящего момента, — отмахнулась Диана.

— Ну да, этот неуловимый подходящий момент, — хмыкнул Мэтью. — Он так и не наступит. Иногда, Диана, нам нужно просто плюнуть на осторожность и довериться тем, кого мы любим.

— Я вполне доверяю Саре.

Диана закусила губу. Доканчивать фразу было не обязательно. Мэтью и так знал истинную причину. Диана не доверяла себе и своей магии. Точнее, не вполне доверяла.

— Пойдем погуляем, — предложил Мэтью, протягивая руку. — Об этом поговорим потом.

— Сейчас очень жарко, — возразила Диана, но взяла его руку.

— Я окутаю тебя прохладой, — улыбаясь, пообещал он.

Диана с любопытством посмотрела на него. Улыбка Мэтью стала шире.

Его жена — его сердце, его истинная пара, его жизнь — сошла с крыльца и оказалась у него в объятиях. В глазах Дианы отражались синева и золото летнего неба. Мэтью сейчас владело единственное желание: нырнуть в их светлые глубины и навсегда затеряться там.

Глава 9

— Неудивительно, что мы не празднуем Лугнасад, — проворчала Сара, толкая дверь своего дома. — Все эти жуткие песни о конце лета и наступлении зимы. Я уж не говорю про звяканье бубна Мэри Бассет. Тоже мне аккомпанемент.

— Музыка была не настолько плоха, — возразила я тетке.

Гримаса на лице Мэтью подтверждала, что он согласен с мнением Сары.

— Фернандо, у тебя еще осталось это темпераментное вино? — Сара включила свет в коридоре. — Мне нужно выпить, а то голова гудит.

— Оно называется «темперанильо». — Фернандо бросил на скамейку груды подстилок, на которых мы сидели. — «Темперанильо». Запомни: это испанское слово.

— Французское, испанское — мне все равно. Я хочу промочить горло, — заявила Сара.

Чувствовалось, праздник ее утомил и поверг в уныние.

Я отошла, пропуская в дом Эбби и Кайлеба. Джон спал на отцовских руках, зато Грейс была полна сил и норовила поскорее оказаться на полу.

— Отпусти ее, Эбби. Она ничего не сломает и не разобьет, — сказала Сара, отправляясь на кухню.

Эбби спустила дочку с рук, и малышка тут же заковыляла к лестнице. Мэтью засмеялся.

— У этого ребенка потрясающая способность находить беды на свою голову. Нет, Грейс, на лестницу нельзя. — Эбби наклонилась, подхватила Грейс и отнесла подальше от лестницы, развернув лицом к общей комнате.

— Почему бы не уложить Джона в гостиной? — предложила я родителям мальчика.

Джон сменил любимый костюм Человека-Паука на футболку с изображением Супергероя.

— Спасибо, Диана. — Кайлеб внес сына в гостиную, увидел дерево и присвистнул. — Теперь я понимаю вашу озабоченность по поводу этого дерева, — сказал он Мэтью. — Оно что же, вдруг взяло и появилось в камине?

— Нам думается, тут не обошлось без огня и некоторого количества крови.

Мэтью сходил в коридор за подстилками. Они с Кайлебом проговорили весь праздник, перебрав разные темы: тенденции в развитии академической науки, врачебную деятельность Мэтью в оксфордской больнице Джона Рэдклиффа и даже судьбу белых медведей. Джона уложили прямо на полу, и Мэтью заботливо укрыл спящего мальчика одеялом. Кайлеб осторожно водил пальцами по коре Каминного дерева.

«Вот что нужно Мэтью, — подумала я. — Дом. Семью. Стаю». Не имея тех, о ком нужно заботиться, он возвращался в сумрачное место, где его подстерегали деяния прошлого. С внезапным появлением Бенжамена это особенно обострилось.

Мне тоже были нужны дом и семья. Пожив в домах XVI века, заметно отличавшихся от современных, я постепенно привыкла к шумному окружению. Страх, что другие узнают, кто я, ослаб, зато выросло желание чувствовать себя где-то своей.

И потому празднование Лугнасада, устроенное шабашем, как ни странно, доставило мне удовольствие. Прежде я находила любой предлог, только бы поменьше видеться с мэдисонскими ведьмами. Воображение рисовало мне их сборища как нечто пугающее. Сегодня общество ведьм показалось мне очень приятным и доброжелательным. Исключения составляли Касси и Лидия — мои недоброжелательницы времен старших классов школы. По сравнению с ведьмами елизаветинского Лондона мэдисонские ведьмы выглядели на редкость бессильными. Одна или две немного владели магией стихий, однако никто не мог сравниться с могущественными огненными и водяными ведьмами прошлого. Все местные ведьмы, которые что-то умели, значительно уступали Саре.

— Эбби, желаете выйти? — спросил Фернандо, протягивая ей рюмку.

— Не откажусь, — хихикнула Эбби. — Фернандо, я удивляюсь, что вы живым вернулись оттуда. Я была уверена, что кто-

нибудь обязательно попытается воздействовать на вас приворотной магией.

— Фернандо сам виноват. Не падо было давать им повода, — тоном строгой учительницы произнесла я. — Зачем ему понадобилось поклониться Бетти Исти, а потом еще и руку ей поцеловать?

— Теперь ее бедняге-мужу придется дни напролет выслушивать хвалебные рассказы о прекрасном Фернандо, — подыграла мне Эбби и снова захихикала.

— Ваши дамы будут очень разочарованы, когда узнают, что пытались захомутать совсем не ту лошадь, — ответил Фернандо. — Кстати, Диана, твои подружки рассказали мне массу очаровательных историй. Ты знала, что, когда вампиры находят свою настоящую любовь, они становятся очень милыми и нежными?

— В таком случае процесс превращения Мэтью в плюшевого медвежонка несколько затянулся, — сухо ответила я.

— Видела бы ты его раньше! — лукаво улыбнулся Фернандо.

— Фернандо! — позвала из кухни Сара. — Помоги мне разжечь этот дурацкий огонь. У меня он гаснет.

И чего это ее потянуло зажигать огонь, когда и так жарко? Потом я вспомнила: на Лугнасад Эм всегда зажигала огонь.

— Долг велит, — пробормотал Фернандо, слегка поклонившись Эбби.

Как и Бетти Исти, она покраснела.

— Мы тоже пойдем с вами. — Кайлеб взял Грейс за руку. — Идем, непоседа.

Мэтью смотрел вслед семейству Пратт и улыбался.

— Скоро и у нас так будет, — сказала я, обнимая мужа.

— Об этом я сейчас и думал, — признался Мэтью, отвечая поцелуем. — Теперь ты готова рассказать тетке о своем даре прядильщицы?

— Дождусь, когда Пратты уедут.

— Тебе незачем рассказывать ей все за один присест, — предложил Мэтью, глядя мне плечи. — Расскажи, что ты прядильщица, и тогда сможешь снять это магическое покрывало.

Мы тоже прошли в кухню. Огонь горел не там, а в кладовой, где когда-то и помещалась настоящая кухня. Пламя трещало, подогревая и без того теплый вечер. Мы расселись вокруг стола, делаясь впечатлениями о сегодняшнем празднике и сплетничая

о последних событиях внутри пабаша. Затем разговор перекинулся на бейсбол. Как и мой отец, Кайлеб болел за «Ред сокс».

— Что там опять у команды Гарварда с «Ред сокс»? — спросила я и встала, чтобы приготовить чай.

Я включила электрическую плиту, поставила чайник и... боковым зрением заметила белую вспышку. Я улыбнулась, решив, что в дом начинают возвращаться призраки. Сара будет счастлива, если хотя бы один появится.

Но это был не призрак.

В кладовой, перед пылающим очагом, переминалась на нетвердых ножках двухгодовалая Грейс.

— Класиво, — лопотала она.

— Грейс!

Мой крик нарушил не только идиллию девчушки, но и ее равновесие. Грейс повернула голову и вдруг начала крениться к огню.

Я бы не сумела добежать и подхватить малышку. До очага было не менее двадцати пяти футов и препятствие в виде кухонного острова. Сунув руку в карман шорт, я вытащила нити прядильщицы. Они зазмеились вдоль пальцев и обернулись вокруг запястий. В этот момент раздался пронзительный крик Грейс.

Времени на заклинания у меня тоже не было. Мною руководил инстинкт. Я крепче уперла ноги в пол. Нас окружала вода. Она текла по многочисленным подземным артериям, пересекавшим участок Бишопов. Вода была и внутри меня. Пытаясь сосредоточиться на водной стихии, я вычленила синюю, зеленую и серебристую нити. Кухня и кладовая засветились переливчатыми оттенками. Я магически соединила оба помещения с водой.

В горящий очаг хлынула мощная струя воды. Поднялось облако пара. Зашипели гаснущие угли. Грейс упала в месиво из пепла и воды.

— Грейс! — Эбби с воплем пронеслась мимо меня; за ней бежал Кайлеб.

Мэтью подхватил меня на руки. Я промокла до нитки и дрожала. Он растирал мне спину, пытаясь согреть.

— Слава богу, что у вас такая власть над водой, — сказала Эбби, держа на руках хнычущую Грейс.

— Она не обожглась? — спросила я. — Ее так и тянуло поближе к огню.

— Рука немножко покраснела, — сказал Кайлеб, разглядывая пальчики дочери. — Как вы думаете, Мэтью?

Мэтью взял ручонку Грейс.

— Класиво, — повторила малышка, у которой дрожала нижняя губа.

— Знаю, — согласился Мэтью. — Огонь очень красивый. Но и очень жаркий.

Он подул ей на пальчики, и Грейс засмеялась. Фернандо подал ему мокрую тряпку и кубик льда.

— Иссё, — потребовала Грейс, тыча ручонкой в лицо Мэтью.

— Повреждений я не заметил. Волдырей нет, — сказал Мэтью.

Он выполнил приказ малолетней командирши и снова подул ей на пальчики, затем осторожно завернул руку в тряпку и приложил лед.

— Завтра она уже забудет, что чуть не свалилась в огонь.

— А ты, оказывается, умеешь вызывать потоки воды. Я и не знала. — Сара пристально поглядела на меня. — Ты-то как себя чувствуешь? У тебя изменился облик. Ты вся сияешь.

— Прекрасно, — ответила я тетке.

Я высвободилась из объятий Мэтью и попыталась нацелить на себя остатки маскировочного заклинания. Потом осмотрела пол вокруг кухонного острова, ища нити на случай, если понадобится что-то незаметно подлатать.

— Что ты сделала с собой?

Сара схватила мою руку и подняла ладонью вверх. Увиденное заставило меня вскрикнуть.

Из середины каждого пальца вниз тянулась цветная полоска. На мизинце она была коричневой, на безымянном — желтой. Средний украшала полоска сочного синего цвета, а по указательному, чуть наискось, властным росчерком тянулась красная. Все полоски соединялись на ладони, образуя разноцветную косичку. В центре ладони к ним подходила зеленая полоска от большого пальца. Я оценила магическую иронию: это был намек на мои безуспешные попытки общения с комнатными цветами¹. Пятицветная косичка тянулась до запястья, где образовывала узел с пятью перекрестьями — пентакль.

— Мои нити прядильщицы. Теперь они... внутри меня, — ошеломленно пробормотала я, глядя на Мэтью.

¹ Здесь непереводимая игра слов. Скорее всего, автор подразумевает известное английское выражение «be all thumbs» (дословно «все пальцы как большой»), указывающее на неумение человека что-то делать.

Однако прядильщики использовали в своей магии девять нитей, а не пять. Повернув левую ладонь, я обнаружила еще четыре нити: черную на большом пальце, белую на мизинце, золотистую на безымянном и серебристую на среднем. Только указательный оставался в прежнем виде. Цветная косичка на левом запястье сворачивалась в подобие уробороса — змеи, кусающей собственный хвост. Круг, не имеющий ни начала, ни конца. Эмблема семьи де Клермон.

— Никак Диана... светится? — спросила Эбби.

Продолжая рассматривать руки, я согнула пальцы. Воздух осветился взрывом разноцветных нитей.

— Что это такое? — Сара смотрела на меня, выпучив глаза.

— Нити, — ответила я. — Они связывают миры и управляют магией.

И чтобы сделать зрелище еще красочнее, в этот момент с охоты вернулась Корра. Она скользнула по дымоходу очага и опустилась на грудку мокрых дров. Кашляя и сопя, дракониха встала на лапы.

— Это... дракон? — спросил ошеломленный Кайлеб.

— Нет. Сувенирчик, — ответила Сара. — Диана привезла на память о елизаветинской Англии.

— Корра не сувенир. Она — мой дух-хранитель, — прошептала я.

— У ведьм не бывает духов-хранителей! — фыркнула Сара.

— У прядильщиков бывает.

Рука Мэтью легла мне на поясницу. Знак поддержки.

— Позвони Вивьен, пусть приедет. Я должна вам кое-что рассказать.

— Значит, этот дракон... — начала Вивьен, сжимая в руках чашку с дымящимся кофе.

— Огнедышащая дракониха, — поправила я верховную жрицу.

— Ты хочешь сказать, что он...

Кажется, Вивьен меня не слышала.

— Не он, а она. Корра — существо женского пола.

— Она... твой дух-хранитель?

— Да. Корра появилась, когда я в Лондоне соткала свое первое заклинание.

— А что, все духи-хранители... это огнедышащие драконы? — спросила Эбби.

Она с ногами устроилась на диване в гостиной. Мы все собрались там вокруг телевизора, исключая мирно спящего Джона.

— Нет. У Благочестивой Олсоп — моей учительницы — дух-хранитель имел человеческий облик. Ходил за ней как тень. Она была предрасположена к воздуху. Духи-хранители прядильщиков принимают облик сообразно тому, к какой стихии тяготеет ведьма или колдун.

Пожалуй, это была самая длинная фраза о магии, произнесенная мной. К тому же она была совершенно непонятна присутствующим ведьмам. Они практически ничего не знали о прядильщиках.

— Я имею склонность и к воде, и к огню, — продолжала я. — В отличие от обычных драконов, огненные драконы одинаково хорошо себя чувствуют в море и в пламени.

— Но они способны еще и летать, — сказала Вивьен. — Получается, огнедышащие драконы символизируют троичность стихий. Сара с нескрываемым изумлением посмотрела на нее.

Вивьен пожала плечами:

— У меня магистерская степень по средневековой литературе. Виверны, или огнедышащие драконы, если тебе угодно, когда-то сплошь и рядом встречались в европейской мифологии и легендах.

— Но ты же... Я привыкла, что ты бухгалтер! — вырвалось у Сары.

— А ты знаешь, сколько тех, кто специализировался по английскому языку и литературе, потом вынуждены были пойти в бухгалтеры? — спросила Вивьен, а потом снова обратила внимание на меня. — Диана, ты умеешь летать?

— Да, — неохотно признала я.

Летать умели немногие ведьмы. Эта способность слишком бросалась в глаза и потому была весьма нежелательной, если ведьма хотела спокойно жить среди людей.

— А другие прядильщики тоже светятся, как вы? — спросила Эбби, наклоняя голову.

— Я не знаю, есть ли сейчас другие прядильщики. Их даже в шестнадцатом веке было немного. После казни шотландской прядильщицы Благочестивая Олсоп оставалась единственной прядильщицей на Британских островах. Был еще прядильщик в Праге. Прядильщиком был и мой отец. Это передается по наследству.

— Стивен Проктор не был прядильщиком, — язвительно возразила Сара. — Он никогда не светился и не имел духа-хранителя. Твой отец был совершенно обыкновенным колдуном.

— Прокторы на протяжении целых поколений не произвели ни одной первоклассной ведьмы, — сказала Вивьен, словно извиняясь передо мной.

— Большинство прядильщиков не показывают высший класс ни в чем... если измерять их привычными мерками.

Это подтверждалось даже на генетическом уровне. Исследования Мэтью выявили у меня в крови множество противоречивых маркеров.

— Теперь я понимаю, почему была полной бездарью в обычном ведьмином ремесле. Сара могла научить произнесению заклинаний кого угодно, но только не меня. Я была семейным позором, — нервно рассмеялась я. — Папа говорил мне: «Впускай чужие заклинания в одно ухо, выпускай в другое, а потом создавай свои».

— Когда же это Стивен успел дать тебе такое наставление? — Голос Сары трещал, как электрический разряд.

— В Лондоне. Папа был там в тысяча пятьсот девяносто первом году. Это ведь от него я унаследовала способность перемещаться во времени.

Вопреки настояниям Мэтью не рассказывать Саре все разом обстоятельства вынудили меня это сделать.

— Ты и Ребекку видела? — спросила Сара, чьи глаза снова округлились.

— Нет. Только папу.

Подобно встрече с Филиппом де Клермоном, новая встреча с отцом явилась неожиданным подарком нашего путешествия во времени.

— Разрази меня гром, — пробормотала Сара.

— Он пробыл там недолго — всего несколько дней. Представьте, в Лондоне находились сразу три прядильщика. Мы стали притчей во языцех для всего города.

Я умолчала о том, что разговоры моего отца с Уильямом Шекспиром стали сюжетами новых пьес и строчками в диалогах шекспировских героев.

Сара приготовилась выпустить новый залп вопросов, но Вивьен подала ей знак помолчать.

— Если дар прядильщиков передается по наследству, почему же вас так мало? — спросила Вивьен.

— Потому что давным-давно другие ведьмы решили нас истребить. — Мои пальцы вцепились в края полотенца, которое Мэтью набросил мне на плечи. — Благочестивая Олсоп рассказывала, что ведьм убивали целыми семьями, дабы не осталось потомства.

Пальцы Мэтью осторожно массировали мне одеревеневшую шею.

— Уцелевшие прятались. Добавьте к этому войны, болезни и высокую младенческую смертность. Они не хуже палачей уничтожали еще сохранившиеся династии прядильщиков.

— Не понимаю — зачем истреблять прядильщиков? — спросил Кайлеб. — В любом шабаше новые заклинания пришлось бы очень кстати.

— Я бы отдала что угодно за заклинание, способное оживить мой компьютер после пальчиков Джона, — призналась Эбби. — Я перепробовала все: заговор от застревания колес, заклинание от сломанных замков, благословение на новые дела. Старинная магия бессильна совладать с современной электроникой.

— Возможно, прядильщики были слишком могущественными и остальные ведьмы им завидовали. А может, ими двигал страх. Он не только людей делает неразборчивыми в средствах... — Мои слова потонули в молчании.

— Новые заклинания! — Кайлеб даже присвистнул. — А с чего вы начинаете?

— Это зависит от личности прядильщика. У меня заклинание начинается с вопроса или желания. Я сосредоточиваюсь на них, а все остальное делают нити. Теперь, наверное, это будут делать руки, — сказала я, поднимая их.

— Диана, позволь мне рассмотреть твои руки, — попросила Сара.

Я встала, подошла к тетке и протянула ладони.

Сара приглядывалась к цветам полосок на моих пальцах. Ее пальцы водили по узлу на моем правом запястье, где было перекрестье в виде пентаграммы.

— Это пятый узел, — пояснила я, пока Сара продолжала исследовать мою руку. — С его помощью прядильщики создают заклинания, чтобы разрешить возникшие проблемы или повысить восприятие.

— Пентаграмма символизирует стихии природы. — Сара постучала в том месте, где сплетались коричневая, желтая, синяя и красная полоски. — Эти цвета традиционно обозначают землю, воздух, воду и огонь. Зеленый на твоем большом пальце говорит о связи с богиней. В данном случае с богиней в ипостаси матери.

— Твоя рука — настоящий учебник по магии, — сказала Вивьен. — Тут тебе и природные стихии, и пентаграмма, и символ богини. Все, что требуется ведьме для ее ремесла.

— А это, должно быть, десятый узел. — Сара взялась за мою левую руку и столь же пристально осмотрела петлю на левом запястье. — Такой символ я видела на флаге над Сет-Туром.

— Верно. Не всем прядильщикам удастся завязать десятый узел, хотя внешне он и выглядит совсем простым... Это узел созидания и разрушения, — глотнув воздуха, добавила я.

Сара согнула мои пальцы в кулак и накрыла своими. Она и Вивьен тревожно переглянулись.

— А почему на левом указательном пальце нет полоски? — спросила я, вдруг проникаясь их тревогой.

— Об этом мы поговорим завтра, — сказала Сара. — Время уже позднее. Вечер и так затянулся.

— Надо ехать домой, укладывать детей. — Эбби встала, стараясь не разбудить задремавшую дочь. — Жду не дожусь, когда весь шабаш узнает о способности Дианы создавать новые заклинания. Касси с Лидией наверняка припадок хватит.

— Шабашу нельзя об этом рассказывать, — твердо возразила Сара. — Во всяком случае, пока мы сами не поймем, что все это значит.

— Диана до жути ярко светится, — призналась Эбби. — Прежде я этого не замечала. А сейчас ее свечение станет видно даже обычным людям.

— Я носила маскировочное заклинание. Могу сотворить себе новое. — Увидев недовольство в глазах Мэтью, я поспешно добавила: — Дома я, конечно же, буду ходить без всяких масок.

— С заклинаниями это тебе решать, но семье О'Нил кое-что рассказать надо, — выразила свое мнение Вивьен.

Кайлеб перестал улыбаться:

— Пойми, Сара, нам незачем рассказывать всему шабашу, но держать всех в неведении тоже нельзя. Нужно решить, кому мы расскажем и что именно.

— Куда труднее объяснить беременность Дианы, нежели найти убедительную причину, объясняющую ее свечение, — сказала Сара, констатируя непреложный факт. — Ее живот пока не слишком заметен, но когда там двойня... словом, сами понимаете.

— Потому нам и нужно вести себя предельно честно, — не сдавалась Эбби. — Полуправду ведьмы чуют ничуть не хуже откровенной лжи.

— Это станет проверкой шабаша на лояльность и непредвзятость мышления, — задумчиво произнес ее муж.

— А если мы провалим испытание? — спросила Сара.

— Нас бы это разделило навсегда, — без тени шутки ответил Кайлеб.

— Уж лучше нам с Мэтью уехать отсюда.

Опыт путешествия в прошлое позволил мне наглядно убедиться, к чему приводит подобное разделение. Мне до сих пор снились кошмарные сны о событиях в Шотландии, когда ведьмы ополчились друг на друга, а потом в Берике начались судилища. Я не хотела нести ответственность за разрушение Мэдисонского шабаша. Ведьмам и их семьям пришлось бы покидать насиженные места, прощаться с домами, где жили многие поколения их предков.

Кайлеб повернулся к верховной жрице местного шабаша:

— Что скажешь, Вивьен?

— Решение остается за Сарой.

— Прежде я бы даже похвасталась шабашу, что моя племянница оказалась прядильщицей. Но я достаточно навидалась жестокостей, которые одни ведьмы устраивают другим. Я говорю не только об Эмили. — Сара мельком взглянула в мою сторону и замолчала, не вдаваясь в подробности.

— Я могу не выпускать Корру из дому... большую часть времени. Я даже могу не показываться в городе. Но какое бы хитроумное маскировочное заклинание я ни соткала, мне не удастся постоянно скрывать свои отличия, — предупредила я собравшихся ведьм.

— Понимаю, — с прежним спокойствием ответила Вивьен. — Но речь идет не о проверке, а о возможности. Когда в далеком прошлом ведьмы семьями уничтожали прядильщиков, мы потеряли не только отдельные жизни. Мы потеряли династии, опыт,

знания, и лишь потому, что суеверно боялись непонятной силы. Сейчас нам выпадает шанс набраться новых знаний и опыта.

— «Морские волны забурлят, и небеса взорвет грозой, — прошептала я. — Когда восстанет Гавриил меж суней и водою. / И вострубит труба его золотая, / Мир старый хороня и новый мир рождая».

Неужели мы сейчас находились в гуще перемен?

— Откуда ты знаешь эти стихи? — со знакомой суровостью спросила Сара.

— Их мне прочла Благочестивая Олсон. Это стихотворное пророчество матушки Урсулы, ее учительницы.

— Мне известно, чье это пророчество, — отрезала Сара. — Матушка Урсула была известной ведьмой, наделенной мощным даром пророчества.

— Так о ней известно? — спросила я, удивляясь, почему Благочестивая Олсон об этом умолчала.

— Представь себе. Для историка ты ужасающе невежественна в азах фольклора ведьм, — аттестовала меня тетка. — Но это ж надо: ты училась ткать заклинания у одной из учениц Урсулы Шилтон! — В голосе Сары прозвучало уважение.

— Пока ты с нами, давнее искусство не потеряно, — сказала Вивьен.

Эбби и Кайлеб погрузили в свой минивэн стулья, остатки угощения и, наконец, спящих детей. Я вышла на дорожку проводить их. Едва машина Праггов отъехала, ко мне подошла Вивьен. В руках у нее был контейнер с картофельным салатом.

— Если хочешь, чтобы Сара перестала созерцать это чертовое дерево и вообще вылезла из зловонной дыры своего сознания, расскажи ей о ремесле прядильщицы. Покажи, как ты это делаешь.

— Вивьен, я не такая уж опытная прядильщица.

— Тем более тебе надо заручиться помощью Сары. Пусть сама она и не прядильщица, но о структуре заклинаний она знает больше, чем кто-либо. А я перевидала достаточно ведьм. После кончины Эмили твоей тетке отчаянно необходима какая-то новая цель. — Вивьен ободряюще сжала мне руку.

— А как быть с остальным шабашем?

— Кайлеб верно назвал это проверкой. Вот и посмотрим, пройдем ли мы ее.

Свет фары темно-синего «вольво» скользнул по забору. Ви-вьян уехала. Я вернулась в дом, погасила везде свет и поднялась в нашу комнату.

— Ты заперла входную дверь? — спросил Мэтью, откладывая книгу.

— Дверь не запирается. Язычок замка заклинило. Нужен ключ, а Сара его куда-то задевала.

Мои глаза невольно скользнули к двери нашей комнаты. К счастью, она имела ключ. Дом снабдил нас им, когда возникла необходимость. Вспомнив ту ночь, я улыбнулась.

— Доктор Бишоп, у вас появились плотские желания? — Голос Мэтью был не менее соблазнительным, чем его ласки.

— Мы женаты, — напомнила я, сбрасывая туфли и берясь за верхнюю пуговицу рубашки из сирсакера. — Мой долг жены — при каждом взгляде на тебя испытывать плотские желания.

— А мой долг мужа — их удовлетворять.

Мэтью со скоростью света оказался возле бюро, где стояла я. Он с нежностью отвел мои пальцы и стал сам расстегивать пуговицы на моей рубашке. Каждый дюйм обнажаемой плоти он награждал поцелуем, слегка прикусывая зубами. После пяти пуговиц у меня появился легкий озноб, хотя летний воздух был теплым и влажным.

— Странно, что ты дрожишь, — пробормотал он, расстегивая мой лифчик. Губы Мэтью коснулись серповидного шрама у меня под сердцем. — По-моему, тебе не холодно.

— Все относительно, вампир. — Я запустила пальцы ему в волосы, и Мэтью усмехнулся. — Ну так как, подаришь мне мгновения любви или ограничишься измерением моей температуры?

Я проснулась, когда начало светать. Выставив руку, я вертела кистью в разные стороны, разглядывая последствия вчерашних изменений. На среднем и безымянном пальцах левой руки виднелись цветные полоски: серебристая, похожая на лунный свет, и золотистая, солнечная. Остальные нити тускло мерцали, а на каждом запястье просматривался перламутровый узел.

— И что, по-твоему, все это значит? — спросил Мэтью.

Его губы двигались по моим волосам, а пальцы чертили кружки и восьмерки у меня на плечах.

— Ты женился на татуированной женщине. Или на женщине, находящейся под властью неведомых сил.

Во мне росли две новые жизни. Если к этому добавить Корру и нити, пересселившиеся внутрь... там становилось довольно тесно.

— Вчера я гордился тобой. Ты так быстро придумала способ уберечь Грейс от ожогов.

— Я вообще ни о чем не думала. Когда Грейс закричала, во мне что-то щелкнуло, и дальше я действовала инстинктивно. Скажи, а дракон у меня на спине так никуда и не исчез? — спросила я, изгибаясь в руках Мэтью.

— Никуда. И стал еще темнее, чем прежде. — Мэтью снова развернул меня лицом к себе. — Есть какие-нибудь догадки на этот счет?

— Пока нет, — ответила я.

Дракон ждал меня, и я это чувствовала.

— Возможно, изображение на спине как-то связано с твоей силой. Она у тебя заметно возросла. — Мэтью поднес мою руку ко рту. Он упивался моим запахом, затем приник губами к венам. — От тебя все так же пахнет летней молнией. Но сейчас запах больше похож на аромат... динамита, когда до него добирается огонь бикфордова шнура.

— У меня достаточно силы, и больше мне не надо, — заявила я, утыкаясь в Мэтью.

Однако с момента возвращения в Мэдисон мою кровь будоражило темное желание.

«Врунья», — прошептал знакомый голос.

Тело охватило покалывание, как будто на меня смотрела тысяча ведьм. Но сейчас за мною наблюдало единственное существо. Богиня.

Я мельком оглядела комнату, не обнаружив никаких следов ее присутствия. Если бы Мэтью заподозрил, что она здесь, то начал бы задавать вопросы. Отвечать мне не хотелось. Еще больше мне не хотелось, чтобы он узнал тайну, которую я по-прежнему скрывала от него.

— Слава богу, — прошептала я.

— Ты что-то сказала?

— Нет, — вторично соврала я, крепче прижимаясь к Мэтью. — Должно быть, тебе послышалось.

Глава 10

Наутро я проковыляла вниз, чувствуя себя измотанной. Вчерашний поток ведьминой воды стоил мне немалых сил. В голове еще носились обрывки ярких снов.

— Этой ночью дом был до ужаса спокойным, — объявила Сара.

Тетка стояла перед отпиленной конторкой. Очки, торчащие на носу, рыжие всклокоченные волосы. На доске конторки лежал раскрытый гримуар Бишопов. Словом, вид у Сары был такой, что строгой пуританке Коттон Метер — предку Эмили — сделалось бы дурно.

— Говоришь, спокойным? Я и не заметила.

Зевая, я потрогала старое деревянное корытце, в каких месили тесто. Там лежали недавно собранные ветки лаванды. Вскоре и они займут свое место на веревке, повиснув вверх тормашками. Я подняла глаза к потолку. Паук деловито добавлял к этой паутине трав свои серебристые нити.

— А ты сегодня с самого утра на ногах, — сказала я, меняя тему.

Сито заполнили белые головки расторопши. Если его потрясти, из пушистых недр посыплются семена. Рядом лежали пучки руты с ее желтыми цветками и пирструма (его цветки напоминали пуговицы), готовые занять место на веревке. Сара взгромодила на стол старый цветочный пресс. Вскоре в его вальцы попадут длинные пахучие листья, заполнившие поднос. Стол был завален букетами свежесрезанных цветов и трав. Куда и на что употребит их тетка, я не знала.

— У меня работы неночатый край, — объявила Сара. — Пока нас не было, кто-то ухаживал за огородом. Но у них еще и свои участки. И потом, никто не знал, что я сею в предзимье и весной.

Учитывая величину огорода ведьмы при доме Бишопов, анонимных добровольцев было несколько. Решив помочь тетке, я по-

тянулась к пучку руты. Этот запах всегда будет напоминать мне о Сату и пережитых ужасах, когда фишская ведьма подстерегла меня в саду Сет-Тура и уволокла в развалины Ла-Пьера. Сара перехватила мою руку:

— Впредь знай: беременным женщинам нельзя прикасаться к руте. А если хочешь мне помочь, сходи на огород и срежь гроздовника. Вот, возьми.

Тетка подала мне свой нож с белой рукояткой. В последний раз я им вскрывала себе вену, чтоб спасти Мэтью. Мы обе это помнили и обе промолчали.

— Гроздовник — он ведь со стручками? — уточнила я.

— Пурпурные цветки. Длинные стебли. Листья напоминают плоские кружки и по виду похожи на бумагу. — Обычно у тетки не хватало терпения что-либо мне объяснить. — Стебли срежай у самого основания. Перед сушкой мы оборвем с них цветки.

Сарин огород помещался в дальнем углу сада, там, где кончались садовые яблони и еще не начинались лесные дубы и кипарисы, затенявшие почву. Его окружала изгородь из проволочной сетки на металлических столбах, укрепленная штакетником и самодельными щитами. В ход шло все, способное преграждать путь кроликам, полевым и скунсам. Для большей безопасности Сара дважды в год окуривала свое детище и накладывала ограждающие заклинания.

Стараниями Сары внутри был сотворен настоящий райский уголок. Широкие дорожки вели к тенистым рошицам, где росли папоротники и другие растения, не любящие яркого солнца. Ближе к дому тянулись грядки с овощами, устроенные в особых деревянных ящиках и даже на подставках. Решетки и столбики удерживали овощи, стеблям которых требовалась опора. В прежние годы грядки утопали в зелени. Душистый горошек, сахарный горох, куча сортов фасоли и бобов. Нынче зеленело лишь то, что посеялось само.

Я обогнула площадку, где Сара обучала юных ведьм, а иногда и их родителей, рассказывая о связях природных стихий с цветами и травами. У девочек была своя изгородь из всевозможных палочек и прутьев, отделяющая их священный клочок земли. Учебным материалом служили неприхотливые растения вроде девясила и тысячелистника. Наблюдая за ними, дети постигали фазы круговорота жизни: рождение, рост, увядание и вскапывание земли под новые посевы. Все это определяло и направляло

ремесло каждой ведьмы. Пень с широким душком служил мусоросборником, куда бросали незваных гостей вроде мяты.

Посередине райского уголка стояли две яблони. Между ними был натянут широкий гамак, способный выдержать Сару и Эм. Здесь они любили подремать и поговорить теплыми летними вечерами.

За яблонями находилась вторая калитка. Она вела в профессиональный огород ведьмы. Для Сары он был тем же, чем для меня — одна из библиотек: источником вдохновения, местом, где можно укрыться от окружающего мира и получить необходимые сведения. Огород служил тетке и сырьевой базой.

Я нашла трехфутовые стебли, увенчанные гроздьями пурпурных цветов. Часть гроздовника я оставила для самосева и урожая будущего года, а остальные срезала, наполнив плетеную корзину. Выполнив Сарину просьбу, я вернулась в дом.

Мы работали дружно и молча. Сара кропила цветы гроздовника, чтобы затем выжать из них пахучее масло, а стебли отдавала мне. Снабдив каждый веревочной пстлей, я вешала его сушиться. Если другие травы преспокойно сохли в пучках, стебли гроздовника, чтобы не повредить стручки, удаивались индивидуальной сушки.

— Куда у тебя пойдут эти стручки? — спросила я, обвязывая очередной стебель.

— Для оберегов. Через несколько недель, когда начнутся занятия, на них будет спрос. Стручки гроздовника особенно помогают детям, поскольку отпугивают чудовищ и отводят кошмары.

Корра, дремлющая на чердаке кладовки, зыркнула одним глазом на Сару, выпустив струйки дыма из ноздрей и пасти.

— А для тебя я найду кое-что еще, — сказала тетка, указывая на дракониху все тем же ножом с белой ручкой.

Корра невозмутимо повернулась спиной. Ее хвост свешивался с чердака, и самый кончик, напоминающий лопатку, маятниковом раскачивался взад-вперед. Нагнувшись, чтобы не столкнуться с ним, я привязала к балке стебель гроздовника, стараясь не повредить ни один тонкий круглый стручок.

— И долго они будут сохнуть? — спросила я, возвращаясь к столу.

— Неделю, — ответила Сара, мельком взглянув на меня. — Потом можно будет снять кожицу со стручков. Под ней спрятан серебристый кружок.

— Совсем как луна или зеркало, — понимающе кивала я. — Отражает кошмар, возвращая его источнику, чтобы не потревожил ребенка.

Сара тоже кивала, довольная моим быстрым схватыванием.

— Некоторые ведьмы гадают на стручках гроздовника, — помолчав, добавила она. — Одна ведьма из Гамильтона — она преподавала химию в средней школе — рассказывала, что у алхимиков гроздовник тоже был в почете. Они собирали майскую росу со стручков и на ее основе готовили эликсир жизни.

— На это понадобилась бы целая плантация гроздовника, — засмеялась я, вспомнив, сколько воды уходило у нас с Мэри Сидни во время алхимических опытов. — Лучше ограничиться оберегами.

— Согласна, — снова улыбнулась Сара. — Для малышей я вкладываю обереги в сонные подушечки. Дети их не боятся, чего не скажешь о некоторых куклах или пентаграммах из веток черники. Если бы тебе понадобилось создать такую подушечку, чем бы ты ее наполнила?

Я поглубже вдохнула и сосредоточилась на вопросе. Сонные подушечки. Само их название подсказывало, что они вовсе не должны быть большими. Скажем, не больше моей ладони.

«Не больше моей ладони», — мысленно повторила я. Раньше я достала бы нити прядильницы и ждала бы их подсказки или прилива вдохновения. Но со вчерашнего вечера нити находились внутри меня. Я подняла ладони, широко растопылив пальцы. На запястьях появились сверкающие узлы. На правой руке большой палец и мизинец засветились зеленым и коричневым — цветами земли и жизни.

Я подняла глаза к полке, где выстроились каменные банки Сары. На них падал свет из окон. Я подошла к полке и стала поочередно дотрагиваться мизинцем до этикеток, пока не ощутила сопротивление.

— Репейник, — сказала я, двигаясь вдоль полки. — Полынь.

Мизинец выполнял у меня роль указателя на планшете для вызывания духов.

— Анисовое семя. — Палец это подтвердил, опустившись вниз. — Женские цветки хмеля. — Мизинец качнулся наискось и вверх. — Валериана.

«Как же будет пахнуть такая смесь? Не окажется ли она слишком острой?»

У меня закололо большой палец.

— Лавровый лист, щепотка розмарина и немного чабреца, — сказала я.

«А вдруг ребенок все равно проснется и схватится за подушечку?»

— И еще пять сушеных бобов.

Добавка была более чем странной, однако мой инстинкт прядильщицы подсказывал: они-то и принесут желаемый результат.

— Разрази меня гром! — воскликнула Сара, сдвигая очки на лоб. Она изумленно посмотрела на меня и улыбнулась. — Это напоминает старинный оберег твоей прапрабабушки. Только у нее были корвяк с вербеной, и никаких бобов.

— А я бы обязательно положила бобы в подушечку. Если ее потрясти, они загремят. Детям можно сказать, что этот звук помогает отпугивать чудовищ.

— Отличный ход, — согласилась Сара. — Теперь скажи: как бы ты поступила со стручками гроздовника? Измельчила бы в порошок или оставила бы цельными?

— Цельными, — ответила я. — Их нужно вшить в лицевую часть подушечки.

Однако травы были лишь половиной оберега. К ним требовались слова. И не просто слова, а обладающие потенциалом, чтобы их смогла произнести любая ведьма. Лондонские ведьмы научили меня очень многим премудростям, но заклинания, которые я писала, оставались просто словами на листе бумаги. Силу они имели только в моих устах. Большинство заклинаний писалось в рифму — так легче запоминалось, да и на слух приятнее. Вот только, в отличие от Мэтью и его друзей из XVI века, у меня не было поэтического дара.

— Тебя что-то останавливает? — видя мое замешательство, спросила Сара.

— Мой грамарий хромает, — почти шепотом призналась я.

— Я бы тебе посочувствовала, но не знаю, что это за зверь, — сухо проговорила тетка.

— Грамарий — способ, каким прядильщик переводит магию в слова. Я могу создать заклинание и наложить его, но только сама. Без грамария другим ведьмам оно будет недоступно. — Я указала на гримуар Бишопов. — Собранные здесь заклинания — результат труда многих сотен прядильщиков. Они создавали грамарию своих заклинаний, и другие ведьмы могли передавать эти

заклинания из поколения в поколение. Даже сейчас заклинания сохраняют силу. Если мои заклинания продержатся хотя бы час, это уже здорово.

— Так в чем проблема? — спросила Сара.

— Я вижу заклинания не в словах, а в образах и красках. — Взглянув на ладонь, я заметила, что мизинец и большой палец оставались потускневшими с внутренней стороны. — Красные чернила помогали мне с огненными заклинаниями. Когда я располагала слова наподобие картинки, это тоже помогало.

— Покажи, — попросила Сара, подавая мне клочок бумаги и обожженную палочку. — Это вирджинская лещина, — пояснила тетка, когда я взяла палочку. — Я использую ее вместо карандаша, когда впервые переписываю заклинание. Если что-то пойдет не так, последствия бывают... не столь длительными, как у чернил.

Тетка слегка покраснела. Мне вспомнилось ее неуправляемое заклинание, поднявшее жуткую бурю в ванной. Потом мы чуть ли не месяц повсюду находили засохшие следы шампуня и лосьона для загара.

Я написала слова заклинания, вызывающего огонь, стараясь ни в коем случае не произносить их, не пробуждать магию. Под конец указательный палец правой руки ярко светился красным.

— Это была моя первая попытка написать грамаций. — Прежде чем показать Саре, я критически осмотрела результат своего творчества. — По-моему, даже у третьеклассницы получилось бы лучше.

*Fire
Ignite till
Roaring bright
Extinguishing night¹*

— Не так уж и плохо, — сказала Сара и, глядя на мою унылую физиономию, тут же добавила: — Я видела и хуже. Мне понравилось, что начальные буквы каждой строки складываются в слово «огонь». Но зачем ты построила из слов треугольник?

— Такова структура заклинания. Оно совсем простое: всего лишь узел с тройным перекрестьем. — Настал мой черед повни-

¹ Огонь / Разгорается / Ярко пылает / Ночь прогоняет (англ.).

мательнсе изучить сотворенный грамарий. — Забавно, что многие алхимики обозначали огонь значком треугольника.

— Узел с тройным перекрестьем? — Сара глянула на меня поверх очков. — У тебя сейчас не иначе как один из твоих моментов Йоды¹.

Тетка намеренно меня подкусывала, добиваясь точности формулировок.

— Сара, я пытаюсь тебе объяснить с максимальной простотой. Это проще показать. Я бы и показала, если бы нити не ушли внутрь пальцев. — Подняв руки, я пошевелила пальцами перед се носом.

Сара что-то пробормотала, и к нам с другого конца стола подкатился моток бечевки.

— Мудрого Йоду устроит обычная веревка?

Моток продолжал вращаться. Я остановила его, произнеся свое заклинание. Моток был густо наполнен силой земли. Его веревка успела завязаться множеством узлов с тройным перекрестьем. От изумления Сара даже вздрогнула.

— Стодится и обычная, — сказала я, довольная реакцией Сары; ткнув в моток ее ножом, я отрезала кусок длиной около девяти дюймов. — У каждого узла разное число перекрестий. Ты в своих заклинаниях используешь два вида узлов: скользящий и двойной скользящий. Эти узлы прядильщиков знает любая ведьма. А вот когда мы доходим до третьего узла, все усложняется.

Но сумею ли я на обычной кухонной бечевке показать то, что собиралась? Узлы, которые я связывала из нитей, были трехмерными. Сейчас я решила ограничиться плоскостью стола. Придерживая левый конец веревки, я сделала петлю на правом, пропустила веревку под одним краем петли, затем через другой край и соединила концы. В результате получился узел-трилистник, напоминающий треугольник.

— Ну вот, три перекрестья, — сказала я. — Теперь попробуй ты.

Стоило мне убрать руки от веревки, она сложилась в знакомую пирамиду, а концы аккуратно сплывались в неразрываемый узел. Сара шумно выдохнула.

¹ *Йода* — мудрец из киносериала Джорджа Лукаса «Звездные войны». Момент Йоды (Yoda moment) в англоязычном сленге означает состояние накануне какого-то озарения или открытия.

— Шикарно, — резюмировала я. — Оказывается, для заклинанний годится даже простецкая веревка.

— Ты говоришь совсем как твой отец. — Сара потрогала узел. — И что, такие узлы скрыты в любом заклипании?

— Один обязательно. Сложные заклипания могут иметь два или три узла. Все узлы завязываются нитями, которые ты вчера видела в гостиной. Они связывают мой мир, — добавила я и улыбнулась. — Мне кажется, граманий — это своеобразное маскировочное заклипание. Он скрывает внутреннее действие магии.

— А когда ты произносишь слова, тайное становится явным, — задумчиво произнесла Сара. — Давай-ка попробуем твое.

Раньше, чем я успела ее предостеречь, Сара прочла слова моего заклипания вслух. Бумага в ее руках вспыхнула и загорелась. Тетка швырнула пылающий лист на стол, где я затушила огонь струей ведьминой воды.

— Я думала, это простое заклипание для зажигания свечей. Так и дом спалить недолго! — воскликнула Сара, глядя на мокрые комья пепла.

— Извини, не успела тебя предупредить. Заклипание совсем еще свеженькое и дикое. Постепенно оно обуздается. Граманий не может бесконечно поддерживать силу заклипания. Со временем его магия ослабевает. Потому заклипания и перестают действовать, — объяснила я.

— Ты серьезно? Тогда ты сможешь определить и относительный возраст заклипаний.

У Сары вспыхнули глаза. Она горячо верила в традиции, и чем древнее было заклипание, тем больше тетка его ценила.

— Возможно, — ответила я, сомневаясь в успехе затеи. — Но есть и другие причины, почему заклипания теряют силу. Прежде всего, способности прядильщиков неодинаковы. А если ведьмы, переписывая заклипание, пропустили или изменили какие-то слова, это тоже ослабляет магию заклипаний.

Но Сара уже листала свой гримуар.

— Взгляни-ка на это, — сказала она, подзывая меня. — Я всегда подозревала, что оно самое старое в гримуаре Бищопов.

— «Необычайно сильное заклипание, привлекающее свежий воздух в любое помещение», — прочла я вслух. — Узнано от старой Мод Бишоп и проверено мной, Чарити Бишоп, в год тысяча семьсот пятый».

На полях потомки Чарити оставили свои пометки, включая и мою бабушку, которая затем усовершенствовала заклинание. Были там и едкие слова, написанные рукой Сары: «Совершенно бесполезное».

— Что скажешь? — спросила Сара.

— Здесь незачем определять возраст. Оно датировано тысяча семьсот пятым.

— Но наша родословная началась гораздо раньше. Эм так и не удалось установить, кем же была Мод Бишоп. Возможно, английской родственницей Бриджит.

Говоря о незаконченном генеалогическом исследовании, Сара впервые упомянула имя Эм без печального вздоха. Я убедилась в правоте слов Вивьен. Мы с Сарой нуждались в обществе друг друга, и не где-нибудь, а в се кладовой, занимаясь общим делом.

— Может, и родственница, — сказала я, стараясь не давать тете пустых надежд.

— Читай заклинание не глазами, а пальцами, как читала этикетки на банках, — сказала Сара, пододвигая мне конторку.

Я слегка провела пальцами над заклинанием. Кожу закололо. Пальцы узнавали составные части заклинания. Вокруг безымянного пальца ощущалось движение воздуха, под ногтем среднего словно журчала вода, а к мизинцу цеплялась гроздь запахов.

— Иссоп, майоран и много соли, — сказала я, продолжая раздумывать.

Все из того, что встретишь в доме и огороде любой ведьмы.

— Тогда почему заклинание не действует? — Сара смотрела на мою поднятую руку, словно та была оракулом.

— Ничего определенного сказать не могу, — призналась я. — Знаю только, что могла бы повторить его хоть тысячу раз и не получить никакого результата.

Пусть Сара и ее подружки по шабашу сами докапываются, почему заклинание Мод Бишоп не действует. Или покупают баллончики с освежителем воздуха.

— Может, у тебя получится скрепить слова заклинания, или соткать заплатку, или... что там еще делают ведьмы вроде тебя.

«Ведьмы вроде тебя». Сара вовсе не ждала от меня подобных манипуляций, но после ее слов мне стало одиноко. Легкость общения сменилась дискомфортом. Я смотрела на страницу гримуара и думала о прядильщиках. Они не умели творить магию по приказу. Не потому ли их ненавидели и преследовали?

— Моя магия действует не так.

Я сложила руки на открытой странице и плотно сжала губы, отступив, словно краб, внутрь защитного панциря.

— Ты говорила, что у тебя все начинается с вопроса. Так спроси заклинание, почему оно не действует, — предложила Сара.

Лучше бы мне вообще не видеть «освежающего» заклинания Мод Бишоп. А еще лучше, если бы оно не попало Сара на глаза.

— Что ты делаешь? — ужаснулась Сара, указывая на гримуар.

Под моими руками аккуратные завиточки почерка Чарити Бишоп превращались в чернильные капли, пачкая белый лист. За считанные секунды заклинание Мод исчезло. Вместо него на странице появился плотный сине-желтый узел. Я как зачарованная смотрела на него и вдруг почувствовала сильное желание...

— Не трогай! — закричала Сара.

Теткин крик разбудил Корру. Я отскочила от гримуара. Сара прижала узел тяжелой каменной банкой.

Мы обе пялились на ИМО — неизвестный магический объект.

— И что нам теперь делать?

Заклинания всегда казались мне живыми существами, которым надо дышать. Им явно не нравилось столь жестокое обращение.

— Едва ли мы теперь что-то можем сделать.

Сара взяла мою левую руку и перевернула кисть. Большой палец был запачкан чернилами.

— Чернила перешли на палец, — сказала я.

— Это не чернила, — покачала головой Сара. — Это цвет смерти. Ты убила заклинание.

— Что значит «убила»? — Я выдернула руку и спрятала за спиной, как ребенок, пойманный за опустошением банки с печеньем.

— Не паникуй, — сказала Сара. — Ребенка научилась это контролировать. Ты тоже научишься.

— Значит, мама... — Я вспомнила, как вчера Сара и Вивьен долго смотрели друг на друга. — И ты знала, что такое может произойти.

— Не раньше, чем увидела твою левую руку. На ней собраны все цвета высшей магии. Это цвета экзорцизма и предсказаний. А твоя правая рука содержит цвета ведьминого ремесла... И цвета черной магии тоже.

— Хорошо, что я правша.

Попытка обратить случившееся в шутку не удалась. Меня выдавал дрожащий голос.

— Ты не правша. Ты одинаково владеешь обеими руками. А правой привыкла себя считать лишь потому, что одна жуткая училка в первом классе объявила левшей дьявольским отродьем.

Сара дала той истории официальный ход. Отпраздновав в Мэдисоне свой первый Хеллоуин, мисс Сомертон поспешила уволиться.

Я хотела сказать Саре, что высшая магия меня тоже не интересуется, но не смогла выговорить ни слова.

— Диана, ты не сумеешь соврать другой ведьме. — Сара с грустью посмотрела на меня. — И вдобавок так нагло.

— Не желаю иметь дело с черной магией.

Достаточно того, что черная магия стоила жизни Эмили. Она пыталась вызвать и связать духа; вероятнее всего, духа моей матери. Питер Нокс тоже интересовался черной магией. Черная магия была вплетена и в «Ашмол-782», не говоря уже о количестве смертей, вызванных ею.

— Черная магия отнюдь не означает зло, — сказала Сара. — Разве новолуние — это зло?

Я покачала головой:

— Темный лик луны — время для новых начинаний.

— Тогда что тебя пугает? Совы? Пауки? Летучие мыши? Драконы? — В голосе Сары опять появились учительские интонации.

— Нет, — ответила я.

— Конечно нет. Люди напридумали историй о луне и ночных существах, поскольку боятся неведомого. Но эти же существа символизируют мудрость, что не является простым совпадением. Нет ничего могущественнее знаний. Потому мы с предельной осторожностью учим черной магии. — Сара взяла мою руку. — Черный — цвет богини в ее ипостаси старухи. Он же считается цветом скрытности, дурных знамений и смерти.

— А что ты скажешь про эти цвета? — спросила я, пошевелив тремя другими пальцами.

— Этот цвет символизирует богиню в ипостаси девы и охотницы, — ответила тетка, дотрагиваясь до моего серебристого среднего пальца.

Теперь понятно, почему голос богини я слышала таким.

— А это цвет мирской власти. — Тетка согнула мой золотистый безымянный палец. — Белый цвет твоего мизинца — цвет гадания и пророчества. С его помощью разрушают проклятия и отгоняют докучливых духов.

— За исключением смерти, остальное выглядит не таким уж страшным.

— Повторяю: «темное» не обязательно значит «злое». Взять ту же мирскую власть. В благородных руках она становится силой добра. Но если кто-то злоупотребляет властью ради личной выгоды или притеснения других, она становится невероятно разрушительной. Какова ведьма, такова и тьма, к которой она обращается.

— Ты говорила, что Эмили не особо преуспела в высшей магии. А мама?

— Ребекка была необычайно одаренной. От простеньких упражнений с колокольчиком, книгой и свечкой она перешла прямо к ритуалам луны, — с грустью поведала мне Сара.

Часть воспоминаний о маме, казавшихся странными, начинали обретать смысл. Мне вспомнились призраки, которых она сотворяла из воды в миске. Теперь я лучше понимала, почему Питера Нокса так неудержимо тянуло к ней.

— Встретив твоего отца, Ребекка потеряла интерес к высшей магии. Ее увлечениями стали антропология и Стивен. И ты, конечно же, — сказала Сара. — После твоего рождения она вряд ли занималась высшей магией.

«Занималась, но это дано видеть лишь папе и мне», — подумала я и тут же спросила тетку:

— Почему ты мне не говорила об этом?

— А помнишь, как ты отрешивалась от всего, что связано с магией? — Светло-карие глаза Сары пристально глядели на меня. — Я сохранила кое-что из вещей Ребекки на случай, если у тебя проявятся способности. Остальное забрал дом.

Сара шепотом произнесла заклинание. Судя по ярко вспыхнувшим красным, желтым и зеленым нитям, это было открывающее заклинание. Слева от старинного очага появился шкаф с выдвижными ящиками. Он был в нише и казался встроенным в кирпичную кладку — ровесницу очага. В помещении запахло ландышами. К этому запаху примешивался другой: тяжелый

и очень странный. Он пробудил во мне не самые приятные чувства пустоты и тоски. Запах был отчасти мне знаком и почему-то пугал. Открыв ящик, Сара достала оттуда нечто вроде куска красной смолы.

— Кровь дракона. Этот запах сразу напоминает мне о Ребекке, — сказала Сара, втягивая ноздрями экзотический запах. — Нынешняя кровь дракона гораздо хуже этой. Такой кусок стоит громадных денег. В девяносто третьем году снежный ураган повредил нам крышу. Я хотела продать это сокровище и пустить деньги на ремонт, но Эм не позволила.

— Зачем маме была нужна красная смола? — спросила я, чувствуя комок в горле.

— Ребекка делала из нее чернила. Когда этими чернилами она записывала заклинание, его сила могла оставить половину города без электричества. В подростковые годы твоей матери Мэдисон частенько оставался без света, — усмехнулась Сара. — Где-то в ящиках должна лежать и ее книга заклинаний, если только дом окончательно не поглотил Ребеккин гримуар, пока меня не было. Книга скажет тебе больше.

— Книга заклинаний? — Об этом я слышала впервые. — Почему мама не записывала их в гримуар Бишопов?

— Большинство ведьм, занимающихся высшей магией... в особенности черной... имеют свои гримуары. Это традиция. — Сара порылась в шкафу, но маминогo гримуара не нашла. — Как сквозь землю провалился.

Тетка была раздосадована, зато я почувствовала облегчение. В моей жизни уже был один таинственный манускрипт. Второго не требовалось, даже если это могло пролить свет на причину, заставившую Эмили вызывать дух моей матери.

— Только не это! — вскрикнула Сара, в ужасе отпрянув от шкафа.

— Никак крыса? — спросила я.

По опыту жизни в елизаветинском Лондоне я знала: эти твари способны таиться в любом пыльном углу. Я заглянула в недра шкафа и увидела лишь несколько грязных банок с травами и кореньями, а также старые электронные радиочасы. Их коричневый провод свешивался с полки, покачиваясь на ветру совсем как хвост Корры. В ноздри попала пыль, и я чихнула.

Казалось, шкаф только этого и ждал. Послышался странный металлический щелчок, и внутри стен что-то завертелось. Так вели

себя музыкальные автоматы в старых фильмах, когда в них бросали монету. Вскоре откуда-то послышались первые аккорды. Ощущение было такое, будто включился старый проигрыватель, но пластинка-сорокапятка воспроизводилась не на своей скорости, а на 33 оборотах в минуту. Звучавшая песня была мне знакома.

— Неужели... «Флитвуд Мак»?

— Нет! Не хочу снова это слышать! — заорала Сара.

Вид у тетки был такой, словно ей явился призрак. Я повертела головой по сторонам. Никаких призраков. Только незримое присутствие певицы Стиви Никс и валлийской ведьмы по имени Рианнон. В семидесятые годы прошлого века сотни ведьм и колдунов считали эту песню своим гимном.

— Наверное, дом пробуждается, — сказала я.

Но Саре явно не нравилось *такое* пробуждение дома. Она подбежала к двери и попыталась ее закрыть, но дверь заклинило. Тогда она постучала по деревянным панелям, отчего музыка стала еще громче.

— У меня эта песня Стиви Никс тоже не числится в любимых, — сказала я, пытаясь успокоить тетку. — Она же не будет звучать вечно. Возможно, следующая песня понравится тебе больше.

— После нее будет «Over My Head». Я наизусть знаю весь этот чертов альбом. Ребекка слушала его, когда была беременна тобой. Без передышки. Кошмар, длящийся месяцами. И только Ребекка начала отходить от своего пагубного пристрастия, «Флитвуд Мак» выпустили новый альбом. Это был какой-то ад. — Сара вцепилась себе в волосы.

Меня всегда живо интересовали подробности жизни родителей.

— А ты не путаешь? — спросила я тетку. — Мне кажется, «Флитвуд Мак» были больше по вкусу моему отцу. Он любил такие группы.

— Надо заткнуть глотку этой музыке!

Сара подошла к окну. Шпингалет на раме тоже не желал двигаться, и Сара в отчаянии забарабанила кулаками по раме.

— Давай я попробую.

Чем сильнее я давила на шпингалет, тем громче становилась музыка. Наконец Стиви Никс прекратила воспевать Рианнон. Прошло несколько секунд благословенной тишины, и Кристина

Макви принялась рассказывать, как здорово летать над нашими головами. Окно оставалось закрытым.

— Это какой-то кошмар! — не выдержала Сара.

Она заткнула уши, затем вновь бросилась к столу и принялась листать гримуар.

— Заклинание Пруденс Уиллард от собачьих укусов. Способ Пейшенс Северанс, как подсластить кислое молоко... — Она перелистала еще несколько страниц. — Заклинание Клары Бишоп для усиления тяги. Пожалуй, это нам подойдет.

— Но мы имеем дело с музыкой, а не с дымом, — сказала я, заглядывая через плечо Сары.

— То и другое переносится по воздуху. — Сара засучила рукава. — Если не поможет это заклинание, попробуем еще что-нибудь. Например, гром. Я с ним в ладах. Гром способен перекрыть поток энергии и выгнать отсюда все звуки.

Я непроизвольно стала подпевать мелодии. Что-то притягивало меня в этой песне, появившейся еще до моего рождения.

— Умоляю, не начинай. — Глаза Сары диковато блестели; она вновь склонилась над заклинанием. — Дай мне щепотку очанки. И включи кофеварку.

Я послушно сунула вилку кофеварки в древнюю колодку удлинителя, выбрав гнезда понадежнее. Оттуда вырвался сноп голубых и оранжевых электрических искр, заставив меня отскочить.

— Срочно обзаведись новым удлинителем. Желательно с защитой от перепадов напряжения. Иначе однажды ты просто спалишь дом, — сказала я Саре.

Продолжая бормотать, Сара развернула бумажный фильтр, поместив его в металлическую чашу с дырчатым дном. Внутрь фильтра она насыпала внушительный травяной сбор.

Раз уж мы были заперты внутри кладовой и Сара не нуждалась в моей помощи, я вернулась к составлению грамария с заклинанием против детских кошмаров. В мамином шкафу я нашла черные чернила, гусиное перо и клочок бумаги.

В окно постучал Мэтью:

— У вас там ничего не горит? Я почувал запах.

— Мелкая неполадка с электричеством! — крикнула я в ответ, взмахнув пером.

Потом я вспомнила, что вампирский слух позволял Мэтью прекрасно слышать сквозь камень, кирпич, древесину и, разумеется, одиночную раму.

— Можешь не волноваться, — уже тише добавила я.

Издав прощальные скрипучие аккорды, песня «Over My Head» смолкла. Ее сменила другая — «You Make Loving Fun». «Прекрасный выбор», — подумала я, улыбаясь Мэтью. И зачем нужен диджей, когда у вас есть магическое радио?

— Боже милостивый! Дом взялся за второй альбом, — простонала Сара. — Я просто ненавижу «Rumours»!

— Откуда исходит эта музыка? — спросил Мэтью, морща лоб.

— Из старых маминых радиочасов. — Я указала на шкаф. — Ей нравились «Флитвуд Мак», чего не скажешь о Саре.

Зажав уши, тетка старательно повторяла слова заклинания Клары Бишоп.

— Вот оно что. — Мои слова успокоили Мэтью. — Тогда не стану вам мешать.

Он приложил руку к стеклу, собираясь уйти.

У меня возликовало сердце. Моя жизнь состояла не только из любви к Мэтью, но он был единственным мужчиной, которого я любила. Мне захотелось, чтобы стекло исчезло и я смогла бы взять Мэтью за руку, сказав ему эти слова.

Стекло — всего лишь смесь песка и огня... Через мгновение на подоконнике высилась горка песка. Я протянула руку наружу, сжав руку Мэтью:

— Спасибо, что решил провести нас. День сегодня выдался на редкость интересным. Мне нужно многое тебе рассказать. — (Мэтью изумленно смотрел на наши руки.) — Ты доставляешь мне столько счастливых мгновений, — продолжала я.

— Стараюсь, — лукаво улыбаясь, ответил Мэтью.

— И тебе удастся. Как ты думаешь, Фернандо может спасти Сару? — Я понизила голос. — Дом накрепко закрыл обе двери кладовой. Окна тоже не открываются. Еще немного — и Сара не выдержит. Когда она отсюда выберется, ей понадобится сигарета и глоток чего-нибудь покрепче.

— Фернандо давно уже не спасал женщин, попавших в беду, но он наверняка не забыл прежних навыков. А дом его впустит?

— Пусть обождет минут пять. Или дождется конца альбома. Я не знаю, сколько там еще песен.

Я мягко высвободила руку и послала Мэтью воздушный поцелуй, содержащий больше огня и воды, чем обычно. Благодаря избытку воздуха поцелуй шумно и смачно запечатлелся на щеке мужа.

Я вернулась к столу. Мамины чернила пахли черникой и грецкими орехами. Я окупала в них перо. Елизаветинская эпоха научила меня обращаться с ним, и потому я без единой пометки написала граммарий для сонных подушечек Сары.

*Mirror
Shimmers
Monster shake
Banish Nightmares
Until We
Wake¹*

Я осторожно подула на бумагу, чтобы чернила быстрее высохли. Этот граммарий понравился мне самой. Он был гораздо лучше заклинания, вызывающего огонь, и легко запоминался детьми. Когда стручки подсохнут и с них можно будет снять пушистую кожицу, я мелкими буквами напишу на серебристой поверхности эти стихи.

Мне не терпелось показать свою работу Саре. Я слезла с табуретки и... Выражение теткиного лица подсказывало: граммарий подождет, пока Сара не глотнет виски и не подымит сигаретой. Она столько лет надеялась, что у меня пробудится интерес к магии. Я тем более могу подождать каких-нибудь двадцать минут. Мои отметки за курс снотворных заклинаний никуда не денутся.

Я ощутила легкое покалывание в спине. Через мгновение моих плеч коснулись призрачные руки.

«Отличная работа, крошка, — прошептал знакомый голос. — И превосходный выбор музыки».

Я обернулась и не увидела ничего, кроме тусклого зеленого пятна. Но я и так ощущала отцовское присутствие.

— Спасибо, папа, — шепнула я.

¹ Зеркало / Сияет / Чудовища трясутся / Кошмары отгоняет / Чтоб нам / Проснуться (англ.).

Глава 11

То, что моя мама занималась высшей магией, не особо удивило Мэтью. Его реакция на новость была спокойнее, чем я ожидала. Он давно подозревал о существовании некоего мостика между скромной магией обычных ведьм и яркими вспышками магии стихий. Ничуть не удивило его и то, что я — наглядное доказательство упомянутого мостика — могла заниматься такой же магией. Мэтью потрясло другое: этот талант передался мне через материнскую кровь.

— Нужно будет еще раз внимательно просмотреть все данные по твоей митохондриальной ДНК, — сказал он, принюхиваясь к одному из пузырьков с мамиными чернилами.

— Приятно слышать.

Мэтью впервые выразил желание вернуться к генетическим исследованиям. Мы жили так, словно и не существовало Оксфорда, Болдуина, Книги Жизни или бешенства крови. Уж не забыл ли Мэтью о генетической информации, содержащейся в «Ашмол-782»? Если и забыл, я хорошо помнила. Едва манускрипт снова окажется в наших руках, нам остро понадобятся научные познания Мэтью и его опыт исследователя.

— Ты права. В чернилах явно содержится кровь. Туда же добавлена смола и сок акации.

Мэтью покачал пузырек, разглядывая чернила на свет. Не далее как утром я узнала, что сок акации давал гуммиарабик — вещество, уменьшавшее текучесть чернил.

— Вот и я так думаю. В чернила, которыми написан «Ашмол-782», тоже добавлена кровь. Должно быть, чернила с кровью делали чаще, чем мне казалось ранее, — сказала я.

— В эти чернила добавлен еще и ладан, — добавил Мэтью, пропустив мимо ушей мои слова о манускрипте.

— Теперь понятно, откуда столь экзотический запах.

Я осмотрела другие пузырьки, рассчитывая пайти еще что-нибудь любопытное с точки зрения биохимика.

— Да. Ладан и, конечно же, кровь, — сухо констатировал Мэтью.

— Если в чернила добавлена мамина кровь, это могло бы внести бо́льшую ясность в анализ моей ДНК, — заметила я. — И в мои способности к высшей магии.

Мэтью что-то пробормотал.

— А что ты скажешь про состав этих чернил?

Я открыла пробку бутылочки с сине-зеленой жидкостью, и в воздухе запахло летним садом.

— Они сделаны из ирисов, — сказал Мэтью. — Помнишь, как в Лондоне ты искала зеленые чернила?

— Значит, ужасно дорогие чернила мастера Платта выглядели так, как эти? — спросила я и засмеялась.

— Их делали из корней ириса, а те везли из Флоренции. Во всяком случае, так он утверждал.

Мэтью обвел глазами стол, уставленный пузырьками, бутылочками и флакончиками с жидкостями синего, красного, черного, зеленого, пурпурного и фиолетового цвета.

— Тут столько чернил, что на некоторое время тебе хватит.

Он был прав: я знала, чем займусь в ближайшие недели. Разумеется, в той мере, в какой мне этого хочется, даже если левый мизинец и подрагивал в предвкушении будущего.

— Добавь к этому поручения Сары. Да, скучать мне не придется.

Под каждой открытой банкой лежал клочок бумаги, где размашистым Сариным почерком было указано задание. «Укусы комаров». Или даже «Улучшение мобильной связи». При таком обилии поручений я чувствовала себя официанткой в ресторане быстрого питания.

— Спасибо за помощь, — сказала я Мэтью.

— Всегда готов помочь, — ответил он.

Поцеловав меня, он пошел заниматься своими делами.

Чем дальше, тем сильнее повседневные дела привязывали нас к дому Бишопов и друг к другу. Это ощущалось даже без стабилизирующего присутствия Эм, которая всегда была центром притяжения.

Фернандо оказался домашним тираном, переплюнув даже Эм. Перемены, внесенные им в пищевые привычки Сары, а также физические упражнения, которыми она никогда не занималась, были радикальными и осуществлялись неукоснительно. Он подписал тетку на программу здорового питания, и теперь каждую неделю Саре привозили увесистую коробку с овощами вроде капусты кале и мангольда. Едва Сара пыталась тайком выкурить сигарету, Фернандо тащил ее на прогулку вокруг участка. Он готовил, прибирал в доме и даже взбивал подушки. Все это наводило меня на размышления о его совместной жизни с Хью.

— Нам часто приходилось жить без слуг, и тогда домашними делами занимался я, — рассказывал Фернандо, одновременно развешивая белье. — Если бы я ждал, когда Хью захочется взять в руки метлу, наше жилище превратилось бы в логово. Хью не заботила проза жизни вроде чистых простыней или своевременного пополнения запасов вина. Он либо сочинял стихи, либо обдумывал трехмесячную осаду. На домашние дела у него просто не находилось времени.

— А Галлоглас? — спросила я, подавая ему бельевую прищепку.

— Галлоглас еще хуже. Тому все равно, есть в доме мебель или нет. Как-то мы вернулись ночью. Видим — дом разграблен. Остался один стол. На нем и спал Галлоглас. Зачем воину-викингу стулья и кровати? Проснулся, глаза протер -- и в море. — Фернандо покачал головой. — А я люблю домашнюю работу. Содержать дом в порядке — все равно что готовить оружие к бою. Повторяющееся занятие, но очень успокаивает.

Это признание сняло с меня часть вины за то, что мы перестали готовить, поручив Фернандо кухонные заботы.

Еще одним полем его деятельности был сарай, где хранились инструменты. Безнадёжно сломанные он выбросил, оставшиеся вычистил и наточил, а недостающие (вроде косы) прикупил. Лезвия секаторов для срезания роз теперь имели остроту кухонных ножей — хоть помидоры нарежь тонкими ломтиками. Мне вспомнились описания крестьянских бунтов и войн, когда сражались орудиями труда и предметами обихода. Уж не к сражению ли исподволь готовил нас Фернандо?

Сара, конечно же, ворчала на новый режим, но продолжала ему подчиняться. Ей это стоило частых вспышек раздражения,

и тогда она отыгрывалась на доме. Дом еще не полностью проснулся, однако все чаще давал знать, что его добровольная спячка близится к концу. Основная часть энергии родового гнезда Бишопов была направлена на Сару. Как-то утром мы проснулись и обнаружили: все спиртное, что имелось в доме, было вылито в раковину, а с кухонного светильника свешивалась замысловатая конструкция из пустых бутылок, вилок, ложек и ножей. Мы с Мэтью лишь посмеелись, однако Сара восприняла это как объявление войны. Отныне тетка и дом на всех фронтах сражались за превосходство.

Дом побеждал, поскольку обладал главным оружием — музыкой группы «Флитвуд Мак». Через пару дней, когда старые мамы радиочасы принялись беспрерывно играть песню «The Chain», Сара разбила их на мелкие кусочки. Дом ответил изъятием всех запасов туалетной бумаги, заменив их разными электронными штучками, способными воспроизводить музыку. Он превратился в громадный будильник.

Ничто не могло помешать дому проигрывать отрывки из первых двух альбомов упомянутой группы. Сара вышвырнула из окна три проигрывателя, магнитофон с восемью дорожками и архаичный диктофон. Дом сделал акустической системой очаг в кладовой. Он даже провел разделение по частотам: низкие воспроизводили водопроводные и канализационные трубы, а высокие — решетки воздушного отопления.

Поскольку весь Сарин гнев был направлен на дом, ко мне она относилась терпеливо и даже нежно. В поисках маминого гримуара мы перевернули вверх дном всю кладовую. Сара решила даже вытащить все ящики из шкафа и вынуть все полки. Один ящик оказался с двойным дном, где мы нашли удивительно красочные любовные письма, датированные 1820-ми годами. Задняя стенка шкафа тоже была с секретом: она сдвигалась в сторону. Однако в нише нас ждала довольно жуткая находка: аккуратные ряды крысиных черепов. Книги заклинаний мы так и не нашли. Дом подбросит ее не раньше, чем сочтет нужным.

Когда нам становилось невыносимо от музыки и воспоминаний об Эмили и моих родителях, мы с Сарой сбегали в сад или лес. Сегодня тетка решила показать мне, где искать ядовитые растения. Луны вечером не будет по причине новолуния. Начинался новый цикл роста. Это время считалось благоприятным для

сбора растений и трав, применяемых в высшей магии. Мы шли мимо овощных грядок, привычно огибая учебный уголок. Мэтью следовал за нами как тень. Мы достигли ведьминога огорода. Сара пошла дальше не останавливаясь. Границей между огородом и лесом служили обширные заросли ползучего луноцвета. Он покрывал все пространство, заслоняя изгородь и ворота.

— Сара, позволь мне, — подал голос Мэтью.

Он вышел вперед и отодвинул засов. До сих пор Мэтью шел сзади и, казалось, с интересом разглядывал цветы. Но я понимала: он оберегает нас с тыла. Теперь он первым прошел через ворота, убедился, что впереди нет ничего опасного, и раздвинул заросли луноцвета, пропуская нас с Сарой в другой мир.

В обширной усадьбе Бишопов было много магических мест: дубовые рощи, посвященные богине, длинные аллеи между рядами тиса. Когда-то эти аллеи служили дорогами, и на них еще сохранились глубокие колеи от телег, груженных древесиной и товарами для городского рынка. К магическим местам относилось и старое семейное кладбище. Но больше всего я любила эту небольшую рощу между садом и лесом.

Солнечные лучи проникали сквозь кроны кипарисов, и в центре рощи было светло. В старину рощу наверняка называли бы ведьминым кольцом, поскольку земля густо поросла грибами, включая и поганки. В детстве мне строго-настрого запрещалось собирать здесь что-либо. Сейчас я понимала смысл запрета: каждое растение в этой роще либо было ядовитым, либо применялось в высшей магии. Середину рощи пересекали две тропы.

— Перекресток, — прошептала я и застыла.

— Перекрестки в этих краях появились раньше домов. Говорят, здесь пересекались тропы индейцев-онейда. Это была их земля, пока сюда не проникли англичане. — Сара подозвала меня к себе. — Взгляни-ка сюда. Как по-твоему, это белладонна или черный паслён?

Я не слушала тетку. Меня заворожил перекресток в центре рощи.

Я ощущала его магическую силу. Ощущала знания. Мною овладело знакомое состояние: желание влекло вперед, страх толкал назад. Я увидела рощу глазами тех, кто когда-то ходил по этим тропам.

— Что-то случилось? — спросил Мэтью.

Вампирская интуиция работала безупречно. Да, случилось, но что — я и сама не понимала.

Вскоре я услышала другие голоса. Они звучали совсем тихо, однако сразу же привлекли мое внимание. То были голоса мамы и Эмили, голоса отца, бабушки и другие, совершенно мне незнакомые. «Аконит, — шептали голоса. — Шлемник. Сивец луговой. Ужовник. Ведьмина метла». Названия растений перемежались с предостережениями и предложениями. Я слышала слова заклинаний. Растения, упоминавшиеся там, я знала по сказкам.

Собирай лапчатку в полнолуние, дабы сила твоя простерлась дальше...

Морозник делает всякое маскировочное заклинание сильнее...

Омела принесет тебе любовь и много детей...

Черная белена поможет яснее увидеть будущее...

— Диана, ты никак заснула? — спросила Сара, в голосе которой появилось знакомое недовольство.

— Иду.

Усилием воли я заставила себя отстраниться от тихих голосов и подошла к тетке.

Сара принялась читать мне обстоятельную лекцию обо всем, что росло в роще. Ее слова влетали в одно ухо и беспрепятственно вылетали из другого. Думаю, отец сейчас гордился бы мной. Тетка без запинки перечисляла народные и ботанические названия каждого цветка, травки, корня, называя их полезные и ядовитые свойства. Но ее эрудиция была результатом чтения и учебы. С ограниченностью книжных знаний я воочию столкнулась в алхимической лаборатории Мэри Сидни. Там мне предстояло своими руками проделать то, о чем я столько лет читала и даже писала научные статьи. Я сделала печальное открытие: способность цитировать алхимические тексты ничего не значила по сравнению с собственным опытом. Но мамы и Эмили в нашем мире уже не было. Если я релпущь пойти темными тропами высшей магии, меня ждет путешествие в одиночку.

Путающая перспектива.

Перед самым восходом луны Сара снова позвала меня в свой огород — помочь собрать травы, которые понадобятся ей в течение ближайшего месяца.

Я отказалась, отговорившись усталостью. Но истинной причиной были голоса, звавшие меня вернуться на перекресток.

— Твое нежелание идти как-то связано с нашим дневным походом в рощу? — спросил Мэтью.

— Наверное, — ответила я, глядя в окно. — Смотри, Сара и Фернандо возвращаются.

Тетка несла корзину, полную собранных трав. Она вошла со двора. Через несколько минут скрипнула внутренняя дверь кладовой. Они с Фернандо поднялись наверх. За эту неделю Сарина одышка уменьшилась. Жесткая оздоровительная программа Фернандо приносила свои плоды.

— Давай ложиться, — сказал Мэтью, снимая покрывало.

Ночь была темной. В безлунном небе светились точки звезд. Близилась полночь — перелом уходящего дня и начало нового. Голоса с перекрестка зазвучали громче.

— Мне надо идти, — сказала я, направляясь к двери.

— Мы пойдем вместе, — заявил он. — Я не стану тебя удерживать или вмешиваться. Но одну ночью в лес не пущу.

— Мэтью, там сила. Темная сила. Я ее чувствую. С тех пор как зашло солнце, она неумолчно меня зовет!

Мэтью торопливо вывел меня из дому. Он не хотел, чтобы кто-нибудь слышал наш разговор.

— Если зовет, ответь на призыв! — резко произнес он. — Скажи ей «да» или «нет», но только не жди, что я буду сидеть и спокойно ждать твоего возвращения.

— А если я отвечу ей «да»?

— Тогда мы пойдем ей навстречу. Вместе.

— Я тебе не верю. Ты ведь не хотел, чтобы я вмешивалась в сферу жизни и смерти? Я помню твои слова. Но эта сила и зовет меня в лес. И я хочу встретиться с ней! — Я вырвала руку из хватки Мэтью и ткнула его пальцем в грудь. — Ненавижу себя за это желание, но ничего не могу с собой поделать!

Я отвернулась, поскольку уже знала, что увижу в его глазах. Не нужно мне этих укоров и упреков. Однако Мэтью вновь повернул меня лицом к себе:

— Я знал, что в тебе живет тьма. Я понял это сразу, едва увидав тебя в Бодлианской библиотеке, где ты пряталась от всдем, не желая праздновать Мейбон. — У меня перехватило дыхание, но Мэтью пристально смотрел на меня. — Я чувствовал зов твоей тьмы, и тьма во мне ответила. Так что, я должен был возненавидеть себя за это? Или ты должна возненавидеть меня? — добавил он едва слышно.

— Но ты говорил...

— Я говорил, что не хочу твоего вторжения в сферу жизни и смерти. Но я не запрещал тебе этого. — Мэтью взял меня за руки. — Я был весь в крови. Я держал в своих руках будущее людей, и не только. Я решал, чье сердце будет биться снова, а чье — нет. Когда делаешь выбор за других, что-то умирает в твоей собственной душе. Я видел, как на тебя подействовала смерть Жюльет, да и Шампье тоже.

— В обоих случаях у меня не было выбора. Никакого.

Шампье похитил бы все мои воспоминания, а потом вредил бы тем, кто попытается мне помочь. Жюльет не скрывала намерений убить Мэтью и убила бы, не обратись я к богине.

— Да, у тебя не было выбора. — Мэтью поцеловал мои пальцы. — Ты выбрала смерть для них и жизнь для меня. Точно так же ты выбрала жизнь для Луизы и Кита, хотя они и пытались расправиться с тобой. Ты спасла Джека, приведя его к нам домой, а не оставив голодать на лондонских улицах. Совсем недавно ты уберегла малышку Грейс от серьезных ожогов. И каждый раз, принимала ты или нет, тебе приходилось за это платить.

Мэтью и не подозревал, какой была плата за его спасение. Моя жизнь принадлежит богине до тех пор, пока ей это нужно.

— Из всех, кого я знал, только Филипп столь же быстро и инстинктивно принимал решения в пользу жизни или смерти. За это он расплачивался ужасающим одиночеством, которое со временем снедало его все сильнее. И даже Изабо была не в состоянии ему помочь... Не хочу, чтобы такая же участь постигла и тебя, — добавил Мэтью, утыкаясь лбом в мой лоб.

Но я не распоряжалась своей судьбой, и Мэтью пора узнать правду о его спасении.

— Помнишь ту ночь, когда я тебя спасла?

Мэтью кивнул. Он не любил говорить о той страшной ночи, едва не стоившей жизни нам обоим.

— Тогда присутствовали дева и старуха — две иностасы богини, — начала я, чувствуя, как колотится сердце. — Когда с твоей помощью я более или менее оправилась, мы позвонили Изабо. Я рассказала ей, что видела обеих.

На лице Мэтью я не увидела ни малейшего проблеска понимания. Только настороженность и крайнее изумление.

— Так вот, Мэтью: это не я тебя спасла. Богиня. Я обратилась к ней с мольбой.

Его пальцы впились в мою руку.

— Только не говори, что заключила с ней сделку.

— Ты умирал, а мне не хватало сил на твое исцеление, — сказала я, теребя его рубашку. — Моей крови было бы недостаточно. И тогда богиня забрала жизнь одного из старинных дубов. Ею-то я и наплатала тебя через свои вены.

— А что взамен? — Руки Мэтью еще крепче ухватили и приподняли меня. Мои ноги едва касались земли. — Твои боги и богини не даруют милость просто так. Они обязательно требуют что-то. Филипп убедил меня в этом.

— Я сказала богине: пусть берет кого угодно и что угодно ради твоего спасения.

— Эмили? — спросил Мэтью, резко опуская меня на землю.

— Нет, — покачала головой я. — Богиня хотела получить жизнь за жизнь, а не смерть за жизнь. Она выбрала мою.

У Мэтью был такой взгляд, словно я предала его. Слезы обожгли мои глаза.

— Я сама не знала о ее решении, пока не создала первое заклинание. Тогда я ее увидела. Богиня сказала, что у нее по-прежнему есть дело для меня.

— Мы это исправим.

Мэтью буквально поволок меня к воротам. Лишь белые головки луноцветов освещали нам путь. Мы быстро подошли к перекрестку. С той же напористостью Мэтью толкнул меня в центр.

— Нам нельзя это делать, — возражала я.

— Если тебе удалось соткать десятый узел, ты в состоянии растворить любые обещания, данные богине, — безапелляционно заявил он.

— Нет! — У меня свело живот; по груди разлился огонь. — Я не могу взмахнуть рукой и заставить наш договор исчезнуть.

В темноте едва виднелись мертвые ветви старинного дуба, чьей жизнью пожертвовала богиня, спасая Мэтью. Казалось, земля у меня под ногами поплыла. Глянув вниз, я увидела, что перемещаюсь к самому центру перекрестка. Жжение в сердце распространилось на руки и пальцы.

— Ты не позволишь какому-то капризному божеству решать твое будущее! Даже ради меня. — Голос Мэтью дрожал от ярости.

— Не смей дурно говорить о богине здесь, — предупредила я. — Если помнишь, я не насмехалась в церкви над твоим богом.

— Если не желаешь нарушать обещание, данное богине, тогда своей магией призови ее сюда, — предложил Мэтью, вставая рядом со мной.

— Мэтью, уйди с перекрестка!

Вокруг ног закружился вихрь магической бури. В ночном небе пронзительно кричала Корра, живой кометой прочерчивая тьму. Она кружила над нами, и в ее криках слышалось предостережение.

— Не уйду, пока не призовешь ее. — Ноги Мэтью словно приросли к земле. — Ты больше не будешь расплачиваться своей жизнью за мою.

— Это был мой выбор. — Вокруг лица потрескивали наэлектризованные волосы. Огненные щупальца обвивали шею. — Я выбрала тебя.

— Я не позволю!

— Выбор уже сделан. — (Теперь и сердце Мэтью гулко стучало, эхом вторя моему.) — Если богиня хочет, чтобы я выполнила ее поручение, я это сделаю, причем с радостью. Ты — мой, и наши совместные дела еще не закончены.

Я почти дословно повторила то, что однажды слышала от богини. В этих словах звенела сила, успокаивая ветер и заглушая крики Корры. Огонь в моих жилах начал гаснуть, обжигающий жар сменился приятным теплом. Связующие нити между мной и Мэтью натянулись, обретя силу и сияние.

— Я не стану сожалеть ни о своем обращении к богине, ни о цене, которую мне пришлось заплатить. Этого ты от меня не добьешься, — сказала я. — И своего обещания я не нарушу. Ты хоть раз задумался, как пошли бы события, если бы я не воззвала к богине? — (Мэтью молчал и слушал.) — Если бы ты тогда умер, не было бы нашего путешествия в прошлое. Я бы не познакомилась с Филиппом и не получила его клятвы на крови. Я бы не зачала от тебя детей, не встретила бы с отцом и не узнала, что я прядильщица. Неужели ты этого не понимаешь? — Я обхватила его лицо. — Спасая твою жизнь, я спасла и свою.

— Каких действий она хочет от тебя? — хриплым, переполненным эмоциями голосом спросил Мэтью.

— Пока не знаю. Но в одном уверена: богине я нужна живая.

Рука Мэтью опустилась на мой живот, внутри которого спали наши дети.

Я ощутила слабое движение, напоминающее шелест крылышек. Потом еще одно. Я с тревогой посмотрела на Мэтью.

Он слегка нажал на живот. Ответное движение изнутри было уже сильнее.

— Неужели какие-то нарушения? — спросила я.

— Ни в коем случае. Наши малыши начали шевелиться! — с восторгом ответил Мэтью.

Чувствовалось, он испытывает громадное облегчение.

Мы вместе ждали нового сигнала от деток, и когда он пришел, оба засмеялись, охваченные неожиданной радостью. Я запрокинула голову. Звезды показались мне ярче. Их свет уравнивал темноту новорожденной луны.

Перекресток умолк. Жгучая потребность выйти навстречу темной луне прошла. Сюда меня привела вовсе не смерть, а жизнь. Взявшись за руки, мы с Мэтью вернулись обратно. На кухне меня ждал сюрприз.

— По-моему, кто-то преждевременно решил сделать мне подарок ко дню рождения, — сказала я, приглядываясь к странному пакету.

Я еще не знала, что внутри. Меня удивила более чем странная упаковка. Мэтью хотел было взять пакет в руки, но я остановила его:

— Не трогай! — (Он недоуменно посмотрел на меня.) — Тут столько охранных заклинаний, что их сила отбросила бы целую армию.

Пакет был прямоугольной формы и довольно тонкий. Его упаковка представляла собой нечто вроде лоскутного одеяла. Кусок розовой бумаги с аистами соединялся с другим, где ярко раскрашенные червячки сплетались в цифру четыре. К нему примыкал лоскут оберточной бумаги с изображением аляповатых рождественских елок. Тут была даже серебристая фольга с тиснением в виде свадебных колоколов. Все это держалось на нескольких таких же разноцветных ленточках, завязанных целым букетом ярких бантов.

— Откуда это появилось? — спросил Мэтью.

— Скорее всего, из недр дома. Я даже узнала кусочки бумаги. Когда-то давно в нее заворачивали подарки к моим дням рождения.

— А ты уверена, что это тебе? — недоверчивым тоном поинтересовался Мэтью.

Я кивнула. Кому же еще мог предназначаться такой подарок? Я осторожно взяла пакет. Банты оказались совсем хлипкими и тут же развязались, цветным дождем опав на кухонный остров.

— Может, позвать Сару? — предложил Мэтью.

— Нет. Дом не зря соорудил такую упаковку.

У меня покалывало руки. Нити на пальцах ярко светились, что я сочла подтверждением своих догадок.

Внутри оказалась общая тетрадь с черной обложкой и белым прямоугольником для имени владельца. К прямоугольнику была приклеена малиново-красная бумажная маргаритка. Там, где указывался тип бумаги, к словам «В ЛИНЕЙКУ» было добавлено: «ВЕДЬМИНУ»¹.

— «Книга Теней Ребекки Бишоп», — вслух прочла я слова, написанные густыми черными чернилами на маргаритке. — Это же исчезнувшая мамина книга заклинаний! Сюда она записывала заклинания высшей магии.

Я приоткрыла обложку. После всех неожиданностей, преподнесенных нам «Ашмолем-782», я внутренне приготовилась увидеть что угодно: от таинственных рисунков до зашифрованных надписей. Но увидела лишь круглый мамин почерк, вернее, то, каким он был в ее подростковые годы.

«Как вызывать дух недавно умершего и задавать ему вопросы». Мамин гримуар начинался с этого заклинания.

— Мама явно верила, что начало должно быть стремительным, — сказала я, демонстрируя Мэтью ее опыты.

Ниже текста заклинания шли пометки. Мама и Эмили записывали даты своих магических опытов, а также результаты. Первые три попытки оказались провальными. Четвертая принесла успех.

В то время им обоим было по тринадцать лет.

— Боже милостивый! Совсем зеленые девчонки, — произнес Мэтью. — О чем они могли спрашивать мертвых?

— Сейчас скажу о чем. — Я взгляделась в торопливый девчачий почерк. — Им хотелось знать, нравится ли Бобби Вудраффу Мэри Бассет.

¹ Здесь непереводаемая игра слов. Слово «rule» имеет разные значения, и потому мать Дианы заменила WIDE RULE (широкая линейка) на WITCHES RULE, что может переводиться и как «правление ведьм».

— А почему они не могли просто подойти к этому Бобби и спросить? — удивился Мэтью.

Я перелистала страницы. Связывающие заклинания, изгоняющие, защитные. Особые заклинания для вызова природных стихий. Все они были здесь вместе с любовной магией и прочими заклинаниями, диктующими чужую волю. Мои пальцы замерли. Мэтью принюхался.

К одной из последних страниц крепилась тонкая, почти прозрачная пленка. Над ней тем же круглым почерком, но более взрослой рукой было написано:

Дорогая Диана!

С днем рождения!

Я сохранила это для тебя. Так нам впервые намекнули, что ты станешь великой ведьмой.

Быть может, когда-нибудь тебе это пригодится.

С горячей любовью, мама.

— Это же часть водной оболочки плода. «Чепчик», в котором я родилась. — Я посмотрела на Мэтью. — Правда символично, что он вернулся ко мне сегодня, когда наши малыши запевелись?

— Нет. Мне видится другая причина. Дом вернул тебе «чепчик», поскольку ты перестала бегать от того, о чем твои отец и мать знали с самого начала.

— Это от чего же? — хмуро спросила я.

— От признания своей истинной природы. От крайне редкого и исключительно могущественного сочетания магических способностей, которыми обладали твои родители.

Десятый узел жег мне запястье. Я повернула руку и увидела, что он извивается.

— Так вот почему я смогла завязать десятый узел, — растерянно произнесла я, впервые поняв, откуда исходила сила. — Я могу создавать, потому что мой отец был прядильщиком, и я же могу разрушать, следуя маминим талантам по части черной магии.

— Союз противоположностей, — сказал Мэтью. — Встреча твоих родителей тоже была алхимической свадьбой, потому у них и родился удивительный ребенок.

Я осторожно закрыла мамин гримуар. Мне понадобятся месяцы, возможно, даже годы, чтобы извлечь уроки из маминых оши-

бок и соткать заклинания, которые достигнут тех же целей. Прижав к груди полученное сокровище, я опустила другую руку на живот и запрокинула голову, слушая медленное биение сердца Мэтью.

— «Не отвергай меня, поскольку я темен и в тени», — прошептала я, вспомнив отрывок из алхимического трактата, который запоем читала в библиотеке Мэтью. — Эта строчка из «*Auroga Consurgens*» всегда ассоциировалась у меня с тобой, но теперь она пробуждает мысли о родителях, о моей собственной магии и о том, как отчаянно я ей сопротивлялась.

Палец Мэтью гладил мне запястье, заставляя десятый узел вспыхивать ярким переливчатым светом.

— А мне пришел на память другой отрывок из «*Auroga Consurgens*», — тихо сказал он. — «Подобно тому как я есть конец, моя возлюбленная есть начало. Я объемлю собой все творение, и во мне сокрыто всезнание».

— И что для тебя означают эти слова? — Я повернулась, чтобы видеть его лицо.

Мэтью улыбнулся, обнял меня за талию и тоже положил руку на мой живот. Малыши зашевелились, словно узнав отцовское прикосновение.

— Я невероятный счастливчик. Вот что они означают, — ответил Мэтью.

Глава 12

Я проснулась от прохладных рук Мэтью, скользнувших мне под пижаму. Его губы приятно охладили мою влажную от пота шею.

— С днем рождения, — прошептал он.

— Доброе утро, мой персональный кондиционер, — ответила я, прижимаясь к нему. Когда на дворе почти тропическая жара, муж-вампир оказывается весьма ценным приобретением. Какой приятный подарок! Ты очень заботлив.

— Будут и другие подарки, — сказал Мэтью, награждая меня неспешным, чувственным поцелуем.

— А где Фернандо и Сара?

Меня почти не заботило, что кто-то может услышать наши любовные игры, однако полного безразличия я еще не достигла.

— Они в садовом гамаке. Наслаждаются газетой.

— Тогда нам нужно поторопиться.

Местные газеты не утруждали себя обилием новостей, зато были перегружены рекламой. Чтобы их прочитать, хватало десяти минут. В крайнем случае пятнадцати, если вас интересовали школьные базары или хотелось узнать, в магазинах какой из трех компаний выгоднее всего покупать отбеливатель.

— Утром я прогулялся за «Нью-Йорк таймс», — сообщил Мэтью.

— Всегда готов, верно? — Я коснулась его; Мэтью выругался по-французски. — Ты похож на Верену. Настоящий бойскаут.

— Не всегда, — возразил Мэтью, закрывая глаза. — И уж точно не сейчас.

— А еще ты жутко самоуверенный. — Я наградила его дразнящим поцелуем. — Надо же, не поленился сгонять за «Нью-Йорк таймс». Пока ты ездил, я могла устать от жары, поддаться раз-

дражению или гормональному всплеску. Что тогда? Достаточно было купить одну из газет, выходящих в Олбани. Им бы надолго хватило.

— Я рассчитывал, что мои подарки быстро поднимут тебе настроение.

— Ой, не знаю. — Я снова пошевелила рукой и услышала вторую порцию французской ругани. — Почему бы мне сначала не развернуть этот подарок? Потом покажешь остальные.

К одиннадцати часам моего праздничного утра ртуть в термометре перевалила за девяносто градусов¹. Августовская жара не думала отступать.

Беспокоясь о Саринном огороде, я соединила четыре шланга, скрепив их клейкой лентой и соответствующим заклинанием. Живительная влага стала достигаемой для всех грядок и цветочных клумб. В наушниках звучал «Флитвуд Мак». Дом непривычно затих и затаился, словно ожидая каких-то событий. Я настолько привыкла слышать музыку любимой группы моих родителей, что поспешила заполнить эту тишину.

Я тащила свой шланг через лужайку, когда мое внимание привлёк большой металлический флюгер на крыше хмельного сарая. Вчера его здесь не было. С каких это пор дом распространил свои игры и на хозяйственные постройки? Пока я пыталась найти ответ, на коньке крыши прямо из воздуха появились еще два флюгера. Ненадолго замерев, как только что проклюнувшиеся ростки, они принялись бешено вращаться. Когда эта круговерть закончилась, стрелки всех трех указывали на север. Будем надеяться, что дождь не заставит себя ждать, а пока удовольствуемся шлангом.

В самый разгар моего обильного полива меня вдруг крепко обняли сзади.

— Слава богу! Я переволновался из-за тебя.

Гитары и барабаны заглушали этот низкий, сочный голос, но я сразу же узнала его. Я вырвала пуговицы наушников и повернулась лицом к своему лучшему другу, чьи глубокие карие глаза были полны тревоги.

— Крис! — воскликнула я, обнимая его широкие плечи. — Что ты здесь делаешь?

¹ Около 35 °C.

Я быстро оглядела Криса, но не нашла никаких перемен. Те же коротко стриженные выщипанные волосы, та же кожа цвета грецкого ореха, те же высокие скулы под прямыми бровями. Его широкий рот тоже ничуть не изменился.

— Что делаю? Тебя ищу! — ответил Крис. — Как прикажешь все это понимать? В ноябре прошлого года ты словно сквозь землю провалилась. Не отвечала ни на звонки, ни на электронные письма. Я просмотрел список преподавателей на нынешний семестр. Тебя там нет! Мне пришлось хорошенько напоить декана исторического факультета, и только тогда он раскололся и сказал, что ты отсутствуешь по состоянию здоровья. Я испугался: уж не при смерти ли ты? А ты, оказывается... беременна.

«Одной новостью меньше», — подумала я.

— Я жутко виновата, Крис, но там, где я была, мобильная связь не действует. Интернет тоже.

— Могла бы позвонить по обычному телефону, — возразил Крис, не собираясь отпускать меня с крючка. — Я отправлял сообщения твоим теткам, посылал письма. Никакого ответа.

Я почувствовала на себе холодный вопросительный взгляд Мэтью. Фернандо тоже заинтересовался неожиданным гостем.

— Диана, кто это? — тихо спросил Мэтью, вставая рядом со мной.

— Крис Робертс. А кто вы, черт побери?! — задиристо спросил Крис.

— Это Мэтью Клермон, действительный член колледжа Всех Душ в Оксфорде... И мой муж, — добавила я.

У Криса отвисла челюсть.

— Крис! — позвала его с крыльца Сара. — Иди же сюда. Давай обнимемся!

— Привет, Сара! — Крис помахал ей рукой, затем повернулся и с упрёком посмотрел на меня. — Так, значит, замуж вышла?

— Ты ведь останешься у нас на выходные? — поинтересовалась Сара.

— Пока не знаю, Сара. Это будет зависеть... — Крис буравил глазами то Мэтью, то меня.

— Зависеть от чего? — спросил Мэтью, морща лоб.

Сейчас он был похож на раздраженного аристократа.

— От того, насколько быстро я разберусь, почему Диана вышла замуж за такого, как вы, Клермон, и пойму, заслуживаете ли вы ее. И нечего корчить из себя потомственного английского ари;

стократа. У меня своя родословная, причем достаточно длинная. Мои предки вкалывали на плантациях. Так что лорды меня не впечатляют. — Крис направился к дому.

— А где Эм? — на ходу спросил он.

Сара замерла. Ее лицо побелело. Фернандо влетел на крыльцо, вставая рядом.

— Почему бы нам не зайти в дом? — предложил он, пытаясь оттеснить Сару от Криса.

— Можно вас на пару слов? — Мэтью взял Криса за руку.

— Не надо, Мэтью. Мне пришлось сообщать эту вестъ Диане. Расскажу и Крису. — Сара говорила с трудом, но говорила. — Эмили умерла в мае... от тяжелого сердечного приступа.

— Боже мой, Сара! Прими мои запоздалые соболезнования.

Крис обнял мою тетку, но бережнее, чем меня. Плотно зажмурившись, он покачивался, и Сара качалась вместе с ним. Ее тело не было плотно сжатым комком горя, как прежде. Сара стала значительно спокойнее. Подобно Фернандо, она никогда окончательно не оправится после смерти Эмили — слишком велика была потеря. Но я замечала маленькие признаки ее возвращения к жизни. Хотя и медленно, но Сара училась жить заново.

Крис открыл глаза и посмотрел на меня поверх плеча Сары. Я увидела гнев и боль, невыразимую печаль и вопросы, требующие ответа. «Почему ты мне не сказала? Где вообще ты была? Почему не позволила мне помочь?»

— Я бы хотела поговорить с Крисом... наедине, — сказала я.

— Идите в гостиную, — предложила Сара, высвобождаясь из объятий Криса и вытирая глаза.

Теткин кивок подбодрил меня. Теперь я могла рассказать Крису нашу семейную тайну. Плотно сомкнутая челюсть Мэтью намекала на иные, далеко не дружеские чувства.

— Позови, если понадобится, — произнес он, поднося мою руку к губам.

Мэтью стиснул мои пальцы — жест предупреждения — и чуть прикусил костяшку безымянного пальца, напоминая мне и себе, что мы — муж и жена. Отпускал он меня с явной неохотой.

Я привела Криса в гостиную и быстро закрыла дверь.

— Тебе взбренило выйти замуж за Мэтью Клермона?! — взорвался Крис. — И давно?

— Почти десять месяцев назад. Все произошло очень быстро, — извиняющимся тоном ответила я.

— Еще бы! — Крис понизил голос. — Я предупреждал тебя насчет его репутации по части женщин. Возможно, Клермон и впрямь крупный ученый, но это не мешает ему быть редкостным придурком! И потом, он слишком стар для тебя.

— Крис, ему всего тридцать семь. — (Плюс-минус полторы тысячи лет не в счет.) — Должна тебя предупредить: Мэтью и Фернандо слышат каждое твое слово.

Плотно закрытая дверь не преграда вампирскому слуху.

— Что? Твой бойфренд... муж... наставил жучков по всему дому? — сердито спросил Крис.

— Нет. Он... вампир. У них исключительный слух.

Порою честность — лучшая стратегия.

В кухне упал и разбился тяжелый керамический горшок.

— Вампир, — пробормотал Крис, решив, что я потеряла рас-судок. — Вроде тех, что по телику показывают?

— Не совсем, — ответила я.

Даже с лучшим другом нужно было осторожничать. Рассказывать людям о том, как на самом деле устроен мир, — занятие неблагодарное и опасное. Людей это нервирует и пугает. У меня уже был печальный опыт. Однажды я сделала грубую ошибку, поговорив об этом с Мелани — моей соседкой по комнате (мы тогда были первокурсницами). Бедняжка грохнулась в обморок.

— Вампир, — медленно повторил Крис.

Чувствовалось, шестеренки его мозга отчаянно крутились, анализируя услышанное.

— Присел бы ты лучше. — Я указала на диван.

Если, чего доброго, Крис тоже упадет в обморок, мне не хотелось, чтобы он ударился головой.

Игнорируя мое предложение, Крис шумно плюхнулся в кресло. Оно было удобнее дивана, но имело одно свойство: выталкивать гостей, пришедшихся ему не по вкусу. Я настороженно следила, как поведет себя кресло.

— Ты тоже вампирша? — спросил Крис.

— Нет, — ответила я, присаживаясь на край бабушкиного кресла-качалки.

— Ты абсолютно уверена, что Клермон -- вампир? Ведь ты же носишь его ребенка. — Крис подался вперед, словно от моего ответа зависело очень многое.

— Детей. — Я подняла два пальца. — У нас будет двойня.

Крис замахал руками:

— В «Баффи» ни один вампир не сумел обрюхатить девчонку. Даже Спайк. Бог свидетель, уж он-то не заморачивался насчет безопасного секса.

Культовым мистическим сериалом маминого поколения был ситком «Моя жена меня приворожила». Мое поколение балдело от «Баффи — истребительницы вампиров». И существам, порожденным фантазией Джосса Уидона, предстояло ответить за многое. Эта мысль заставила меня вздохнуть.

— Я совершенно уверена, что отец моих детей — Мэтью. — (Крис пристально посмотрел на мою шею.) — Сюда он меня не кусает.

Крис выпучил глаза.

— Куда?.. Нет, лучше не рассказывай, — замотал головой мой университетский друг.

В каком странном месте мне приходилось думать, о чем говорить и о чем умолчать. Крис был человеком уравновешенным и не отличался ханжеской цепетильностью. В обморок он не упал. Уже легче.

— Рада, что ты не потерял самообладание, — сказала я, благодарная этому обстоятельству.

— Я ученый. Я привык отодвигать недоверие и сохранять непредвзятость восприятия. Чтобы опровергать, нужны не эмоции, а факты и доказательства... Кстати, почему в камине растет дерево? — спросил он, глядя на Каминное дерево.

— Хороший вопрос. Мы сами толком не знаем. Может, у тебя есть другие вопросы, на которые я сумю ответить?

Мое приглашение выглядело неуклюже, но я по-прежнему боялась, как бы Крис не лишился чувств.

— Есть, — ответил он, и его темные глаза снова остановились на мне.

Крис не был колдуном, однако за все годы нашего знакомства я почти никогда ему не врал. Я сама не понимала, почему мне так трудно ему соврать.

— Ты говоришь, что Клермон — вампир, а ты нет. Тогда кем являешься ты, Диана? С какого-то времени я убедился, что ты не похожа на других людей.

Я не знала, как ответить. Как объяснить давнему другу, что все попытки дать себе определяющую характеристику оканчивались провалом?

— Я твой лучший друг, — продолжал Крис. — Во всяком случае, был им, пока на твоём горизонте не появился Клермон. И ты мне достаточно доверяешь, иначе не открылась бы. Что бы ни происходило в твоей жизни, это никак не изменит дружеских отношений между нами.

За спиной Криса я увидела зеленое пятно, двигавшееся к Каминному дереву. Вскоре пятно превратилось в призрачный облик Бриджит Бишоп. Ее наряд оставался неизменным: корсаж с вышивкой и пышная юбка.

«Будь благоразумной, дочка. Ветер дует с севера. Это знак грядущей битвы. Кто встанет рядом с тобой и кто — против тебя?»

Врагов у меня хватало. В таком положении глупо было терять единственного друга.

— Может, я ошибся и ты не вполне мне доверяешь? — тихо спросил Крис, не дождавшись моего ответа.

— Я — ведьма, — едва слышно произнесла я.

— Ладно. — Крис ждал продолжения. — Ну и?..

— И — что?

— Это все? И ты боялась мне сказать?

— Крис, я говорю не о неоязычестве, хотя я, естественно, язычница. Я — ведьма, которая бормочет непонятные слова, накладывает заклинания и варит зелье.

Любовь Криса к телесериалам, идущим в прайм-тайм, оказалась мне только на руку.

— У тебя есть волшебная палочка?

— Нет. Но зато у меня есть огнедышащая дракониха.

— Круто! — улыбнулся Крис. — Очень, очень круто! Так ты поэтому исчезла из Нью-Хейвена? Должно быть, проходила курс дрессировки драконов или что-то в этом роде?

— Пам с Мэтью пришлось спешно уносить ноги. Прости, что не сообщила тебе.

— И где же вы были?

— В тысяча пятьсот девяностом году.

— Ты там занималась исследованиями? — Лицо Криса сделалось задумчивым. — В этом случае могла бы возникнуть куча проблем с ссылками и упоминаниями. Разве напишешь в сноске: «Из личной беседы с Уильямом Шекспиром»? — засмеялся он.

— С Шекспиром я так и не встретилась. Друзья Мэтью не жаловали будущего великого драматурга. — Я помолчала. — А вот с королевой я встречалась.

— Это даже лучше, — закивал Крис. — Однако тоже не годится для примечаний.

— Ты был бы шокирован! — Я не стала говорить, что увиденное кардинально отличалось от моих представлений о елизаветинской Англии. — Неужели ты не потребуешь у меня доказательств?

— С тех пор как мне позвонили из Фонда Макартура, меня уже ничто не шокирует. Если такое случается, возможно всё... Вампиры и ведьмы, — покачал головой Крис. — Вау!

— Есть еще демоны. Но глаза у них не светятся, и они не несут зло. Во всяком случае, не больше, чем другие нечеловеческие породы.

— Нечеловеческие породы? — Судя по голосу, Крис всерьез заинтересовался. — Значит, оборотни тоже существуют?

— Ни в коем случае! — донесся снаружи голос Мэтью.

— Болезненная тема. — Я робко улыбнулась Крису. — Значит, ты спокойно воспринимаешь то, что услышал от меня?

— Почему мое отношение должно быть иным? Правительство тратит миллионы на поиски в космосе братьев по разуму. А вы, оказывается, уже здесь. Представляешь, сколько денег, выделяемых на гранты, можно было бы сэкономить?

Крис постоянно изыскивал способы уменьшить значимость физического факультета.

— Но о том, что ты сегодня узнал, нельзя никому рассказывать. Людей, знающих о нас, совсем мало, и мы хотим, чтобы такое положение вещей сохранялось.

— Рано или поздно люди все равно узнают, — сказал Крис. — Многих это воодушевило бы.

— Ты думаешь? По-твоему, ректор Йельского университета был бы счастлив узнать, что они взяли на работу ведьму? Или родители моих студентов пришли бы в восторг, узнав, что о научно-технической революции их любимым чадам рассказывает ведьма?

— Ректор, возможно, и не прыгал бы от радости... А Мэтью меня не укусит, чтобы заставить молчать? — шепотом спросил Крис.

— Нет, — успокоила я его.

В гостиную, распахнув дверь ногой, вошел Фернандо.

— Я с удовольствием вас укушу, но только если очень хорошо попросите, — сказал он, ставя на стол поднос. — Сара поду-

мала, что вы не откажетесь от кофе. Или от чего-нибудь покрепче. Если что-то понадобится, позовите. Кричать незачем, я и так услышу.

Фернандо наградил Криса ослепительной улыбкой, которая так очаровала ведьм местного шабаша во время празднования Лугнасада.

— Фернандо, ты седлаешь не ту лошадь, — предупредила я его.

— Он что, тоже вампир? — шепотом спросил Крис, когда Фернандо ушел.

— Да. Родственник Мэтью... в вампирском понимании родственва. Что тебе налить? Кофе? Виски? — спросила я, беря с подноса бутылку и кофейник.

— Того и другого, — ответил Крис, протягивая кружку. — Но ты хотя бы не скрывала свою ведьмину природу от теток?

— Сара тоже ведьма. И Эм была ведьмой. — Я налила ему щедрую порцию виски, добавив туда кофе. — За сегодняшний день это уже третий или четвертый кофейник, посему кофе почти без кофеина. Иначе нам бы пришлось отдирать Сару от потолка?

— Неужели кофе заставляет ее летать? — Крис отхлебнул глоток, задумался, потом добавил еще виски.

— Образно говоря, да.

Я отвинтила крышку бутылки с водой и сделала пару глотков. Малыши зашевелились. Я слегка похлопала по животу.

— Поверить не могу, что ты беременна.

Впервые за все время я уловила изумление в голосе Криса.

— Ты узнал, что я более полугода провела в шестнадцатом столетии, что в качестве домашнего питомца у меня огнедышащая дракониха и что ты окружен демонами, вампирами и ведьмами. Ты это принял на удивление спокойно. Тогда почему тебя так изумляет моя беременность?

— Можешь мне верить, дорогая. — Как истый уроженец Алабамы, Крис тянул и жевал слова. — Это куда невероятнее.

Глава 13

Звонок мобильного телефона вышиб меня из сна. За окнами была непроглядная темень. Я протянула руку, чтобы разбудить Мэтью, но его рядом не оказалось.

Тогда я перекатилась на другой край кровати и взяла с ночного столика сго мобильник. Дисплей высвечивал имя и время. Звонила Мириам. В Мэдисоне было три часа ночи. У меня тревожно забилось сердце. Мириам прекрасно помнила о разнице во времени. Раз она репнулась позвонить, значит произошло нечто чрезвычайное.

— Слушаю тебя, Мириам, — сказала я, нажав кнопку ответа.

— Где он? — У нее дрожал голос. — Мне нужно поговорить с Мэтью.

— Я его поищу. Должно быть, Мэтью где-то внизу. Или охотится. — Я сбросила одеяло. — Что-то случилось?

— Да, — коротко ответила Мириам и перешла на другой язык.

Я не понимала ни слова, но улавливала их ритм и интонацию. Мириам Шепард молилась.

Мэтью настежь распахнул дверь нашей комнаты. За его спиной я увидела Фернандо.

— Мэтью пришел.

Я передала мужу телефон, предварительно нажав кнопку громкой связи. Подобные разговоры Мэтью не вел втайне от других.

— Мириам, что случилось? — спросил Мэтью.

— Я нашла письмо в почтовом ящике. Внутри был отпечатанный на принтере адрес сайта.

Последовало ругательство, сдавленное всхлипывание и продолжение молитвы.

— Перешли мне адрес, — спокойным тоном попросил Мэтью.

— Мэтью, это он. Бенжамен, — прошептала Мириам. — На конверте не было марки. Должно быть, он все еще в Оксфорде.

Я выскочила из кровати, дрожа от предрассветной прохлады.

— Перешли мне адрес, — повторил Мэтью.

В коридоре зажегся свет.

— Что тут у вас? — спросил Крис, вставая рядом с Фернандо и протирая заспанные глаза.

— Звонит Мириам Шепард, оксфордская коллега Мэтью. Вероятно, что-то произошло у них в лаборатории.

— А-а, — зевнул Крис, покачал головой, стряхивая приставшую паутину, и нахмурился. — Уж не та ли Мириам Шепард, что написала классическую статью о межродовом скрещивании животных в зоопарках и потере гетерозиготности, к которой оно приводит?

Я столько лет вращалась среди ученых, но это редко помогало мне понять, о чем они говорят.

— Та самая, — шеннул Мэтью.

— Я думал, она умерла, — простодушно сказал Крис.

— Еще чего! — пронзительно взвизгнула Мириам. — А с кем я разговариваю?

— Крис... Кристофер Робертс. Йельский университет, — запинаясь, ответил Крис.

Так обычно говорили старшекурсники, впервые выступающие на научной конференции.

— Понятно. Мне понравилась ваша последняя статья в «Science». Впечатляющая экспериментальная модель, хотя выводы абсолютно неверны.

Критика в адрес коллеги вернула Мириам самообладание. Мэтью тоже заметил благотворную перемену.

— Поговорите с ней еще, — попросил он Криса, затем шепотом отдал распоряжение Фернандо.

— Мириам, что ли? — спросила Сара, засовывая руки в рукава халата. — Неужели у вампиров нет часов? Три часа ночи!

— И чем же вам не угодили выводы в моей статье? — поинтересовался Крис, заметно помрачнев.

Вернувшийся Фернандо подал Мэтью ноутбук. Тот уже был включен, и светящийся экран делал комнату чуть светлее. Сара щелкнула выключателем, полностью изгнав темноту. И все равно я ощущала тени, придавившие дом.

Мэтью уселся на краешке кровати, поставив ноутбук на колени. Фернандо бросил ему другой мобильник, который Мэтью подсоединил к ноутбуку.

— Ну что, видел послание Бенжамена? — Мириам говорила спокойнее, чем несколько минут назад, однако в голосе по-прежнему звучал страх.

— Я сейчас набираю адрес этого сайта, — ответил Мэтью.

— Не пользуйся Сариным Интернетом! — Чувствовалось, Мириам не только напугана, но и сильно возбуждена. — Он следит за посещениями сайта и сможет вычислить вас по IP-адресу.

— Мириам, не волнуйся. — Мэтью успокаивал ее, как маленькую. — Я выхожу в Интернет через мобильник Фернандо. Компьютерщики Болдуина позаботились, чтобы никто не засек мое местонахождение.

Только теперь я оценила меры предосторожности, принятые Болдуином. Когда мы уезжали из Сет-Тура, он снабдил нас новыми мобильниками, поменяв не только номера, но и сотовых операторов. Он же распорядился ликвидировать прежнее интернет-подключение Сары.

На экране появилось изображение пустого помещения. Стены и пол были покрыты белыми кафельными плитками. В углу виднелась старая раковина, трубы от которой тянулись прямо по кафелю. Кроме раковины и смотрового стола, никакой другой мебели в помещении не было. В полу я заметила сливную решетку. В нижнем левом углу экрана светилась дата и время, отмеряемое до мельтешащих секунд.

— Что это за лохмотья? — спросил Крис, указывая на пол.

Тряпки слегка шевельнулись.

— Там женщина, — ответила Мириам. — Я увидела ее десять минут назад, когда вошла на сайт.

На полу действительно лежала женщина. Я разглядела исхудавшие руки и ноги, линию груди, живот. Грязный скомканный кусок ткани был слишком узким и коротким, не позволяя в него завернуться. Чувствовалось, что в помещении холодно. Женщина дрожала и всхлипывала.

— Ты видела Бенжамсна? — спросил Мэтью, не отрываясь от экрана.

— Он появился и что-то ей сказал. Затем посмотрел в камеру и улыбнулся.

— А вслух он что-нибудь говорил?

— Да. «Привет, Мириам».

Крис перегнулся через плечо Мэтью и потрогал трекпад. Изображение стало крупнее.

— На полу кровь. Эта женщина прикована цепью к стене... Кто такой Бенжамен? — спросил он, поворачиваясь ко мне.

— Мой сын, — ответил Мэтью, едва взглянув на Криса.

Скрестив руки на груди, Крис приклеился глазами к экрану. Он смотрел не мигая.

Из внутренних динамиков ноутбука послышались негромкие звуки музыки. Женщина вжалась в стену.

— Нет, — простонала она. — Не надо снова. Пожалуйста. Нет. — Широко распахнутыми глазами она смотрела прямо в камеру. — Помогите!

У меня на пальцах вспыхнули разноцветные полосы. Узлы на запястьях стали горячими. Я ощутила слабое, но безошибочное покалывание.

— Она ведьма. Эта женщина — ведьма. — Я дотронулась до экрана, и вслед за кончиком пальца потянулась тонкая зеленая ниточка, но через мгновение оборвалась.

— Она нас слышит? — спросила я Мэтью.

— Сомневаюсь, — мрачно ответил он. — Это не интерактив. Бенжамену хочется, чтобы я слушал его монолог.

— Никаких разговоров с нашими гостями.

Сын Мэтью все еще не появлялся в камере, но я узнала этот холодный голос. Женщина мгновенно затихла, обхватив себя за плечи.

Наконец Бенжамен подошел к камере. Его лицо заняло почти все пространство экрана. Он стоял так, чтобы не загораживать свою жертву. Спектакль, который он устраивал для нас, был тщательно продуман.

— К нам присоединился еще один посетитель. Наверняка это Мэтью, предусмотрительно скрывший свое местонахождение. Вижу, что и дорогая Мириам по-прежнему с нами.

Бенжамен снова улыбнулся. Я вполне понимала ужас, охвативший Мириам. Зрелище было жутким: искривленные губы и мертвые глаза, которые я помнила еще по Праге. Даже через четыре с лишним века я легко узнала в Бенжамене того, кого рабби Лев называл герром Фуксом.

— Как тебе нравится моя лаборатория? — Бенжамен обвел рукой помещение. — Она не так прекрасно оборудована, как у тебя, Мэтью, но мне многого и не требуется. Опыт и в самом деле лучший учитель. Все, что мне надо, — это податливый предмет

исследований. А теплокровные — куда более подходящий материал, чем животные. — (Мэтью тихо выругался.) — Я надеялся, что при следующем нашем разговоре мы обсудим мой недавний успешный эксперимент. Но события пошли несколько вразрез с моими планами. Я прав? — угрожающим тоном спросил он, поворачиваясь к женщине.

Музыка зазвучала громче. Женщина на полу застонала и попыталась заткнуть уши.

— Раньше она любила Баха, — фальшиво-печальным голосом сообщил Бенжамен. — Особенно «Страсти по Матфею». И тогда я стал включать эту музыку всякий раз, когда, так сказать, пользовал ведьму. Теперь бедняжка впадает в безмерную депрессию при первых же аккордах шедевра Баха. — Он пропел несколько тактов.

— Мне кажется, он... Неужели мне не показалось? — спросила побледневшая Сара.

— Не показалось. Бенжамен постоянно насилует эту женщину, — едва сдерживая ярость, ответил Фернандо.

Я впервые увидела, что скрывается за фасадом добродушия и беззаботности этого вампира.

— Но зачем ему это надо? — удивился Крис.

Прежде чем кто-то из присутствующих успел ему ответить, Бенжамен возобновил свой монолог:

— Едва у ведьмы появляются признаки беременности, музыка умолкает. Это ей награда за работу и за то, что порадовала меня результатом. Однако порой у природы возникают другие идеи.

До меня дошел подтекст слов Бенжамена. Как и ведьма в древнем Иерусалиме, его нынешняя жертва явно была прядильщицей. Я прикрыла рот рукой, чувствуя горечь поднимающейся желчи.

Глаза Бенжамена заблестели сильнее. Он поменял угол наклона камеры и увеличил изображение, показав кровь на ногах женщины и на полу.

— К сожалению, у ведьмы произошел выкидыш. — Голос Бенжамена обрел бесстрастность ученого, докладывающего о результатах исследований. — Это случилось на четвертом месяце. Самый длинный срок, какой длилась ее беременность. Пока. Мой сын оплодотворил ее в декабре прошлого года, но тогда выкидыш случился на восьмой неделе.

Нашего первого ребенка мы с Мэтью тоже зачали в декабре. И у меня выкидыш произошел на раннем сроке — почти одновре-

менно с подопытной ведьмой Бенжамена. Странные параллели связывали нас с этой несчастной. Меня затрясло. Мэтью обнял меня за талию, стараясь успокоить.

— Я был полностью уверен, что способность зачать ребенка обусловлена унаследованным от тебя бешенством крови. Этот дар я разделил со многими своими детьми. После первого выкидыша у ведьмы мы с сыновьями безуспешно пытались оплодотворять демониц и обычных женщин. Неудачи навели меня на мысль о существовании особого репродуктивного сродства между вампирами, имеющими бешенство крови, и ведьмами. Однако упомянутые выкидыши заставляют меня перепроверить эту гипотезу.

В лаборатории монстра оказался и табурет. Бенжамен подтащил его к камере и сел, не замечая, как ведьма дергается всем телом. Музыка продолжала звучать.

— И наконец, еще один, недавно появившийся показатель, который мне придется учесть в своих рассуждениях: твоя женитьба. Заменила ли твоя новая жена страстную Элеонору? Безумную Жюльет? Бедняжку Селию? Ту удивительную ведьму, что я встречал в Праге? — Бенжамен щелкнул пальцами, словно пытаясь что-то вспомнить. — Кстати, как ее звали? Диана?

Фернандо зашипел. Руки Криса покрылись гусиной кожей. Он посмотрел на Фернандо и отошел.

— Мне говорили, что твоя новая жена тоже из ведьм. Так почему бы тебе не поделиться со мной своими идеями? Можешь не сомневаться, я бы их понял. — Бенжамен подался вперед, будто между ним и Мэтью происходила доверительная беседа. — Как-никак нами движут одинаковые стремления: непреодолимое желание власти, неутолимая жажда крови и желание мести.

Музыка достигла пика громкости. Женщина принялась раскачиваться взад-вперед, пытаясь хотя бы немного оградить себя от этого кошмара.

— Я постоянно задаюсь вопросом: давно ли тебе известно о силе в нашей крови? Ведьмы наверняка это знали. Ведь какая еще тайна могла бы храниться в Книге Жизни? — Бенжамен сделал паузу, словно ожидая ответа Мэтью. — Не хочешь сказать? Ну что ж, мне не остается иного выбора, как вернуться к своему эксперименту. Можешь не волноваться: в конце концов я разберусь, что нужно сделать для успешного оплодотворения этой ведьмы.

Не удивлюсь, если мои опыты ее убьют. Тогда я найду новую ведьму. Например, твою. Она бы вполне подошла. — Бенжамен улыбнулся.

Я отодвинулась от Мэтью. Не хотелось, чтобы он видел мой страх, но по его лицу я поняла: он и так знает.

— А сейчас буду прощаться. — Бенжамен церемонно взмахнул рукой. — Иногда я позволяю другим наблюдать за моей работой, однако сегодня предпочту обойтись без зрителей. Если появятся интересные результаты, я тебе непременно сообщу. А пока... может, ты задумаешься над моими словами и все-таки поделишься знаниями о предмете. Меня бы это избавило от необходимости расспрашивать твою жену.

Бенжамен выключил камеру и звук. Остался лишь черный экран с часами в левом углу, продолжавшими отсчитывать секунды.

— Что будем делать? — спросила Мириам.

— Для начала — спасти ту женщину, — ответил Мэтью, уже не пытаясь скрыть владевшую им ярость.

— Бенжамен только и ждет, чтобы ты засветился, — предупредил Фернандо. — Атаку на его логово нужно сначала тщательно спланировать, а затем безупречно провести.

— Фернандо прав, — подхватила Мириам. — Атаковать Бенжамена можно не раньше, чем будешь полностью уверен в способности его уничтожить. В противном случае ты поставишь Диану под удар.

— Та ведьма долго не протянет! — воскликнул Мэтью.

— Если ты бросишься очертя голову, но не сумеешь справиться с Бенжаменом, он попросту найдет другую ведьму и кошмар повторится с новой жертвой. Представляешь, живет где-то ведьма и даже не представляет, в чьи когти может попасть, — сказал Фернандо, сжимая руку Мэтью.

— Ты прав. — Мэтью оторвался от экрана. — Мириам, ты сумеешь предупредить Амиру? Ей необходимо сообщить, что Бенжамен уже держит в плену одну ведьму и замышляет новое похищение.

— Амира не прядильщица. Она бы не сумела забеременеть от Бенжамена, — сказала я.

— Сомневаюсь, что Бенжамен знает о прядильщиках. И тем не менее... — Мэтью задумчиво поскреб подбородок.

— Кто такие прядильщики? — чуть ли не хором спросили Крис и Мириам.

Я уже собралась ответить, но Мэтью едва заметно покачал головой, и я закрыла рот.

— Об этом, Мириам, я тебе потом расскажу. Ты выполнишь мою просьбу?

— Разумеется.

— Позвони мне и будь осторожна.

Мэтью всерьез тревожился за нее.

— Если уж тебе так надо, мучай Диану своим избыточным вниманием, а мне няньки не нужны... Пошла работать. — Мириам отключилась.

Секундой позже на челюсть Мэтью обрушился мощный апперкот Криса, за которым последовал хук левой. Но этот удар Мэтью перехватил, выставив ладонь.

— Один удар ради Дианы я еще могу принять. — Пальцы Мэтью сомкнулись вокруг кулака Криса. — Я знаю о способности моей жены пробуждать в других инстинктивное желание ее защищать. Но не переусердствуйте.

Крис не шевельнулся.

— Не упрямитесь, Робертс, — вздохнул Фернандо. — При всех ваших боксерских навыках поединок с вампиром вам не выиграть.

Фернандо положил ему руку на плечо, готовясь, если понадобится, оттащить моего друга силой.

— Мне все равно, вампир вы там или кто. Но если вы подпустите вашего сынка к Диане ближе чем на пятьдесят миль, этот день станет последним в вашей жизни. Я понятно выразился? — спросил Крис, неотрывно глядя на Мэтью.

— С предельной ясностью, — ответил Мэтью.

Крис убрал руку. Мэтью разжал пальцы.

— Вряд ли после всего этого мы сможем уснуть, — сказала Сара. — Нам нужно поговорить. И побольше кофе. Настоящего. Диана, не вздумай заваривать это бескофеиновое пойло. Но сначала я выйду на двор и выкурю сигарету. Фернандо может говорить что угодно. — Сара стремительно пошла к двери. — Встретимся на кухне, — бросила она, обернувшись через плечо.

— С сайта не уходить. Когда Бенжамен включит камеру, он каким-нибудь словом или жестом может выдать свое местонахождение.

Мэтью передал Фернандо ноутбук вместе с подключенным мобильником. Экран по-прежнему оставался черным. Светились

лишь белые цифры этих жутких часов. Фернандо двинулся вслед за Сарой.

— Расскажу без экивоков, как мне это видится, — начал Крис. — Дурное Семя, именуемое сыном Мэтью, проводит кустарные генетические исследования, связанные с неким наследственным свойством. Объектом исследований служит похищенная ведьма. А экспериментатор руководствуется собственными доморощенными идеями в области евгеники. — Крис стоял, скрестив руки на груди. Кое-что он упустил, однако верно и причем очень быстро сумел ухватить общую тенденцию. — Диана, ты вчера рассказала мне увлекательную сказку, но, как теперь понимаю, умолчала о некоторых поворотах сюжета.

— Она не знала о научных интересах Бенжамена. И никто из нас не знал, — сказал Мэтью и встал.

— Зато вы прекрасно знали, что Дурное Семя — первостатейный безумец. Сынок ваш как-никак. — Крис прищурился. — По его словам, вы оба страдаете бешенством крови. Стало быть, вы оба представляете опасность для Дианы.

— Да, я знал о его умственной нестабильности. И не надо кличек. У него есть имя. Бенжамен, на случай если вы запомнили.

— Какая, к черту, нестабильность?! Он ярко выраженный психопат. Он пытается создать господствующую расу ведьмовампиров. И вообще, почему Дур... Бенжамен не содержится в психушке? Тогда бы он не смог похищать, насиловать и пополнять число безумцев от науки вроде Симса, Фершуэра, Менгеле и Стэнли.

— Идемте на кухню, — сказала я, тороясь выпроводить их обоих по лестницу.

— После тебя, — ответил Мэтью, погладив меня по спине.

Обрадованная его быстрым согласием, я начала спускаться.

Сверху донесся глухой стук и сдавленное ругательство.

Я увидела Криса пригвожденным к двери. Рука Мэтью держала его за горло.

— Гнусные словечки, что за последние сутки вылетали из вашего рта, привели меня к неутешительному выводу. Вы считаете Диану кем-то вроде своих дружков.

Я бы всмалась, если бы не предостерегающий взгляд Мэтью. Это был мужской разговор.

— Однако должен вам напомнить: она — моя жена. Я буду очень признателен, если в ее присутствии вы сведете вульгарность вашего лексикона к минимуму. Я понятно выразился?

— С предельной ясностью, — буркнул Крис, не скрывая своей ненависти.

— Рад слышать.

Мэтью мигом очутился рядом со мной. Его рука вновь легла мне на спину, туда, где появился туманный силуэт моей огнедышащей драконихи.

— Осторожнее на ступеньках, топ коеуг, — прошептал он.

Спустившись, я оглянулась на Криса. Он изучал Мэтью, словно новую и странную форму жизни. Этот поединок вверг меня в уныние. В первых сражениях Мэтью, возможно, и победил, но война между моим лучшим другом и моим мужем была далека от окончания.

Когда Сара пришла на кухню, от ее волос пахло табаком и хмелем, который мы посадили вокруг крыльца. Сигаретный дым был одним из немногих запахов, вызывавших у меня тошноту даже на нынешней стадии беременности. Помахав рукой перед носом, я взялась за приготовление кофе. Запах сменился на куда более приятный, но я налила дымящийся напиток лишь Саре, Крису и Фернандо. Мы с Мэтью ограничились обычной водой. Первым молчание нарушил Крис:

— Насколько я понял, вы и доктор Шепард несколько десятков лет изучаете генетику вампиров, пытаетесь проникнуть в тайну бешенства крови.

— Мэтью был знаком с Дарвином. Происхождением видов и эволюцией он занимается не несколько десятков лет, а намного дольше.

Я не собиралась сообщать Крису какие-либо подробности, но мне не хотелось, чтобы он, как и я когда-то, обманывался внешностью Мэтью.

— Да, мы работаем в этом направлении. И с нами вместе работает мой сын.

Мэтью выразительно на меня посмотрел, прося воздержаться от дальнейших пояснений.

— Это я видел собственными глазами. — У Криса дернулась щека. — О подобных вещах хочется умолчать.

— Не Бенжамен. Другой мой сын, Маркус Уитмор.

— Маркус Уитмор? — удивленно повторил Крис. — Смотрю, у вас все глыбы прикрыты. Вы занимаетесь эволюционной биоло-

гией и неврологией. Мириам Шепард — эксперт в области популяционной генетики, а Маркус Уитмор известен в научном мире своими исследованиями по функциональной морфологии и попытками развенчать представления о модификационной изменчивости. Знаете, Клермон, вы собрали вокруг себя чертовски продуктивную исследовательскую команду.

— Да. Посчастливилось, — скромно ответил Мэтью.

— Постойте-ка! — Крис посмотрел на него так, словно понял еще что-то. — Эволюционная биология. Эволюционная физиология. Популяционная генетика. Получается, изучение механизмов передачи бешенства крови не единственное направление ваших исследований. Вы пытаетесь составить схему эволюционного происхождения, то есть вы работаете над Древом Жизни, и не только над его человеческими ветвями.

— Может, дерево в нашем камине и есть Древо Жизни? — спросила Сара.

— Я так не думаю, — успокоил мою тетку Мэтью.

— Эволюция, черт побери! — Крис уперся в пол, и его стул со скрипом отъехал от кухонного острова. — Неужели вы обнаружили общего предка людей и таких ребят, как вы?

— Если под «такими ребятами, как мы» вы подразумеваете демонов, вампиров и ведьм, увы, нет.

— Ладно. Тогда в чем же заключаются коренные генетические различия между нами и вами?

— У вампиров и ведьм есть дополнительная пара хромосом, — пояснил Мэтью. — У демонов одна дополнительная хромосома.

— У вас есть генетическая карта хромосом этих... созданий?

— Да, — ответил Мэтью.

— В таком случае ваша команда, чтобы идти наравне с... исследованиями людей, начала заниматься этим проектом еще до тысяча девятьсот девяностого года.

— Совершенно верно. И если вам интересно знать, наследованием бешенства крови я занимаюсь с тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.

— Конечно. Для изучения передачи генов от поколения к поколению вы наверняка приспособили методику Донахью. Использование родословных и все такое. — Крис кивнул, уверенный в своей догадке. — Хорошие прогнозы. Насколько далеко вы продвинулись с последовательностью? Вам удалось определить

местоположение гена — переносчика бешенства крови? — (Мэтью молча смотрел на него.) — Я задал трудные вопросы? — поинтересовался Крис.

— Когда-то у меня был учитель, похожий на вас, — холодно произнес Мэтью. — Он сводил меня с ума.

— А мне попадаются студенты вроде вас. В моей лаборатории они не задерживаются. — Крис подался вперед. — Я так полагаю, что не каждый вампир на планете страдает бешенством крови. Потому-то и спросил, удалось ли вам выявить механизм наследования бешенства крови и понять, почему одним оно передается, а другим — нет?

— Пока лишь частично, — признался Мэтью. — У вампиров все несколько сложнее, поскольку у нас трое родителей.

— Тогда, друг мой, вам стоит прибавить шагу. Диана беременна, и не одним ребенком, а двойней. — Крис выразительно посмотрел на меня. — Надеюсь, вы уже составили полный генетический профиль на себя и Диану и сделали прогноз наследственных паттернов у ваших детей, включая бешенство крови, но не ограничиваясь только им?

— Конец прошлого и почти половину нынешнего года я провел в шестнадцатом веке. — Мэтью очень не любил, когда его расспрашивают. — У меня просто не было возможности.

— Тогда самое время этим заняться, — без обиняков заявил Крис.

— Мэтью и там чем-то занимался. — Я взглянула на мужа, ожидая его кивка. — Помнишь? Я нашла у тебя бумагу, испещренную крестиками и ноликами.

— Крестиками и ноликами? Боже милостивый! — Кажется, мои слова подтвердили худшие подозрения Криса. — Вы говорите, что у вампиров трое родителей, а сами привязаны к модели наследственности, разработанной Менделем. Ничего удивительного, учитывая ваш истинный возраст и знакомство с Дарвином.

— С Менделем я тоже встречался. Один раз, — бросил Мэтью, сейчас тоже напоминавший раздраженного профессора. — И потом, бешенство крови вполне может вписываться в принципы Менделя. Этого нельзя исключать.

— Крайне маловероятно, — сказал Крис. — И дело тут не только в проблеме троих родителей, которую мне еще придется детально рассмотреть. Она должна создавать жуткую путаницу в данных.

— Поясните, — произнес Мэтью, загораживаясь пальцами.

— Неужели я должен излагать основы неменделевского наследования действительному члену колледжа Всех Душ? — Крис удивленно наморщил лоб. — Оксфордскому университету следует задуматься над тем, кому они раздают высокие звания.

— Ты понимаешь хоть что-нибудь в их разговоре? — шепотом спросила меня Сара.

— Одно слово из трех, — вздохнула я.

— Я имею в виду конверсию генов. Инфекционную наследственность. Геномный импринтинг. Мозаичность. — Мудреные термины так и сыпались из Криса. — Вам знакомо хоть что-нибудь из перечисленного, профессор Клермон, или мне прочесть вам лекцию, которую обычно я читаю студентам выпускного курса?

— А мозаичность — это форма химеризма? — спросила я, услышав единственное знакомое слово, и Крис одобрительно кивнул. — В таком случае я химера, если это чем-то тебе поможет.

— Диана! — рявкнул Мэтью.

— Мэтью, Крис — мой лучший друг. Он собирается тебе помочь разобраться, почему у ведьм и вампиров иногда бывает потомство. Я уже не говорю о его желании найти лекарство от бешенства крови. Поэтому Крису необходимо знать обо всем. В том числе и о результатах моих генетических тестов.

— Такие сведения, попади они не в те руки, могут быть смертельно опасными, — сказал Мэтью.

— Мэтью прав, — согласился Крис.

— Как я рад, что вы разделяете мое мнение, — с ядовитой учтивостью отозвался мой муж.

— Не надо говорить со мной покровительственным тоном, Клермон. Я сознаю опасность исследований, проводящихся на людях. Я чернокожий парень из Алабамы и рос в тени Таскиджи. — Крис повернулся ко мне. — Кроме присутствующих здесь, твоя генетическая информация должна быть абсолютно закрытой. Не передавай ее никому, даже если на тех, кто ее запрашивает, белые халаты. Особенно им.

— Благодарю за ваши соображения, Кристофер, — сухо сказал Мэтью. — Я непременно познакомлю своих коллег с вашими идеями.

— И что нам теперь со всем этим делать? — спросил Фернандо. — До сих пор вроде особых угроз не было, но теперь... — Он посмотрел на Мэтью, ожидая подсказки.

— Естественно, эксперимент по размножению, проводимый Дурным Семенем, меняет все, — заявил Крис, опередив Мэтью. — Прежде всего необходимо выяснить, является ли бешенство основным фактором, делающим возможным зачатие, или зачатие обусловлено сочетанием нескольких факторов. Далее мы должны установить вероятность того, что болезнь передается детям Дианы. А для этого нам понадобятся генетические карты обоих родителей.

— Тебе понадобятся и образцы моей ДНК, — сказала я Крису. — Не все ведьмы способны к зачатию.

— А тебе какой ведьмой необходимо быть? Хорошей или плохой?

Глупые шутки Криса обычно вызывали у меня смех, но только не сейчас.

— Не той и не другой. Для этого необходимо быть прядильщицей, — ответила я. — Тебе понадобится провести последовательный анализ моего генома и сравнить его с геномом других ведьм. То же самое надо проделать с геномом Мэтью и вампиров, не страдающих бешенством крови. Чтобы лечить бешенство крови, нужно хорошо понимать его природу и механизмы действия, иначе Бенжамен и его дети останутся угрозой.

— Хорошо, принимается. — Крис хлопнул себя по бокам. — Нам нужна лаборатория. Помощники. Целая куча данных и множество компьютерного времени. Я могу подключить к работе своих ребят.

— Ни в коем случае! — возразил Мэтью, вскакивая из-за стола. — У меня тоже есть лаборатория. Мириам уже давно занимается проблемами бешенства крови и геномами существ нечеловеческой природы.

— Тогда Мириам нужно как можно скорее приехать сюда и привезти с собой все, чем она занимается. Поверьте, Мэтью, у меня хорошие студенты. Лучшие во всем университете. Они увидят то, что мы с вами не видим в силу возраста и устоявшихся паттернов мышления.

— Да. И прежде всего они увидят вампиров и ведьм.

Мэтью запустил пальцы в волосы. Криса это удивило и даже насторожило.

— Мне не хочется расширять круг людей, знающих о нас.

Слова Мэтью подсказали мне, кому обязательно нужно знать о недавнем заявлении Бенжамена.

— Нужно сообщить Маркусу, — сказала я.

Мэтью не спорил и тут же набрал номер.

— Мэтью? Рановато для ваших краев. Надеюсь, ничего не случилось? — спросил Маркус, почти мгновенно ответив на звонок.

— Случилось, и нечто паршивое. — Мэтью вкратце рассказал сыну о Бенжамене, ведьме-заложнице и о причинах ее пленения. — Если я пошлю тебе адрес сайта, ты сумеешь объяснить Натаниэлю Уилсону его задачу? Нужно, чтобы наблюдение за сайтом Бенжамена велось двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Если Натаниэль сумеет определить, откуда идет сигнал, это сэкономит нам уйму времени.

— Понял. Сделаю, — коротко ответил Маркус.

Едва Мэтью закончил разговор, зазвонил мой мобильник.

— И кому я понадобилась? — удивилась я, глядя на часы. Солнце только-только взошло. — Алло!

— Слава богу, ты не спишь! — облегченно вздохнула Вивьен Харрисон.

— Что-то стряслось? — спросила я, ощутив покалывание в большом пальце левой руки.

— У нас беда, — мрачно изрекла Вивьен.

— Какая именно?

Сидящая рядом Сара прикинула к динамике мобильного. Я попыталась деликатно отодвинуть тетку.

— Я получила послание от Сидонии фон Борке.

— Кто такая Сидония фон Борке? — спросила я, услышав совершенно незнакомое имя.

— Одна из ведьм, входящих в Конгрегацию, — в унисон сказали Вивьен и Сара.

Глава 14

— Наш шабаш не выдержал проверки. — Вивьен бросила на стол увесистую сумку и налила себе кофе.

— Она тоже ведьма? — шепотом спросил у меня Крис.

— Да, — ответила Вивьен, впервые заметив его.

— Ого! — Крис смерил ее оценивающим взглядом. — А можно взять у вас щечный мазок? Это совсем не больно.

— Потом, — машинально ответила Вивьен, до которой не сразу дошел смысл вопроса. — Простите, а вы кто?

— Познакомьтесь, Вивьен. Это Крис Робертс, мой коллега по Йельскому университету. Специалист в области молекулярной биологии. — Я пододвинула ей сахар и ущипнула Криса за руку, подавая знак молчать. — Может, перейдем в гостиную? — предложила я. — А то у меня голова гудит и ноги раздулись, как воздушные шары.

Мы перешли в гостиную и удобно устроились на диванах и в креслах напротив телевизора.

— В Конгрегацию поступила жалоба о том, что Мэдисонский шабаш нарушает завет, — сообщила Вивьен.

— Известно, кто подал жалобу? — спросила Сара.

— Касси и Лидия, — ответила Вивьен, угрюмо глядя в кофейную чашку.

— Группа поддержки настучала на нас? — ошеломленно произнесла Сара.

— Вполне в духе их логики, — сказала я.

Эта парочка дружила с самого детства. К подростковому возрасту обе отличались вздорным характером и стремлением везде быть на виду. В старших классах они бы вполне сошли за сестер: одинаковые светлые кудряшки и обманчиво-невинные голубые глаза. Что Касси, что Лидия пошли вразрез со своим ведьминым

наследием. Их не привлекало держаться в тени. Они создали группу поддержки, которой и руководили. Их единственной заслугой был победоносный сезон местной футбольной команды. Все, чем занималась группа поддержки, было пронизано заклинаниями, приносящими победу.

— В чем именно обвиняют ваш шабаш? И кого? — тоном адвоката спросил Мэтью.

— Обвиняют Диану и Сару в том, что они спутались с вампирами, — нехотя ответила Вивьен.

— Спутались? — возмущенно переспросила Сара.

— Знаю, знаю, — подняла руки Вивьен. — Это звучит крайне непристойно, но я лишь передаю слова Сидонии. К счастью для нас, Сидония находится в Лас-Вегасе и не сможет приехать для расследования на месте. Шабаши округа Кларк слишком увязли в бизнесе с торговлей недвижимостью. Все их заклинания направлены на поддержание рынка жилья.

— И что теперь? — спросила я Вивьен.

— Я обязана дать письменный ответ.

— Слава богине! В письме можно и солгать, — облегченно вздохнула я.

— Никоим образом. Сидония слишком умна и проницательна. Пару лет назад я видела, как она допрашивала ведьм из шабаши в нью-йоркском Сохо. Они там устроили дом с привидениями на Спринг-стрит — в том самом месте, где собираются участники хеллоуинских парадов. Допрос велся просто мастерски. — Вивьен вздрогнула. — Сидония выудила из тамошних ведьм даже то, как им удалось поднять в воздух кипящий котел и заставить его целых шесть часов двигаться вместе с парадом. После ее визита шабаш на целый год подвергся дисциплинарному наказанию. Никаких полетов, телепортации и, самое главное, — никаких заклинаний. Они до сих пор еще не оправились.

— А что за ведьма эта Сидония? — спросила я.

— Могущественная, — презрительно фыркнула Вивьен, не поняв моего вопроса.

— Меня интересует, на чем основана ее сила? На магии стихий или на обычном колдовстве?

— Насколько я слышала, она здорово умеет накладывать заклинания, — сказала Сара.

— Сидония способна летать. Ее предсказания ценятся, — добавила Вивьен.

Крис поднял руку.

— Да, Крис, — тоном учительницы начальных классов произнесла Сара.

— Умная, могущественная, способная летать. Это ровным счетом ничего не значит. Нельзя, чтобы она узнала о детях Дианы, об исследовательском проекте Дурного Семени и об этом завете, о котором вы все так беспокоитесь.

— Дурное Семя? — Вивьен с недоумением посмотрела на Криса.

— Сын Мэтью обрюхатил ведьму. Похоже, в семье Клермон вампиры обладают способностью к размножению, — сказал Крис, сверкнув глазами на Мэтью. — Вы тут все говорите о каком-то завете. Если не ошибаюсь, он запрещает ведьмам вступать в близкие отношения с вампирами?

— И с демонами. У людей это вызывает дискомфорт, — сказал Мэтью.

— Ах, дискомфорт? — с недоверием переспросил Крис. — Когда-то дискомфорт вызывали чернокожие, сидящие в автобусах рядом с белыми. Сегрегация — не ответ.

— Если мы оказываемся в смешанных группах, люди сразу замечают существ нечеловеческой природы, — объяснила я, надеясь успокоить Криса.

— Тебя, Диана, мы заметим, даже если ты пойдешь по Темпл-стрит одна и рано утром, — бросил Крис, разбив мою последнюю хрупкую надежду на «обычность» восприятия моей персоны другими.

— Конгрегацию создали ради усиления завета, с целью убедить нас от человеческого внимания и вмешательства, — продолжала я гнуть свою линию. — В обмен на безопасность от всех нас потребовали держаться вне человеческой политики и не лезть в их религию.

— Думайте что хотите, но насильственная сегрегация... или завет, если вам больше нравятся звучные слова... это потуги добиться расовой чистоты. — Крис положил ноги на кофейный столик. — Скорее всего, этот ваш завет потому и возник, что ведьмы рожали от вампиров. А забота о душевном комфорте людей — просто удобная отговорка.

Фернандо и Мэтью переглянулись.

— Я считала способность Дианы забеременеть чем-то уникальным. Промыслом богини, а не частью общей схемы. — Вивьен

ен была потрясена. — А долгоживущие ведьмовампиры, наделенные сверхспособностями... мне такое и представить страшно.

— Ничуть, если вы намереваетесь создать сверхрасу. Тогда подобное существо явилось бы своеобразным генетическим переворотом, — заметил Крис. — Вы, часом, не слышали о каких-нибудь метаманьяках, интересующихся генетикой вампиров? Впрочем, двоих мы уже знаем.

— К вашему сведению, Кристофер: я предпочитаю оставлять подобные дела на Божье усмотрение. — На лбу Мэтью пульсировала темная жилка. — Евгеника меня не интересует.

— Простите, запямятовал. Вы же поглощены эволюцией видов. Иными словами, историей и химией. То и другое — сфера исследовательских интересов Дианы. Какое совпадение! — Крис прищурился. — Основываясь на том, что я слышал и подслушал, у меня к вам, профессор Клермон, два вопроса. Это только вампиры вымирают или подобная участь нависла и над демонами с ведьмами? И какой из так называемых видов наиболее озабочен расовой чистотой?

Честное слово, Крис был настоящим гением. Каждый пронзительный вопрос позволял ему погружаться все глубже в загадки, что содержались в Книге Жизни, в тайны семьи де Клермон, а также в загадки нашей с Мэтью крови.

— Крис прав, — подозрительно быстро согласился Мэтью. — Нельзя допускать, чтобы Конгрегации стало известно о беременности Дианы. Если у тебя, топ соеиг, нет возражений, нам стоит немедленно отправиться в Севилью, где у Фернандо дом. Сара, разумеется, поедет с нами. Тогда репутация местного шабаша не пострадает.

— Я говорил про то, что Злая Ведьма не должна узнать о Диане, а не о поспешном бегстве Дианы, — сердито бросил Крис. — Плюс Бенжамен. Или вы о нем забыли?

— Эту войну, Кристофер, нельзя вести одновременно на всех фронтах.

Лицо Мэтью соответствовало тону произнесенной фразы, ибо Крис сразу замолчал.

— Ну хорошо, я поеду в Севилью.

Мне совсем не хотелось туда ехать, но и становиться причиной бед для Мэдисонского шабаша я тоже не хотела.

— Ничего хорошего! — почти выкрикнула Сара. — Конгрегация желает получить ответы? Я тоже желаю их получить. Сообщи

Сидонии фон Борке, что я *путаюсь* с вампирами с октября прошлого года. С того самого времени, как Сату Ярвинен похитила и истязала мою племянницу, а Питер Нокс стоял рядом, не делая попыток вмешаться. Если это означает, что я нарушила завет, то это меньшее из зол. Без помощи де Клермонов Диана была бы мертва, а то и хуже.

— Это слишком серьезные обвинения, — сказала Вивьен. — Ты на самом деле намерена их предъявить?

— Да, — со знакомым упрямством ответила Сара. — Нокса уже выперли из Конгрегации. Я хочу, чтобы и Сату выгнали коленкой под зад.

— Сейчас там подыскивают замену Ноксу, — сообщила Вивьен. — Ходят слухи, что Дженет Гоуди собирается вернуться к делам и занять его место.

— Если мне не изменяет память, Дженет Гоуди — девяностолетняя старуха, — сказала Сара. — Она просто не потянет такую работу.

— Нокс требует, чтобы его заменила ведьма, чье мастерство по части заклинаний было бы соизмеримо с его собственным. Но в этом его не может превзойти никто, даже Дженет Гоуди, — призналась Вивьен.

— Пока не может, — сухо заметила Сара.

— Есть еще один момент. Возможно, он заставит тебя повременить с выступлением против ведьм Конгрегации. — Вивьен замолчала, подбирая слова. — Видишь ли, Сара, Сидония затребовала у меня отчет по Диане. Она утверждает, что это стандартная процедура проверки ведьм, чьи магические способности не проявились в детстве и отрочестве. Бывают и случаи позднего развития. Конгрегация хочет удостовериться, изменилось что-то у Дианы или нет.

— Если Конгрегацию интересует моя магическая сила, причем тут мои и Сарины отношения с вампирами?

— Сидония утверждает, что у нее есть результаты обследования Дианы в детстве и они не указывают на развитие в будущем каких-либо нормальных способностей, традиционно присущих ведьмам, — продолжала Вивьен, лицо которой становилось все несчастнее. — Обследование проводил Питер Нокс. Ребекка и Стивен согласились с его выводами и поставили свои подписи.

— Сообщи Конгрегации, что Ребекка и Стивен с предельной точностью оценили магические способности их дочери и не ошиб-

лись ни в чем. — Глаза Сары гневно сверкали. — Нормальных способностей у моей племянницы нет.

— Отличный ответ, Сара! — с нескрываемым восхищением произнес Мэтью. Еще бы: тетка говорила правду! — Ответ, достойный моего брата Годфри.

— Спасибо, Мэтью, — кивнула Сара.

— Нокс что-то знает обо мне или о чем-то догадывается. При чем давно, с самого моего детства. — Я ожидала возражений Мэтью, но он молчал. — Я думала, мои родители скрывали от всех только то, что я унаследовала от отца дар прядильщицы. Но недавно я узнала о мамином интересе к высшей магии. Возможно, у Нокса к этому тоже есть интерес.

— Ну, он известный поклонник высшей магии, — сказала Вивьен. — Вдруг ты окажешься способной создавать новые заклинания черной магии? Нокс пошел бы на что угодно, только бы их заполучить.

Дом застонал. Гостиная наполнилась гитарными аккордами. Мелодия песни была мне знакома. Из всех песен любимого мамино альбома «Landslide» сильнее всего откликнулась в моем сердце. Слыша эту песню, я сразу вспоминала, как мама держала меня на коленях и тихо подпевала.

— Мама любила эту песню, — сказала я. — Она знала, что грядут перемены, и боялась их, как женщина в песне. Но мы больше не можем поддаваться страху.

— Диана, о чем ты? — не поняла Вивьен.

— Мама ждала перемен? Так они уже наступили.

— И чем дальше, тем их будет все больше, — подхватил Крис. — Вам больше не удастся скрывать от людей тайну существования нечеловеческих рас. Достаточно одного вскрытия, одной генетической консультации, одного кустарного генетического теста, и вы будете разоблачены.

— Чепуха! — возразил Мэтью.

— Святая правда. Вы стоите перед выбором. Скажите, Мэтью: вы хотите контролировать ситуацию, когда она начнет разворачиваться? Или вам хочется, чтобы она шмякнула вас по макушке? — Крис ждал. — Пусть я знаком с вами всего несколько дней, но сдаюсь мне, что вы все-таки предпочтете вариант А.

Мэтью запустил пальцы в волосы и сердито сверкнул глазами на Криса.

— Я так и думал. — Крис с облегчением привалился к спинке кресла. — Итак, учитывая определенные трудности, в которых вы оказались, позвольте спросить, профессор Клермон: чем Йельский университет может вам помочь?

— Ничем, — покачал головой Мэтью. — Вы же станете поручать старшекурсникам и аспирантам анализ ДНК вампиров и ведьм.

— Знаю, это чертовски страшно, — уже мягче продолжил Крис. — Мы все не прочь спрятаться в какую-нибудь безопасную нору, а тяжелые решения пусть принимают другие. Но кто-то должен выйти на передовую и сражаться за то, что считает справедливым. По словам Фернандо, вы превосходный воин. — (Мэтью не мигая смотрел на Криса.) — Если понадобится, я встану рядом с вами, но при условии, что и вы пойдете мне навстречу, — добавил Крис.

Мэтью был не только превосходным, но и опытным воином. Он знал, когда и в чем потерпел поражение.

— Ваша взяла, Крис, — тихо произнес он.

— Отлично! Тогда не будем терять время. Я хочу получить генетические карты всех трех видов существ нечеловеческой природы. Далее мне нужно, чтобы вы секвенировали, а затем вновь собрали все три генома для сравнения их с геномом человека. — Крис говорил так, словно Мэтью был его заместителем, которому он привык отдавать распоряжения. — Я хочу убедиться, что вы правильно идентифицировали ген, отвечающий за бешенство крови. И нужно обязательно вычленить ген, позволивший Диане забеременеть от вас. Полагаю, вы даже не начинали его искать.

— Это все или вам требуется моя помощь еще в чем-то? — спросил Мэтью, морща лоб.

— Да, требуется. — Кресло под Крисом скрипнуло. Известите Мириам Шепард, что я хочу видеть ее задницу в понедельник утром в Биологической башне Клайна. Здание стоит на Сайенс-Хилл и заметно отовсюду. Моя лаборатория находится на пятом этаже. Сначала пусть объяснится насчет ошибочности моих выводов в той публикации, а затем примет участие в первом собрании нашей исследовательской группы. Оно начнется в одиннадцать.

— Я передам ей ваше приглашение.

Мэтью и Фернандо переглянулись. Фернандо пожал плечами, словно хотел сказать: «Заодно присутствует на его похоронах».

— Но прошу вас, Крис, учесть одно обстоятельство. Исследование, которое вы задумали, займет годы. Мы не собираемся долго задерживаться в Йеле. Мы хотим, чтобы наши близнецы родились в Европе, куда и отправимся в начале октября. Позже Диане уже будет нельзя путешествовать на большие расстояния.

— Ваши слова только подтверждают необходимость привлечь к работе как можно больше исследователей. — Крис встал и протянул руку. — Договорились?

Помешкав, Мэтью протянул свою.

— Разумное решение, — сказал Крис, пожимая его руку. — Надеюсь, Клермон, ваша чековая книжка при вас. Йельский центр геномного анализа и смежная лаборатория анализа ДНК заламывают громадные деньги, но зато работают быстро и точно. — Он взглянул на часы. — Мой портфель уже в машине. Сколько времени вам обоим нужно на сборы?

— Часа два-три, не больше, — ответил Мэтью.

Крис поцеловал Сару в щеку и обнял меня.

— Мэтью, жду вас в понедельник к одиннадцати утра. Не опаздывайте! — вслеп Крис и покинул дом.

— Что я наделал? — пробормотал Мэтью, когда за молекулярным биологом шумно закрылась дверь.

Вид у моего мужа был несколько шокированный.

— Не волнуйся, Мэтью. Все будет хорошо, — с несвойственным ей оптимизмом сказала Сара. — У меня хорошие предчувствия на этот счет.

Спустя три часа мы сели в машину. Я устроилась на пассажирском сиденье. Сдерживая слезы, я помахала Саре и Фернандо. Сара улыбалась, но ее выдавала поза. Тетка стояла, обхватив себя за плечи так, что побелели костяшки. Фернандо перебросился несколькими словами с Мэтью и сжал его локоть. Привычный жест прощания, принятый у Клермонов.

Мэтью взялся за руль:

— Можем ехать?

Я кивнула. Он включил двигатель.

Вместе с двигателем ожили и автомобильные колонки. Задребезжали клавишные, ударили барабаны, и к ним добавились пронзительные звуки гитар. Мэтью схватился за регулятор громкости. Это не помогло. Тогда он попытался вообще выключить

проигрыватель. Индикатор погас, однако музыка продолжала звучать. Группа «Флитвуд Мак» советовала нам перестать думать о завтрашнем дне. Наконец Мэтью поднял руки, признавая свое поражение.

— Насколько понимаю, дом по-своему нас выпроваживает, — сказал он, выворачивая в проезд.

— Не волнуйся. Как только мы выедем за пределы усадьбы, музыка смолкнет.

Мы медленно двигались к выезду на дорогу. Благодаря великолепным амортизаторам «рейнджровера» я почти не ощущала выбоин.

Когда мы подъехали к дороге и Мэтью включил сигнал поворота, я собралась было оглянуться на родовое гнездо Бишопов, однако последние слова песни заставили меня вновь повернуться вперед.

— Не оглядывайся назад, — прошептала я.

Солнце в Деве

Когда Солнце в Деве, отправляйте детей в школу.
Этот знак указывает на перемену места.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 9'*

Глава 15

— Вам принести еще чая, профессор Бишоп?

Молодой парень из числа «преппи»¹ с выжидающей предупредительностью смотрел на меня.

— Да. Не откажусь. Спасибо.

— Я мигом.

Парень подхватил со стола белый фарфоровый чайник и умчался.

Я посмотрела в сторону двери. Мэтью не появлялся. Он сейчас находился в отделе по набору персонала, где оформлял идентификационный бейдж. Я ждала его в изысканной атмосфере нью-хейвенского теннисного клуба. Интерьер главного здания заглушал звонкие удары мячей и крики ребятни, которая плескалась в бассейне, наслаждаясь последней неделей летних каникул. По залу прошестьвовали три девицы на выданье в сопровождении мамаш. Если они будут праздновать свадьбы здесь, им наверняка понравится.

Пусть это тоже Нью-Хейвен, но не мой Нью-Хейвен.

— Пожалуйста, профессор.

Мой внимательный официант принес новый чайник, распространявший свежий запах мятных листьев.

— Мятный чай, как вы просили.

Прежде я жила в Нью-Хейвене одна. Наша здешняя жизнь вдвоем с Мэтью никак не могла быть подобием той. Когда-то меня вполне устраивал домик с террасой на тихом, утопавшем в зелени деревьев отрезке Корт-стрит, отданном во власть пешеходов. Но обстановка там была куда более спартанская, чем во всех

¹ Учащийся так называемой подготовительной школы, обычно частной и дорогой, где молодежь готовят к поступлению в престижные университеты.

местах, где нам пришлось жить за минувший год, как в прошлом, так и в настоящем. Убранство домика состояло из вещей, купленных на распродажах, а то и на блошином рынке. Дешевая сосновая мебель, верно служившая мне со времен старших курсов, и множество полок, заваленных книгами и журналами. Кровать не имела ни изголовья, ни изножья. Я уже не говорю про балдахин! Но ее матрас был широким и манящим. После долгой, изнурительной езды из Мэдисона мы со стонами облегчения повалились на него.

Большую часть воскресного дня мы провели в хозяйственно-бытовых заботах, наполняя дом всем, что необходимо для нормальной жизни любой супружеской пары. Для Мэтью мы сделали запасы вина из магазина на Уитни-авеню, мне накупили разной снеди. Затем настал черед электроники. Ее мы купили столько, что хватило бы на компьютерную лабораторию. Мэтью ужаснуло, что у меня всего один ноутбук. В салоне на местном Бродвее мы приобрели два навороченных ноутбука и парный комплект прибамбасов к ним, а затем отправились прогуляться по кампусу. Мы брели мимо колледжей и общежитий, слушая карильон башни Харкнесс. Студенты только начинали возвращаться в университет и город. Они переключались через лужайку. Кого-то не устраивали списки обязательной литературы, кому-то не нравилось, как составлено расписание занятий.

— Приятно вернуться сюда, — прошептала я, беря Мэтью под руку.

Казалось, мы пускаемся с ним в новое приключение. Мы вдвоем, и больше никого.

Однако сегодня все ощущалось по-иному. Я словно шла не в ногу с остальными и находилась явно не в своей тарелке.

— Вот ты где! — Мэтью возник перед столиком и, наклонившись, наградил меня долгим поцелуем. — Я скучал по тебе.

— Мы же расстались всего на полтора часа, — засмеялась я.

— Да. И разлука была слишком долгой.

Мэтью рассеянно оглядел стол: пустую чашку, чайник, к которому я не притронулась, блокнот с желтыми линованными страницами, где не было еще ни одной записи, и нераскрытый свежий номер «Американского исторического обозрения». По пути к Сайенс-Хиллу мы выудили его из моего переполненного факультетского почтового ящика.

— Как прошло твое утро? — спросил Мэтью.

— С меня чуть ли не пылинки сдували.

— Иначе и быть не может.

По пути Мэтью рассказал, что Маркус входил в число основателей этого частного клуба и что само здание выстроено на земле, некогда принадлежавшей ему.

— Вам чего-нибудь принести, профессор Клермон?

Я сомкнула губы. На гладком лбу моего мужа, между его пронычательными глазами, появилась морщинка.

— Спасибо, Чип, но нам пора идти.

Нам действительно нужно было идти. Я встала, собрала вещи и сложила их в большую сумку из тех, какие посят на плече.

— Вы можете записать расходы на счет доктора Уитмора? — спросил Мэтью, задвигая мой стул.

— Разумеется, — ответил Чип. — Никаких проблем. Мы всегда рады принять у себя членов семьи доктора Уитмора.

В следующий раз я лучше обожду Мэтью на улице.

— А где машина? — спросила я, оглядывая стоянку.

— Поставил в тени, чтобы не грелась, — сказал он, забирая у меня сумку. — До лаборатории мы и пешком дойдем. Персоналу разрешается оставлять машины здесь. Удобное место и совсем близко от лаборатории. — Он ободряюще посмотрел на меня. — Нам обоим здесь непривычно. Но потом освоимся.

Я кивнула, вдыхая теплый воздух. Мэтью почему-то не стал вешать мою сумку на плечо, а понес, держа за короткую ручку.

— Как только я окажусь в библиотеке, мне станет легче, — сказала я, убеждая не только Мэтью, но и себя. — Ну что, пойдём на твою новую работу?

Мэтью протянул мне левую руку. Я сжала ее, и его лицо потеплело.

— Веди, — коротко сказал он.

Мы пересекли Уитни-авеню возле сада, заполненного скульптурами динозавров, срезали путь, обогнув сзади Музей естественной истории, основанный филантропом Пибоди. Оттуда было рукой подать до высотного здания, где находились лаборатории Криса. Я замедлила шаги. Мэтью задрал голову, скользя глазами вверх по этажам:

— Нет. Только не здесь. Это хуже, чем Бейнеке.

Он пристально смотрел на заурядные очертания Биологической башни Клайна, или ББК, как ее называли в кампусе. Библиотеку Бейнеке, где были собраны редкие книги и манускрипты

и где белые мраморные стены изобиловали нишами, мой муж уподобил громадной ванночке для кубиков льда.

— Мне это напоминает...

— Здание твоей оксфордской лаборатории тоже не отличается особой красотой, — сказала я, не дав ему договорить. — Довольно с меня одной его яркой аналогии, накрепко врезавшейся в память. — Идем.

Теперь настал черед Мэтью упрямиться. В здание мы вошли под аккомпанемент его ворчания. Сотрудник охраны попросил мужа надеть на шею сине-белый университетский плнурок с прикрепленной магнитной карточкой, удостоверяющей личность. Мэтью отказался. В лифте он продолжал ворчать и жаловаться, а в коридоре, пока мы искали дверь лаборатории Криса, смотрел на меня так, словно я вела его в пыточную камеру.

— Мэтью, тебе здесь понравится. Студенты Криса будут просто в восторге от знакомства с тобой, — говорила я, пытаюсь его успокоить.

Мэтью был ученым с мировым именем. Он входил в состав профессуры Оксфорда — одного из немногих учебных заведений, к которому в привередливом Йеле относились с уважением.

— Последний раз я общался со студентами, когда мы с Хэмишем преподавали в колледже Всех Душ. — Он даже отвернулся, пряча свою первозность. — Я больше гожусь для исследовательской лаборатории.

Я дернула Мэтью за руку, вынудив остановиться. Он нехотя посмотрел на меня.

— Вспомни, как в елизаветинском Лондоне ты терпеливо обучал Джека и Энни.

— Это совсем другое. Они были... — Он не договорил. В глазах мелькнула тень.

— Семей? — Я ждала ответа, и он нехотя кивнул. — Так и студенты хотят того же, чего хотели Энни и Джек: твоего внимания, честности и веры в них. У тебя все замечательно получится. Обещаю.

— Меня устроит и сносный результат, — пробормотал Мэтью, оглядывая коридор. — Вот она, лаборатория Кристофера. Идем. Он пригрозил, что в случае опоздания отберет у меня пропуск.

Крис распахнул дверь. Вид у моего друга был измотанный. Мэтью торопливо прижал дверь ногой.

— Вы пришли впритык, Клермон. Еще минута — и я бы начал без вас. Привет, Диана. — Крис поцеловал меня в щеку. — Никак не ожидал увидеть тебя здесь. Почему ты не в Бейнеке?

— По причине срочной курьерской доставки. — (Мэтью протянул мне сумку.) — Я принесла лист из «Ашмола-782». Помнишь, мы говорили?

— А-а, да. Помню, — без малейшего интереса ответил Крис.

Их с Мэтью наверняка занимали другие вопросы.

— Вы оба мне обещали, — сказала я.

— Да. Займемся и твоим «Ашмолем-782». Кстати, а где Мириам?

— Я передал Мириам ваше приглашение. Передавать ее ответ не стану — поберегу ваши уши. Она придет сюда, если сочтет нужным и когда ей это будет удобно.

Мэтью достал карточку с фотографией. Зная, какие снимки делают в отделе найма, я удивилась. Даже они не посмели сфотографировать Мэтью кое-как. Со снимка смотрело лицо фото-модели.

— Мне сказали, что теперь я полноправный сотрудник вашей лаборатории.

— Отлично! Тогда идемте работать. — Крис торопливо набросил снятый со стойки белый халат, второй он подал Мэтью.

— У себя я обходился без халатов, — поморщился Мэтью.

— Я не настаиваю, но без халата я вас к оборудованию не допущу.

С этими словами Крис повернулся, собравшись уйти. К нему подошла женщина с пачкой листов. На ней был белый лабораторный халат с вышитой фамилией КОННЕЛИ. Выше красным маркером было приписано: «Бикер».

— Благодарю, Бикер. — Крис быстро просмотрел листы. — Прекрасно. Никто не отказался.

— Что это за бумаги? — полюбопытствовала я.

— Обязательства по неразглашению сведений. Крис сказал, что никому из вас их подписывать не нужно. — Бикер приветственно кивнула Мэтью. — Для нас большая честь видеть вас в нашей лаборатории, профессор Клермон. Я Джой Коннели, непосредственная заместительница Криса. В данный момент у нас нет заведующего лабораторией, и мне приходится самой заниматься этой работой, пока Крис не найдет либо мать Терезу, либо

Муссолини. Вас не затруднит провести карточкой по сканеру? Он отметит время вашего прихода. Уходя, нужно сделать то же самое. Это помогает вести учет. — Она указала на сканер возле двери.

— Хорошо, доктор Коннели. — Мэтью послушно провел карточкой по сканеру; однако халат он так и не надел.

— Профессору Бишоп тоже необходимо идентифицироваться. Лабораторный протокол. И пожалуйста, зовите меня Бикер¹. Так меня все зовут.

— Почему? — удивился Мэтью.

Я вытащила из сумки карточку. Как всегда, она оказалась на самом дне.

— Крис считает, что прозвища лучше запоминаются, — пояснила Бикер.

— Когда он впервые читал лекцию старшекурсникам, к нему пришло семнадцать Эми и двенадцать Джаредов, — добавила я. — Думаю, тот кошмар он помнит до сих пор.

— К счастью, доктор Коннели, у меня превосходная память. Я помню не только имена, но и кое-что другое. В частности, вашу чудесную статью о каталитической РНК.

Мэтью улыбнулся. Доктор Коннели была польщена.

— Бикер! — рявкнул из глубины лаборатории Крис.

— Иду! — крикнула она в ответ. — Надеюсь, вскоре он найдет нам мать Терезу, — шепотом добавила она мне. — Второго Муссолини нам не надо.

— Но мать Тереза умерла, — тоже шепотом сказала я, проводя карточкой по сканеру.

— Знаю. Когда Крис составлял перечень служебных обязанностей для нового завлаба, под общим списком у него была пометка: «Мать Тереза или Муссолини». Естественно, нам пришлось переделать заявку, иначе отдел по персоналу ее попросту не пропустил бы.

— А какое имя Крис дал прежнему завлабу? — не без опаски спросила я.

¹ Всем своим сотрудникам и студентам Крис давал прозвища с именами персонажей приключенческих и комедийных сериалов. Бикер взят из комедийного кукольного сериала «Маллет-шоу», шедшего в последней трети XX в. Так звали ассистента чудаковатого ученого, в лаборатории которого вечно что-то ломалось или взрывалось.

— Калигула. — Бикер вздохнула. — Это была женщина. Нам ее очень недостает.

Мэтью дождался, когда мы обе войдем, и отпустил дверь. Бикер весьма равнодушно отнеслась к этому жесту учтивости. Дверь с мягким шипением закрылась.

Внутри нас ожидало шумное, разновозрастное и разношерстное сборище исследователей, включая старших научных сотрудников вроде Бикер, пескольных усталого вида младших научных сотрудников, а также кучку аспирантов и старшекурсников. Большинство сидело на табуретах, выдвинутых из-под лабораторных столов. Некоторые стояли, прислонясь к шкафам и раковинам. К одной раковине была прилеплена бумажка с надписью от руки. Крупные печатные буквы извещали: «ЭТА РАКОВИНА ЗАКРЕПЛЕНА ЗА ХАЗМАТ» — и, как мне показалось, намекали на печальные последствия, ожидавшие нарушителя. Тина, докучливая помощница Криса по административной части, сейчас пыталась извлечь из-под бутылки стопку бланков о неразглашении и при этом не задеть загружающийся ноутбук шкафа. Едва мы вошли, гул разговоров сразу стих.

— Боже мой! Да это же...

Увидев Мэтью, одна женщина зажала себе рот, чтобы не вскрикнуть от удивления. Моего мужа узнали.

— Здравствуйте, профессор Бишоп!

Поднявшийся аспирант торопливо расправлял складки халата. Он нервничал еще сильнее, чем Мэтью.

— Я Джонатан Гарсия. Помните меня? Два года назад я слушал ваш курс по истории химии.

— Конечно помню. Как ваши успехи, Джонатан?

Я поймала на себе несколько характерных подталкивающих взглядов. Так. Значит, в лаборатории Криса работали демоны. Я огляделась, пытаюсь распознать их. Затем я поймала другой взгляд: холодный, вампирский. Вампир стоял у запертого шкафа, рядом с Бикер и другой женщиной. Мэтью успел его заметить.

— Здравствуйте, Ричард, — произнес Мэтью, сдержанно кивнув. — Не знал, что вы покинули Беркли.

— В прошлом году, — ответил Ричард, не сводя с меня глаз.

Я как-то не думала о том, что в лаборатории Криса могут работать существа нечеловеческой природы. Я бывала здесь один или два раза, но в те моменты, когда он работал один. Я вдруг

ощутила тяжесть тайн, которыми была набита моя сумка. Тайн и возможных бед.

— Дробовик, у вас еще будет время на задушевные разговоры с Клермоном, — сказал Крис, присоединяя ноутбук к проектору.

Не знаю почему, но собравшиеся сдержанно засмеялись.

— Бикер, будьте любезны, притушите свет.

Свет потускнел, а вместе с ним умолк смех. Взгляды команды Криса устремились на экран, куда проектор подал первую картинку. Вверху маршировали ряды черно-белых палочек. Чем ниже, тем их становилось больше, и ряды превращались в довольно хаотичное скопление. Вчера вечером Мэтью кое-что рассказал мне о таких картинках. Каждая палочка на них (он называл их идеограммами) обозначала хромосому.

— В этом семестре мы начинаем принципиально новый исследовательский проект, — объявил Крис. Он стоял, прислонившись к экрану. Темная кожа и белый халат делали его самого похожим на идеограмму. — Вот предмет наших исследований. Кто хочет сказать, что представлено на экране?

— Хромосомная карта принадлежит живому или уже умершему человеку? — послышался рассудительный женский голос.

— Толковый вопрос, Скалли¹, — улыбнулся Крис.

— А почему вы спрашиваете? — спросил аспирантку Мэтью.

Взгляд у него был жесткий. Скалли даже заерзала.

— Потому что, если он уже умер... хромосомная карта принадлежит мужчине... тогда причиной смерти мог стать генетический компонент.

Аспирантам не терпелось показать свои знания и пригодность к исследовательской работе. Они наперебой называли редкие генетические заболевания, приводящие к смертельному исходу. Названия вылетали из их уст раньше, чем пальцы успевали занести догадку в ноутбук.

— Так, так, довольно. — Крис поднял руку. — Наш зоопарк уже переполнен зебрами. Попрошу вернуться к исходному вопросу.

Глаза Мэтью сверкали от неподдельного изумления. Я же не понимала ни слова. Увидев мое замешательство, он пояснил:

¹ *Агент Скалли* — персонаж приключенческого сериала «Секретные материалы», идущего на российском телевидении.

— Старшекурсники и аспиранты любят выдвигать экзотические предположения, пренебрегая более очевидными причинами. Например, у пациента с заушной простудой они найдут атипичную пневмонию. Мы называем такие предположения зебрами, поскольку ребята слышат цокот копыт и считают, что это зебры, а не лошади.

— Спасибо.

Кроме прозвищ и пояснения Мэтью, я все равно ничего не поняла.

— Хватит пудрить мозги друг другу. Посмотрите на экран. Что вы видите? — спросил Крис, прекращая назревающее соперничество мнений.

— Это самец, — изрек совсем тощий молодой человек с галстуком-бабочкой.

В отличие от других, он обходился без ноутбука, делая записи в обычном блокноте. Дробовик и Бикер переглянулись и покачали головами.

— Скалли уже пришла к такому выводу. — Крис нетерпеливо щелкнул пальцами. — Не позорьте меня перед Оксфордом, иначе всех заставлю целый сентябрь ходить со мной в атлетический зал и упражняться с отягощениями.

Собравшиеся застонали. Крис был местной легендой. Он тщательно следил за своей спортивной формой. Всякий раз, когда футбольная команда Йеля проводила игру, Крис надевал старую гарвардскую футболку. Он был единственным профессором, позволявшим себе свистеть во время лекций.

— Я не знаю, какое это существо, но уж явно не человек, — сказал Джонатан. — У него двадцать четыре пары хромосом.

Крис взглянул на часы:

— Четыре с половиной минуты. На две минуты дольше, чем я думал, но намного быстрее, чем ожидал профессор Клермон.

— Тушэ, профессор Робертс, — пробормотал Мэтью.

Головы собравшихся вновь повернулись к нему. Все недоумевали, зачем оксфордский профессор появился в здешней лаборатории.

— Минутку. У риса двадцать четыре пары хромосом. Мы теперь будем исследовать рис? — спросила женщина, которую я уже видела в столовой в колледже Брэнфорда.

— Нет, рис мы исследовать не будем, — досадливо вздохнул Крис. — И потом, Хазмат, с каких это пор рис обзавелся полом?

Теперь буду знать, как выглядит владелица персональной раковины.

— Шимпанзе?

Эту догадку высказал довольно симпатичный парень (похоже, прилежный студент) в темно-синей рубашке. У него были выющиеся каштановые волосы.

Крис обвел красным маркером одну из идеограмм вверх:

— Разве это похоже на вторую А-хромосому шимпанзе?

— Нет, — растерянно пробормотал прилежный студент. — Верхнее плечо слишком длинное. Это больше похоже на вторую хромосому человека.

— Это и есть вторая хромосома человека. — Крис стер красный кружок и принялся нумеровать идеограммы; дойдя до двадцать четвертой, он обвел ее новым кружком. — Вот предмет наших исследований в этом семестре. Отныне мы будем именовать двадцать четвертую хромосомную пару аббревиатурой ХС, чтобы не дразнить ребят из Осборна, занятых изучением генетически модифицированного риса. Работы у нас — непочатый край. Секвенирование ДНК уже произведено, но пока выявлены лишь некоторые функции генов.

— Каково число комплементарных пар? — спросил Дробовик.

— Где-то около сорока миллионов, — ответил Крис.

— Слава богу! — буркнул Дробовик, пристально взглянув на Мэтью.

Для меня все это по-прежнему оставалось абракадаброй, но я успокоилась. Довольный вампир лучше недовольного.

— А что означает аббревиатура ХС? — спросила миниатюрная женщина с азиатской внешностью.

— Прежде чем ответить, хочу напомнить: каждый из вас вручил Тине подписанный бланк о неразглашении сведений, — сказал Крис.

— Так мы работаем над тем, что в дальнейшем будет запатентовано? — спросил кто-то из старшекурсников, возбужденно потирая руки. — Потрясающе!

— Мы работаем над очень важным и в высшей степени конфиденциальным исследовательским проектом, имеющим далекоидущие последствия. Что бы ни происходило в лаборатории, это должно оставаться в ее стенах. Никаких разговоров с друзьями. Никаких разговоров с родителями. Никакого бахвальства в библиотеке. Принцип прост: сболтнул — вылетел. Понятно? — (Все

дружно закивали.) — Никаких персональных ноутбуков и мобильных. Никаких попыток делать фотографии. Лабораторный терминал получит выход в Интернет, однако код доступа будут знать только Бикер, Дробовик и Шерлок, — продолжал Крис, указывая на старших научных сотрудников. — Все рабочие записи вы будете вести от руки в старомодных лабораторных журналах. Их в конце рабочего дня вы будете сдавать Бикер, иначе она вас не выпустит. Тем, кто научился писать от руки, Кости¹ охотно покажет, как это делается.

Кости — тот самый худосочный парень с лабораторным журналом — выглядел польщенным. Остальные с заметной неохотой расставались с мобильниками, которые Бикер сложила в пластмассовое ведро. Тем временем Дробовик собрал ноутбуки и запер в шкаф. После удаления всей противозаконной электроники Крис заговорил снова.

— По прошествии времени мы опубликуем результаты наших исследований... Да, профессор Клермон, эти результаты однажды будут опубликованы, поскольку так поступают все ученые, — сказал Крис, решительно глядя на Мэтью. — И когда это случится, никому из вас уже больше не придется беспокоиться о своей карьере.

Лаборатория озарилась улыбками.

— Аббревиатура ХС означает «хромосома существа».

На лицах погасли улыбки и отразилось полное недоумение.

— С-существа? — переспросил Кости.

— Я же тебе говорил: пришельцы — это реальность, — сказал мужчина, сидящий рядом с Хазмат.

— Нет, Малдер². Он не из космического пространства, — возразил Крис.

— Удачное имя, — шепнула я ошеломленному Мэтью, у которого никогда не было телевизора. — Я тебе потом объясню.

— Оборотень? — предположил Малдер, надеясь, что попал в точку.

— Довольно гадать, — торопливо бросил Крис. — О'кей, команда. Поднимите руки те из вас, кто является демоном.

¹ Это причудливое прозвище, данное дипломнику, Крис выудил из одноименного американского криминального сериала. Правда, там оно принадлежит женщине, занимающейся исследованиями в области судебной археологии.

² *Агент Малдер* — персонаж телевизионного сериала «Секретные материалы». Напарник Скалли.

У Мэтью отвисла челюсть.

— Что ты делаешь? — шепотом спросила я Криса.

— Провожу исследования, — ответил он, обводя взглядом лабораторию. После нескольких секунд гробовой тишины Крис щелкнул пальцами. — Ну, смелее!

Женщина с азиатской внешностью подняла руку. Вслед за ней руку поднял молодой человек, похожий на жирафа. У него была длинная шея и волосы цвета имбиря.

— Почему-то я так и думал, что ими окажутся Геймбой и Икс-бокс¹, — пробормотал Крис. — Кто-нибудь еще?

— Дейзи, — сказала азиатка, указывая на женщину с мечтательными отрешенными глазами, одетую в ярко-желтое и белое.

Странная женщина смотрела не на экран проектора, а в окно, что-то напевая себе под нос.

— Вы уверены, Геймбой? — В голосе Криса звучало сомнение. — Она ведь такая... организованная. И аккуратная. Она совсем не похожа на вас с Икс-боксом.

— Дейзи пока об этом не знает, — прошептала Геймбой, озабоченно морща лоб. — Так что вы с ней полетче. Многие очень пугаются, узнав, кто они на самом деле.

— Такое вполне понятно, — рзюмировал Крис.

— Демон — это кто? — спросила Скалли.

— Весьма ценный член нашей исследовательской команды, который зачастую действует вразрез с общепринятыми правилами, — дал молниеносный ответ Крис.

Дробовик изумленно поджал губы.

— Ох! — только и сказала Скалли.

— Тогда, должно быть, и я демон, — заявил Кости.

— Стремись, — пробормотала Геймбой.

У Мэтью дернулись губы.

— Вау! Демоны. Я знал, что Йель лучше Университета Джона Хопкинса, — сказал Малдер. — Так это ДНК Икс-бокса?

Икс-бокс с молчаливой молябой посмотрел на Мэтью. Дейзи перестала напевать и теперь осторожно прислушивалась к разговору.

¹ Геймбой (Game Boy) — название игровой консоли, выпущенной японской фирмой «Нинтендо»; Икс-бокс (Xbox) — игровая приставка, выпускавшаяся фирмой «Майкрософт».

В возникшей ситуации Мэтью, Дробовик и я были единственными взрослыми. Нельзя, чтобы о существах нечеловеческой природы людям рассказывали студенты. Я открыла рот, приготовившись ответить, но Мэтью коснулся моего плеча.

— Эта ДНК не принадлежит вашему коллеге, — сказал Мэтью. — Она моя.

— Так вы тоже демон? — спросил Малдер, с любопытством глядя на Мэтью.

— Нет. Я — вампир. — Мэтью прошел к экрану и встал рядом с Крисом под луч прожектора. — Догадываюсь, о чем вы начнете меня спрашивать. Так вот, я спокойно могу выйти наружу, и мои волосы не вспыхнут от солнечного света. Я католик, и у меня есть распятие. Сильно я редко, но предпочитаю кровать, а не гроб. Если вы попытаетесь пронзить меня осиновым колом, то он превратится в щепки раньше, чем соприкоснется с моей кожей. — Мэтью открыл рот, показывая зубы. — Как видите, клыков у меня нет. И последнее: я не распространяю и никогда не распространял свечение.

Подкрепляя сказанное, лицо Мэтью потемнело.

В прошлом я нередко гордилась Мэтью. Я видела его стоящим перед капризной английской королевой, избалованным императором и Филиппом, способным внушить благоговейный ужас. Его всегда отличало глубочайшее мужество: сражался он с противником или с собственными демонами. Но все мои прежние чувства не шли ни в какое сравнение с тем, что я чувствовала сейчас, когда Мэтью стоял перед студентами и учеными, выворачивая себя наизнанку.

— А сколько вам лет? — едва слышно спросил Малдер.

Как и агент из телесериала, в честь которого Крис дал ему такое прозвище, здешний Малдер тоже искренне верил во все странное и удивительное.

— Тридцать семь. — Послышались разочарованные возгласы, и Мэтью, пожалевав бедняг, добавил: — Плюс-минус полторы тысячи лет.

— Ну блин! — вырвалось у Скалли прежде, чем рациональный мир полетел вверх тормашками. — Это ж такая древность! Просто не верится, что в Йеле есть вампиры.

— Ты наверняка ни разу не была на факультете астрономии, — сказала Геймбой. — Там целых четыре вампира. И новый профес-

сор экономики — женщина, которую они переманили из МТИ, — явная вампирша. Ходят слухи, что и на химическом факультете есть несколько вампиров, но те держатся замкнуто.

— В Йеле есть и ведьмы. — Я говорила тихо, стараясь не встречаться глазами с Дробовиком. — Мы тысячи лет живем бок о бок с людьми. Профессор Робертс, вам наверняка захочется изучить хромосомы всех трех пещеловеческих пород.

— Непременно. — Крис искренне улыбался. — Профессор Бишоп готова отдать нам на анализ свою ДНК?

— Давайте не будем устраивать хромосомную мешанину, — возразил Мэтью, предостерегающе взглянув на Криса.

Он был не прочь позволить копаться в его собственной генетической информации, но мою по-прежнему считал запретной для массового вторжения.

— Так это ведьмы светятся в темноте? — спросил Джонатан, осторожно разглядывая меня.

— Правильнее говорить о мерцании, — сказала я. — Оно есть не у всех ведьм. Наверное, я везунчик, поскольку у меня есть.

Рассказывая, я освобождалась от внутренней напряженности. Когда никто из присутствующих с воплем не бросился вон, меня захлестнуло волной облегчения и надежды. Возникло дурацкое желание захихикать.

— Полный свет, пожалуйста, — распорядился Крис.

Под потолком вспыхнули светильники.

— Вы говорили, что мы будем работать над несколькими проектами, — напомнила Бикер.

— Да. Сейчас я покажу еще один материал для анализа.

Я полезла в сумку и достала большой конверт из плотной бумаги. Он имел картонные вставки, оберегающие содержимое от изгибов и других повреждений. Я неспешно развязала тесемки, отогнула клапан и осторожно извлекла лист, вырванный из Книги Жизни. В ярком свете лабораторных светильников рисунок, изображающий мистический союз Солнца и Луны, заиграл всеми красками. Кто-то присвистнул. Дробовик выпрямился и впился глазами в рисунок.

— Так это же алхимическая свадьба ртути и серы, — сказал Джонатан. — Нечто похожее профессор Бишоп показывала нам на лекции.

— Разве этот лист не должен находиться в Бейнеке? — спросил Дробовик. — Или в другом безопасном месте?

Мне почудилось, что предпоследнее слово он произнес с легким нажимом. Взглянув на Мэтью, я поняла: так оно и есть.

— Ричард, а разве здесь ему что-то угрожает?

Улыбка Мэтью вернула ему облик принца-ассасина. Мне стало не по себе. Его прошлые жестокие и опасные ипостаси не вязались с колбами и пробирками.

— И что мы будем делать с этой картинкой? — не скрывая любопытства, поинтересовался Малдер.

— Анализировать ее ДНК, — ответила я. — Рисунок выполнен на коже. Хотелось бы установить ее возраст и кому из существ она принадлежала.

— Как раз недавно я читал о подобных исследованиях, — сообщил Джонатан. — Статья была посвящена митохондриальному анализу средневековых книг. Исследователи надеются, что смогут точнее установить время их создания, а также узнать, в каком месте эти книги создавались.

Митохондриальная ДНК содержала в себе все, что организм унаследовал от предков по материнской линии.

— Возможно, не все ваши коллеги знакомы с этими материалами. В таком случае подскажите им, где вы нашли статью.

Мэтью понравилось, что Джонатан следит за публикациями в этой области.

— Но мы будем извлекать не только митохондриальную ДНК, но и ядерную.

— Такое невозможно, — возразил Дробовик. — Прежде чем превратиться в пергамент, кожа прошла несколько стадий обработки, а это химический процесс. И возраст самой кожи, и упомянутые изменения могли повредить ДНК. Даже если вы и сумеете извлечь достаточно материала для анализа, еще не факт, что его удастся провести.

— «Трудно» не значит «невозможно», — поправил его Мэтью. — Я много работал со старой, хрупкой и поврежденной ДНК. Мои методы позволяют проанализировать и этот образец.

Оба исследовательских направления заметно взволновали собравшихся. Им предлагалась работа, о которой мечтают все ученые независимо от возраста и стадии своей научной карьеры.

— Насколько я вас поняла, доктор Бишоп, вы сомневаетесь, что основой для пергамента послужила бычья или козья кожа? — напряженным тоном спросила меня Бикер.

После ее вопроса в лаборатории стало тихо.

— Да, сомневаюсь. Я полагаю, что пергамент был сделан из кожи демона, вампира, ведьмы или человека.

Меня одолевали сильные сомнения насчет человеческой кожи, но полностью исключать такой вариант я не могла.

— Человека? — выпучила глаза Скалли.

Похоже, загубленные жизни существ нечеловеческой природы ее не слишком волновали.

— Переплеты из человеческой кожи, — прошептал Малдер. — Я считал антроподермическую библиопегию мифом.

— Формально это не является антроподермической библиопегией, — сказала я. — Манускрипт, откуда вырван лист, имеет не только переплет из кожи разумных существ. Все его листы изготовлены из такой кожи.

— Неужели такое возможно? — спросил Кости.

— А почему бы нет? — задала встречный вопрос Дейзи. — Отчаянные времена вызывают к отчаянным мерам.

«Какие странные слова», — подумала я.

— Не будем забегать вперед. — Мэтью осторожно забрал у меня лист. — Мы ученые. Время «почему» наступает, когда раскрыты все «что».

— Полагаю, на сегодня достаточно, — сказал Крис. — Судя по вашим лицам, нужно сделать перерыв.

— И проглотить пива, — пробормотал Джонатан.

— Немного рановато, но я хорошо вас понимаю. Однако напоминаю: сболтнул — вылетел. — Крис говорил жестко, без тени улыбки. — А это значит, что вне стен лаборатории вам запрещено говорить о новых проектах не только с посторонними, но и между собой. Вас могут подслушать, чего я совсем не хочу.

— Если бы кто-нибудь подслушал, как мы тут говорим о ведьмах и вампирах, подумал бы, что мы играем в «Подземелья и драконов», — сказал Икс-бокс.

— Держать рты на замке, — повторил Крис.

Дверь лаборатории распахнулась. Вошла худенькая невысокая женщина в пурпурной мини-юбке, красных сапогах и черной футболке с надписью: «ОТОЙДИ ПОДАЛЬШЕ — Я СЕЙЧАС ЗАЙМУСЬ НАУКОЙ».

Это была Мириам Шепард.

— Вы кто такая? — спросил Крис.

— Ваш самый страшный кошмар и новая заведующая лабораторией. Привет, Диана... А это чья? — спросила Мириам, указав на бугылку с газировкой.

— Моя, — ответил Крис.

— В лаборатории -- никакой еды и напитков. Вас, Робертс, я буду штрафовать в двойном размере, — заявила Мириам, погрозив ему пальцем.

— Отдел персонала не сообщил мне, что они направляют соискательницу, — сказала смущенная Бикер.

— Я не соискательница. Утром я заполнила все необходимые бумаги, была принята на работу и получила пропуск.

Мириам помахала идентификационной карточкой, которая, как и положено, висела у нее на лунурке.

— Но я предполагал собеседование... — начал Крис. — Кстати, вы так и не представились.

— Мириам Шепард. Отдел персонала отменил собеседование, когда я показала им вот это. — Мириам вытащила из-за пояса мобильник. — Цитирую: «Ваша задница должна быть в лаборатории к девяти часам утра. Выделяю вам два часа на объяснение моих ошибок. Извольте подготовиться. Отговорки не принимаются». — Из объемистой сумки, куда были втиснуты ноутбуки и папки, Мириам вытащила два листа бумаги. — Кто здесь Тина?

— Это я. — Улыбающаяся Тина подошла к новому завлабу. — Здравствуй, доктор Шепард.

— Привет. Это мой договор о найме на работу, отказ от медицинской страховки и прочая дребедень. Мне сказали — отдать вам. А вот это — официальный протест на неподобающий характер эсэмэс-сообщения Робертса. Приобщите к делу. — Отдав Тине бумаги, Мириам сняла сумку с плеча и бросила Мэтью: — Я привезла все, что ты просил.

Вся лаборатория, раскрыв рты, наблюдала, как тяжелая сумка с дорогостоящими ноутбуками поплыла по воздуху. Мэтью поймал ее в целости и сохранности. Крис с откровенным восхищением смотрел на правую руку Мириам, совершившую этот бросок.

— Благодарю, Мириам, — пробормотал Мэтью. — Надеюсь, путешествие сюда было благополучным.

Он говорил официальным тоном, но я чувствовала, какое облегчение он испытал, увидев ее.

— Меня позвали — я появилась, — язвительно бросила Мириам; из заднего кармана мини-юбки она достала еще один лист. — Кто из вас будет Бикер? — спросила Мириам, заглянув в бумагу.

— Это я. — Бикер подошла, протянула руку и представилась: — Джой Коннели.

— Простите. А то у меня есть только дурацкий список прозвищ, взятых из отбросов поп-культуры, да какие-то аббревиатуры. — Мириам пожала Бикер руку, затем вытащила из сапога ручку и что-то вычеркнула. — Рада с вами познакомиться. Мне нравятся ваши работы по исследованию РНК. Крепко, четко, никакой «воды». Полезный материал. Пойдемте выпьем кофе и поговорим о том, что необходимо сделать для приведения этого места в надлежащий вид.

— Настоящего кофе в ББК нет. За ним нужно немного прогуляться, — сказала Бикер, извиняясь за весь биологический факультет.

— Это неприемлемо. — Мириам сделала новую пометку. — Нужно как можно скорее оборудовать кафетерий в цокольном этаже. Я побродила по вашему небоскребу. Свободного места в цоколе предостаточно.

— Я могу пойти вместе с вами, — вызвался Крис.

— Не сейчас! — отрезала Мириам. — У вас наверняка есть дела поважнее. К часу я вернусь. И тогда мне нужно будет переговорить... — она заглянула в список, — с Шерлоком, Геймбоем и Скалли.

— А как насчет меня? — спросил у Мириам Дробовик.

— С вами, Ричард, потом. Приятно увидеть знакомое лицо. — Она заглянула в список. — Кстати, как Робертс вас называет?

— Дробовик, — кривя рот, ответил Ричард.

— Думаю, это прозвище вы заработали из-за вашего быстрого секвенирования, а не по причине охоты на людей. — Мириам прищурилась. — То, чем мы тут занимаемся, может вызвать проблему?

— Не вижу причин, — ответил Ричард, слегка пожимая плечами. — Конгрегация с ее заботами находится намного выше моего уровня оплаты.

— Прекрасно. — Мириам оглядела своих новых подчиненных. Те с нескрываемым любопытством глазели на нового завлаба. — Так, чего мы ждем? Если хотите чем-то заняться, приготовьте ага-

ровый гель. Он никогда не бывает лишним. Или втащите сюда и разберите коробки. А то весь коридор ими забит.

Сотрудники лаборатории поспешили удалиться.

— Так я и думала, — Мириам улыбнулась Крису, который заметно нервничал. — Что касается вас, Робертс, мой разговор с вами начнется в два часа. Вот тогда и обсудим вашу статью и заодно посмотрим протоколы. Потом можете сводить меня на обед в какое-нибудь уютное местечко, где умеют готовить стейк и где приличная карта вин.

Ошарашенный Крис молча кивнул.

— Можно я переброшусь парой слов с Мириам? — спросила я у Криса и Бикера.

Оба послушно отошли. Бикер улыбалась во весь рот. Крис тербил переносицу. Мы с Мэтью подошли к Мириам.

— Знаешь, Мэтью, для вампира, вернувшегося из шестнадцатого века, ты на удивление хорошо выглядишь. А Диана явно *épavee*.

Французское слово, произнесенное Мириам, означало «беременная».

— Ты обосновалась в жилище Маркуса? — спросил Мэтью.

— В этой жуткой дыре на Орандж-стрит? Ни в коем случае. Расположено оно удобно, но там у меня сразу же начинается дрожь во всем теле. — Мириам передернуло. — Слишком много красного дерева.

— Тогда добро пожаловать к нам на Корт-стрит, — предложила я. — У нас есть свободная комната на третьем этаже. Никто не нарушит твоего уединения.

— Спасибо. Есть еще одно место, и тоже недалеко отсюда. Кондоминиум Галлогласа, — сказала Мириам.

— Какой еще кондоминиум? — насторожился Мэтью.

— Тот, что он купил на Вустер-сквер. Бывшая церковь. Правда, убранство там слишком уж на датский манер, но куда предпочтительнее логова Маркуса. Ты помнишь, в каком состоянии он находился, когда покупал это жилье... Кстати, Галлоглас тебе сообщил, что прилетел вместе со мной?

— Нет еще.

Мэтью запустил пальцы в волосы. Я прекрасно понимала чувства мужа. Семейство де Клермон переключилось в режим повышенной защиты. Но теперь она распространялась не только на меня. Подопечным стал и Мэтью.

Глава 16

— Боюсь, у меня для вас плохая новость, — произнесла Люси Мериуэзер, состроив сочувственную гримасу.

С Люси я была знакома давно. Она работала в Библиотеке Бейнеке и часто помогала мне, когда возникала потребность взглянуть на ту или иную иркунабулу. Иногда я приходила вместе со студентами, поскольку их сюда допускали только с преподавателем.

— Если вы хотите поработать с «Манускриптом-408», вам необходимо будет пройти в отдельное помещение, причем не одной, а в сопровождении куратора. Время работы ограничено полчаса. Смотреть манускрипт в читальном зале вам никто не позволит.

— Полчаса? В сопровождении куратора?

Это была не плохая, а отвратительная новость. Установленные ограничения вышибли меня из колен. Вдобавок сказались десять месяцев, проведенных с Мэтью, не признававшим никаких правил и ограничений.

— Но я же профессор Йельского университета. Зачем куратору следить за каждым моим движением?

— Эти правила распространяются на всех. Даже на сотрудников библиотеки. Но есть и более легкий вариант. Весь манускрипт выложен в Интернете, — напомнила мне Люси.

Однако компьютерное изображение, каким бы уопомрачительно четким оно ни было, не могло дать нужных сведений. Последний раз я видела манускрипт Войнича в 1591 году. Тогда он еще не успел стать драгоценностью Библиотеки Бейнеке и не имел номера 408. Мэтью взял его из библиотеки доктора Ди и привез в Прагу, ко двору императора Рудольфа, надеясь, что мы сумеем обменять манускрипт на Книгу Жизни. Сейчас же я на-

деялась с помощью манускрипта узнать, что Эдвард Келли мог сделать с листами, вырванными из Книги Жизни.

Я разыскивала их с тех пор, как мы приехали в Мэдисон. На одном листе были изображены два чепуховых существа с длинными хвостами. Оба были ранены, и кровь из их ран вытекала в круглый сосуд. Второй лист почти целиком занимал мастерски исполненный рисунок диковинного дерева, ветви которого покрывало немыслимое сочетание цветов, плодов и листьев, а ствол состоял из переплетенных человеческих фигур. Я надеялась, что в эпоху Интернета и массовой оцифровки старинных изображений найти эти листы не составит труда. Увы, до сих пор я не нашла даже туманных упоминаний о них.

— Вот если бы вы смогли объяснить, зачем вам понадобился именно сам манускрипт... — Люси не договорила, сознавая шаткость этого предложения.

Но как я могла объяснить ей, что хочу воздействовать на манускрипт своей магией? Библиотека Бейнеке всегда отличалась строгостью правил, а при нынешнем их ужесточении... Если бы кто-нибудь узнал, моя карьера и репутация рухнули бы в тот же миг.

— Манускрипт Войнич я отложу на завтра, — сказала я.

Будем надеяться, к завтрашнему дню у меня появится какой-нибудь план. Не могла же я в присутствии куратора достать мамин гримуар и создать новое заклинание. Легкого и быстрого переключения между ипостасями ведьмы и ученой дамы, на которое я надеялась, не получалось.

— А остальные книги, которые я заказывала, уже пришли?

— Да.

Люси с нескрываемым удивлением выложила на стол подборку средневековых рукописных трактатов по магии, добавив к ним несколько ранних печатных книг.

Запрашивать «Ашмол-782» можно будет не раньше, чем отыщутся вырванные листы. Я намеревалась встретить судьбоносный момент во всеоружии, подготовившись к любым магическим неожиданностям. Потому-то я и заказала в Бейнеке книги, способные вдохновить меня на создание новых заклинаний высшей магии. Хотя мамин гримуар был ценным источником, я по собственному опыту знала, насколько уменьшились силы и возможности современных ведьм по сравнению с их предшественниками.

— Меняете направление ваших исследований? — осторожно спросила Люси.

— Алхимия и магия имеют достаточно точек соприкосновения, — сказала я, защищая свою позицию.

Сара и Эм годами пытались убедить меня в этом. Наконец я поверила теткам.

Я устроилась в читальном зале. Манускрипты по магии не обманули моих надежд и оказались весьма интригующими. Их печати напоминали мне об узлах прядильщиков, а грамарии были точными и не утратившими силы. Зато первые печатные книги о колдовстве — большинство я знала лишь по названию и исторической репутации — сразу же вызвали отвращение. Каждую переполняла ненависть, причем не только к ведьмам, но и ко всем, кто выбивался из общих рамок, высказывал бунтарские мысли или отказывался соответствовать ожиданиям тогдашнего общества.

Спустя несколько часов я почувствовала, что больше не могу. Меня воротило от язвительных утверждений Жана Бодена¹, считавшего вполне обоснованными все дурные мнения о ведьмах и их злодеяниях. Я вернула Люси все манускрипты и книги, договорившись, что завтра приду к девяти часам утра и поработаю с манускриптом Войнича в присутствии главного куратора.

Ковыляя по лестнице, я поднялась на главный этаж библиотеки. Здесь в высоких стеклянных шкафах хранились книги и манускрипты, составившие костяк Бейнеке. Сокровищница знаний и идей, вокруг которой и возникла коллекция. Миниатюрные лампы ярко подсвечивали нескончаемые полки, уставленные печатными и рукописными редкостями. Зрелище было захватывающим и напоминало о моей задаче историка: заново открывать забытые истины, хранящиеся в этих старых, пыльных томах.

Мэтью ждал меня снаружи. Он стоял, прислонившись к невысокой стенке, скрестив ноги, глядел на впечатляющий скульптурный сад Библиотеки Бейнеке и в то же время просматривал сообщения, пришедшие на мобильник. Почувствовав мое присутствие, он поднял голову и улыбнулся.

Сопротивляться этой улыбке, этому сосредоточенному взгляду серо-зеленых глаз не могли ни люди, ни существа нечеловеческой природы.

¹ Французский философ, политик и юрист (1530–1596).

— Как прошел твой день? — спросил Мэтью, предварительно поцеловав меня.

Я попросила не слать мне поминутно эсэмэски. Мэтью проявил редкую покладистость, но зато теперь он действительно ничего не знал.

— Я малость разочарована. Похоже, мои исследовательские навыки заржавели от многомесячного бездействия. К тому же, — я понизила голос, — все эти книги выглядят очень непривычно. Старые, потрепанные. А ведь в шестнадцатом веке они были новехонькими.

Мэтью запрокинул голову и расхохотался:

— Как-то не подумал об этом. Твое окружение тоже изменилось, ибо в последний раз ты занималась алхимией в замке Байнард. — Он оглянулся на здание Бейнеке. — Эту библиотеку считают архитектурным шедевром, но для меня оно все равно выглядит как ванночка для льда.

— Так оно и есть, — согласилась я, улыбаясь его сравнению. — Если бы его строил ты, оно напоминало бы нормандскую крепость или монастырь в романском стиле.

— Нет, я бы остановился на готике. Она куда современнее, — поддразнил меня Мэтью. — Ну что, готова идти домой?

— Более чем, — ответила я, торопясь поскорее удалиться от Жана Бодена.

— Ты мне позволишь? — спросил Мэтью, указывая на мою книжную сумку.

Обычно он не спрашивал. Старался не смущать меня, одновременно пытаясь обуздать свою чрезмерную опеку. Но сейчас я не возражала против опеки и потому молча отдала мужу сумку.

— Где Роджер? — спросила я Люси, поглядывая на часы.

На общение с манускриптом Войнича мне было отпущено ровно полчаса, а куратор не спешил появляться.

— Роджер позвонил и сообщил, что заболел. У него эта болезнь вспыхивает в первый день каждого учебного года. Терпеть не может повсеместную истерию и бестолковых первокурсников, постоянно спрашивающих, как пройти туда-то и туда-то. Он сказал, чтобы вас сопровождала я.

Люси взяла коробку с «Манускриптом-408».

— Приятно слышать, — сказала я, стараясь не особо показывать свою радость.

Похоже, судьба пошла мне навстречу.

Люси привела меня в комнатенку, окна которой выходили в читальный зал. Освещение было скудным. На столе я увидела потрепанный ложемент из губчатой резины, куда помещали редкие книги во время просмотра. На стенах, почти у самого потолка, торчали видеокамеры, отбивавшие у любого читателя охоту украсть или повредить одну из бесценных книг Библиотеки Бейнеке.

— Часы я включу не раньше, чем вы достанете книгу, — сказала Люси, подавая мне коробку.

Манускрипт был единственным предметом, принесенным сюда ею. Никаких бумаг, книг и даже мобильного. Ее задачей было пристальное наблюдение за мной в течение этих тридцати минут.

Обычно я быстро открывала манускрипты и смотрела на иллюстрации. Но сейчас мне захотелось подольше пообщаться с манускриптом Войнич. Я провела пальцами по ветхому веленовому переплету — старинному эквиваленту нынешних мягких обложек. Это было не только прикосновением пальцев историка. Манускрипт оказался в руках ведьмы. В мозг хлынули картины. Я узнала, что книга обзавелась переплетом только через несколько сот лет после написания и примерно лет через пятьдесят после того, как я прикасалась к манускрипту в библиотеке Ди. Проведя по корешку, я увидела лицо переплетчика и прическу, какую носили мужчины в XVII веке.

Я бережно уложила манускрипт Войнич в резиновый ложемент и открыла. Затем наклонилась к нему, почти касаясь носом первой страницы, испещренной пятнами.

— Диана, что вы делаете? Нюхаете манускрипт? — с тихим смехом спросила Люси.

— Совершенно верно. Нюхаю.

Чтобы Люси поддержала мою утреннюю авантюру, я должна быть предельно честна с ней.

Охваченная любопытством, Люси обошла вокруг стола и тоже принялась к манускрипту.

— Для меня он пахнет как любой старинный манускрипт. Кстати, он изрядно поврежден книжными червями. — Надев очки, она внимательнее пригляделась к сокровищу. — В семнадцатом веке Роберт Гук изучал книжных червей под микроскопом. Он их называл зубами времени.

Я мысленно согласилась со знаменитым английским естествоиспытателем. Правый верхний угол первой страницы и поля внизу были испещрены крошечными отверстиями. Оба этих места отличались еще и сильной замусоленностью.

— Мне думается, книжных червей привлекал не столько пергамент, сколько кожный жир, содержащийся на пальцах читателей.

— Что наводит вас на такую мысль? — спросила Люси.

Я ждала подобного вопроса.

— Наиболее страдает и разрушается та часть листа, где пальцы читателей касаются его чаще всего, то есть в местах, до которых дотрагиваются, переворачивая страницу.

Я коснулась пальцем угла страницы. Внешне это выглядело как подтверждение моих слов. Но перед ведьминым взором пронеслась новая галерея лиц. Я увидела алчное лицо императора Рудольфа, нескольких незнакомых мужчин в одеждах разных эпох. Двое принадлежали к духовенству. Мелькнуло лицо женщины, которая что-то сосредоточенно записывала. Вторая женщина укладывала книги в сундук. И вдруг я увидела демона Эдварда Келли, воровато прячущего что-то внутрь корешка.

— Сильно повреждается и нижняя кромка листа. Если переносить манускрипт, эта часть прижимается к телу.

Люси разглядывала лист, не подозревая, какое диковинное слайд-шоу мелькает у меня перед ведьминым третьим глазом.

— Судя по всему, одежда того времени не отличалась чистотой. Засаленность тканей никого не волновала. Что тогда в основном носили? Шерсть?

— Шерсть и шелк.

Помедлив еще немного, я решила рискнуть всем: читательским билетом, репутацией и, возможно, даже своей работой.

— Люси, вы могли бы оказать мне одну услугу?

— Смотря какую, — ответила она, настороженно поглядев на меня.

— Я хочу дотронуться ладонью до страницы. Недолго, всего на несколько секунд.

Сказав это, я внимательно следила за реакцией Люси, пытаясь угадать, не вызовет ли она охрану.

— Диана, читателям строжайше запрещено трогать страницы. Вы и сами знаете. Если я вам это разрешу, меня тут же уволят.

Я кивнула:

— Простите, что поставила вас в неловкое положение.

— А зачем вам понадобилось дотрагиваться до страницы? — помолчав, спросила Люси.

Чувствовалось, любопытство в ней пересилило страх.

— Знаете, у меня относительно старинных книг... нечто вроде шестого чувства. Иногда оно рассказывает мне о них такое, чего не увидишь глазами.

Я слушала произносимые слова, сознавая всю их странность и нелепость.

— Вы никак... книжная ведьма? — настороженно прищурилась Люси.

— Вы правильно угадали. Она самая! — засмеялась я.

— Диана, я бы рада вам помочь, но мы сидим под камерами. Слава богу, что еще микрофоны не поставили. Все происходящее здесь записывается. Помимо записи, за нами вполне могут наблюдать по монитору. Фактически этого требуют правила... Слишком рискованно, — вздохнула она, качая головой.

— А если бы никто не видел, чем я тут занимаюсь?

— Как вы это сделаете? Пообрываете провода камер? Вначале здесь была всего одна камера. Кто-то попытался залепить ее объектив жевательной резинкой. Через пять секунд примчалась охрана, — сказала Люси.

— Я обойдусь без жвачки, но действие будет схожим.

Я окружила себя маскировочным заклинанием. Оно почти полностью скрывало другие магические действия. Затем я подняла правую руку и соединила безымянный палец с большим. В комнате появились пучки зеленых и желтых нитей. Они переплелись, и оба цвета смешались образовав новый — желто-зеленый. Его неестественный оттенок был хорош для обманных и сбивающих с толку заклинаний. Я собиралась завязать их в пятый узел, поскольку камеры видеонаблюдения шли наравне с брошенным вызовом. И сейчас же пятый узел вспыхнул у меня на правом запястье.

— Симпатичные татушки, — сказала Люси, разглядывая мои руки. — А почему вы для них выбрали серые чернила?

Серые? Когда включалась моя магия, руки светились всеми цветами радуги. Значит, маскировочное заклинание сработало.

— Серый хорошо сочетается с любым другим цветом, — выдала я первое объяснение, пришедшее мне на ум.

— Да. Интересное рассуждение.

Мои слова не слишком убедили Люси, но я не могла тратить время на объяснения.

Я вернулась к заклинанию. В дополнение к желтому и зеленому оно требовало и черный цвет. Я потянула за тонкие черные нити, окружавшие левый большой палец, и пропустила их через петлю, созданную большим и безымянным пальцами правой руки. Результат был похож на неканоническую мудру — одно из положений рук в йоге.

— Узел пятый — что колос спелый. Заклинание созрело, — прошептала я, следя третьим глазом за состоянием узла.

Желто-зелено-черное сплетение образовало неразрываемый узел с пятью перекрестьями.

— Вы никак заколдовали манускрипт Войнич? — спросила встревоженная Люси.

— Разумеется, нет. — Со времен Бодлианской библиотеки я приобрела некоторый опыт общения с заколдованными манускриптами и не позволила бы себе такую беспечность. — Я заколдовала воздух вокруг манускрипта.

Люси недоуменно посмотрела на меня. Я решила ей показать, как это выглядит, и провела рукой над первой страницей, держа ладонь в двух дюймах от поверхности. Благодаря заклинанию казалось, что пальцы замерли возле нижней части листа.

— Уж не знаю, что вы там пытаетесь сделать, но ваше колдовство не действует, — сказала Люси. — Вы дотрагиваетесь до края листа, как и должно быть по правилам.

— На самом деле моя рука вот здесь.

Я пошевелила пальцами, показывая Люси, что они находятся над верхней кромкой листа. Это напоминало старый трюк цирковых фокусников, когда женщину укладывали в ящик и распиливали пополам.

— Попробуйте. Не касаясь страницы, подвиньте руку, чтобы она закрывала текст.

Я убрала свою руку, освобождая место для эксперимента Люси. Она сделала так, как я предлагала: провела рукой между листом манускрипта и обманным заклинанием. Казалось, ее рука остановилась, достигнув края книги. Однако при внимательном

наблюдении можно было заметить, что ее рука укорачивалась. Люси поспешно отдернула руку, словно обжегшись о горячую сковородку. Затем она пристально посмотрела на меня:

— Так вы... ведьма. — Люси проглотила слюну и улыбнулась. — Прямо от сердца отлегло. Я все время подозревала, что вы что-то скрываете, и даже побаивалась: вдруг это окажется чем-то неприятным или даже противозаконным.

Как и Крис, она ничуть не удивилась, узнав о существовании настоящих ведьм.

— Вы позволите мне нарушить правила? — спросила я, кося глазами на манускрипт.

— Только если вы расскажете мне о своих изысканиях. Этот проклятый манускрипт — настоящий бич нашей библиотечной жизни. Ежедневно мы получаем с десятков запросов на него и почти все отклоняем. — Люси вернулась на свое место и сделала вид, что наблюдает за мной. — Но будьте осторожны. Если ваша уловка раскроется, вы лишитесь библиотечных привилегий, а будучи отлученной от Бейнеке, вы, как историк, просто не выживете.

Набрав побольше воздуха, я взглянула на раскрытый манускрипт. Ключом к пробуждению моей магии было любопытство. Но если я хотела большего, нежели головокружительное мелькание лиц, тогда, прежде чем прикасаться к пергаменту, нужно было сформулировать четкий вопрос. Манускрипт Войнича наверняка содержал важные подсказки, касающиеся Книги Жизни и вырванных из нее листов. Сейчас я была уверена в этом, как никогда. Мне выпадал шанс узнать их тайну, но всего один шанс.

— Что Эдвард Келли засунул в корешок переплета этого манускрипта и какова дальнейшая судьба вложения? — прошептала я и осторожно положила ладонь на первую страницу манускрипта.

Перед глазами всплыло изображение одной из вырванных страниц Книги Жизни. Это был лист с деревом, ствол которого составляли переплетенные человеческие фигуры. Но он не переливался яркими красками. Изображение было серым, призрачным и достаточно прозрачным. Сквозь него просвечивала моя рука и строки первого листа манускрипта.

Поверх первого появился второй призрачный лист, где два дракона изливали свою кровь в сосуд.

Вскоре я увидела и третий лист с изображением алхимической свадьбы.

На мгновение призрачные листы образовали магический палимпсест поверх запачканного пергамента манускрипта Войнича. Затем картина алхимической свадьбы растворилась. Вслед за ней исчезли и драконы. А вот изображение дерева осталось.

Надеясь, что оно стало настоящим, я убрала руку. Потянув за узел в центре заклинания, я переместила его на карандашный ластик. Ластик стал невидимым, а манускрипт Войнича — видимым... Увы! Внутри его корешка не было никакого спрятанного листа из Книги Жизни.

— Вы ожидали увидеть совсем не это? — сочувственно спросила Люси.

— Да. Понимаете, когда-то внутри корешка спрятали несколько листов из другого манускрипта. Но они исчезли, причем давно. — С досады я даже ушибнула себя за переносицу.

— Возможно, упоминание об этих листах есть в учетных записях продаж. У нас скопилось несколько коробок бумаг, касающихся приобретения манускрипта Войнича. Хотите на них взглянуть? — предложила Люси.

Что ж, такие записи тоже могли оказаться подспорьем. Они велись в хронологическом порядке и позволяли проследить историю книги вплоть до наших дней. Главное, там перечислялись имена прежних и новых владельцев. Не исключено, что я наткнулся на имена тех, кому когда-то принадлежали листы с изображением дерева и драконов, варварски выданные Келли из Книги Жизни.

— Очень хочу! — ответила я.

Люси вернула манускрипт Войнича в его надежное хранилище и довольно скоро прикатила целую тележку, нагруженную папками, коробками, разнокалиберными блокнотами и даже тубусом.

— Сопутствующие материалы по манускрипту Войнича. Полный ореол его головоломной славы. Думаю, нам лучше вернуться в ту комнату. Я помогу вам рассортировать материалы.

Нам понадобилось полчаса, чтобы просто разложить все это на длинном столе. Часть материалов оказалась совершенно бесполезной. Внутри тубуса и в альбоме были собраны газетные вырезки и старые фотокопии. Вырезки представляли собой статьи и фрагменты лекций, посвященных манускрипту. Все они были написаны уже после того, как в 1912 году коллекционер Уил-

фрид Войнич приобрел таинственный манускрипт. Папки содержали переписку, заметки и целую кучу записных книжек, в которых Этель — жена Войнич — вела подобие дневника.

— Я захватила копию химического анализа манускрипта, распечатку каталожных сведений и список всех, кому за последние три года было разрешено работать с манускриптом, — сказала Люси, подавая мне кипу листов. — Можете оставить это себе. Только никому не говорите, что я дала вам список читателей.

В данных химического анализа мне придется уповать на помощь Мэтью. Сведения целиком касались состава чернил, которыми был написан манускрипт. Эта тема интересовала нас обоих. Список читателей, допущенных к манускрипту, был удивительно коротким. Я вспомнила слова Люси о массовых отказах. Чести лицезреть манускрипт своими глазами удостоивались главным образом люди с определенной репутацией в научном мире. Например, историк науки из Южно-Калифорнийского университета. Другой историк, но уже из Университета штата Калифорния в Фуллертоне. Специалист в области математической криптографии из Принстона. Еще один математик из какого-то австралийского университета. Нашлось и знакомое имя. Помнится, мы с ним даже пили кофе. Это было перед моим отъездом в Оксфорд. Тот человек был не ученым, а писателем, автором научно-популярных книг, интересующимся алхимией...

А имя в самом конце списка буквально прыгнуло со страницы. Последним, кого допускали к манускрипту Войнич, был Питер Нокс. И появлялся он здесь в мае, незадолго до смерти Эмили.

— Мерзавец. И здесь успел.

У меня закололо пальцы, а узлы на запястьях предостерегающе вспыхнули.

— Вас что-то насторожило? — спросила Люси.

— Да вот, встретила в списке имя, которое не ожидала увидеть.

— Понятно. Научный оппонент, — рассудительно кивнула Люси.

— Можно сказать и так.

Но Питер Нокс был не просто оппонентом, исторические интерпретации которого вызывали у меня неприятие. С ним я вела войну. Если я намеревалась победить, необходимо опережать его самое малое на шаг.

Задача осложнялась тем, что у меня было мало опыта поиска манускриптов и умения определять их происхождение. Лучше всего я знала наследие химика Роберта Бойля. Все семьдесят четыре тома были переданы Королевскому обществу еще в 1769 году. Как и любые другие документы в архиве Королевского общества, их тщательнейшим образом занесли в каталоги, снабдили указателем и перекрестными ссылками.

— Если я хочу проследить цепочку прежних владельцев манускрипта Войнич, откуда мне начинать? — спросила я, глядя на разложенные материалы.

— Самый быстрый способ — пойти с двух сторон, — сказала Люси. — Одна из нас начнет с момента создания манускрипта и двинется из прошлого в будущее. Другая, наоборот, возьмет за отправную точку приобретение манускрипта Библиотекой Бейнеке и направится в прошлое. Если нам повезет, встретимся посередине. — Люси протянула мне папку. — Раз вы историк, вам сподручнее начинать с прошлого.

Я открыла папку, ожидая увидеть документы, так или иначе связанные с императором Рудольфом II, однако вместо них нашла письмо, написанное пражским математиком Иоганном Маркусом Марци. Оно было написано по-латыни, датировано 1665 годом и отправлено в Рим. Получателя письма Марци именовал «*Reverende et Eximie Domine in Christo Pater*»¹. Вероятно, это был один из католических священников, лицо которого я увидела, прикоснувшись к листу манускрипта.

Я быстро пробежала глазами строчки письма. Священника звали отец Афанасий. К письму прилагалась некая загадочная книга, требовавшая расшифровки. Уж не Книга ли Жизни?

Из письма я узнала, что оно не первое. Марци отправил отцу Афанасию несколько писем, но все они были встречены молчанием. Это меня взволновало. Я продолжила чтение, но, когда в третьем абзаце узнала, кем являлся отец Афанасий, волнение сменилось недовольством.

— Оказывается, манускрипт Войнич в свое время принадлежал Афанасию Кирхеру².

¹ «Высокочтимый господин и отец во Христе» (лат.).

² Афанасий Кирхер (1602–1680) — немецкий ученый-энциклопедист и монах-иезуит.

Если вырванные листы попали в руки Кирхера, далее они могли оказаться где угодно.

— Боюсь, что да, — ответила Люси, словно имела к этому какую-то причастность. — Я так понимаю, круг его интересов был... слишком широк.

— Это еще мягко сказано.

«Скромной» целью Афанасия Кирхера было не что иное, как универсальные знания. Он опубликовал сорок книг (бестселлеров своего времени). Приложил он руку и к изобретательству. Кирхеровский музей древностей и редкостей — неременный пункт любого путешествия по Европе. Круг лиц, с которыми он состоял в переписке, поражал обширностью. Такой же обширной была его библиотека. Я не настолько знала немецкий язык, чтобы читать труды Кирхера. Что еще важнее, мне на это не хватало времени.

Мобильник, завибрировавший в кармане, заставил меня подпрыгнуть.

— Простите, Люси.

Я отошла и достала телефон. Сообщение было от Мэтью.

Ты где? Тебя дожидается Галлоглас. Через полтора часа мы должны быть у врача.

Я молча выругалась и отстучала ответ:

Выхожу из Бейнеке.

— Люси, мне сейчас придется уйти. У нас с мужем запланирована встреча. Завтра я рассчитываю продолжить работу, — сказала я, закрывая папку с письмом Марци к Кирхеру.

— Надежный источник сообщил мне, что вас видели в кампусе с высоким, темноволосым и обаятельным мужчиной, — улыбнулась Люси.

— Вам точно обрисовали моего мужа. Так можно будет продолжить завтра?

— Я еще сгодня поищу. Сейчас у меня все равно нет работы. Возможно, что-то и выужу.

— Спасибо за помощь, Люси. Я бы и рада остаться, но у меня весьма жесткий график, где ничего не поменяешь.

Собрав вещи, я поспешила на встречу с Галлогласом. Мэтью возложил на племянника обеспечение моей безопасности. На Гал-

логласе лежало и наблюдение за сайтом Бенжамена, однако новых трансляций не было. Экран оставался черным.

— Привет, тетушка. Вид у тебя исхудавший, — сказал Галлоглас, целуя меня в щеку.

— Прости за опоздание.

— Я не удивляюсь. Ты же по уши зарылась в свои книги. Я думал, ты вообще появишься самое раннее через час, — ответил Галлоглас, отменяя мои извинения.

Войдя в лабораторию, я увидела Мэтью склонившимся над листом с изображением алхимической свадьбы. Он был так поглощен работой, что даже не поднял головы на звук открывшейся двери. Рядом с ним стояли Крис и Шерлок и внимательно следили за происходящим. Невдалекс на вертящемся табурете устроилась Скалли. Еще одной участницей научного действа была Геймбой. Ее рука с миниатюрным инструментом находилась в опасной близости от страницы манускрипта.

— Глаза бы мои не смотрели на твои патлы, Галлоглас! Ты когда в последний раз причесывался? — спросила Мириам, проводя карточкой по сканеру.

На карточке значилось: «ПОСЕТИТЕЛЬ». К вопросам безопасности Крис относился очень серьезно.

— Вчера, — пробормотал Галлоглас, проводя по бокам и затылку. — А что, птичка уже свила там гнездо?

— Очень может быть. Привет, Диана! Мэтью скоро освободится.

— А чем он занят?

— Пытается научить аспирантку брать образцы ДНК с пергамента. Весьма благородная задача, если учесть, что биологии она не знает и элементарных навыков работы с лабораторным оборудованием не имеет.

Мириам недовольно поглядела на всех, кто собрался вокруг Мэтью.

— Не понимаю, почему Крис платит деньги разным экзотическим личностям, не умеющим приготовить даже агаровый гель. Но это не моего ума дела. Я всего лишь завлаб.

Геймбой досадливо выругалась.

— Ты присядь, — предложила мне Мириам. — Шоу несколько затягивается.

— Вы не расстраивайтесь, — успокаивал Геймбоя Мэтью. — Здесь требуется практика. Я вот совершенный олух по части ваших компьютерных игр. Попробуйте еще раз.

«Еще раз»? У меня пересохло во рту. Каждое взятие образцов ДНК пусть и незначительно, но повреждало пергамент. Что еще хуже, это могло повредить палимпсест. Я направилась к столу.

— А-а, Диана, привет! — крикнул заметивший меня Крис. Он перехватил меня на полпути и заключил в объятия. — Здравствуйте, — сказал он Галлогласу. — Я Крис Робертс, друг Дианы.

— Галлоглас. Племянник Мэтью. — Галлоглас оглядел помещение лаборатории и поморщился. — Это ваша химия так воиает?

— Аспиранты решили подшутить над Мэтью.

Крис указал на компьютерный терминал, увешанный связками чесночных головок. К коврику мыши была прилеплена присоска с распятием, какие часто помещают на приборную доску автомобилей. Крис с вампирской пристальностью вглядывался в мускулистую шею Галлогласа и вдруг спросил:

— Вы занимаетесь борьбой?

— Ну... бывало... для развлечения. — Галлоглас застенчиво опустил глаза; на щеках обозначились ямочки.

— Случайно, не греко-римской? — задал новый вопрос Крис. — Мой партнер повредил колено и в ближайшие месяцы не появится на ковре. Я подыскиваю временную замену.

— Пожалуй, мой стиль борьбы больше греческий. Насчет римской не знаю.

— А где вы учились? — поинтересовался Крис.

— Дед меня учил. — Галлоглас наморщил лоб, словно вспоминая давние уроки. — Думаю, ему довелось и с великаном бороться. Свирепый был воин.

— Вы говорите про деда по вампирской линии? — спросил Крис, и Галлоглас кивнул. — Должно быть, борьба вампиров — захватывающее зрелище, — улыбнулся Крис. — Что-то вроде борьбы аллигаторов, только без хвостов.

— Крис, никакой борьбы. Я не плучу! — взвилась я.

Не хотелось брать на себя ответственность, пусть и косвенную, за возможные телесные повреждения. Гениев, отмеченных Фондом Макартура, надо беречь.

— Умеешь ты испортить удовольствие, — буркнул Крис и пронзительно свистнул. — Оборотень! Ваша жена пришла.

Оборотень?

— Я знаю, Кристофер, — холодным тоном ответил Мэтью, но тут же обворожительно улыбнулся мне. — Диана, поскучай немного. Сейчас Джанетт закончит, и мы пойдем.

— Так Геймбоя зовут Джанетт? — удивленно пробормотал Крис. — Я и не знал.

— Я знала, И Мэтью тоже. Может, объясните, почему она находится в моей лаборатории? — спросила Мириам. — Степень доктора философии Джанетт получит в области вычислительной биоинформатики. Ее место там, где полно компьютеров, а не пробирок.

— Мне нравится устройство ее мозгов, — пожал плечами Крис. — Она геймер и в результатах исследований замечает закономерности, которые мы упускаем из виду. Собственно биологией она не занимается. И что такого? Биологов у меня и так под завязку. — Крис взглянул на погруженных в работу Мэтью и Геймбоя и покачал головой.

— Что тебе не нравится? — спросила я.

— Мэтью понапрасну растрчивает себя в исследовательской лаборатории. Аудитория — вот место для твоего мужа. Он прирожденный преподаватель. — Крис похлопал Галлогласа по руке. — Если захотите встретиться со мной в спортзале, позвоните. У Дианы есть мой номер.

Крис вернулся к работе, а я переключила внимание на Мэтью. Эту сторону характера мужа я видела лишь мельком, когда в Лондоне он общался с Энни и Джеком. Однако Крис был прав. Мэтью применял все, что имелось в арсенале преподавателя: подражание, подбадривание, терпение, нужную долю похвал и примесь юмора.

— Почему бы нам не взять еще один мазок с поверхности? — спросила Геймбой. — В прежний навсряка попала ДНК мышей, но если выбрать новое место, это может дать другой результат.

— Возможно, — согласился Мэтью, — но в средневековых библиотеках было полным-полно мышей. Вы сначала возьмите образец, а потом можете брать мазок.

Геймбой вздохнула и направила руку.

— Вдохните поглубже, Джанетт, — посоветовал Мэтью, подбадривая ее кивком. — Не торопитесь.

С величайшей осторожностью Геймбой ввела в самый край пергамента тончайшую, почти невидимую иглу.

— Первый этап пройден, — тихо сказал Мэтью. — Теперь двигайте медленно и без остановки.

— У меня получилось! — завопила Геймбой.

Можно подумать, что ей удалось расщепить атом. Раздались одобрителные возгласы. Ее поздравляли. «Давно пора», — сдержанноотреагировала Мириам. Но Геймбой ждала реакции Мэтью. Все остальное ее не трогало.

— Эврика! — Мэтью широко раскинул руки, и Геймбой заулыбалась во весь рот. — Хорошая работа, Джанетт. Мы еще сделаем из вас генетики.

— Ни в коем случае! Я уж лучше буду собирать компьютер из запчастей, чем повторять такое. — Геймбой буквально содрала с рук перчатки.

— Я освободился, дорогая. Как ты провела время? — спросил Мэтью, подходя ко мне и целуя в щеку.

Он вопросительно посмотрел на Галлогласа. Тот молчаливо подтвердил, что со мною ничего плохого и опасного не случилось.

— В Бейнеке я... применила магию.

— Мне как, волноваться на этот счет?

Наверное, он подумал, что я вызывала ведьмин ветер или ведьмин огонь.

— Как видишь, обошлось без потрясений. Но я нашла зацепку, касающуюся одной из вырванных страниц «Ашмола-782».

— Быстро же ты. По пути к врачу расскажешь.

Мэтью провел карточкой по сканеру.

— Можешь особо не торопиться, — сказала ему Мириам. — С рутиной справимся и без тебя. Сто двадцать пять вампирских генов уже идентифицировано. Осталось всего четыреста. Крис взялся считать минуты.

— Не четыреста, а пятьсот, — возразил Крис.

— Ваше предсказание ошибочно, — заявила Мириам.

— Спорю на сто баксов, что нет, — предложил Крис, заглядывая в отчет.

— Это все, на что вы способны? — надула губы Мириам.

— Если я проиграю, то дома вытряхну из копилки все деньги и сообщу вам.

Теперь губы Мириам скривились.

— Идем, пока у них не начался спор по другому поводу, — сказал Мэтью.

— Они не спорят, — тихо возразил Галлоглас, придерживавший дверь для нас. — Они флиртуют.

Я даже рот разинула:

— С чего ты взял?

— Крис любит давать прозвища. Мэтью он назвал Оборотнем. А какое прозвище он дал Мириам?

Мэтью задумался.

— Кажется, никакого. Так и зовет Мириам.

— Вот именно, — расплылся в улыбке Галлоглас, и Мэтью выругался. — Можешь не дергаться, дядюшка. После убийства Бертрана Мириам всерьез не посмотрела ни на одного мужчину.

— Мириам и... человек? — Мэтью явно был ошеломлен.

— Ничего из этого не выйдет, — успокоил дядю Галлоглас, пропуская нас в лифт. — Сердце Крису она разобьет, но уж тут мы ничего не можем поделать.

Я была глубоко благодарна Мириам. Теперь у Мэтью и Галлогласа, кроме меня, появился еще один источник беспокойства.

— Бедный парень, — вздохнул Галлоглас, нажимая кнопку и отправляя лифт вниз. Пока ехали вниз, Галлоглас хрустнул костяшками пальцев и добавил: — Пожалуй, я соглашусь стать его временным партнером на ковре. Хорошая встряска всегда прочищает мозги.

Несколько дней назад меня волновало, выживут ли вампиры в Йеле, окруженные студентами и преподавателями.

Теперь вектор моих волнений развернулся на сто восемьдесят градусов. Я не знала, переживет ли Йель этот десант вампиров.

Глава 17

Я стояла возле холодильника, сложив руки на уже весьма округлом животе. К стенке были прикреплены изображения наших детей. На них-то я сейчас и смотрела, попутно задаваясь вопросом: когда сентябрь успел промелькнуть?

Мы с Мэтью предпчили не узнавать пол наших детей и пока называли их ребенком А и ребенком Б. Трехмерные изображения, полученные во время УЗИ-обследования, просто завораживали. Вместо темных, неясных картинок, какие я привыкла видеть у беременных подруг, эти обладали детальностью качественных фотографий. Личики с наморщенными лобиками, большие пальчики, упирающиеся в рот, совершенная форма губ. Мне захотелось их потрогать, и я коснулась пальцем носика ребенка Б.

Холодные руки обняли меня со спины. Высокое, мускулистое тело встало сильной колонной, о которую я могла опереться. Мэтью слегка коснулся места чуть выше лобковой кости.

— Нос ребенка Б находится здесь, — негромко сказал он, положив другую руку мне на живот. — Ребенок А во время сканирования был здесь.

Мы молча стояли перед картинками. Цепь, вот уже год соединявшая меня с Мэтью, протянулась дальше, приняв в себя два ярких хрупких звена. Несколько первых месяцев я лишь *знала*, что во мне растут дети Мэтью — наши дети. Но я их не *чувствовала*. Все изменилось с тех пор, как я увидела их личики. Эту сосредоточенность маленьких наморщенных лбов. Еще бы! Малыши вовсю трудились, готовясь к появлению на свет.

— О чем ты думаешь? — спросил Мэтью, удивленный затянувшимся молчанием.

— Я не думаю. Я чувствую.

А мои чувства, мои ощущения было невозможно передать словами.

Мэтью тихо рассмеялся, стараясь не потревожить сон малышей.

— Оба в прекрасном состоянии, — сказала я, убеждая себя. — Все в норме. Все отлично.

— Здоровье у них превосходное. Но ни один из наших детей никогда не будет нормальным. И слава богу, что не будет. Кстати, какие у тебя дела на сегодня? — поцеловав меня, спросил Мэтью.

— Очередной день работы в библиотеке.

Магическая тропка, обещавшая было скорое отыскание последнего листа, вырванного из Книги Жизни, превратилась в обычную дорогу исследователя, где каждый шаг сопровождается обилием рутинных действий. Это путешествие длилось уже несколько недель. Мы с Люси неутомимо прослеживали путь манускрипта Войнича с того момента, когда им владел Афанасий Кирхер, и вплоть до попадания в Йельский университет. Каждый день мы надеялись отыскать след рисунка с загадочным деревом. То, что я увидела его поверх манускрипта Войнича, при всей мимолетности видения не давало мне покоя. Мы продолжали работать все в той же комнатке. Я окружала ее заклинанием, и это позволяло нам спокойно разговаривать во время работы. Предосторожность была отнюдь не лишней, учитывая постоянно возрастающее число студентов и преподавателей в читальном зале Библиотеки Бейнеке. Мы вырызались в библиотечные списки и указатели, относящиеся к переписке Кирхера. Мы сами написали несколько десятков электронных писем экспертам в Соединенных Штатах и за границей. Увы, это не принесло никаких конкретных результатов.

— Помнишь, что врач говорила тебе о необходимости перерывов? — спросил Мэтью.

Если не считать УЗИ, мои визиты к гинекологу не были приятным событием. Я выслушивала поток рекомендаций. Каждый раз врач вдавливала мне в сознание опасности преждевременных родов и пресеклампсии, что в переводе на человеческий язык означало поздний токсикоз. Дабы этого не случилось, требовалось пить побольше воды и часто отдыхать.

— С давлением у меня все в порядке.

Насколько я понимала, давление было одним из главных факторов риска. Обезвоживание, утомление и стресс могли вызвать неожиданный скачок давления.

— Знаю, — ответил Мэтью. Наблюдение за моим давлением было его вампирской обязанностью, к которой он относился серьезно. — Но если переутомишься на работе, оно может подскочить.

— Мэтью, я сейчас на двадцать пятой неделе. Вот-вот наступит октябрь.

— Это я тоже знаю.

Согласно врачебному предписанию, с началом октября длительность моих поездок существенно ограничивалась. Если мы останемся в Нью-Хейвене и продолжим работу, единственным способом добраться до Бодлианской библиотеки станет чередование корабля, самолета и автомобиля. Даже сейчас мне разрешалось находиться в воздухе не более трех часов.

— Мы и в этом случае сумеем доставить тебя в Оксфорд на самолете, — сказал Мэтью, улавливая мои тревоги. — Придется делать остановки в Монреале, на Ньюфаундленде, в Исландии и Ирландии. Но если тебе позарез понадобится Лондон, мы это устроим.

Судя по лицу, Мэтью знал, что у нас разные мысли на этот счет. По-разному мы смотрели и на обстоятельства, которые могут потребовать моего «прыг-скок»-перемещения через Атлантику.

— Если тебе предпочтительнее не затягивать путешествие, можем отправиться в Европу хоть сейчас.

— Не будем выдумывать себе трудности, — сказала я, высвобождаясь из его рук. — Расскажи, чем мыслишь заняться сегодня.

— Вроде бы Крис и Мириам нашли новый подход к пониманию гена бешенства крови. Они хотят воспользоваться одной из теорий Маркуса по поводу некодирующей ДНК и прошерстить мой геном. Пока их рабочая гипотеза такова: геном может содержать триггеры, контролирующие способ и степень проявления бешенства крови у конкретного вампира.

— Ты говоришь о воззрениях Маркуса относительно мусорной ДНК? О том, что девяносто восемь процентов генома не кодируют белки?

Я достала из холодильника бутылку и принялась отвинчивать крышку, показывая, что забочусь о снабжении организма водой.

— Да, о них, — ответил Мэтью. — Я и сейчас сомневаюсь насчет идей Маркуса, но совместная работа Криса и Мириам предъ-

являет доказательства. — Он скривил губы. — Выходит, Крис прав. Я и в самом деле древнее ископаемое эпохи Менделя.

— Пусть и так, но ты *мое* древнее ископаемое, — сказала я, вызвав смех Мэтью. — Если гипотеза Маркуса подтверждается, что это дает для отыскания лекарства?

Улыбка Мэтью погасла.

— Это может означать, что лекарства не существует и что бешенство крови — наследственное генетическое состояние, развитие которого обусловлено множеством факторов. Намного проще лечить болезнь, имеющую одну четкую причину: например, бактериальную. Или болезнь, вызванную единичной мутацией гена.

— Может, начинка моего генома подойдет?

После УЗИ мы с Мэтью без конца строили предположения о возможном влиянии крови ведьмы, причем не просто ведьмы, а прядильщицы, на ген бешенства крови. Я не хотела, чтобы мои дети превратились в подопытных кроликов. Мне сразу вспоминалась жуткая лаборатория Бенжамена, однако я была готова внести свою лепту в научный прогресс.

— Не хочу делать твою ДНК предметом дальнейших научных исследований, — заявил Мэтью, подходя к окну. — Напрасно я тогда в Оксфорде взял у тебя образцы.

Я подавила вздох. Свободу, которую предоставил мне Мэтью, я завоевала ценой немалых усилий. Он добросовестно старался заглушить в себе тенденцию к сверхобладанию, и тем не менее его авторитарные привычки все равно прорывались наружу. Это напоминало бесплодные усилия перегородить дамбой бурную реку. Неспособность отыскать местонахождение Бенжамена и освободить несчастную ведьму лишь усугубляла подавленность мужа. Он искал блудного сына, я — вырванные из «Ашмола-782» странички, но поиски неизменно заводили нас обоих в тупик.

Наш разговор прервал звонок моего мобильного. Рингтоном служили начальные такты композиции «Sympathy for the Devil» группы «Роллинг стоунз». Я еще не успела его сменить. Когда мобильник настраивали, кто-то — уж не знаю, нарочно или случайно, — привязал этот рингтон к одному из моих контактов.

— Твой брат звонит, — произнес Мэтью тоном, способным заморозить Старого Служаку¹.

¹ *Старый Служака* — знаменитый гейзер в Йеллоустонском национальном парке.

— Что тебе понадобилось, Болдуин?

Разговор с ним не требовал вежливых прелюдий.

— Знаешь, сестра, меня задевает твое отсутствие веры, — засмеялся Болдуин. — Я сейчас в Нью-Йорке. Подумал, не съездить ли мне в Нью-Хейвен. Хочется собственными глазами увидеть, что ты надлежащим образом устроилась.

Вампирский слух Мэтью позволял ему прекрасно слышать мой разговор с Болдуином. На слова брата он отреагировал язвительным ругательством.

— Со мною Мэтью. До Галлогласа и Мириам — рукой подать. У тебя есть дела поважнее, чем проверять, как я тут живу. — Я опустила руку с телефоном; меня так и подмывало оборвать разговор.

— Диана, я еще не закончил, — тихо сказал Болдуин, но я все равно услышала и нехотя поднесла мобильник к уху. — В лаборатории Мэтью работает вампир по имени Ричард Беллингем. Во всяком случае, сейчас его зовут так.

— Да, — машинально ответила я и посмотрела на Мэтью.

Он стоял у окна в обманчиво безмятежной позе: ноги слегка расставлены, руки за спиной. Это было состояние готовности.

— Будь с ним осторожна. — Болдуин понизил голос. — Ты ведь не хочешь, чтобы я приказал Мэтью избавиться от Беллингема? Но я это сделаю не колеблясь, если мне покажется, что Ричард владеет сведениями, способными... создать трудности для семьи.

— Ричард знает, что я ведьма. И о моей беременности тоже.

Чувствовалось, Болдуин хорошо осведомлен о нашей жизни в Нью-Хейвене. Скрывать от него правду было бессмысленно.

— Об этом знает каждый вампир в вашем провинциальном городишке. А они ездят в Нью-Йорк. Часто. — Болдуин сделал паузу. — В моей семье заведено так: кто создает сложность, сам ее и устраняет. Или Мэтью. Как видишь, у тебя есть выбор.

— Для меня всегда такос удовольствие слышать твой голос, брат. — (Болдуин лишь рассмеялся.) — Это все, милорд?

— Меня следует называть «сир». Желаетьш, чтобы я освежил твою память по части вампирских законов и этикета?

— Нет, — ответила я, буквально выплюнув слово.

— Прекрасно. Передай Мэтью, пусть перестанет блокировать мои звонки, и нам не понадобится повторять этот разговор. — Болдуин отключился.

— Что за... — начала я.

Подскочивший Мэтью вырвал у меня мобильник и швырнул через комнату. Полет телефона закончился столкновением с мраморной полкой камина, давно служащего лишь украшением. Зазвенело разбитое стекло. Руки Мэтью обхватили мое лицо. Всплеск жестокости, случившийся у него мгновение назад, казался миражом.

— Теперь надо покупать новый мобильник.

Я заглянула в глаза Мэтью, где еще бушевала буря. Глаза безошибочно показывали состояние его разума. Ясно-серые, когда все спокойно, и стремительно зеленеющие в минуты гнева. Зрачки расширялись, а радужная оболочка сужалась до тонкого ободка. Сейчас серый и зеленый сражались за главенствование.

— Болдуин обязательно придет, и сегодня же, — сказал Мэтью, пристально наблюдая за пульсом на моем горле.

— Будем надеяться, что твоему брату не взбрдет в голову привезти мобильник самому.

Мэтью поднял взгляд чуть выше, к моим губам:

— Он не мой брат. Он — *твой* брат.

— Привет, домочадцы! — донесся из коридора первого этажа звучный, жизнерадостный голос Галлогласа.

Поцелуй Мэтью был жестким, требовательным. Я подарила ему состояние, в котором он сейчас нуждался, намеренно расслабив спину и придав губам особую мягкость. Пусть чувствует хотя бы сейчас, что он здесь главный.

— Ой, прошу прощения. Может, мне попозже зайти? — крикнул с лестницы Галлоглас.

Учуяв сильный запах клевера, подавляющий все прочие запахи, наш племянник насторожился:

— Мэтью, у вас что-то случилось?

— Все в пределах поправимого... с помощью внезапной и вроде бы случайной смерти Болдуина, — мрачно ответил Мэтью.

— Значит, обычные дела. Я подумал, что ты попросишь меня проводить тетюшку до библиотеки.

— Почему? — удивился Мэтью.

— Мириам звонила. Настроение соответствующее. Потребовала, чтобы ты «оторвался от Дианиных панталончиков и побыстрее двигал в лабораторию». — Галлоглас посмотрел на ладонь, где записал слова Мириам. — Да. Слово в слово.

— Хорошо. Только сумку возьму, — сказала я, отрываясь от Мэтью.

— Привет, Яблочко и Фасолинка.

Галлоглас восторженно смотрел на изображения наших детей. По его мнению, названия «ребенок А» и «ребенок Б» унижали достоинство малышей, и потому он придумал им эти прозвища.

— Мэтью, ты заметил, что у Фасолинки бабулины пальчики?

Этой благодушной болтовней Галлоглас развлекал нас по дороге в кампус. Мэтью все-таки дошел с нами до Бейнеке, словно опасался внезапного появления Болдуина с новым мобильником и очередным суровым предупреждением.

По правде говоря, оставив дядю и племянника за дверями Бейнеке, я облегченно вздохнула. Люси уже ждала меня в нашей исследовательской комнате.

— Такую запутанную историю манускрипта я вижу впервые! — воскликнула она, едва я появилась на пороге. — Значит, манускрипт Войнич действительно когда-то принадлежал Джону Ди?

— Да, принадлежал, — ответила я, вытаскивая из сумки блокнот и карандаш.

Помимо магии, это были единственные предметы, с которыми я ходила в библиотеку. К счастью, на мою магическую силу металлодетекторы не реагировали.

— Ди передал императору Рудольфу манускрипт Войнич в обмен на «Ашмол-782».

На самом деле все обстояло несколько сложнее, поскольку к «обмену» были причастны Мэтью и Галлоглас. Их вмешательство неизменно усложняло ход событий.

— Вы имеете в виду манускрипт из Бодлианской библиотеки, у которого недостает трех листов? — Люси обхватила голову, глядя на ворох записей, вырезок и прочих бумаг, заполонивших стол.

— Незадолго перед отправкой манускрипта в Англию Эдвард Келли сумел вырвать оттуда эти три листа. Местом хранения он избрал корешок манускрипта Войнич. Через какое-то время Келли расстался с двумя листами, а третий оставил себе — тот самый, где изображено дерево.

История и впрямь выглядела чрезвычайно запутанной.

— В таком случае именно Келли и передал манускрипт Войнич вместе с вырванным листом Якобу де Тепснецу, чья подпись стоит на обратной стороне первого листа, — сказала Люси.

Чернила сильно выцвели от времени, но Люси показала мне фотографию, сделанную в ультрафиолетовых лучах.

— Возможно, — согласилась я.

— Значит, после ботаника манускрипт перекочевал к алхимику?

Люси что-то пометила в своей хронологии перемещения манускрипта. Из-за постоянных изъятий и добавлений вид у ее записей был весьма хаотичный.

— Алхимики звали Георгом Барешем. О нем мне удалось найти лишь крохи сведений, — призналась я, заглядывая в блокнот. — Бареш был дружен с де Тепенецем. Затем, уже от Бареша, манускрипт попал к Марци.

— Манускрипт Войнича изобилует рисунками странных растений. Ботаника они наверняка заинтриговали, не говоря уже о рисунке дерева на вырванном листе из «Ашмола-782». Но чем они могли быть интересны алхимику? — удивилась Люси.

— Помимо растений, в манускрипте Войнича изображены предметы, напоминающие алхимическое оборудование. Алхимики, одержимые изготовлением философского камня, ревностно хранили названия используемых веществ и детали алхимических процессов. Все это тщательно скрывалось под символами. Символами служили растения, животные и даже люди.

Та же гремучая смесь реального и символического пронизывала и Книгу Жизни. Мелькнувшую мысль я оставила при себе.

— Афанасий Кирхер тоже интересовался словами и символами. Это навело вас на мысль, что изображение дерева могло заинтересовать его ничуть не меньше, чем сам манускрипт Войнича, — медленно, как бы рассуждая вслух, произнесла Люси.

— Да. И потому для нас так значимо исчезнувшее письмо, которое Георг Бареш, по его собственному утверждению, отправил Кирхеру в тысяча шестьсот тридцать седьмом году. — Я пододвинула Люси папку. — Сейчас в Риме находится эксперт по Кирхеру. Эта женщина работает в Стэнфорде. Я с ней знакома. Она добровольно вызвалась покопаться в архивах Папского Григорианского университета, где хранится основной объем переписки Кирхера. Она прислала мне копию письма от Бареша к Кирхеру, написанного двумя годами позже. В письме упоминается их переписка, однако иезуиты сказали моей помощнице, что изначальное письмо невозможно отыскать.

— Когда библиотекари говорят: «Документ утерян», я всегда сомневаюсь, так ли это на самом деле, — проворчала Люси.

— Я тоже.

Мне сразу вспомнился нечальный опыт общения с «Ашмоллом-782».

Люси открыла папку.

— Диана, так это же латыни! — простонала она. — Перескажи-те мне содержание письма.

— Бареш думал, что Кирхер сумеет расшифровать тайны манускрипта Войнича. Кирхер занимался египетскими иероглифами, чем снискал себе международную известность. Неудивительно, что ему отовсюду присылали всякие загадочные тексты. Желая подогреть интерес Кирхера, Бареш скопировал отдельные места манускрипта и отослал в Рим. Это было в тысяча шестьсот тридцать седьмом году и затем в тридцать девятом.

— И рисунок дерева в переписке нигде не упоминается? — спросила Люси.

— Нигде. Но я по-прежнему допускаю, что Бареш послал Кирхеру вырванный лист в качестве дополнительной приманки, ведь иллюстрация выполнена гораздо качественнее, чем рисунки в манускрипте Войнича. — Я откинулась на спинку стула. — Увы, это все, что мне до сих пор удалось узнать. А что сумели узнать вы по поводу книжного аукциона, где Уилфрид Войнич приобрел манускрипт?

Люси приготовилась ответить, но наш разговор был прерван стуком в дверь и появлением сотрудника библиотеки.

— Профессор Бишоп, звонит ваш муж, — сообщил он, с явным неодобрением глядя на меня. — Пожалуйста, передайте ему, что у нас нет коммутатора, как в отелях, и посетителей мы обычно к телефону не зовем.

— Извините, что доставила вам хлопоты, — сказала я, поднимаясь со стула. — Утром я случайно повредила свой мобильник. А мой муж... порою бывает излишне заботлив. — Виноватым жестом я указала на округлившийся живот.

Это несколько уредило раздражение библиотекаря.

— Можете говорить с этого аппарата, — сказал он, указывая на телефон с мерцающим сигналом.

— Неужели Болдуин сумел так быстро добраться сюда? — спросила я, когда нас соединили.

Что еще могло заставить Мэтью позвонить на официальный номер библиотеки?

— Он что, на вертолете прилетел?

— Успокойся. Я звоню не из-за Болдуина. Мы тут обнаружили кое-какие странности, связанные с листом из «Ашмола-782».

— Какие странности?

— О таких вещах по телефону не говорят. Приходи и взгляни сама.

— Хорошо. Жди. Я сейчас же выхожу. — Я повесила трубку и повернулась к Люси. — Тысяча извинений, но мне нужно идти. Мужу понадобилась моя помощь в их лаборатории. Мы сможем продолжить позже?

— Конечно.

— А вы не хотите пойти со мной? — помешкав, предложила я. — Познакомитесь с Мэтью и увидите лист из «Ашмола-782».

— Один из исчезнувших листов? — Люси проворно вскочила на ноги. — Я мигом. Встретимся на выходе.

Выйдя из библиотеки, мы едва не налетели на моего телохранителя.

— Сбавь скорость, тетушка. Зачем же устраивать малышам встряску?

Галлоглас схватил меня за локоть и держал, пока не убедился, что я твердо стою на ногах. Тогда его внимание переместилось на мою миниатюрную спутницу.

— Вы не ударились, мисс?

— Я? — оторопело пробормотала Люси, вытягивая шею и глядя на могучего шотландца. — Н-нет.

— Спросил на всякий случай, — пояснил Галлоглас, добродушно улыбаясь Люси. — А то я большой, как галеон, идущий на всех парусах. Столкнуться со мной — удовольствия мало. Ушибы получали люди и более солидной комплекции, чем ваша.

Я торопливо познакомила их и сказала Галлогласу, что Люси пойдет с нами. Затем я чуть ли не бегом двинулась в сторону Биологической башни Клайна. Сумка нещадно хлестала меня по бедрам. Галлоглас догнал меня и молча отобрал сумку.

— Он носит ваши книги? — шепотом спросила Люси.

— И продукты. Он бы и меня носил, если бы я позволила.

Галлоглас фыркнул.

Я все время подгоняла своих спутников. Наконец мы добрались до ББК. Подошвы моих поношенных кроссовок скрипели

на сверкающих полах этого храма биологии. У двери лаборатории Криса я провела карточкой по сканеру. Дверь открылась. Мириам ждала нас внутри, поглядывая на часы.

— Время! — крикнула Мириам. — Я снова выиграла. Гоните десять долларов, Робертс.

— Я был в полной уверенности, что Галлоглас притормозит Диану, — досадливо простонал Крис.

В лаборатории царил непривычная тишина. Число работающих можно было пересчитать по пальцам. Я махнула Бикер. Возле цифровых весов стояли Скалли и Малдер.

— Прости, что прервал твою работу, но нам захотелось побыстрее тебе это показать.

Только сейчас Мэтью заметил Люси и бросил на меня настороженно-вопросительный взгляд.

— Это Люси Мериуэзер, с которой мы работаем в библиотеке. Я рискнула привести ее сюда, потому что Люси нужно своими глазами увидеть лист из «Ашмола-782». Мы напряженно разыскиваем следы его собратьев.

— Рад познакомиться, Люси. Сейчас увидите, что вы помогаете искать Диане. — Настороженность Мэтью мгновенно исчезла. — Мириам, отметь Люси как гостя.

— Уже отметила, — сказала Мириам, хлопая Криса по плечу. — Робертс, ну что вы вперились в эту генетическую карту? Ваше усердное рассмотрение ничего не даст. Передохните.

— Нам нужно больше данных, — сказал Крис, отшвырнув ручку.

— Конечно нужно. Ученым вечно требуется больше данных.

Воздух между Крисом и Мириам гудел от напряжения.

— И все равно я предлагаю переключить ваше созерцание на красивую картинку.

— Ладно, — буркнул Крис, покорно улыбаясь Мириам.

Лист с изображением алхимической свадьбы поместили на деревянную подставку. Сколько бы я ни смотрела на эту аллегория, она всегда изумляла меня. Причина была не только в отождествлении серы и ртути с Мэтью и мною. Алхимическую пару окружало множество тщательно прорисованных деталей: каменный пейзаж, фигуры гостей, мифические и символические животные, наблюдающие за церемонией, и феникс, объемлющий всю сцену своими огненными крыльями. Рядом с подставкой нахо-

дилось устройство, похожее на плоские металлические почтовые весы. На их чаще лежал чистый лист пергамента.

— Скалли расскажет о нашем сегодняшнем открытии, — объявил Мэтью.

— Лист с изображением оказался слишком тяжелым, — начала Скалли; ее глаза за толстыми стеклами очков моргали от волнения. — То есть он весит больше, чем должен был бы весить лист пергамента таких размеров.

— Нам с Сарой он тоже показался тяжелым, — шепнула я Мэтью. — Помнишь, когда дом впервые выдал нам этот лист в Мэдисоне?

— Возможно, — кивнул он, — это ускользает от восприятия вампира. Даже сейчас, когда я увидел данные Скалли, внешне лист кажется мне совершенно обычным.

— Я специально заказала через Интернет лист веленевого пергамента у фирмы, где его делают традиционным способом, — сказала Скалли. — Утром заказ пришел. Тогда я отрезала прямоугольник такого же размера, что и иллюстрация, — девять дюймов на одиннадцать с половиной. Остатки пергамента, профессор Клермон, вы можете использовать по собственному усмотрению. Нам всем полезно попрактиковаться с методикой, которую вы разработали.

— Благодарю, Скалли. Вы подали хорошую мысль. Для большей точности сравнений мы поработаем и с веленью, изготовленной современным способом, — улыбнулся Мэтью.

— Вес чистого пергамента чуть больше полутора унций, — продолжала Скалли. — Когда я впервые взвешивала лист профессора Бишоп, он весил тринадцать унций. Примерно столько же весят девять листов обычной велени.

Скалли убрала с весов чистый лист и положила вырванный из «Ашмола-782».

— Такое различие нельзя отнести за счет веса чернил и красок, — сказала Люси; она надела очки и взглянула на дисплей весов. — К тому же лист из «Ашмола-782» внешне выглядит тоньше.

— Вполовину тоньше. Я измеряла, — сообщила Скалли, поправляя очки.

— Но в Книге Жизни насчитывалось более ста листов. Возможно, почти двести. — Я прикинула в уме. — Если один лист весит тринадцать унций, вся книга весила бы примерно сто пятьдесят фунтов.

— Это еще не все. Вес листа из манускрипта не остается постоянным. — Малдер кивнул на дисплей цифровых весов. — Взгляните, профессор Клермон. Вес снова упал до семи унций.

Малдер взял клипборд и отметил на листе вес и время.

— Все утро мы наблюдаем хаотичные колебания веса, — сказал Мэтью. — Спасибо научному чутью Скалли. Она оставила лист на весах, а если бы сразу сияла, мы бы не узнали о флуктуациях.

— Дело не в моем научном чутье. — Скалли покраснела и уже тише добавила: — Мне понадобилось отлучиться в туалет. Когда я вернулась, вес увеличился на целую унцию.

— И какие ваши выводы, Скалли? — преподавательским тоном спросил Крис.

— Их у меня нет, — с явной досадой ответила аспирантка. — Веленевый пергамент не может терять и снова набирать вес. Он мертвая материя. Я наблюдаю... невозможное!

— Добро пожаловать в мир науки, друг мой, — со смехом произнес Крис. — А вы что скажете, Малдер? — спросил он напарника Скалли.

— Этот лист наверняка является чем-то вроде магического контейнера. Внутри находятся другие листы. Вес меняется, потому что вырванный лист до сих пор каким-то образом связан с манускриптом, — высказался Малдер, мельком взглянув на меня.

— По-моему, Малдер, вы правы, — сказала я и улыбнулась.

— Нужно оставить лист на весах и фиксировать его вес каждые пятнадцать минут. Возможно, тогда выстроится какая-то закономерность, — предложил Малдер.

— Это похоже на план. — Крис одобрительно посмотрел на Малдера.

— Профессор Бишоп, значит, вы думаете, что внутри этого листа находятся и другие? — осторожно спросил Малдер.

— Если да, «Ашмол-782» является палимпсестом, — возбужденно произнесла Люси. — Магическим палимпсестом.

Я мысленно сделала свой вывод: события этого утра показали, что люди намного умнее, чем казалось существам нечеловеческой природы.

— Это действительно палимпсест, — подтвердила я. — Но я никогда не думала, что «Ашмол-782» может являться... как вы его назвали, Малдер?

— Магическим контейнером, — повторил довольный Малдер. «Ашмол-782» был нам ценен своим текстом и генетической информацией. Если Малдер прав, трудно предугадать, какие еще сведения таятся в старинном манускрипте.

— Мэтью, у нас есть результаты анализа ДНК по образцу, который вы брали около месяца назад? — спросил Крис.

Я понимала ход его мыслей: если знать, из чьей кожи была изготовлена велень, это могло пролить свет на скачки веса.

— Вы никак отрезали от листа кусочек для своих химических анализов? — спросила испуганная Люси.

— Спешу вас успокоить: мы взяли микроскопический кусочек из сердцевины листа. Игла для взятия образца невероятно тонкая, а оставленное ею отверстие вы не увидите даже под увеличительным стеклом, — сказал Мэтью.

— Впервые слышу про такое, — призналась Люси.

— А все потому, что профессор Клермон разработал технологию, но не поспешил поделиться ею с другими. — Крис хмуро посмотрел на моего мужа. — Но мы обязательно исправим эту досадную оплошность. Правда, Мэтью?

— Вероятно, — ответил Мэтью.

— Хватит секретничать, Мэтью, — подхватила Мириам. — Мы уже который год пользуемся этой методикой для взятия образцов ДНК из всех видов мягких тканей. Пора дать и другим позабавиться с ней.

— Лист мы пока оставим на попечение Скалли, — объявил Крис и кивком указал на другой конец лаборатории, призывая перейти туда и поговорить.

— А можно мне потрогать лист? — спросила Люси, глаза которой так и приклеились к картинке.

— Разумеется. Лист крепче, чем кажется, раз уцелел за все века, — ответил ей Мэтью. — Малдер, Скалли, вы поможете мисс Мериуззер? Люси, когда будете готовы оторваться от листа, дайте нам знать, и мы продолжим работу с ним.

Судя по ненасытному выражению лица Люси, у нас было предостаточно времени для разговора.

— В чем дело? — спросила я Криса.

Похоже, разговор касался плохих новостей.

— Если мы хотим что-то узнать о бешенстве крови, нам нужно больше данных, — начал Крис. — Мириам, я догадываюсь, какие

слова сейчас вырвутся из вашего рта. Я ни в коем случае не критикую результаты исследований, проделанных вами и Мэтью. Вы достигли пределов возможного, учитывая, что большинство образцов ДНК принадлежало либо тем, кто давно мертв, либо получившим... новую жизнь. Однако ДНК имеет свойство со временем портиться. Если мы хотим узнать, чем же ведьмы, вампиры и демоны отличаются от людей, и сделать достоверные с научной точки зрения выводы, надо составить генетические карты демонов и ведьм и секвенировать их геномы.

— Так мы получим больше данных, — облегченно вздохнула я. — Я уж подумала: что-то серьезное.

— Серьезнее не бывает, — хмуро произнес Мэтью. — Да, генетические карты ведьм и демонов оставляют желать лучшего. И одна из причин — невозможность получить образцы ДНК у живых доноров. Амира и Хэмиш охотно предложили свои. Часть группы йоги, которую Амира ведет в Олд-Лодже, — тоже.

— Кажется, я поняла. Чтобы расширить круг доноров, пришлось бы объяснять, для чего берутся образцы и как они будут использоваться.

— Это одна проблема. Есть и другая, — обрадовал меня Крис. — Нам не хватает образцов ДНК по вампирской родословной Мэтью. А без этого нам не начертить свое генеалогическое древо и не выяснить, каким образом наследуется бешенство крови. Пока мы располагаем образцами ДНК Мэтью, его матери и Маркуса Уитмора. И это все.

— Почему бы не отправить Маркуса в Новый Орлеан? — спросила у Мэтью Мирнам.

— А что в Новом Орлеане? — встрепнулся Крис.

— Дети Маркуса, — ответил Галлоглас.

— Так у вашего сына есть дети? — Для Криса это было явным откровением. — Сколько?

— Хватает, — снова ответил Галлоглас, склонив голову набок. — Внуки тоже есть. А у Безумной Майры бешенство крови проявляется весьма ярко. Вам бы наверняка захотелось заполучить образец ее ДНК.

Крис с силой хватил кулаком по табурету. Пустые пробирки на сушилке загремели, словно кости.

— Черт бы вас побрал, Мэтью! Вы мне говорили, что никаких других живущих потомков у вас нет. Я понапрасну тратил время,

строил выводы всего на трех образцах вашей семьи, тогда как ваши внуки и правнуки носят по Бурбон-стрит? Как это понимать?

— Я не хотел беспокоить Маркуса, — коротко ответил Мэтью. — У него есть другие заботы.

— Какие? Может, еще один братец-психопат? Сайт Дурного Семени все эти недели остается пустым. Но так не может продолжаться до бесконечности. Когда Бенжамен снова высунет нос, одним предсказательным моделированием и интуитивными догадками нам будет его не переиграть! — воскликнул Крис. — Нам понадобятся оружие посильнее.

— Успокойтесь, Крис. — Мириам дотронулась до его руки. — Геном вампира содержит гораздо больше данных, нежели геномы ведьмы и демона.

— Только местами эти данные весьма хлипкие, — упирался Крис. — Особенно сейчас, когда мы исследуем мусорную ДНК. Мне нужно больше образцов ДНК от всех: вампиров, ведьм и демонов. Причем немедленно.

— Геймбой, Икс-бокс и Дейзи согласились дать образцы своей ДНК, — сказала Мириам. — Это нарушает современные протоколы исследований, но я не считаю проблему неразрешимой, учитывая, что в дальнейшем, Крис, вы все объясните.

— Икс-бокс говорил про клуб на Краун-стрит, где тусуются демоны, — сказал Крис, потирая усталые глаза. — Я отправлюсь туда и захомотаю добровольцев.

— Вам нельзя туда идти. В вас сразу распознают человека и профессора, — твердо возразила Мириам. — Я сама схожу. Меня они испугаются намного сильнее.

— Только после наступления темноты, — заявил Крис, награждая ее ленивой улыбкой.

— Хорошая затея, Мириам, — поспешила похвалить я.

Мне совсем не хотелось знать, в кого превращается Мириам после захода солнца.

— Можете взять образец у меня, — предложил Галлоглас. — Я хоть и не прямой потомок Мэтью, но вдруг и моя ДНК сгодится? В Нью-Хейвене достаточно и других вампиров. Позвоните Еве Егер.

— Ева Болдуина? — Мэтью был явно ошеломлен известием. — Еву я не видел без году сто лет. С тех пор, как она узнала,

что Болдуин сыграл не последнюю роль в обвале германской фондовой биржи, и ушла от него.

— Сомневаюсь, Мэтью, что им обоим понравится твоя настырность, — упрекнул дядю Галлоглас.

— Кажется, я даже знаю, кто она. Новая преподавательница на экономическом факультете, — сказала я. — Великолечно! Бывшая пассия Болдуина. Это как раз то, что нам нужно.

— И тебе приходилось сталкиваться с местными вампирами? — спросил Мэтью.

— Кое с кем, — уклончиво ответил Галлоглас.

Дальнейшие расспросы были прерваны появлением взволнованной Люси.

— Пока я там стояла, лист из «Ашмола-782» трижды поменял вес, — мотая головой, сообщила Люси. — Если бы сама этого не видела, ни за что бы не поверила. Извините, что вторглась в разговор, но мне пора возвращаться в Бейнеке.

— Я пойду с вами. Вы же так и не успели рассказать мне про обстоятельства покупки Войничем манускрипта.

— После того, что мы здесь увидели, мои сведения покажутся вам пресными, — словно извиняясь, сказала Люси.

— Сначала я хочу их услышать... До встречи дома, — произнесла я, поцеловав Мэтью.

— Я здесь не задержусь. — Мэтью обнял меня и приник губами к уху. Говорил он невероятно тихо. Остальным вампирам пришлось напрягать слух. — Не засиживайся в библиотеке. Помни рекомендации врача.

— Я их всегда помню. Пока, Крис.

— До скорого. — Крис обнял меня и тут же отпустил. — Один из твоих малышей только что пихнул меня локтем, — сказал он, неодобрительно поглядывая на мой торчащий живот.

— А может, и коленкой, — засмеялась я, поглаживая вместилище наших детей. — Они оба нынче стали непоседливыми.

Я поймала на себе взгляд Мэтью, полный гордости, нежности и слегка встревоженный. Чем-то это напоминало падение в сугроб свежего снега, где жесткость удивительно сочетается с мягкостью. Будь мы сейчас дома, Мэтью обнял бы меня, чтобы самому почувствовать эти толчки. Или же встал бы передо мной на колени и смотрел бы на слегка выпирающие ножки, ручки и локотки.

Я застенчиво улыбнулась мужу. Мириам выразительно кашлянула.

— Будь внимателен, Галлоглас, — сказал племяннику Мэтью.

Обыденные слова прозвучали как приказ. Галлоглас кивнул, добавив:

— Позабочусь так, как если бы твоя жена была моей.

В Бейнеке мы возвращались неспешным шагом, разговаривая о манускрипте Войнич и «Ашмоле-782». После лаборатории энтузиазм Люси только возрос. Ей нравилось быть причастной к тайне. Галлоглас напомнил о необходимости перекусить. Мы заглянули в пиццерию на Уолл-стрит. Я помахала знакомой преподавательнице с исторического факультета. Она расположилась в одной из кабинок и рылась в справочных карточках, даже не притрагиваясь к большому пластиковому стакану с соком или газировкой. Ученая дама была настолько поглощена работой, что едва ли меня заметила.

Галлоглас остался снаружи, а мы с Люси прошли в служебное помещение, где и устроили свою запоздалую трапезу. К счастью для нас, там было пусто. Уплетая пиццу, Люси рассказывала о результатах своих изысканий:

— Этот загадочный манускрипт Уилфрид Войнич купил у иезуитов в тысяча девятьсот двенадцатом году. Они тихо распродавали то, что хранилось у них на вилле Мондрагоне близ Рима.

— Мондрагоне? — переспросила я, сразу подумав о Корре¹.

— Угу. Название вилла получила по словам из девиза на гербе папы Григория Тринадцатого. Того самого, что реформировал календарь. Впрочем, вы об этом знаете больше моего.

Я кивнула. Путешествие по Европе конца XVI века требовало знакомства с реформами папы Григория, иначе я бы запуталась в датах.

— В последнюю треть девятнадцатого века из здания иезуитской Римской коллегии на виллу Мондрагоне перевезли более трехсот книг и манускриптов. Я не слишком вдавалась в подробности, но это было что-то вроде конфискации церковной собственности, проводимой во время объединения Италии. — Люси подцепила вилкой чахлый помидорчик черри. — Если не ошиба-

¹ *Мондрагоне* (ит. *Mondragone*) означает «гора драконов».

юсь, книги, отправленные на виллу Мондрагоне, были самыми ценными в иезуитской библиотеке.

— Хотелось бы получить список этих книг, — сказала я.

Конечно, я окажусь в еще большем долгу перед своей коллегой из Стэнфорда, но вдруг это наведет на след исчезнувшего листа?

— Дело стоящее. Разумеется, Войнич был не единственным собирателем, заинтересовавшимся иезуитской коллекцией. Торги на вилле Мондрагоне стали одним из крупнейших частных книжных аукционов двадцатого века. Войнич едва не упустил манускрипт, который желали купить еще двое претендентов.

— А вам известны их имена?

— Пока нет, но стараюсь узнать. Наткнулась на краткое упоминание, что один был из Праги.

— Из Праги? — Мне показалось, что я вот-вот упаду в обморок.

— Ой, Диана, вы совсем побледнели, — спохватилась Люси. — Вам стоит пойти домой и отдохнуть. Я продолжу работу, а завтра встретимся.

Она щелкнула крышкой опустевшего пластикового контейнера. Я не спорила.

— Что-то ты сегодня рано, тетушка, — сказал Галлоглас, увидев меня в дверях.

— Исследовательская загвоздка, — вздохнула я. — Сегодняшний день похож на сэндвич. Чуть-чуть успеха, зажатого между толстыми слоями неудач. Будем надеяться, что Мэтью и Крису повезет больше, поскольку мы выбиваемся из времени. Или, правильнее сказать, я выбиваюсь из времени.

— Под конец все решится, — тоном мудреца произнес Галлоглас. — Так всегда бывает.

Мы пересекли лужайку и втиснулись в узкий проход между зданием суда и городской ратушей. Оказавшись на Корт-стрит, мы преодолели еще одну преграду в виде железнодорожных путей и двинулись к моему дому.

— И давно ты купил свое жилище на Вустер-сквер?

Это был один из множества вопросов о де Клермонах и их связи с Нью-Хейвеном.

— После того, как ты стала здесь преподавать, — ответил Галлоглас. — Хотелось убедиться, что у тебя все благополучно на но-

вой работе. А то Маркус вечно рассказывал всякие ужасы. То к нему в дом залезли, то машину изуродовали.

- Я так понимаю, Маркуса в Нью-Хейвене тогда не было.
- Конечно не было. Он десятилетиями не появлялся здесь.
- По-моему, это место совершенно безопасное.

Отрезок Корт-стрит, где стоял мой дом, был пешеходной зоной. Тихая, окаймленная деревьями улица. Островок сонных домов в самом сердце города. Я редко видела здесь прохожих. Вот и сейчас на улице не было никого, за исключением черного kota и растений в кадках.

— Возможно, и безопасное, — сказал Галлоглас, хотя в его голосе звучало сомнение.

Мы успели подойти к крыльцу, когда на пересечении Корт- и Олив-стрит остановилась темно-серая машина. Ее двигатель продолжал работать. Водитель ждал, когда из нее вылезет пассажир — долговязый молодой человек с волосами песочного цвета. Он почти целиком состоял из рук и ног. Удивительно, что при такой худощавости у него были широкие плечи. Увидев темные джинсы и черную футболку (униформу здешних студентов), я посчитала парня дипломником. Он не торопился уходить от машины. Нагнувшись, парень переговаривался с водителем. Глаз его я не видела. Их скрывали солнцезащитные очки с зеркальными стеклами.

— Боже милосердный! — пробормотал Галлоглас, словно долговязый был призраком. — Быть этого не может!

— Ты его знаешь? — спросила я, разглядывая дипломника.

Вряд ли я видела его раньше.

Парень выпрямился и повернулся в мою сторону. Холодный взгляд вампира ощущался даже сквозь зеркальные стекла. Еще через мгновение парень сдернул очки и улыбнулся, кривя рот:

— А вас не так-то просто отыскать, мистресс Ройдон.

Глава 18

Этот голос. Когда я слышала его в последний раз, он был выше и без гула в недрах горла.

Эти глаза. Золотисто-карие, с золотыми и зелеными крапинками. Они и сейчас были старше, нежели возраст их обладателя.

Его улыбка. Левый уголок рта всегда был приподнят выше правого.

— Джек?

Я чуть не подавилась именем. У меня сжалось сердце.

С заднего сиденья, перескочив через рычаг коробки передач, наружу выпрыгнул здоровенный белый пес. В этой громадине было не меньше ста фунтов. Густая шерсть топорщилась во все стороны, из пасти торчал розовый язык. Джек схватил пса за ошейник:

— Стоять, Лоберол!

Джек взъерошил шерсть на лохматой собачьей голове. Мелькнули черные пуговицы глаз. Пес вилял хвостом, с обожанием глядя на хозяина. Затем послушно уселся, шумно дыша и ожидая дальнейших приказов.

— Привет, Галлоглас, — произнес Джек и медленно зашагал в нашу сторону.

— Джеки! — Чувствовалось, Галлогласа захлестывают эмоции. — Я думал, ты... мертв.

— Был. Потом перестал.

Джек смотрел на меня, пытаясь понять, ко двору ли пришелся. Чтобы он не терзался сомнениями, я побежала навстречу и обняла его:

— Джек... надо же...

В детстве от него пахло теплым хлебом. Сейчас — углями костра и утренними туманами. Преодолев секундную нерешительность, Джек тоже обнял меня длинными, тощими руками. Из мальчишки он превратился в юношу и вырос, но в нем все равно ощущалась прежняя хрупкость.

— Диана! — послышался крик Мэтью.

Мэтью от нас отделяло более двух кварталов, но он прекрасно видел машину, загородившую проход на Корт-стрит, видел он и незнакомца, удерживающего меня. Даже спокойно стоящий Галлоглас не погасил его настороженности. Мэтью решил, что меня захватили в плен, инстинкты победили разум, и он стрелой полетел к нам.

Лоберо громко залаял, подняв тревогу. Венгерские овчарки во многом напоминали вампиров. Их породе было свойственно защищать тех, кого любят, и преданно служить семье. Силы комондоров — так называлась эта порода — хватало на то, чтобы завалить волка и даже медведя. Бились они до последнего, готовые скорее погибнуть, чем уступить противнику.

Джек почувствовал угрозу, еще не видя источника. Он мгновенно превратился в существо из кошмарных снов: оскаленные зубы, остекленевшие глаза, ставшие почти черными. Джек крепко держал меня, защищая от всякого, кто, как ему казалось, мне угрожал. Но такая защита ограждала мои легкие от поступления воздуха.

— Неужели и ты? Нет! — прохрипела я, трата остатки воздуха.

Я была бессильна предостеречь Мэтью и сообщить ему, что кто-то наделил нашего чудесного, хрупкого мальчишку бешеным восторгом крови.

Мэтью уже готовился перемахнуть через капот машины, но на его пути встал водитель. Остановить моего мужа мог только другой вампир.

— Остановитесь, Мэтью. Это Джек.

Низкий громкий голос и лондонский выговор пробудили в памяти неприятные воспоминания об одной капельке крови, упавшей в представленный рот вампира.

Эндрю Хаббард! Когда-то он был королем лондонских вампиров. Хаббард в Нью-Хейвене. На периферии моего зрения замигали яркие точки звезд.

Мэтью с рычанием дернулся. Хаббард больно ударился спиной об остов машины. Человеку это бы стоило сломанного позвоночника.

— Это Джек, — повторил Хаббард, схватив Мэтью за шею и заставив прислушаться.

Послание достигло разума Мэтью. Округлившимися глазами он взглянул в нашу сторону.

— Джек! — хрипло позвал Мэтью.

— Мастер Ройдон?

Джек не повернулся на голос. Лишь наклонил голову. Голос Мэтью сумел пробиться сквозь черную мглу бешенства крови. Руки Джек не убрал, но их хватка ослабла.

Я вдохнула всей грудью, торопясь прогнать усыпанную звездами тьму. Рука инстинктивно опустилась на живот. Изнутри меня ободряюще толкнули, потом еще раз. Лоберо обнюхал мне ноги и руки, пытаюсь сообразить, какое отношение я имею к его хозяину, после чего уселся рядом и зарычал на Мэтью.

— Это еще один сон?

В низком голосе улавливались нотки прежнего Джека, каким мы его оставили в XVI веке. Он крепко зажмурился, не рискуя просыпаться.

— Это не сон, Джек, — тихо произнес Галлоглас. — А теперь отойди от мистресс Ройдон. Она — истинная пара Мэтью, и он никак не может быть для нее угрозой.

— Боже! Я ведь дотрагивался до нее.

Джек не на шутку испугался. Медленно повернувшись, он поднял руки, показывая, что сдается и готов принять любое наказание, какое Мэтью сочтет нужным. Глаза Джека снова потемнели. Тогда почему бешенство крови опять поднимается на поверхность?

— Успокойся, — сказала я, осторожно отпуская его руку. — Когда-то ты постоянно дотрагивался до меня. Мэтью не считает это проступком.

— Тогда я был... другим. — Голос Джека звенел от ненависти к себе.

Мэтью медленно приблизился, стараясь не провоцировать Джека. Захлопнув дверцу машины, Эндрю Хаббард пошел за ним. Прошедшие столетия практически не изменили облик лондонского вампира, известного своими священническими привыч-

ками и тем, что он собрал к себе под крыло ведьм, вампиров и демонов всех возрастов. Как и в XVI веке, он был чисто выбрит. Светлые волосы без намека на седину. Бледное лицо. Только глаза цвета серого сланца и темная одежда несколько скрашивали его мертвенную бледность. Хаббард оставался все таким же высоким и худощавым, а его широкие плечи и четыреста с лишним лет назад слегка сутулились.

Видя приближающихся вампиров, Лоберо зарычал еще громче и оскалил зубы.

— Успокойся, Лоберо! — велел ему Мэтью.

Мой муж присел на корточки и терпеливо ждал, пока пес соображал, какую линию поведения выбрать.

— Для Лоберо существует только один хозяин, — предостерег Хаббард. — Единственный, кого он слушается, — Джек.

Лоберо ткнулся мокрым носом мне в руку, затем обнюхал хозяина. Прежде чем подойти к Мэтью и Хаббарду, пес поднял морду и втянул в себя другие запахи. Отец Хаббард был ему знаком, а вот Мэтью требовал более тщательной оценки. Когда она закончилась, хвост Лоберо качнулся слева направо. Это не было вилянием, но пес инстинктивно признал альфа-самца нынешней стаи.

— Хороший мальчик, — похвалил Мэтью.

Он встал, указав на свою ногу. Лоберо послушно двинулся вслед за Мэтью. Наконец Мэтью поравнялся с Джеком, Галлогласом и мной.

— Все в порядке, топ соеиг? — шепотом спросил он.

— Конечно, — ответила я, по-прежнему восстанавливая дыхание.

— А ты, Джек?

Он положил руку на плечо Джека. Это не было типичным ответственным жестом де Клермонов. Это было отцовским приветствием сыну, с которым он встретился после долгой разлуки. Жест отца, ужасающегося при мысли, через какой крошечный ад прошел его ребенок.

— Сейчас лучше. — От Джека всегда можно было услышать правду, если спросить напрямую. — Когда я удивлен, мне иногда не удается совладать с собой.

— Мне тоже. — Мэтью чуть сильнее надавил на плечо Джека. — Прости. Ты стоял спиной, а я... вообще не ожидал, что когда-нибудь снова тебя увижу.

— Это было... тяжело. Держаться вдали от вас.

Дрожь в голосе Джека подсказывала, что ему было не просто тяжело.

— Могу представить. Слушай, а почему бы нам не пройти в дом? Там ты и расскажешь свою историю.

Казалось бы, вполне обычное приглашение. Но, по сути, Мэтью просил Джека вывернуть душу наизнанку. Джека такая перспектива настораживала.

— Джек, ты сам выберешь, что говорить, — успокоил его Мэтью. — Можешь вообще ничего нам не рассказывать или рассказать все без утайки. Только давай пройдем внутрь. Твой нынешний Лоберо такой же шумный, как прежний. Если он не прекратит лаять, соседи вызовут полицию.

Джек кивнул.

Мэтью склонил голову набок. Этот жест делал его немного похожим на Джека.

— Куда исчез наш малыш? — с улыбкой спросил он. — Мне уже не надо садиться на корточки, чтобы наши глаза оказались вровень.

Дразнилка Мэтью сработала: тело Джека сбросило последние остатки напряжения. Он застенчиво улыбнулся и почесал Лоберо за ушами.

— Отец Хаббард пойдет с нами. Галлоглас, отгонишь их машину, чтобы не загораживала проход? — спросил Мэтью.

Галлоглас протянул руку. Хаббард передал ему ключи:

— В багажнике лежит портфель. Захвати его, когда будешь возвращаться.

Поджав губы, Галлоглас кивнул. Сверкнув глазами на Хаббарда, он лениво двинулся к машине.

— Он всегда меня не жаловал, — буркнул Хаббард, расправляя лацканы строгого черного пиджака, надетого поверх черной рубашки.

Даже и через шестьсот с лишним лет этот вампир в сердце оставался священником.

Наконец отец Хаббард соблаговолил заметить мое присутствие:

— Здравствуйте, мистресс Ройдон.

— Моя фамилия Бишоп.

Мне захотелось напомнить ему о нашей последней встрече и о заключенном соглашении, которое он нарушил. Живое доказательство находилось рядом с нами.

— В таком случае доктор Бишоп, — сказал Хаббард, щуря свои странные глаза с разноцветным отливом.

— Вы не сдержали обещания, — прошипела я, почувствовав спиной настороженный взгляд Джека.

— Какое обещание? — спросил Джек.

Черт, я же совсем забыла! Джек всегда отличался превосходным слухом, а теперь его слух приобрел сверхъестественную остроту.

— Я поклялся мистресс Ройдон, что позабочусь о тебе и Энни, — сказал Хаббард.

— Мистресс, отец Хаббард сдержал свое слово, — заявил мне Джек. — Иначе меня бы здесь не было.

— За что мы ему благодарны, — сказал Мэтью, лицо которого выражало что угодно, только не благодарность.

Мэтью бросил мне ключи от дома. Мои остались в сумке, которую Галлоглас унес с собой. Я не успела их поймать. Ключи перехватил Хаббард и сам открыл дверь.

— Джек, отведи Лоберо наверх и дай ему воды. Кухня на втором этаже.

Пройдя мимо Хаббарда, Мэтью забрал у него ключи и бросил в вазочку на столике в прихожей.

Джек позвал Лоберо и послушно двинулся вверх по скрипучим крашеным ступенькам.

— Хаббард, вы — мертвец, равно как и тот, кто сделал Джека вампиром.

Мэтью говорил тихим шепотом, однако Джек услышал.

— Мастер Ройдон, вы не можете его убить. — Джек вышел на площадку, крепко сжимая рукой ошейник Лоберо. — Отец Хаббард — ваш внук и мой создатель.

Сказав это, Джек ушел в кухню. Хлопнули дверцы шкафа, из крана полилась вода. Привычные домашние звуки, тем более странные после только что взорвавшейся словесной бомбы.

— Мой внук? — переспросил шокированный Мэтью, глядя на Хаббарда. — Но это значит...

— Это значит, что моим создателем является Бенжамен Фокс.

Вампирское происхождение отца Хаббарда всегда было покрыто мраком. Согласно лондонским легендам, когда в 1349 году Черная смерть впервые посетила Англию, он был священником. Постепенно все его прихожане заболели и умерли от чумы. Заболел и сам Хаббард. Он лег в собственноручно вырытую могилу и стал ждать смерти. Но вместо смерти к нему явился некий таинственный вампир и подарил ему новую жизнь. Кем был этот вампир, никто не знал.

— Для вашего сына я был лишь орудием, с помощью которого он надеялся достичь своих целей в Англии. Бенжамен надеялся, что я унаследую бешенство крови, — продолжал Хаббард. — А еще он надеялся с моей помощью создать армию и выступить против де Клермонов и их союзников. В обоих случаях я обманул его надежды. Мне удавалось держать его на расстоянии от себя и моей паствы... Вплоть до недавнего времени.

— Что произошло? — резко спросил Мэтью.

— Бенжамен требует Джека. Я не могу позволить, чтобы парень снова попал к нему в руки, — столь же резко ответил Хаббард.

— Снова? — переспросила я.

Значит, Джек уже побывал у этого безумца. Не помня себя, я бросилась к лестнице. Мэтью поймал меня за руки и прижал к груди:

— Подожди!

Вернулся Галлоглас, неся большой черный портфель и мою сумку с книгами. Оглядев нас, он выпустил поклажу из рук.

— Что у вас случилось? — спросил он, глядя то на Хаббарда, то на Мэтью.

— Отец Хаббард сделал Джека вампиром, — пояснила я, стараясь говорить как можно более нейтральным тоном.

Ведь Джек слышал каждое наше слово.

Галлоглас схватил Хаббарда за ладканы и чуть не вдавил в стену.

— Мерзавец! Недаром я чуял твой запах на нем. Я думал... — Галлоглас не договорил.

Настал его черед распластаться, но не возле стены, а на полу. Черный, безупречно начищенный ботинок Хаббарда придавил грудь могучего шотландца. Я и представить не могла, что внешне тщедушный Хаббард может обладать такой силой.

— О чем ты думал, Галлоглас? — Тон Хаббарда становился все более угрожающим. — Что я позволю себе надругаться над ребенком?

Возбуждение Джека нарастало, заполняя пространство кухни. Он с раннего детства знал, как быстро обычные ссоры способны перерасти в кровавое побоище. Когда он жил у нас, даже намек на разногласие между мной и Мэтью лишал его душевного равновесия.

— Корра! — крикнула я, инстинктивно обращаясь к ней за поддержкой.

Когда огнедышащая дракониха выпорхнула из спальни и опустилась на лестничную колонну, Мэтью сумел предотвратить кровопролитие. Схватив Галлогласа и Хаббарда за воротники, он сначала расцепил их, а затем стал трясти, пока у обоих не застучали зубы.

Корра раздраженно заверещала и злобно поглядела на отца Хаббарда, справедливо подозревая в нем главного виновника, из-за которого прервалась ее безмятежная дрема.

— Чтоб мне провалиться! — На площадке лестницы вновь показалась белобрысая голова Джека. — Разве я не говорил вам, отец Х., что Корра выдержит перемещение во времени?

Джек радостно завопил, колотя по перилам. Его поведение живо напомнило мне веселого мальчишку, каким он был в далеком XVI веке. Я с трудом отогнала подступившие слезы.

Корра ответила, приветствуя Джека. Вниз посыпались искры, после чего пространство наполнилось радостным верещанием. Потом она перепорхнула, охватив Джека крыльями. Уложив голову ему на макушку, дракониха заурчала. Ее хвост обвился вокруг груди Джека, а расплюснутый конец мягко похлопывал его по спине. Лоберо подбежал к хозяину и подозрительно обнюхал Корру. Кажется, от нее тоже пахло семьей, и потому это странное существо требовалось включить в круг его растущих собачьих обязанностей. Лоберо пристроился рядом с хозяином, положив голову на лапы, но бдительности не утратил.

— У тебя язык длиннее, чем у Лоберо, — сказал Джек, стараясь не засмеяться, поскольку Корра щекотала ему шею. — Она меня помнит! Невероятно!

— Еще бы она тебя не помнила! Разве забудешь того, кто таскал для нее булочки со смородиной? — сказала я.

Когда мы расположились в гостиной, окна которой выходили на Корт-стрит, бешенство крови отпустило Джека, уйдя вглубь. Сознавая, что в иерархии присутствующих он был самым младшим, Джек ждал, пока все не усядутся. Он согласился бы устроиться на полу вместе с Лоберо, но Мэтью постучал по диванной подушке:

— Джек, садись со мной.

В приглашении Мэтью ощущался приказ. Джек послушно сел, расправляя джинсы на коленях.

— Ты выглядишь лет на двадцать, — сказал Мэтью, надеясь вовлечь Джека в разговор.

— Да. Может, и на двадцать один, — ответил Джек. — Мы с Леонардом... Вы помните Леонарда? — (Мэтью кивнул.) — Мы с ним вычислили мой возраст, потому что я помнил Испанскую армаду. Естественно, никаких подробностей. Просто испуганных людей на улицах... тогда все боялись испанского вторжения. Еще я помнил сигнальные огни, а потом торжества по случаю победы. Чтобы все это помнить, мне в тысяча пятьсот восемьдесят восьмом должно было стукнуть не менее пяти лет.

Я быстро прикинула в уме. Значит, вампиром Джек стал в тысяча шестьсот третьем.

— Чума, — вслух произнесла я.

В тот год чума обрушилась на Лондон, безжалостно выкашивая жителей. На шее Джека, под ухом, я заметила пятно. Внешне похожее на шрам, оно было отметиной, которую оставила чума. Если пятно сохранилось и после превращения Джека в вампира, это означало, что Хаббард спас парня в последние мгновения его человеческой жизни.

— Да, — подхватил Джек, разглядывая руки, которые двигались сами по себе. — Энни умерла десятью годами раньше, вскоре после убийства мастера Марло в Дептфорде.

Я не раз задумывалась о дальнейшей судьбе нашей Энни. Я представляла ее преуспевающей швеей, открывшей мастерскую. Надеюсь, что она вышла замуж за хорошего человека и у них появились дети. А оказалось, она умерла еще подростком. Жизнь Энни оборвалась, не успев по-настоящему начаться.

— Должен сказать вам, мистресс Ройдон: тысяча пятьсот девяносто третий был жутким годом. Умерших не успевали хоро-

нить. Когда мы с отцом Хаббардом узнали, что Энни больна, было уже слишком поздно.

Чувствовалось, Джек до сих пор переживает смерть Энни.

— Джек, ты уже достаточно взрослый, чтобы называть меня Дианой, — мягко заметила я.

Джек молча впился в ткань джинсов. Мы ждали, когда он снова заговорит.

— Отец Хаббард взял меня, когда вы... уехали. У сэра Уолтера начались неприятности, а лорд Нортумберленд был слишком занят при дворе, чтобы возиться со мной. — Он искренне, с сыновней благодарностью улыбнулся Хаббарду. — Хорошие были времена. Я целыми днями бегал с ватагой ребят по лондонским улицам.

— Те времена потому и были для тебя хорошими, что я находился в дружеских отношениях с шерифом, — сухо отозвался Хаббард. — Никто так часто не попадал в переделки, как вы с Леонардом.

— Не-а, — заулыбался Джек. — В настоящую переделку мы попали всего один раз, когда пробрались в Тауэр, чтобы передать сэру Уолтеру книги. Пришлось немного задержаться и подождать, пока он не напишет письмо к леди Рэли.

— Значит, ты... — Мэтью покачал головой и даже вздрогнул. — Черт тебя побери, Джек! Ты никогда не понимал разницы между ничтожным проступком и серьезным преступлением, за которое отправляют на виселицу.

— Зато теперь понимаю, — с энтузиазмом ответил Джек.

Его лицо вновь сделалось беспокойным. Лоберо поднял голову и положил морду на хозяйское колено.

— Мастер Ройдон, пожалуйста, не злитесь на отца Хаббарда. Он лишь сделал то, о чем я попросил. Леонард рассказал мне о вампирах и других существах задолго до того, как я перестал быть человеком. Я знал, кем являетесь вы, Галлоглас и Дэви... Возможно, мне следовало набраться мужества и принять смерть, но я не мог сойти в могилу, не увидев вас снова. Моя жизнь ощущалась... какой-то незаконченной.

— А какой она ощущается теперь? — спросил Мэтью.

— Долгой. Одинокой. И тяжелой. Тяжелее, чем я мог вообразить. — Джек вертел между пальцев шерсть Лоберо, скручивая

ее, пока не получилась плотная веревка. — Но сегодня я понял: все было не напрасно. Каждый прожитый год.

Мэтью крепко стиснул плечо Джека и сейчас же отпустил. Сквозь маску спокойствия на мгновение прорвались иные чувства: горе и опустошенность. Еще через мгновение все исчезло. Это был вампирский вариант маскирующего заклинания.

— Мастер Ройдон, отец Хаббард ничего от меня не скрыл. Он сказал, что с его кровью мне почти наверняка передастся страшная болезнь. — Джек пожал плечами. — Но я и так уже был болен. Какая разница — помнить одну болезнь на другую?

«Никакой, — подумала я. — Только одна болезнь просто бы тебя убила, а эта — сделала убийцей».

— Рассказав тебе, Эндрю поступил правильно.

Отца Хаббарда явно удивило одобрение со стороны Мэтью.

— Сомневаюсь, что прасоздатель отнесся бы к Джеку с таким же вниманием.

Слово звучало достаточно странно. Проще было бы сказать «дед», однако Мэтью старался пользоваться теми же терминами, какими Хаббард и Джек обозначали их родство с Бенжаменом.

— Какое там внимание! Мой прасоздатель вообще не считает, что должен кому-либо объяснять свои действия. — Джек вскочил с дивана и беспечно закружил по комнате. Лоберо следовал за ним по пятам. У двери Джек задержался, водя пальцами по резным завиткам на косяке. — Мастер Ройдон, в вашей крови тоже есть эта болезнь. Я помню еще по Гринвичу. Но она не управляет вами. А мной и моим прасоздателем... управляет.

— Когда-то управляла, — поизнес Мэтью, едва заметно кивнув Галлогласу.

— Я помню времена, когда Мэтью бывал неукротим, как дьявол. Да еще с мечом в руке. Самые храбрые и те в ужасе разбежались, — сказал Галлоглас.

Он сидел в странной позе: подавшись вперед и широко расставив ноги. Его пальцы впились в колени.

— Прасоздатель рассказывал мне о прошлом мастера... о прошлом Мэтью. — Джека передернуло. — Он говорил, что непревзойденная способность убивать передалась и мне и я не должен давить ее в себе, иначе вы никогда не признаете меня своей кровью.

Невыразимую жестокость Бенжамена я видела собственными глазами. Он виртуозно сплетал надежды и страхи, превращая их в оружие и ломая чужую личность. Но так, как он обошелся с чувствами Джека к Мэтью... От ярости у меня потемнело в глазах. Я сжала кулаки и до предела натянула нити. Моя магия угрожала выплеснуться наружу.

— Бенжамен не настолько хорошо меня знает, как ему кажется.

Гнев нарастал и в Мэтью. В гостинной острее запахло клеввером.

— Я бы открыто признал тебя своей родней и сделал бы это с гордостью даже в том случае, если бы между нами не существовало родства по вампирской крови.

Хаббарду стало не по себе. Он глядел то на Мэтью, то на Джека.

— И вы бы нарекли меня своим сыном, поклявшись на крови? — Джек недоверчиво повернулся к Мэтью. — Сделали бы то, что сделал Филипп с мистресс Ройдон... я хотел сказать, с Дианой?

У Мэтью чуть округлились глаза. Он кивнул, перебарывая новость. Оказывается, Филипп знал о его внуках, тогда как сам он даже не подозревал. Получалось, отец его обманул, если не сказать — предал.

— Приезжая в Лондон, Филипп всегда навещал меня, — рассказывал Джек, не замечая изменившегося лица Мэтью. — Он велел мне вслушиваться в его кровную клятву, поскольку она звучала громко. Филипп говорил, что я услышу мистресс Ройдон раньше, чем увижу. И вы, ми... Диана, оказались правы. Отец Мэтью действительно был громадным. Совсем как медведь императора Рудольфа.

— Раз ты встречался с моим отцом, то наверняка слышал кучу историй о моем отвратительном поведении.

У Мэтью задергалась жилка на подбородке. Гнев на предательство многовековой давности сменился горечью. Его зрачки сделались шире. Моим мужем снова начинал овладевать гнев.

— Нет, — возразил Джек, смущенный такими словами. — О вас Филипп отзывался только с восхищением. Он говорил, что вы научите меня не откликаться на призывы крови и не совершать поступков, на которые она меня толкает. — (Мэтью вздрогнул, словно его ударили.) — Благодаря Филиппу я становился

ближе к вам и мистресс Ройдон. И спокойнее. — Джек опять за-нервничал. — Последний раз мы виделись с Филиппом очень давно.

— Во время Второй мировой войны его захватили в плен. Обращались с ним... сам понимаешь. Это и стало причиной его смерти.

Версия Мэтью была тщательно выверенной полуправдой.

— Отец Хаббард говорил мне. Я даже рад, что Филипп не дожид и не увидел...

Дрожь, охватившая Джека, пронизала все его тело — от мозга костей до кожи лица и рук. Его глаза мгновенно почернели, наполнившись безграничным ужасом.

Страдания Джека значительно превосходили приступы бешенства крови, с которыми сражался Мэтью. У моего мужа спусковым крючком служили лишь гнев и ярость. Эмоциональный ряд Джека был шире.

— Все нормально. Успокойся.

Мэтью митом оказался возле Джека. Одна рука сомкнулась на шею юного вампира, другая коснулась щеки. Лоберо тыкался лапой в ногу Мэтью, словно прося: «Сделай что-нибудь».

— Не трогайте меня, когда я в этом состоянии! — прорычал Джек, пытаясь оттолкнуть Мэтью. С таким же успехом он мог бы отталкивать гору. — Вы сделаете только хуже.

— Щенок, неужели ты думаешь, что можешь мне приказывать? — Мэтью наморщил лоб. — Давай выкладывай все свои жуткие мысли. Потом легче станет.

Разрешение высказаться открыло в Джеке внутренние шлюзы, и оттуда хлынул поток жутких признаний.

— Бенжамен разыскал меня несколько лет назад. Заявил, что ждал меня. Прасоздатель обещал, что я увижу вас, но не раньше, чем докажу свою принадлежность к потомкам Мэтью де Клермона.

Галлоглас выругался. Глаза Джека переметнулись на него, а из горла послышалось рычание.

— Джек, смотри только на меня!

Это был приказ. Любая попытка воспротивиться вызоветстрое и суровое наказание. Тон Мэтью не оставлял сомнений, что так оно и будет. Мой муж занимался сейчас тяжелейшим делом, которое требовало виртуозного балансирования между безого-

ворочной любовью и непререкаемой властью. Динамика вампирской стаи отличалась непостоянством. Малейшее смещение мгновенно приводило к серьезным последствиям. Усугубленные бешенством крови, они могли стать смертельно опасными.

Джек подчинился. Его плечи слегка опустились.

— Что было потом? — спросил Мэтью.

— Я убивал. Снова и снова. Чем больше убивал, тем сильнее хотелось убивать. Чужая кровь питала не только меня. Она питала и бешенство крови во мне.

— Ты умница, что так быстро это понял, — похвалил Мэтью.

— Иногда я очухивался. В голове прояснялось. Я понимал, что творю жуткие вещи. Я пытался спасти теплокровных, но не мог. Я выпивал их кровь до последней капли, — признался Джек. — Двух своих жертв я превратил в вампиров. Бенжамен был доволен.

— Только двух? — спросил Мэтью, и по его лицу промелькнула тень.

— Бенжамен хотел, чтобы их было больше, но это требовало чрезмерного контроля. Как бы я ни старался, большинство из них умирало.

Почерневшие глаза Джека наполнились кровавыми слезами. Вокруг зрачков появилась красная кайма.

— Где происходили эти смерти?

Казалось, Мэтью спрашивает просто из любопытства. Но шестое чувство подсказывало мне: вопрос этот предельно важен для понимания трагедии Джека.

— Везде. Я не мог задерживаться на одном месте. Было слишком много крови. Я старался ускользать из поля зрения полиции и газет...

Джек содрогнулся всем телом.

«ВАМПИР РЫЩЕТ ПО ЛОНДОНУ». Мне вспомнился брошский газетный заголовок. Мэтью собирал вырезки об убийствах, совершенных вампирами в разных странах. Я опустила голову. Не хотелось показывать Джеку, что я знаю: он и есть убийца, разыскиваемый полицией европейских стран.

— Но сильнее всех пострадали живущие. — С каждым словом голос Джека делался глуше и отстраненнее. — Прасоздатель отнял у меня детей и сказал, что у него они получают настоящее воспитание.

— Бенжамен помыкал тобой. — Мэтью заглянул Джеку в глаза, пытаясь установить контакт.

Джек покачал головой:

— Создав детей, я нарушил клятву, данную отцу Хаббарду. Он говорил, что миру не нужны новые вампиры. Их тогда было достаточно. А если я почувствовал одиночество, мне есть о ком позаботиться. Вампиров, от которых отказались их семьи, хватало. Отец Хаббард просил меня только об одном: не создавать детей. Я же нарушал клятву, снова и снова. После случившегося я не мог вернуться в Лондон. Мои руки были по локоть в крови. Но и оставаться с прасоздателем я тоже не мог. Когда я сказал Бенжамену, что хочу его покинуть, он жутко разъярился и в отместку убил одного из моих детей. Сыновья Бенжамена держали меня, принуждая смотреть. — Джек подавил резкий звук, не дав тому вылететь из гортани. — А мою дочь... Мою дочь они...

Его вывернуло. Он попытался зажать рот, но было слишком поздно. Вместе со рвотной массой изо рта выплеснулась кровь, потекла по подбородку вниз, пропитывая черную футболку Джека. Громко залааяв, Лоберо прыгнул, упершись передними лапами в спину хозяина.

Я бросилась к Джеку.

— Диана! — заорал Галлоглас. — Тебе нельзя...

— Не указывай, что мне делать! — огрызнулась я. — Лучше дай полотенце.

Джек запатался и наверняка ударился бы об пол, но сильные руки Мэтью смягчили падение. Я опустилась на колени рядом с ним. Джека продолжало выворачивать. Галлоглас протянул мне полотенце. Я вытерла Джеку лицо и руки, перепачканные кровью. Вскоре полотенце стало мокрым от крови и невероятно холодным от лихорадочных попыток остановить кровотечение. От соприкосновения с таким обилием вампирской крови мои руки застыли и утратили ловкость.

— Должно быть, рвотные позывы повредили кровеносные сосуды в его животе и гортани, — сказал Мэтью. — Эндрю, принесите кувшин с водой и добавьте туда лед. Чем больше, тем лучше.

Хаббард сбегал на кухню и вскоре принес кувшин.

— Диана, подними Джеку голову, — велел Мэтью. — Эндрю, удерживайте его. Его тело жаждет крови. Он начнет бешено сопротивляться попыткам напоить его ледяной водой.

— Я могу чем-нибудь помочь? — угрюмо спросил Галлоглас.

— Вытри Лоберо лапы, пока пес не наследил по всему дому. Джеку не нужны напоминания о случившемся. — Мэтью сжал подбородок Джека. — Джек!

Остекленевшие глаза Джека обратились к Мэтью.

— Пей! — приказал Мэтью, приподнимая подбородок Джека на несколько дюймов.

Джек фыркал и пытался оттолкнуть Мэтью. Но Хаббард держал его мертвой хваткой, что позволило Мэтью перелить в горло Джека содержимое кувшина.

Вода вызвала икоту. Хаббард ослабил хватку.

— Так-то оно лучше, Джеки, — сказал Галлоглас.

Я откинула Джеку волосы с потного лба. Он согнулся, держась за вздымающийся живот.

— Я забрызгал вас кровью, — прошептал он.

Моя рубашка стала пятнистой.

— Ну забрызгал, — согласилась я. — Мне не привыкать к вампирской крови.

— Теперь тебе надо отдохнуть, — сказал ему Мэтью. — Ты утомлен.

— Я не хочу спать.

Внутри у него продолжало бурлить и klokотать. Резкими глотательными движениями Джек пытался не допустить повторения.

— Тише, — сказала я, массируя его шею. — Обещаю тебе: кошмарных снов не будет.

— Откуда такая уверенность? — спросил Джек.

— Магия.

Я начертила ему на лбу пятый узел и шепотом произнесла гравий:

— Зеркало сияет, чудовища трясутся, кошмары отгоняет, чтобы ему проснуться.

Глаза Джека начали закрываться. Он повернулся на бок, по-детски свернулся клубочком и уснул.

Я соткала второе заклинание — специально для Джека. Слова не требовались, поскольку этим заклинанием пользовалась только я. Нити вокруг Джека выглядели жутким спутанным клубком. Красный, черный, желтый. Других цветов не было. Я протянула к нему целительные зеленые нити, окружавшие меня. Добавила

белых. Они разрушали проклятия и способствовали новым начинаниям. Я сплела их и обвязала вокруг запястья Джека, укрепив косичку надежным узлом с шестью перекрестьями.

— Наверху пустует гостевая комната, — сказала я. — Уложим Джека там. Если он проснется раньше времени, Люберо и Корра сразу дадут нам знать.

— Вы не возражаете? — спросил у Хаббарда Мэтью.

— В том, что касается Джека, вам не требуется моего разрешения, — ответил Хаббард.

— Требуется, поскольку вы его отец, — возразил Мэтью.

— Я всего лишь его создатель, — тихо вздохнул Хаббард. — Его отец — вы, Мэтью. И всегда им были.

Глава 19

Мэтью отнес Джека на третий этаж, держа его так, словно нес ребенка. Лоберо и Корра сопровождали нас. Оба существа понимали, что от них требуется. Пока Мэтью стаскивал с Джека липкую от крови футболку, я рылась в гардеробе нашей спальни, пытаясь найти ему какую-нибудь одежду. При росте шесть футов Джек сильно уступал Мэтью в плечах. Я раскопала футболку, какие носили гребцы из команды Йельского университета. Я иногда спала в ней. Мне футболка была велика, а Джеку, пожалуй, в самый раз. Мэтью быстро нацепил ее на спящего Джека, просунув запрокинувшуюся голову в вырез. Мое заклинание держало юного вампира в состоянии глубокого сна.

Все происходило молча, не считая коротких слов исключительно по делу. Мы устроили Джека на кровати, укрыли одеялом. Лоберо наблюдал за каждым нашим движением. Корра устроилась на потолочном свстильнике, внимательно глядя немигающими глазами. Под весом драконихи абажур угрожающе согнулся.

Я провела по песочным волосам Джека, потрогала темное пятно на шее, затем приложила руку к сердцу. Даже во сне разум, тело и душа сражались за контроль над его личностью. Хаббард уверял нас, что внешне Джек навсегда сохранит облик двадцатидвухлетнего парня, но иногда мне казалось, что ему вдвое больше, настолько усталым выглядело его лицо.

За эти несколько лет Джек многое пережил. Стараниями Бенжамена даже слишком многое. Мне захотелось, чтобы этот безумец исчез с лица земли. Пальцы левой руки растопырились сами собой. Запястье пылало в том месте, где его опоясывал узел. Магия была не чем иным, как осуществленным желанием, и магическая сила в жилах отзывалась на невысказанное желание мести Бенжамену.

— Мы несли ответственность за Джека и подвели его. — Я произносила слова, не узнавая своего голоса. — И Энни тоже...

— Зато мы не подвели его в нашем времени. — Глаза Мэтью, как и мои, были полны гнева и печали. — Энни мы уже ничем не сможем помочь. Только молиться за упокой ее души.

Я кивнула, с трудом удерживая kloкочущие эмоции.

— Прими душ, ma lionne. А то прикосновение Хаббарда, кровь Джека...

Чужой запах на моей коже — для Мэтью это было невыносимо.

— Я побуду с ним, пока ты моешься. Потом мы спустимся вниз и поговорим с... моим внуком. — Два последних слова Мэтью произнес с заметным трудом, будто приучал язык их выговаривать.

Я сжала его руку, легко поцеловала Джека в лоб и отправилась в ванную в надежде смыть с себя все события сегодняшнего вечера.

Через полчаса мы спустились вниз и обнаружили Галлогласа и Хаббарда сидящими за простым сосновым обеденным столом. Они устроились друг против друга и вели поединок гневных взглядов, сопровождаемых рычанием. Я порадовалась, что Джек спит и не видит этой сцены.

Мэтью отпустил мою руку и пошел на кухню. Он принес бутылку газированной воды для меня и три бутылки вина. Расставив их, он вернулся за штопором и четырьмя стаканами.

— Может, ты и доводишься мне родственником, но я никогда не любил тебя, Хаббард. И сейчас не люблю.

Рычание Галлогласа поутихло, но этот звук будоражил меня даже сильнее. Таких звуков я не слышала ни у людей, ни у вампиров.

— Взаимно, — ответил Хаббард.

Он взгромоздил портфель на стол и оставил в пределах досягаемости.

Мэтью вонзил штопор в пробку бутылки, молча наблюдая за пикированием племянника и Хаббарда. Откупорив бутылку, он налил себе целый стакан и залпом выпил.

— Не годишься ты в родители, — сказал Галлоглас, прищурив глаза.

— А кто годится? — тут же спросил Хаббард.

— Довольно! — Мэтью не повышал голоса, но сама интонация...

У меня волосы на загривке стали дыбом. Галлоглас и Хаббард мгновенно замолчали.

— Скажите, Эндрю, бешенство крови всегда проявляется у Джека так? Или все усугубилось после сего встречи с Бенжаменом?

Хаббард откинулся на спинку стула и язвительно спросил:

— Вы хотите начать с этого?

— А как тогда насчет объяснений, почему вы сделали Джека вампиром, зная, что ему может передаться бешенство крови? — спросила я.

Вспыхнувший гнев выжел всю учтивость, с какой протекали наши прежние разговоры.

— Диана, не набрасывайтесь на меня, — ответил Хаббард. — Я дал ему право выбора, не говоря уже о шансе.

— Джек умирал от чумы! — крикнула я. — Состояние, в каком он находился, не позволяло ему принять ясное, осознанное решение. И потом, можно ли полагаться на решение ребенка?

— Вы забываете, что к моменту болезни Джеку было полных двадцать лет. По меркам того времени — взрослый мужчина. Не мальчишка, какого вы бросили на попечение лорда Нортумберленда. А известно вам, в каком аду он жил, напрасно ожидая вашего возвращения? — спросил Хаббард.

Вспомнив, что мы можем разбудить Джека, я понизила голос:

— Я оставила вам кучу денег. Этой суммы должно было хватить, чтобы уберечь и Джека, и Энни от любых превратностей судьбы. Я рассчитывала, что они будут жить, ни в чем не нуждаясь.

— Думаете, теплая постель и сытная еда могли исцелить разбитое сердце Джека? — От потусторонних глаз Хаббарда веяло холодом. — Целых *двенадцать лет* он каждый день искал вас. Двенадцать лет подряд он околачивался в гавани и встречал корабли из Европы, надеясь, что на одном из них увидит вас. Завидев иностранца, он принимался расспрашивать, не видели ли вас в Амстердаме, Любеке или Праге. Двенадцать лет он останавливал каждую женщину, в которой подозревал ведьму, и показывал ей собственноручно нарисованный портрет знаменитой колдуньи

Дианы Ройдон. Просто чудо, что за все эти годы королевское правосудие не схватило его и не упрятало в Тауэр! — (Я побледнела.) — У вас тоже был выбор, — напомнил мне Хаббард. — Если кого и винить в том, что Джек стал вампиром, так это вас с Мэтью. Мальчишка был вашим подопечным. Вы перебросили его на меня.

— Мы так не договаривались, и вы это знаете!

Слова сорвались с языка раньше, чем я сумела их удержать. Я в ужасе застыла. Это была еще одна тайна, о которой Мэтью не знал. Я надеялась, что она благополучно осталась в прошлом.

Галлоглас отреагировал удивленным шипением. Мэтью повернулся ко мне. Его глаза, словно льдинки, царапали мне кожу. В комнате установилась полная тишина.

— Галлоглас, мне нужно поговорить с женой и внуком. Наедине, — сказал Мэтью.

Упор, сделанный им на словах «жена» и «внук», был едва заметным, но вполне ощутимым для вампира.

Галлоглас встал, не скрывая своего недовольства:

— Пойду наверх, к Джеку.

Мэтью покачал головой:

— Возвращайся домой и жди Мириам. Когда Эндрю и Джек будут готовы отправиться к вам, я позвоню.

— Джек останется здесь, — сказала я, вновь повышая голос. — С нами. Это его дом.

Взгляд Мэтью, брошенный на меня, остановил все дальнейшие слова. В XVI веке не было места для принцев эпохи Возрождения. Год назад я бы бурно возмутилась подобному своеволию. Сейчас я понимала, насколько тонка нить управления, за которую держался мой муж.

— Я не останусь под одной крышей с де Клермоном. Особенно с ним, — заявил Хаббард, кивая на Галлогласа.

— Вы забываете, Эндрю, что сами являетесь де Клермоном. И Джек тоже, — напомнил ему Мэтью.

— Я никогда не был де Клермоном! — зло бросил Хаббард.

— Вкусив однажды кровь Бенжамена, вы не могли стать кем-то иным. — Голос Мэтью зазвучал резче. — В нашей семье вы делаете то, что говорю я.

— В семье? — фыркнул Хаббард. — Когда-то вы были частью стаи Филиппа, а нынче подчиняетесь Болдуину. Своей семьи у вас нет.

— Да. Пока подчиняюсь. — Мэтью недовольно скривил губы. — Галлоглас, тебе пора.

— Что ж, Мэтью, на этот раз я тебе позволю меня выгнать, но далеко не уйду. И если почувую, что здесь вспыхнула новая заварушка, обязательно вернусь, и плевать мне на вампирский закон и порядок. — Галлоглас встал и, подойдя ко мне, поцеловал в щеку. — Тетушка, кликни меня, если понадобится.

Мэтью подождал, пока за Галлогласом не закроется дверь.

— Итак, Эндрю, что за сделку... или договор вы заключали с моей женой?

— Мэтью, это моя вина. Я пришла к Хаббарду... — начала я, желая исповедоваться и закрыть всплывшую тему.

Мэтью так хватил кулаком по столу, что тот задрожал:

— Я задал вопрос. Извольте отвечать, Эндрю!

— Я согласился защищать всех, кто принадлежал Диане. Даже вас.

В этом отношении он был де Клермоном до мозга костей и выдавал только требуемые сведения. Ни одного лишнего слова.

— А взамен? — резко спросил Мэтью. — Вы бы не стали приносить подобную клятву, не рассчитывая получить нечто столь же ценное.

— Ваша жена... ваша истинная пара дала мне капельку крови. Всего одну, — с нескрываемым недовольством ответил Хаббард.

Я обманула его, соблюдая букву договоренности, но никак не дух. Думаю, Эндрю Хаббард разгадал мою уловку.

— А вступая в сделку, вы знали, что я ваш дед? — спросил Мэтью.

Знал, не знал — какая разница? Я не понимала, почему Мэтью это так важно.

— Да, — ответил Эндрю, слегка позеленев.

Мэтью схватил его за плечи и через стол притянул к себе. Дед и внук оказались нос к носу.

— И что вы сумели узнать, получив одну кашельку крови?

— Только настоящую фамилию Дианы — Бишоп. И больше ничего. Клянусь! Ведьма своей магией оградила доступ к чему-либо еще.

В устах Хаббарда слово «ведьма» приобрело оттенок чего-то грязного и непристойного.

— Впредь, Эндрю, никогда не пытайтесь воспользоваться защитными инстинктами моей жены. А если посмеете — голову

оторву! — Мэтью еще сильнее славил ему плечи. — Зная о вашей похотливости, ни один вампир не посмеет меня упрекнуть.

— Мне нет дела до того, чем вы оба занимаетесь за дверями спальни, хотя другим это было бы любопытно. Беременность Дианы незаметна разве что слепым, и весь мужской запах на ней принадлежит вам. — Хаббард неодобрительно скривил губы.

Теперь я поняла смысл недавнего вопроса Мэтью. Хаббард вполне осознанно потребовал у меня каплю крови. Он попытался заглянуть в мои мысли и воспоминания. По вампирским понятиям это было равнозначно подглядыванию за дедом и бабушкой, когда они занимаются сексом. Я сумела замедлить движение крови, отчего Хаббард получил всего одну каплю. В противном случае он бы залез в личную жизнь каждого из нас и узнал бы тайны Мэтью и мои. Я певольно закрыла глаза, с ужасом представив, к каким бы бедам это привело.

Течение пугающих мыслей нарушил звук, донесшийся из портфеля Эндрю. Нечто подобное я слышала на лекциях, когда у кого-то из студентов внезапно оживал мобильник.

— Вы не выключили громкую связь на своем мобильнике, — сказала я, пытаясь расслышать бормотание. — Вам кто-то оставляет голосовое сообщение.

Мэтью и Эндрю нахмурились.

— Я ничего не слышу, — признался Мэтью.

— И у меня нет мобильного телефона, — добавил Хаббард.

— Тогда откуда эти звуки? — Я вертела головой по сторонам. — Радио кто-то включил, что ли?

— У меня в портфеле лежит всего одна вещь. — Хаббард щелкнул медными застежками, полез внутрь и...

Странный «разговор» стал громче. В меня ударила магическая сила. Все чувства обострились. Пити, связывающие мир, вдруг возбужденно загудели. Они скручивались и изгибались, заполняя пространство между мной и листом веленового пергамента в руках Эндрю Хаббарда. Моя кровь отозвалась на слабый зов магии, исходящий от листа из Книги Жизни. Запястья стали горячими. Комната наполнилась знакомым запахом плесени и старины.

Хаббард повернул лист лицом ко мне, но я уже знала, что увижу. Двух алхимических драконов, переплетенных между собой. Кровь из их ран, падающую в чашу, откуда поднимались бледные обнаженные человеческие фигуры. Рисунок изображал стадию

алхимического процесса после свадьбы королевы-луны и короля-солнца: *conceptio*¹. В результате союза противоположностей: мужского и женского, света и тьмы, солнца и луны... появилась новая могущественная субстанция.

Я неделями искала в Бейнеке следы листов, вырванных из «Ашмола-782», а один из них пожаловал ко мне прямо в дом, обьившись за обеденным столом.

— Это прислал мне Эдвард Келли осенью после вашего отъезда. Он просил не выпускать лист из поля зрения, — сказал Хаббард, подавая мне пергамент.

Мы лишь мельком видели рисунок во дворце Рудольфа. Впоследствии мы с Мэтью строили предположения. Нас интересовало, кем могли быть алхимические драконы. Внешне они были похожи на мою огнедышащую дракониху и уробороса. У одного были две лапы и крылья, второй выглядел похожим на змею, кусающую собственный хвост. Почувяв собрата, уроборос на моем запыстье зашевелился и засиял. Рисунок тянул к себе и завораживал. Сейчас, когда меня никто не торопил, я вглядывалась в детали. Драконы смотрели друг на друга с нескрываемым восторгом. То же удивление было на лицах их потомства, поднимающегося из чаши, где оно родилось. Два могущественных существа находились в состоянии сверхъестественного равновесия.

— Джек стал хранителем этого рисунка. Чума, пожар, война — парень берег его как зеницу ока. Он говорил, что рисунок принадлежит вам, мистресс Ройдон, — сказал Хаббард, прервав мой благоговейный транс.

— Мне? — Я коснулась уголка велени, и кто-то из близнецов сильно ударил меня ножкой в живот. — Нет. Рисунок принадлежит нам всем.

— Однако только у вас установилась с ним особая связь. Вы — единственная, кто услышал его слова, — сказал Эндрю. — Когда-то давно один колдун из моих подопечных решил, что этот лист — из книги первых заклинаний, составленных ведьмами. А старый вампир, объявившийся в Лондоне, говорил, будто лист взят из Книги Жизни. Молю Господа, чтобы оба мнения оказались неверными.

— Что вам известно о Книге Жизни? — громовым голосом спросил Мэтью.

¹ Зачатие (лат.).

— Только то, что ее жаждет заполучить Бенжамен. Так он говорил Джеку. Но об этой книге я слышал от своего создателя и раньше. Бенжамен разыскивал ее в Оксфорде, причем давно, еще до моего превращения в вампира.

Получалось, Бенжамен вел поиски книги с середины XIV века. Гораздо дольше, чем Мэтью.

— Мой создатель полагал, что сумеет найти книгу в библиотеке некоего оксфордского чародея. Бенжамен даже сделал ему подарок в обмен на книгу: медную голову, способную пророчествовать. — Лицо Хаббарда погрузстнело. — Всегда печально видеть, когда мудрые личности так подвержены предрассудкам. А ведь Господь говорил: «Не обращайтесь к идолам и богов литых не делайте себе»¹.

Ходили слухи, что у Герберта из Орильяка был такой медный оракул. А в Конгрегации сильнее всех «Ашмолем-782» интересовался Питер Нокс. Вдруг Герберт все эти годы действовал рука об руку с Бенжаменом? Вдруг это он обратился за помощью к Питеру Ноксу?

— Оксфордский колдун подарок принял, но книгу так и не отдал, — продолжал Хаббард. — И десятилетия спустя мой создатель проклинал его за двуличность. Имени колдуна я так и не узнал.

— Скорее всего, им был Роджер Бэкон: алхимик, философ и колдун, — сказал Мэтью, глядя на меня.

Когда-то Бэкон владел Книгой Жизни, называя ее «тайной тайн».

— Алхимия — одно из многих нечестивых занятий ведьм и колдунов, — пренебрежительно заметил Хаббард и тут же с беспокойством добавил: — Мои дети сообщили, что Бенжамен вернулся в Англию.

— Так оно и есть. Бенжамен следил за моей лабораторией в Оксфорде.

Мэтью и словом не обмолвился, что Книга Жизни сейчас находилась в нескольких кварталах от той самой лаборатории. Согласно вампирской родословной, Хаббард считался внуком Мэтью, однако между родством и доверием не было знака равенства.

— Если Бенжамен в Англии, как мы уберем Джека от его когтей? — спросила я, ощутив ту же тревогу, что и Хаббард.

¹ Левит 19: 4.

— Джек вернется в Лондон. Там моего создателя жалуют не больше, чем вас, Мэтью. — Хаббард встал. — Пока Джек со мной, он в безопасности.

— От гнусностей Бенжамена не застрахован никто. Джек в Лондон не вернется. И вы, Эндрю, тоже. Во всяком случае, в ближайшее время. — В голосе Мэтью вновь появились повелительные интонации.

— Мы замечательно жили без вашего вмешательства, — ответил Хаббард. — Поздновато вам захотелось управлять своими детьми на манер древнеримского отца.

— Римская патриархальная семья. Замечательная традиция. — Мэтью привалился к спинке стула, сжимая в руке стакан; сейчас он напоминал уже не принца, а короля. — Вы только представьте. Мужчина получает власть над жизнью и смертью жены, детей, слуг и всех, кого он принял в свою семью. Даже близких родственников, чьи отцы оставляют желать лучшего. Мне это чем-то напоминает ваших лондонских чад.

Мэтью сделал несколько глотков. С каждой секундой Хаббард чувствовал себя все неудобнее.

— Мои дети подчиняются мне добровольно, — наконец буркнул он. — Они почитают меня, как и положено всяким Божьим детям.

— Какой же вы идеалист! — с легкой издевкой произнес Мэтью. — Вам ведь известно, кто придумал патриархальные семьи.

— Я уже говорил кто. Римляне! — резко проговорил Хаббард. — Я достаточно образован, вопреки вашим сомнениям на этот счет.

— Римскую патриархальную семью придумал Филипп. — Глаза Мэтью блеснули, как после удачной шутки. — Филипп считал, что изнеженному и распущенному римскому обществу пойдет на пользу здоровая доза вампирской семейной дисциплины. Он напомнил римлянам о важности фигуры отца.

— Филипп де Клермон был виновен в грехе гордыни. Единственный истинный Отец — это Бог. Вы же христианин, Мэтью. Мы не можете не согласиться. — Хаббард говорил с жаром истинно верующего.

— Возможно, — ответил Мэтью, словно всерьез раздумывая над доводами своего вампирского внука. — Но пока Бог не призвал нас к себе, главой буду я. Нравится вам, Эндрю, или нет,

в глазах других вампиров я являюсь вашим патриархом, главой вашего клана, вашим альфа-самцом. Называйте, как вам угодно. И по вампирскому закону все ваши дети, включая Джека и тех, кого вы усыновили и удочерили, — все эти демоны, ведьмы и вампиры... они мои.

— Нет, — покачал головой Хаббард. — Я никогда и никоим образом не хотел принадлежать к семье де Клермон.

— Вапи «хочу» и «не хочу» уже не имеют значения. — Мэтью поставил стакан на стол и взял меня за руку.

— Чтобы требовать от меня верности, вам придется признать Бенжамена — моего создателя — своим сыном. А вы этого *никогда* не сделаете, — заявил Хаббард, начинавший терять самообладание. — Будучи нынешним главой де Клермонов, Болдуин очень серьезно относится к чести семьи и занимаемому ею положению. Учитывая проклятие, обитающее в вашей крови, он не позволит вам отпочковаться.

Мэтью не успел ответить на вызов Эндрю. Раздался предостерегающий крик Корры. Догадавшись, что Джек проснулся, я встала, собираясь подняться наверх. Я помнила, как в детстве он пулся незнакомых помещений.

— Оставайся здесь! — велел Мэтью, сильнее сжав мою руку.

— Джек нуждается во мне! — возразила я.

— Джек нуждается в сильной руке и твердых рамках, — мягко, но властно сказал Мэтью. — Он знает, что ты его любишь. Его захлестнут сильные чувства, а сейчас он вряд ли с ними справится.

— Я ему верю. — Мой голос дрожал от гнева и душевной боли.

— А я — нет, — жестко заявил Мэтью. — И не только гнев пробуждает в нем бешенство крови. Любовь и верность — тоже.

— Мне что же, игнорировать его? И не проси.

Когда же он выйдет из роли патриархального римлянина и поведет себя, как надлежит настоящему отцу?

— Прости, Диана. — В глазах Мэтью мелькнула тень, которую я считала ушедшей навсегда. — Я вынужден поставить потребности Джека на первое место.

— Какие потребности?

Джек успел не только проснуться, но и спуститься вниз. Он зевал. Волосы торчали во все стороны. Лоберо протиснулся мимо хозяина и побегал прямо к Мэтью, рассчитывая на похвалу за добросовестную работу.

— Тебе необходимо охотиться. Увы, луна сегодня слишком яркая, и даже я не могу управлять небесами. — Ложь лилась с языка Мэтью как мед; почесав Лоберо за ушами, он добавил: — Мы все отправимся: ты, я, твой отец и даже Галлоглас. Лоберо тоже может пойти с нами.

— Я не голоден, — морща нос, сказал Джек.

— Тогда не кормись. Но тебе надо поохотиться. Будь готов к полуночи. Я найду за тобой.

— Зайдете за мной? — Джек растерянно посмотрел на меня, затем на Хаббарда. — Я думал, мы останемся здесь.

— Ты пойдешь туда, где живут Галлоглас и Мириам. Это в двух шагах отсюда. Эндрю пойдет с тобой. Видишь ли, этот дом недостаточно велик, чтобы в нем поместились ведьма и три вампира. Мы существа ночные, а Диане и малышам надо спать.

Джек с завистью посмотрел на мой живот:

— Я всегда хотел маленького братика.

— Не исключено, что вместо братика получишь двух сестреночек, — усмехнулся Мэтью.

Моя рука инстинктивно опустилась на живот. Кто-то из близнецов снова заявил о себе. С момента появления Джека они стали вести себя гораздо активнее.

— Они уже шевелятся? — с детским изумлением спросил Джек. — Можно их потрогать?

Я посмотрела на Мэтью. Джек — тоже.

— Я покажу, как это делается. — Мэтью говорил вполне дружелюбно, но его глаза оставались жесткими и напряженными. Взяв руку Джека, Мэтью приложил ее к моему животу, выбрав место сбоку.

— Я ничего не ощущаю, — признался Джек, сосредоточенно морща лоб.

Через мгновение я ощутила невероятно сильный толчок, а вслед за ним острый локоток ударил мне в стенку матки.

— Ого! — Лицо Джека находилось в нескольких дюймах от моего, глаза восторженно сияли. — Неужели они целый день вас так дубасят?

— Теперь все чаще.

Мне хотелось пригладить Джеку волосы. Хотелось обнять его и пообещать, что впредь больше никто не сделает ему больно. Но я не могла проявить симпатию.

Уловив мои материнские чувства, Мэтью отвел руку Джека. Джек перестал улыбаться. Его это обидело. Злясь на опеку Мэтью, я потянулась к руке Джека, но Мэтью обнял меня за талию и притянул к себе. Внешне безобидный, этот жест показывал, кому я принадлежу.

Глаза Джека почернели.

Хаббард хотел было вмешаться, но Мэтью взглядом притворился, что сидит на стуле.

За считанные секунды глаза Джека вновь обрели их обычный цвет. Когда они стали карими с зеленым отливом, Мэтью одобрительно улыбнулся:

— Твое инстинктивное желание защитить Диану вполне правильное. А вот в том, что ты сможешь защитить ее от меня, ты ошибаешься.

— Простите, Мэтью, — прошептал Джек. — Это не повторится.

— Извинение принимается. Но вынужден тебя огорчить: это повторится. Умение контролировать твою болезнь — дело нелегкое и небыстрое... Пожелай Диане спокойной ночи. Можешь даже ее поцеловать. А потом — в жилище Галлогласа. Он обитает в бывшей церкви за углом. Ты почувствуешь себя как дома.

— Вы слышали, отец Х.? — спросил Джек, улыбаясь во весь рот. — Может, и у него на колокольне живут летучие мыши.

— Для меня летучие мыши уже не проблема, — уныло ответил ему Хаббард.

— Отец Х. так и живет в церкви, — сообщил нам Джек, все более оживляясь. — Но не в той, где вы бывали. Та сгорела дотла. В общем-то, и эта больше похожа на развалины.

Я засмеялась. Помнится, Джек обожал рассказывать истории. У него был несомненный талант рассказчика.

— Сейчас осталась одна башня. Отец Х. так замечательно ее замаскировал, что внешне она выглядит как шаткое строение, куда лучше не соваться.

Джек улыбнулся Хаббарду и по-мальчишески чмокнул меня в щеку. Удивительно, с какой скоростью он переходил от бешенства крови к состоянию беззаботного счастья. Джек выскочил на лестницу, готовый понестись вниз.

— Идем, Лоберо. Поборемся с Галлогласом.

— Не забудь: ровно в полночь! — крикнул вдогонку Мэтью. — Приготовься заранее. И не дерзи Мириам. Иначе она заставит тебя пожалеть о твоём вампирском рождении.

— Не беспокойтесь. Мне постоянно попадаются женщины с тяжелым характером. Я привык.

Лоберо возбужденно тявкал и бегал вокруг хозяйских ног, побуждая Джека скорее выйти из дому.

— Сохраните этот рисунок, мистресс Ройдон. Если Мэтью и Бенжамен жаждут им обладать, я хочу удалиться от него на максимальное расстояние, — сказал Эндрю.

— Очень щедро с вашей стороны, Эндрю. — Рука Мэтью вдруг сомкнулась на горле внука. — Оставайтесь в Нью-Хейвене, пока я не разрешу уехать.

Их глаза схлестнулись: глаза цвета сланца и серо-зеленые. Эндрю первым отвел взгляд.

— Идемте же, отец Х.! — крикнул снизу Джек. — Я хочу скорее увидеть церковь Галлогласа, а Лоберо нужно прогуляться.

— До полуночи, Эндрю.

Слова Мэтью были дружескими и даже сердечными, но в них ощущалось предупреждение.

Дверь закрылась. Лай Лоберо начал стихать, а когда стих окончательно, я накинулась на Мэтью:

— Как ты мог...

Он сидел, обхватив голову. Все слова, рвавшиеся из меня наружу, исчезли. Пылающий гнев стал медленно остывать. Мэтью поднял голову. Его лицо было истерзано душевной болью и чувством вины.

— Джек... Бенжамен... — Мэтью содрогнулся всем телом. — Боже, помоги мне! Что же я наделал?

Глава 20

Мэтью сидел в расшатанном кресле напротив кровати, где спала Диана. Он просматривал результаты проведенных испытаний. Лист за листом. Ничего убедительного. Никаких зацепок для внутреннего совещания, где они с Крисом намеревались пересмотреть стратегию исследований. Вспыхнувший дисплей мобильного заставил Мэтью отложить бумаги. Поздновато для звонков.

Стараясь не разбудить жену, Мэтью тихо выскользнул из комнаты и спустился в кухню, где мог говорить, не рискуя быть подслушанным.

— Тебе нужно прийти, — слышался негромкий угрюмый голос Галлогласа. — Безотлагательно.

В кожу Мэтью впились тысячи тоненьких иголок. Он поднял глаза к потолку, словно умел видеть сквозь штукатурку и половицы. Его первым побуждением всегда было защищать Диану, даже если опасность не угрожала непосредственно ей.

— Тетушку оставь дома, — сразу же добавил Галлоглас, будто и он умел видеть на расстоянии. — Мириам пошла к вам.

Галлоглас отключился. Мэтью смотрел на дисплей мобильного. В этих ярких, веселых красках была какая-то фальшь. Особенно сейчас, глубокой ночью и на фоне случившегося. Через несколько секунд дисплей погас, став черным.

Скрипнула входная дверь. Мэтью бросился Мириам навстречу. Пригляделся. Слава богу, на ней не было ни капли крови! Однако глаза Мириам были широко распахнуты, а на лице застыл испуг. Его давнюю соратницу и коллегу по исследовательской работе едва ли что-то могло напугать. И все же напугало. Мэтью выругался.

— Что случилось? — спросила Диана с площадки третьего этажа; ее медные волосы вобрали весь неяркий свет, какой горел в это время. — Что-то с Джеком?

Мэтью кивнул. Иначе Галлоглас не позвонил бы.

— Я сейчас. — Диана развернулась, чтобы подняться наверх и одеться.

— Нет, Диана, — тихо сказала ей Мириам.

Диана застыла на месте, вцепившись в перила. Затем повернулась, встретившись глазами с Мириам.

— Он м-мертв? — оцепенело прошептала Диана.

Через мгновенье Мэтью уже стоял рядом с ней:

— Нет, топ соеиг. Он жив.

Мэтью знал: больше всего Диана боялась, что кто-то, кого она любит, уйдет из жизни, а она не успеет должным образом проститься. Но происходящее в доме на Вустер-сквер отчасти было страшнее смерти.

— Побудь с Мириам, — сказал Мэтью, целуя жену в одеревеневшие губы. — Я скоро вернусь.

— Он же так замечательно себя вел, — вздохнула Диана.

За неделю, проведенную Джеком в Нью-Хейвене, приступы бешенства крови повторялись все реже и не с такой силой. Мэтью поставил его в строгие рамки. Джек и сам понимал, чего от него ждут.

— Мы знали о неизбежности откатов назад, — сказал Мэтью, поправляя Диане шелковистую прядку. — Теперь ты, конечно, не заснешь, но хотя бы постарайся отдохнуть.

Мэтью беспокоило, что Диана будет ходить из угла в угол и смотреть в окно, ожидая его возвращения и новостей.

— Пока ждешь, можешь почитать. — Мириам достала из сумки толстую пачку листов. Она пыталась говорить в своей привычной суховато-деловой манере, но горьковато-сладкий запах гальбанума и граната был намного сильнее. — Здесь все, о чем ты просила. Я добавила еще несколько статей. Возможно, они тебя заинтересуют. Все исследования Мэтью о волках, а также классические материалы о воспитании волчат и поведении стаи. Для современных родителей-вампиров это примерно то же, что доктор Спок для теплокровных.

Мэтью удивленно повернулся к жене. Диана заинтересовалась волками. Покраснев, она взяла у Мириам статьи:

— Мне нужно понять особенности вампирской семьи... Иди, не задерживайся. Передай Джеку, что я его люблю... Если сможешь, — добавила она дрогнувшим голосом.

Мэтью молча сжал ее руку. Он не хотел давать никаких обещаний на этот счет. Джеку надлежит понять: общение с Дианой зависит от его поведения и одобрения со стороны Мэтью.

— Подготовься, — шепнула Мириам, когда Мэтью проходил мимо. — Мне ровным счетом плевать, что Бенжамен — твой сын. Если после всего, что ты увидишь, ты не убьешь Бенжамсена, я это сделаю сама.

Невзирая на поздний час, свет горел не только в доме Галлогласа. Такова особенность университетских городов, к числу которых принадлежал и Нью-Хейвен. Большинство «сов» на Вустер-сквер словно ждали, что к ним заглянут на огонек. Они работали с отдернутыми шторами и поднятыми жалюзи. В отличие от них, все окна вампирского жилища были плотно зашторены. О том, что внутри не спят, можно было догадаться лишь по узким полоскам золотистого света, пробивавшимся по краям окон.

Свет в доме Галлогласа был мягким и уютным. Хозяин обходился минимумом личных вещей. Мебели тоже было немного: в основном из эпохи датского модерна, с редкими вкраплениями антиквариата и каких-нибудь ярких штучек. На полу валялась одна из наиболее дорогих сердцу Галлогласа реликвий — красный потрепанный флаг британского торгового флота. В XVIII веке они с Дэви Ханкоком сняли этот флаг со своего любимого торгового судна «Граф Пемброк». Затем корабль подвергся переделке и был переименован в «Индевор».

Мэтью потянул носом. В доме резко пахло чем-то горьким, такой запах напоминал Диане запах тлеющих углей. Играла негромкая музыка — баховские «Страсти по Матфею». Под эту ораторию Бенжамен истязал плененную ведьму. Мэтью почувствовал, как его живот завязывается тугим узлом.

Он прошел в гостиную. Увиденное сразу же заставило его остановиться и замереть. Вплоть до сегодняшней ночи стены гостиной имели цвет холста, на каком художники пишут картины. Теперь они превратились в черные и серые фрески. Джек использовал все пространство, не оставляя ни квадратного дюйма просвета. Он стоял на самодельном помосте, сооруженном из мебели, держа в руке мягкий угольный карандаш. Пол был усеян огрызками карандашей и клочьями бумажных оберток, которые Джек срывал, хватаясь за очередное орудие творчества.

Мэтью обвел глазами стены. Тщательно прорисованные пейзажи, растения и животные, изображенные с почти микроскопической точностью, выразительные портреты. Все они были нарисованы с завораживающим мастерством, однако противоречили законам художественной логики. В целом эти графические фрески поражали странной красотой и ощутимым диссонансом, словно мастер Антонис Ван Дейк взялся за произведение уровня «Герники» Пикассо.

— Боже мой! — прошептал Мэтью, инстинктивно перекрестившись.

— Два часа назад у Джека закончилась бумага, — мрачно пояснил Галлоглас, указав на несколько мольбертов возле фасадного окна.

К каждому был прикреплен лист с рисунком. Груды листов, в которых утопали треножники мольбертов, показывали, сколько Джек успел нарисовать, пока не израсходовал все листы.

— Привет, Мэтью.

Из кухни вышел Крис с большой кружкой черного кофе. Судя по аромату, кофейные зерна были им собственноручно обжарены и смолоты. Вполне домашний запах смешивался с угольной горечью, исходящей от Джека.

— Крис, сейчас этот дом — неподходящее место для тепловых, — сказал Мэтью, продолжая настороженно следить за Джеком.

— Я обещал Мириам, что останусь. — Крис опустился в обшарпанное плетеное кресло, поставив кружку на широкий подлокотник, и сиденье под его могучей фигурой за скрипело, как снасти парусного судна. — Значит, Джек — один из ваших правнуков?

— Крис, давайте не сейчас. Где Эндрю? — спросил Мэтью, прежде чем не сводя глаз с Джека.

— Пошел наверх за очередной коробкой карандашей.

Крис глотнул кофе. Он всматривался в контуры рисунка, рожденного сейчас под рукой Джека: обнаженная женщина, мучимая болью. Ее голова запрокинута.

— Уж лучше бы он снова взялся рисовать нарциссы, — проворчал Крис.

Мэтью провел по губам, надеясь удалить кислоту, которую желудок погнал наверх. Слава богу, что Диана осталась дома. Джек потом не посмел бы посмотреть ей в глаза.

Вернулся Хаббард. Коробку он поставил на одну из ступеней стремянки, где сейчас балансировал Джек. Целиком поглощенный работой, Джек даже не отреагировал на появление Хаббарда. Едва ли он заметил и приход Мэтью.

— Нужно было позвонить мне раньше, — сказал Мэтью нарочито спокойным тоном.

Он думал, что Джек его не услышит, но юный вампир повернул к нему свои остекленевшие, невидящие глаза. Бешенство крови отозвалось на напряжение, разлитое в воздухе.

— У Джека такое случалось и раньше, — сказал Хаббард. — Он рисовал на стенах своей комнаты и стенах церковного подвала. Но еще никогда он не делал столько рисунков и с такой скоростью. И никогда не изображал... его.

На одной из стен были нарисованы глаза, нос и рот Бенжамена, заполнившие собой все пространство стены. Глаза взирали на Джека с алчностью и злобой. От них веяло непередаваемой жестокостью. Джек не нарисовал все лицо, отчего изображенное выглядело более зловещим.

Сейчас Джек находился в нескольких футах от портрета Бенжамена, заполняя последний свободный участок стены. Мэтью понял, что его первое суждение было ошибочным. Рисунки Джека подчинялись определенной логике. Он изображал хропикку событий начиная со своего человеческого детства и вплоть до сегодняшнего дня. Рисунки на мольбертах были отправной точкой жутковатой летописи.

Мэтью присмотрелся к ним. На каждом было то, что художники называют наброском: отдельный фрагмент более крупной сцены, помогающий разобраться в сложностях перспективы или композиции. На первом листе Джек нарисовал человеческую руку. Ее грубая, потрескавшаяся кожа говорила о жизни в бедности и тяжелом физическом труде. Со второго мольберта смотрел рот с жестокими изогнутыми губами. Во рту не доставало зубов. На третьем была нарисована шпуровка старинных мужских штанов и палец, готовый ее подцепить и распустить. Четвертый и последний рисунок изображал нож, приставленный к выпирающей тазобедренной кости какого-то мальчишки. Острые лезвия успешно пропороть кожу.

Под звуки «Страстей по Матфею» Мэтью мысленно соединил все рисунки: руку, рот, штаны и нож. Перед глазами мелькнула отвратительная сцена издевательства. Мэтью выругался.

— Одно из самых ранних воспоминаний Джека, — пояснил Хаббард.

Рисунки напомнили Мэтью его первую встречу с Джеком. Не вмещаясь тогда Диана, он бы мечом отхватил мальчишке ухо. Для Джека он был еще одним взрослым, у которого ни капли страдания и который скор на расправу.

— Если бы не живопись и музыка, Джек уничтожил бы себя. Мы часто благодарили Бога за подарок Филиппа.

Эндрю указал на стоявшую в углу виолончель.

Едва увидев характерные очертания инструмента, Мэтью узнал ее. Помнится, они с синьором Монтаньяной — венецианским скрипичным мастером — в шутку окрестили виолончель «графиней Мальборо» за ее по-женски щедрые, но элегантные формы. Мэтью выучился играть на «графине» в эпоху, когда скрипки, альты и виолончели начали вытеснять лютни. Пока он находился в Новом Орлеане, воюя с оравой детей Маркуса, «графиня» таинственным образом исчезла. На вопрос, куда пропала виолончель, Филипп пожал плечами и заговорил о Наполеоне и англичанах, так и не дав ясного ответа.

— Джек, когда рисует, всегда слушает Баха? — задумчиво спросил Мэтью.

— Он предпочитает Бетховена. Баха Джек начал слушать... словом, вы понимаете когда. — Рот Хаббарда непроизвольно скривился.

— Быть может, его рисунки помогут нам найти Бенжамена, — сказал Галлоглас.

Мэтью еще раз оглядел сцены. Целая вереница мест и лиц, где каждое могло оказаться важной зацепкой.

— Крис уже сделал снимки, — сообщил Галлоглас.

— И видео, — добавил Крис. — Когда Джек начал рисовать... его.

Крис тоже избегал произносить имя Бенжамена и просто махнул туда, где Джек продолжал рисовать. Нет, он не только рисовал. Мэтью услышал едва различимое бормотание и поднял руку, требуя тишины.

... «Вся королевская конница и вся королевская рать / Напрасно пытались, напрасно старались бедного Джека собрать».

Он вздрогнул и отшвырнул огрызок угольного карандаша, который уже было не ухватить пальцами. Эндрю подал ему новый,

и Джек принялся за другой набросок мужской руки. Эта была протянута с мольбой.

— Слава богу, он приближается к концу приступа. — Плечи Хаббарда немного распрямились. — Вскоре Джек вернется в нормальное состояние.

Мэтью решил воспользоваться моментом. Он тихо подошел к виолончели, взял инструмент за гриф и поднял с пола смычок, небрежно брошенный Джеком, потом присел на краешек стула и принялся настраивать виолончель. Певучий голос инструмента был слышен даже на фоне гремящих пассажей оратории Баха, изливающейся из колонок на книжной полке.

— Выключи музыку, — сказал он Галлогласу.

Мэтью еще раз подкрутил колки, проверяя настройку, затем начал играть. Несколько секунд виолончель соперничала с хором и оркестром. Потом знаменитая оратория Иоганна Себастьяна Баха смолкла. Возникшую пустоту Мэтью заполнил своей музыкой. Она была своеобразным мостиком между виртуозными пассажами «Страстей» и другой музыкой, которая поможет Джеку вернуть душевное спокойствие. Мэтью очень на это надеялся.

Мысленно перебрав, что играть, Мэтью остановился на «Lacrimosa» из «Реквиема» Иоганна Христиана Баха. Смена музыки удивила и несколько ошеломила Джека. Рука с карандашом замерла у стены. Звуки виолончели текли сквозь Джека, омывая ему душу. Дыхание юного вампира замедлялось. Когда он снова стал рисовать, на стене вместо наброска еще одной страдающей жертвы появились контуры Вестминстерского аббатства.

Мэтью играл, склонив голову, как при молитве. По замыслу композитора хор должен был петь по-латыни заупокойную мессу. Восполняя этот пробел, Мэтью старался, чтобы скорбные звуки виолончели походили на человеческие голоса.

«Lacrimosa dies illa, — пела виолончель Мэтью. — Полон слез тот день, / Когда восстанет из праха, / Чтобы быть осужденным, человек. / Так пощади его, Боже». Мэтью играл и молился, вкладывая в движения смычка свою веру и душевную боль.

Завершив «Lacrimosa», Мэтью перешел к бетховенской сонате № 1 фа мажор для виолончели и фортепиано. Он надеялся, что Джек достаточно хорошо знает это произведение и представляет, как оно должно звучать в исполнении оркестра.

Временное безумие, овладевшее Джеком, слабело и отступало, однако Мэтью знал: полное освобождение пока не наступило.

На стене не хватало еще одного изображения.

Желая немного подтолкнуть Джека в нужном направлении, Мэтью заиграл одно из своих любимых произведений — вдохновляющий «Реквием» Форе. Задолго до встречи с Дианой он часто ходил в Новый колледж — послушать хор, исполняющий «Реквием». Однако изображение, которого Мэтью так ждал, стало появляться, лишь когда он дошел до последней части — «In Paradisum». Рука юного вампира двигалась в одном ритме с музыкой, а его тело слегка раскачивалось под безмятежное пение виолончели.

«Да примут сонмы ангелов тебя, и вместе с Лазарем, / Бедняком в земной жизни, да обретешь ты вечный покой». Мэтью знал эти стихи наизусть, ибо они провожали покойника из церкви в могилу — место упокоения, в котором часто отказывали существам вроде него самого. Эти слова он пел над телом Филиппа. Еще раньше он произносил их, рыдая над убитым Хью. Этими словами, точно плетью, он наказывал себя за гибель Элеоноры и Селии. Их он повторял на протяжении пятнадцати столетий, скорбя по Бланке и Люка — его человеческим жене и сыну.

По этой ночью знакомые слова вели Джека — и Мэтью вместе с ним — туда, где жизнь давала второй шанс. Мэтью напряженно следил, как под рукой Джека на кремовой поверхности стены появляется такое знакомое, дорогое ему лицо Дианы. Ее глаза были широко распахнуты и полны радости, а губы чуть изогнулись от удивления, которое вот-вот перейдет в улыбку. Встреча Дианы и Джека произошла в отсутствие Мэтью. Теперь он видел, как выглядела его жена в момент встречи.

Портрет подтверждал его догадку: одна Диана обладала силой заставить колесо судьбы Джека сделать полный оборот. Отцовская забота Мэтью могла подарить Джеку ощущение безопасности. Но почувствовать, что его любят, юный вампир мог только через Диану.

Мэтью продолжал водить смычком по струнам, извлекая чудесные звуки. Его пальцы бесшумно двигались вниз и вверх по грифу виолончели. Наконец Джек прекратил рисовать. Карандаш выпал из ослабевших пальцев и шумно запрыгал по полу.

— Джек, да ты прирожденный художник, — сказал Крис, вытягивая шею, чтобы лучше разглядеть портрет Дианы.

Джек устало ссутулился. Он обернулся на голос Криса. В глазах, таких же усталых, как плечи, не было признаков бешенства крови. Они вновь стали карими с зеленым отливом.

— Мэтью, — смущенно пробормотал Джек.

Он с кошачьей ловкостью спрыгнул с помоста и бесшумно приземлился.

— Доброе утро, Джек, — сказал Мэтью, откладывая виолончель.

— Так это вы играли? — еще больше смутился юный вампир.

— Я подумал, что музыка поздней эпохи подействует на тебя благотворнее, нежели барочная, — ответил Мэтью, поднимаясь со стула. — Семнадцатый век для вампиров слишком пышен и цветист. Его лучше принимать малыми дозами.

Взгляд Мэтью скользнул по стене. Дрожащей рукой Джек коснулся лба, только сейчас поняв, что он сделал.

— Галлоглас, прости, — сокрушенно произнес Джек. — Я закрашу все это. Сегодня же. Обещаю.

— Нет! — хором возразили Мэтью, Галлоглас, Хаббард и Крис.

— Но я же испортил стены, — не унимался Джек.

— Не больше, чем их портили да Винчи или Микеланджело, — дружески улыбнулся ему Галлоглас. — Мэтью, ты только представь его почеркушки на стенах императорского дворца в Праге.

Глаза Джека вспыхнули. Казалось, он засмеется шутке. Но взгляд юного вампира тут же погас.

— Одно дело — бегущий олень. А смотреть на такое никто не захочет. Даже я.

Джек имел в виду особо удручающий фрагмент его росписи: разлагающийся труп, плывущий по реке лицом вверх.

— Рисование и музыка должны идти не от головы, а из сердца, — сказал Мэтью, сжимая плечо своему правнуку. — Даже самое темное, что таится внутри, пужно вытаскивать на дневной свет, иначе оно разрастется и поглотит тебя целиком.

— Вдруг оно меня уже поглотило? — отрешенно спросил Джек.

— Если бы тьма утвердила свою власть над тобой, ты бы не попытался спасти ту женщину.

Мэтью указал на одинокую женскую фигуру среди волн. Женщина смотрела на руку, протянутую ей. Джек нарисовал свою правую руку, не забыв даже шрам у основания большого пальца.

— Но я так и не спас ее. Она была сильно испугана. Она меня боялась и не приняла помощь!

Джек попытался вырвать плечо из пальцев Мэтью. Его локоть трещал от напряжения, однако Мэтью не отпускал.

— Пойми, это *ее* тьма помешала ей принять помощь. *Ее* страх.

— Я вам не верю.

Джек вбил себе в голову, что бешенство крови всегда, при любых обстоятельствах делало его виновным. Упрямство Джека, пусть и отчасти, показало Мэтью, что пришлось выдержать Филиппу и Изабо, когда он сам вот так же упрямо отказывался принять их прощение.

— Это все из-за двух волков, дерущихся у тебя внутри. Они есть у каждого, — сказал Крис, подходя к Мэтью.

— Какие еще волки? — глядя исподлобья, спросил Джек.

— Это старинная легенда индейцев-чероки. Нана Бетс — моя бабушка — слышала ее от своей бабушки.

— Что-то вы не похожи на индейца-чероки, — настороженно произнес Джек.

— Ты бы удивился, сколько кровей во мне намешано. Больше всего, конечно, французской и африканской. Но есть вкрапления английской, шотландской, испанской и индейской. Здесь у нас с тобой много общего. Фенотип порою сбивает с толку, — улыбнулся Крис.

Последняя фраза прозвучала для Джека явной абракадаброй. Мэтью завязал мысленный узелок: купить парню толковый учебник по элементарной биологии.

— Так ты хочешь услышать про волков? — спросил Крис.

— Угу, — недоверчиво пробурчал Джек.

— По представлениям индейцев-чероки, внутри каждого живут два волка: злой и добрый. Они ведут мсжду собой непрестанную борьбу, пытаясь уничтожить друг друга.

Мэтью решил, что это, пожалуй, самое наглядное описание бешенства крови, какое можно услышать от теплокровного, не подверженного страшной болезни.

— Мой злой волк побеждает, — печально вздохнул Джек.

— Пока, но это не значит, что окончательно победит, — ободрил его Крис. — Нана Бетс говорила: побеждает тот волк, которого ты кормишь. Злой волк кормится гневом, чувством вины, печалью, враньем и сожалением. Доброго волка надо кормить любовью и честностью, добавляя в качестве приправ по чайной ложечке сострадания и веры. Но если ты хочешь, чтобы добрый волк победил, тебе придется обречь злого на голод.

— А если у меня не получится заставить его голодать? — встревожился Джек. — Вдруг я потерплю неудачу?

— Не потерпишь, — твердо возразил Мэтью.

— Мы тебе не позволим, — подхватил Крис. — Нас здесь пятеро. У злого волка нет никаких шансов.

— Пятеро? — шепотом переспросил Джек, глядя на Мэтью, Галлогласа, Хаббарда и Криса. — Вы все станете мне помогать?

— Все и чем можем, — пообещал Крис, беря Джека за руку.

Крис едва заметно кивнул Мэтью, и тот положил свою руку сверху.

— Один за всех, и вот такие штучки-дрючки. — Крис повернулся к Галлогласу. — А вы чего ждете? Подходите и присоединяйтесь.

— Фу! Мушкетеры всегда были бахвалами, — угрюмо произнес Галлоглас.

Вопреки сказанному племянник Мэтью опустил свою ручищу на три другие.

— Только не вздумай, малыш Джек, проболтаться об этом Болдуину, иначе твой злой волк получит от меня двойной обед.

— А вы, Эндрю? — спросил Крис.

— Я полагаю, Крис имел в виду «Un pour tous, tous pour un»¹, а не «Один за всех, и вот такие штучки-дрючки».

Мэтью поморщился. Изречение было вполне уместным, но акцент лондонского кокни делал слова практически неузнаваемыми. Филиппу стоило бы отправить Хаббарду не только виолончель, но и учителя французского языка.

Жилистая рука Хаббарда легла последней. Мэтью увидел, как большой палец Эндрю сдвинулся сверху вниз, потом справа налево. Бывший священник благословлял их странный договор. «Ну и пестрая компания подобралась», — подумал Мэтью. Трое вампиров, связанных кровными узами, четвертый — узами верности. Пятый — вообще не вампир — присоединился без каких-нибудь явных оснований; просто потому, что был хорошим человеком.

Оставалось надеяться, что все вместе они помогут Джеку исцелиться.

После нескольких часов лихорадочного рисования Джеку захотелось выговориться. Он сидел в гостиной с Мэтью и Хаббардом, окруженный картинами своего прошлого, которое теперь час-

¹ «Один за всех, и все за одного» (фр.).

тично ложилось на плечи Мэтью. Про Бенжамена не было сказано ни слова. Мэтью не удивлялся. Разве могли слова передать ужас, который испытал Джек, находясь в руках Бенжамена?

— Джек, дай своему языку передышку, — сказал подошедший Галлоглас, державший в руках поводок Лоберо. — Швабре¹ нужно прогуляться.

— Я тоже не прочь глотнуть свежего воздуха, — сказал Эндрию, поднимаясь со странного красного стула, больше похожего на современную скульптуру, но, как убедился Мэтью, на удивление удобного.

Когда хлопнула входная дверь, в гостиную вошел Крис, сделавший себе очередную порцию кофе. Мэтью не понимал, как этот человек ухитряется жить с таким количеством кофеина в крови.

— Ночью я говорил по телефону с другим вашим сыном. С Маркусом. — Крис плюхнулся в плетеное кресло. — Приятный парень. И чертовски умный. Вы должны им гордиться.

— Я им и горжусь. А чего это вдруг Маркус позвонил? — насторожился Мэтью.

— Это мы ему позвонили. — Крис шумно отхлебнул кофе. — Мириам решила, что ему нужно показать видео. Посмотрев запись, Маркус поддержал наше предложение взять дополнительные образцы крови Джека. Мы взяли два образца.

— Что? — почти заорал Мэтью.

— Эндрию дал мне разрешение. Он ведь считается отцом Джека, — спокойно ответил Крис.

— Думаете, мне важно согласие Хаббарда? — Мэтью едва сдерживался. — Вы брали кровь у вампира во время приступа. Он мог прихлопнуть вас как муху.

— Нам представилась отличная возможность проследить изменения, происходящие в биохимии организма вампира. Мы ухватили самое начало приступа бешенства крови. Эти данные нам позарез необходимы, если мы собираемся создавать лекарство, способное ослабить симптомы.

— Ослабить симптомы? — сердито переспросил Мэтью. — Мы ищем лекарство, способное излечивать бешенство крови.

¹ Самый первый Лоберо достался Джеку (тогда восьмилетнему мальчишке) еще щенком. Внешне пес напоминал пвабру (см. вторую часть трилогии «Тень ночи»).

Крис нагнулся, взял с пола папку и протянул Мэтью:

— Последние результаты.

У Хаббарда и Джека были взяты щечные мазки и образцы крови. Сейчас данные обрабатывались, и получение генома ожидалось со дня на день. Мэтью негнущимися пальцами взял папку, страхась увидеть ее содержимое.

— Мэтью, мне очень жаль.

В устах Криса эта стандартная фраза означала искреннее сожаление.

Мэтью торопливо перелистал страницы, пробегая глазами данные.

— Идентификацией занимался Маркус. Другие не поняли бы сути проблемы. Получается, мы искали не в том месте, — сказал Крис.

Увиденное просто не укладывалось в мозг. Это меняло... все.

— В ДНК Джека больше не кодирующих триггеров, чем у вас. — Крис сделал еще глоток. — Мэтью, я вынужден вас спросить: вы уверены, что Джеку можно позволить находиться рядом с Дианой?

Мэтью не успел ответить. Входная дверь распахнулась, но он не слышал ни болтовни Джека, ни веселого насвистывания Галлогласа, ни благочестивых рассуждений Эндрю. Единственным звуком было негромкое постукивание Лоберо.

Ноздри Мэтью раздулись. Он вскочил со стула. Листы из папки полстели на пол. Через мгновение Мэтью исчез.

— Как понимать эту чертовщину? — спросил Крис.

— Пока гуляли, мы тут кое-кого встретили, — ответил Галлоглас, втаскивая в дом упирающегося Лоберо.

Глава 21

— Двигай ногами! — приказал Болдуин, держа Джека за загривок.

Одному вампиру эта рука когда-то оторвала голову. Все тогда произошло на глазах у Мэтью.

Джек при упомянутой жестокости не присутствовал, но признавал, что сейчас целиком находится во власти Болдуина. Его кожа побледнела еще сильнее, а зрачки неимоверно расширились. Естественно, Джек беспрекословно подчинился Болдуину.

Лоберо тоже это знал. Поводок по-прежнему находился в руках Галлогласа, и пес сновал между его ног, однако смотрел только на хозяина.

— Все хорошо, Швабра, — шепотом успокоил собаку Джек, хотя Лоберо ему не поверил.

— Мэтью, непредвиденные проблемы? — спросил Крис.

Он стоял совсем близко. Мэтью чувствовал на себе его дыхание.

— Эти проблемы всегда непредвиденные, — мрачно ответил Мэтью.

— Идите домой, — почти приказал Крису Джек. — Швабру заберите с собой и...

Он умолк, дернувшись всем телом. Ногти Болдуина до крови впились ему в шею.

— Они останутся, — прошипел Болдуин.

Джек допустил стратегическую ошибку. Болдуину доставляло наслаждение уничтожать то, чем дорожили другие. Мэтью так и не сумел выяснить, какое событие в прошлом породило у Болдуина эту потребность. Но алгоритм поведения брата был ему известен. Болдуин не отпустит ни Крису, ни даже Лоберо, пока не получит то, ради чего пришел.

— И ты здесь не отдаешь приказы. Ты их выполняешь.

Болдуин толкал Джека в направлении гостиной, стараясь держать его между собой и Мэтью. Обескураживающе простая и эффективная тактика, вызывавшая болезненные воспоминания.

«Джек — не Элеонора», — мысленно напомним себе Мэтью. Джек тоже вампир. Но своим происхождением он был связан с Мэтью, и Болдуин воспользуется этим, чтобы обуздать прадеда Джека.

— Твоя выходка на площади, шенок, была первой и последней попыткой напасть на меня.

Рубашка на плече Болдуина была порвана. На ткани виднелись следы зубов и капельки крови.

Джек укусил Болдуина! Мэтью мысленно выругался.

— Но я не ващ, — срывающимся голосом заявил Джек. — Мэтью, скажите ему, что я принадлежу вам!

— А кому, по-твоему, принадлежит Мэтью? — угрожающе прошептал Джеку на ухо Болдуин.

— Диане, — огрызнулся Джек, поворачиваясь к своему противнику.

— Диане? — насмешливо переспросил Болдуин.

Он ударил Джека. Такой удар лишил бы сознания любого теплокровного вдвое шире и тяжелее Джека. Джек рухнул на колени, ударившись о жесткие половицы.

— Идем со мной, Мэтью. И заткни глотку этому псу!

— Только посмейте отречься от Джека перед главой клана де Клермонов, и я лично препровожу вас в ад, — прошипел Хаббард, хватая Мэтью за рукав.

Мэтью холодно посмотрел на него. Хаббард убрал руку.

— Отпусти парня. Он — моя кровь, — сказал Мэтью, направляясь в гостиную. — А потом, Болдуин, возвращайся на Манхэттен, где тебе самое место.

— А-а, — протянул Крис, наконец сообразивший, откуда явился этот диктатор. — Иначе и быть не могло. Поди, живете где-нибудь с видом на Центральный парк?

Болдуин не ответил. По сути, он владел большей частью этого отрезка Пятой авеню и любил постоянно наблюдать за объектами своих инвестиций. С недавних пор его охотничьей площадкой стал Митпэкинг-Дистрикт, где, в дополнение к мясным магазинам, он открыл ночные клубы. Но, как правило, Болдуин предпочитал не жить там, где кормился.

— Тогда понятно, откуда у вас все эти закидоны богатеньких, — сказал Крис. — Но должен вам напомнить, приятель, что сейчас вы находитесь в Нью-Хейвенс. Мы здесь играем по другим правилам.

— По правилам? — переспросил Болдуин, нарочито растягивая слова. — В Нью-Хейвене?

— Да. Один за всех, и вот такие штучки-дрючки.

В устах Криса это было равнозначно призыву «К оружию!».

Мэтью почувствовал, как напряглись мышцы Криса. К появлению ножа, просвистевшего мимо его уха, он уже был готов. Тонкое лезвие, едва ли способное причинить вред человеческой коже, а для толстой шкуры Болдуина — булавочный укол. Мэтью зажал нож между пальцами, не дав лезвию достичь цели. Крис нахмурился. Мэтью лишь покачал головой:

— Прекратите.

Возможно, Крис тоже схлопотал бы приличный удар, но этим бы не ограничилось. С теплокровными Болдуин не церемонился.

— Уходи, — сказал Мэтью, поворачиваясь к Болдуину. — Джек — моя кровь и моя забота.

— И лишить себя развлечения? — Болдуин склонил голову Джека набок; взгляд юного вампира был тяжелым и угрюмым. — Мэтью, взгляди, какое сходство.

— И оно мне нравится, — холодно сказал Мэтью, одними губами улыбнувшись Джеку, и забрал у Галлогласа поводок; Лоберо мигом затих. — Похоже, Болдуина мучает жажда. Галлоглас, предложи гостю чего-нибудь выпить.

Мэтью рассчитывал, что угощение немного поднимет Болдуину настроение и Джек благополучно уйдет отсюда. Разумнее всего будет отправить его вместе с Хаббардом в дом Маркуса. Такой вариант виделся Мэтью предпочтительнее, нежели их с Дианой дом на Корт-стрит. Если бы его жена почуяла, что Болдуин здесь, то незамедлительно явилась бы на Вустер-сквер с огнедышащей драконихой и стрелой молнии.

— У меня напитки на любой вкус, — сказал Галлоглас. — Кофе, вино, вода, кровь. Если дядюшке угодно, могу добыть болиголов с медом.

— То, что угодно мне, способен дать только этот парень.

Без предупреждения и каких-либо предисловий Болдуин вонзил зубы в шею Джека.

Укус был намеренно жестоким.

Так свершалось вампирское правосудие: быстро, неуклонно и безжалостно. За незначительные проступки глава клана наказывал публичной демонстрацией подчинения виновного. Через кровь он получал доступ к самым сокровенным мыслям и воспоминаниям своих вампирских родственников. Этот ритуал обнажал душу виновного, делая ее постыдно уязвимой. Узнавание чужих тайн, какими бы средствами оно ни достигалось, давало вампиру такую же пищу, как и охота. Только в данном случае питалось не тело, а та часть души, которая вечно жаждала большей власти.

Если проступок был серьезным, за ритуалом подчинения обычно следовала смерть виновного. Убийство вампира требовало значительного напряжения телесных сил; оно эмоционально опустошало убийцу и разрушало его душу. Потому-то главы вампирских кланов назначали на роль палача кого-то из сородичей. Хотя многовековыми стараниями Филиппа и Хью фасад семейства де Клермон был отполирован до блеска, необходимость в грязной закулисной работе никогда не исчезала. Ею занимался Мэтью.

Существовали сотни способов убить вампира. Мэтью знал их все. Можно было выпить вампирскую кровь до последней капли, как он поступил с Филиппом. Или ослабить вампира физически, делая то же самое, но медленно, погружая осужденного в своеобразный транс. Жертва лишалась возможности сопротивляться. Ее можно было мучить и терзать, добиваясь признания, или великодушно даровать желанную смерть. Существовал варварский способ обезглавливания и вырезания внутренностей, хотя некоторые предпочитали старомодный вариант, когда виновному пробивали грудную клетку и вырывали сердце. Кто-то не любил долго возиться и перерезал жертве сонную артерию и аорту. К этому способу, пытаясь расправиться с Мэтью, прибегла очаровательная Жюльет — любовница и личный ассасин Герберта. Правда, попытка стоила жизни ей самой.

Мэтью молил Бога, чтобы Болдуин ограничился кровью и воспоминаниями Джека.

Слишком поздно он вспомнил, что среди воспоминаний Джека были такие, что лучше не трогать.

Слишком поздно, потому что Мэтью уловил запах жимолости и летних гроз.

Слишком поздно он увидел, как Диана выпустила Корру.

Огнедышащая дракониха вспорхнула с плеч хозяйки, устремившись к Болдуину. Гостиная наполнилась пронзительными криками Корры. Она растопырила когти. Крылья сверкали языками пламени. Свободной рукой Болдуин схватил дракониху за ногу и отшвырнул в сторону. Корра ударилась о стену, помяв себе крыло. Диана скрючилась, словно ударили ее, но не утратила решимости.

— Руки... прочь... от... моего... сына! — потребовала она, делая секундные паузы между словами.

Кожа Дианы светилась. Когда она не окружала себя маскировочным заклинанием, вокруг головы неярко мерцал тонкий нимб. Сейчас он переливался всеми цветами радуги. Такие же радуги окружали ее пальцы и руки; они спускались по шее, закручиваясь в прихотливые спирали. Казалось, что нити внутри пальцев протянулись сквозь все тело.

Пытаясь добраться до Корры, Лоберо дернул поводок. Мэтью отпустил пса. Лоберо навис над драконихой, облизал ей морду и стал подталкивать носом, помогая подняться и полететь на помощь Диане.

Однако Диана не пуждалась ни в чьей помощи, будь то Мэтью, Лоберо и даже Корра. Выпрямившись, она вытянула левую руку ладонью вниз. Половицы закачались, расщепились на толстые палки. Палки быстро поднялись, окружив ноги Болдуина. На них, как на древесных стволах, появились новые ветви, заканчивающиеся длинными и невероятно острыми липами. Шипы безжалостно впивались в одежду и тело незваного гостя.

Не сводя глаз с Болдуина, Диана дернула правой рукой. В ответ дернулось запястье Джека, словно их связывала невидимая веревка. Следом дернулось все его тело. Через мгновение он лежал на полу, недостижимый для Болдуина.

Как и Лоберо, охранявший Корру, Мэтью встал над Джеком, готовый защитить его.

— Довольно, Болдуин! — произнес он, рубанув рукой в воздухе.

— Мэтью, вы меня простите, — прошептал Джек, не решавшийся встать. — Он появился неведь откуда и двинулся прямо к Галлогласу. А когда я удивлен... — Джек содрогнулся всем телом и подтянул колени к груди. — Я не знал, кто он.

В гостиную вошла Мириам. Оглядев происходящее, она приняла командование на себя. Кивком Мириам указала Галлогласу и Хаббарду на Джека, затем ее внимание переключилось на Диану. Та застыла, словно статуя, словно дерево, пустившее корни в гостиную. Глаза Дианы даже не мигали.

— Что с Джеком? — спросил встревоженный Крис.

— Ничего особенного. Скоро очухается. Каждого вампира хотя бы раз кусал глава его клана, — сказала Мириам, пытаясь его успокоить.

Но Криса такая подробность семейной жизни вампиров совсем не успокоила.

Мэтью помог Джеку встать. След укуса на шее был неглубоким, хотя выглядел довольно зловеще. Ничего, скоро заживет. Желая подбодрить Джека, Мэтью осторожно дотронулся до раны, показывая, что целиком разделяет слова Мириам.

Мэтью передал Джека Галлогласу и Хаббарду.

— Последишь за Коррой? — спросил он Мириам.

Она молча кивнула.

Мэтью подошел к месту пленения Болдуина. Его руки сомкнулись на горле брата.

— Мне нужно твое обещание, что ты не станешь мстить Диане за случившееся здесь. Если же ты нарушишь обещание... — он сильнее нажал на горло Болдуина, — я попросту тебя убью. Так что не сделай ошибки.

— Мы еще не закончили, Мэтью, — предупредил его Болдуин.

— Знаю. — Мэтью смотрел на брата, пока тот не кивнул.

Следующей заботой Мэтью была Диана. Радужные краски, пульсирующие у нее под кожей, напомнили ему о сверкающем энергетическом шаре, подаренном ею в Мэдисоне. Тогда ни Диана, ни он еще не знали, что она прядильщица. Ярче всего светились кончики ее пальцев, словно магия, скопившаяся там, готовилась вырваться наружу. Мэтью знал непредсказуемость своего бешенства крови, когда оно поднималось к поверхности. В каком бы состоянии ни находилась сейчас Диана, действовать надо осторожно.

— Диана, — тихо позвал он, отводя ей волосы с лица.

Мэтью вглядывался в синюю с золотистым оттенком радужную оболочку ее глаз. Диана его не узнавала. Ее глаза были устремлены в мир, недоступный зрению других. Тогда Мэтью попытался иным способом вернуть ее в действительность.

— Ma lionne, Джек сейчас с Галлогласом и Эндрю. Болдуин больше не причинит ему вреда. — Мэтью тщательно выбирал слова. — Тебе нужно отвести его домой.

Крис приготовился возразить.

— Возможно, и Крис пойдет с вами, — ровным тоном продолжал Мэтью. — И Корра с Лоберо за компанию.

— Корра, — хрипло произнесла Диана.

Ее глаза моргнули, однако даже тревога за дракониху не изменила странного, замороженного взгляда Дианы. Что же так притягивало ее, если она забыла об окружающей действительности? Мэтью кольнула зависть.

— Мириам позаботилась о Корре.

Мэтью чувствовал, что ему не оторваться от синей глубины глаз Дианы.

— Болдуин... сделал ей больно.

В голосе Дианы звучало удивление, словно она забыла, что вампиры отличаются от теплокровных.

Едва Мэтью подумал, что зачарованный мир, который удерживал его жену, может отступить под натиском разума, Дианой вновь овладел гнев. Мэтью чувствовал запах и вкус ее гнева.

— Он сделал больно Джеку.

Диана вдруг растопырила пальцы. Забыв обо всех предосторожностях, касающихся прядильщицы и ее магической силы, Мэтью сжал их, не дав магии Дианы выплеснуться наружу.

— Болдуин позволит тебе увести Джека домой. Но за это тебе придется его освободить. Война между вами недопустима. Она погубит всю семью.

Увиденное подсказывало Мэтью: упрямством Диана очень похожа на Болдуина. Устраняя препятствия на своем пути, оба не остановятся ни перед чем.

Мэтью поднес ее пальцы к губам:

— Помнишь, как в Лондоне мы говорили о наших детях? Мы говорили о том, что им понадобится.

Эти слова зацепили внимание Дианы. Наконец-то! Глаза сосредоточились на Мэтью.

— Любовь, — прошептала она. — Взрослый, который возьмет на себя заботу о них. Безопасное место.

— Совершенно верно, — улыбнулся Мэтью. — Джек нуждается в тебе. Сними заклинание с Болдуина.

Снятие заклинания сопровождалось судорогой, пробежавшей по всему телу Дианы. Она щелкнула пальцами, направив их в сторону Болдуина. Шипы отступили. Палки, удерживавшие его ноги, опустились и вновь превратились в половицы. Вскоре Болдуин был полностью свободен, а расколдованный пол в гостиной Галлогласа вернулся в прежнее состояние.

Диана подошла к Джеку, обхватила его лицо. Кожа на шее юного вампира начала стягиваться, хотя для бесследного исчезновения раны понадобится еще несколько дней. Диана плотно сжала губы.

— Да вы не волнуйтесь, — сказал ей Джек, смущенно прикрывая рану ладонью.

— Идем, Джеки. Мы с Дианой отведем тебя на Корт-стрит. Ты, должно быть, проголодался, — сказал Галлоглас, опуская ручищу на плечо Джека.

Джек был сильно изможден, но старался держаться, чтобы не расстраивать Диану.

— Корра, иди ко мне.

Корра послушно похромала к ней. Близость хозяйки возвращала ей силы. Когда прядильница и дракониха почти соприкоснулись, очертания Корры потускнели и сама она исчезла внутри Дианы.

— Крис проводит вас домой, — сказал Мэтью.

Он старался стоять так, чтобы заслонять от глаз Дианы будоражащую стенную роспись Джека. К счастью для него, Диана очень устала и не придавала значения увиденному.

Мириам быстро собрала всех, за исключением Болдуина, у входной двери. Вместе с Крисом, Эндрю и Лоберо она ждала, когда подойдут Диана, Галлоглас и Джек. Мэтью порадовался за правнука: чем больше тех, кто его поддерживает, тем лучше.

Настороженно наблюдая за всеми, Мэтью заставил себя весело помахать Диане, когда она обернулась, и лишь после того, как компания скрылась за углом, Мэтью вернулся в дом.

Болдуин разглядывал завершающие фрагменты росписи Джека. Его рубашка была испещрена темными точками — следами шипов, созданных магией Дианы.

— Джек и есть вампир-убийца. Я увидел это в его мыслях, а теперь вижу на стенах. Мы разыскивали его больше года. И как только ему удавалось так долго скрываться от Конгрегации? — спросил Болдуин.

— Сначала он находился с Бенжаменом. Затем пустился в бег.

Мэтью старался не смотреть на части лица Бенжамена и на то, что их окружало. Если вдуматься, здесь были изображены жестокости и зверства, чинимые вампирами на протяжении веков. Невыносимыми их делало то, что виновником был Джек.

— Джека необходимо остановить, — сухим, деловым тоном заявил Болдуин.

— Господи помилуй! — прошептал Мэтью, опуская голову.

— Филипп был прав. Христианство и впрямь делает тебя идеально пригодным для твоего ремесла, — усмехнулся Болдуин. — Какая еще религия обещает смыть грехи, стоит лишь покаяться в них?

Печально, но Болдуин так и не смог понять сущности искупления. Его воззрения на веру Мэтью были чисто прагматичными: приходишь в церковь, исповедуешься, а оттуда выходишь совершенно чистым. Однако спасение души не сводилось к столь упрощенно понимаемой внешней процедуре. Филипп это понял только в конце жизни. Прежде его раздражала иррациональная тяга Мэтью к прощению.

— Ты прекрасно знаешь: ему нет места среди де Клермонов. Бешенство крови в нем не только сильно, но и неуправляемо. Рисунки это наглядно показывают.

Болдуин увидел в Джеке то же, что и Бенжамен: опасное оружие, которое можно превратить в смертоносное. Но в отличие от Бенжамена, Болдуин имел совесть. Он не решался воспользоваться оружием, столь неожиданно попавшим ему в руки, но и не хотел, чтобы оно оказалось в других руках.

Мэтью продолжал стоять с опущенной головой, отягченной воспоминаниями и раскаянием. Он знал, что за слова услышит от Болдуина, и все равно ощутил их как удар.

— Убей его! — распорядился глава семейства де Клермон.

Мэтью вернулся домой. Едва он подошел к ярко-красной входной двери с белой каймой и черным фронтоном, она широко распахнулась.

Диана ждала его. Чтобы не замерзнуть, она надела один из его старых кардиганов. Это уменьшило запахи всех, с кем она входила в контакт. Тем не менее приветственный поцелуй Мэтью был грубым, собственническим. Он с явной неохотой оторвался от ее губ.

— Что случилось?

Диана теребила золотой наконечник стрелы — подарок Филиппа. Это был безошибочный сигнал ее возрастающей тревоги. Цветные сполохи на кончиках пальцев говорили о том же, становясь все ярче.

Мэтью поднял голову к небу, словно надеясь отыскать там хоть какую-нибудь подсказку. Но увидел лишь беззвездный простор ночного неба. Человеческий разум объяснял это просто: звезд не видно из-за яркого городского освещения и наступившего полнолуния. Однако инстинкты вампира ощущали тревогу. У Мэтью не было ориентиров, указателей, обозначающих путь.

— Поехали, — коротко бросил он.

Мэтью подхватил плащ Дианы, висевший на стуле в прихожей, взял ее за руку и повел вниз по ступеням крыльца.

— Куда мы поедем? — спросила она, едва поспевая за мужем.

— Туда, где на небе видны звезды, — ответил Мэтью.

Глава 22

Торопясь выбраться из города, Мэтью ехал в северном направлении, потом свернул на запад. Диана сидела рядом. Он гнал машину непривычно быстро. Не прошло и пятнадцати минут, как они достигли тихой проселочной дороги, пролежавшей в тени невысоких гор, именуемых здесь Спящим Великаном. С дороги Мэтью свернул в совершенно темный проезд и через некоторое время остановился, сразу же выключив мотор. На крыльце домика, едва различимого в гуще деревьев, вспыхнул свет. Появившийся старик вглядывался в окрестную темноту:

— Это вы, мистер Клермон?

Голос старика звучал с легким дребезжанием, но умные, пронзительные глаза не утратили живого блеска.

— Да, мистер Фелпс.

Кивнув старику, Мэтью обошел машину, открыл дверцу и помог Диане вылезти.

— Мы с женой решили навестить коттедж.

— Рад с вами познакомиться, мэм, — произнес мистер Фелпс, прикладывая руку ко лбу. — Мистер Галлоглас позвонил мне и предупредил, что вы можете приехать. Так и сказал, чтобы я не волновался, если услышу шум машины и голоса.

— Должно быть, мы вас разбудили. Вы уж извините нас, — сказала Диана.

— Я порядком стар, миссис Клермон. Сплю мало. Наверное, на том свете отосплюсь. — Мистер Фелпс хрипловато рассмеялся. — Наверху вы найдете все необходимое.

— Спасибо, что следите за местом, — сказал Мэтью.

— Это семейная традиция, — ответил старик. — Если не захотите ехать на моем стареньком тягаче, «рейнджер» мистера Уитмора стоит возле сарая. Сомневаюсь, что вашей жене захочется

идти туда пешком. Ворота парка закрыты, но вы знаете, как проникнуть внутрь. Приятной вам ночи.

Мистер Фелпс вернулся в дом. Сетчатый экран перед входной дверью шумно колыхнулся, скрипнув алюминиевыми пластинами.

Взяв Диану за локоть, Мэтью повел ее к странному транспортному средству — помеси гольф-кара с необычайно шершавыми шинами и багги для езды по дюнам. Там он ненадолго отпустил руку жены, чтобы развернуть машину и помочь Диане забраться на сиденье.

Ворота парка были надежно спрятаны и казались почти невидимыми. К ним вела грунтовая дорога без единого фонаря и дорожного указателя. Но Мэтью хорошо знал, куда ехать. Он сделал несколько резких поворотов. Машина продолжала двигаться вверх по склону горы. Проехав вдоль границы густого леса, Мэтью вывернул на поляну, со всех сторон окруженную деревьями. На поляне стоял небольшой деревянный дом. Золотистый свет, льющийся из окон, делал его похожим на домик из сказки и звал внутрь.

Мэтью нажал на тормоз. «Рейнджер» Маркуса послушно остановился. Мэтью глубоко втянул в себя ночные запахи горных сосен и слегка росистой травы. Долина внизу выглядела уныло и гнетуще. Мэтью не знал, связано это с его настроением или с серебристым лунным блеском.

— Почва здесь бугристая. Не хочу, чтобы ты споткнулась и упала.

Мэтью протянул руку, как всегда предоставляя Диане выбор. Настороженно поглядев на мужа, Диана взяла его руку. Мэтью обшарил глазами горизонт, не в силах остановиться и прекратить поиски новых угроз, затем запрокинул голову к небу.

— До чего же сегодня яркая луна, — произнес он, рассуждая вслух. — Даже здесь звезды еле видны.

— Так сегодня же Мейбон, — тихо сказала Диана.

— Мейбон? — удивился Мэтью.

Она кивнула:

— Ровно год назад ты появился в Бодлианской библиотеке и вошел прямо в мое сердце. Едва твои губы сложились в лукавую улыбку, а глаза вспыхнули, узнав меня, хотя прежде мы никогда не встречались, я поняла: моя жизнь бесповоротно меняется.

Слова Дианы ненадолго отвлекли Мэтью от будоражащих мыслей, вызванных приказом Болдуина и результатами из папки Криса. На мгновение мир застыл между отсутствием и желанием, кровью и страхом, летним теплом и ледяными глубинами зимы.

— Что случилось? — Диана вглядывалась в лицо мужа. — Это связано с Джеком? С бешенством крови? С Болдуином?

— Да. Нет. Отчасти. — Мэтью запустил пальцы в волосы и вернулся, только бы не видеть буравящих глаз Дианы. — Болдуин знает, что это Джек совершал жуткие убийства теплокровных в Европе. Он разгадал загадку вампира-убийцы.

— Разве впервые вампир сильно жаждет крови и это приводит к неожиданным смертям? — Диана пыталась разрядить ситуацию.

— На этот раз все по-иному. — Для дальнейших слов иносказаний не существовало. — В общем... Болдуин приказал мне убить Джека.

— Нет! Я запрещаю!

Слова Дианы отозвались эхом. С востока потянуло ветром. Диана стремительно развернулась. Мэтью поймал ее. Диана вырывалась. Возле ее ног клубились серо-коричневые завихрения.

— Не уходи от меня. — Мэтью не знал, сумеет ли он сдержаться, если она уйдет. — Ты должна внять доводам разума.

— Нет! — Диана избегала смотреть ему в глаза. — Ты не можешь принести Джека в жертву. Бешенство крови не навсегда. Ты найдешь лекарство.

— Лекарства от бешенства крови нет.

Мэтью отдал бы жизнь, чтобы опровергнуть свои слова.

— Как ты сказал? — спросила потрясенная Диана.

— Мы исследовали новые образцы ДНК. Впервые нам удалось составить генетическую карту нескольких поколений. То есть родословная простирается дальше Маркуса. Крис и Мириам проследили ген бешенства крови, начиная с Изабо и вплоть до Эндрю и Джека. — (Теперь Диана внимательно слушала мужа.) — Бешенство крови — это аномалия развития. Есть некий генетический компонент, однако выясняется, что триггером для гена бешенства крови служит что-то в нашей некодирующей ДНК. У нас это что-то есть. У Матан, Маркуса и Эндрю — нет.

— Я не понимаю, — прошептала Диана.

— Во время моего вампирского рождения в организм хлынул поток новой генетической информации. И нечто, уже находившееся в моей человеческой, некодирующей ДНК,отреагировало на этот поток, — терпеливо объяснял Мэтью. — Мы знаем о жестокости вампирских генов. Они отпихивают все человеческое, чтобы утвердить свою власть над модифицированными клетками. Однако полного замещения не происходит. В противном случае у нас с Изабо был бы совершенно идентичный геном. Вместо этого я являюсь ее сыном по вампирской линии, то есть представляю собой сочетание генетических интредииентов, унаследованных от человеческих родителей и от нее.

— Значит, бешенство крови было у тебя и в человеческой жизни? Раньше, чем Изабо сделала тебя вампиром?

Объяснения Мэтью вызвали у Дианы вполне понятное замешательство.

— Нет. Но я обладал триггерами, которые требовались гену бешенства крови для проявления, — сказал Мэтью. — Маркус сумел выделить специфическую некодирующую ДНК. По его мнению, она играет какую-то роль.

— Это ее он называет мусорной ДНК? — спросила Диана, и Мэтью кивнул. — Тогда возможность лечения сохраняется, — упрямо заявила она. — Через несколько лет...

— Нет, топ соеиг. — Мэтью знал, как тяжело потом гасить вспыхнувшие надежды. — Чем больше мы понимаем особенности гена бешенства крови и узнаём про некодирующие гены, тем успешнее может оказаться лечение. Но бешенство крови — болезнь неизлечимая. Единственное, на что можно надеяться, — это предотвратить ее дальнейшее распространение и, если на то будет Божья воля, ослабить симптомы у больных.

— Пока вы занимаетесь исследованиями, ты можешь научить Джека самоконтролю. — Все в облике Дианы говорило о ее упрямой решимости. — Его незачем убивать.

— Симптомы Джека гораздо хуже моих. Уровень генетических факторов, провоцирующих болезнь, у него значительно выше. — Мэтью сморгнул наворачивающиеся кровавые слезы. — Обещаю тебе, он не испытает страданий.

— Зато их испытаеть ты. Помнишь, ты говорил, что за вмешательство в дела жизни и смерти мне придется платить? Тебе тоже. Джека не станет, но ты будешь жить дальше, ненавидя себя... Подумай, сколько стоила тебе смерть Филиппа.

Эти мысли и так кружились в мозгу Мэтью. После смерти отца ему случалось убивать вампиров, но те убийства были сведением его собственных счетов. Вплоть до сегодняшней ночи единственным, кто приказывал ему убивать, был Филипп. Последний приказ касался смерти самого Филиппа.

— Пойми, Диана: Джек страдает. Это положило бы конец его страданиям.

Мэтью повторял те же слова, какими Филипп убеждал Изабо принять неизбежное.

— Для него — возможно. Но не для нас. — Диана положила руку на округлый живот. — Близнецы ведь тоже могут родиться с бешенством крови? Неужели ты и их убьешь?

Диана ждала, что Мэтью примется возражать; скажет, что она безумела, если задает ему такие вопросы. Но Мэтью молчал. Потом заговорил, продолжая тему:

— Когда Конгрегация узнает, что натворил Джек... а это лишь вопрос времени... они убьют его сами. И им будет плевать, насколько он испуган или сколько мучений они ему причинят. Еще раньше Болдуин попытается сам убить Джека, чтобы удержать Конгрегацию от сования носа в семейные дела. Если же Джек попытается сбежать, велик риск попасть в руки Бенжамена. Тогда Бенжамен жестоко отомстит Джеку за предательство. Смерть сейчас — благословение для Джека.

Лицо и голос Мэтью оставались бесстрастными, но глаза Дианы были полны душевной боли. Взгляд, который станет преследовать его повсюду.

— В таком случае Джек попросту исчезнет. Отправится на другой конец света. Туда, где его никто не найдет.

Мэтью подавил прорывающееся нетерпение. Об упрямстве Дианы он знал с первого дня их встречи, за это и любил ее, хотя порой ему хотелось лезть на стенку.

— Вампиру одному не выжить. Как и волки, мы должны быть частью стаи, иначе нам грозит безумие. Наглядный пример — Бенжамен. Все, что с ним произошло, было результатом изгнания его из клана.

— Мы уедем вместе с Джеком, — сказала Диана.

Пытаясь спасти Джека, она цеплялась за любую соломинку.

— Этим мы лишь упростим задачу Бенжамену или Конгрегации. Тогда кто-нибудь из них наверняка выследит Джека.

— В таком случае ты должен поступить так, как предлагал Маркус: немедленно создать свою ветвь, — сказала Диана. — Джек обретет семью, которая позаботится о его защите.

— Если я это сделаю, мне придется и Бенжамена признать частью семьи. Тогда станет известно, что бешенством крови страдает не только Джек, но и я. Над Изабо и Маркусом нависнет страшная угроза, да и над близнецами тоже. Если мы выступим против Конгрегации, не имея поддержки Болдуина, пострадают не только они. — Мэтью порывисто втянул в себя воздух. — Поскольку ты моя жена, Конгрегация потребует подчинения не только от меня, но и от тебя.

— Подчинения? — едва слышно переспросила Диана.

— Диана, это война. Так бывает с женщинами, которые вступают в сражение. Ты слышала историю моей матери. Думаешь, попади ты в руки вампиров, твоя судьба была бы иной? — (Она покачала головой.) — Ты должна мне поверить: нам гораздо лучше оставаться частью семьи Болдуина, чем создавать свою, — настаивал Мэтью.

— Ошибаешься. Под властью Болдуина ни я, ни близнецы никогда не будем в полной безопасности. Я уже не говорю про Джека. Единственное решение — идти вперед и отстаивать свою позицию. Любая иная дорога приведет нас в прошлое, — сказала Диана. — А мы по собственному опыту знаем: прошлое дает лишь временную передышку.

— Ты не понимаешь, какие силы соберутся против нас, если я заявлю о создании отвлствления. Согласно вампирскому праву, все, что мои дети, внуки и правнуки сделали и еще сделают, будет предъявлено мне. Я окажусь главным виновником. Убийства, совершенные вампиром? Вина за них падет на меня. Злодеяния Бенжамена? И в этом я окажусь повинен.

Диана должна понять, какую цену им придется заплатить за такое решение.

— Они не могут обвинять тебя в том, что сделали Бенжамен и Джек, — возразила она.

— Представь себе, могут. — Мэтью взял ее за руки. — Я сделал Бенжамена вампиром. Не случись этого, не было бы множества других преступлений. Как создатель Бенжамена и прасоздатель Джека, я обязан, если такое возможно, обуздать того и другого. Если невозможно — убить.

— Варварство какое-то! — Диана вырвала руки, и Мэтью чувствовал магическую силу, бурлящую под самой ее кожей.

— Нет. Это вампирская честь. Вампиры потому и уцелели в мире теплокровных, что их убеждения строятся на трех принципах: закон, честь и справедливость. Вампирскую справедливость ты видела собственными глазами. Наше правосудие осуществляется быстро и жестоко. Если я стану главой собственного клана, мне тоже придется судить и осуществлять наказание.

— Уж лучше ты, чем Болдуин, — бросила Диана. — Пока он главенствует над нами, меня не оставляет мысль: что, если в один прекрасный день ему надоеет защищать меня и близнецов и он прикажет нас убить?

Опасения Дианы не были лишены смысла. Ситуация, в какой оказался Мэтью, напоминала тупик. Если он слушается Болдуина, у него не будет иного выбора, как только создать и возглавить свое ответвление. Потребуется убедить стаю бунтарски настроенных вампиров признать его власть. Это же будет угрожать им истреблением, поскольку тайна бешенства крови выплывет наружу. Создание собственного клана превратится в кровавый, жестокий и весьма сложный процесс.

— Мэтью, я прошу тебя: не выполняй приказ Болдуина, — прошептала Диана.

Мэтью молча смотрел на нее. Давно в глазах Дианы он не видел столько боли и отчаяния. Он просто не мог сказать ей «нет».

— Ну хорошо, — с явной неохотой произнес Мэтью. — Я поеду в Новый Орлеан, но при одном условии.

— Согласна на любое. Говори, — с явным облегчениемотреагировала Диана.

— Ты со мной не поедешь. — Мэтью старался говорить спокойно, но даже слова о разлуке со своей истинной парой были способны вызвать приступ бешенства крови.

— Как ты смеешь приказывать мне остаться здесь?! — возмутилась Диана.

— Когда я занимаюсь подобными делами, тебе ни в коем случае нельзя находиться рядом со мной. — Опыт столетий научил Мэтью сдерживать свои чувства, хотя Дианины сейчас напоминали бурлящий котел. — Думаешь, мне хочется куда-то ехать без тебя? Да я с трудом выпускаю тебя из виду. Но в Новом Орлеане мне предстоит сражение со внуками. Поехав со мной, ты оказалась

бы в чудовищной опасности. И риску подверг бы тебя не Болдуин и не Конгрегация, а твой муж.

— Ты бы никогда не причинил мне вреда.

За это убеждение Диана цеплялась с самого начала их отношений. Пришло время сказать ей правду.

— Элеонора когда-то тоже так думала. А потом, охваченный безумием и ревностью, я убил ее. Джск не единственный вампир в нашей семье, у кого любовь и верность могут вызвать вспышку бешенства крови. Мне это тоже свойственно, — сказал Мэтью, глядя жене в глаза.

— Вы с Элеонорой были просто любовниками. Мы — супруги, истинная пара друг друга. — Судя по лицу Дианы, до нее начинал доходить смысл слов Мэтью. — Ты мне постоянно твердил, что я не должна тебе доверять. Ты клялся, что сам убьешь меня раньше, чем позволишь кому-то ко мне прикоснуться. Получается...

— Я говорил тебе сухую правду.

Пальцы Мэтью скользнули по щеке Дианы, торопясь перехватить слезинку, готовую вот-вот выкатиться из ее глаза.

— Но не всю правду. Почему ты не сказал, что наши парные узы лишь усугубят твоё бешенство крови? — закричала Диана.

— Я думал, что сумею найти лекарство. А пока... надеялся управлять своими чувствами. Но ты стала для меня такой же жизненной необходимостью, как дыхание и кровь. Мое сердце уже не знает, где кончаюсь я и начинаешься ты. Едва увидев тебя, я распознал в тебе могущественную ведьму. Представлял ли я, что ты будешь иметь такую власть надо мной?

Диана ответила не словами, а невероятно крепким и страстным поцелуем. Поцелуй Мэтью не уступал ее по силе. Когда они разомкнули губы, обоих трясло. Дрожащими пальцами Диана дотронулась до своих губ. Мэтью уперся подбородком в ее макушку. Их сердца колотились, захлестываемые чувствами.

— Создание нового ответвления потребует моего безраздельного внимания и такого же полного контроля, — сказал Мэтью, когда к нему наконец вернулась способность говорить. — Если у меня получится...

— Должно получиться, — твердо заявила Диана. — Обязательно получится.

— Отлично, *ma lionne*. Когда у меня это получится, все равно останутся моменты, требующие от меня единоличного вмеша-

тельства, — пояснил Мэтью. — И дело не в моем недоверии к тебе. Порою я не доверяю самому себе.

— Как тогда, в день приезда Джека? — спросила Диана.

Мэтью кивнул:

— Находиться с тобой в разлуке — это ад при жизни, но любое отвлечение таило бы в себе невыразимую опасность. Что же до моего контроля... мы оба знаем, как он слабеет, когда ты рядом.

Мэтью снова поцеловал ее. На этот раз от его поцелуя исходил нескрываемый соблазн. У Дианы покраснели щеки.

— А чем займусь я, пока ты в Новом Орлеане? — спросила Диана. — Должна же я чем-то тебе помогать.

— Ищи последний вырванный лист из «Ашмола-782», — сказал Мэтью. — Что бы ни происходило между мной и детьми Маркуса, Книга Жизни необходима нам в качестве опоры.

Поиски отвлекут Диану и удержат ее от прямого вмешательства в водоворот катастрофических событий, если этот безрассудный замысел провалится. И ему будет спокойнее.

— Фиби тебе поможет с поисками третьего листа. Отправляйся в Сет-Тур. Там и будешь меня ждать.

— А как я узнаю, что с тобой все в порядке?

Диана только сейчас начинала ощущать скорую разлуку с Мэтью.

— Я найду способ тебя известить. Но никаких звонков и электронных писем. Нельзя давать зацепок Конгрегации, если Болдуин или кто-то еще меня выдаст, — сказал Мэтью. — Тебе пока нельзя лишаться его благосклонности. Он считает тебя частью семьи де Клермон, и разумнее сохранять такое положение вещей... до поры до времени.

— Но твое отсутствие может продлиться месяцы! — в отчаянии воскликнула Диана. — Вдруг наши дети родятся раньше срока?

— Марта и Сара примут роды, — как можно нежнее сказал Мэтью. — Диана, я пока сам не знаю, сколько времени мне понадобится.

«Возможно, несколько лет», — подумал он.

— А как я втолкую детям, почему их отца нет рядом? — спросила Диана, каким-то образом прочитав его мысли.

— Ты объяснишь близнецам, что меня нет рядом с ними не просто так. Я делаю это, потому что всем сердцем люблю их и их мать.

У Мэтью дрогнул голос. Он крепко обнял Диану, как будто крепкие объятия могли оттянуть неизбежное расставание.

— Мэтью! — донеслось из темноты.

— Маркус? — удивилась Диана, услышав знакомый голос.

Мэтью еще раньше поймал запах сына, а затем услышал тихий звук шагов Маркуса, когда тот поднимался по склону.

— Здравствуй, Диана. — Маркус вышел из темноты и остановился в полосе лунного света.

— Неужели в Сет-Туре что-то случилось? — насторожилась Диана.

— Во Франции все прекрасно. Мне подумалось, что Мэтью может понадобиться моя помощь.

— А где Фиби?

— Осталась с Аленом и Мартой, — устало ответил Маркус. — Я невольно подслушал ваши планы. Если мы начнем их осуществлять, пути назад уже не будет. Мэтью, у тебя есть уверенность в создании ответвления?

— У меня нет, — ответил Мэтью, неспособный соврать. — А у Дианы есть. — Он посмотрел на жену. — Крис с Галлогласом ожидают тебя на троне. Иди к ним, ma lionne.

— Что, уже?

Диану охватил неподдельный страх перед колоссальными переменами, начинающимися в жизни каждого из них.

— Через несколько минут будет еще труднее. Я не могу тебя проводить. Тебе придется пойти одной. Не оглядывайся и, ради всего святого, не беги.

Случись такое, Мэтью было бы не совладать с собой.

— Но...

Диана плотно сжала губы. Кивнув, она быстро провела рукой по щеке, смахнув наверхнувшиеся слезы.

Мэтью вложил в последний поцелуй более тысячи лет тоскливого ожидания.

— Я никогда... — начала было Диана.

— Тише. — Мэтью вновь коснулся ее губами. — В нашем лексиконе нет слова «никогда». Помнишь?

Мэтью осторожно отстранил ее. Их разделяло несколько дюймов, но с таким же успехом это могла быть тысяча лиг. Едва он это сделал, его кровь буквально взвыла. Мэтью осторожно развернул Диану, показывая ей два неярких кружка света от фонарей Криса и Галлогласа.

— Не задерживайся. Ему будет еще тяжелее, — тихо сказал Диане Маркус. — Иди на свет. Медленно.

В течение нескольких секунд Мэтью сомневался, что Диана сдвинется с места. С ее пальцев свисали золотистые и серебристые нити. Они ярко мерцали, словно пытаясь соединить то, что внезапно и столь ужасающим образом оборвалось. Диана сделала робкий шаг. Потом второй. Мэтью видел, как дрожит ее спина, которую Диана пыталась держать прямой. Ее голова склонилась вперед. Затем она расправила плечи и медленно пошла на свет фонариков.

— Черт бы меня побрал, но я с самого начала знал, что вы разобьете ей сердце! — крикнул Мэтью Крис.

Он обнял подошедшую Диану.

Крис ошибался: это сердце Мэтью сейчас распадалось на куски, а вместе с сердцем ломалось его самообладание, здравый рас-судок и последние остатки человечности.

Маркус внимательно следил за отцом. Галлоглас и Крис повели Диану к машине. Когда они скрылись из виду, Мэтью рванулся следом. Маркус поймал его за руку.

— Ты намерен сделать это без нее? — спросил Маркус.

С момента его расставания с Фиби прошло менее двенадцати часов, но ему уже было тяжело.

— Иного не остается, — ответил Мэтью, хотя сейчас не представлял, как это у него получится.

— Диана знает, как разлука скажется на тебе?

Маркусу до сих пор снились кошмары о страданиях Изабо, когда Филипп попал в плен и потом, когда его не стало. Изабо превратилась в оболочку. У Маркуса все внутри разрывалось, глядя, как она трясется, совершает нелепые поступки и корчит-ся от физической боли. А ведь его дед и бабушка принадлежали к немногим счастливым вампирским парам, которые могли на время расставаться. Бешенство крови у Мэтью делало это невозможным. Еще перед окончательным установлением парных уз между Мэтью и Дианой Изабо предупредила Маркуса: если что-то случится с Дианой, поведение Мэтью может измениться до неузнаваемости.

— Она знает? — повторил вопрос Маркус.

— Не до конца. Зато она знает, что случилось бы со мной, останься я здесь и подчинись брату. — Мэтью освободился от

руки сына. — Тебе незачем влезать во все это и ехать со мной. У тебя еще есть выбор. Если повинись и попросишь прощения, Болдуин примет тебя под свое крыло.

— Ты не забыл, что свой выбор я сделал еще в тысяча семьсот восемьдесят первом году? — При лунном свете глаза Маркуса казались серебристыми. — И сегодня ты подтвердил правильность моего выбора.

— Нет никаких гарантий, что это удастся, — предупредил сына Мэтью. — Болдуин может заартачиться и отказаться признать ответвление. Да и Конгрегация может узнать о нашей затее раньше, чем мы доведем ее до конца. Бог свидетель, у твоих детей есть причины противиться всему этому.

— Под козырек они, конечно, не возьмут, однако мои дети делают то, что я им скажу. Возможно, не сразу, но сделают. И потом, — добавил Маркус, — ты теперь находишься под моей защитой. (Мэтью удивленно посмотрел на сына.) — Твоя безопасность, безопасность твоей истинной пары и детей, которых она носит, нынче является первостепенной заботой ордена Рыцарей Лазаря, — пояснил Маркус. — Болдуин может сыпать угрозами направо и налево, но у меня в подчинении находится более тысячи вампиров, демонов и даже ведьм.

— Они ни за что тебе не подчинятся, — возразил Мэтью. — Особенно когда узнают, за кого ты призываешь их сражаться.

— А как, по-твоему, мне вообще удалось набрать их в свои ряды? — усмехнулся Маркус. — Или ты решил, что, кроме вас с Дианой, на планете больше нет недовольных заветом и его ограничениями?

Но Мэтью было не до ответа. Он ощутил первый импульс, толкавший его побежать вслед за Дианой. Вскоре он уже не сможет сесть и сосредоточиться. Инстинкты потребуют все бросить и мчаться к ней. И чем дальше, тем настойчивее станет их голос.

— Пошли, — сказал Маркус, обнимая отца за плечи. — Джск и Эндрю ждут нас. Полагаю, этого жуткого пса нам тоже придется взять в Новый Орлеан.

Мэтью по-прежнему не отвечал. Он вслушивался в голос Дианы, в ее неповторимые шаги и ритм бьющегося сердца. Но вокруг была лишь тишина, а звезды светили совсем тускло и не могли указать ему путь домой.

Солнце в Весах

Когда Солнце проходит через Весы, это благоприятное время для путешествий.

Остерегайтесь явных врагов, войны и противостояния.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 9'*

Глава 23

— Мириам, да открой же ты, пока я не разнес эту чертову дверь! — Галлоглас и не думал шутить.

Мириам настежь распахнула дверь:

— Пусть Мэтью и уехал, но это не дает тебе свободы фокусничать. Я слежу за тобой.

Слова Мириам не удивили Галлогласа. Как-то Джейсон поделился с ним своим опытом становления вампиром под руководством Мириам. Джейсон убедился: всеведущее, всевидящее и мстительное божество действительно существует, но, в отличие от библейских повествований, божество это было женского рода и весьма саркастичным.

— Мэтью и все наши уехали без сложностей? — спросила Диана с верхней площадки лестницы.

Диана была необычайно бледна. Возле ее ног стоял небольшой чемодан. Галлоглас что-то буркнул и взлетел по ступенькам.

— Разумеется, — коротко ответил он на вопрос Дианы и схватил чемодан, не дав ей самой взяться за ручку.

Галлоглас не переставал удивляться, как еще она ухитряется ходить и не опрокидываться, нося в себе близнецов.

— Почему ты собрала чемодан? — спросил Крис. — Что вообще происходит?

— Тетушка отправляется в путешествие.

Галлоглас и сейчас считал отъезд из Нью-Хейвена дурной затеей, но Диана заявила, что все равно уедет: с ним или одна.

— Куда? — задал новый вопрос Крис.

Галлоглас лишь пожал плечами.

— Крис, обещай мне, что вы продолжите работу с образцами ДНК из «Ашмола-782» и с проблемой бешенства крови, — попросила Диана, спускаясь вниз.

— Я привык доводить исследования до конца, — ответил Крис и повернулся к Мириам. — Вы знали, что Диана собралась уезжать?

— Еще бы мне не знать! Сначала она шумно доставала из шкафа чемодан. Потом звонила пилоту. — Мириам схватила чашку Криса, отхлебнула кофе и поморщилась. — Пересластил.

— Тетушка, надень плащ.

Галлоглас не знал, куда именно собралась Диана. Она пообещала рассказать об этом в самолете. Вряд ли местом назначения она выбрала какой-нибудь карибский островок, где под теплым ветром лениво качаются пальмы.

Хоть раз Диана не возражала против его заботливости.

— Крис, когда будешь уходить, запри дверь на замок и обязательно выдерни вилку кофеварки. — Встав на цыпочки, она поцеловала старого друга в щеку. — Береги Мириам. Не позволяй ей разгуливать по Нью-Хейвену ночью. То, что она вампириша, значения не имеет.

— Вот. — Мириам протянула ей большой конверт из плотной бумаги. — Как ты и просила.

— Ты уверена, что вам они не понадобятся? — Диана быстро заглянула внутрь.

— У нас предостаточно образцов, — ответила Мириам.

Крис нагнулся, пристально глядя Диане в глаза:

— Если понадобится, позвони. В любое время и по любому поводу. Я вылечу ближайшим рейсом.

— Спасибо, — прошептала Диана. — У меня все будет отлично. Ведь со мной Галлоглас.

К удивлению Галлогласа, эти слова не принесли ему радости.

Да и можно ли радоваться, если в устах Дианы они звучали так, словно она покорялась судьбе?

Небольшой реактивный самолет де Клермонов оторвался от дорожки нью-хейвенского аэропорта. Галлоглас смотрел в окно, рассеянно постукивая мобильником по ноге. Самолет накренился в вираже. Галлоглас принялся, определяя направление. Северо-северо-восток.

Диана сидела рядом. Глаза ее были закрыты, губы побелели. Одна рука слегка прижималась к животу, будто она успокаивала Яблочко и Фасолинку, которым еще не доводилось летать. Ее щеки были мокрыми от слез.

— Перестань плакать. Более ужасного зрелища я не видел, — угрюмо изрек Галлоглас.

— Извини. Не могу совладать со слезами. Текут и текут. — Диана развернулась в сторону салона; у нее дрожали плечи.

— Один черт, тетушка. Если ты отвернулась, легче тебе не станет.

Галлоглас снял пристяжной ремень и передвинулся к кожаному креслу Дианы. Он опустил на корточки, слегка похлопав ее по колену. Диана сжала его руку. Магическая сила и сейчас пульсировала у нее под кожей. Уже не так бурно, как несколько часов назад, когда шипы Дианы держали в плену главу клана де Клермонов, но достаточно заметно. Галлоглас видел ее магию даже сквозь маскировочное заклинание, которое Диана сняла лишь в кабине самолета.

— Как прошла встреча Маркуса и Джека? — спросила она, все еще не открывая глаз.

— Маркус приветствовал парня, как и положено дяде, а потом стал развлекать рассказами о выходках своих деток. С его оравой не соскучишься. — Галлоглас понимал: Диану интересовало совсем не это. — Мэтью держался молодцом, чего и следовало ожидать, — добавил он уже без наигранной веселости.

Правда, был момент, когда казалось, что Мэтью задушит Хаббарда, но Галлогласа это ничуть не волновало. А Диане знать о таких вещах и вовсе незачем.

— Я рада, что вы с Крисом позвонили Маркусу, — прошептала Диана.

— Замысел принадлежал Мириам.

Мириам вскакивала оберегала Мэтью подобно тому, как Галлоглас сейчас оберегал Диану.

— Когда Мириам увидела результаты тестов, то поняла, что Мэтью может понадобится помощь сына.

— Бедняжка Фиби. — Судя по голосу, Диана искренне сочувствовала невесте Маркуса. — Маркус даже не успел ей толком объяснить, почему срывается с места.

— Насчет Фиби можешь не волноваться. — Галлоглас два месяца прожил под одной крышей с Фиби и вполне изучил ее характер. — У нее крепкий хребет и выносливое сердце. Совсем как у тебя.

Галлоглас настоятельно посоветовал Диане вздремнуть. Сиденья в салоне полностью откидывались, превращаясь в кровати.

Убедившись, что Диана заснула, Галлоглас прошел в кабину и спросил пилота, куда они летят.

— В Европу, — лаконично ответил пилот.

— Что значит «в Европу»?

Европой мог быть Амстердам, Овернь или Оксфорд.

— Мадам де Клермон еще не выбрала окончательного места назначения. Она распорядилась взять курс на Европу. Я выполняю ее распоряжение.

— Должно быть, она собралась в Сет-Тур. В таком случае летите в Гандер, — приказал Галлоглас.

— Я так и намеревался, сэр, — сухо ответил пилот. — Может, хотите занять место за штурвалом?

— Да... Нет. — Галлогласу хотелось что-нибудь расколошматить. — Будет вам дуться! Делайте свою работу. Мне своей хватит.

Бывали моменты, когда Галлоглас искренне жалел, что в том сражении его человеческую жизнь оборвал Хью де Клермон, а не кто-то другой.

Самолет благополучно приземлился в международном аэропорту Гандера. Галлоглас помог Диане сойти вниз и размять ноги, как рекомендовал ее врач.

— Для Ньюфаундленда ты слишком легко одета, — сказал он, накидывая ей на плечи потертую кожаную куртку. — Здесь ветры — будь здоров. Мигом проберут до костей.

-- Спасибо, Галлоглас.

Даже его куртка не спасала Диану от холода.

— Скажи, тетушка, в какую часть Европы ты собралась? — спросил Галлоглас во время их второго прохода по маленькой взлетной полосе.

— Так ли уж это важно?

По голосу Дианы чувствовалось, что ее покорность судьбе сменилась более мрачным состоянием.

Безнадежностью.

— Нет, тетушка. В слове «Нарсарсуак» ударение надо делать не на первом, а на втором слого, — поправил Диану Галлоглас, укутывая ее в меховой плед.

Нарсарсуак находился на южной оконечности Гренландии, однако здесь было еще холоднее, чем в Гандере. Тем не менее Диана настояла на краткой прогулке.

— А ты откуда знаешь? — с оттенком раздражения спросила Диана, губы которой успели слегка посинеть.

— Знаю, и все.

Галлоглас подозвал служащего аэропорта, и тот принес большую кружку горячего чая, добавив туда немного виски.

— Кофеин и алкоголь мне противопоказаны, — сказала Диана, отодвигая кружку.

— Моя мамочка пила виски на протяжении всей беременности. Погляди, каким крепким и здоровым я получился. — Голос Галлогласа сделался вкрадчивым. — Не надо упрямиться. Капелька виски не причинит тебе вреда. А для Яблочка и Фасолинки это предпочтительнее, чем переохлаждение.

— С ними все в порядке, — резко сказала Диана.

— Не сомневаюсь. Гладенькие, как лягушачьи волосики.

Произнеся это странное сравнение, Галлоглас снова пододвинул Диане кружку, надеясь, что аромат чая убедит ее нарушить врачебные запреты.

— Это же чай «Шотландский завтрак». Твой любимый.

— Отойди от меня, сатана, — проворчала Диана, но кружку взяла. — Кстати, твоя мамочка, пока вынашивала тебя, никак не могла пить виски. Первые упоминания о производстве виски в Шотландии и Ирландии относятся к пятнадцатому веку. Ты появился на свет раньше.

Галлоглас подавил вздох облегчения. Если тетушка стала цепляться за историческую достоверность, все не так плохо.

Диана вытащила мобильник.

— Кому ты звонишь? — осторожно спросил Галлоглас, вновь ощутив беспокойство.

— Хэмишу.

Когда лучший друг Мэтью ответил на звонок, то произнес ровно те слова, какие Галлоглас ожидал услышать из его уст:

— Диана? Что случилось? Где ты?

— Не могу вспомнить, где мой дом, — сказала она, не отвечая на его вопросы.

— Твой дом? — переспросил еще более ошеломленный Хэмиш.

— Да, мой дом, — терпеливо повторила Диана. — Лондонский дом, который мне подарил Мэтью. В Сет-Туре ты еще давал мне на подпись какие-то бумаги о праве владения.

Лондон? Галлоглас понял, что его вампирские качества тут бесполезны. Куда лучше было бы родиться колдуном. Возможно, тогда ему открылась бы тайна работы мозга этой женщины.

— Он находится в районе Мейфэр, недалеко от «Койнота». А в чем дело?

— Мне нужны ключи. И точный адрес. — Диана сделала паузу, что-то обдумывая. — Еще мне понадобится водитель для поездок по городу. Демоны предпочитают метро, а всеми основными компаниями такси владеют вампиры.

Галлогласа это ничуть не удивляло. Кому еще хватило бы времени, чтобы запомнить триста двадцать магистралей, двадцать пять тысяч улиц и двадцать тысяч достопримечательностей в радиусе шести миль от Чаринг-Кросс? Без этого лицензию водителя такси не получишь.

— Водитель? — переспросил Хэмиш.

— Да. И скажи: к моему сказочному счету в банке «Куттс» прилагается карточка с высоким лимитом расходов?

Галлоглас выругался. Диана наградила его ледяным взглядом.

— Да, — ответил Хэмиш, беспокойство которого возросло еще сильнее.

— Прекрасно. Мне нужно купить книги. Все, что написал Афанасий Кирхер. Первое или второе издание. Ты сумел бы еще до конца недели навести справки?

Диана намеренно не замечала пристального взгляда Галлогласа.

— Повтори мне фамилию этого Афанасия, — попросил Хэмиш.

Галлоглас слышал поскрипывание перьевой ручки. Хэмиш добросовестно записывал пожелания Дианы.

— Кирхер. — Диана произнесла фамилию по буквам. — Тебе придется искать у торговцев редкими книгами. В Лондоне должны быть его книги. Их стоимость меня не волнует.

— Ты рассуждаешь, как наша бабуля, — пробормотал Галлоглас.

Одно это давало ему повод для беспокойства.

— Если к концу следующей недели ты не сумеешь добыть книги, тогда придется навестить Британскую библиотеку. Но осенний семестр уже начался, и в зале редких книг полным-полно ведьм. Мне было бы гораздо лучше оставаться дома.

— А нельзя ли мне поговорить с Мэтью? — осторожно спросил Хэмиш.

— Его здесь нет.

— Ты одна? — откровенно испугался Хэмиш.

— Разумеется, нет. Со мной Галлоглас, — ответила Диана.

— И Галлоглас знает о твоих плахах усесться в переполненном зале Британской библиотеке и читать книги этого... как его... Афанасия Кирхера? Диана, неужели ты окончательно спятила? Вся Конгрегация тебя разыскивает!

С каждой фразой голос Хэмиша звучал громче и громче.

— Хэмиш, я знаю об интересе Конгрегации к моей персоне. Потому и попросила тебя купить эти книги, — спокойно ответила Диана.

— Где Мэтью? — напрямую спросил Хэмиш.

— Не знаю. — Диана скрестила пальцы, сознавая, что врет лучшему другу мужа.

— Я встречу тебя в аэропорту. Позвони за час до приземления, — попросил Хэмиш.

— В этом нет необходимости, — возразила она.

— За час до приземления позвони обязательно. — Хэмиш ненадолго умолк. — Диана, послушай... Не знаю, что за чертовщина у вас там происходит, но в одном я уверен: Мэтью тебя любит. Больше жизни.

— Знаю, — прошептала Диана и отключилась.

Безнадёжность в ее голосе сменилась безжизненностью.

Самолет повернул на юго-восток. Пилот подслушал разговор и, не задавая лишних вопросов, изменил курс.

— Что этот болван делает? — прорычал Галлоглас, вскакивая на ноги.

Он опрокинул чайный поднос. Песочное печенье разлетелось по полу салона.

— Вам нельзя лететь прямо в Лондон! — крикнул Галлоглас. — Это четыре часа в воздухе, а мадам де Клермон нельзя находиться в воздухе больше трех.

— Тогда куда? — донесся приглушенный голос пилота.

— Летите в Сторнуэй. Это по прямой, и туда менее трех часов лету. А из Сторнуэя легко добраться до Лондона.

Курс был задан. Поездка Маркуса в обществе Мэтью, Джека, Хаббарда и Люберо, какой бы жуткой она ни казалась, едва ли могла сравниться с этими прыжками по воздуху.

— Какая красота! — прошептала Диана, отводя волосы с лица.

Солнце медленно выплывало из-за гряды Минч. Галлоглас наполнил легкие знакомым воздухом родины. Видение, которое постоянно являлось ему в мечтах, стало реальным: Диана Бишоп, стоящая на земле его предков.

— Да, — коротко ответил Галлоглас, направляясь к самолету.

Тот с включенными огнями стоял на боковой полосе, готовый к взлету.

— Я еще минутку постою.

Диана оглядывала незнакомый пейзаж. Осень добавила к зелени склонов мазики умбры и золота. Ветер шевелил рыжие волосы Дианы, заставляя их вспыхивать, как угли.

Что так привлекло ее внимание? Галлоглас терялся в догадках. Склоны гор? Вряд ли. Неужели одинокая серая цапля на длинных ярко-желтых ногах? Странно, как такие тонкие ноги не ломались под тяжестью птичьего тела.

— Идем, тетушка. Тут недолго замерзнуть насмерть.

С тех пор как Галлоглас отдал Диане свою кожаную куртку, на нем не было ничего, кроме привычной «униформы»: футболки и поношенных джинсов. Тело вампира не ощущало холода, однако он хорошо помнил, сколь пронизывающе-холодным был утренний воздух в этих краях.

Цапля пристально смотрела на Диану. Похоже, это был самец. Затем он несколько раз вскинул и опустил голову, расправил крылья и протяжно закричал. Еще через мгновение цапля взмыла в воздух и полетела к морю.

— Диана!

Она повернулась. От взгляда ее синих с золотистыми крапинками глаз у него зашевелились волосы на затылке. В этом взгляде было что-то потустороннее. Галлогласу вспомнилось свое человеческое детство и темная комната, где дед раскладывал руны и бормотал пророчества.

Даже после того, как самолет стал набирать высоту, Диана продолжала смотреть на что-то далекое и неведомое. Галлоглас поглядывал на разноцветные пятна внизу и молился о попутном ветре.

— Как ты думаешь, мы когда-нибудь перестанем бегать и скрываться? — вдруг спросила Диана.

Ответа Галлоглас не знал, а врать ей не смел. Он промолчал.

Диана спрятала лицо в ладонях.

— Тетушка, только не вздумай реветь. — Галлоглас прижал ее к себе и покачал, как укачивают ребенка. — Нельзя думать о плохом и худшем. Тебе это несвойственно.

— Галлоглас, я ужасно устала.

— На то есть причины. Этот бросок из настоящего в прошлое и обратно. Ты прожила нелегкий год.

Галлоглас прижался подбородком к макушке Дианы. Пусть она и львица Мэтью, но даже львам иногда нужно приклонять голову, закрывать глаза и отдыхать.

— Никак это Корра?

Диана заметила на руке Галлогласа татуировку, изображавшую хвост ее драконихи. Это открытие заставило самого Галлогласа вздрогнуть.

— И куда ведет ее хвост?

Галлоглас не успел удержать Диану: она задрала рукав его футболки. Глаза Дианы широко раскрылись.

— Ты не должна была это видеть, — сказал Галлоглас.

Он отстранился и торопливо опустил рукав.

— Покажи.

— Тетушка, думаю, нам лучше...

— Покажи, — повторила Диана. — Пожалуйста.

Галлоглас задрал футболку. Татуировки на его теле могли рассказать очень и очень многое, но жене Мэтью были интересны лишь несколько глав этой летописи.

— Галлоглас... надо же...

Чуть выше его сердца была изображена сирена, сидящая на камне. Ее простертая рука касалась левого бицепса Галлогласа. Сирена держала пучок нитей. Нити змеились по его руке, переплетались, изгибались, незаметно превращаясь в такой же изогнутый хвост Корры. Он вился вокруг локтя и далее соединялся с изображением тела драконихи.

У сирены было лицо Дианы.

— Такую женщину, как ты, тяжело найти, но еще тяжелее забыть. — Галлоглас опустил футболку.

— Давно? — Синие глаза Дианы смотрели на него сочувственно и с каким-то огорчением.

— Четыре месяца.

Галлоглас умолчал, что это изображение было последним в цепи схожих изображений, которыми он покрывал кожу над сердцем.

— Я не это имела в виду, — тихо сказала Диана.

— Четыреста лет назад. Может, чуть больше или меньше, — произнес Галлоглас, упершись взглядом в ковер на полу салона.

— Мне так...

— Я не допущу, чтобы ты сожалела о том, чего не могла предотвратить, — сказал Галлоглас, резко взмахнув рукой. — Я знал, что ты никогда не будешь моей. Все остальное значения не имело.

— Но я была твоей, пока не встретила Мэтью, — возразила Диана.

— Только потому, что я наблюдал, как ты вырастаешь в жену Мэтью, — хрипло ответил Галлоглас. — У деда была просто дьявольская способность давать нам поручения, от которых невозможно отказаться и которые невозможно выполнить, не потеряв при этом часть своей души. — Галлоглас шумно вдохнул. — Пока я не увидел газетную статью о лабораторном журнале леди Пемброк, во мне еще теплилась надежда, что судьба припасла в своем рукаве подарок для меня. Я думал: вдруг ты вернешься из прошлого совсем иной? А если без Мэтью? Или не питаю к нему такой любви, какую он питает к тебе?

Диана молча слушала.

— Как я и обещал деду, я отправился в Сет-Тур ждать тебя. Я ждал. Эмили и Сара постоянно говорили о переменах, которые могли случиться из-за твоего путешествия во времени. Одно дело — миниатюры и телескопы. Но для тебя, Диана, существовал только один мужчина. И Бог свидетель, для Мэтью за всю его долгую жизнь существовала только одна женщина.

— Как странно ты произносишь мое имя. Ты ведь почти всегда называешь меня тетушкой.

— Пока я называю тебя тетушкой, это не дает мне забывать, кто в действительности владеет твоим сердцем, — угрюмо признался Галлоглас.

— Филипп не должен был поручать тебе наблюдение за мной. Это жестоко, — сказала Диана.

— Не более жестоко, чем ожидания Филиппа, которые он распространял на тебя, — ответил Галлоглас. — То и другое несравнимо с требованиями, какие дед предъявлял к себе. — Видя замешательство Дианы, Галлоглас объяснил: — Свои личные потребности Филипп всегда ставил на последнее место. Вампирами управляет желание. Ими движет инстинкт самосохранения, ко-

торый развит у них намного сильнее, чем у кого-либо из теплокровных. Однако Филипп существенно отличался от нас. Всякий раз, когда бабуля делалась беспокойной и уезжала, это разбивало ему сердце. Тогда я не понимал, откуда у Изабо потребность временно исчезать. А когда я услышал ее историю, то понял. Думаю, любовь Филиппа пугала ее. Его любовь была настолько глубокой и бескорыстной, что бабушка попросту не могла в это поверить. Она помнила, через какие ужасы провел ее тот, кто превратил ее в вампира. Часть личности Изабо всегда опасалась, что Филипп поведет себя схожим образом и потребует для себя то, чего она не в состоянии дать.

Взгляд Дианы стал задумчивым.

— Ты нуждаешься в свободе. Умом Мэтью это понимает. Но для него это всегда борьба. Даже пустяк, которым ты занимаешься без него и вне его поля зрения, превращается для Мэтью в нескончаемые терзания и тревожные ожидания. Когда я это вижу, мне сразу вспоминается Филипп, — сказал Галлоглас, завершая объяснения.

— Что же нам теперь делать?

Диана, конечно же, имела в виду не их ближайшие дела в Лондоне, однако Галлоглас сделал вид, что понял именно так.

— Дождаться возвращения Мэтью, — ответил он. — Ты хотела, чтобы он создал семью. Вот он и отправился выполнять твое желание.

Под кожей Дианы разноцветными вспышками пульсировала ее магическая сила. Галлогласу вспомнилось, как долгими ночами он стоял на песчаном берегу и любовался северным сиянием. А сзади нависали скалы. Это было в тех местах, где когда-то жили его отец и дед.

— Не волнуйся. Мэтью там долго не задержится. Одно дело — бродить во тьме, считая, что везде так, и совсем другое — наслаждаться светом, который от тебя тут же отобрали, — сказал Галлоглас.

— Ты так уверенно об этом говоришь, — прошептала Диана.

— Говорю, поскольку знаю. Детей у Маркуса не слишком много, и он заставит их подчиниться... Ты ведь выбрала Лондон с определенной целью? — понизив голос, спросил Галлоглас, и ее глаза вспыхнули. — Так я и думал. Ты не только ищешь последний из вырванных листов. Ты решила добраться до самого ману-

скрипта... Не спеши говорить, что я несу чушь, — добавил Галлоглас, увидев, как Диана приготовилась возражать. — А значит, тебе понадобится окружение. Надежное окружение, которому ты всецело доверяешь, вроде бабули, Сары и Фернандо. — Галлоглас полез за мобильником.

— Сара уже знает, что я лечу в Европу. Подробности я сообщу ей, когда окажусь на месте. — Диана хмуро покосилась на телефон. — А Изабо все еще остается пленницей Герберта. Она отрезана от внешнего мира.

— У бабушки свои методы, — невозмутимо произнес Галлоглас, чьи пальцы бегали по кнопкам. — Я сейчас отправлю ей эсэмэску и сообщу, куда мы направляемся. Потом я позвоню Фернандо. Тетушка, тебе нельзя действовать в одиночку. Особенно в столь рискованных делах.

— Удивляюсь тебе, Галлоглас. Ты с поразительным спокойствием принимаешь мои решения. — Диана была ему искренне благодарна. — Мэтью попытался бы отговорить меня от этой затеи.

— Вот что бывает, когда полюбишь не того вампира, — едва слышно прошептал Галлоглас, пряча мобильник в карман.

Изабо де Клермон посмотрела на загоревшийся дисплей своего изящного красного телефона. Часы в левом верхнем углу показывали 7:37. Затем она прочла сообщение, начинающееся с трижды повторенного слова.

Mayday
Mayday
Mayday¹

Она ждала сообщений от Галлогласа с тех пор, как Фиби уведомила ее о внезапном отъезде Маркуса. Тот вдруг сорвался и уехал среди ночи, ничего не объяснив. Сказал лишь, что летит к Мэтью.

Изабо и Галлоглас уже давно решили, что им нужен способ взаимного оповещения на тот случай, если события вдруг станут «грушевидными», по выражению ее внука. Менялись эпохи, менялся и способ. Сигнальные огни сменились шифрованными посланиями, написанными луковым соком. Затем настало время

¹ Международный сигнал бедствия. Это слово по звучанию напоминает французское m'aider — «помогите мне».

почтовых посылок, отправляемых без каких-либо объяснений. Нынче бабушка и внук пользовались мобильниками.

Поначалу Изабо скептически отнеслась к появлению устройства так называемой сотовой связи, но после недавних событий обрадовалась, что не забросила мобильник подальше. Вскоре после ее приезда в Орильяк Герберт отобрал красную коробочку в тщетной надежде сделать узницу более покладистой.

Телефон он ей вернул около месяца назад. Изабо добровольно согласилась быть заложницей, чтобы удовлетворить ведьм и устроить публичный спектакль, показывая, какой властью и влиянием обладает Конгрегация. Герберт не питал иллюзий насчет того, что его пленница где-то проболтается и по обрывкам сведений он сумеет найти Мэтью. Однако он был благодарен Изабо: роль свою она играла виртуозно. С первых минут появления в доме Герберта она вела себя как образцовая заложница. Возвращение ей телефона он обставил как награду за хорошее поведение, но Изабо догадывалась об истинной причине. Герберт просто не знал, как отключить ее многочисленные звуковые напоминания, звучавшие на протяжении дня.

Изабо нравились эти напоминания о событиях, изменивших ее мир. Один сигнал звучал около полудня в память о ее освобождении. Тогда Филипп с солдатами ворвались в башню, где она томила, и Изабо ощутила первые проблески надежды. Другой сигнал напоминал ей о времени, когда Филипп впервые признался ей в любви. Это было рано утром, за два часа до восхода солнца. Мэтью она сделала вампиром в три часа пополудни, обнаружив его искалеченным и умирающим в недостроенной церкви Сен-Люсьена. Телефон напоминал ей и об этом. Еще одно напоминание, самое страшное: 13:23 — время, когда Мэтью выпил последние капли крови из истерзанного тела Филиппа, оборвав его страдания... Были сигналы, напоминавшие Изабо о смерти Хью и Годфри. Телефон оживал в час, когда у Луизы впервые проявились признаки бешенства. Время, когда стало ясно, что болезнь не затронула Маркуса, тоже было отмечено. Помимо семейных событий, в память красного мобильного были заложены важные исторические события: например, время рождения королей и королев, с которыми Изабо когда-то дружила; войны, где она сражалась и победила, и битвы, проигранные ею, невзирая на тщательную подготовку.

Сигналы звучали день и ночь, и для каждого Изабо тщательно подобрала мелодию. Герберту особенно досаждала «Боевая песня Рейнской армии», звучащая в 17:30 — время, когда в 1789 году революционная толпа распахнула ворота Бастилии. Но для Изабо эти мелодии были чем-то вроде памятных записок. Они воскрешали лица и места, не давая стигнуть в пучине времени.

Изабо прочла оставшуюся часть послания Галлогласа. Посторонние глаза не увидели бы там ничего, кроме причудливой смеси прогноза погоды в духе спецвыпусков Би-би-си, международного сигнала бедствия и гороскопа, в котором упоминаются какие-то тени, луна, знаки Близнецов и Весов, а также нескольких координат с указанием широты и долготы. Изабо перечитала послание. Ей хотелось убедиться, что она правильно поняла содержание. Убедившись, она перечитала эсэмэску еще раз, запоминая инструкции Галлогласа. После этого она набрала и послала ответ:

Je Viens¹.

— Герберт, по-моему, я у тебя загостилась и мне пора домой, — без малейшего сожаления произнесла Изабо.

Зал, где она сейчас стояла, был оформлен в отвратительном псевдоготическом стиле. Ее тюремщик сидел за массивным столом, украшенным резьбой, и смотрел в монитор компьютера. Стол был довольно длинным. На другом конце, на люпитре, лежала тяжелая старинная Библия. Люпитр с обеих сторон окружали толстые белые свечи, словно рабочее место Герберта являлось алтарем. Подумав об этом, Изабо презрительно скривила губы. Тяжелая мебель XIX века была под стать столу. Диванами Герберту служили переделанные церковные скамьи. Особенно досаждали Изабо аляповатые зелено-голубые шелковые обои, украшенные рыцарскими щитами. Единственными подлинными предметами в зале были громадный каменный очаг и монументальная шахматная доска перед ним.

По-прежнему глядя в монитор, Герберт нажал какую-то клавишу и застонал.

— Если у тебя опять нелады с компьютером, Жан-Люк придет из Сен-Люсьена и поможет, — сказала Изабо.

¹ Выезжаю (фр.).

Герберт нанял этого симпатичного парня для устройства домашней компьютерной сети. Изабо как бы невзначай поделилась услышанным за обедом в Сет-Туре. Натаниэль Уилсон утверждал, что полем войн будущего станет Интернет, а Маркус якобы собирался через Интернет управлять основными банковскими операциями ордена Рыцарей Лазаря. Правда, Болдуин и Хэмиш отклонили экстраординарную идею се внука, но Герберту об этом незачем знать.

Герберт спешно обзавелся компьютерным оборудованием. Во время сборки и наладки заказанной домашней сети Жан-Люку требовалось несколько раз созваниваться с головным офисом для консультаций. Натаниэль, добрый друг Маркуса, решил приобщить жителей Сен-Люсьена к современной эпохе. Сам Натаниэль уже находился в Австралии, однако всегда был рад проконсультировать своего французского коллегу по сложным вопросам, где требовался его опыт. Результатом консультаций, помимо прочего, стало детальное знакомство Жан-Люка с различными конфигурациями безопасности, поскольку Герберт, естественно, требовал высочайшего уровня безопасности.

К имеющимся конфигурациям Натаниэль добавил и несколько собственных разработок.

В результате Изабо и Натаниэль знали о Герберте из Орильяка больше, чем, по мнению Изабо, было возможно. Бабушку Маркуса даже воротило от обилия сведений. Удивительно, как много можно было узнать о характере и действиях интересующей персоны, анализируя его онлайн-покупки и манеру их совершать.

Изабо удостоверилась, что Жан-Люк подцепил Герберта на крючок социальных сетей и всевозможных сервисов. Вампир погружался туда с головой, забывая о пленнице. Изабо удивляло, почему все эти компании выбирали для своих логотипов оттенки синего и голубого. В ее представлении синий и голубой настраивали на покой и безмятежность, тогда как сайты постоянно будоражили желания и умело создавали их. Это было даже хуже версальского двора. Потом Изабо вспомнила, что Людовик XIV, которого называли Богоданным, тоже очень любил синий цвет.

Новое виртуальное существование устраивало Герберта всем. Единственной досадой была невозможность зарегистрировать Pontifex Maximus¹ в качестве имени пользователя. Изабо успо-

¹ Верховный понтифик (лат.).

коила его, сказав, что это даже к лучшему, поскольку остальные вампиры, демоны и ведьмы могли усмотреть в таком имени нарушение завета.

К огорчению Герберта и к немалой радости Изабо, чрезмерное увлечение Интернетом и понимание, как наилучшим образом использовать Всемирную паутину, не всегда шли рука об руку. Зависая на определенных сайтах, Герберт, сам того не подозревая, цеплял компьютерные вирусы. К тому же он создавал чрезмерно сложные пароли, забывал добавлять полюбившиеся сайты в закладки и потом не мог вспомнить, как он туда попадал. Естественно, Герберт тут же хватался за телефон и начинал звонить Жан-Люку. Тот неизменно выручал вампира из очередного затруднения и таким образом постоянно был в курсе всей онлайн-информации, получаемой Гербертом.

Пока Герберт забавлялся с компьютером, Изабо свободно бродила по замку, рылась в его вещах и переписывала весьма любопытные данные из многочисленных адресных книжек вампира.

Жизнь в качестве заложницы Герберта снабдила Изабо массой полезных сведений.

— Мне пора возвращаться, — повторила Изабо, когда Герберт наконец оторвался от монитора. — Нет больше причин удерживать меня здесь. Конгрегация победила. Я только что получила известие от семьи: Мэтью и Диана больше не вместе. Подозреваю, бедная девочка не вынесла чудовишного напряжения. Ты должен быть очень доволен.

— Я еще не слышал об этом. А ты? — спросил он, подозрительно глядя на Изабо. — Ты довольна?

— Разумеется. Я всегда не жаловала ведьм.

Герберту незачем было знать, как диаметрально поменялось отношение Изабо к ведьмам.

— М-да... — Настороженность в глазах вампира не исчезла. — И теперь ведьма Мэтью вернулась в Мэдисон? Уйдя от твоего сына, Диана Бишоп наверняка захочет быть рядом с теткой.

— Уверена, она истосковалась по дому, — сказала Изабо, выпуская тумана. — После сердечных потрясений теплокровным свойственно тянуться к привычному.

В решении Дианы вернуться туда, где они с Мэтью наслаждались совместной жизнью, Изабо усмотрела многообещающий знак. Что же касается разлуки, существовало немало способов об-

легчить душевную боль и чувство одиночества. То и другое — неизменные спутники ее замужества. Диана связала жизнь с главой крупного вампирского клана, точнее, с будущим главой. Изабо не терпелось поскорее увидеться с невесткой и помочь ей всем, чем сможет. Большинство вампиров и не подозревали, из какого крепкого теста сделана Диана.

Тебе нужно с кем-либо обсудить мой уход? С Доменико? Или с Сату? — вежливо спросила Изабо, до конца играя роль образцовой заложницы.

— Они пляшут под мою дудку, хмуря брови, ответил Герберт.

Когда затрагивалось это Герберта, манипулирование вампиром становилось до смешного простым. А его это было затронуто практически всегда. Изабо спрятала довольную улыбку.

— Если я тебя освобожу, ты вернешься в Сет-Тур и останешься там? — спросил Герберт.

— Конечно, — мгновенно ответила она.

— Изабо! — рявкнул Герберт, которому хотелось услышать развернутый ответ.

— Я не покидала территорию наших владений с середины сороковых годов прошлого века, — сказала Изабо, выказывая нетерпение. — Если только Конгрегация не репит снова сделать меня заложницей, я остаюсь во владениях де Клермонов. Только Филипп мог бы уговорить меня куда-нибудь отправиться.

— К счастью, даже Филипп де Клермон не может нам приказывать с того света. Хотя уверен, он был бы не прочь руководить нами и оттуда, — сказал Герберт.

«Знал бы ты, жаба, у тебя бы от удивления глаза на лоб полезли», — подумала Изабо.

— В таком случае не смею тебя задерживать. Тывольна покинуть замок. — Герберт вздохнул. — Но постарайся не забывать: мы находимся в состоянии войны. Сохраняй видимость.

— Герберт, я постоянно помню, что мы находимся в состоянии войны.

Изабо больше не могла сохранять видимость равнодушного спокойствия. К тому же она боялась, что найдет иное применение железной кочерге, поставленной возле очага. Поэтому она поспешила оставить Герберта наедине с компьютером и пошла искать Марту.

Ее многовековая надежная спутница сидела на безупречно чистой кухне, грелась у камина и читала потрепанный экземпляр детектива «Шпион, выйди вон». В руке у Марты была кружка с горячим вином, сдобренным пряностями. Неподалеку мясник разделывал кролика для хозяйского завтрака. Дельфтские кафельные плитки на стенах придавали кухне веселый облик, отличающийся от мрачных помещений замка.

— Марта, мы возвращаемся домой, — сказала Изабо.

— Наконец-то. — Кряхтя, Марта поднялась со стула. — Терпеть не могу Орильяк. Здесь отвратительный воздух. *Adiu siatz*¹, Тео.

— *Adiu siatz*, Марта, — буркнул Тео, продолжая возиться с несчастным кроликом.

Герберт вышел проститься с ними. Он поцеловал Изабо в обе щеки. Это видела мертвая кабанья голова. Кабана давным-давно убил Филипп. Из головы сделали чучело, и с тех пор она украшала стену над камином.

— Хочешь, я попрошу Энцо подвезти вас? — предложил Герберт.

— Мы лучше пройдемся пешком.

Это позволило бы им с Мартой спокойно обсудить ближайшие планы. После стольких недель шпионажа, осуществляемого под крышей замка Герберта, Изабо было трудно оставить чрезмерную осторожность.

— Но это восемьдесят миль, — напомнил Герберт.

— Мы сделаем остановку в Алланше и подкрепимся. Там в окрестных лесах когда-то было полным-полно оленей.

Разумеется, ни в какой Алланш Изабо не собиралась. Она послала Алену эсэмэску и попросила ждать их в окрестностях Мюрата. Оттуда Ален довезет их до Клермон-Феррана, а там они усядутся в одну из адских летающих машин Болдуина и помчатся в Лондон. Марта ненавидела летать, считая такое передвижение неестественным, но нельзя же, чтобы Диану встретил холодный дом.

— До встречи, — сказала Изабо, вкладывая в руку Герберта визитку Жан-Люка.

¹ До свидания (*окситан.*).

Взявшись за руки, Изабо и Марта вышли на утренний холод. С каждым шагом башни замка Анже-Дешю становились все меньше и меньше, пока совсем не исчезли из виду.

— Марта, мне нужно установить новое памятное время. Семь часов тридцать семь минут утра. Обязательно напомни. Думаю, для мелодии самым подходящим будет «Марш Генриха Четвертого», — прошептала Изабо.

Ноги быстро несли их вперед, туда, где на севере дремали вершины древних вулканов, и дальше, навстречу будущему.

Глава 24

— Леонард, ты не ошибся? Этот дом никак не может быть моим.

Роскошный кирпичный особняк в одном из самых фешенебельных кварталов Лондона. Фасад в пять окон, четыре высоких этажа. Я продолжала думать, что это ошибка, и одновременно не хотела ошибиться. Переплеты высоких окон были выкрашены в белый цвет, великолепно сочетаясь с теплым оттенком кирпичных стен. Старинные стекла как будто подмигивали, ловя полуденное солнце. Мне представлялось, что внутри дом буквально купается в свете. Наверняка там и тепло, поскольку на крыше вместо обычных двух труб было три. А входная дверь сверкала таким изобилием начищенной меди, что хватило бы на духовой оркестр. Славный кусочек истории, называемый домом.

— Мне дали этот адрес и велели ехать сюда, мистресс... э-э... миссис... хм... Диана.

Леонард Шордич — давнишний приятель Джека и один из бывших отпетых чад Хаббарда — вместе с Хэмишем встречал нас в зоне прибытия частных самолетов аэропорта в Лондоне, в Доклендсе. Остановив «мерседес», Леонард обернулся назад, ожидая дальнейших указаний.

— Тетушка, я же тебе говорил, что это твой дом. Если не понравится, мы найдем другой. Но будущие сделки с недвижимостью разумнее обсуждать внутри, а не здесь, где нас видят все местные вампиры, демоны и ведьмы. Вытаскивай багаж, парень, — приказал он Леонарду, вылезая с пассажирского сиденья.

Галлоглас шумно захлопнул дверцу. Он до сих пор сердился, что не сам вез меня в Мейфэр. Но в XVI веке я уже плавала по Темзе с Галлогласом и предпочла довериться водительскому искусству Леонарда.

Я еще раз с сомнением посмотрела на особняк.

— Не волнуйся, Диана. Дом Клермона внутри гораздо скромнее, чем снаружи. Правда, есть роскошная лестница и затейливая лепнина на потолке. Но не везде, — сказал Хэмиш, открывая дверцу. — Ты к нему привыкнешь, хотя дом... действительно великоват.

Леонард открыл багажник, достав оттуда мой чемодан и большой рукописный плакат, с которым он нас встречал. По его словам, он хотел исполнить поручение надлежащим образом и соорудил этот плакат, написав крупными буквами «КЛЕРМОН». Когда Хэмиш сказал ему о необходимости соблюдать разумную осторожность, Леонард перечеркнул написанное и ниже еще жирнее вывел новую надпись: «РОЙДОН».

— Как ты догадался обратиться к Леонарду? — спросила я у Хэмиша, выбравшись с его помощью из машины.

Первый и единственный раз я видела Леонарда в 1591 году. Тогда он выглядел пятнадцатилетним подростком. К нам он пришел в компании другого мальчишки со странным, но точным прозвищем Эймен Уголок. Еще я помнила, как Мэтью бросил в них кинжал только за то, что они явились с посланием от отца Хаббарда. Вряд ли моему мужу хотелось поддерживать контакты с чадами Хаббарда.

— Галлоглас прислал сообщение с номером мобильного Леонарда. Он попросил, чтобы наши дела по возможности не выходили за пределы семьи. А я и не знал, что Мэтью владеет частной компанией прокатных автомобилей, — признался Хэмиш, с любопытством глядя на меня.

— Компания принадлежит внуку Мэтью.

Пока ехали из аэропорта, я в основном просматривала рекламные буклеты, собранные в кармане на задней стенке водительского сиденья. Буклеты на все лады расхваливали услуги компании с ограниченной ответственностью «Хаббарды из Хаундсдича», которая «с 1917 года качественно и эффективно удовлетворяет самые разнообразные транспортные потребности лондонцев».

Мои объяснения прервало появление невысокой, широкобедрой пожилой женщины со знакомым нахмуренным лицом. Она открыла синюю сводчатую дверь. Я застыла, не веря своим глазам.

— Что-то ты исхудала, Марта, — сказал Галлоглас, наклоняясь и целуя ее.

Затем он обернулся назад. От тротуара к двери вели несколько ступенек, которые, по мнению Галлогласа, я должна была бы уже одолеть.

— Тетушка, ты так и будешь стоять на тротуаре?

— А почему здесь оказалась Марта?

У меня пересохло во рту, и голос звучал хрипло.

— Никак Диана появилась? — зазвенел голос Изабо, вплетаясь в негромкие городские звуки. — Мы с Мартой прилетели помогать тебе. Только и всего.

Галлоглас присвистнул:

— Бабуля, смотрю, тебе очень понравилось быть удерживаемой против воли. Такой оживленной я тебя не видел со времен коронации Виктории.

— Лстец! — Изабо потрепала внука по щеке, затем, увидев меня, чуть не ойкнула.

— Марта, погляди! Диана белая как снег. Галлоглас, немедленно затаскивай ее внутрь.

— Тетушка, слышала? С бабулей не спорят. — Галлоглас подхватил меня на руки и внес в дом.

Я оказалась в просторном холле. Его пол был выложен черно-белыми мраморными плитами. Холл заканчивался завораживающе красивой изогнутой лестницей. Над лестницей из круглого окна струился солнечный свет, заливая ступени и позволяя разглядеть детали лепных украшений.

Меня провели в тихую гостиную. На окнах были длинные портьеры из серого травчатого шелка. Их цвет составлял приятный контраст с кремовыми стенами. Мне понравились оттенки мебели: серо-голубой, терракота, кремовый и черный. Все это подчеркивало серый цвет портьер. В воздухе слабо пахло корицей и клевером. Вкус Мэтью ощущался во всем. В заводной модели Солнечной системы, чьи медные планеты сверкали, как маленькие солнца. В японском фарфоре. В ковре теплых оттенков.

— Привет, Диана. Я подумала, что ты не откажешься от чая.

В комнату вошла Фиби Тейлор, распространяя запах сирени и держа поднос, на котором слегка позвякивали фарфоровые чашки и серебряные ложечки.

— А почему ты не в Сет-Туре? — спросила я, испытав еще одно удивление.

— Изабо сказала, что здесь я нужнее.

Черные каблучки Фиби стучали по блестящему паркету. Естественно, она сразу заметила Леонарда и впиалась в него глазами. Это не помешало Фиби поставить поднос на изящный столик, крышка которого была отполирована до зеркального блеска и воспроизводила отражение невесты Маркуса.

— Простите, мы, кажется, раньше не встречались. Желаете чая?

— Леонард Шордич, ма-мадам, к вашим услугам, — слегка заикаясь, представился Леонард и неуклюже поклонился. — Благодарю за предложение. Я бы не прочь выпить чайку. С молоком. Четыре куска сахара.

Фиби налила чай, положила в чашку только три куска сахара и подала Леонарду. Марта фыркнула, затем уселась на стул с высокой спинкой. Оттуда она, словно ястреб, следила за каждым движением Фиби и Леонарда.

— Леонард, такое обилие сахара испортит тебе зубы, — сказала я, не в силах сдержать материнский инстинкт.

— У вампиров зубы не портятся, мистресс... э-э... миссис... хм... Диана.

От смущения его рука сильно дрожала, заставляя дрожать и фарфоровую чашку на блюдце, расписанную красным орнаментом в японском стиле. Фиби побледнела:

— Это фарфор челси, причем довольно ранний. Все, что собрано в этом доме, должно бы находиться под стеклом, в музее Виктории и Альберта. — Фиби протянула мне такую же чашку с серебряной ложечкой, позвякивающей на блюдце. — Если что-нибудь разобьется, я себе не прощу. Такие шедевры незаменимы.

Если у Фиби с Маркусом дойдет до свадьбы, ей придется привыкнуть к жизни в окружении предметов, имеющих музейную ценность.

Я сделала глоток обжигающе горячего сладкого чая с молоком и облегченно вздохнула. Воцарилась тишина. Я сделала еще глоток и оглядела гостиную. Галлоглас расположился в угловом кресле эпохи королевы Анны, широко расставив мускулистые ноги. Изабо восседала в самом красивом кресле с высокой спинкой, украшенном серебряными листьями, а сиденье было обито дамаскотом. Хэмиш вместе с Фиби устроились на диванчике красного дерева. Заметно нервничающий Леонард оседлал один из стульев возле чайного столика.

Собравшиеся находились в ожидании. Поскольку Мэтью отсутствовал, члены семьи и друзья смотрели на меня. Казалось, они ждут сведений или распоряжений. На мои плечи лег груз ответственности. Как Мэтью и предсказывал, ощущение было не из приятных.

— И когда же Конгрегация отпустила тебя на свободу? — спросила я у Изабо.

Несмотря на чай, сухость во рту не исчезала.

— Мы с Гербертом... пришли к соглашению вскоре после твоего приземления в Шотландии, — непринужденным тоном ответила Изабо, хотя ее улыбка говорила: у этой истории есть нюансы.

— Фиби, а Маркус знает, что ты здесь? — задала я новый вопрос.

Интуиция подсказывала мне: он и понятия не имеет.

— С понедельника я считаюсь официально уволенной из «Сотбис». Он знал, что мне понадобится забрать из офиса личные вещи.

Фиби, как всегда, тщательно подбирала каждое слово, но под ее дипломатичной фразой залегало вполне однозначное «нет». Маркус по-прежнему считал, что его невеста находится в укрепленном французском замке, а не в роскошном лондонском особняке.

— Ты уволилась? — удивилась я.

— Если я захочу вернуться в «Сотбис», у меня на это будет не один век. — Фиби оглядела интерьер. — Впрочем, для составления подробных каталогов имущества семьи де Клермон мне бы понадобилось несколько жизней.

— Ты по-прежнему хочешь стать вампиршей? — спросила я.

Фиби кивнула. Надо будет уединиться с ней и отговорить девицу от рискованного шага. Если что-то пойдет не так, все шишки повалятся на Мэтью. А в этой семье что-то всегда шло не так.

— И кто сделает ее вампиршей? — шепотом осведомился у Галлогласа Леонард. — Отец Х.?

— Мне думается, у отца Хаббарда достаточно детей. А ты как считаешь, Леонард?

Нужно будет поскорее узнать точное их количество. Сколько среди них ведьм и демонов — это тоже нелишне знать.

— Я того же мнения, мистресс... э-э... миссис... хм...

— Правильная форма обращения к супруге *сир* Мэтью — «мадам». Отныне, обращаясь к Диане и в разговоре с ней, ты будешь употреблять это слово, — пришла Леонарду на выручку Изабо. — Так гораздо проще.

Марта и Галлоглас с удивлением посмотрели на Изабо.

— *Сир* Мэтью, — негромко повторила я.

Вплоть до недавнего времени к Мэтью обращались «милорд». А вот Филиппа еще в 1590 году называли сиром. Когда я спросила, как к нему обращаться, он ответил: «Меня тут все называют либо сиром, либо отцом». В то время его титул показался мне лишь старинной почтительной формой обращения, принятой во Франции. Сейчас я поняла более глубокий смысл. В вампирском понимании титул «сир» означал признание Мэтью главой клана.

Для Изабо новый клан, возглавляемый Мэтью, был свершившимся фактом.

— Что, просто «мадам»? — спросил ошеломленный Леонард.

— Да, просто «мадам», — покровительственным тоном ответила Изабо. — Меня ты можешь называть мадам Изабо. Когда Фиби выйдет замуж за милорда Маркуса, она станет мадам де Клермон. А пока называй ее мисс Фиби.

Леонард издал какой-то звук. Чувствовалось, он напряженно усваивает основы вампирского этикета.

И вновь стало тихо.

— Марта приготовила для тебя Лесную комнату, — сказала Изабо, вставая. — Это рядом со спальней Мэтью. — Если твое чаепитие завершено, я тебя провожу. Тебе обязательно нужно отдохнуть хотя бы несколько часов. Потом расскажешь о том, что тебе требуется.

Я поблагодарила ее и поставила чашку с недопитым чаем на круглый столик. Было бы неплохо его допить, но тонкие фарфоровые стенки плохо держали тепло, и чай успел остыть. А насчет того, что мне требуется, я даже не знала, с чего начать.

Мы с Изабо вышли из гостиной, поднялись по изящной лестнице на третий этаж. Коридорный ковер гасил наши шаги.

— На третьем этаже тебе будет спокойно, — сообщила Изабо. — Здесь всего две спальни, а также кабинет Мэтью и небольшая гостиная. Поскольку дом теперь твой, ты вольна по своему усмотрению менять обустройство.

— А где разместились остальные? — спросила я, видя, что Изабо снова повернулась в сторону лестницы.

— Наши с Фиби комнаты над тобой. Марта обосновалась в полуподвале, где комната домоправительницы. Если ты сочтешь, что дом перенаселен, мы с Фиби можем перебраться в дом Маркуса. Он находится вблизи Сент-Джеймского дворца и когда-то принадлежал Мэтью.

— Сомневаюсь в необходимости вашего переезда, — сказала я, подумав о размерах дома.

— Там видно будет... Вот и твоя спальня.

Изабо открыла широкую филенчатую дверь. Как и везде, медная дверная ручка умопомрачительно блестела. Переступив порог, я шумно выдохнула, пораженная увиденным.

Палитра спальни состояла из оттенков зеленого, серебристого, светло-серого и белого. Стены были оклеены светло-серыми обоями с ручной росписью, изображавшей ветви и листья. Серебристые мазки создавали эффект лунного света. В центре потолочной лепнины зеркально блестела луна. Похоже, она давала общий свет. Сверху из зеркала на меня смотрело призрачное женское лицо. Губы безмятежно улыбались. Потолочный узор разделялся на четыре квадранта, и из каждого глядело изображение Никс — воплощения ночи. Ее дымчато-черная развевающаяся накидка была нарисована так реалистично, что казалась настоящей тканью. Накидка была усыпана серебристыми звездами, которые ловили свет из окон и отражения в зеркале.

— Согласна, зрелище исключительное, — сказала Изабо, довольная моей восхищенной реакцией. — Мэтью хотел создать ощущение, будто ты в лесу, под небом, где ярко светит луна. Когда убранство спальни завершилось, он счел комнату слишком красивой. Спать здесь он не стал и обосновался в соседней комнате.

Изабо прошла к окнам, подняла портьеры. Яркий солнечный свет устремился в стенную нишу, где стояла старинная кровать с традиционными четырьмя столбами и балдахином. Ниша лишь слегка уменьшала ее величину. Рисунок шелковых кроватных занавесок повторял узор обоев. Над камином висело второе большое зеркало. В нем отражались обои и мебель: туалетный столик между высокими окнами, кресло-качалка у камина, сверкающие цветы и листья, которыми был инкрустирован низкий комод орехового дерева. Должно быть, на интерьер и мебель спальни Мэтью ухлопал целое состояние.

Стену напротив ниши украшала большая картина. Она висела между высокими окнами и изображала колдунью, сидевшую на земле и рисовавшую магические символы. Занятие колдуньи прерывала другая женщина, лицо которой скрывала вуаль. Она протягивала руку и, казалось, просила о помощи. Колдунья, ведьма. Странный сюжет для убранства вампирской спальни.

— Изабо, а кому прежде принадлежала эта комната?

— Мне думается, Мэтью готовил ее для тебя. Но тогда он еще об этом не знал, — ответила Изабо, раздвигая вторую пару портьер.

— Здесь когда-нибудь спала другая женщина?

Я бы глаз не сомкнула в спальне, где некогда обитала Жюльет Дюран.

— Со своими любовницами Мэтью встречался в иных местах, — в тон мне ответила Изабо, но, увидев мое лицо, уже мягче добавила: — У него много домов. Большинство из них не значат для него ничего. Некоторые значат. Этот — один из них. Он бы не стал дарить тебе то, что не имело ценности для него самого.

— Я и представить не могла, как тяжела окажется разлука с ним, — глухо призналась я.

— Супружество в вампирской семье — всегда тяжелая ноша, — с грустной улыбкой ответила Изабо. — Временные расставания порой бывают единственным способом сохранить совместную жизнь. В этот раз Мэтью не оставалось иного, как уехать без тебя.

— А Филипп когда-нибудь спрашивал тебя из дому? — спросила я, с нескрываемым любопытством глядя на мою скрытную свекровь.

— Естественно. Обычно Филипп отсылал меня из замка, когда ему требовалось сосредоточиться, а я отвлекала внимание. В других случаях — чтобы уберечь от возможных последствий разных бед. В его семье беды были явлением постоянным. — Она улыбнулась. — Выражаясь твоими словами, муж спрашивал меня всякий раз, когда знал, что я непременно встряну. Он заботился о моей безопасности.

— Значит, этой сверхопеке Мэтью научился у Филиппа? — спросила я.

Мне вспомнились случаи, когда Мэтью был готов рисковать собой, только бы уберечь меня от опасности.

— Мэтью научился сдувать пылинки с любимой женщины гораздо раньше, чем стал вампиром. Да ты и сама знаешь.

— Ты всегда выполняла приказы Филиппа?

— Не больше, чем ты выполняешь приказы Мэтью. — Изабо понизила голос, будто намеревалась раскрыть мне какую-то тайну. — Вскоре ты узнаешь: максимальная свобода в принятии собственных решений появляется у тебя в те моменты, когда Мэтью отсутствует, распространяя свою патриархальную власть на других. Быть может, как и я, ты потом будешь ждать моментов вашей разлуки.

— Сомневаюсь. — Я прижала кулак к пояснице, стараясь убрать судороги; Мэтью всегда так делал. — Я должна рассказать тебе о событиях в Нью-Хейвене.

— Ты никогда и никому не должна объяснять действий Мэтью, — резко возразила Изабо. — Вампиры ничего просто так не рассказывают. Знания в нашем мире — это сила.

— Ты мать Мэтью и вправе знать о случившемся. — Я мысленно перебрала события минувших дней. — Мэтью установил личность одного из детей Бенжамена и встретился с правнуком, о существовании которого даже не подозревал.

Из всех странных зигзагов и поворотов, сопровождавших нашу совместную жизнь, самым значительным было появление Джека и его отца. Особую важность это приобретало сейчас, когда мы находились в городе, который принадлежал отцу Хаббарду.

— Правнука зовут Джек Блэкфрайерс. Мы с Мэтью знали его восьмилетним мальчишкой, в тысяча пятьсот девяносто первом году он жил в нашем лондонском доме.

— Наконец-то мой сын узнал об Эндрю Хаббарде, — сказала Изабо; ее лицо оставалось бесстрастным.

— Так ты знала? — закричала я.

Изабо улыбнулась. Год назад ее улыбка до смерти напугала бы меня.

— Ну как, доченька, ты по-прежнему считаешь, что я заслуживаю полной твоей искренности?

А ведь Мэтью меня предупреждал: мне не по силам возглавлять стаю вампиров. Нет нужных качеств.

— Диана, ты супруга главы клана. Ты должна научиться рассказывать другим только то, что им необходимо знать, и ничего сверх, — тоном учительницы произнесла Изабо.

Что ж, первый урок я усвоила. Наверняка будут и другие.

— Изабо, ты возьмешься меня учить?

— Да. — Ее короткому «да» я поверила больше, нежели странным обещаниям. — Во-первых, ты должна быть осторожной. Помимо того, что ты жена Мэтью и его истинная пара, ты принадлежишь к семье Клермон и должна сохранять эту принадлежность, пока новая ветвь не наберет силу. Твой статус в семье Филиппа будет оберегать Мэтью.

— Мэтью говорил, что Конгрегация попытается убить его и Джека, как только узнает о Бенжамене и бешенстве крови, — сказала я.

— Попытается. Но мы не позволим. А сейчас ты должна отдохнуть.

Изабо отвернула шелковое покрывало и взбила подушки.

Я обошла вокруг громадной кровати, дотронулась до опорного столба, удерживающего балдахин. Резьба показалась мне знакомой. И тут до меня дошло: когда-то я уже спала на этой кровати. Кровать не принадлежала другой женщине. Она была моей, нашей кроватью. В 1590 году она стояла в нашем лондонском доме. Каким-то непостижимым образом кровать уцелела на протяжении всех последующих столетий и оказалась в спальне, которую Мэтью посвятил лунному свету и колдовству.

Прошептав Изабо слова благодарности, я рухнула на мягкие подушки и погрузилась в беспокойный сон.

Я проспала почти сутки. Наверное, спала бы и дальше, если бы не громкий звук автомобильной сигнализации. Он вытащил меня из сна, бросив в незнакомый сумрак с зеленым оттенком. Только тогда сознание начало пропускать и другие звуки: шум уличного движения, хлопнувшую дверь в доме и быстро стихнувший разговор в холле.

Надеясь упругими струями горячего душа размягчить одеревеневшие мышцы и вернуть ясность голове, я толкнула белую дверь и отправилась исследовать комнатки, которые скрывались за ней. Я нашла не только душ, но и свой чемодан. Он стоял на складной подставке, рассчитанной на более внушительный багаж. Раскрыв чемодан, я вытащила толстый конверт, где лежали две иллюстрации из «Апмола-782», и ноутбук. Остальная часть моих пожитков оставляла желать лучшего. Нижнее белье, несколько маек на лямках, легинсы для йоги, в которые я уже не влезала,

пара туфель, не отвечающих сезону, и черные штаны для беременных. Вот и все. К счастью, в гардеробе Мэтью лежало множество выглаженных рубашек. Я выбрала серую и надела ее. Гардеробная имела еще одну дверь, которая наверняка вела в спальню Мэтью. Дверь была закрыта, и я не стала к ней даже подходить.

Взяв конверт и ноутбук, я спустилась вниз, шлепая по полу босыми ногами. Громадные помещения второго этажа пустовали. В бальном зале эхо многократно возвращало звук каждого шага. Хрусталия и позолоты там хватило бы на реставрацию Версальского дворца. Музыкальный салон имел более скромные размеры. Там стояло пианино и лежало еще несколько музыкальных инструментов. Потом я заглянула в гостиную. Ее убранство выглядело так, словно им занималась Изабо. Рядом помещалась столовая с огромным столом красного дерева, рассчитанным на двадцать четыре персоны. Библиотека встретила меня застекленными шкафами, набитыми книгами XVIII века. Последним местом, куда я сунула нос, была игровая комната со столами, покрытыми зеленым сукном. Она выглядела так, словно перекочевала сюда из романа Джейн Остин.

Тоскуя по более скромной обстановке, я спустилась на первый этаж. Гостиная тоже пустовала. Пустовали служебные и прочие помещения. Наконец мне удалось отыскать столовую поуютнее. Она находилась в заднем конце дома. Ее эркер выходил в частный садик. Стены были расписаны под кирпичную кладку, что делало атмосферу помещения приятной и располагающей. Здесь тоже стоял стол красного дерева, но круглый. Вокруг него было всего восемь стульев. На столе я увидела аккуратно разложенные старинные книги.

Словно по волшебству, в столовой появилась Фиби с подносом, который она поставила на боковой столик. Скромный завтрак: чай и ломтики поджаренного хлеба.

— Марта сказала, что ты можешь проснуться в любой момент. По ее мнению, это ты проглотишь мигом. Если голод еще будет заявлять о себе, она спустится в кухню и соорудит тебе яичницу с беконом. Обычно мы не едим наверху. Пока поднимаешься, все остывает.

— Что это за книги? — спросила я, махнув в сторону круглого стола.

— Твой частично выполненный заказ, который ты продиктовала Хэмишу. — Фиби потянулась и поправила книгу, выбивав-

шуюся из аккуратной стопки. — Мы ждем поступления остальных. Поскольку ты историк, я разложила книги в хронологическом порядке. Надеюсь, правильно.

— Но я просила доставить их к следующему четвергу, — сказала я, потрясенная быстротой исполнения заказа.

Сегодня, если я не ошибалась, было воскресенье. Еще точнее, воскресное утро. Как Фиби ухитрилась совершить такой подвиг? На одном листе я увидела название и дату: «*Arca Noë*¹, 1675», выведенные аккуратным женским почерком. Чуть ниже были написаны стоимость, имя и адрес букиниста.

— Изабо знает всех лондонских букинистов. — Губы Фиби сложились в озорную улыбку, отчего ее лицо из симпатичного стало красивым. — Ничего удивительного. Слова «Цена не имеет значения» способны взбудоражить любой аукционный дом вне зависимости от времени суток. Даже выходные не помешали поискам.

Я взяла другую книгу — «*Obeliscus Pamphilius*»² Кирхера и открыла ее. На форзаце стояла размашистая подпись Мэтью.

— Перво-наперво я порылась в здешней библиотеке и в доме на Пикеринг-Плейс. Было бы нелепо покупать книги, которые уже есть у Мэтью, — пояснила Фиби. — Книжные вкусы Мэтью весьма обширны. На Пикеринг-Плейс я нашла первое издание «Потерянного рая», а здесь — первое издание «Альманаха Бедного Ричарда», подписанное Франклином.

— Пикеринг-Плейс? — переспросила я, продолжая водить пальцем по завиткам подписи Мэтью.

— Дом Маркуса возле Сент-Джеймского дворца. Насколько понимаю, это был подарок Мэтью. Он жил там, пока не построил этот дом. — Фиби поджала губы. — Конечно, у Маркуса свои воззрения. Политика и все такое. Но я считаю недопустимым, чтобы «Великая хартия вольностей» или один из первых экземпляров «Декларации независимости» находились в частных руках. Уверена, ты со мной согласишься.

Я оторвала палец от страницы. Над черным пятном в том месте, где стояла подпись Мэтью, мелькнуло его лицо. Фиби выпучила глаза.

¹ «Ноев ковчег» (лат.).

² «Памфилийский обелиск» (лат.).

— Прощу прощения, — пробормотала я, возвращая чернила на бумагу, где они снова превратились в подпись. — Нельзя заниматься магией в присутствии теплокровных.

— Но ты же не произнесла никаких слов и не написала заклинание, — растерянно проговорила Фиби.

— Некоторые ведьмы могут осуществлять магические действия и без заклинаний.

Памятуя слова Изабо, я не стала вдаваться в подробности. Фиби такое объяснение вполне устроило, и она закивала:

— Да. Мне нужно еще столько узнать о существах нечеловеческой природы.

— Мне тоже, — сказала я, тепло улыбаясь кандидатке в вампиры.

Фиби ответила осторожной улыбкой.

— Тебя ведь интересуют иллюстрации в трудах Кирхера? — спросила Фиби, осторожно раскрыв другой толстый фолиант.

Это был его трактат о магнетизме «*Magnes sive De Arte Magnetica*»¹. Гравюра на титульном листе изображала высокое развесистое дерево с плодами знания. Они были связаны вместе, что намекало на их общее происхождение. Сверху, из вечного мира архетипов и истины, на него взирало Божье око. На ленточке, выходящей между ветвями и плодами, красовалось латинское изречение: «*Omnia nodis arcanis connexa quiescunt*». Перевод таких изречений был делом головоломным, поскольку их смысл намеренно усложнялся и запутывался. Но большинство ученых сходились во мнении, что слова эти относятся к скрытым магнитным воздействиям. Кирхер считал их основой единства мира. В переводе изречение звучало так: «Все предметы находятся в покое, соединенные тайными узлами».

— «Все они молчаливо ждут, соединенные тайными узлами», — произнесла свою версию Фиби. Кто «они»? И чего они ждут?

Фиби даже поверхностно не была знакома с идеями Кирхера о магнетизме, я уже не говорю о глубоких и систематических знаниях, а потому совершенно по-иному перевела смысл латинского изречения.

— А почему один из четырех кружков больше? — задала новый вопрос Фиби, указывая на центр страницы.

¹ «Магнит, или О магнетическом искусстве» (лат.).

Три кружка располагались наподобие треугольника вокруг четвертого, внутри которого находился немигающий глаз.

— Сама толком не знаю, — призналась я, читая латинские надписи под рисунками. — Глаз символизирует мир архетипов.

— То есть происхождение всех вещей. — Фиби пристальнее взгляделась в гравюру.

— Как ты сказала? — У меня открылся третий глаз, и слова Фиби Тейлор вдруг стали мне интересны.

— Архетипы — это изначальные паттерны. Смотри: здесь изображен подлунный мир, небеса и человек, — сказала она, по очереди касаясь кружков, окружающих архетипический глаз. — Каждый связан с миром архетипов — их точкой происхождения. Вдобавок они связаны между собой. Изречение намекает, что мы должны рассматривать цепи как узлы. Не знаю, годится ли мое объяснение.

— Очень даже годится, — прошептала я.

Степень моей уверенности возросла. Афанасий Кирхер и книжный аукцион на вилле Мондрагоне были теснейшим образом связаны с чередой событий, которые вели от пражских безумств Эдварда Келли к последнему из вырванных им листов. Отец Афанасий почти наверняка знал о существах нечеловеческой природы. Либо знал, либо сам был одним из них.

— Древо Жизни само по себе является мощным архетипом, — рассуждала вслух Фиби. — Оно описывает взаимоотношения между частями сотворенного мира. По этой же причине создавались генеалогические древа родов. Они прослеживали все линии до истоков.

Появление историка искусства в семье было неожиданным бонусом как с исследовательской точки зрения, так и по причине бесед на общую тему. Наконец-то будет с кем поговорить о загадочных изображениях минувших веков.

— Ты ведь знаешь, насколько важны древа познания в научных схемах. Правда, не все они отличаются такой глубиной охвата, — огорченно вздохнула Фиби. — По большей части это простые схемы с несколькими рядами ответвлений, вроде дарвиновского Древа Жизни из его «Происхождения видов». Представляешь, во всей книге — всего одна схема. Очень жаль, что Дарвин не удосужился нанять смышленного художника, как сделал Кирхер. Не все же исследователи еще и художники.

Узловатые нити вокруг меня, которые до сих пор молчаливо ждали, вдруг зазвучали. Но чего-то не доставало. Некого мощного соединения, до которого я почти дотянулась, если бы...

— А где все? — спросил заглянувший в столовую Хэмиш.

— Доброе утро, Хэмиш, — тепло улыбнулась демону Фиби. — Леонард поехал встречать Сару и Фернандо. Остальные... где-то.

— Привет, Хэмиш, — пробасил подошедший к окну Галлоглас. — Ну что, тетушка? После сна чувствуешь себя лучше?

— Гораздо лучше, — ответила я, продолжая внимательно смотреть на Хэмиша.

— Он пока не звонил, — тихо ответил Хэмиш, поняв мой молчаливый вопрос.

— Доброе утро, Диана. Привет, Хэмиш. — Изабо всплыла в столовую, подставив демону щеку для поцелуя, и Хэмиш послушно ее поцеловал. — Ну как, Диана? Фиби отыскала все нужные тебе книги? Или надо продолжить поиски?

— Фиби проделала просто фантастическую работу, причем так быстро. Но, боюсь, мне и дальше понадобится помощь.

— Для того мы здесь и собрались. — Изабо махнула Галлогласу, чтобы шел в дом, затем внимательно посмотрела на меня. — Твой чай совсем остыл. Марта сейчас принесет новый. Потом расскажешь, что от нас требуется.

Марта не замедлила появиться. Она принесла мятный чай, в котором, в отличие от крепкого черного, налитого Фиби, совсем не было кофеина. К нам присоединился Галлоглас. Допив чай, я потянулась к конверту и вытащила два пергаментных листа с иллюстрациями. Хэмиш присвистнул.

— Эти листы еще в шестнадцатом веке были вырваны из Книги Жизни — старинного манускрипта, нынче известного в научном мире как «Ашмол-782». Осталось найти третий, с изображением дерева. Он отчасти похож вот на эту гравюру. — Я показала титульный лист кирхеровского трактата о магнетизме. — И найти третий лист нам нужно прежде, чем это сделают другие, то есть раньше Нокса, Бенжамена и Конгрегации.

— А почему им всем так жутко хочется заполучить Книгу Жизни? — поинтересовалась Фиби.

Ее умные оливковые глаза светились детским простодушием. Долго ли они останутся такими, после того как она войдет в семью де Клермон и станет вампиршей?

— Начнем с того, что мы совсем не знаем, чем является Книга Жизни, — вздохнула я. — Считать ли ее гримуаром? Историей нашего происхождения? Своеобразной летописью? Этот манускрипт я держала в руках дважды. Первый раз мне выдали его в Бодлианской библиотеке Оксфорда. Он был без трех упомянутых листов. А вторично он попал мне в руки в кунсткамере императора Рудольфа — пока еще целый. У меня самой нет ясного ответа на вопрос, почему за манускриптом идет такая бешеная охота. Одно могу сказать с уверенностью: Книга Жизни полна силы. Силы и тайн.

Неудивительно, что ведьмы и вампиры так жаждут ее получить, — сухо заметил Хэмиш.

— И демоны тоже, — добавила я. — Спроси Агату Уилсон, мать Натаниэля. Ей позарез нужен этот манускрипт.

— Где же ты нашла второй лист? — спросил Хэмиш, дотрагиваясь до изображения драконов.

— Его привезли в Нью-Хейвен.

— Кто? — не отставал Хэмиш.

— Эндрю Хаббард.

После предупреждений Изабо я не знала, сколько сведений выдавать собравшимся. Но Хэмиш был нашим юристом, и утаивать от него информацию такого рода я не могла.

— Хаббард — вампир, — добавила я.

— Я прекрасно знаю, кем и чем является Эндрю Хаббард. Как-никак я демон и работаю в Сити, — засмеялся Хэмиш. — Странно, что Мэтью подпустил его так близко. Он терпеть не может этого бывшего святошу.

Я могла бы объяснить, как и почему многое изменилось, но история Джска Блэкфрайерса не была моей. Право ее рассказа принадлежало Мэтью.

— Какая связь между вырванным листом с изображением Древа Жизни и Афанасием Кирхером? — спросила Фиби, возвращая нас к обсуждаемой теме.

— Пока мы жили в Нью-Хейвене, мне в поисках помогала Люси Мериуэзер — библиотекарь из Бейнске. Мы с ней прослеживали возможные перемещения Книги Жизни. Один из таинственных манускриптов императора Рудольфа в конце концов оказался в руках Кирхера. Мы предположили, что «довеском» к манускрипту мог быть тот самый лист с деревом. — Я указала на

титульный лист «*Magnes sive De Arte Magnetica*». — Одна эта иллюстрация укрепляет мою уверенность, что Кирхер если и не владел вырванным листом, то хотя бы видел его. Сюжет гравюры явно навеян Древом Жизни.

— А почему бы тебе не покопаться в книгах и бумагах Кирхера? — спросил Хэмиш.

Я невольно улыбнулась:

— Покопалась бы, если бы знала, где их искать. Библиотеку Кирхера отправили на хранение на виллу Мондрагоне. Это старая папская резиденция. В начале двенадцатого века иезуиты начали осторожно распродавать часть книг, чтобы улучшить свое финансовое положение. Мы с Люси склонны думать, что в числе прочего они продали и вырванный лист.

— В таком случае должны существовать документы о продаже, — задумчиво сказала Фиби. — Ты обращалась к иезуитам?

— Обращалась. Мне ответили, что никаких записей у них нет. Возможно, и есть, но иезуиты предпочитают об этом помалкивать. Люси разослала запросы по крупнейшим аукционным домам.

— И ее всежливое остановили еще на подступах. Сведения о продажах относятся к разряду конфиденциальной информации, — объяснила Фиби.

— Так нам и сообщили.

Видя мое замешательство, Фиби предложила вариант, о котором я не решалась ее просить.

— Я сегодня же напишу Сильвии электронное письмо и сообщу, что не смогу прийти завтра забрать свои вещи, как договаривались, — сказала Фиби. — Конечно, рано или поздно пропуск в «Сотбис» у меня все равно отберут, но есть другие ресурсы, которые я смогу проверить. Есть люди, у кого тоже можно выудить много полезного, если знать, как к ним подойти.

Ответить Фиби я не успела. Из другого конца дома послышался дверной звонок. Звонок повторился, потом опять, а потом стал звонить не переставая. Похоже, кто-то снаружи вдавил кнопку и не отпускал.

— Диана! — прокричал знакомый голос.

Звонок сменили удары в дверь.

— Сара! — завопила я, вскакивая на ноги.

В дом ворвался свежий октябрьский ветер, неся запахи шафрана и серы. Я выбежала в коридор. Лицо Сары было совершен-

но бледным. Ее дико всклокоченные рыжие волосы разметались по плечам. Позади стоял Фернандо, держа в руке по чемодану. Казалось, их общий вес для него не тяжелее конверта с письмом первого класса.

Воспаленные глаза Сары встретились с моими, и переноска с притихшей Табитой шлепнулась на мраморный пол. Тетка раскинула руки, в которые я и влетела. В детстве, когда мне было одиноко или страшно, я находила утешение в объятиях Эм, но сейчас мне требовалась именно Сара.

— Радость моя, все будет хорошо, — прошептала она, крепко обнимая меня.

— Я недавно говорил с отцом Х. Он сказал, чтобы я в точности исполнял все ваши распоряжения, мистресс... мадам, — радостно сообщил Леонард Шордич, проталкиваясь мимо Сары. Свои слова он подкрепил лихим военным салютом.

— Эндрю говорил еще что-нибудь? — спросила я, высвобождаясь из теткиных объятий.

Хаббард мог сообщить новости про Джека и Мэтью.

— Сейчас вспомню. — Леонард почесал кончик своего длинного носа. — Отец Х. сказал, что вы наверняка знаете, где Лондон начинается и кончается. Если случится какая-то беда, идите прямо к собору Святого Павла, и там обязательно получите помощь.

Фернандо и Галлоглас ознакомили встречу шумными хлопываниями по плечу.

— Добрались без проблем? — спросил Галлоглас.

— Абсолютно, если не считать пустяка. Сара решила курнуть в туалете первого класса, а там стоит датчик дыма. Я еле уговорил ее не ломать устройство, — усмехнулся Фернандо. — Когда в следующий раз ей понадобится лететь на дальнейшее расстояние, пришлите самолет де Клермонов. Мы подождем.

— Спасибо, что так быстро доставил мою тетку сюда, — с улыбкой поблагодарила я Фернандо. — Должно быть, ты сожалеешь о знакомстве со мной и Сарой. Бишопы лишь сильнее впускают тебя в проблемы семьи де Клермон.

— Наоборот, вы меня освобождаете от них.

К моему несказанному удивлению, Фернандо бросил чемоданы и встал передо мной на колени.

— Фернандо, встань. Пожалуйста, — сказала я, пробуя его поднять.

— Последний раз я стоял на коленях перед женщиной, когда потерял один из кораблей Изабеллы Кастильской. Двое стражников, угрожая мечами, заставили меня опуститься на колени и просить у нее прощения. — Фернандо язвительно улыбнулся. — Но сейчас я это делаю добровольно и встану, когда закончу.

Подошедшая Марта остановилась в полном недоумении. Едва ли она когда-нибудь видела Фернандо в столь смиренной позе.

— У меня — ни родных, ни друзей. Мой создатель умер. Мой возлюбленный погиб много веков назад. Своих детей у меня нет. — Фернандо укусил себя за запястье и сжал пальцы в кулак. Из ранки хлынула кровь, потекла по его руке, падая на черно-белый пол. — Я отдаю свою кровь и тело служению и защите чести вашей семьи.

— Чтоб мне с места не сойти! — прошептал Леонард. — Отец Х. делает это совсем не так.

Я видела, как Эндрю Хаббард принимал нового агнца в свое стадо. Оба ритуала отличались по форме, но были схожими по настрою и намерениям.

И вновь собравшиеся ждали моего ответа. Вероятно, прецеденты уже бывали и существовали правила, которым я должна следовать, но я их не знала и не волновалась на этот счет. Я просто взяла Фернандо за окровавленную руку.

— Спасибо за твое доверие к Мэтью, — произнесла я.

— Я всегда ему доверял, — ответил Фернандо, сверкая глазами. — Теперь для Мэтью настало время доверять самому себе.

Глава 25

— Я нашла.

На тисненую кожу, которой была отделана поверхность ге-оргианского письменного стола, легла распечатка электронного письма. То, что Фиби забыла вежливо постучаться в дверь гостиной, показывало, насколько она взволнована.

— Уже? — только и спросила я, изумленная ее скоростью.

— Я написала бывшей начальнице, что по просьбе семьи де Клермон ищу картинку дерева, нарисованную Афанасием Кирхером.

Фиби оглядывала гостиную. Глаза знатока скользнули по чер-пому с золотом комоду в стиле шинуазри, стоящему на невысокой подставке, оттуда переместились на стул, сделанный якобы из бамбуковых стеблей, затем на разноцветные шелковые подуш-ки, разбросанные на дивалчике у окна. Она разглядывала стены, бормоча имя Жана Пильмана и слова «уму непостижимо», «не имеет цены» и «музейная вещь».

— Но иллюстрации в Книге Жизни делал не Кирхер. — Хму-рясь, я взяла письмо. — И это не картинка, а лист, вырванный из манускрипта.

— Для успешной продажи предельно важны атрибуция и про-исхождение вещи, — пояснила Фиби. — У искусствоведов навер-няка возникло бы искушение связать тот рисунок с Кирхером. И если бы края пергамента оказались подчищенными, а текст — невидимым, за такой рисунок или картину можно было бы запра-шивать более высокую цену как за редкое произведение.

Я пробежала глазами распечатку. Письмо начиналось с язви-тельных замечаний по поводу увольнения Фиби и ее грядуще-

го замужества. Но следующий абзац сразу же привлек мое внимание:

Мне удалось найти запись о продаже и покупке «аллегории Древа Жизни, предположительно выставлявшейся в римском музее Афанасия Кирхера, который принадлежал Обществу Иисуса в Риме». Не это ли произведение ищут де Клермоны?

— Кто купил лист? — прошептала я, едва дыша.

— Сильвия знает правила, — ответила Фиби, тыча пальцем в завершающий абзац письма. — Покупка состоялась недавно. Имя покупателя и подробности сделки держатся в секрете. Правда, она сообщила цену покупки: тысяча шестьсот пятьдесят фунтов.

— Всего-то?! — воскликнула я.

Большинство книг, купленных Фиби для меня, стоили намного больше.

— Точных данных, что иллюстрация когда-то находилась в собственности Кирхера, нет. А за «предположительно» покупатели много не выкладывают.

— Неужели нет никаких способов установить личность покупателя?

Мне начало казаться, что магия поможет мне в этом.

— У «Сотбис» железное правило: не разглашать тайны своих клиентов, — качая головой, ответила Фиби. — Представляешь, как бы отреагировала Изабо, если бы раскрылись тайны ее сделок?

— Фиби, кажется, ты звала меня? — Моя свекровь стояла в арочном дверном проеме. Изабо появилась раньше, не дав мне обдумать едва родившийся замысел.

— Фиби узнала, что на недавнем аукционе в «Сотбис» некто купил старинную иллюстрацию, очень похожую на лист из Книги Жизни, — сказала я. — Имя покупателя, как обычно, держится в секрете.

— Я знаю, где хранятся журналы торгов, — заявила Фиби. — Когда пойду сдавать ключи, могу туда заглянуть.

— Нет, Фиби. Это слишком рискованно, — охладила я ее пыл. — Если ты подробно расскажешь, как они выглядят, я сумею поискать способ до них добраться.

Я рассчитывала на свою магию и помощь нынешней «паствы» Хаббарда, среди которой наверняка были ворюжки и отчаянные ребята. Но у Изабо был свой, более прямой и короткий путь.

— Передайте лорду Саттону, что ему звонит Изабо де Клермон, — прозвучало под высокими потолками гостиной.

— Ты не можешь просто так позвонить директору «Сотбис» и рассчитывать, что он исполнит твою просьбу, — пролетела шокированная Фиби.

Изабо могла и позвонила.

— Чарльз, как же давно я не слышала ваш голос! — Изабо опустилась в кресло; ее пальцы тербли жемчужное ожерелье. — Вы были чертовски заняты. Мне пришлось довольствоваться новостями, которые сообщал Мэтью. Кстати, рефинансирование, которое он помог вам осуществить... Ваши надежды оправдались?

Изабо выражала живейший интерес. Она ободряюще поддакивала и хвалила директора за дальновидность в финансовых вопросах. Если бы меня спросили, на что было похоже ее поведение, я бы ответила: «На игривого котенка», подразумевая под котенком детеныша бенгальского тигра.

— Чарльз, я невероятно рада! Мэтью знал, что эта стратегия сработает. — Изабо поднесла пальчик к губам, подавая нам знак молчать. — Хочу спросить: не можете ли вы мне в одном деле? Видите ли, Маркус собрался жениться на... одной из ваших сотрудниц. Они познакомились в январе, когда Маркус приезжал за миниатюрами, которые вы столь любезно отыскиали для меня.

Слов лорда Саттона я не слышала, но безошибочно уловила теплые, дружеские интонации его голоса.

— Вот-вот, искусство сватовства. — Послышался хрустальный смех Изабо. — Вы очень проницательны, Чарльз. Маркус решил, что бы то ни стало сделать Фиби особый подарок. Нечто виденное им давным-давно. Изображение генеалогического древа.

«Что она говорит?» Я выпучила глаза и замахала рукой, привлекая внимание свекрови.

— Это не генеалогическое древо. Это...

Изабо величественно махнула, велев мне молчать. Голос, доносящийся из динамика телефона, становился все оживленнее.

— Сильвия наверняка смогла проследить историю этой картинки вплоть до недавних торгов. Но она знает правила и ни за что не назовет мне имя покупателя. — Изабо кивала, выслушивая извинения лорда Саттона, а затем котенок устремился в атаку. — Чарльз, сделайте это ради меня. Свяжитесь с новым владельцем. Мой внук так счастлив сейчас, и мне было бы невыносимо его огорчить.

Лорд Саттон умолк.

— Де Клермонов и «Сотбис» связывают давние взаимовыгодные отношения. Если бы Мэтью не встретился Сэмюэл Бейкер, башня Мэтью обрушилась бы под тяжестью его книг.

— Боже милостивый! — пробормотала Фиби и даже рот разинула.

— С вашей помощью удалось освободить большую часть амстердамского дома Мэтью. Мне никогда не нравился тот тип и его картины. Вы знаете, о ком я. Имя что-то вылетело из головы. Ну тот, у кого все картины выглядят незаконченными.

— Франс Хальс, — хлопая ресницами, прошептала Фиби.

— Вспомнила! Франс Хальс. — Изабо одобрительно кивнула будущей невестке. — Теперь мы с вами должны убедить Мэтью избавиться от портрета того угрюмого министра. Он висит над камином, в верхней гостиной.

Фиби даже пискнула. Похоже, ей действительно придется составлять каталог предметов искусства семьи де Клермон с непременно поездкой в Амстердам.

Лорд Саттон стал ее в чем-то заверять. Изабо нетерпеливо морщилась.

— Чарльз, я вам полностью доверяю, — перебила она директора «Сотбис», хотя все, и лорд Саттон в особенности, знали, что это не так. — Мы с вами обсудим это завтра, за чашкой кофе.

Теперь запищал лорд Саттон. Точнее, завизжал. Из динамика полился стремительный поток объяснений и оправданий.

— Успокойтесь, Чарльз. Вам не нужно ехать во Францию. Я сейчас в Лондоне. Фактически совсем недалеко от вашего кабинета на Бонд-стрит. — Изабо постучала себе по щеке. — Одиннадцать часов? Прекрасно. Большой привет Генриетте. До завтра. — Изабо отключилась. — Ну что? — спросила она, торжествуя глядя на нас с Фиби.

— Ты же сейчас манипулировала лордом Саттоном! — воскликнула Фиби. — Помню, ты говорила о необходимости дипломатии.

— Могу повторить. Дипломатия действительно нужна. А вот хитроумные схемы — нет. Простой ход часто оказывается наилучшим. — Изабо улыбнулась своей тигриной улыбкой. — Чарльз в большом долгу перед Мэтью. Со временем, Фиби, и у тебя появятся должники. И тогда ты увидишь, как легко достичь желае-

мого. — Изабо взглянула на меня и нахмурилась. — Ты совсем бледная, Диана. Неужели тебя не радует, что вскоре все три листа, вырванные из Книги Жизни, окажутся в твоих руках?

— Радует, — ответила я.

— Тогда в чем проблема? — удивилась Изабо.

Я знала в чем. Как только у меня будут все три листа, исчезнут все барьеры между мной и необходимостью выкрасть сам манускрипт из Бодлианской библиотеки. И тогда я стану книжной воровкой.

— Никаких проблем, — вяло проговорила я.

Я вновь уселась за письменный стол. Эту гостиную справедливо называли Китайской комнатой. Я всматривалась в гравюры книг Кирхера, стараясь не думать о моменте, когда Фиби и Изабо найдут последний лист. Я хотела отыскать все гравюры с изображением дерева, встречающиеся в объемистых томах сочинений Кирхера, но не могла сосредоточиться. Я встала и подошла к окну. На улице было тихо и пусто. Лишь иногда по тротуару проходили взрослые с детьми или брел турист, заглядывая в карту города.

Мэтью всегда удавалось вывести меня из тревожного состояния какой-нибудь песенкой, шуткой или поцелуем, что было даже лучше. Мне захотелось оказаться ближе к нему. Я крадучись прошла по пустому коридору третьего этажа и остановилась перед его кабинетом. Рука замерла на дверной ручке. Преодолев нерешительность, я повернула ручку и вошла.

Меня обдало запахом корицы и клевера. Мэтью не появлялся здесь целый год, однако его отсутствие и моя беременность сделали меня восприимчивее к этому запаху.

Дизайнер, занимавшийся убранством моей роскошной спальни и гостиной, где я провела все утро, явно не был допущен потрудиться над кабинетом моего мужа. Комната была мужской, без финтифлюшек. Стены занимали книжные стеллажи. Портьеры на окнах тоже отличались простотой. На деревянных подставках замерли два красивых глобуса — небесный и земной, — готовые в любой момент подсказать необходимые сведения из астрономии или географии. На нескольких столиках были расставлены и разложены природные диковины, какие увидишь в кунсткамерах. Я обходила кабинет по часовой стрелке, будто ткала

заклинание, которое вернуло бы Мэтью в Лондон. Иногда я останавливалась, чтобы взглянуть на какую-нибудь книгу или повернуть небесный глобус. Затем мое внимание привлек стул. Такой странной мебели я еще не видела. К его высокой, сильно изогнутой спинке была приделана полочка для книг. Сиденье больше напоминало седло. На этом стуле можно было сидеть только верхом. Аналогичным образом располагался за обеденным столом Галлоглас, переворачивая стул. Кто-то сидел на этом стуле задом наперед, лицом к спинке. Высота полочки была удобной для чтения или письма. Мне захотелось проверить свою догадку. Я перекинула ногу и уселась на мягкое седло. Оно было на редкость удобным. Я представила Мэтью проводящим здесь часы за чтением книг. Окна давали достаточно света.

Посидев немного, я слезла со стула, обернулась и чуть не вскрикнула от удивления. Только сейчас я увидела над камином парный, в полный рост портрет Филиппа и Изабо.

Мать и отец Мэтью были изображены в прекрасных одеждах середины XVIII века. Недолгий счастливый период моды, когда женские платья еще не стали похожими на птичьи клеточки, а мужчины уже отказались от длинных локонов и высоких каблучков, модных в предыдущем столетии. У меня чесались руки дотронуться до поверхности картины. Почему-то казалось, что под пальцами окажется не холст, а шелк и кружева.

Самым поразительным в этом портрете была не живость лиц и не блеск глаз — хотя кто бы не узнал в женщине Изабо? — а то, что художнику удалось передать отношения, существовавшие между Филиппом и женой.

Филипп де Клермон взирал на зрителя, облаченный в шелковый наряд, где умело сочетались два цвета: кремовый и голубой. Он стоял, расправив широкие плечи. Правая рука была протянута к Изабо, словно он собирался представить ее зрителям. На губах Филиппа играла улыбка, нежный взгляд сглаживал суровые черты лица. На поясе висел длинный меч. При таком положении его глаза, казалось бы, должны смотреть прямо на зрителя. Однако Филипп смотрел вбок, на Изабо. Ничто не могло отвлечь его внимание от женщины, которую он любил. Изабо художник изобразил в три четверти профиля. Пальцы одной руки покоились в руке мужа, другие придерживали складки кремово-золотистого платья, словно она хотела подойти к Филиппу поближе. Тем не

менее смотрела Изабо вовсе не на мужа. Ее дерзкий взгляд был устремлен на зрителя, а губы раскрыты. Такое опущение, будто она удивлялась, что кто-то посмел нарушить уединение супругов.

За спиной послышались шаги. Спину закололо от взгляда другой ведьмы.

— Это отец Мэтью? — спросила Сара, вставая рядом и запрокидывая голову на громадное полотно. — (Я кивнула.) — Потрясающее сходство!

— Я тоже так подумала, учитывая, как мастерски художник изобразил Изабо.

Взгляд Сары переместился на меня.

— А ты, Диана, что-то плоховато выглядишь.

— Тебя это удивляет? Мэтью далеко от меня, пытается собрать внуков и правнуков в новую семью. Он может не вернуться оттуда, и ведь это была моя затея.

— Даже ты не смогла бы заставить Мэтью что-либо сделать без его собственного желания, — простодушно ответила Сара.

— Сара, ты еще не знаешь о событиях в Нью-Хейвене. У Мэтью обнаружился внук, о котором он ничего не знал. Сын Бенжамена. И вдобавок правнук.

— Фернандо рассказал мне про Эндрю Хаббарда и Джека. Про бешенство крови — тоже. А еще рассказал, что Болдуин приказал Мэтью убить парня, но ты воспротивилась.

Я посмотрела на портрет Филиппа. Мне хотелось понять, почему он выбрал на роль семейного палача именно Мэтью.

— Сара, мы знали Джека восьмилетним мальчишкой. Он был нам как сын. И если бы Мэтью убил Джека, что удержало бы его от убийства близнецов, если выяснится, что бешенство крови передалось и им?

— Болдуин никогда бы не потребовал от Мэтью убить собственное потомство, — сказала Сара.

— Ошибаешься. Потребовал бы, — тяжело вздохнула я.

— В таком случае Мэтью сейчас занимается тем, что должен делать, — твердо заявила Сара. — И тебе тоже нужно заняться своим делом.

— Вот я и занимаюсь. — Мне показалось, что я оправдываюсь перед теткой. — Моя задача — найти все листы, вырванные из Книги Жизни, и вернуть их в манускрипт. Тогда Книга Жизни станет нашим оружием против Болдуина, Бенжамена и даже против Конгрегации.

— А еще тебе надо заботиться о близнецах, — напомнила Сара. — Бродишь тут как привидение. Ни себе пользы, ни им.

— Не смей разыгрывать детскую карту! — Я ощутила прилив холодной ярости. — Я изо всех сил стараюсь не поддаваться ненависти к своим детям, не говоря уже про Джека.

Я вела себя нечестно и алогично, но я винила малышей в разлуке с Мэтью, хотя сама же настояла на его отъезде.

— Одно время я тоже ненавидела тебя, — сухо призналась Сара. — Если бы не ты, Ребекка была бы жива. Так я говорила себе тогда.

Теткино признание меня ничуть не удивило. Дети всегда знают, о чем думают взрослые. Эм ни разу не дала мне почувствовать, что это я виновата в смерти родителей. Разумеется, она знала об их замыслах и то, почему они не могли поступить иначе. А вот с Сарой все было по-другому.

— Потом я преодолела ненависть, — продолжала Сара. — И ты преодолеешь. Однажды ты согласишься на близнецов и увидишь, как на тебя глазами восьмилетнего мальчишки смотрит Мэтью.

— Без Мэтью моя жизнь не имеет смысла, — сказала я.

— Пойми, Диана: Мэтью не может быть для тебя всем миром.

— Он уже стал, — прошептала я. — И если Мэтью сумеет отпочковаться от де Клермонов, ему обязательно потребуется от меня такая же поддержка, какую Филипп получал от Изабо. Но мне никогда не сравниться с Изабо.

— Чушь собачья! — бросила Сара, хлопая себя по бедрам. — А если думаешь, что Мэтью хочет тебя видеть копией своей матери, то ты просто спятила.

— Тебе нужно еще многое узнать о вампирах.

Когда эту фразу произносила ведьма, она звучала не слишком убедительно.

— Ага! Теперь я вижу, в чем проблема. — Сара прищурилась. — Эм говорила, что ты вернешься к нам целиком изменившейся. Однако ты и сейчас пытаешься быть тем, кем не являешься. Ты снова овампирилась с ног до головы. — Тетка погрозила мне пальцем.

— Сара, перестань!

— Если бы Мэтью хотел выбрать себе в жены вампиршу, выбор у него был широчайший. Да он и тебя мог сделать вампиршей в Мэдисоне, год назад. Ты добровольно отдала ему столько крови.

— Мэтью никогда бы этого не сделал, — возразила я.

— Знаю. Он пообещал мне утром в день вашего отъезда. — Сарины глаза метали молнии. — Мэтью вполне устраивает, что ты ведьма. Почему же твою персону это не устраивает?

Когда я не ответила, тетка схватила меня за руку и потащила к лестнице.

— Куда ты меня ведешь?

— Воздухом подышать, — огрызнулась Сара.

В вестибюле мы наткнулись на удивленных вампиров. Чувствуя, что они ждут объяснений, Сара торопливо бросила:

— Диане надо вспомнить, кто она такая. Галлоглас, ты тоже отправишься с нами.

— Оо-кеей, — пробормотал ошеломленный Галлоглас, растягивая слоги. — А куда?

— Откуда я знаю? — огрызнулась Сара. — Я в Лондоне первый раз. Мы поведем в Дианин старый дом. Туда, где они с Мэтью жили в елизаветинское время.

— Того дома больше нет. Сгорел дотла во время Большого пожара, — сказала я, пытаясь отвертеться от поездки.

— Все равно поведем в те места.

Галлоглас тихо выругался, потом бросил Леонарду связку автомобильных ключей:

— Подгони машину, Ленни. Мы поведем на воскресную прогулку.

— Будет исполнено, — улыбнулся во весь рот Леонард.

— А почему этот парень торчит в твоём доме? — спросила Сара, глядя вслед удаляющемуся долговязому вампиру.

— Он принадлежит Эндрю, — пояснила я.

— Другими словами, он принадлежит тебе, — понимающе кивнула Сара, и я невольно разинула рот. — Представь себе. Я все знаю о вампирах и их безумных привычках.

Похоже, Фернандо не отличался сдержанностью Мэтью и Изабо, успев немало рассказать Саре о мире вампиров.

Леонард лихо, с визгом шин, подогнал автомобиль, проворно выскочил наружу и быстро распахнул заднюю дверцу:

— Куда поведем, мадам?

Поразительно! Впервые Леонард не споткнулся на обращении ко мне.

— В Дианин дом, Ленни, — ответила за меня Сара. — В ее настоящий дом, не похожий на этот вычурный пылесборник.

— Пронгу прощения, мисс, но того дома и взаправду больше нет, — сказал Леонард с таким видом, словно Большой пожар в Лондоне был делом его рук.

Зная Леонарда, я вполне допускала такую возможность.

— Неужели вампиры лишены воображения? — язвительно скривилась Сара. — Отвези нас туда, где когда-то стоял ее дом.

Леонард что-то промямлил, растерянно пялясь на Галлогласа. Тот лишь пожал плечами:

— Ты слышал, что сказала леди.

Мы помчались по Лондону, направляясь в восточную часть города. Проехали мемориал Темпл-Бар, пронесли по Флит-стрит, после чего Леонард свернул на юг, к реке.

— Ты не туда едешь, — сказала я.

— Здесь улицы с односторонним движением, мадам, — ответил Леонард. — С тех пор как вы жили в этих местах, кое-что изменилось.

Перед вокзалом Блэкфрайерс он резко свернул влево. Я решила, что с меня довольно и пора вылезать из машины. Едва я взялась за ручку, раздался характерный щелчок. Включилась блокировка дверей, существующая на случай, чтобы малолетние дети, оставленные в машине, не могли выбраться наружу.

— Едем дальше, тетушка, — сказал Галлоглас.

Леонард опять резко крутанул руль влево. Машина въехала на узкую улочку. Колеса почти задевали тротуар. Проезжая часть была вымощена булыжником.

— «Блэкфрайерс-лейн», — успела прочесть я табличку с названием улицы. — Выпусти меня! — потребовала я, снова дергая ручку.

Машина резко затормозила, загородив доступ к погрузочной эстакаде.

— Ваш дом, мадам, — тоном гида произнес Леонард и указал на офисное здание из красного и кремового кирпича, возвышавшееся напротив, потом снял фиксацию дверей.

— Ходить здесь вполне безопасно. Но плиты тротуара старые и кое-где просели. Вы ведь не хотите, чтобы я потом объяснялся с отцом Х. из-за вашей сломанной ноги?

Я вылезла на каменный тротуар. Ходить по нему было гораздо удобнее, чем по грязным и скользким настилам Уотер-лейн, как называлась эта улица в прошлом. Я инстинктивно двинулась

в сторону собора Святого Павла. Галлоглас осторожно взял меня за локоть:

— Ты ведь знаешь, каково бывает дядюшке, когда ты бродишь по городу без провожатых. — Галлоглас церемонно поклонился, и на мгновение я увидела его облаченным в дублет и узкие штаны. — К вашим услугам, мадам Ройдон.

— И куда мы заехали? — спросила Сара, разглядывая окрестные переулки. — Здесь и жилых домов-то нет.

— Эта часть города называется Блэкфрайерс. Когда-то здесь жили сотни людей.

Сделав несколько шагов, я оказалась у входа на узкую мощеную улочку, которая вела к внутренним строениям старого монастыря, давшего название этому месту.

— Ведь где-то здесь находилась «Кардинальская шапка».

Так называлось заведение, куда Кит Марло часто навсидывался промочить горло.

— У тебя хорошая память, тетушка. Теперь улица называется Плейхаус-Ярд.

В прошлом наш дом примыкал к этой части бывшего монастыря. Галлоглас и Сара последовали за мной в каменный тупик. Когда-то здесь было не протолкнуться от торговцев, ремесленников, домохозяек, подмастерьев и ребятиг. Добавьте сюда телеги, собак и кур. Сегодня улица пустовала.

— Да не беги ты так, — капризно бросила Сара, пытаясь поспеть за мной.

Перемены, которые претерпел этот квартал, не значили для меня ничего. Сердце само выбирало нужное направление, а ноги быстро и уверенно двигались куда надо. В 1591 году меня бы окружали ветхие домишки и увеселительное заведение, обосновавшиеся в стенах бывшего монастыря. Нынче их сменили офисные здания, несколько элитных квартир для преуспевающих топ-менеджеров, снова офисы и, наконец, штаб-квартира лондонских фармацевтов. Я пересекла Плейхаус-Ярд и устремила в узкий проход между двумя домами.

— А теперь куда ее понесло? — спросила у Галлогласа Сара, чье раздражение становилось все заметнее.

— Если я правильно угадал, тетушка ищет, как попасть в замок Байнард с черного хода.

Улочка теперь называлась Чёрч-Энтри. Сделав пару шагов, я остановилась, попытавшись сориентироваться. Если только мне это удастся, я отыщу путь к замку Мэри. Где находилась печатная мастерская Филда? Современные здания мешали и сбивали с толку. Я закрыла глаза.

— Сюда, — прошептала я, указывая самой себе. — На этом месте и стояла мастерская Филда. Аптекарь жил через несколько домов от него. Этот путь вел вниз, к причалам.

Я поворачивалась в разные стороны. Руки очерчивали силуэты зданий, встававших перед мысленным взором.

— Здесь находилась дверь в мастерскую часовщика и ювелира месье Валлена. А отсюда был виден наш садик на заднем дворе... Да, вот здесь. Старые ворота. Через них я проходила, отправляясь в замок Байнард.

Я остановилась, погрузившись в знакомые ощущения той эпохи. Как здорово было бы оказаться прямо в солирии графини Пемброк! Мэри прекрасно поняла бы мои нынешние трудности и дала бы множество толковых советов и по части политики, и по части династических отношений.

Сара негромко выругалась у меня за спиной.

Я быстро открыла глаза. В нескольких ярдах от меня виднелась призрачная деревянная дверь, встроенная в ветхую и такую же призрачную каменную стену. Зачарованная этим видением, я попыталась шагнуть к двери, но мои ноги плотно обвили голубые и янтарные нити.

— Не шевелись! — крикнула мне передугавшаяся Сара.

— Почему? — удивилась я.

Тетку я видела сквозь завесу, как будто между мной и ею колыхался полупрозрачный занавес с нарисованными фасадами лавок Елизаветинской эпохи.

— Ты применила заклинание с обратным ходом времени. Оно вытаскивает образы прошлого. Что-то вроде фильма, — сказала Сара.

Она смотрела на меня сквозь окна кондитерской мастера Прайора.

— Магия, — простонал Галлоглас. — Ее нам только и не хватало.

Из ближайшего дома на несколько квартир вышла пожилая женщина в темно-синем вязаном кардигане, наброшенном поверх голубого приталенного платья. Вполне современный наряд.

— Эта часть Лондона покажется вам несколько необычной... с магической точки зрения, — бодрым и властным тоном произнесла женщина. Такой тон я слышала только у англичанок определенного возраста и социального положения. — Если вы и дальше собираетесь накладывать заклинания, вам непременно стоит подумать о мерах предосторожности.

Пока женщина шла ко мне, я застыла, переживая момент дежавю. Она напоминала ведьму, знакомую мне по 1591 году, — земляную ведьму Марджори Купер. Тогда Марджори помогла мне соткать первое заклинание.

— Меня зовут Линда Кросби. — Женщина улыбнулась, и сходство с Марджори стало еще разительнее. — Добро пожаловать домой, Диана Бишоп. Мы ожидали твоего появления.

Я очумело смотрела на нее.

— А я тетя Дианы, — сказала Сара и, помолчав, представилась: — Сара Бишоп.

— Рада знакомству, — искренне ответила Линда, пожимая Сарину руку.

Обе ведьмы смотрели на мои ноги. За время короткой церемонии знакомства голубые и янтарные нити времени опали. Они постепенно гасли, поглощаемые окружающим пространством. Но дверь мастерской месье Валлена и сейчас оставалась видимой.

— Пусть эта дверь останется еще на несколько минут. Как-никак ты же путешественница во времени.

Линда уселась на изогнутую скамейку. Несколько таких скамеек окаймляли круглую кирпичную чашу для цветов. Когда-то на этом самом месте во дворе «Кардинальской шапки» был колодец.

— Ты из семейства Хаббарда будешь? — спросила Сара, доставая из кармана пачку запретных сигарет и предлагая Линде.

— Я же ведьма, — сказала Линда, беря сигарету. — И живу в Лондоне. А потому — да, я принадлежу к семье отца Хаббарда и тем горжусь.

Галлоглас чиркнул зажигалкой. Ведьмы прикурили, после чего он зажег свою сигарету. Все трое дымили как трубы, но старались, чтобы дым не шел в мою сторону.

— Я пока Хаббарда живьем не видела, — призналась Сара. — Зато большинство известных мне вампиров не слишком-то высокого мнения о нем.

— Неужели? — с явным интересом спросила Линда. — Очень странно. Отца Хаббарда здесь очень любят. Он защищает всех,

не разбирая, кто перед ним: демон, вампир или ведьма. Число желающих переселиться на его территорию так велико, что это привело к жилищному кризису. Он не успевает покупать недвижимость для расселения всех жаждущих.

— Был он мерзким типом, таким и остался, — пробормотал Галлоглас.

— Что за лексикон! — воскликнула шокированная Линда.

— И сколько ведьм в городе? — поинтересовалась Сара.

— Три дюжины, — ответила Линда. — Мы вынуждены ограничивать численность, иначе Квадратная Миля превратилась бы в сумасшедший дом.

— Мэдисонский шабаш такой же величины, — сообщила Сара, довольная услышанным. — Встречи устраивать легче, это уж как пить дать.

— Мы ежемесячно собираемся в крипте отца Хаббарда. Он живет в развалинах монастыря Грейфрайерс. Вот там. — Сигарета Линды указала к северу от Плейхаус-Ярда. — Нынче в самом Сити утвердились вампиры. Финансисты, разного рода консультанты по ценным бумагам и так далее. Сдавать ведьмам свои конференц-залы они не любят... Я не хотела вас обидеть, сэр, — сказала Линда.

— Я в Сити не работаю, — пожал плечами Галлоглас.

— Грейфрайерс? Неужели леди Агнесса перебралась в другое место? — удивилась я.

В конце XVI века в Лондоне только и было разговоров о выходках этого призрака.

— Нет, конечно. Леди Агнесса осталась на прежнем месте. С помощью отца Хаббарда мы сумели достичь мирового соглашения между ней и королевой Изабеллой. По-моему, сейчас они даже подружились, чего не скажешь о призраке Элизабет Бартон. С тех пор как вышел известный роман о Кромвеле, она стала просто невыносимой. — Линда взглянула на мой живот. — В этом году, когда мы отмечали Мейбон, Элизабет Бартон вклинилась в наше чаепитие и сообщила, что ты ждешь двойню.

— Так оно и есть.

Даже лондонские призраки знали о моей беременности.

— Пророчества Элизабет трудно принимать всерьез, хотя порой они сбываются. Но при этом она всегда пронзительно орет. Это так... вульгарно.

Линда скривила губы. Сара сочувственно кивнула.

— Стыдно признаться, но, кажется, мое заклинание на обратный ход времени утратило силу, — сказала я.

Я не только снова видела свою лодыжку (правда, учитывая размеры живота, для этого нужно было поднять ногу). Дверь мастерской месье Валлена полностью исчезла.

— Утратило силу? — засмеялась Линда. — Ты так говоришь, будто твоя магия имеет... срок реализации.

— Я не приказывала заклинанию исчезнуть, — проворчала я.

Но ведь я и не давала ему приказа начаться.

— Заклинание рассыпалось, потому что ты плоховато его завела, — объяснила Сара. — Заклинания с обратным ходом времени — они такие. Если хорошенько «ручку не покрутишь», попыхтят и остановятся.

— Мы бы посоветовали тебе: как только наложишь заклинание обратного хода времени, не дави на него. — Сейчас Линда напомнила мне учительницу физкультуры, когда я училась в седьмом классе. — При наложении сосредоточиваешь на нем все свое внимание и в последнюю минуту отходишь в сторону.

— Сознаю ошибку, — сказала я. — Теперь я могу двигаться?

Линда наморщила лоб, оглядев Плейхаус-Ярд.

— Думаю, да. Теперь можешь, — провозгласила она.

Я помассировала затекшую спину. От долгого неподвижного стояния она затекла и болела. Мои ноги, казалось, вот-вот взорвутся. Я поставила одну ногу на скамейку, где сидели Сара с Линдой, и наклонилась, чтобы ослабить шнурки кроссовок.

— Что это? — спросила я, глядя в щель между скамеечными дощечками.

Нагнувшись, я подняла бумажный свиток, перевязанный красной ленточкой. Пальцы правой руки сразу закололо, а пентаграмма на запястье запульсировала разноцветными сполохами.

— Существует традиция оставлять в этом дворе просьбы о магической силе. Ее концентрация здесь всегда выше, чем в других местах. — Голос Линды зазвучал мягче и теплее. — Когда-то здесь жила могущественная ведьма. Легенда утверждает, что однажды она вернется и напомнит нам о том, кем мы были когда-то и кем можем снова стать. Мы о ней не забыли и верим, что она тоже не забыла нас.

Блэкфрайерс был полон воспоминаний о моем появлении в конце XVI века. Когда мы покидали елизаветинский Лондон,

часть меня умерла. Часть, которая умела одновременно быть женой Мэтью, матерью Энни и Джека, помощницей Мэри Сидни в ее алхимической лаборатории и прядильщицей, проходящей обучение у лондонских ведьм. Другая часть меня умерла в ту ночь, когда близ Нью-Хейвена мы с Мэтью простились.

— Сколько же хаоса я сотворила, — прошептала я, обхватив голову.

— Нет. Ты просто нырнула в глубину и оказалась в ситуации, не поддающейся твоему контролю, — ответила Сара. — Этого мы с Эм и боялись, когда поняли, что отношения с Мэтью тебя серьезно зацепили. Вы оба двигались слишком быстро. Разве вы думали о том, чего потребуют ваши отношения? Мы это видели, понимали, но вмешаться не могли.

— Мы с Мэтью знали, что наши отношения вызовут бешеное противодействие.

— О-о, вы были парой влюбленных, родившихся под несчастливой звездой. Это ведь так романтично: чувствовать себя противостоящими всему миру. Думаешь, я не понимаю? Прекрасно понимаю, — усмехнулась Сара. — И мы с Эм были влюбленными, родившимися под несчастливой звездой. В патриархальном Мэдисоне семидесятых годов прошлого века не было никого несчастнее двух женщин, полюбивших друг друга. — Голос Сары вновь сделался серьезным. — Но наступает утро, и восходит солнце. В сказках почти не говорится про то, каково живется при свете дня родившимся под несчастливой звездой. Им самим приходится кумекать, откуда взять счастье.

— Здесь мы были счастливы, — тихо сказала я. — Правда, Галлоглас?

— Да, тетушка. Хотя тот, кто управлял шпионскими делами Мэтью, дышал ему в затылок, а вся Англия разыскивала ведьм. — Галлоглас покачал головой. — До сих пор не понимаю, как вас миновало все это.

— Потому и пронесло, что они оба не старались быть тем, кем не являются. Мэтью не пытался вести себя цивилизованно, а Диана не строила из себя человека, — сказала Сара. — Ты не старалась быть идеальной дочерью Ребекки, идеальной женой Мэтью. И лезть в штат йельских преподавателей тоже не пыталась.

Взяв мои руки вместе со свитком, Сара повернула их ладонями вверх. Под бледной кожей ярко светились нити прядильщицы.

— Ты — ведьма, Диана. Прядильщица. Не отрешивайся от своей силы. Пользуйся ею. — Сара многозначительно посмотрела на мою правую руку. — Всей силой, а не частью.

В кармане куртки мелодично звякнул мобильник. Я полезла за телефоном, вопреки логике надеясь получить весточку от Мэтью. Он обещал держать меня в курсе. Я не ошиблась. Сообщение действительно было от него. Я поспешила открыть.

Слов в послании не было, поскольку любые слова Конгрегация могла использовать против нас, только фотография Джека. Тот сидел на крыльце, улыбался во весь рот и кого-то слушал. Рассказчик стоял к аппарату спиной. Его черные волосы касались воротника рубашки. Я вспомнила, что южане обладают особым умением рассказывать истории. За спиной Джека стоял Маркус, непринужденно положив руку ему на плечо. Маркус тоже улыбался.

Оба выглядели обычными парнями, весело проводящими выходной. Джек гармонично вписался в семью Маркуса, словно всегда жил среди его детей.

— Кто это с Маркусом? — спросила Сара, заглядывая через плечо.

— Джек. А вот кого они слушают, я не знаю.

— Это Рэнсом, — хмыкнул Галлоглас. — Старший сын Маркуса. Сам Люцифер устыдился бы его проделок. Я бы ни в коем случае не посоветовал Джеку брать с него пример, но Маркус лучше знает, что к чему.

— Вы только посмотрите на парня, — восторженно сказала Линда, подходя с другой стороны. — Я еще не видела Джека таким счастливым... Точнее, видела лишь в тех случаях, когда он рассказывал о Диане.

Невдалеке ударили колокола собора Святого Павла, отбивая время. Я погасила дисплей. Этот снимок я рассмотрю потом, одна.

— Как видишь, радость моя, у Мэтью все замечательно. — Сара явно старалась меня успокоить.

Но я не видела его глаз, разворота плеч. Я не слышала его голоса и потому не торопилась разделять оптимизм тетки.

— Мэтью занимается своей работой, — напомнила я себе, поднимаясь со скамейки. — Вот и мне пора возвращаться к своей.

— Означает ли это, что ты готова делать все ради благополучия твоей семьи, как делала в шестнадцатом веке? Даже если

потребуется взяться за высшую магию? — спросила Сара, бросая мне вызов.

— Да.

Уверенный голос не подкреплялся мой внутренней уверенностью.

— Высшая магия? Она же вплотную соприкасается с черной. — Линда даже просияла. — Я могу помочь?

— Нет! — отрезала я.

— Возможно, — почти одновременно со мной ответила Сара.

— Что ж, если тебе понадобится наша помощь, позвони. Леонард знает, как до меня добраться, — сказала Линда. — Лондонский шабаш к твоим услугам. А если бы ты еще и побывала на нашей встрече, это сильно подняло бы моральный дух.

— Там видно будет, — уклончиво ответила я, не желая связывать себя обещанием, которое не смогу сдержать. — Я нахожусь в затруднительном положении и не хотела бы никому усложнять жизнь.

— От вампиров одни сложности, — с явным неодобрением произнесла Линда. — Вечно чем-то недовольны или заводятся с пол-оборота. И как им не надоест враждовать между собой? С ними действительно тяжело. Но все мы — одна большая семья, о чем отец Хаббард не устает нам напоминать.

— Одна большая семья, — повторила я, оглядывая места, где когда-то жила. — Возможно, отец Хаббард с самого начала был прав.

— Мы тоже так думаем. Постарайся прийти на очередную нашу встречу. Дорис приготовит потрясающий торт «Баттенберг».

Сара с Линдой на всякий случай обменялись телефонами. Галлоглас отправился к Аптекарскому залу и пронзительным свистом вызвал Леонарда с машиной. Я украдкой сфотографировала на мобильник Плейхаус-Ярд и послала Мэтью без заголовка и каких-либо пояснений.

Ведь магия — это всего лишь осуществленное желание.

Прохладный октябрьский ветер, налетевший с Темзы, подхватил мои невысказанные желания и унес в небо. Так они станут заклинанием, которое поможет Мэтью благополучно вернуться ко мне.

Глава 26

Мы сидели за большим столом в уютном уголке ресторана «Уолсли». Передо мной на тарелке лежал кусок торта «Баттенберг». Его клетчатый розово-желтый бисквит был влажным от обильной пропитки и со всех сторон покрыт ярко-желтой глазурью. Запретное лакомство в моем состоянии. Рядом примостился чайник с еще более запретным черным чаем. Подняв крышку, я втянула его пьянящий аромат и вздохнула от счастья. Чая с тортом мне страстно хотелось с того самого дня, когда в Блэкфрайерсе мы неожиданно встретили Линду Кросби.

Хэмиш регулярно приходил сюда завтракать. Этот ресторан на Пикадилли никогда не пустовал. И все же Хэмишу удалось на целое утро закрепить за нами стол. Более того, демон вел себя так, словно зал ресторана и персонал были его офисом. Пока мы тут сидели, он сделал не менее дюжины телефонных звонков, договорился о нескольких встречах за ланчем (три из них, к моему ужасу, приходились на один и тот же день) и успел досконально прочитать все лондонские ежедневные газеты. Он позаботился (да благословят его Небеса), чтобы местный кондитер приготовил торг заблаговременно, объяснив это моим состоянием. Скорость, с какой его просьба была исполнена, либо еще раз подчеркивала влияние Хэмиша, либо свидетельствовала о том, что молодой кондитер, ловко орудуя скалками и миксерами, понимал особую связь между беременной женщиной и сахаром.

— Мы тут торчим уже целую вечность, — ворчала Сара.

Она проглотила яйцо всмятку, добавив к нему поджаренные хлебцы и залив это целым океаном черного кофе. Утолив голод, она целиком погрузилась в ожидание, поглядывая то на часы, то на дверь.

— Когда бабуля занимается вымогательством, то не любит топиться, — сказал Галлоглас.

Он любезно улыбался женщинам за соседним столом. Те восхищенно поглядывали на его мускулистые руки, щедро украшенные татуировкой.

— Во мне скопилось столько кофеина, что я готов сам отправиться в Вестминстер, если они не появятся в ближайшее время, — заявил Хэмиш и махнул официанту. — Адам, принесите еще чашку капучино. Лучше без кофеина.

— Разумеется, сэр. Желаете еще порцию тостов и джем?

— Да, пожалуйста. — Хэмиш протянул Адаму пустую решетку для тостов. — С клубничным. Вы же знаете, я не могу устоять перед клубникой.

— Все равно не понимаю, почему мы не могли дожидаться возвращения бабули и Фиби, сидя дома? — спросил Галлоглас, ерзая на стульчике.

Стул был явно не рассчитан на особу его габаритов. В ресторане собирались члены парламента, светские дамы, телеведущие и прочая публика, отличающаяся худосочностью.

— Объясню еще раз. Соседи Дианы — люди богатые и склонные к паранойе. Дом почти год пустовал. И вдруг в нем закипела жизнь, причём круглосуточная. Мясной магазин «Аллэнс из Мейфэра» ежедневно туда что-то привозит. — Хэмиш освободил местечко на столе для новой чашки капучино. — Нам совсем не надо, чтобы соседи посчитали вас главарями международного наркокартеля и вызвали полицию. Центральное полицейское отделение Вест-Энда кишит колдунами. Особенно Управление криминальной полиции. И не забывай: покровительство Хаббарда распространяется только на Сити.

— А по-моему, ты вовсе не о нашествии копов тревожишься, — хмыкнул Галлоглас. — Тебе хотелось все увидеть собственными глазами. Я тебя раскусил, Хэмиш, — добавил он, грозя юристу пальцем.

— Вот и Фернандо, — сказала Сара.

Судя по тону, Фернандо был для нее долгожданным спасителем.

Фернандо хотел придержать дверь для Изабо, но Адам тут же сам взялся за ручку. Моя свекровь выглядела как молодая кинозвезда. Стоило ей войти, как головы всех мужчин тут же повернулись в ее сторону. Следом за Изабо шла Фиби. Фернандо замыкал процессию. Его черный плащ служил великолепным фоном для наряда Изабо, сочетавшего белый и светло-серые тона.

— Неудивительно, что Изабо предпочитает оставаться дома, — сказала я.

Она была похожа на маяк, пробивающий туманную мглу.

— Филипп всегда утверждал, что легче выдержать осаду, чем пройти по залу рядом с Изабо. А уж скольких воздыхателей он отгонял, и не только палкой, — сообщил Галлоглас, торопливо поднимаясь. — Привет, бабуля. Они уступили твоим требованиям?

— Разумеется, — ответила Изабо, подставляя внуку щеку для поцелуя.

— Частично, — тут же добавила Фиби.

— Что-то пошло не так? — спросил Галлоглас у Фернандо.

— Пустяки, о которых и говорить не стоит.

Фернандо выдвинул стул. Изабо грациозно села, скрестив свои изящные ноги.

— Если учесть, сколько нарушений служебных правил ему пришлось допустить, я бы сказала, что Чарльз был на редкость сговорчивым.

Адам подал ей меню. Губы Изабо сложились в легкую брезгливую гримасу.

— Будьте любезны, фужер шампанского.

— Чарльз тоже не остался внакладе. Ты отвалила ему достаточно деньжищ за эту жуткую картинку, — сказал Фернандо, выдвигая стул для Фиби. — Изабо, хоть убей, не понимаю, зачем ты ее купила?

— Картина не жуткая, хотя, должна признаться, мой вкус к абстрактному экспрессионизму — явление благоприобретенное, — сказала Изабо. — Страстное таинственное произведение. Столько необузданности. Я подарю картину Лувру и заставлю парижан раздвинуть границы их художественного восприятия. Помните мое слово: ровно через год каждый крупный музей будет из кожи лезть, чтобы купить произведения Клиффорда Стилла¹.

— Жди звонка из «Куттса», — прошептала Хэмишу Фиби. — Она даже не торговалась.

— Беспокойства излишни. «Сотбис» и «Куттс» прекрасно знают, что деньги тратить я умею. — Изабо открыла элегантную кожаную сумочку и протянула мне клочок бумаги. — Вуаля!

¹ Американский художник (1904–1980), родоначальник абстрактного экспрессионизма.

— «Т. Дж. Уэстон, эсквайр», — вслух прочла я и подняла глаза на свекровь. — Это и был покупатель листа из «Ашмола-782»?

— Возможно, — лаконично ответила Фиби. — В папке находился лишь кассовый чек. Он расплачивался наличными. И еще: шесть писем, отправленных по неверным адресам. Ни по одному из них Уэстон не живет.

— Но вряд ли так уж трудно его найти. Сколько Т. Дж. Уэстонов может быть в Англии? — спросила я.

— Более трехсот, — ответила Фиби. — Я проверяла по общенациональному телефонному справочнику. И потом, мы не знаем наверняка, принадлежат ли фамилия и инициалы мужчине или женщине. То же самое касается и национальности. Один адрес — датский.

— Не впадай в уныние, Фиби. Мы наведем справки. Используем связи Хэмиша. Леонард круглосуточно в нашем распоряжении. Отвезет нас куда угодно, — невозмутимо заявила Изабо.

— Мои связи? — Хэмиш со стоном обхватил голову. — Поиски могут занять недели. Я буду вынужден поселиться в этом ресторане. Я уж молчу, сколько кофе мне придется влить в себя.

— Поиски не затянутся на недели. Так что можешь не беспокоиться об избытке кофеина в твоём организме. — Я спрятала бумажку в карман, повесила на плечо сумку и встала... едва не опрокинув стол.

— Храни тебя Боже, тетушка! Ты едва ли не с каждым часом увеличиваешься в размерах.

— Спасибо за комплимент, Галлоглас. Ты очень наблюдателен. Я ухитрилась застрять между вешалкой, стеной и стулом. Галлоглас поспешил высвободить меня из плена вещей.

— Откуда в тебе такая уверенность? — спросила Сара, разделявшая скептицизм Фиби.

Я молча подняла руки. Разноцветные нити ярко светились.

— Надо поскорее отвезти Диану домой, — сказала Изабо. — Вряд ли владельцу ресторана захочется, чтобы в его заведении летал дракон. Мне этих полетов хватило в замке.

— Спрячь руки в карманы, — прошипела Сара. — Они и впрямь светятся у тебя, как елочная гирлянда.

Я еще не достигла стадии беременности, когда женщины ходят вразвалку, но даже сейчас было не так-то легко пробраться между близко стоящими столами. Особенно когда руки засунуты в карманы плаща.

— Пожалуйста, пропустите мою невестку, — властным тоном произнесла Изабо.

Сжав мой локоть, она повела меня к выходу. Мужчины послушно вставали, задвигая стулья и глуповато улыбаясь.

— Мачеха моего мужа, — шепнула я одной рассерженной посетительнице.

Женщина сжимала вилку, как оружие. Должно быть, она решила, что я вышла замуж за двенадцатилетнего мальчишку, от которого и забеременела. Учитывая внешний облик Изабо, более взрослых детей у нас попросту не могло быть.

— Второй брак. Жена значительно моложе. Вы представляете, что это такое.

— Ну вот, засветились, — недовольно пробормотал Хэмиш. — Теперь все вампиры, демоны и ведьмы в почтовом округе W1 будут знать, что Изабо де Клермон пожаловала в Лондон. Галлоглас, неужели ты не мог ее сдержать?

— Сдержать бабулю? — Галлоглас покатился со смеху и хлопнул Хэмиша по спине.

— Кошмар какой-то! — воскликнул Хэмиш, когда еще несколько голов повернулось в нашу сторону. — До завтра, Адам, — бросил он метрдотелю, толкая дверь.

— Ваш обычный столик на одного, сэр? — спросил Адам, подавая Хэмишу зонт.

— Слава богу, да.

Усевшись в ожидавшую машину, Хэмиш покатил в Сити, где находился его офис. Леонард помог мне забраться на заднее сиденье «мерседеса». Туда же уселись Изабо и Фиби. Фернандо сел рядом с Леонардом. Галлоглас закурил сигарету и двинулся по тротуару, дымя сильнее, чем старинный пароход на Миссисипи. Мы потеряли его из виду возле паба «Карета и лошади». Жесты, подаваемые Галлогласом, показывали, что он намеревается выпить.

— Трус, — покачал головой Фернандо.

— И что теперь? — спросила Сара, когда мы вернулись в наш дом и расположились в уютной утренней гостиной.

Центральная гостиная была вполне комфортабельной, но эта небольшая комната стала самым любимым моим уголком в доме. Мне нравилась ее разнотильная мебель, включая старинный

стул. Я была уверена, что когда-то он стоял в нашем лондонском доме на Уотер-лейн. Если другие помещения восхищали своим убранством, утренняя гостиная ощущалась жилой комнатой.

— Итак, Т. Дж. Уэстон, эсквайр. Теперь займемся его или ее поисками.

Я взгромоздила ноги на почерневший от времени елизаветинский стул и застонала от ломоты в костях. Туда медленно проникло тепло пылающего камина.

— Это все равно что искать иголку в стоге сена, — заявила Фиби, позволив себе даже вздохнуть.

— Если Диана пустит в ход свою магию, поиски упростятся, — убежденно заявила Сара.

— Магию? — Изабо повернула голову ко мне; ее глаза сверкнули.

— Ты ведь не благоволишь к ведьмам? — спросила я.

Это моя свекровь заявила при первой нашей встрече, когда Мэтью привез меня в Сет-Тур.

— К ведьмам Изабо не благоволит, однако их магией восхищается, — сказал Фернандо.

— Учти, Изабо: это очень тонкая черта и очень сильная, — качая головой, предупредила Сара.

— Какой вид магии? — спросил Галлоглас.

Мы и не заметили, как он вернулся. С его волос и куртки капало. Сейчас он напоминал Лоберо, вдоволь набегавшегося по императорскому Оленьему рву.

— В поисках потерянной вещи помогает заклинание со свечой, — задумчиво произнесла Сара.

Она поневоле стала экспертом в свечных заклинаниях, поскольку Эм виртуозно умела терять свои вещи дома и по всему Мэдисону.

— Я помню ведьму, умевшую находить потерянные вещи с помощью горстки земли и тряпки с узлами, — заявила Изабо, надменно поглядев на нас, а мы с Сарой изумленно разинули рот. — Тут печему удивляться. За столько лет я перевидала великое множество ведьм.

— Ты говорила, что один из предполагаемых адресов этого или этой Т. Дж. Уэстон находится в Дании, — обратился к Фиби Фернандо, который давно привык к высокомерному тону Изабо. — А остальные?

— Все в Соединенном Королевстве: четыре — в Англии и один — в Северной Ирландии, — ответила Фиби. — Английские адреса — с юга страны: Девон, Корнуолл, Эссекс, Уилтшир.

— Тетушка, а так ли уж обязательно связываться с магией? — спросил насторожившийся Галлоглас. — Обратимся к Натаниэлю, он запустит свои компьютеры и найдет этого покупателя. Фиби, ты сумела переписать адреса?

— Естественно.

Фиби достала из кармана помятый чек аптеки «Бутс», обратная сторона которого была исписана мелким почерком. Поймав недоуменный взгляд Галлогласа, она пояснила:

— Я не могла войти в хранилище с записной книжкой. Это бы сразу вызвало подозрения.

— Умница, — похвалила Изабо. — Я отправлю адреса Натаниэлю и попрошу сразу же взяться за дело.

— Магия все равно быстрее. Мне главное — понять, какое заклинание применить, — сказала я. — Мне понадобится что-то зрительное. С визуальными образами у меня получается лучше, чем со свечами.

— Может, карта сгодится? — спросил Галлоглас. — В библиотеке Мэтью наверняка найдется хотя бы одна. Если нет, стоняю на Пикадилли в «Хэтчардс». Посмотрю, что у них.

Едва вернувшись, Галлоглас был готов снова выйти на холодный осенний ливень. Вероятно, это напоминало ему погоду в средней части Атлантики, где он когда-то плавал.

— Карта пригодилась бы, но только большая, — сказала я. — Мало толку, если заклинание укажет, что Т. Дж. Уэстон находится в Уилтшире.

Я представила, как Леонард возит меня по всему графству вместе с объемистой коробкой свечей.

— Возле Шордича есть потрясающий магазин, где продают карты, — с гордостью сообщил Леонард, словно местоположение магазина было его личной заслугой. — Там есть карты во всю стену. Я им позвоню.

— Что тебе понадобится, кроме карты? — спросила Сара. — Компас?

— Жаль, что у меня нет старинного математического инструмента. Когда-то мне его подарил император Рудольф. Его стрелка всегда крутилась, будто пыталась что-то найти.

Поначалу я думала, что кто-то пытается разыскать нас с Мэтью и движения стрелки — знак предупреждения. Затем я изменила мнение, связав движения стрелки компендиума с чьими-то поисками Книги Жизни.

Фиби и Изабо переглянулись.

— Я сейчас, — сказала Фиби, выскользнув из гостиной.

— Ты говоришь про медную игрушку, которую Джек и Энни называли ведьмиными часами? — спросил Галлоглас и усмехнулся. — Сомневаюсь, тетушка, что она тебе помогла бы. Она даже время показывала неточно. А уж карты широт мастера Габермеля... намудрил он там.

Я помнила, как ошеломила Габермеля моя просьба добавить широты Нового Света. Мастер выбрал координаты, которые привели бы меня на... Огненную Землю.

— Правильнее всего заняться гаданием, — сказала Сара. — Мы поставим свечи по сторонам света. Ты сядешь в центре с миской воды. Вода тебе обязательно что-нибудь покажет.

— Если проводить гадание на воде, мне понадобится больше пространства.

Я представила потоки ведьминой воды, с пугающей скоростью заливающей столовую, где мы завтракали.

— Можно выйти в сад, — предложила Изабо. — Или собраться в бальном зале. Троянская война всегда казалось мне неподходящей темой для фресок. Если стены пострадают, невелика беда.

— Прсжде чем ты начнешь, нужно настроить твой третий глаз.

Сара внимательно поглядела на мой лоб, словно там, как у призмника, торчала ручка настройки.

Фиби вернулась с небольшой картонной коробкой, которую отдала Изабо.

— Начнем с этой вещицы и посмотрим, сможет ли она тебе помочь, — сказала Изабо, доставая из коробки компендиум мастера Габермеля. — Ален послал с нами часть твоих вещей, оставшихся в Сет-Туре. Он подумал, что с ними тебе будет легче освоиться здесь.

Компендиум был замечательным инструментом, умело изготовленным из позолоченной и посеребренной меди. Покрытие придавало ему почти зеркальный блеск. В нем было все: от лотка для бумаги и карандаша до компаса, широтных таблиц и не-

больших часов. Могло показаться, что сейчас компендиум сошел с ума. Все циферблаты безостановочно вращались. Изнутри доносилось негромкое стрекотание шестеренок.

— Он явно заколдован, — сказала Сара, во все глаза разглядывая компендиум.

— Так у него все колесики изотрутся. — Галлоглас протянул руку, собираясь своим толстым пальцем прижать стрелки часов и замедлить вращение.

— Не вздумай трогать! — сурово предупредила его Сара. — Неизвестно, как заколдованный предмет отреагирует на нежелательное вторжение.

— Тетушка, а ты когда-нибудь ставила его рядом с картинкой алхимической свадьбы? — спросил Галлоглас. — Если ты права и игрушка мастера Габермеля оживает, когда кто-то ищет Книгу Жизни, тогда лист успокоит бешенство колесиков.

— Хорошая мысль. Оба листа сейчас в Китайской комнате. Лежат на картонном столике.

Кряхтя, я встала с дивана. Изабо выпорхнула из комнаты. Я едва успела выпрямить спину, как она вернулась, неся листы. Их она держала с чрезвычайной осторожностью, словно они были из тончайшего стекла и в любой момент могли треснуть и рассыпаться. Едва я положила листы на стол, стрелка циферблата перестала вращаться по кругу и превратилась в маятник, качаясь слева направо и обратно. Стоило мне поднять листы, как стрелка возобновила вращение, хотя теперь она крутилась медленнее.

— Сомневаюсь, что компендиум реагирует, когда кто-то ищет Книгу Жизни, — сказал Фернандо. — Сам инструмент ищет эту книгу. Сейчас он чувствует близость листов и сужает фокус поисков.

— Как странно... — Я вернула страницы на стол и с удивлением посмотрела на стрелку. Она перестала вращаться и вновь превратилась в маятник.

— А эта штучка способна тебе помочь найти последний из вырванных листов? — спросила Изабо, как и Сара, восхищенная компендиумом.

— Только если я буду возить ее по всей Англии, Шотландии и Уэльсу.

Первая же поездка по трассе М40 угробила бы этот хрупкий бесценный инструмент. Что у Леонарда, что у Галлогласа имелась привычка гнать машину на пределе скорости.

— Но можно создать заклинание-локатор. Имея карту и твой компендиум, ты смогла бы произвести... как это у них называется? — наморщила лоб Сара. — А-а, триангуляция. С ее помощью ты определила бы положение последнего листа. — Тетка рассуждала вслух, водя пальцем по губам.

— Ты про какое именно заклинание-локатор говоришь? — спросила я.

Предлагаемое Сарой не имело ничего общего с колокольчиком, книгой, свечой или с написанием заклинания на диске гроздовника.

— Нужно попробовать разные и проверить, какое из них действует лучше, — ответила Сара, продолжая рассуждать. — Далее ты проведешь это заклинание в надлежащих условиях и с мощной магической поддержкой, чтобы заклинание не пошло наперекосяк и не утратило форму.

— Где на Мейфэре вы найдете магическую поддержку? — спросил Фернандо.

— У Линды Кросби, — хором ответили мы с теткой.

Больше недели мы с Сарой спускались в подвал мейфэрского особняка, где проверяли и перепроверяли заклинания. Вторым местом экспериментов была кухонька в квартире Линды в районе Блэкфрайерс. Я чуть не утопила драгоценную теткину Табиту. Дважды на Плейхаус-Ярд приезжала пожарная команда. Наконец мне удалось соорудить заклинание-локатор, состоявшее из нескольких узлов прядильщицы и нескольких магических предметов, которые имели определенный смысл. Никаких гарантий у меня не было. Возможно, локатор заработает. Говорить «обязательно заработает» я не решалась даже мысленно.

Лондонский шабаш встречался в уцелевшей части крипты средневекового монастыря Грейфрайерс. За свою долгую историю монастырь пережил множество катастроф: от ликвидации католических монастырей до гитлеровского блицкрига. Над криптой располагалось жилище Эндрю Хаббарда: колокольня бывшей церкви. Башня имела двенадцать этажей и всего одно большое помещение на каждом этаже. За башней находилось старое кладбище. Как и башня, оно выдержало несколько волн урбанизации. Часть кладбища Хаббард превратил в красивый сад.

— До чего странный дом, — пробормотала Изабо.

— Эндрю — очень странный вампир, — ответила я и вздрогнула.

— Отец Х. любит высоту, только и всего. Это создает у него ощущение близости к Богу, — сказал Леонард и снова постучал в дверь.

— Я почувствовала призрака. Промелькнул совсем рядом, — призналась Сара, кутаясь в пальто.

Я тоже ощутила характерный холодок к теле.

— Я ничего не чувствую, — заявил Леонард, по-вампиРСки лихо отменяя все ощущения теплокровных.

Он уже не стучал, а колотил в дверь:

— Взойди же, солнце!

— Имей терпение, Леонард. Не все здесь — двадцатилетние вампиры! — отчитала его Линда Кросби, открывшая дверь. — Не забывай, что мне нужно было еще дойти до двери. А ступенек тут хватает.

К счастью, мы спустились вниз всего на один этаж и оказались в помещении, отведенном Хаббардом под собрания официального паба пап ведьм лондонского Сити.

— Добро пожаловать на нашу встречу! — сказала Линда, ведя нас вниз.

Пройдя половину, я остановилась и шумно вздохнула.

— Это... ты? — спросила потрясенная Сара.

Стены крипты были густо покрыты моими изображениями. На них я ткала свое первое заклинание, поднимала из-под пола рябиновое деревце, следила за полетом Корры над Темзой и стояла в окружении ведьм, взявших меня под свое крыло, когда я только-только начинала постигать азы магии. Со стены на меня смотрела Благочестивая Олсон — тогдашняя главная жрица пабаша. Как здорово было снова увидеть ее лицо с тонкими чертами и сутулые плечи! Чуть поодаль замерла повитуха Сюзанна Норман и еще три ведьмы: Кэтрин Стритер, Элизабет Джексон и Марджори Купер.

Художника я узнала и без подписи. Это был Джек. Он покрывал стены свежей штукатуркой и писал свои красочные фрески, делая их постоянной частью крипты. Фрескам была не одна сотня лет. На них успела отложиться копоть. Кое-где их повредила просачивающаяся влага. Местами они потрескались от времени, но тем не менее сохранили свою красоту.

— Мы счастливы, что у нас есть такое чудесное место для работы, — сказала сияющая Линда. — Твое путешествие во времени долгие годы служило источником вдохновения для лондонских ведьм. Милости просим. Познакомься со своими сестрами.

Возле лестницы стояли три ведьмы и с интересом смотрели на меня. От их взглядов у меня покалывало кожу. Пусть у моих учительниц из Гарликхайта было больше силы, но и их потомков назвать бесталанными я не могла.

— Наша Диана Бишоп снова с нами, — провозгласила Линда. — С ней пришли ее тетка Сара Бишоп, а также ее свекровь, которая в представлении не нуждается.

— Никоим образом, — сказала самая старая из четырех ведьм. — Мы все слышали о предостерегающих историях о Меллисанде де Клермон.

Линда заранее меня предупредила, сказав, что у шабаша есть сомнения насчет сегодняшнего действия. Она сама выбрала ведьм, способных нам помочь: огненную ведьму Сибиллу Боунвигс, водяную ведьму Тамсин Саутейл и воздушную ведьму Кассандру Кайтлер. Магия самой Линды, как и магия Сары, была целиком связана с землей.

— Времена меняются, — решительно заявила Изабо. — Но если вы хотите, чтобы я ушла...

— Не обижайся. — Линда с упреком посмотрела на пожилую ведьму. — Диана просила, чтобы ты тоже участвовала в ее заклинании. Общими усилиями мы доведем дело до конца. Правда, Кассандра?

Пожилая ведьма торопливо кивнула.

— Леди, разбирайте карты! — сказал Леонард, держа в руках несколько тугих бумажных трубок.

Свалив их на шаткий стол, заляпанный воском, Леонард немешкая стал подниматься по лестнице.

— Если что-то понадобится, зовите! — крикнул он, шумно хлопывая дверь.

Карты требовалось разложить. Этим руководила Линда. Перепробовав разные варианты, мы нашли лучший: поместить в середину большую карту Британских островов и окружить ее отдельными картами графств. Карта Великобритании заняла внушительный прямоугольник пола размером шесть на четыре фута.

— Мне это напоминает дурацкие практические занятия по географии в начальной школе, — проворчала Сара, разворачивая карту Дорсета.

— Пусть наша затея не отличается изяществом, но она работоспособная, — ответила я, доставая из сумки компендиум.

Их чистого носка Галлогласа Фернандо соорудил защитный чехол. Старинный инструмент великолепно перенес дорогу. Следом я достала мобильник и сделала несколько снимков фресок. Окруженная ими, я чувствовала себя ближе к Джеку и Мэтью.

— Куда мне положить листы из Книги Жизни? — спросила Изабо, которой я поручила заботу о драгоценных веленевых листах.

— Лист с алхимической свадьбой отдай Саре. У тебя останется лист с двумя драконами.

— У меня? — Глаза Изабо округлились.

Это было противоречивое решение. Сара и Линда возражали, но я сумела настоять на своем.

— Надеюсь, ты не станешь возражать, — сказала я свекрови. — Лист с алхимической свадьбой достался мне от родителей. Лист с драконами принадлежал Эндрю Хаббарду. Я подумала, что мы сумеем уравновесить заклинание, если листы будут находиться в руках ведьмы и вампириши. — Интуиция подсказывала мне: я приняла верное решение.

— Да, к-конечно, — ответила Изабо, запнувшись на знакомых словах.

— Все будет хорошо, — сказала я, стискивая ее руку. — Сара встанет напротив тебя, а Линда и Тамсин — по бокам.

— Ты сейчас больше думай о заклинании. Изабо справится без подсказок.

Сара подала мне пузырек с красными чернилами и птичье перо: белое, с впечатляющими вкраплениями коричневого и серого.

— Начинаем, сестры, — сказала Линда, хлопнув в ладоши.

Она раздала коричневые свечи. Коричневый считался самым подходящим цветом для поиска потерянных вещей. Другим его свойством, не менее благоприятным, было удержание заклинания, в чем я по причине своей неопытности очень нуждалась. Каждая ведьма заняла свое место за пределами круга карт графств. Каждая зажгла свечу и шепотом произнесла заклинание. Пламя

свечей было неестественно большим и ярким. Настоящие ведьмины свечи.

Линда провела Изабо на отведенное вампирше место — ниже южной оконечности Англии. Сара, как я и обещала, встала выше северного побережья Шотландии. Потом Линда трижды обошла по часовой стрелке вокруг ведьм, карт и вампирши, рассыпая соль и создавая ограждающий круг.

Когда обход закончился и все застыли на своих местах, я вынула пробку из пузырька с чернилами. В воздухе отчетливо запахло смолой, называемой драконья кровь. В составе чернил содержались и другие компоненты, включая достаточное число капель моей крови. Уловив медный запах, Изабо раздула ноздри. Я окунула перо в чернила, прижав его серебряное острие к узкой полосе пергамента. Два дня я искала умельца, который возьмется сделать пишущее перо из пера сибухи. Перья, какими писали в елизаветинском Лондоне, были гораздо короче.

Мысленно выстроив инициалы и буквы фамилии в один ряд, я стала выписывать их на пергамент: первую, затем восьмую, потом вторую и седьмую и так далее. Получился ряд.

T, N, J, O, W, T, E, S

TJ WESTON

Я сложила пергамент, чтобы написанное имя оказалось внутри. Настал мой черед выйти за пределы священного круга и сплести еще одно заклинание. На мне была вязаная кофта. В ее карман я осторожно положила компендиум мастера Габермеля и сложенный пергамент. С этого места я начала движение по кругу, пройдя между огненной и водяной ведьмами. Я прошла мимо Тамсин и Изабо, Линды и Кассандры, Сары и Сибиаллы.

Стоило мне вернуться обратно, как за пределами соляного круга вспыхнула мерцающая линия, освещающая изумленные лица ведьм. Засиял мой указательный палец, но погас раньше, чем я успела понять, что к чему. Но сияния хватало и без него. Под кожей пульсировали золотистые, серебристые, черные и белые линии. Они скручивались и сплетались в десятый узел, похожий на уробороса. Он окружал голубые прожилки вен на моем запястье.

В светящейся линии была узкая щель. Я прошла сквозь нее и замкнула круг. От него исходила бурлящая, гудящая сила. Она стонала и кричала, требуя высвобождения. Корре тоже хотелось

выбраться. Дракониха беспокойно ерзала и потягивалась, отвлекая мое внимание.

— Потерпи немножко, — сказала я Корре.

Я осторожно переступила через соль, оказавшись на карте Англии. Каждый шаг приближал меня к месту, где на ней был обозначен Лондон. Когда я наконец добралась до пределов Сити, Корра шумно выпорхнула из меня, хрустнув моими костями.

— Корра, лети! — приказала я.

Наслаждаясь свободой, Корра закружила в пространстве крипты. Искры сыпались с ее крыльев, а из пасти вырывались языки пламени. Постепенно она набрала высоту и поймала воздушные потоки, способные нести ее в желаемом направлении. Хлопанье крыльев замедлилось. Увидев на стене собственный портрет, Корра одобрительно заверещала и даже похлопала хвостом по тому месту.

Я достала из кармана компендиум, зажав его в правой руке. В левую взяла пергамент. Я широко развела руки и стала ждать, пока нити, что связывали мир и наполняли пространство крипты, приблизятся и сползутся ко мне, выманивая нити из моих рук. Когда они встретились, нити удлиннились и расширились. Все мое тело наполнилось магической силой. Они образовали узлы вокруг ног, окружили защитной паутиной матку и сердце и поползли дальше, двигаясь вдоль вен и сухожилий.

Я произнесла слова заклинания.

*Уехали страницы
Их надо найти
Где этот Уэстон?
Подскажи мне пути*

Я дунула на пергамент. Красные чернила, которыми было написано имя Уэстона, вспыхнули. Я перекинула их на ладонь, где они продолжали ярко гореть. Корра кружила над картой, напряженно вглядываясь в очертания Англии.

Застрекотали шестеренки компендиума. Стрелки на главном циферблате пришли в движение. Уши наполнились оглушающим грохотом. Из компендиума вырвался яркий золотистый луч. Вращаясь, он достиг обоих листов из Книги Жизни. Затем из позолоченного циферблата протянулась еще одна нить и поползла к карте под ногами Линды.

Корра стремительно опустилась вниз и ударила по карте, испустив торжествующий крик. Казалось, она поймала добычу, которую никак не рассчитывала встретить в этом месте. Вспыхнуло название города. Пламя тут же погасло. Остались почерневшие очертания букв.

Заклинение исполнило свою роль. Грохот утих. Магическая сила уходила из моего тела, ослабляя узлы на нитях. Однако нити не вернулись в мои руки. Они по-прежнему окружали меня, создавая нечто вроде нового тела.

Когда магическая сила ушла, я слегка качнулась. Изабо сразу же устремилась ко мне.

— Изабо, так делать нельзя! — крикнула ей Сара. — Не разрывай круг.

Моя свекровь явно считала эти предостережения глупостью. Сейчас, когда Мэтью отсутствовал, она приготовилась стать моей сверххекуншей. Однако Сара была права: разрывать круг позволялось только мне. С трудом переставляя ноги, я вернулась туда, где начинала ткать заклинания. Сибилла и Тамсин подбадривали меня улыбками. Пальцы моей левой руки вспыхнули и сами собой растопырились, освобождая невидимые связи круга. Оставалось лишь обойти круг против часовой стрелки, окончательно гася магию.

Линда двигалась куда проворнее, идя в противоположном направлении. Едва мы завершили обход, Изабо с Сарой бросились ко мне. Лондонские ведьмы устремились к карте, где обозначилось местонахождение Уэстона.

— Dieu, я уж не помню, сколько веков назад видела магию. Теперь понимаю: Мэтью ничуть не преувеличил, назвав тебя потрясающей ведьмой, — с восхищением призналась Изабо.

— Ты замечательно действовала, радость моя! — с гордостью сказала Сара. — Ни разу не запнулась, ни капли замешательства.

— Заклинение сработало?

Я искренне надеялась на успех. Заклинение такого уровня не повторишь на следующий день. Только на отдых понадобится не одна неделя.

— Оксфордшир? — спросила я, подойдя к карте.

— Да, — неуверенно ответила Линда. — Но, боюсь, мы недостаточно точно сформулировали вопрос.

Я прочла опаленное название, типично английское. Название деревни Чиппинг-Уэстон.

-- На бумаге были инициалы, но я забыла включить их в слова заклинания. — Мое торжество сменилось глубоким унынием.

— Пока слишком рано признавать поражение, — заявила Изабо, доставая мобильник. — Фиби? Скажи, в деревне Чиппинг-Уэстон, графство Оскфордшир, есть хоть один Т. Дж. Уэстон?

Мы почему-то не задумывались о том, что Т. Дж. Уэстон мог жить в населенном пункте, название которого совпадало с его фамилией. Все с волнением ждали ответа Фиби.

Напряженное ожидание на лице Изабо сменилось внезапным облегчением.

— Спасибо. Мы скоро вернемся. Передай Марте, что Диане потребуется компресс на лоб и холодное обертывание ног.

У меня болела и голова, и ноги, которые вдобавок еще и стремительно распухали. Я с благодарностью посмотрела на Изабо.

— Фиби сказала, что в Чиппинг-Уэстоне действительно есть Т. Дж. Уэстон. Владелец усадьбы.

— Великолечно! Ты славно потрудилась, Диана, — сказала лучезарно улыбающаяся Линда.

Остальные ведьмы дружно аплодировали, словно я только что исполнила труднейшую фортепианную пьесу, нигде не сбившись.

— Этот вечер мы запомним надолго, — взволнованно проговорила Тамсин. — В Лондон вернулась прядильщица, чтобы соединить прошлое и будущее. Тогда старый мир умрет и родится новый.

— Так это же пророчество Матушки Шиптон, — сказала я, узнав слова.

— Девичья фамилия Урсулы Шиптон была Саутейл. Алиса Саутейл — ее тетка — мой далекий предок, — сказала Тамсин. — Она была прядильщицей, как и ты.

— Значит, ты — потомок Урсулы Шиптон! — воскликнула Сара.

— Да, — скромно ответила Тамсин. — Женщины в нашем роду передавали знания о прядильщиках, хотя у нас за пятьсот с лишним лет появилась только одна прядильщица. Но Урсула утверждала, что их сила не потеряна безвозвратно. Она предвидела годы тьмы, когда ведьмы забудут и прядильщиков, и то, что они олицетворяли: надежду, возрождение, перемены. И сегодняшний вечер Урсула тоже предвидела.

— Это как?

Мне вспомнились несколько строк из пророчества Матушки Урсулы. Но там не было и намека на сегодняшние события.

— И страх перед хвостом дракона
В их душах утвердится непреклонно.
А время память изотрет.
Пусть это странно вам. Но так произойдет, —

продекламировала Тамсин.

Она кивнула остальным ведьмам, и те хором продолжили:

А перед тем как расе заново родиться,
Змей серебристый должен появиться,
Скрывающий в своем могучем теле
Особенных существ, невиданных доселе.
Земле озябшей передаст он жар
И поколениям новым — просветленья дар.

— Дракон и змей? — спросила я, дрожа всем телом.

— Вместе они предсказывают наступление золотой эры для существ нечеловеческой природы, — сказала Линда. — Пусть ожидание затянулось на долгие века, но мы счастливы, что дожили до этой минуты.

Груз ответственности на моих плечах стремительно возрастал. Сначала близнецы, затем новый клан Мэтью, а теперь и будущее вампиров, демонов и ведьм? Моя рука опустилась на живот, внутри которого росли наши дети. Меня растаскивало по разным направлениям. Их было слишком много: заботы ведьм соперничали с интересами ученого, жены, да еще и матери.

Я оглядела стены. В 1591 году все части меня гармонично сочетались. Тогда я была самой собой.

— Не волнуйся, — заботливо сказала Сибилла. — Ты вновь станешь цельной. Твой вампир тебе поможет.

— Мы все тебе поможем, — добавила Кассандра.

Глава 27

— Остановись здесь, — велел Галлоглас.

Леонард послушно нажал на тормоза, и «мерседес» мгновенно и бесплунно замер перед сторожкой у въезда в Олд-Лодж. Я приехала вместе с маленькой свитой. Всем хотелось быть поближе к месту поисков третьего листа. В Лондоне остался только Хэмиц, занятый спасением евро от стремительного падения. Фернандо ехал за нами следом, в одном из «рейнджроверов» Мэтью, у которого был неиссякаемый запас машин этой марки.

— Нет. Поедем дальше. Прямо к дому, — сказала я Леонарду.

Сторожка очень сильно напоминала мне о Мэтью. Леонард свернул на подъездную дорожку. Из оксфордширского тумана проступали знакомые очертания поместья. Странно было видеть Олд-Лодж без окрестных полей с пасущимися овцами и стогами сена. Из имевшихся труб дымила только одна, и то слегка, посылая к небу тонкую струйку дыма. Я прижалась лбом к холодному окопку машины и смотрела на черно-белое здание Олд-Лоджа с каменным нижним этажом и деревянным верхним. Ряды ромбовидных окон напоминали мне о других, более счастливых временах.

Потом я откинулась на спинку мягкого кожаного сиденья и достала мобильник. Новых сообщений от Мэтью не было. Я утешалась, разглядывая два присланных им снимка: Джек с Маркусом и Джек, поглощенный рисованием. Пристроив на колене блокнот, он целиком погрузился в творчество. Второй снимок Мэтью прислал, получив от меня картинки фресок в крипте. Магия фотографии сумела поймать и запечатлеть призрак королевы Изабеллы. Ее величество высокомерно кривила губы.

Всю дорогу из Лондона Сара поглядывала на меня. Они с Галлогласом настаивали, чтобы перед поездкой в Чиппинг-Уэстон

я несколько часов передохнула. Я возражала. После плетения заклиний я всегда чувствовала себя опустошенной. Я пыталась убедить тетку и Галлогласа, что бледность и отсутствие аппетита связаны исключительно с магией. Оба мне не верили.

— Остановиться здесь, мадам? — спросил Леонард, сбрасывая скорость перед цепочкой подстриженных тисовых деревьев, отделявших гравийную дорогу от рва.

В 1590 году мы бы спокойно пересекли ров и въехали прямо в центральный двор усадьбы. Сейчас ни один автомобиль не сумел бы проехать по узкому каменному мосту.

Пришлось сделать небольшой крюк и подъехать к заднему двору. В прежние времена сюда подъезжали телеги с припасами, приходили торговцы и ремесленники. Сейчас во дворе стоял маленький «фиат» и старенький грузовичок, явно используемый для хозяйственных нужд в пределах поместья. Амира Чаван, приятельница Мэтью, исполняющая также роль смотрительницы, уже ждала нас.

— Диана, рада снова тебя видеть, — сказала Амира.

Я ощутила знакомое покалывание. Она была индийской всдьмой.

— А где Мэтью?

— В отъезде по делам, — лаконично ответила я, вылезая из машины.

— Да ты беременна! — произнесла она таким тоном, словно делала сообщение об обнаружении жизни на Марсе.

— Семь месяцев, — пояснила я, выгибая спину. — Позанимаюсь у тебя йогой.

Амира не только присматривала за Олд-Лоджем, но и вела потрясающие курсы йоги, привлекавшие демонов, ведьм и вампиров.

— Не вздумай изгибаться кренделем! — Галлоглас осторожно взял меня за локоть. — Идем в дом, тетушка. Тебе надо отдохнуть с дороги. Уложишь ножки на стол и посидишь, пока Фернандо готовит нам всем еду.

— Когда Амира рядом, я даже не притронусь к сковородке, — сказал Фернандо, целуя Амиру в щеку. — Тебя здесь никто не тревожил, красавица моя?

— Никого не видела, ничего не чувствовала, — улыбнулась Амира, восторженно глядя на Фернандо. — Давно, очень давно мы не виделись.

— Сделай Диане поджаренные хлебцы с *акури*, и я тебя прощу, — с ответной улыбкой сказал Фернандо. — От одного запаха я уношусь к небесам.

Познакомив Амиру с остальными, я прошла в комнатку, где в далеком 1590 году мы собирались на семейные трапезы. Той карты на стене уже не было. В очаге весело трещал огонь, разгоняя знакомую сырость.

Амира принесла нам тарелки с яичницей и тостами, добавив к этому миски с рисом и чечевицей. Все блюда были щедро приправлены перцем чили, горчичным семенем, лаймом и кориандром. Фернандо завис над тарелками, вдыхая ароматный пар.

— Твоя *канда поха* напоминает маленькую закусочную, где мы останавливались, когда ехали на Гхарапури смотреть пещеры. Там подавали изумительный чай с кокосовым молоком. — Фернандо снова втянул в себя аромат кулинарных чудес Амиры.

— Она и должна напоминать. Я же все делаю по бабушкиному рецепту. И рис измельчаю традиционным способом: в металлической ступке металлическим пестиком. Диане в ее нынешнем состоянии это блюдо очень полезно.

Я пыталась отнекиваться, говоря, что есть не хочу. Но тмин и лайм обладали какой-то своей алхимией, и она возбудила мой аппетит. Я не заметила, как опустошила тарелку.

— Вот так-то лучше, — удовлетворенно заключил Галлоглас. — А теперь почему бы тебе не прилечь на диванчик и не закрыть глазки? Если здесь не слишком уютно, можно пройти в старую комнату Пьера. Там неплохая кровать. Можешь лечь и на свою. Она никуда не делась.

Дубовый диванчик был щедро украшен резьбой. Он еще годился для сидения, но никак не для лежания. В той, прежней моей жизни он стоял в большой гостиной, а сейчас переехал сюда и встал под окном. Кипа газет на краю подсказывала, что Амира сидела здесь по утрам, знакомясь с новостями.

Я начинала понимать отношение Мэтью к домам. Он жил в них, покидал, чтобы вернуться через несколько десятилетий или даже столетий и лишь немного переставить мебель. Получалось, он владел скорее сетью музеев, чем домами в их истинном смысле слова. Я подумала о воспоминаниях, ожидавших меня в других частях дома. В большом зале, где я впервые встретила с Джорджем Чапменом и вдовой Битон. В большой гостиной, где

Уолтер Рэли обсуждал наши тогдашние трудности под бдительными взглядами Генриха VIII и Елизаветы I, смотрящих на нас с портретов. В спальне, куда мы с Мэтью перенеслись из XXI века.

— Мне достаточно диванчика, — торопливо сказала я.

Вот если бы Галлоглас отдал мне на время свою кожаную куртку, а Фернандо — длинное шерстяное пальто, розочки на спинке не так сильно врезались бы мне в бок. Исполняя мое желание, пальто и куртки моей свиты, сваленные возле очага, превратились в подобие матраса. Окруженная запахами померанца, морской пены, сирени, табака и нарцисса, я закрыла отяжелевшие веки и погрузилась в сон.

— Его видели лишь мельком, — негромко сказала Амира, но ее голос почему-то меня разбудил.

— И все равно, пока сохраняется опасность появления Бенжамена, ты не должна проводить занятия. — Фернандо редко говорил в столь категоричной манере. — А если бы он сюда явился, что тогда?

— Он бы столкнулся с двумя дюжинами разъяренных демонов, вампиров и ведьм, — ответила Амира. — Мэтью тоже настаивал на прекращении занятий, но мне сейчас они кажутся важнее, чем прежде.

— Так оно и есть.

Я опустила ноги на пол и села, прогоняя сон. Если верить часам, прошло всего сорок пять минут. Определить время по изменению света за окном было невозможно: нас по-прежнему окружал туман.

Сара позвала Марту, и та принесла мне мятный чай с добавлением розовых бутонов. Ни капли кофеина, который взбудрил бы меня. Зато он был благословенно горячим. Я успела забыть, какой холод царил в домах XVI века.

Галлоглас пересадил меня поближе к огню. Мне было грустно сознавать, что все заботы направлены на мою персону. Он ведь тоже заслуживал любви. Я не хотела, чтобы Галлоглас страдал от одиночества. Наверное, часть этих мыслей отразилась у меня на лице.

— Не печалься, тетушка. Ветры не всегда дуют так, как хотелось бы кораблю, — пробормотал он, подвигая мой стул еще ближе.

— Ветры делают то, что я им скажу.

— А я сам прокладываю курс. Если ты не перестанешь надо мной кудахтать, я расскажу Мэтью о том, что ты задумала, и вместе одного вдрызг рассерженного вампира тебе придется разбираться с двумя.

Я почувствовала: самое время сменить тему.

— Амира, Мэтью сейчас создает собственную семью, независимую от клана де Клермонов, — сказала я, поворачиваясь к нашей хозяйке. — Она не будет чисто вампирской. В нее войдут и демоны, и ведьмы. Возможно, даже люди. Кто знает? Если у Мэтью все получится, твои курсы йоги станут еще востребованнее.

Я замолчала, чувствуя покалывание в правой руке. Под кожей вспыхнули и запульсировали нити. Несколько секунд я смотрела на них, после чего приняла решение. Жаль, что кожаный портфель, куда Фиби для большей сохранности положила листы из Книги Жизни, находился не возле стола, а в другом конце комнаты. Краткий сон не прибавил мне сил.

Портфель появился возле стола.

— Чертовщина, — пробормотал Фернандо.

— Поскольку ты живешь в доме Мэтью, то имеешь полное право знать, почему мы вдруг свалились тебе на голову, — продолжила я. — Амира, тебе приходилось слышать легенды о первом гримуаре ведьм? — Амира кивнула, а я открыла портфель и протянула ей листы. — Эти листы вырваны оттуда. Из книги, которую вампиры называют Книгой Жизни. Мы полагаем, что третьей и последней вырванной страницей владеет некто Т. Дж. Уэстон из деревушки Чиппинг-Уэстон. Теперь, когда мы наелись и напились, мы с Фиби собираемся поехать туда и узнать, не будет ли он так любезен продать нам этот лист. Впрочем, листом может владеть и женщина.

Стоило мне упомянуть имя Фиби, как она появилась вместе с Изабо. Лицо кандидатки в вампириши было совершенно белым. На лице Изабо застыло выражение легкой скуки.

— Что случилось, Фиби? — спросила я.

— Картина Гольбейна... в ванной. — Бедная девица чуть не плакала, прижимая руки к щекам. — Небольшой портрет Маргарет — дочери Томаса Мора. Он не должен висеть над унитазом!

Когда-то я ужасалась, видя, как в семье Мэтью обращаются с бесценными книгами. Мэтью мои ахи и охи утомляли. Теперь

я наблюдала то же самое у Фиби и, кажется, стала лучше понимать мужа.

— Да оставь ты эту свою чонорную стыдливость! — раздраженно бросила Изабо. — Маргарет была не из тех женщин, которые падают в обморок, увидев чью-то голую задницу.

— Ты так думаешь... Это ведь... — Фиби запнулась. — Меня волнуют не внешние приличия. Портрет Маргарет Мор висит на честном слове и в любой момент может упасть прямо в унитаз!

— Я понимаю твое беспокойство, Фиби, — сказала я, пытаюсь ей посочувствовать. — Может, тебя успокоит тот факт, что в гостиной есть и другие полотна Гольбейна? Они крупнее тех, что в ванной, и гораздо известнее.

— И выше тоже. Где-то на чердаке собрано все святое семейство. — Изабо указала наверх. — Я помню Томаса Мора высокомерным молодым человеком. С годами он ничуть не изменился. Мэтью это не волновало, а вот у Филиппа с Томасом несколько раз чуть ли не до драки доходило. Если его доченька утонет в сортире, ему это пойдет только на пользу.

Амира засмеялась. Глядя на нее, Фернандо тоже засмеялся. Вскоре хохотали все, даже Фиби.

— Из-за чего у вас столько шума? — спросила появившаяся в дверях Марта.

— Фиби приспосабливается к особенностям семьи де Клермон, — ответила я, вытирая глаза.

— *Воппе chance!*, — сказала Марта, отчего все засмеялись еще громче.

Я расценила это как прекрасное напоминание: при всех наших различиях мы были семьей. Странной, со своими задвигами, как в тысячах других семей.

— А листы, которые вы привезли, — они тоже из коллекции Мэтью? — спросила Амира, направляя наш разговор в прежнее русло.

— Нет. Один достался мне от родителей, а второй находился в руках Эндрю Хаббарда — внука Мэтью.

— М-да... Как много страха...

Взгляд Амиры стал отсутствующим. Она обладала большой эмпатией и способностью глубоко проникать в ситуацию.

¹ Желаю удачи (*фр.*).

— Амира! — позвала я, пристально глядя на нее.

— Кровь и страх. — Она содрогнулась. Меня она не видела и не слышала. — В самом пергаменте, не только в словах.

— Может, стоит ее удержать? — спросила я Сару.

Во многих ситуациях второе зрение ведьмы оказывалось ценным подспорьем, и ей было лучше не мешать. Но Амира слишком быстро нырнула в видения иного времени и места. Если ведьма запутается в паутине образов и ощущений, ей оттуда не выбраться.

— Не надо ее удерживать, — сказала Сара. — Нас тут двое. Если она заблудится, мы ее вытащим.

— Молодая женщина. Мать. Ее убили на глазах детей, — бормотала Амира; от ее слов у меня скрутило живот. — Их отец уже был мертв. Ведьмы и колдуны принесли этой женщине тело ее мужа и заставили смотреть на то, как они с ним расправились. Она первая прокляла книгу. Столько знаний, потерянных навсегда. — Глаза Амиры закрылись, а когда открылись снова, там блестели непролитые слезы. — Из кожи этой женщины сделали пергамент.

Я знала, что пергамент для листов Книги Жизни был сделан из кожи ведьм, демонов и вампиров. Данные анализа ДНК не имели такой сильной эмоциональной окраски, как слова Амиры. Чувствуя, что меня сейчас вытопнут, я бросилась к двери. Корра возбужденно хлопала крыльями, пытаюсь удержать равновесие, но близнецы занимали во мне все больше места, значительно сужая ей пространство для маневров.

— Успокойся. Ты не познаешь такую судьбу. Это я тебе обещаю, — сказала Изабо, перехватив меня.

От нее веяло холодной уверенностью. Незвизрая на внешнюю хрупкость, она была очень сильной.

— Правильно ли я поступаю, пытаюсь вернуть этой книге былую цельность? — спросила я, когда бурление в животе улеглось. — И смею ли я это делать без Мэтью?

— Правильно или нет, но начатое должно быть закончено. — Изабо убрала с моего лица выбившиеся волосы. — Диана, позвони ему. Он не хотел обрекать тебя на страдания.

— Нет. — Я замотала головой. — У Мэтью хватает своих дел. А у меня ссть свои.

— Тогда давай их заканчивать, — сказала Изабо.

Чиппинг-Уэстон относился к числу живописных английских деревушек, любимых авторами романов, где сюжет закручен вокруг какого-нибудь таинственного убийства. Он был похож на открытку и даже на декорации для съемок фильма. Однако сама деревушка была вполне реальной, и в ее домах с соломенными крышами жили несколько сот человек. Дома стояли вдоль узких улочек. Местные власти сохраняли право наказывать жителей за те или иные проступки. В Чиппинг-Уэстоне было два паба; так что, если вы перессорились с половиной соседей, у вас оставалось место, где можно посидеть за пинтой вечернего пива.

Усадьбу мы нашли без труда.

— Ворота открыты, — сообщил Галлоглас, хрустя костяшками пальцев.

— Как ты собираешься действовать? — спросила я. — Подбежать к двери и начать дубасить по ней кулаками? — Я выбралась из машины Леонарда. — Идем, Фиби. Здесь наверняка есть дверной звонок.

Галлоглас двинулся следом. Войдя в открытые ворота, мы обогнули круглую каменную чашу. У меня возникло подозрение, что когда-то здесь журчал фонтан. Потом его засыпали землей. Нынче там росли два дерева, листе которых были приданы очертания такс.

— Как необычно, — пробормотала Фиби, глаза на зеленые скульптуры.

Входная дверь находилась посередине фасада. С обеих сторон ее окружал ряд низких окон. Кнопки звонка не было. Посетители возвещали о себе по старинке — металлическим дверным молотком, тоже имевшим форму таксы. Молоток был довольно неумело приделан к крепкой облицовочной панели. Здание строили в елизаветинские времена. Не дав Фиби прочесть мне лекцию о надлежащем отношении к старинным домам, я приподняла железную таксу и громко ударила в дверь.

Тишина.

Я постучала вторично, уже с большей силой.

— Мы же торчим на виду у дороги! — зарычал Галлоглас. — Такой хлипкой стены я еще не видел. Через нее даже ребенок перелезет.

— Не у всех есть ров, — напомнила я. — Сомневаюсь, что Бенжамен вообще слышал о Чиппинг-Уэстоне, не говоря уже о преследовании нас.

Мои слова ничуть не убедили Галлогласа. Он продолжал с беспокойством совы озираться вокруг.

Я собиралась ударить по двери в третий раз, как она вдруг широко распахнулась. На пороге стоял человек в авиационных защитных очках. Парашютный купол покрывал его плечи на манер плаща. Возле его ног с громким лаем вертелось несколько собак.

— И где вас носило?

Я даже не успела задуматься над его странным вопросом. Человек вдруг обнял меня. Собаки прыгали и резвились, приняв поведение хозяина за сигнал вести себя со мной дружелюбно. Хозяин усадьбы пропустил меня внутрь. Он сдвинул очки на лоб. Я ощутила характерный подталкивающий взгляд.

— Вы демон, — неизвестно зачем сказала я.

— А вы ведьма.

У демона были глаза разного цвета: один синий, другой зеленый. Оба глаза внимательно разглядывали Галлогласа.

— Он вампир. Но не тот, с которым вы были прежде. Хотя и в нем достаточно роста, чтобы заменить перегоревшие лампочки.

— Я не занимаюсь лампочками, — угрюмо произнес Галлоглас.

— Пойдите. Я ведь вас знаю.

В моей памяти замелькали лица. Хозяин усадьбы был одним из демонов, которых я видела в Бодлианской библиотеке осенью прошлого года, впервые столкнувшись с «Ашмолем-782». Помнится, он любил кофе латте и разбирал проекторы для чтения микрофильмов. Он всегда ходил с палочками наушников в ушах, даже когда они не были подключены к плееру.

— Тимоти? — спросила я.

— Он самый.

Тимоти повернулся ко мне, изобразив пальцами обеих рук шестизарядные револьверы. На нем и сейчас были ковбойские сапоги разного цвета: на сей раз зеленый и синий — под цвет глаз.

— Я же знал, малышка: мы еще встретимся, — произнес он, подражая героям вестернов.

— Так вы и есть Т. Дж. Уэстон? — спросила Фиби, пытаясь перекричать визжащих и тявкающих собак.

— Я вас не слышу, — ответил Тимоти, затыкая пальцами уши.

— Эй! — рывкнул Галлоглас. — Шавки, заткните пасть!

Лай мигом стих. Собаки уселись, высунув языки и восхищенно глядя на Галлогласа.

— Прекрасно! — воскликнул Тимоти и негромко свистнул.

Лай и возня возобновились.

Галлоглас чуть ли не силой втолкнул нас внутрь дома, бормоча что-то о линии прицела, оборонительных мерах и возможном повреждении слуха у Яблочка и Фасолинки. Однако тишина восстановилась только после того, как Галлоглас уселся на пол перед камином и позволил собакам лазить по нему. Он даже выдерживал их облизывание. Собаки вели себя так, словно он был вожакom их стаи, вернувшимся после долгого отсутствия.

— Как их зовут? — спросила Фиби, поглядывая на мелькающие хвосты.

— Гензель и Гретель. Это же так очевидно, — ответил Тимоти, удивленный недогадливостью Фиби.

— А четверо остальных? — невозмутимо поинтересовалась Фиби.

— Оскар, Молли, Рыжик и Лужица, — ответил Тимоти, указывая на каждую псину.

— Почему — Лужица? Она любит играть под дождем?

— Нет. Она любит делать лужицы на полу. Прежде ее звали Пенелопой, но теперь все в деревне называют ее только Лужицей.

Плавный переход от собачьей темы к Книге Жизни был невозможен, и я решила спросить напрямую:

— Вы купили лист пергамента с изображением дерева?

— Ага. — Тимоти по-детски моргнул.

— Вы готовы продать его мне? — задала я главный вопрос, понимая бессмысленность дипломатических ухищрений.

— Не-а.

— Мы готовы щедро заплатить, — сказала Фиби.

Пусть ей и не нравилось наплевательское отношение де Клермонов к старинным картинам, зато она быстро освоилась с фантастической покупательной способностью семьи.

— Лист не продается.

Тимоти почесал за ушами одному из любимцев. Получив порцию ласки, пес вернулся к Галлогласу и принялся грызть носок его сапога.

— А можно на него взглянуть? — спросила я.

Мне пришла мысль: попытаться одолжить у Тимоти этот лист.

— Конечно.

Тимоти сбросил парашют и, ничего не объясняя, вышел. Мы последовали за ним.

Он провел нас через несколько помещений, некогда служивших для иных целей. Середину бывшей столовой занимала потрепанная ударная установка с надписью на басовом барабане: «ДЕРЕК И СОКРУШИТЕЛИ». Другую комнату я бы назвала кладбищем электроники, если бы не диваны, обитые английским ситцем, и не полосатые обои.

— Это там... где-то, — сказал Тимоти, указывая на следующую комнату.

— Матерь Божия! — пробормотал изумленный Галлоглас.

«Там» означало бывшую библиотеку, а «где-то» — множество мест внутри помещения, напоминавшего лабиринт. Ящики, доставленные сюда, но до сих пор не открытые, связки писем, большие картонные коробки, полные нот, включая и довольно старые, некоторые были изданы в 1920-е годы. Кипы старых газет. Меня особенно поразила обширная коллекция часовых циферблатов всевозможных размеров, форм, внешнего вида и марок.

И еще — манускрипты. Их здесь были тысячи.

— Кажется, я положил его в голубую папку, -- сказал Тимоти, почесывая подбородок.

Чувствовалось, он сегодня принимался за бритье, но почему-то не закончил, оставив две полосы седеющей щетины.

— И давно вы покупаете старые книги? — спросила я, взяв первую попавшуюся.

Это была записная книжка XVIII века, принадлежавшая какому-то немецкому студенту, изучавшему естественные науки. Нынче она представляла интерес разве что для узкого специалиста, занимающегося историей образования в эпоху Просвещения.

— С тринадцати лет. Тогда умер мой дед, и дом по наследству перешел ко мне. Мать бросила меня, когда мне было пять. Дерек — мой отец — умер от случайной передозировки, когда мне едва исполнилось девять. Так я остался с дедом. — Тимоти с гордостью оглядел лабиринт. — С тех пор я восстанавливаю усадьбу. На втором этаже находится галерея. Хотите взглянуть на мою реставрацию картин?

— Быть может, потом, — сказала я.

— Ну ладно, — разочарованно вздохнул он.

— А чем вас интересуют манускрипты?

Демоны отчасти были похожи на моих студентов: те и другие не любили слишком конкретных вопросов.

— Они, как и дом, напоминают мне о том, чего нельзя забывать, — сказал Тимоти, посчитав расплывчатые слова исчерпывающим ответом.

— Если повезет, какой-нибудь манускрипт напомнит ему, куда он положил лист из твоей книги, — шепнул мне Галлоглас. — Если нет, мы можем неделями рыться в этой антикварной полойке.

У нас не было этих недель. Я хотела как можно быстрее добыть «Ашмол-782» из Бодлианской библиотеки и вложить туда вырванные листы. Тогда Мэтью сможет вернуться. Без Книги Жизни мы были беззащитны перед Конгрегацией, Бенжаменом и личными амбициями Нокса и Герберта. Если же Книга окажется у нас, им всем придется играть по нашим правилам. И не важно, есть у нас свой клан или нет. Я засучила рукава.

— Тимоти, вы не возражаете, если я применю магию в вашей библиотеке? — Элементарная вежливость обязывала меня спросить хозяина.

— А она у вас громкая? — поинтересовался Тимоти. — Собаки не любят шума.

— Нет, — ответила я, мысленно перебирая возможности. — Думаю, все пройдет совсем бесшумно.

— В таком случае пожалуйста, — облегченно вздохнул Тимоти.

Он снова надвинул очки. Вероятно, для большей безопасности.

— Опять магия, тетушка? — укоризненно посмотрел на меня Галлоглас. — Недавно ты выложились по полной.

— Дождись завтра, — шепотом сказала я.

Если все три листа окажутся в моих руках, я намеревалась отправиться прямиком в Бодлианскую библиотеку. А там уже будет не до церемоний.

С пола поднялся ворох бумаг.

— Ты уже начала? — встревожился Галлоглас.

— Не успела.

— Тогда откуда это шевеление?

Галлоглас шагнул к движущейся бумажной груде.

В ворохе образовалась щель, и оттуда, бесцеремонно отодвинув какой-то манускрипт в кожаном переплете и дребезжащую коробочку с перьями, высунулся виляющий хвост.

— Лужица! — воскликнул Тимоти.

Собака вылезла задом, таща за собой голубую папку.

— Умная собачка, — заворковал Галлоглас, присел на корточки и протянул руку. — А теперь принеси эту папочку мне.

Лужица стояла, держа в зубах папку с драгоценным листом из «Ашмола-782». Она была очень горда собой. Ей понравился комплимент Галлогласа, но выполнять его приказ собака не торопилась.

— Она хочет, чтобы вы побегали за ней, — объяснил Тимоти.

— Буду я еще бегать за каждой собакой! — буркнул Галлоглас.

Кончилось тем, что мы все гонялись за ней. Лужица была невероятно быстрой и умной таксой среди всех ее прошлых и нынешних сородичей. Она ныряла под мебель, делала обманные броски и снова исчезала из виду. Галлоглас бегал быстрее остальных, но значительно уступал Лужице в размерах. Она снова и снова выскальзывала у него из рук, наслаждаясь своим озорством.

И все же беготня утомила Лужицу. Ей требовалось отдышаться, и потому она улеглась на пол, положив перед собой слегка обмякшую папку. Галлоглас тут же схватил сокровище.

— Ты моя умная девочка! — Тимоти поднял на руки тяжело дышащую таксу. — Летом ты обязательно выступишь Большие состязания среди такс. Можешь не сомневаться. — Тимоти снял с ее когтя прицепившуюся бумажку. — Это же квитанция моего муниципального налога.

Галлоглас протянул мне папку.

— Право открыть папку заслуженно принадлежит Фиби, — сказала я. — Если бы не она, никакая магия не привела бы нас сюда.

Я передала папку Фиби, и она шумно ее открыла.

Изображение на листе пергамента было удивительно ярким. Казалось, его нарисовали только вчера. Живость красок и тщательная прорисовка тел, составляющих ствол дерева и его листья, усиливали магическую пульсацию. Изображение обладало несомненной силой.

— Какая красота! — прошептала Фиби. — Это и есть лист, который мы искали?

— Он, — ответил Галлоглас. — Древо Жизни.

Фиби вложила лист в мои ожидающие руки. Едва пергамент их коснулся, они ярко засветились. В воздух полетели разноцветные искры. Из пальцев потянулись нити магической силы, соединяясь с пергаментом. Легкий треск напоминал треск электрических разрядов.

— Этот лист полон энергии, но не вся она благоприятная, — сказал Тимоти, отходя назад. — Нужно поскорее вернуть лист в книгу, которую вы обнаружили в Бодлианской библиотеке.

— Вы отказываетесь продать нам иллюстрацию. Может, вы одолжите мне ее? Всего на день.

Я могла бы отправиться в Бодлианскую библиотеку, заказать «Ашмол-782» и назавтра вернуть лист Тимоти... если, конечно, Книга Жизни, заполучив лист, позволит снова его вырвать.

— Не-а, — покачал головой Тимоти.

— Вы не желаете продавать лист. Одолжить его мне вы тоже не хотите, — сказала я, чувствуя нарастающее отчаяние. — Вас что-то связывает с ним? Какие-то чувства?

— Естественно. Ведь он мой предок!

Глаза собравшихся устремились к листу с красочной иллюстрацией, который я по-прежнему держала в руках. Даже Луи-ца с возросшим интересом смотрела на пергамент, втягивая воздух длинным, тонким носом.

— Откуда вы это знаете? — шепотом спросила я.

— Я вижу разные штучки. Микрочилы, нужные слова в кроссвордах, вас, того беднягу, чья кожа пошла на пергамент. Я понял, кто вы такая, едва увидев вас в читальном зале герцога Хамфри. — Лицо Тимоти опечалилось. — Я вам так и сказал. Но вы не захотели меня слушать и ушли с большим вампиром. Вы — та, кому откроется.

— Что откроется? — спросила я.

У меня сдавило горло. Видения демонов были причудливыми и сюрреалистичными, но порой оказывались шокирующе точными.

— Откроется то, как все это началось: кровь, смерть, страх. Вы — та, кто сумеет раз и навсегда положить этому конец. — Тимоти шумно вздохнул. — Вы не можете купить мне деда. И одолжить на время — тоже. Но если я отдам вам лист на хранение, вы сделаете так, что смерть деда обретет какой-то смысл?

— Этого, Тимоти, я обещать не могу. — Я не могла давать обещаний исполнить столь значительную и неясную просьбу. — Мы не знаем, как поведет себя Книга Жизни. Я никоим образом не могу гарантировать, что все изменится.

— А вы можете обещать, что его имя не будет забыто... после того, как узнаете значение имени? — спросил Тимоти. — Вы же знаете, как важны имена.

Мне стало жутковато. Те же слова я слышала от Изабо вскоре после нашей первой встречи. Перед мысленным взором мелькнуло лицо Эдварда Келли. «Вы найдете здесь и ваше имя!» — крикнул он, когда император Рудольф велел ему отдать Книгу Жизни. У меня зашевелились волосы на затылке.

— Я не забуду его имя, — пообещала я.

— Иногда этого достаточно, — сказал Тимоти.

Глава 28

Время перевалило за полночь. Прошло еще несколько часов, унесших с собой все мои надежды уснуть. Туман темного рассеялся, и яркий свет полной луны пробивал его серые клочья, цеплявшиеся за стволы деревьев и нарковые овраги, где ночевали олени. Но не все. Кому-то тоже не спалось, и эти полуночники бродили среди пожухлой травы в поисках корма. Скоро ударит мороз. Я это чувствовала, ибо была настроена на ритмы земли и неба. Настроенность я начала ощущать сравнительно недавно. Она бы пригодилась мне в прошлом, где людям было привычнее определять время по солнцу, а не по циферблату часов и сезоны года диктовали не только род занятий, но и лекарства, прописываемые врачами.

Я снова лежала в нашей спальне, где мы с Мэтью провели первую ночь в XVI веке. Изменения, которые она претерпела, были незначительными. Появилось электрическое освещение. Возле очага замерла сонетка звонка — реликт Викторианской эпохи. Услышав звонок, слуги спешили в спальню хозяев: выслушать приказание или принести чай. Я только не понимала, зачем такой звонок нужен в доме вампиров. Из соседней комнаты сюда перетащили шкаф. Этим перемены заканчивались.

Наше возвращение в Олд-Лодж после встречи с Тимоти Уэстоном омрачилось неожиданным инцидентом. Получив последний из вырванных листов Книги Жизни, я хотела отправиться в Оксфорд. Я вполне туда успевала: в учебный период читальный зал герцога Хамфри был открыт до семи вечера. Галлоглас заявил, что ни в какой Оксфорд я не поеду. Когда Леонард вызвался меня отвезти, Галлоглас пригрозил убить юного вампира, рассказав со всеми красочными подробностями, как он это делает. Затем Фернандо и Галлоглас удалились якобы для разгово-

ра наедине. После этого разговора Галлоглас вернулся с быстро заживающей рассеченной губой и почти исчезнувшим синяком под глазом. Подойдя к Леонарду, он пробурчал слова извинения.

— Ты никуда не поедешь, — заявил Фернандо, увидев, что я направляюсь к двери. — Завтра я тебя туда отвезу, а сегодня и не мечтай. Галлоглас прав: ты выглядишь как ходячая смерть.

— Нечего сюсюкать надо мной, — процедила я сквозь зубы.

С моих пальцев и сейчас сыпались искры.

— Я буду сюсюкать над тобой, пока не вернется твой муж и мой сир, — ответил Фернандо. — Единственный, кто может заставить меня повезти тебя в Оксфорд сегодня, — это Мэтью. Если хочешь, позвони ему.

Фернандо вытащил свой мобильник. На этом мои возражения закончились. Я с кислой миной приняла ультиматум Фернандо, хотя чувствовала себя никудышно. Голова раскалывалась от боли. За прошедшую неделю я растратила столько магической силы, сколько не тратила за все прежние годы.

— Пока листы находятся у тебя, никто не сможет завладеть манускриптом, — сказала Амира, пытаюсь меня утешить.

Слабое утешение, когда «Ашмол-782» находился дразняще близко.

Но даже вид трех листов, разложенных на длинном столе в большом зале, не поднял мне настроения. С самого отъезда из Мэдисона я предвкушала этот момент, испытывая благоговейный трепет, а когда он наступил, во мне не было ни трепета, ни даже радости.

Фиби расположила листы так, чтобы их края не соприкасались. Мы на собственном горьком опыте узнали об их свойстве взаимного притяжения. Минувшим вечером, собираясь ехать в Бодлианскую библиотеку, я сложила листы вместе и вдруг услышала тихие причитания, сменившиеся бессвязной болтовней. Это слышали все, даже Фиби.

— Тебе нельзя везти листы в Бодлианскую библиотеку и пытаться вложить их в заколдованный манускрипт, — сказала Сара. — Это чистое безумие. В библиотеке наверняка окажутся ведьмы. Они сразу к тебе сбегутся.

— И откуда мы знаем, как Книга Жизни ответит на их возвращение, — подхватила Изабо, тыча пальцем в рисунок дерева. — Вдруг манускрипт закричит? Вдруг выпустит на свободу

призраков? Не исключено, что действия Дианы могут вызвать потоп или пожар.

После личного участия в бдении ведьм Изабо восполнила пробелы в своих знаниях и теперь была готова обсуждать широкий круг тем, включая явления призраков и оккультные феномены, наблюдавшиеся на Британских островах за последние два года.

— Тебе придется выкрасть манускрипт, — сказала Сара.

— О чем ты говоришь, Сара? Я штатный преподаватель Йельского университета. Я не могу опуститься до воровства! Моя научная карьера...

— Вероятно, уже завершилась, — закончила за меня тетка.

— Умерь прыть, Сара, — упрекнул ее Фернандо. — Даже для тебя это пахнет крайностями. Наверняка есть вполне законный способ, позволяющий Диане взять этот «Ашмол-782» и через некоторое время вернуть.

Напрасно я пыталась им втолковать, что правила Бодлианской библиотеки строжайше запрещали выносить книги за пределы читальных залов. Вопросами логистики у нас занимались Изабо и Сара. Безопасностью ведали Галлоглас и Фернандо. При таком раскладе я могла только советовать и предупреждать. Все четверо действовали еще своевольнее, чем Мэтью.

Неудивительно, что в четыре часа утра, так и не сомкнув глаз, я стояла у окна, дожидаясь восхода солнца.

— Что же мне делать? — вслух спросила я, прижавшись лбом к холодному ромбовидному стеклу.

Едва я произнесла вопрос, как кожа испытала странный толчок, похожий на удар электрического тока. Из лесу вышла мерцающая фигура в белом. Рядом шел белый олень. Удивительное животное спокойно шагало рядом с женщиной, ничуть не боясь ни лука, ни колчана со стрелами. Богиня!

Она остановилась, поглядев на мое окно.

— Почему ты так грустна, доченька? — прошептал ее серебристый голос. — Неужели потеряла то, что тебе дороже жизни?

Я научилась не отвечать на ее вопросы. Она лишь улыбнулась моему упрямству.

— Не бойся, выйди ко мне на свет полной луны. Возможно, ты снова обрешь утраченное.

Богиня опустила руку на оленьи рога и ждала.

Я сумела незаметно выскользнуть из дому. Под ногами хрустел гравий дорожек сада, где подстриженные кусты образовывали лабиринт. Его сменили темные пятна травы, уже тронутой инеем. Вскоре я стояла перед богиней.

— Зачем ты пришла? — спросила я.

— Чтобы помочь тебе. — В лунном свете ее глаза были серебристо-черными. — Если ты хочешь завладеть Книгой Жизни, тебе придется кое-что отдать взамен. Нечто весьма ценное для тебя.

— Я и так достаточно отдала. — У меня дрожал голос. — Родителей. Первого ребенка. Потом тетку. Даже моя жизнь принадлежит не мне, а тебе.

— И я не бросаю тех, кто мне служит.

Богиня вынула из колчана стрелу. Длинную серебряную, с хвостовиком из перьев совы.

— Возьми, — сказала она, протягивая мне стрелу.

— Нет, — покачала я головой. — Сначала я должна узнать цену твоего подарка.

— Со мной никто не спорит.

Богиня вложила стрелу в лук, прицелилась. Только сейчас я заметила, что стрела не имеет заостренного наконечника. Рука богини туго натянула серебряную тетиву.

Я не успела что-либо сделать. Стрела богини ударила меня в грудь. Я почувствовала обжигающую боль. Невидимые пальцы дернули цепочку на шее. Между левой лопаткой и спиной стало тепло. Кожу покалывало. Разорванные звенья золотой цепочки, на которой висел наконечник другой стрелы — подарок Филиппа, — сползли к ногам. Я ощупала ткань, ожидая наткнуться на липкое пятно крови, но пальцы ощутили лишь дырочку там, где стрела пробила одежду.

— Тебе не убежать от моей стрелы. Этого не может никто. Теперь стрела — часть тебя, — сказала богиня. — Даже те, кто от рождения наделен силой, должны носить оружие.

Я оглядела землю под ногами, ища подарок Филиппа. Потом выпрямилась и почувствовала острое наконечника, упирающееся мне в ребра. Я в немом изумлении посмотрела на богиню.

— Мои стрелы не знают промаха, — сказала богиня. — Когда она тебе понадобится, действуй без промедления. И целься метко.

— Куда переместили фонды?

Такого просто не могло быть. Особенно сейчас, когда мы вплотную приблизились к нахождению ответов.

— В Библиотеку Рэдклиффа, — извиняющимся тоном ответил Шон. Его терпение быстро таяло. — Ну что вы печалитесь, Диана? Это же не конец света.

— Но... это...

Я не договорила. Бланк с запросом на «Ашмол-782» выпал у меня из пальцев.

— Неужели вы не смотрите свою электронную почту? Мы несколько месяцев подряд рассылали уведомления о частичном перемещении фондов, — сказал Шон. — Как я понял из ваших слов, место, где вы находились, было недосытаемо для Интернета. Учитывая все это, я охотно приму вашу заявку и отправлю ее на обработку в систему поиска. Но все манускрипты из коллекции Ашмола перемещены. Их невозможно заказать в здешний читальный зал. Нужны очень серьезные основания. Например, связь закладываемого манускрипта с манускриптами и картами, оставшимися здесь.

Утром, перед поездкой сюда, мы постарались учесть самые разные непредвиденные обстоятельства, однако в их число не входило решение Бодлианской библиотеки переместить редкие книги и манускрипты из зала герцога Хамфри в Библиотеку Рэдклиффа. Сара и Амира остались дома с Леонардом на случай, если нам понадобится магическая поддержка. Галлоглас и Фернандо находились снаружи. Оба слонялись вокруг статуй Уильяма — сына Мэри Сидни, где их фотографировали посетительницы, очарованные атлетическими фигурами обоих. Изабо получила доступ в библиотеку, сделав пожертвование начальнику отдела развития. Сумма пожертвования была близка к ежегодному бюджету Лихтенштейна. Теперь ей устроили частную экскурсию по библиотеке. Фиби, учившаяся в колледже Крайст-Чёрч, была единственной в моей свите, кто имел читательский билет. Мы вместе прошли в читальный зал герцога Хамфри. Теперь невеста Маркуса терпеливо дожидалась меня, сидя на диванчике у окна с видом на сад Эксетер-колледжа.

— Как же все это меня достало! — пробормотала я сквозь зубы.

Пусть множество редких книг и драгоценных манускриптов перебрались на новое место, я была абсолютно уверена: «Аш-

мол-782» по-прежнему здесь. Как-никак мой отец магически соединил Книгу Жизни не с ее каталожным номером, а с библиотекой. В 1850 году Библиотеки Рэдклиффа еще не существовало.

Я посмотрела на часы. Всего лишь половина одиннадцатого. Тишину двора нарушили звонкие детские крики. Очередная школьная экскурсия. Эхо, отражавшееся от каменных стен, множило этот гам. Сколько времени мне понадобится, чтобы придумать достаточное основание, которое удовлетворило бы Шона? Нам с Фиби нужно сделать перегруппировку сил. Я потянулась к пояснице, где застрял кончик стрелы богини. Древко заставляло меня держаться прямо. Стоило немного ссутулить плечи, и я получала предупреждающий укол.

— И не думайте, что вам будет легко соорудить убедительную причину для заказа манускрипта сюда, — предостерег меня Шон, читая мои мысли.

Люди здорово умели пробуждать их спящее шестое чувство в самые неподходящие моменты.

— Ваш друг уже несколько недель подряд рассылает всевозможные запросы, но его неизменно перенаправляют на Паркс-роуд.

— Как он выглядит? Твидовый пиджак? Вельветовые брюки? Если Питер Нокс сейчас в читальном зале, я его задушу.

— Нет. Я про того типа, что сидит возле картотеки.

Шон ткнул пальцем в сторону Селден-Энда.

Я осторожно вышла из закутка, где стоял стол Шона, и почувствовала на себе леденящий взгляд вампира. Неужели Герберт?

— А вот и мистресс Ройдон.

Это был не Герберт.

Рука Бенжамена обнимала плечи Фиби. На воротнике ее белой блузки краснели капельки крови. Я впервые видела Фиби по-настоящему испуганной.

— Герр Фукс, — нарочито громко произнесла я в надежде, что Изабо или Галлоглас расслышат это имя даже сквозь детский гвалт. Свои ноги я заставила двигаться ровными, уверенными шагами. — Какая неожиданность! Встретить тебя здесь, да еще таким... изобретательным.

Глаза Бенжамена скользнули по моей груди и опустились к выпирающему животу, где лежали близнецы. Один из них яростно лягался, словно намереваясь пробить себе путь к свободе. Корра тоже извивалась и рычала, вырываясь наружу.

Мне вспомнились обязательства, сопровождающие получение читательского билета. Одним из первых там шло строжайшее соблюдение мер противопожарной безопасности.

— Я ожидал Мэтью, но вместо него судьба подарила мне встречу с его подругой. И с невестой моего брата тоже.

Нос Бенжамена уперся в пульсирующую жилку под ухом Фиби. Зубы вампира прокусили ей кожу. Фиби держалась из последних сил, чтобы не закричать.

— Маркус — примерный мальчик. Вечно держится возле папочки. Интересно, вступится ли он за свою зверюшку, когда я завладею ею?

— Бенжамен, отпусти ее.

Произнесенные слова показали мне бессмыслицей. Бенжамен и не собирался отпускать Фиби.

— Не беспокойся. Я не оставляю тебя без внимания, — пообещал он Фиби, поглаживая вздрагивающую жилку. — Кстати, мистресс Ройдон, у меня и на тебя большие планы. Как вижу, ты прекрасный инкубатор.

Куда подевалась Изабо?

Стрела жгла мне спину, побуждая употребить ее силу против Бенжамена. Но как я могла выстрелить по этому негодяю, не рискуя задеть Фиби? Тем более что он поставил Фиби впереди наподобие щита.

— Эта красавица мечтает стать вампиршей.

Губы Бенжамена опустились к шее Фиби. Из ее собственных губ раздался тихий стон.

— Я могу осуществить твои мечты. Если повезет, я отправлю тебя к Маркусу, но с такой сильной кровью, что ты поставишь своего женишка на колени.

В мозгу зазвучал голос Филиппа: «Думать и оставаться в живых». Таким было его задание. Однако мои мысли неслись по хаотичным кругам. Угрозы Бенжамена я встречала обрывками заклиний и полузабытыми предупреждениями Благочестивой Олсоп. Нужно сосредоточиться.

Глаза Фиби умоляли меня сделать хоть что-нибудь.

— Не мешкай, ведьма. Используй свою жалкую силу. Пусть мне и неизвестно содержание Книги Жизни... пока неизвестно. Но я хорошо знаю, что ведьмам с вампирами не тягаться.

А я мешкала. Бенжамен улыбался. Я очутилась на перекрестке между жизнью, всегда казавшейся мне притягательной, и той,

какая была у меня сейчас. Вместо интеллектуальной, свободной от всякой магии жизни ученой дамы я по уши вляпалась в магическую неразбериху. Если я применю магию в стенах Бодлианской библиотеки, мир науки вытолкнет меня безвозвратно.

— Тебя что-то останавливает? — лениво спросил Бенжамен.

Мне по-прежнему жгло спину. По плечу разливалась боль. Я подняла руки, разведя их так, словно они держали лук. Левый указательный палец я направила на Бенжамена, создавая линию прицела.

Мои руки обрели цвет. К ладони устремился внушительный пульсирующий пурпурный сгусток. Я мысленно застонала. Моя магия не нашла более подходящего времени для перемен. Думай. «Каково магическое значение пурпурного цвета?» — спросила я себя.

Щека ощутила прикосновение грубой нити. Я скривила губы и отогнала ее воздушной струей. «Не смей отвлекаться. Думай. Оставайся в живых».

Когда я вновь сосредоточилась на руках, они держали лук. Настоящий, осязаемый лук с золотой и серебряной инкрустацией. Я узнала дерево, из какого он сделан. Рябина. Между пальцами была зажата серебряная стрела с золотым наконечником Филиппа. Найдет ли она цель, как обещала мне богиня? Бенжамен повернул Фиби, поставив ее прямо перед собой.

— Не трусь, ведьма. Это будет твой лучший выстрел. Ты убьешь теплокровную зверюшку Маркуса, но не помешаешь моим замыслам. Я получу все, за чем сюда пришел.

Перед мысленным взором пронеслась смерть Жюльет, погибшей в пламени. Я закрыла глаза.

Я медлила, не решаясь выстрелить. Лук и стрела растаяли у меня между пальцами. Я упустила время, нарушив требование богини.

Над соседними столами пронесся сквозняк. Зашелестели страницы книг. У меня волосы встали на затылке. Ведьмин ветер.

В библиотеке была еще одна ведьма или колдун. Я открыла глаза, желая увидеть, кто это.

Но увидела хорошо знакомую вампиришу.

Изабо стояла перед Бенжаменом. Одной рукой она сжимала ему горло, другой толкала Фиби ко мне.

— Изабо, — поморщился Бенжамен.

— А ты ждал кого-то другого? Может, Мэтью?

Из ранки, на которую давил палец Изабо, полилась кровь. Этого было достаточно, чтобы удержать Бенжамена на месте. Я ощутила тошноту. Она накатывала волнами.

— Есть на тебя управа... Фиби, дорогуша, немедленно отведи Диану к Галлогласу и Фернандо. — Не сводя глаз с добычи, Изабо махнула в мою сторону.

— Идем, — не своим голосом произнесла Фиби, хватая меня за руку.

Изабо убрала палец с шеи Бенжамена. Послышался громкий хлопок. Бенжамен сразу зажал ранку:

— Мы еще не закончили, Изабо. Передай Мэтью, что скоро я выйду с ним на связь.

— Непременно персдам, — пообещала Изабо, наградив Бенжамена хищной улыбкой во весь рот.

Подойдя ко мне, она взяла меня за другую руку и развернула лицом к выходу.

— Диана! — крикнул вслед Бенжамен.

Я остановилась, но не обернулась.

— Надеюсь, у тебя родятся две девочки.

— До посадки в машину — никаких разговоров! — скомандовал Галлоглас и пронзительно свистнул. — А ты, тетушка, нацепи маскирующее заклинание.

Маскировка получилась никудышной, но у меня не было сил возиться с ней. Тошнота, начавшаяся в читальном зале, делалась невыносимой.

Леонард с визгом подкатил в воротам Хэртфорд-колледжа.

— Я промешкала. Как тогда, с Жюльет.

В прошлом году это едва не стоило Мэтью жизни. Сегодня за мой страх расплатилась Фиби.

— Пригни голову, — сказал Галлоглас, заталкивая меня на заднее сиденье.

— Слава богу, что мы поехали на большой машине Мэтью, — бросил Фернандо Леонард, когда тот усаживался рядом. — Едем домой?

— Да, — ответила я.

— Нет, — возразила Изабо, влезая через другую дверцу. — Едем в аэропорт. Мы отправимся в Сет-Тур. Галлоглас, позвони Болдуину.

— Я не поеду в Сет-Тур, — возразила я. — Снова оказаться у Болдуина под каблуком? С меня хватит.

— Как быть с Сарой? — поинтересовался Фернандо.

— Позвони Амуре, пусть отвезет Сару в Лондон. Там и встретимся, — ответила Изабо и хлопнула Леонарда по плечу. — Если ты немедленно не нажмешь на педаль газа, я за свои действия не отвечаю.

— Все уселись? Посхали!

Галлоглас захлопнул дверцу багажника. Леонард стремительно развернул машину, едва не столкнувшись с каким-то почтенного вида преподавателем, ехавшим на велосипеде.

— Черт побери! А вот у меня для воровства кишка тонка, — пропыхтел Галлоглас. — Тетушка, покажи нам книгу.

— У Дианы нет книги, — сказала Изабо.

Фернандо умолк на полуслове, обернувшись к нам.

— Тогда почему мы так спешно удираем? — удивился Галлоглас.

— Мы встретили сына Мэтью. — Фиби подалась вперед и заговорила громко, направляя голос в сторону мобильного Фернандо. — Сара, Бенжамен знает о беременности Дианы. Вам с Амией небезопасно оставаться в Олд-Лодже. Уезжайте без промедления.

— Бенжамен... — В голосе Сары отчетливо звучал испуг.

Ручища Галлогласа повернула голову Фиби вбок.

— Он... тебя укусил. — Галлоглас побледнел и, отпустив Фиби, внимательно осмотрел каждый дюйм моего лица и шеи. — Почему же вы обе не позвали на помощь?

Благодаря наплевательскому отношению Леонарда на дорожные ограничения, включая и ограничения скорости, мы почти достигли магистрали М40.

Я вжалась в сиденье, обхватив живот и пытаюсь унять рвотные позывы.

— Бенжамен захватил Фиби.

— А где была бабуля? — сердито спросил Галлоглас.

— Бабуля слушала жуткую даму в такой же жуткой красно-фиолетовой блузке, которая рассказывала о строительстве библиотеки. И все это — под вопли шестидесяти детских глоток во дворе... Встречный вопрос: где были вы с Галлогласом?

— Пожалуйста, прекратите. Мы все были там, где собирались быть.

И снова Фиби оказалась единственной, кто не утратил способности рассуждать.

— Мы все выбрались живыми. Давайте не терять из виду общую картину.

Леонард вывернул на М40 и теперь мчался к аэропорту Хитроу.

Я прижала холодную ладонь ко лбу:

— Фиби, я очень виновата перед тобой. — Машину качнуло, и я чуть не прикусила губу. — У меня все мысли перепутались.

— Я тебя вполне понимаю, — лаконично ответила Фиби. — Я могу поговорить с Мириам?

— Зачем тебе Мириам? — удивился Фернандо.

— Бенжамен не заразил меня бешенством крови, поскольку я не глотала его кровь. Но он меня укусил. Возможно, Мириам захочет взять образец моей крови и проверить, не подействовала ли на меня его слюна.

Мы смотрели на Фиби разинув рот.

— Потом! — отрезал Галлоглас. — О науке и этом чертовом манускрипте будем волноваться позже.

Из-за скорости пейзаж за окнами машины воспринимался размытым. Я прижалась лбом к стеклу. Мне отчаянно хотелось, чтобы Мэтью сегодня был со мной, чтобы Бенжамен не узнал о моей беременности двойней и чтобы весь этот день прошел совсем по-другому.

Мы неслись к аэропорту, а у меня в ушах продолжала звучать последняя фраза Бенжамена и будущее, которое она рисовала.

Надеюсь, у тебя родятся две девочки.

— Диана! — Голос Изабо прервал мою тревожную дрему. ... Выбирай, кому будем звонить: Мэтью или Болдуину. — Моя све-кровь была настроена решительно. — Одному из них мы должны рассказать.

— Только не Мэтью. — Я поморщилась и села прямо. Проклятая стрела парала мне плечо. — Он все бросит, сорвется и прилетит сюда. Смысла в этом нет. Фиби не пострадала. Мы все живы.

Изабо выругалась по-матросски и достала свой красный телефон. Мы не успели оглянуться, как она уже разговаривала с Болдуином, выстреливая французские фразы. Я поняла только половину, но, судя по испуганному лицу Фиби, она поняла больше.

Галлоглас бормотал ругательства, качая лохматой головой.

— Болдуин хочет поговорить с тобой. — Изабо протянула мне мобильник.

— Я так понимаю, ты видела Бенжамена. — Голос Болдуина был таким же холодным и сосредоточенным, как и голос Фиби.

— Видела, — односложно ответила я.

— Он угрожал близнецам?

— Угрожал.

— Диана, я тебе брат, а не враг. Изабо была права, позволив мне.

— Можно сказать и так... сир.

— Тебе известно, где сейчас Мэтью? — спросил Болдуин.

— Нет. — Я действительно не знала. — А тебе?

— Думаю, он сейчас в каком-нибудь укромном местечке хоронит Джека Блэкфрайерса.

После слов Болдуина возникла затяжная пауза.

— Болдуин де Клермон, ты первостатейный придурок, — дрожащим голосом сказала я.

— Джек был необходимой жертвой в опасной, смертельно опасной войне, которую, между прочим, начала ты. — Болдуин вздохнул. — Возвращайся домой, сестра. Это приказ. Зализывай раны и жди его. Мы все привыкли так поступать, когда Мэтью исчезает укрощать свою больную совесть.

Ответить я не успела. Болдуин отключился.

— Я... его... ненавижу, — проговорила я, выплевывая каждое слово.

— Я тоже, — сказала Изабо, забирая у меня телефон.

— Болдуин завидует Мэтью, только и всего, — заявила Фиби.

На этот раз ее рассудительность была раздражающей. Я ощутила всплеск магической силы, пронизавшей все тело.

— Мне что-то нехорошо, — призналась я, ощущая нарастающую тревогу. — Какое-то странное состояние. Нас никто не преследует?

— Вид у тебя очень нездоровый, — встревожился Галлоглас. — Сколько нам еще ехать до Лондона?

— До Лондона? — удивился Леонард. — Ты же говорил про Хитроу.

Поняв слова Галлогласа как приказ ехать в Лондон, Леонард в привычной для него манере развернул машину.

Мой желудок явно не хотел ехать в Лондон. Я рыгнула, пытаюсь удержать рвотный поток. Попытка не удалась.

Изабо откинула мне волосы, одновременно вытирая мой рот шелковым шарфом.

— Диана, что с тобой?

— Должно быть, съела что-то непотребное, — ответила я, подавляя новый позыв. — Последние несколько дней у меня вообще какое-то странное состояние.

— В чем проявляется странность? — допытывался Галлоглас. — Тебя мучают головные боли? Трудно дышать? Плечо ломит?

Я кивала. Поднимающаяся желчь не позволяла говорить.

— Фиби, ты говорила, что Диана показалась тебе взбудораженной.

— Еще бы Диане не быть взбудораженной, — ответила Изабо.

Вытряхнув на сиденье все, что было у нее в сумочке, Изабо поднесла сумочку к моему подбородку. Прежде я бы ужаснулась такому варварскому использованию шедевра от Шанель, но в данный момент возможно было все.

— Диана готовилась к битве с Бенжаменом!

— Беспокойство — признак состояния, названия которого мне не выговорить. В Нью-Хейвене у Дианы остались буклеты, где об этом написано. Тетушка, ты только держись.

Почему он так насторожился? Подумать об этом я не успела. Меня снова вывернуло, на сей раз прямо в сумочку Изабо.

— Хэмиш? Нам нужен врач. Врач-вампир. С Дианой творится что-то неладное.

Солнце в Скорпионе

Когда Солнце в знаке Скорпиона, ожидайте смерти, отравлений и разных страхов. В это опасное время остерегайтесь змей и всех прочих ядовитых существ. Скорпион управляет зачатием и родами. Дети, рожденные под этим знаком, наделены многочисленными дарованиями.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 9'*

Глава 29

— Где Мэтью? Его место здесь, — сказал Фернандо, отрывая взгляд от Дианы.

Она сидела в залитой солнцем комнатке, откуда почти не выходила, вынужденная соблюдать строгий режим, на котором настоял врач.

Мысли Дианы по-прежнему были заняты происшествием в Бодлианской библиотеке. Она вела себя непростительно глупо, не сумев уберечь Фиби от Бенжамена и упустив редкую возможность убить это чудовище. Фернандо опасался, что это не последний промах Дианы. Ситуация может повториться, и перед лицом врага ее нервы снова дадут осечку.

— У Дианы все прекрасно, — заявил Галлоглас, стоявший напротив двери ее комнаты, скрестив руки и подпирая коридорную стену. — Это не мои слова. Врач утром так сказал. А Мэтью не сможет вернуться раньше, чем разберется со своим новым семейством.

Более месяца Галлоглас оставался единственным связующим звеном с Мэтью. Услышав его слова, Фернандо набросился на Галлогласа, прижал губы к самому уху шотландца, а рукой сдавил ему горло.

— Ты ничего не сообщил Мэтью, — едва слышно прошептал Фернандо, не желая, чтобы их подслушали. — Но он вправе знать обо всем, что здесь случилось: о магии, нахождении последнего листа из Книги Жизни, появлении Бенжамена. Наконец, о состоянии Дианы. Повторяю: обо всем.

— Если бы Мэтью хотел знать, в каком состоянии его жена и что происходит с ней, то был бы здесь, а не укрощал бы неуправляемое стадо своих внучат по линии Маркуса, — хрипло ответил Галлоглас, стискивая руку Фернандо.

— Ты в это веришь, поскольку сам предпочел бы остаться? — Фернандо убрал руку с шеи Галлогласа. — Ты заплутал сильнее, чем луна на зимнем небе. Не имеет значения, где сейчас Мэтью. Диана принадлежит ему. Твоей она никогда не будет.

— Без тебя знаю. — В синих глазах Галлогласа ничего не дрогнуло.

— Мэтью мог бы тебя убить за это, — сказал Фернандо, причем вовсе не из желания попутать Галлогласа.

— Есть вещи похуже, чем моя смерть, — спокойно ответил Галлоглас. — Врач предупреждал: никаких стрессов. Иначе малыши могут умереть. И Диана тоже. Но пока я дышу, им никто не причинит вреда. Даже Мэтью. Это моя работа, и я делаю ее на совесть.

— Сейчас Филипп де Клермон, вне всякого сомнения, поджаривает себе пятки на адском огне. Но когда мы с ним снова увидимся, он мне ответит за то, что дал тебе такое поручение.

Фернандо знал: Филиппу доставляло удовольствие принимать решения за других. Нельзя было давать Галлогласу такое поручение. Ни в коем случае.

— Я бы это делал в любом случае, — сказал Галлоглас. — У меня не было выбора.

— У тебя всегда был выбор. И ты заслуживаешь право на счастье.

«Ну должна же где-то быть пара для Галлогласа, — подумал Фернандо. — Женщина, которая помогла бы ему забыть Диану Бишоп».

— Думаешь, заслуживаю? — спросил погрузневший Галлоглас.

— Да. И Диана вправе быть счастливой. — Фернандо намеренно не сглаживал острых углов. — Они слишком много времени провели в разлуке. Мэтью пора возвращаться домой.

— Не раньше, чем он обуздает свое бешенство крови. Длительная разлука с Дианой обязательно скажется на его устойчивости. Если Мэтью узнает, что беременность подвергает ее жизни опасности... одному Богу известно, как он себя поведет. — Галлоглас говорил с той же грубой откровенностью, что и Фернандо. — Болдуин прав. Наша величайшая опасность — не Бенжамен и не Конгрегация, а Мэтью. Лучше полсотни врагов за порогом, чем один в доме.

— Значит, Мэтью теперь тебе враг? — шепотом спросил Фернандо. — По-твоему, он единственный, кто съехал с катушек? — (Галлоглас не пожелал отвечать.) — Если, Галлоглас, ты не враг самому себе, то покинешь этот дом сразу же, как сюда вернется Мэтью. Гнев его достанет тебя на любом краю света. Куда бы ты ни отправился, советую на коленях молить Бога о покровительстве.

В клубе «Домино» на Роял-стрит Мэтью не был почти двести лет. С тех пор заведение мало изменилось. Тот же трехэтажный фасад, серые стены, отделка, выдержанная в контрастных черно-белых тонах. Высокие сводчатые окна первого этажа говорили об открытости внешнему миру, что в данный момент опровергалось тяжелыми ставнями. В пять часов вечера ставни распахивались настежь и посетителей приглашали выпить у стойки элегантно-го сверкающего бара и насладиться музыкой местных исполнителей.

Однако Мэтью не интересовали развлечения. Его глаза застыли на красивых чугунных перилах балкона второго этажа, нависавшего над головами пешеходов. Второй и третий этажи предназначались только для членов клуба. Правила приема в члены по большей части были сформулированы еще при основании клуба в 1839 году, за два года до открытия «Бостона», старейшего аристократического клуба в Новом Орлеане. Тогда же сложился основной костяк членов, которые затем передали эстафету своим детям и внукам. Остальных принимали в клуб, учитывая внешний вид, происхождение и способность оставлять крупные суммы за игорными столами.

Клуб принадлежал Рэнсому Фэйруэзеру, старшему сыну Маркуса. Сейчас он находился у себя в кабинете с видом на уличный перекресток. Мэтью толкнул черную дверь и вошел в сумрачное, прохладное пространство бара. Здесь пахло бурбоном и феромонами — самым знакомым сочетанием запахов в этом городе. Каблуки его ботинок слегка царапнули клетчатый мраморный пол.

Было четыре часа. В клубе — только Рэнсом и персонал.

— Мистер Клермон?

Можно было подумать, что вампир за барной стойкой увидел призрака. Он шагнул к кассовому аппарату. Один взгляд Мэтью пригвоздил его к месту.

— Я пришел к Рэнсому, — сказал Мэтью, направляясь к лестнице.

Его никто не остановил.

Дверь кабинета Рэнсома была закрыта. Мэтью открыл ее, не постучавшись.

Хозяин кабинета сидел спиной к двери, положив ноги на подоконник. На Рэнсоне был черный костюм, а цвет волос совпадал с цветом стула красного дерева, на котором он сидел.

— Надо же, дед забрел, — произнес Рэнсом, растягивая слова и словно погружая их в невидимую патоку.

Он не повернулся, а его бледные пальцы перебирали старую костяшку домино из черного дерева, инкрустированную кружочками слоновой кости.

— Что привело тебя на Роял-стрит?

— Я так понимаю, ты хочешь свести со мной счеты, — сказал Мэтью, садясь напротив, с другого конца массивного письменного стола.

Рэнсом медленно повернулся. Его спокойное лицо было не лишено обаяния. Вот только глаза никак не вязались с этим лицом. Они напоминали осколки холодного зеленого стекла. Затем тяжелые веки Рэнсома опустились, скрыв жесткость глаз и придав лицу выражение чувственной дремы. Но Мэтью знал: это не более чем фасад.

— Как ты уже догадался, я пришел потребовать твоего повиновения. Твои братья и сестра все согласились поддержать меня и новый клан. Ты, Рэнсом, — последний очаг сопротивления, — сказал Мэтью, приваливаясь к спинке стула.

Остальные дети Маркуса быстро согласились подчиниться. Когда Мэтью сообщил им, что у них всех присутствует генетический маркер, указывающий на бешенство крови, вначале это повергло их в замешательство, а затем вызвало всплеск ярости. Позже ярость сменилась страхом. Все они неплохо знали вампирское право и сознавали уязвимость своей родословной. Стоит хоть кому-нибудь из посторонних вампиров узнать об их состоянии, их ждет мгновенная смерть. Дети Маркуса нуждались в Мэтью не меньше, чем он в них. Без него они теперь попросту не выжили бы.

— Моя память крепче, чем у них, — бросил Рэнсом, выдвинул ящик стола и достал оттуда старую конторскую книгу.

Каждый день разлуки с Дианой не лучшим образом сказывался на Мэтью. Он все хуже владел собой. Склонность к насильственным действиям постоянно возрастала. Для него было жизненно важным привлечь Рэнсома на свою сторону, однако сейчас ему хотелось задушить внука. Весь этот процесс покаяния и стремления к искуплению былой вины затянулся куда дольше, чем он предполагал. И потому Мэтью был вынужден оставаться в Новом Орлеане.

— Рэнсом, у меня не было иного выбора, кроме их убийства. — Усилив воли Мэтью заставлял себя говорить ровным, спокойным голосом. — Даже сейчас Болдуин предпочел бы убить Джека моими руками, чем рисковать, что парень выдаст нашу тайну. Но Маркус убедил меня в существовании других вариантов.

— То же самое Маркус говорил тебе и тогда. Однако ты выкапывал нас одного за другим. Что изменилось? — спросил Рэнсом.

— Я изменился.

— Мэтью, не пытайся провести того, кто сам кого хочешь проведет, — все так же растягивая слова, сказал Рэнсом. — Твои глаза и сейчас предостерегают всякого: связываться с тобой опасно. Если бы они выражали нечто другое, твой труп валялся бы сейчас в зале. Бармену было приказано стрелять, едва ты появишься.

— Надо отдать ему должное: он не потянулся к дробовику у кассового аппарата, — сказал Мэтью, не сводя взгляда с Рэнсома. — Пусть в следующий раз выхватит нож из-за пояса.

— Непременно передам ему твой полезный совет. — (Костяшка домино замерла между средним и безымянным пальцем Рэнсома.) — А что произошло с Жюльет Дюран?

На подбородке Мэтью дернулась жилка. Прощлый раз он приезжал сюда вместе с Жюльет Дюран. Когда они покидали Новый Орлеан, бунтарское семейство Маркуса значительно уменьшилось. Жюльет была подручной Герберта и жаждала доказать свою полезность. Мэтью в то время все сильнее тяготился своей обязанностью решать семейные проблемы де Клермонов. Жюльет тогда истребила в Новом Орлеане больше вампиров, чем Мэтью.

— Моя жена убила ее, — ответил Мэтью, не вдаваясь в подробности.

— Похоже, ты нашел себе достойную женщину, — сказал Рэнсом, шумно открыв книгу.

Он потянулся к ближайшей ручке, снял колпачок. Казалось, этот колпачок успел пожевать какой-то дикий зверь.

— Мэтью, не желаешь сыграть со мной в рулетку?

Холодные глаза Мэтью встретились с вспыхнувшими глазами Рэнсома. У них был другой оттенок зеленого. Зрачки Мэтью становились все крупнее. Рэнсом осуждающе улыбнулся:

— Боишься? Меня? Я польщен.

— Мое участие в игре или отказ от нее зависят от ставок.

— Если выиграешь, я принесу тебе клятву верности, — ответил Рэнсом, сопровождая слова лисьей улыбкой.

— А если проиграю?

Мэтью не умел обмакивать слова в невидимую патоку, но тоже умел их растягивать, что придавало голосу обезоруживающие интонации.

— Вот тут-то и начнется самое интересное. — Рэнсом подбросил в воздух черно-белую костяшку, и Мэтью ее поймал.

— Принимаю твоё предложение.

— Ты ведь не знаешь, в чем заключается игра, — заметил Рэнсом.

Мэтью бесстрастно смотрел на него.

Уголки рта Рэнсома чуть приподнялись.

— Не будь ты таким придурком, глядишь, я бы со временем проникся к тебе симпатией.

— Взаимно, — лаконично ответил Мэтью. — Говори суть игры.

Рэнсом пододвинул книгу:

— Если ты сможешь назвать имена всех моих сестер, братьев, племянников, племянниц и детей, которых ты когда-то убил в Новом Орлеане, а также всех других убитых тобой вампиров... я примкну к выводку Маркуса. — (Мэтью внимательно смотрел на внука.) — Жалеешь, что не спросил об условиях игры раньше? — улыбнулся Рэнсом.

— Малакай Смит, Криспин Джонс, Сюзетт Будро, Клод Ле Бретон. — Мэтью умолк, давая возможность Рэнсому свериться с записями в старинной книге. — Тебе бы стоило записывать их не в алфавитном порядке, а в хронологическом. Я их вспоминаю по годам.

Рэнсом удивленно посмотрел на него. Мэтью улыбался одними губами, но волчьей улыбкой, способной заставить каждую лису улететь без задних ног.

Внизу давно открылся бар, а Мэтью продолжал называть имена. Закончил он в девять вечера, когда в клубе стали появляться первые любители азартных игр. К тому времени Рэнсом допил уже пятую порцию бурбона. Мэтью продолжал смаковать первую рюмку «Шато Лафита» 1775 года. Бутылку этого вина он подарил Маркусу четырнадцатью годами позже, когда американская конституция вступила в действие. Рэнсом хранил вино у себя со дня открытия клуба «Домино».

— Полагаю, Рэнсом, что мы свели счеты. — Мэтью встал, положив на стол костяшку.

Взгляд у Рэнсома был слегка очумелым.

— Как тебе удастся помнить их всех?

— Разве такое можно забыть? — Мэтью допил остатки вина. — В тебе есть потенциал, Рэнсом. Я с нетерпением жду, когда в будущем мы начнем с тобой сотрудничать. Спасибо за вино.

— Сукин сын! — тихо пробормотал Рэнсом, глядя вслед уходящему главе нового клана.

К моменту возвращения в Гарден-Дистрикт Мэтью испытывал неимоверную усталость и был готов кого-нибудь убить. Он специально пошел сюда пешком из Французского квартала, надеясь сжечь избыток эмоций. Нескончаемый список имен пробудил слишком много воспоминаний, ни одно из которых не было приятным. Чувство вины следовало за ним по пятам.

Он вытащил мобильник, надеясь, что Диана прислала новую фотографию. Все ее прежние снимки были для него как спасательный трос. Правда, его сердило, что жена отправилась не в Сет-Тур, а в Лондон. Все эти недели послания из ее жизни были единственным талисманом, оберегающим Мэтью от безумия.

— Привет, Мэтью, — послышался знакомый голос.

На широких ступенях крыльца дома Маркуса сидел Фернандо, а рядом примостился Крис Робертс.

— Диана?

Мэтью не произнес, а провыл имя жены, добавив к вою упрек. Получилось жутко. За спиной Фернандо распахнулась дверь.

— Фернандо? Крис? — оторопело спросил Маркус. — Что вы тут делаете?

— Ждем Мэтью, — невозмутимо ответил Фернандо.

— Идите в дом. Все, — распорядился Маркус. — Мисс Давенпорт уже глазееет на вас.

Его престарелые соседи отличались избытком свободного времени и любопытства.

Однако Мэтью будто не слышал приглашения Маркуса. Рассудок отказывался ему подчиняться. Аналогичные состояния одолевали его несколько раз, но неожиданное появление Фернандо и Криса сорвало предохранитель. Теперь, когда Маркус знал, что отец страдает бешенством крови, он понимал, почему Мэтью в такие моменты обязательно куда-нибудь уходил и в одиночку справлялся с атакой болезни.

— Кто с ней? — Голос Мэтью напоминал мушкетный выстрел: вначале предостерегающее шипение, затем грохот.

— Думаю, Изабо, — ответил Маркус. — Фиби. Сара. И конечно же Галлоглас.

— Не забудьте Леонарда, — сказал Джек, появляясь за спиной Маркуса. — Леонард — мой лучший друг. Он зорко оберегает Диану и не допустит, чтобы с ней что-нибудь случилось.

— Мэтью, ты слышал? С Дианой все в порядке, — попытался успокоить отца Маркус.

Рэнсом успел сообщить Маркусу, что Мэтью возвращается с Роял-стрит, достигнув цели консолидации семьи. Но тогда почему успех поверг его отца в столь мрачное состояние?

Взмах руки Мэтью был молниеносным и способным раскрошить человеческие кости. Однако вместо живых целей его кулак обрушился на белую ионическую колонну, поддерживающую верхнюю галерею дома. Джек схватил Мэтью за другую руку.

— Если так будет продолжаться, это вынудит меня вернуться в Мариньи, — тихо сказал Маркус, глядя на вмятину размером с пушечное ядро.

— Пропусти! — прорычал Мэтью.

Джек послушно убрал руку. Мэтью влетел по ступенькам, прошел по длинному коридору и хлопнул другой дверью.

— Лучше, чем я ожидал, — признался Фернандо и встал.

— Ему стало хуже с тех пор, как моя ма... — Джек закусил губу, избегая смотреть на Маркуса.

— А ты, должно быть, Джек, — сказал Фернандо.

Он поклонился Джеку, словно тот был принцем, а не нищим сиротой, унаследовавшим опасную болезнь.

— Познакомиться с тобой — для меня большая честь. Мадам твоя мать часто говорит о тебе, и всегда с гордостью.

— Она не моя мать, — торопливо возразил Джек. — Я оговорился.

— Нет, — покачал головой Фернандо. -- Кровь умеет говорить громко, но я всегда предпочитаю голос сердца.

— Ты сказал «мадам»? — Маркусу сдавило легкие, и потому его голос звучал странно. Он не позволял себе надеяться, что Фернандо проявит такое бескорыстие, однако...

— Да, милорд, — ответил Фернандо и снова поклонился.

— Почему он тебе кланяется? — шепотом спросил Джек. — И кто здесь «милорд»?

— Милорд здесь Маркус, поскольку он один из детей Мэтью, — пояснил Фернандо. — Я поклонился вам обоим, поскольку так члены семьи, не имеющие кровной связи, относятся к тем, у кого она есть, — с уважением и благодарностью.

— Ты присоединился к нам. Слава богу! — произнес Маркус, шумно и с облегчением освобождая легкие от скопившегося воздуха.

— Я чертовски надеюсь, что в этом доме найдется достаточно бурбона. Мне надо смыть всю чертовщину, — сказал Крис. — А «милорда» — в задницу. Я не кланяюсь никому.

— Верно подмечено, — усмехнулся Маркус. — Что принесло вас в Новый Орлеан?

— Меня послала Мириам, — ответил Крис. — Я получил результаты нескольких тестов, но она не захотела отправлять их по электронной почте. Самое забавное, Фернандо не знал, как найти Мэтью. Хорошо, что мы с Джеком поддерживали связь. — Крис улыбнулся Джеку, и тот улыбнулся в ответ.

— Что касается меня, я прилетел сюда, чтобы спасти твоего отца от него самого. — Фернандо снова поклонился, но на этот раз с шутовским оттенком. — С твоего позволения, милорд.

— Добро пожаловать, — произнес Маркус, заходя в дом. — Но если ты еще хотя бы раз назовешь меня милордом или вздумаешь кланяться, я искупаю тебя в дельте Миссисипи. И Крис мне поможет.

— Я покажу, куда скрылся Мэтью, — сказал Джек, желая как можно быстрее снова оказаться рядом со своим кумиром.

— А как насчет меня? Нам надо поторопиться... Ты, наверное, сейчас рисовал? — спросил Крис, хватая Джека за руку.

— Да. Альбом остался наверху... — Джек с тревогой поглядел в сторону заднего двора. — Мэтью сейчас плохо. Когда такое случается со мной, он всегда рядом. Я должен...

Фернандо положил руки на напряженные плечи Джека:

— Ты напоминаешь мне Мэтью, когда он был совсем молодым вампиром.

Фернандо с болью признавался в этом, но говорил сущую правду.

— Я похож на него?

Джек расценил слова Фернандо как высшую похвалу.

— Очень похож. Такое же сострадание. Такое же мужество. — Фернандо задумчиво поглядел на Джека. — А еще ты разделяешь надежду Мэтью: если взвалить себе на плечи тяготы других, они будут тебя любить, невзирая на твою болезнь.

Джек уперся глазами в пол.

— Мэтью рассказывал тебе, что его брат Хью был моей истинной парой? — спросил Фернандо.

— Нет.

— Когда-то давно Хью сказал Мэтью нечто очень важное. И сегодня я хочу напомнить об этом.

Фернандо ждал, когда Джек поднимет голову.

— А что это было? — спросил Джек, не в силах скрыть любопытство.

— Если ты по-настоящему кого-то любишь, то будешь любить и то, что они в себе отчаянно ненавидят. — Фернандо понизил голос. — Когда в следующий раз Мэтью об этом забудет, ты ему напомнишь. А если ты забудешь, я тебе напомню. Но только один раз. Потом я расскажу Диане, что ты предаешься ненависти к самому себе. Добавлю, что твоя мать значительно уступает мне в способности прощать.

Фернандо нашел Мэтью в небольшом саду за домом. Мэтью сидел в маленькой беседке. Дождь, собиравшийся весь вечер, наконец решил пролиться. Мэтью держал в руке мобильник, проводя какой-то странный ритуал. Он двигал большим пальцем, впивался глазами в дисплей, а через минуту все повторялось.

— Ты ничем не лучше Дианы. Та тоже постоянно пялится в свой телефон, не посылая сообщений. — Смех Фернандо резко оборвался. — Теперь я понял. Ты ведь находился с ней в постоянном контакте.

— Только на уровне снимков. Ни одного слова. Что касается слов, я не доверяю ни себе, ни Конгрегации.

Палец Мэтью снова шевельнулся.

Фернандо слышал, как Диана жаловалась Саре: «По-прежнему от Мэтью ни слова». В общем-то, ведьма не врала, но семья не знала ее тайну. Пока Диана посылала только картинки, Мэтью едва ли мог себе представить случившееся в Оксфорде.

Мэтью прерывисто дышал. Кое-как он сумел выровнять дыхание. Его палец опять двинулся.

— Еще один раз — и я его сломаю, — пообещал Фернандо. — Я не про мобильник.

Звук, вырвавшийся из горла Мэтью, больше напоминал лай, чем смех, словно человеческая часть в нем прекратила борьбу, позволив волку победить.

— Интересно, как Хью обращался бы с мобильным телефоном? — вдруг спросил Мэтью.

Свой он держал обеими руками, словно это была последняя нить, связывающая его взбудораженный разум с внешним миром.

— Сам понимаешь как. Начнем с того, что Хью постоянно забывал бы его заряжать. Мэтью, я всем сердцем любил твоего брата, но в повседневной жизни он был совершенно беспомощен. — (На этот раз ответный смех Мэтью уже меньше напомнил звериное рычание.) — Я так понимаю, утверждение себя патриархом нового клана оказалось труднее, чем ты думал?

Фернандо не завидовал Мэтью. Обуздать такую стаю, как дети и внуки Маркуса, было делом крайне тяжелым.

— И да и нет. Дети Маркуса до сих пор меня ненавидят, и вполне заслуженно. — Пальцы Мэтью обхватили мобильник, и он словно одержимый уставился на экран. — Сегодня я встречался с самым старшим. Рэнсом заставил меня назвать имена всех новоорлеанских вампиров, в чьей смерти я повинен. В том числе и тех, кого я убил не из-за бешенства крови.

— Представляю, сколько времени это у тебя отняло! — пристыженно Фернандо.

— Пять часов. Рэнсома удивило, что я помню имя каждого, — признался Мэтью, но Фернандо это не удивило. — Нынче все дети Маркуса согласились поддержать меня и войти в новый клан, но мне не хотелось бы проверять их на верность, — продолжал Мэтью. — Получается, я строю семью на страхе. На страхе перед

Бенжаменом, Конгрегацией, другими вампирами и даже на страхе передо мной. Любовью и уважением здесь и не пахнет.

— Страх легко пускает корни. Любви и уважению на это требуется больше времени, — ответил Фернандо.

Затянувшееся молчание становилось все тягостнее.

— Разве тебе не хочется расспросить меня о Диане?

— Нет.

Мэтью уставился на топор, вогнанный в толстый пенё. Вокруг валялись груды расколотых дров. Мэтью встал, взял цельное полено и поставил на пенё.

— Прежде чем возвращаться к ней, я должен оправиться и вернуть самообладание. Знал бы ты, Фернандо, как все это невыносимо! Когда не можешь обнять ее, не видишь, как внутри ее растут наши дети, не уверен, что она в полной безопасности. Это было...

Фернандо дождался, пока топор не упадет на колоду и не расколёт бревно.

— На что это было похоже, Матеус?

Мэтью снова взмахнул топором.

Не будь Фернандо вампиром, он бы не услышал ответа.

— Это было похоже на вырывание сердца из груди. — (Топор расщепил очередное полено.) — И это длилось день за днем, каждую минуту.

Фернандо отвел Мэтью сорок восемь часов на восстановление после поединка с Рэнсомом. Исповедь в прошлых грехах никогда не была легким делом, а Мэтью еще и обладал склонностью погружаться в мрачные воспоминания.

За эти два дня Фернандо познакомился с детьми и внуками Маркуса и убедился, что они понимают семейные правила и кто будет их наказывать в случае нарушения этих правил. Исполнителем наказаний в клане Мэтью Фернандо назначил себя. Новорлеанская ветвь семейства Бишоп-Клермон подчинилась новым реалиям, и Фернандо решил, что теперь Мэтью может возвращаться домой. Сам он все больше тревожился за Диану. Изабо уверяла, что состояние здоровья ее невестки ничуть не изменилось, однако Сара, как и Фернандо, выражала беспокойство. «Что-то с ней не так», — призналась Сара. По ее мнению, исправить это «не так» мог только Мэтью.

Главу нового клана Фернандо нашел в садике, где Мэтью часто уединялся. Черные зрачки и волосы торчком безошибочно подсказывали, что Мэтью все еще находится в тисках бешенства крови. Только, увы, он расколол все дрова, а других в окрестностях дома не было.

— Открой, — сказал Фернандо, ставя перед ним сумку.

Внутри Мэтью нашел свой топорик и долото, несколько буровиков с Т-образными рукоятками, а также два рубанка, которыми он очень дорожил. Ален надежно завернул рубанки в промасленную ткань, чтобы их лезвия не испортились в дороге. Мэтью посмотрел на инструменты, которым был не один десяток лет, затем на свои руки.

— Эти руки не всегда проливали кровь, — напомнил ему Фернандо. — Я помню, как они исцеляли, созидали, извлекали прекрасные звуки. — (Мэтью молча смотрел на него.) — Ты собираешься делать их на прямых ножках или на искривленных полосьях, чтобы можно было качать? — спросил Фернандо, вовлекая Мэтью в разговор.

— Делать... что? — ответил угрюмым вопросом Мэтью.

— Колыбели. Для близнецов. — Фернандо сделал паузу, чтобы до Мэтью дошел смысл сказанного. — Я думаю, лучше взять дуб. Крепкий. Надежный. Но Маркус говорил, что в Америке колыбели по традиции делают из вишневого дерева. Возможно, Диана предпочтет вишню.

Мэтью сжал истертую, потрескавшуюся рукоятку долота:

— Рябина. Я сделаю колыбели из рябины. Она защитит малышей.

Фернандо одобрительно похлопал его по плечу и удалился.

Мэтью вернул долото в сумку. Достал мобильник. Помешкав, сделал снимок. Отослал и стал ждать.

Дианин ответ был скорым и вызвал у него всплеск тоски по ней. У Мэтью заломило все кости. Его жена находилась в ванной. Мэтью узнал изгибы медной ванны в лондонском доме на Мейфэр. Но ему был важен не интерьер.

Его умная, сумасбродная жена поместила телефон себе на грудь и сфотографировала свое обнаженное тело во всю длину. Правда, обзор загораживала громада ее живота. Мэтью сразу обратил внимание на чрезмерно натянутую кожу. За животом виднелись кончики пальцев ног, которые покоились на изогнутом краю ванны.

Если сосредоточиться, Мэтью смог бы ощутить ее запах, поднимающийся из теплой воды, почувствовать между пальцами ее шелковистые волосы, провести рукой по ее сильным бедрам и плечу. Боже, как он соскучился по ней!

— Фернандо сказал, что тебе понадобилась древесина, — произнес подошедший Маркус.

Мэтью нехотя отвел глаза от экрана мобильного. То, что ему понадобилось, могла дать только Диана.

— Еще Фернандо предупредил: если кто-то посмсет разбудить его в течение ближайших двух суток, это будет им очень дорого стоить, — добавил Маркус, оглядывая поленицу. Кто бы ни жил в этом доме зимой, может не экономить дрова. — Ты ведь знаешь, Рэнсом обожает подобные штучки. Ему с кем-нибудь попапаться — что бурбона глотнуть. Можешь себе представить, как онотреагировал, когда это услышал.

— Расскажи, — попросил Мэтью и сухо рассмеялся.

Он давно не смеялся, и смех получился хриплым и сбивчивым.

— Рэнсом уже созвонился с «Командой муз». Думаю, к ужину здесь появится «Марширующий оркестр Девятого района». Они разбудят кого угодно, включая и вампиров. Так что я Фернандо не завидую. — Взгляд Маркуса упал на кожаную отцовскую сумку с инструментами. — Неужели ты все-таки решил научить Джека резьбе по дереву?

Джек просил Мэтью об этом с самого приезда сюда.

— Думаю, он охотно поможет мне делать колыбели, — покачав головой, ответил Мэтью.

На изготовление колыбелей Мэтью и Джек потратили почти неделю. Каждый распил, каждый тщательно подогнанный шип в креплении отдельных фрагментов, каждое движение рубанка гасило бешенство крови. Работая над подарком Диане, Мэтью вновь ощущал себя связанным с ней. Он все чаще говорил о детях и своих надеждах на будущее.

Джек оказался хорошим учеником. Его талант художника пришелся как нельзя кстати, когда понадобилось украшать колыбели резьбой. Во время работы Джек расспрашивал Мэтью о его детстве и о том, как он встретил Диану в Бодлианской библиотеке. Личная жизнь Мэтью была недостижимой темой, и другим попытки проникнуть в нее стоили бы очень дорого, но, когда дело касалось Джека, правила менялись.

Готовые колыбели были настоящим произведением искусства. Мэтью с Джеком тщательно упаковали их в мягкие покрывала, чтобы подарок Диане выдержал перелет в Лондон.

И только после этого Фернандо рассказал Мэтью о нынешнем состоянии Дианы.

Реакция Мэтью была вполне ожидаемой. Вначале он затих и замер. Потом резко перешел к действиям:

— Свяжитесь с пилотом. Я не стану дожидаться завтра. Хочу быть в Лондоне уже к утру, — распорядился Мэтью, после чего позвал сына.

— Что случилось? — насторожился Маркус.

— У Дианы ухудшилось самочувствие. Нужно было раньше сообщить мне об этом, — добавил Мэтью, свирепо глядя на Фернандо.

— Я думал, тебе сообщили.

Фернандо не требовалось ничего добавлять. Мэтью знал, кто скрывал от него правду. Фернандо подозревал, что знал он и причину утаивания.

Лицо Мэтью утратило подвижность, превратившись в камень.

— Так все-таки что случилось? — снова поинтересовался Маркус.

Он попросил Джека принести его медицинский саквояж и позвать Рэнсома.

— Диана нашла последний вырванный лист из «Ашмола-782», — сказал Фернандо, опуская руки на плечи Мэтью. — И это не все. В Бодлианской библиотеке она столкнулась с Бенжаменом. Теперь он знает о ее беременности. Бенжамен напал на Фиби.

— На Фиби? — переспросил Маркус, сразу забыв обо всем остальном. — Она не пострадала?

— Бенжамен? — резко втянул в себя воздух Джек.

— Фиби не пострадала. А Бенжамен бесследно исчез, — успокоил их Фернандо. — К Диане Хэмиш приставил Эдварда Гаррета и Джейн Шарп. Они постоянно наблюдают за ее состоянием.

— Мэтью, это одни из опытных лондонских врачей, — сказал Маркус. — Лучшую заботу невозможно и представить.

— Возможно, — возразил Мэтью, взял колыбель и направился к выходу. — Мою заботу.

Глава 30

— К этому времени все должно было бы работать, — сказала я молодой ведьме, сидящей передо мной.

Ее послала ко мне Линда Кросби. Посетительница хотела узнать, почему ее защитное заклинание утратило силу.

Запертая врачами в стенах Клермон-Хауса, я вдруг стала главной специалисткой по магической диагностике. Я выслушивала рассказы о неудачных случаях экзорцизма, о заклинаниях, дающих не те результаты, и о неуправляемой магии стихий. Потом предлагала советы. Едва Аманда паложила заклинание, я сразу же увидела, в чем проблема. Когда она произносила слова, к синим и зеленым нитям вдруг примешалась красная. Эта нить дотянулась до узлов с шестью перекрестьями, находящихся в сердцевице заклинания. В результате грамарий оказался сдавленным и перекрученным, а намерения заклинания потеряли ясность. Вместо того чтобы оберегать Аманду, заклинание превратилось в магическое подобие рассерженной собачки чихуа-хуа. Оно рычало и щелкало зубами на каждого, кто приближался к ведьме.

В комнату заглянула Сара:

— Здравствуй, Аманда. Ну как, узнала то, за чем приходила?

— Спасибо Диане. Она мне все объяснила, — ответила Аманда.

— Прекрасно. Тогда я тебя провожу.

Я откинулась на подушки, с грустью наблюдая за уходом Аманды. С тех пор как врачи с Харли-стрит прописали мне постельный режим, число моих посетительниц значительно уменьшилось.

Утешало лишь то, что у меня нет позднего токсикоза беременных. Точнее, нет его типичного проявления, как у теплокровных. Анализы не обнаруживали белка в моче, а давление было ниже нормы. И тем не менее я распухала, меня тошнило. Боли в плече так и не проходили. Эти симптомы ни жизнерадостный док-

тор Гаррет, ни его коллега доктор Шарп, чья фамилия соответствовала характеру этой женщины¹, уже не могли игнорировать. Особенно после того, как Изабо сообщила врачам, что я супруга Мэтью Клермона.

Но меня вовсе не утешал видоизмененный постельный режим, на который они меня обрекли вплоть до рождения близнецов. Доктор Шарп надеялась, что это случится не раньше чем через месяц, хотя ее обеспокоенный взгляд указывал на чрезмерную оптимистичность прогноза. Мне было позволено выполнять легкий комплекс растяжек под наблюдением Амиры и дважды в день гулять по саду, но не более десяти минут. Подъем по лестнице, стояние на одном месте и поднятие минимальных тяжестей были категорически запрещены.

Ожил мой мобильник на боковом столике. Я потянулась за ним, надеясь увидеть сообщение от Мэтью.

Вместо сообщения я увидела снимок парадной двери Клермон-Хауса.

Только сейчас я заметила необычную тишину в доме, нарушаемую лишь тиканьем многочисленных часов.

Потом скрипнули петли входной двери. Следом раздался другой звук, словно по мрамору протащили что-то деревянное. Не раздумывая, я вскочила с кровати. Меня шатало. Мои ноги совсем ослабли от вынужденной неподвижности.

Через мгновение в комнате появился Мэтью.

В первые минуты — какими же длинными они были! — мы могли только упиваться видом друг друга. Всклопоченные волосы Мэтью слегка курчавились от влажного лондонского воздуха. На нем был серый свитер и черные джинсы. Тонкие морщинки вокруг глаз свидетельствовали о пережитом стрессе.

Мэтью медленно пошел ко мне. Я хотела подпрыгнуть и побегать к нему, но что-то в его взгляде удержало меня на месте.

Наконец Мэтью оказался рядом. Кончиками пальцев он коснулся моей шеи, безотрывно глядя мне в глаза. Его большой палец скользнул по моим губам, и они стали жаркими от прилившей крови. Мой муж немного изменился. Его подбородок стал еще жестче, губы были плотно сомкнуты, а глаза наполовину прикрыты веками.

¹ Фамилия Шарп (*англ. sharp*) переводится как «суровый», «жесткий», «острый».

Мэтью снова провел по моим губам, и они разошлись.

— Я скучал по тебе, топ соеиг, — хрипло произнес он.

Потом с той же решимостью, с какой подходил ко мне, Мэтью наклонился и поцеловал меня.

Моя голова закружилась. Подумать только: Мэтью здесь! Руки вцепились в его свитер, словно это могло удержать мужа от исчезновения. Я все-таки попыталась встать и по-настоящему его обнять. Но из недр горла Мэтью вырвался звук, очень похожий на рычание. Другой рукой он погладил мне спину, бедро и остановился на животе. Кто-то из малышей сильно лягнулся, словно упрекая отца за долгое отсутствие. Мэтью улыбнулся. Палец, гладивший мои губы, теперь едва касался жилки за ухом. Только потом Мэтью обратил внимание на комнату, книги, цветы и фрукты.

— Я прекрасно себя чувствую. Немножко тошнило и плечо побаливало. Всего лишь, — торопливо произнесла я.

Медицинское образование Мэтью наверняка уже подхлестывало его разум, заставляя перебирать все самые жуткие диагнозы.

— Давление в норме. И малыши развиваются как надо, — добавила я.

— Фернандо мне говорил. Прости, что меня не было рядом.

Его пальцы нежно массируют мою затекшую шею. Впервые после Нью-Хейвена я позволила себе расслабиться.

— Я тоже по тебе скучала.

Переполненное сердце не позволяло сказать больше. Но Мэтью и не требовались мои слова. Он подхватил меня на руки и понес.

Наверху Мэтью уложил меня на просторную кровать, где мы спали несколько веков назад, когда жили в Блэкфрайерсе. Он молча меня раздел, внимательно изучая каждый дюйм моего тела. Со стороны это выглядело так, будто он неожиданно набрел на нечто редкое и драгоценное. Все действия совершались в полном молчании. Говорили его глаза и нежность прикосновений.

Несколько часов подряд Мэтью, если так можно выразиться, возвращал меня себе. Его пальцы стирали следы всех вампиров, демонов, ведьм и людей, с кем я общалась после нашего расставания. Потом Мэтью позволил мне его раздеть. Было приятно ощущать, с какой скоростью его тело отвечало моему. Я вспомнила четкие предупреждения доктора Шарп об опасности любых сокращений маточных мышц. Я не могла себе позволить снять сексуальное напряжение привычным образом, но мое вынужденное

игнорирование потребностей тела не означало, что Мэтью должен делать то же самое. И тем не менее, когда я потянулась к нему, Мэтью остановил мою руку и крепко меня поцеловал.

«Вместе, — мысленно произнес он, и я услышала. — Вместе или никак».

— Фернандо, только не говори мне, что не можешь его найти, — заявил Мэтью, не заботясь о логичности своих слов.

Разговор происходил на кухне Клермон-Хауса. Мэтью готовил яичницу, одновременно поджаривая ломтики хлеба. Диана отдыхала наверху и даже не подозревала о мини-конференции в полуподвале, где помещалась кухня.

— Я и сейчас считаю, что нам нужно обратиться к Джеку, — сказал Фернандо. — Он хотя бы помог нам уменьшить число вариантов поиска.

— Нет. Я не хочу встраивать Джека. — Мэтью повернулся к Маркусу. — С Фиби все в порядке?

— Она находилась на волосок от беды, — мрачно ответил Маркус. — Знаю, ты не одобряешь желание Фиби стать вампиршей, но...

— Я даю свое благословение, — перебил сына Мэтью. — Только найди того, кто сделает это надлежащим образом.

— Спасибо. Уже нашел... Слушай, Джек просил разрешения навестить Диану, — помявшись, добавил Маркус.

— Пусть приходит сегодня вечером. — Мэтью ловко переложил яичницу на тарелку. — Заодно доставит колыбели. Ждем его около семи.

— Я передам ему, — пообещал Маркус. — Что-нибудь еще?

— Да, — сказал Мэтью. — Должно быть, кто-то снабжает Бенжамена сведениями. Если не удастся найти самого Бенжамена, нужно искать его осведомителя. Или осведомительницу.

— А потом? — спросил Фернандо.

— Доставить их ко мне, — ответил Мэтью, покидая кухню.

Три дня подряд мы провели с Мэтью вдвоем в громадном пустом доме. Все это время мы почти не размыкали объятий, говорили мало. Вынужденные расставания длились считанные минуты, когда Мэтью спускался вниз, чтобы приготовить мне еду или принять деликатесы, доставленные из ресторана отеля «Коннот». Отель наверняка заключил с Мэтью бартер: еда в обмен на вино.

Дом покинуло несколько ящиков «Шато Латур» 1961 года. За это я получала малюсенькие порции изысканных блюд, вроде перепелиных яиц вкрутую, помещенных в гнездо, свитое из съедобных водорослей и нежнейших равиоли. Последние были начинены такими же нежнейшими белыми грибами. Шеф-повар ресторана уверял Мэтью, что это кулинарное чудо прилетело из Франции сегодня утром.

На второй день мы с Мэтью решились поговорить. Порции слов были такими же маленькими и переваривались вместе с деликатесами из «Коннота», находящегося в нескольких улицах от нас. Мэтью рассказывал об усилиях Джека сохранять самообладание, что было непросто в окружении неумного потомства Маркуса. Потом он с восхищением заговорил об умелом поведении самого Маркуса, сумевшего обуздать ораву своих детей и внуков. Все они носили имена, достойные героев бульварных приключенческих романов XIX века. С меньшей охотой Мэтью повскал о своей внутренней борьбе. Он сражался не только с приступами бешенства крови, но и с желанием все бросить и оказаться рядом со мной.

— Без твоих снимков я бы точно сошел с ума, — признался Мэтью; его длинный холодный нос проехался по моей спине и уткнулся в шею. — Виды мест, где мы жили, цветы в саду, пальцы твоих ног на краю ванны. Все это не давало мне окончательно потерять рассудок.

Свою историю я рассказывала с медлительностью, достойной вампира, все время следя за реакцией Мэтью, чтобы в нужный момент сделать паузу и позволить ему переварить события, произошедшие со мной в Лондоне и Оксфорде. Я рассказала, как мы нашли Тимоти и последний лист из Книги Жизни. Рассказала о встрече с Амирой и возвращении в Олд-Лодж. Я показала Мэтью свой пурпурный палец и передала слова богини о том, что за обладание Книгой Жизни мне придется отдать нечто дорогое для меня. Я с предельной откровенностью рассказала о стычке с Бенжаменом, ничего не утаив. Повела о своем провале, когда магия ведьмы оказалась бессильна против этого исчадия. Рассказала, как он обошелся с Фиби, и передала слова его прощальной угрозы.

— Если бы я не колебалась, Бенжамен был бы сейчас мертв.

Сотни раз я прокручивала в мыслях это событие и до сих пор не понимала, почему мне не хватило решимости.

— Сначала Жюльет, а теперь...

— Не упрекай себя за то, что не смогла убить. — Мэтью приложил палец к моим губам. — Смерть — тяжелое ремесло.

— Как думаешь, Бенжамен по-прежнему в Англии? — спросила я.

— Не здесь, — твердо произнес Мэтью, поворачивая меня лицом к себе. — Он никогда не появится рядом с тобой.

«Никогда — это просто долгое время». У меня в памяти вдруг всплыло предостережение Филиппа.

Я отпихнула все тревоги и крепче обняла мужа.

— Бенжамен бесследно исчез, — сказал Эндрю Хаббард. — Это его обычный трюк.

— Не совсем бесследно. Адди утверждает, что видела его в Мюнхене, — сообщил Маркус. — Она предупредила своих братьев-рыцарей.

Пока Мэтью находился в XVI веке, Маркус расширил братство, допустив туда женщин. Он начал с Мириам, а та назвала ему остальных. Мэтью не знал, считать это безумством или проявлением гениальности, но, если это поможет отыскать Бенжамена, он готов закрыть глаза на нарушение традиций. В прогрессивных идеях Маркуса Мэтью винил не сына, а ученую даму Кэтрин Макколей¹, некогда бывшую его соседкой. Ее воззрения тогда сильно повлияли на Маркуса, недавно ставшего вампиром. Он многое почерпнул из ее прекраснотушных рассуждений.

— Можно обратиться к Болдуину, — предложил Фернандо. — Он сейчас в Берлине.

— Обождем, — возразил Мэтью.

— Диана знает, что ты разыскиваешь Бенжамена? — спросил Маркус.

— Нет, — ответил Мэтью, унося жене тарелку с очередным деликатесом из «Коннота».

— Пока не знает, — пробормотал Эндрю Хаббард.

В тот вечер трудно был сказать, кто сильнее переполнен радостью от встречи со мной: Джек или Лоберо. Поначалу я видела лишь невообразимое сплетение лап и ног. Затем Джеку удалось

¹ Английский историк (1731–1791).

расцепиться со своим любимым псом, однако Лоберо запрыгнул на подушку моего диванчика в Китайской комнате и торжествующе залаял.

— А ну вниз, Лоберо! — скомандовал Джек. — Так и сломать недолго. — Джек нагнулся ко мне и уважительно поцеловал в щеку. — Здравствуй, бабушка.

— Это еще что такое? — возмутилась я, беря его за руку. — Прибереги свои нежности для Изабо.

— Говорил же я тебе, что Диане это не понравится, — улыбнулся Мэтью.

Он щелкнул пальцами, указав Лоберо на пол. Пес опустил передние лапы, но задние и все его собачье тело крепко прижималось ко мне. Мэтью пришлось щелкнуть еще раз. Только тогда Лоберо слез окончательно.

— Мадам Изабо настаивала на соблюдении определенных правил. Она говорила, что мне придется совершить два крайне отвратительных поступка, прежде чем она позволит называть ее бабушкой, — сказал Джек.

— И тем не менее ты до сих пор пазываешь ее мадам Изабо? — Я изумленно посмотрела на него. — Что тебя удерживает? Уже несколько дней, как ты вернулся в Лондон.

Джек опустил глаза. Его губы изогнулись в предвкушении более изощренных проделок.

— Видите ли, мадам, я старался зарекомендовать себя с лучшей стороны.

— Мадам? — застонала я и кинула в него подушкой. — Это еще хуже, чем бабушка.

Джек мужественно принял удар подушки в лицо.

— Фернандо прав, — сказал Мэтью. — Твое сердце знает, как называть Диану, даже если твоя глупая голова и вампирский этикет внушают тебе иное. А теперь помоги внести подарок, который мы приготовили для твоей матери.

Под бдительным надзором Лоберо Мэтью с Джеком внесли сначала один, затем другой предмет. Оба были завернуты в ткань. Высотой и прямоугольными очертаниями они напоминали небольшие книжные стеллажи. Мэтью присылал мне картинку: штабеля досок и плотницкие инструменты. Должно быть, они с Джеком трудились вместе. Я вдруг представила темно- и светловолосую головы, склонившиеся над общей работой.

Когда мои мужчины освободили подарки от ткани, передо мной оказались не стеллажи, а колыбели: две замечательные, украшенные одинаковой резьбой и росписью деревянные колыбели. Их изогнутые днища покоились на подставках с регулируемыми ножками. Конструкция колыбелей позволяла качать их на подставках или же снять на пол и легонько раскачивать ногой. Мои глаза стали мокрыми от слез.

— Мы сделали их из рябины. Рэнсом только чесал в затылке. Мыслимое ли дело — найти шотландскую древесину в Луизиане? Но он не знает Мэтью, — говорил Джек, поглаживая пальцами бортики колыбелей.

— Из рябины сделаны только сами колыбели. Для подставок мы выбрали дуб. Белый американский дуб. Он очень прочный. — Мэтью следил за моей реакцией. — Тебе нравится? — с заметной настороженностью спросил он.

— Я в них влюбилась.

Я посмотрела на мужа, надеясь, что мое лицо скажет ему больше. Должно быть, он понял, потому что нежно дотронулся до моей щеки. За все месяцы после нашего возвращения в настоящее я не видела его таким счастливым.

— Дизайн принадлежит Мэтью. Он рассказал мне, как в прошлом делались колыбели. Подставки были нужны, чтобы оградить младенцев от кур, — пояснил Джек.

— А резьба?

На изножье каждой колыбели было вырезано дерево, чьи корни и ветви переплетались. Листья и кора были покрыты золотой и серебряной краской.

— Это замысел Джека, — ответил Мэтью, кладя руку на плечо юного вампира. — Он запомнил узор на твоей шкатулке для заклинаний и подумал, что символ оттуда подойдет и для колыбели.

— Каждая часть колыбелей имеет свое значение, — подхватил Джек. — Рябина — магическое дерево. Это ты сама знаешь. Белый дуб олицетворяет силу и бессмертие. Столбики на углах сделаны в виде желудей, чтобы притянуть удачу. Гроздь рябины, вырезанные на подставках, тоже должны оберегать малышей. На обеих колыбелях есть и изображение Корры. Драконы охраняют рябину, не давая людям есть ее ягоды.

Я присмотрелась. Хвост огнедышащего дракона изгибался вместе с полозьями колыбели.

— Получается, наши малыши окажутся самыми защищенными детьми в мире, — сказала я. — И конечно же, самыми счастливыми, поскольку будут спать в таких красивых колыбелях.

Я искренне радовалась подарку, а Мэтью и Джек тому, что он принят с благодарностью. Джек уселся на пол вместе с Лоберо и оживленно стал рассказывать о своей жизни в Новом Орлеане. Мэтью расположился в черном лакированном кресле и исподволь наблюдал за Джеком. Проходили минуты, однако Джек не выказывал никаких признаков бешенства крови.

Часы пробили десять. Джек встал. Им с Лоберо пора было возвращаться в дом на Пикеринг-Плейс. По мнению Джека, там было шумновато, но вполне по-домашнему.

— А Галлоглас тоже с вами? — спросила я.

Его я не видела с того самого дня, когда вернулся Мэтью.

— Он исчез сразу после нашего возвращения в Лондон, — растерянно пожал плечами Джек. — Сказал, что в одном месте его ждут дела и что он вернется, когда сможет.

Наверное, в моем взгляде что-то промелькнуло, ибо Мэтью сразу насторожился. Правда, вслух он ничего не сказал, дождавшись, когда Джек и Лоберо покинут дом.

— Возможно, это и к лучшему, — резюмировал Мэтью, вернувшись в гостиную.

Он сел рядом со мной, став живой опорой для моей ноющей спины. Я благодарно прислонилась к нему. Руки Мэтью обвили меня.

— То, что вся наша семья и друзья набились в дом к Маркусу? — усмехнулась я. — Конечно, тебя это вполне устраивает.

— Я про другое. Про то, что Галлоглас решил на время удалиться.

Мэтью прижался губами к моим волосам. Я замерла. Недавней расслабленности как не бывало.

— Мэтью... — Я должна рассказать ему про Галлогласа.

— Я знаю, топ соеиг. Подозрения возникали у меня и раньше, но, когда я увидел его с тобой в Нью-Хейвене, они подтвердились. — Мэтью качал пустую колыбель, слегка касаясь ее пальцем.

— И давно у тебя возникли подозрения?

— Думаю, с самого начала. И особенно после того вечера в Праге, когда Рудольф прикоснулся к тебе, — ответил Мэтью.

Я хорошо помнила разнузданное поведение императора в канун Вальпургиевой ночи. Но вечер запомнился не столько импе-

раторскими домогательствами, сколько встречей с Книгой Жизни. Тогда мы в первый и последний раз видели манускрипт цельным, без вырванных листов.

— Даже тогда меня это не удивило. Просто подтвердило некоторые мои догадки. На каком-то уровне я вполне мог его понять.

— Галлоглас не сделал ничего предосудительного, — торопливо сказала я.

— И это я тоже знаю. Галлоглас — сын Хью и не способен на бесчестные поступки, — спокойно произнес Мэтью, убрав из голоса все эмоциональные интонации. — Возможно, после рождения малыней он займется собственной жизнью. Я очень хочу видеть его счастливым.

— Я тоже, — прошептала я, представляя, сколько узлов придется развязать Галлогласу на нитях своей судьбы, прежде чем ему встретится его истинная пара.

— Куда отправился Галлоглас? — спросил Мэтью, сердито глядя на Фернандо, хотя они оба знали, что вины Фернандо в этом нет.

— Куда — не знаю. Но лучше так, чем сидеть здесь и ждать, когда ваши дети появятся на свет.

— У Дианы иное мнение.

Мэтью пролистал электронные сообщения. Он нарочно спустился вниз, чтобы Диана не узнала о его усилиях по поиску Бенжамена.

— Она несколько раз спрашивала про Галлогласа.

— Напрасно Филипп поручил Галлогласу онекать Диану, — сказал Фернандо, опрокидывая в себя бокал вина.

— Ты так думаешь? Этим надо было бы заниматься мне, — признался Мэтью.

— Сами подумайте, Мэтью, — сказал доктор Гаретт, теряя терпение. — У ваших детей есть доля вампирской крови. Как это возможно — пусть останется между вами и Богом. Значит, ваши дети обладают вампирским иммунитетом. Тогда почему бы вашей жене не рожать дома, как это делали женщины на протяжении веков?

После возвращения Мэтью вопрос о том, где мне рожать, был возложен на него. По его мнению, мне следовало лечь в клинику.

Я же предпочитала рожать дома, в Клермон-Хаусе, под наблюдением Маркуса.

— Маркус давным-давно не занимался акушерством, — проворчал Мэтью.

— Не вы ли учили его анатомии? Вы же и меня учили анатомии, черт побери! — Чувствовалось: еще немного и терпение доктора Гаррета лопнет. — Или вы думаете, что с тех пор матка изменила свое местонахождение в женском теле? Джейн, втолкуйте ему.

— Эдвард прав, — сказала доктор Шарп. — Если сложить наши медицинские степени, на четверых наберется несколько десятков, а общий опыт превышает две тысячи лет. Подозреваю, Марта приняла больше детей, чем кто-либо из ныне живущих акушеров. Тетка Дианы — дипломированная акушерка. Полагаю, мы управимся и без клиники.

Мне ее рассуждения казались вполне убедительными. В конце концов Мэтью сдался. Устав спорить с нами о месте родов, он обрадовался появлению Фернандо. Оба удалились. Они часто уединялись, обсуждая семейные дела.

Позже Фернандо снова поднялся, чтобы поздороваться со мной.

— Как отреагировал Мэтью, когда узнал о твоей клятве верности семье Бишоп-Клермон? — спросила я.

— Заявил, что я сошел с ума, — ответил Фернандо и озорно мне подмигнул. — Я ему сказал, что в качестве награды хочу стать крестным отцом вашего старшего ребенка.

— Твое желание вполне осуществимо, — ответила я, хотя меня начинало волновать растущее число крестных родителей наших малышей.

— Надеюсь, ты помнишь все обещания, которые давал, — сказала я Мэтью, когда мы снова заговорили о потенциальных крестных отцах и матерях.

— Естественно, — ответил он. — Крис хочет стать крестным отцом самого смышленного. Фернандо — старшего. Хэмиш — самого красивого. Маркусу нужна крестная дочь. Джек мечтает о брате. Еще до отъезда из Нью-Хейвена Галлоглас заявил о желании стать крестным отцом любого из малышей, который родится светловолосым, — перечислил Мэтью, загибая пальцы.

— Но у меня родится двойня, а не помет щенят, — сказала я, ошеломленная числом желающих. — И потом, мы не особы коро-

левской крови. Вдобавок я язычница! Близнецам не нужна такая орава крестных родителей.

— А как насчет крестных матерей? Ты позволишь мне их выбрать? — хитро спросил Мэтью.

— Мириам! — выпалила я, не дожидаясь, пока он предложит кого-то из своих жутких родственников. — Конечно же, Фиби. Марта. Софи. Амира. Я бы хотела попросить и Вивьен Харрисон.

— Видишь? Стоит только начать, и получается целая толпа.

Итак, на каждого малыша приходилось по шесть пар крестных родителей. Мы рисковали утонуть в потоке серебряных детских чашечек и плюшевых мишек, если одежда, обувь и одеяла, которые успели купить Изабо и Сара, были лишь началом.

Почти каждый вечер мы обедали в обществе двух потенциальных крестных родителей наших малышей. Маркус и Фиби не скрывали своей влюбленности, и их присутствие все окрашивало в романтические тона. Воздух между ними так и трещал от эманаций любви. Между тем внешне Фиби сохраняла привычные хладнокровие и невозмутимость. Она без стеснения прочла Мэтью целую лекцию о состоянии фресок в бальном зале и о том, как огорчилась бы Ангелика Кауфман¹ столь пренебрежительным отношением к своему творчеству. Фиби считала, что художественные сокровища семьи де Клермон нельзя и дальше прятать от глаз ценителей искусства.

— Есть разные возможности экспонировать их анонимно и в течение определенного времени, — сказала она Мэтью.

— Жди, что в ближайшем будущем портрет Маргарет Мор перекоцует из ванной Олд-Лоджа в Национальную портретную галерею, — сказала я, стискивая руку Мэтью и озорно улыбаясь ему.

— Ну почему мне никто не рассказал, как это трудно, когда в семью вливаются историки? — спросил слегка очумевший Мэтью. — И почему их появилось сразу две?

— У нас с тобой хороший вкус, — ответил Маркус, выразительно посмотрев на Фиби.

— Да уж, — скривился Мэтью, понимая очевидную двусмысленность ответа.

В нашем узком кругу Мэтью с Маркусом часами говорили о новом отвствлении, которое Маркус предпочитал называть

¹ Английская художница швейцарского происхождения (1741–1807).

кланом Мэтью. Это было в одинаковой степени вызвано воспоминаниями о его деде-шотландце и нежеланием применять к вампирским семьям ботанические и зоологические термины.

— Члены ветви Бишоп-Клермон... или клана, если ты так настаиваешь... должны будут особо тщательно подходить к вопросам брака и выбора истинной пары, — сказал однажды за обедом Мэтью. — За нами будут следить все вампиры.

— Бишоп-Клермон? — оторопело переспросил Маркус.

— Разумеется. А как еще мы можем называться? Диана не пользуется моей фамилией. У наших детей с самого рождения будет двойная. Семья, состоящая из ведьм и вампиров, должна иметь фамилию, указывающую на обе стороны.

Меня растрогала его предусмотрительность. При всех патриархальных замашках Мэтью, при всей его сверхопеке он не забывал о традиции семьи, из которой я вышла.

— Что ж, Мэтью де Клермон... — сказал Маркус, медленно растягивая рот в улыбке. — Для такого ископаемого, как ты, это чертовски прогрессивно.

Мэтью что-то буркнул и глотнул вина.

У Маркуса заверещал мобильник.

— Хэмиш припел, — сказал он, увидев, кто звонит. — Пойду открою дверь.

Маркус ушел. Через несколько минут снизу донесся приглушенный разговор. Мэтью встал:

— Фиби, побудь с Дианой.

Мы с ней настороженно переглянулись.

— Все будет гораздо проще, когда я стану вампиршей, — заявила Фиби, безуспешно пытаясь расслышать, о чем говорят внизу. — Тогда мы хотя бы будем знать, что происходит.

— Тогда они станут уходить на прогулку, — сказала я. — Нужно создать заклинание, которое усиливает звуковые волны. Такое, где основную роль играет воздух. Ну и немного воды, наверное.

— Тсс! — шикнула на меня Фиби, склоняясь вбок. — Ну вот, теперь они заговорили шепотом. Я с ума сойду.

Когда Мэтью и Маркус вернулись вместе с Хэмишем, по их лицам я поняла, что случилось что-то серьезное.

— Очередное послание от Бенжамена, — сказал Мэтью, присаживаясь передо мной на корточки. — Диана, я ничего не хочу от тебя утаивать, но ты должна сохранять спокойствие.

— Рассказывай как есть, — попросила я, хотя у самой сердце ушло в пятки.

— Ведьма, плененная Бенжаменом, мертва. Ее ребенок — тоже.

Мэтью внимательно следил за мной. За моими глазами, полными слез. Я горевала не только о молодой ведьме. Я злилась на свою оплошность. «Если бы тогда я не колебалась, пленница Бенжамена была бы сейчас жива».

— Ну почему нам катастрофически не хватает времени, чтобы во всем разобраться и понять, как быть дальше с лавиной хаоса, которую сами и сотворили? Нам хорошо: сидим тут, обсуждаем стратегии, перебираем варианты. Но почему за наше промедление кто-то должен расплачиваться жизнью?! — закричала я.

— Это было невозможно предотвратить, — сказал Мэтью, убиравая мне волосы со лба. — В этот раз никак.

— А в следующий? — спросила я.

Мужчины угрюмо молчали.

Я резко наполнила легкие воздухом. У меня закололо пальцы. Корра с возбужденным писком выпорхнула наружу и уселась на люстру.

— Да. Конечно. Вы его остановите, поскольку в следующий раз он явится за мной.

Внутри меня что-то хлопнуло, затем булькнуло.

Мэтью испуганно поглядел на мой круглый живот.

Малыши готовились к выходу в наш мир.

Глава 31

— Не смей запрещать мне тужиться!

Лицо у меня пылало. Тело было липким от пота. Хотелось как можно быстрее выпустить малышей наружу.

— Тебе нельзя тужиться, — повторила Марта.

Стремясь унять боль в ногах и спине, они с Сарой заставили меня ходить по комнате. Схватки напоминали о себе каждые пять минут, но и потом во всем теле оставалась нестерпимая боль, распространявшаяся от спины к животу.

— Я хочу лечь.

После стольких недель сопротивления постельному режиму сейчас я больше всего хотела заползти на свою кровать с ее мягким, покрытым слоем каучука матрасом и простерилизованными простынями. И я, и все, кто находился рядом, понимали иронию моего желания.

— Нет, ты не ляжешь! — отрезала Сара.

— Боже! Ну вот опять.

Я остановилась, вцепившись в их руки. Очередная схватка длилась дольше. Едва я выпрямилась и нормально задышала, как подкралась еще одна.

— Мне нужен Мэтью!

— Я здесь, — сказал он, занимая место Марты. — Эта пришла быстрее прежних, — заметил он Саре.

— В книге написано, что схватки постепенно становятся непрерывными, — тоном капризной учительницы сообщила я.

— Радость моя, младенцы не читают книг, — улыбнулась Сара. — У них свои представления насчет выхода из материнского чрева.

— И когда они намереваются выйти оттуда, то просто ставят перед фактом, — сказала улыбающаяся доктор Шарп, входя в комнату.

Доктора Гаррета в последнюю минуту вызвали к другой роженнице, и потому вся полнота власти досталась Джейн. Вооружившись стетоскопом, она приставила его к моему животу, прижала, затем передвинула в другое место и снова прижала.

— Диана, вы держитесь молодцом. Ваши близнецы — тоже. Никаких признаков осложнений. Я бы рекомендовала сначала попробовать традиционный выход.

— Я хочу лечь, — проговорила я сквозь стиснутые зубы, когда очередной стальной обруч стянул мне спину, угрожая переломить надвое. — Где Маркус?

— В комнате напротив, — ответил Мэтью.

Я смутно помнила, что сама прогнала Маркуса, когда схватки усилились.

— Если мне понадобится делать кесарево, Маркус успеет?

— Ты меня звала?

Маркус успел облачиться в хирургический костюм. Его искренняя улыбка и невозмутимое поведение мгновенно меня успокоили. Сейчас, когда он снова был рядом, я не могла вспомнить, по какой причине велела ему проваливаться.

— Кто передвинул эту чертову кровать?

Я едва дышала, отфыркиваясь в тисках очередной схватки. Похоже, кровать никто и не передвигал, но мне казалось, что путь до нее займет целую вечность.

— Мэтью, кто же еще, — беспечным тоном ответила Сара.

— Я даже не притрагивался к кровати, — возразил Мэтью.

— В родовых муках мы виним мужа абсолютно во всем. Матери это помогает не поддаваться навязчивым фантазиям, а мужчинам напоминает, что они отнюдь не центр внимания, — пояснила Сара.

Я засмеялась и проворонила нарастающую волну боли — предвестницу новой схватки. Они становились все яростнее.

Из рта поочередно вырвались начальные слоги нескольких ругательств, после чего я плотно сжала губы.

— Не стесняйся, Диана, — подбодрил меня Маркус. — Ты вряд ли пройдешь через главное событие сегодняшнего вечера без хорошей порции ругани.

— Не хочу, чтобы первыми словами, которые услышат малыши, были забористые ругательства.

Теперь я вспомнила, почему прогнала Маркуса. Он посмел пошутить, что я слишком чопорно себя веду, хотя сама корчусь от боли.

— Мэтью может что-нибудь спеть. У него громкий голос, и это наверняка заглушит твои соленые словечки.

— Черт тебя... больно! — заорала я, скрючиваясь над своим животом. — Если хочешь помочь, двигай эту долбаную кровать. И хватит со мной спорить, придурок!

Мой ответ был встречен шокирующим молчанием.

— Умница, — сказал Маркус. — Я всегда знал, что в тебе есть этот пласт. А теперь давай-ка взглянем. Но не на него, конечно.

Мэтью помог мне забраться на кровать, с которой сняли старинное шелковое покрывало и почти все занавески. Перед камином замерли колыбели, ожидая близнецов. Я смотрела на них, а Маркус тем временем осматривал меня.

За прошедшие четыре часа я пережила массированное вторжение в свое тело. В меня постоянно чем-то тыкали, что-то прикладывали. А сколько всего вытекло и выплеснулось наружу! Не верилось, будто это копилось во мне. Мои собственные реакции в расчет не принимались, что удивляло меня сильнее всего. Ведь я отвечала за то, чтобы две новые жизни благополучно вышли во внешний мир.

— Надо еще немного подождать, но события постоянно ускоряются, — сказал Маркус.

— Тебе легко говорить, — огрызнулась я.

Мне хотелось его ударить, но между мной и Маркусом была преграда в виде живота. Исход малышей мог начаться в любую минуту.

— Это твой последний шанс сделать эпидуральную анестезию, — сказал Маркус. — Если откажешься, нам придется извлекать малышей через кесарево, а там уже будет общая анестезия, и ты полностью отключишься.

— Тебе совсем не нужно проявлять героизм, ма lionne, — сказал Мэтью.

— Это не героизм, — в четвертый или пятый раз сказала я мужу. — Мы не знаем, как эпидуральная анестезия может повлиять на малышей.

Я умолкла и скорчила гримасу, пытаюсь остановить очередной натиск боли.

— Радость моя, тебе нужно равномерно дышать, — заявила Сара, проталкиваясь к кровати. — Мэтью, ты слышал ответ жены, и нечего спорить с ней по этому поводу. Что касается боли... Смех замечательно помогает. Или попробуй сосредоточиться на чем-то.

— Наслаждения тоже помогают, — сказала Марта.

Ей удалось так подвинуть мои ноги, что спина мгновенно ослабилась.

— Наслаждения? — ошеломленно переспросила я и с ужасом посмотрела на Марту. — Ты ведь не имеешь в виду *это*.

— Имеет, — сказала моя тетка. — Наслаждения решительно все меняют.

— Как вы вообще можете предлагать мне такое?

Менше подходящего момента для эротических фантазий трудно было представить. Куда более разумным мне представлялось встать и походить. Я опустила ноги на кровать, и тут меня подстерегла новая порция схваток. Когда они прошли, мы остались с Мэтью вдвоем.

— Даже не думай, — сказала я, когда он меня обнял.

— Слово «нет» я понимаю на двадцати с лишним языках.

Меня раздражала его невозмутимость.

— Разве тебе не хочется наорать на меня или нечто в этом роде? — спросила я.

— Да, — подумав, ответил Мэтью.

— Ох...

Я ожидала песни или танца о святости беременных женщин и о том, что ради меня он вытерпит любые мои всплески. Мне стало смешно.

— Ложись на левый бок, и я помассирую тебе спину, — сказал Мэтью, пододвигая меня ближе.

— Это единственная часть тела, которую ты будешь массировать, — предупредила я.

— Я так и понял, — ответил Мэтью, все больше обуздывая свои эмоции. — А теперь ложись. Не мешкай.

— Это уже больше похоже на тебя. А то мне показалось, что Маркус перепутал и ввел эпидуральную анестезию тебе.

Я повернулась на бок и прижалась к Мэтью спиной.

— Ведьма, — сказал он, ущипнув меня за плечо.

Хорошо, что очередную схватку я встретила лежа.

— Мы не хотели, чтобы ты тужилась, поскольку никто не знает, сколько времени это продлится. Малыши пока не готовы выходить из чрева. Схватки начались четыре часа восемнадцать минут назад. Роды могут затянуться еще на сутки. Тебе нужно отдохнуть. Это одна из причин, почему я предлагал эпидуральную анестезию, — говорил Мэтью, большими пальцами растирая мне поясницу.

— Неужели прошло только четыре часа восемнадцать минут? — упавшим голосом переспросила я.

— Теперь уже девятнадцать минут.

Мэтью придерживал меня, помогая справиться с новой атакой схваток. Когда ко мне вернулась способность думать, я тихо застонала и прижалась спиной к его руке.

— Твой палец находится в самом божественном месте, — облегченно вздохнула я.

— А здесь?

Палец Мэтью опустилсся чуть ниже.

— Как в раю, — призналась я.

Следующий приступ боли я перенесла спокойнее. Дыхание почти не сбивалось.

— Давление у тебя остается в норме. Массаж спины, как я убедился, помогает. Сделаем его по всем правилам.

Мэтью позвал Маркуса и вслеп ему принести из библиотеки странный стул с кожаным сиденьем и подставкой для книг на спинке. Стул поставили у окна. Вместо книги на подставку пристроили подушку. Мэтью помог мне усесться лицом к подушке.

Мой живот распластался по сиденью и уперся в спинку.

— А вообще для чего предназначался этот стул?

— Для наблюдения за петушиными боями и игры в карты ночь напролет, — ответил Мэтью. — Твоей пояснице станет намного легче, если ты чуть-чуть наклонишься вперед и положишь голову на подушку.

Так оно и случилось. Мэтью устроил мне основательный сеанс массажа, начиная с бедер и двигаясь вверх по спине, пока не достиг затылка, мышцы которого тоже были напряжены. За это

время меня трижды посещали схватки, и хотя они продолжались дольше, холодные руки Мэтью и его сильные пальцы частично гасили боль.

— Скольким беременным женщинам ты помог таким способом? — спросила я.

Интересно, где он приобрел столь необычные навыки? Пальцы Мэтью замерли.

— Только тебе, — ответил Мэтью, возобновляя массаж.

Я повернула голову и увидела, что он смотрит на меня. А пальцы сноровисто продолжают двигаться.

— Изабо говорила, что я первая, кто спит в этой спальне.

— Все, кого я встречал прежде, не были достойны спать здесь. Но вскоре после нашего знакомства я уже мысленно видел тебя на этой кровати. Разумеется, вместе с собой.

— Мэтью, почему ты меня так сильно любишь? — спросила я.

Что привлекательного было во мне сейчас? Обрюзгшая, с громадным животом, взмокшая от пота и стонущая чуть ли не ежеминутно. Мэтью ответил не задумываясь:

— Ты — ответ на все мои прошлые и будущие вопросы. — Мэтью откинул мне волосы с шеи и поцеловал чуть ниже уха. — Может, у тебя появилось желание немного постоять?

Я не успела ответить. Нижнюю часть живота пронзило острой болью. По интенсивности она превосходила схватки. Я шумно втянула воздух.

— Похоже, произошло растяжение сантиметров на десять, — пробормотал Мэтью и позвал Маркуса.

— Диана, у меня для тебя хорошая новость, — весело произнес вошедший Маркус. — Начиная тужиться, и посильнее!

И я начала тужиться. Мне казалось, это занятие продолжается не один день.

Сначала я попробовала современный метод: лежа. Мэтью держал меня за руку, не сводя восхищенного взгляда.

Ничего не получилось.

— Это вовсе не признак каких-то осложнений, — сказала доктор Шарп, склоняясь над моими бедрами. — Близнецам на финальной стадии родов требуется больше времени, чтобы начать движение. Правда, Мэтью?

— Диане нужен стул, — хмуро изрекла Марта.

— Я принесла свой, — ответила доктор Шарп. — Он в коридоре, — кивнула она в сторону двери.

Близнецы, зачатые в XVI веке, пренебрегли современными медицинскими приспособлениями и предпочли родиться по старинке: на простом деревянном стуле с сиденьем в форме подковы.

Вместо клиники и чужих лиц меня окружали те, кого я любила. За спиной стоял Мэтью, поддерживая меня физически и эмоционально. Джейн и Марта стояли возле моих ног и хвалили смелость малышей, решивших выйти в мир головой вперед. Маркус постоянно шептал ободряющие слова. С другого бока стояла Сара, подсказывая, когда дышать и когда тужиться. Изабо осталась у двери. Она передавала новости Фиби. Та ждала в коридоре и посылала эсэмэски на Пикеринг-Плейс, где Фернандо, Джек и Эндрю жадно прочитывали каждое ее сообщение.

И все равно время тянулось невероятно медленно.

Роды грозили продлиться вечно.

Когда за пять минут до полуночи раздался первый негодующий крик, мне захотелось плакать и смеяться. Мгновенно проснулся и материнский инстинкт, и сильнейшая потребность оберегать свое чадо.

— Как он? — спросила я, глядя вниз.

— Она просто чудо! — объявила сияющая Марта, с гордостью глядя на меня.

— Она? — растерянно переспросил Мэтью.

— У них девочка! Фиби, передай, что мадам родила девочку, — сказала взволнованная Изабо.

Джейн подняла на руки крохотное существо. Личико нашей дочки было сморщенным, тельце — синюшным и вдобавок покрытым всем тем, о чем я читала, но никак не была готова увидеть на своем ребенке. Она родилась с густыми черными волосиками.

— Почему она синяя? С ней что-то не так? Неужели она умирает?

Во мне стремительно поднималось беспокойство.

— Ты не успеешь глазом моргнуть, как она станет краснее свеклы, — сказал Маркус, разглядывая новорожденную сестру. — Он подал Мэтью зажим и хирургические ножницы. — Легкие у нее в полном порядке. Мэтью, эта честь принадлежит тебе.

Мэтью застыл на месте.

— Мэтью Клермон, если ты сдрейфишь, я буду вечно напоминать тебе об этом, — резко сказала Сара. — Передвинь свою задницу и обрежь пуповину.

— Сара, сделай это сама.

Мои плечи ощущали дрожание его рук.

— Нет. Я хочу, чтобы пуповину перерезал Мэтью, — сказала я.

Упущенная возможность потом обернется нескончаемым сожалением.

Мои слова вывели Мэтью из ступора. Вскоре он стоял на коленях рядом с доктором Шарп. Вопреки первоначальному нежеланию, как только ребенок и необходимые инструменты оказались у него в руках, его движения стали уверенными и точными. Он пережал и обрезал пуповину, передав нашу дочь доктору Шарп. Та быстро завернула ее в одеяльце и снова вручила Мэтью.

Он стоял, совершенно ошеломленный, баюкая сверток в своих могучих руках. Отцовская сила сочеталась с предельной слабостью новорожденной дочери, и в этом сочетании было что-то чудесное. Малышка прекратила плакать, зевнула и тут же завопила снова, возмущенная холодностью мира, в который пришла из теплого и уютного чрева.

— Здравствуй, новая жительница, — прошептал Мэтью. — Какая она у нас красавица, — добавил он, с благоговением глядя на меня.

— Нет, ты послушай, как она орет, — улыбнулся Маркус. — Твердая восьмерка по шкале Апгар¹. Вы согласны, Джейн?

— Согласна. Почему бы вам не взвесить малышку и не измерить ее рост? А мы тут немного приберем и подготовимся к рождению второго.

Мэтью вдруг осознал, что моя работа выполнена лишь наполовину. Он передал ребенка Маркусу, потом внимательно посмотрел на меня, крепко поцеловал и кивнул:

— Готова, *ma lionne*?

— Всегда была и буду, — ответила я и тут же стиснула зубы от новой волны резкой боли.

¹ Шкала оценки состояния новорожденного ребенка.

Через двадцать минут, в четверть первого ночи, родился наш сын. Он был крупнее и тяжелее сестры, но с такими же здоровыми легкими и звучным голосом. Мне сказали, что это очень хороший признак. Я согласилась, не зная, сохранится ли у меня то же ощущение к середине дня. В отличие от дочки, наш сын родился светловолосым, с рыжеватым оттенком.

Перерезать вторую пуповину Мэтью попросил Сару. Сам он был поглощен нашептыванием мне разной приятной чепухи, рассказывая, какая я красивая и как замечательно себя вела. Все это время он крепко держал меня за плечи.

После рождения второго ребенка меня вдруг начало трясти. Я дрожала всем телом.

— Ч-что с-со м-мной? — выстукивали мои зубы.

Мэтью снял меня с родильного стула и быстро перенес на кровать.

— Принесите малышей, — распорядился он.

Марта принесла одного, Сара — второго. Оба сучили ножками и размахивали ручками. Их личики были красно-коричневыми от недовольства. Как только сын и дочь оказались у меня на груди, дрожь прекратилась.

— Это известный недостаток родильного стула, когда на нем рождаются близнецы, — сказала сияющая доктор Шарп. — Мамочки вдруг ощущают пустоту внутри, и их начинает трясти. Но мы никак не могли позволить вам установить связь с первым ребенком, пока не появится второй и тоже не потребует внимания.

Марта оттолкнула Мэтью и ловко завернула малышей в одеяльца, даже не потревожив их. Несомненно, это была исключительно вампирская споровка, недостижимая для большинства акушеров вне зависимости от их опыта. Пока Марта управлялась с детьми, Сара осторожно массировала мой живот, пока из меня, сопровождаемый последней судорогой, не вышел послед.

Затем малыши перекочевали на руки к Мэтью. Сара обмыла меня. Душ, по ее словам, может подождать, пока я не окрепну и не смогу вставать. Я сомневалась, что такое время когда-нибудь наступит.

Потом они с Мартой сменили простыни. Мне даже не пришлось шевелиться. Вскоре я лежала на чистых простынях, утопая в мягких подушках. Мэтью передал мне детей. Спальня опустела.

— Не знаю, как вы, женщины, это выдерживаете, — сказал он, целуя меня в лоб.

— Это выворачивание наизнанку? — Я посмотрела на одно личико, на другое. — Сама не знаю. — У меня дрогнул голос. — Жаль, что мои родители не дожили до внуков. И Филипп тоже.

— Филипп орал бы сейчас во все горло, будя соседей, — сказал Мэтью.

— Я хочу назвать нашего сына Филиппом, — тихо сказала я; услышав это, малыш приоткрыл один глаз. — Ты не против?

— Только если нашу дочь мы назовем Ребеккой, — ответил Мэтью, глядя черноволосую головку.

Личико нашей дочери почему-то сморщилось.

— По-моему, ей не нравится.

Удивительно, как малыш, не проживший и суток, мог столь четко выражать собственное мнение.

— Если Ребекка и дальше станет возражать, у нее на выбор предостаточно имен, — сказал Мэтью. — Почти столько же, сколько крестных родителей.

— Нужно будет свести все это в таблицу, чтобы не запутаться, — сказала я, приподнимая Филиппа. — А сыночек-то у нас тяжеленький.

— Они оба не хилые. Кстати, рост Филиппа — восемнадцать дюймов. — Мэтью с гордостью смотрел на сына.

— Он вырастет высоким, весь в отца, — сказала я, устраиваясь на подушке.

— И рыжеволосым в мать и бабушку, — добавил Мэтью.

Он подбросил дров в камин, затем лег рядом со мной, упираясь локтем в матрас.

— Мы потратили столько времени на поиски древних тайн и давно утерянных книг по магии. А ведь наши дети и есть настоящая алхимическая свадьба, — сказала я.

Мэтью вложил палец в ручонку Филиппа. Малыш с удивительной силой схватил его.

— Ты права, — согласился Мэтью, поворачивая ручонку сына в разные стороны. — Немножко от тебя, немножко от меня. Отчасти ведьма, отчасти вампир.

— И все наши, — резюмировала я, целуя мужа в губы.

— У меня родились дочь и сын, — сообщил Болдуину Мэтью. — Ребекка и Филипп. Оба крепкие и здоровые.

— А их мать? — спросил Болдуин.

— Диана на удивление гладко прошла все стадии родов.

У Мэтью и сейчас дрожали руки, стоило ему вспомнить о тяготах, выпавших на долю его жены.

— Мои поздравления, Мэтью. — В тоне Болдуина не было ни малейшего оттенка радости.

— Что-то случилось? — хмуро спросил Мэтью.

— Конгрегации уже известно о рождении близнецов.

— Каким образом? — насторожился Мэтью.

Должно быть, кто-то пристально следил за домом. Либо вампир с невероятно острым зрением, либо ведьма, наделенная особым острым чутьем.

— Откуда нам знать? — устало произнес Болдуин. — Они готовы приостановить обвинения против вас с Дианой в обмен на возможность осмотреть близнецов.

— Этому никогда не бывать! — заявил Мэтью, чувствуя, как в нем вспыхивает гнев.

— Конгрегация всего лишь хочет узнать, что собой представляют малыши, — бросил Болдуин.

— наших детей. Филиппа и Ребекку Диана родила от меня.

— Этого никто не оспаривает... при всей невероятности их рождения, — сказал Болдуин.

— Тут без Герберта не обошлось.

Интуиция подсказывала Мэтью, что Герберт был важным связующим звеном между Бенжаменом и поисками Книги Жизни. Он годами манипулировал политической Конгрегации и наверняка втянул в свои махинации Нокса, Сату и Доменико.

— Возможно. Не каждый лондонский вампир является чадом Хаббарда, — напомнил Болдуин. — Кстати, Верена не оставила намерений отправиться шестого декабря на заседание Конгрегации.

— Рождение близнецов ничего не меняет, — произнес Мэтью, хотя прекрасно знал, что меняет, и еще как.

— Оберегай мою сестру, Мэтью, — тихо сказал Болдуин.

Мэтью показалось, что он уловил нотки неподдельной тревоги.

— Я всегда это делал и делаю, — ответил Мэтью.

Первыми близнецов навестили бабушки. Сара улыбалась во весь рот. Лицо Изабо сияло от счастья. Когда мы рассказали, какие имена дали детям, обе растрогались. Малыши понесут в будущее наследие их предков, не доживших до этого дня.

— Только ваши близнецы могли родиться в разные дни, — сказала Сара, выпуская из рук Ребекку и беря Филиппа, который изумленно хмурился на бабушку. — Изабо, может, ты сумеешь заставить ее открыть глаза.

Изабо осторожно подула на личико Ребекки. Глаза нашей дочки широко раскрылись, она громко закричала и замахала на бабушку ручонками в варежках.

— Ну вот, моя красавица. Теперь мы сможем разглядеть тебя как следует.

— У них еще и знаки зодиака разные, — продолжала Сара, нежно укачивая Филиппа.

В отличие от сестры, Филиппу нравилось лежать спокойно и широко распахнутыми глазенками рассматривать новый мир.

— У кого?

Состояние у меня было сонным, голова соображала плохо, и я не улавливала смысла восторженной болтовни Сары.

— У ваших детей. Ребекка — Скорпион, а Филипп — Стрелец. Змей и лучник, — пояснила Сара.

«Клермоны и Бишопы. Десятый узел и богиня». Совиные перья хвостовика стрелы пощекотали мне плечо. Хвост драконихи обвился вокруг саднящих бедер. Мне показалось, что кто-то провел пальцем по спине. Предостережение. Только чье?

— Что-то не так, топ коеиг? — насторожился Мэтью.

— Нет. Просто какое-то странное ощущение.

Потребность оберегать наших детей, возникшая сразу после их рождения, становилась все сильнее. Не хотелось, чтобы Ребекка и Филипп оказались связанными с неким большим и сложным узором, замысел которого навсегда остался бы недоступным пониманию столь скромной и незначительной особы, как их мать. Они были моими детьми... нашими детьми. Я постараюсь сделать все, чтобы они смогли сами выбирать жизненные пути, а не следовать по уже выбранным за них судьбой.

— Привет, отец. Ты смотришь?

Мэтью смотрел на экран ноутбука, зажав мобильник между плечом и ухом. На этот раз Бенжамен позвонил, чтобы передать послание. Ему хотелось слышать, как Мэтью воспринимает происходящее на экране.

— Надо понимать, мои поздравления будут уместны.

Голос Бенжамена звучал устало. Позади него, на операционном столе, лежало тело ведьмы. Следы вскрытия показывали, что Бенжамен пытался спасти ребенка, которого она носила.

— Значит, девочка. И мальчик.

— Чего ты хочешь? — Мэтью говорил спокойно, однако внутри его все бурлило.

Почему им до сих пор не удалось найти логово этого мерзавца?

— А ты еще не догадался? Твою жену и дочь. — Глаза Бенжамена сделались каменными. — Твоя ведьма плодородна. В чем причина, Мэтью? — (Мэтью молчал.) — Не знаешь? А я выясню, что делает эту ведьму столь уникальной. — Бенжамен подался вперед и улыбнулся. — Как ты понимаешь, у меня получится. Но если ты сейчас расскажешь мне то, о чем я хочу знать, потом не понадобится вытягивать сведения из нее.

— Ты никогда не притронешься к ней. — У Мэтью дрогнул голос, его самообладание тоже дрогнуло.

Наверху заплакал кто-то из близнецов.

— Притронусь. Обязательно притронусь, — тихо пообещал Бенжамен. — Я буду трогать ее снова и снова, пока Диана Бишоп не даст мне то, чего я хочу.

Я проспала не больше получаса. От силы минут сорок. Потом меня разбудили отчаянные вопли Ребекки. Протерев усталые глаза, я увидела, что Мэтью успел подхватить нашу дочь на руки и теперь стоял перед камином, качая ее и нашептывая успокоительные слова.

— Знаю, малышка. Иногда этот мир бывает жутким местом. Со временем тебе станет легче. Слышишь, как трещат поленья в камине? Видишь игру света на стене? Это, Ребекка, называется огонь. Быть может, он пылает и в твоих жилах, как у твоей мамы... Ну чего ты испугалась? Это всего лишь тень. Тень, и больше ничего.

Мэтью покрепче прижал к себе малышку и стал тихо напевать французскую колыбельную:

Chut! Plus de bruit,
C'est la ronde de nuit,
En diligence, faisons silence.
Marchons sans bruit,
C'est la ronde de nuit¹.

Я смотрела на влюбленного Мэтью де Клермона и улыбалась его восторженному лицу.

— Доктор Шарп говорила, что они быстро проголодаются, — сказала я, моргая сонными глазами.

Я закусила губу, чтобы не пересказать других слов Джейн и не встревожить Мэтью. Оказывается, малышей, родившихся раньше срока, трудно кормить, поскольку у них еще недостаточно развиты мышцы, необходимые для сосания.

— Позвать Марту? — спросил Мэтью, перекрывая вопли Ребекки.

Он знал, как я нервничала по поводу грудного вскармливания.

— Попробуем сами, — сказала я.

Мэтью положил мне на колени подушку, затем осторожно подал Ребекку, после чего разбудил крепко спавшего Филиппа. Сара и Марта прожужжали мне все уши о важности одновременно-го кормления обоих малышей. Иначе, пока я кормлю одного, второй успеет проголодаться.

— Филипп у нас станет возмутителем спокойствия, — удовлетворенно заявил Мэтью, вынимая сына из колыбели.

Филипп хмурился на отца, моргая своими большими глазенками.

— С чего ты так решил? — спросила я, чуть сдвигая Ребекку и освобождая место для сына.

— Слишком уж он спокойный, — улыбнулся Мэтью.

¹ Ну-ка, тише, шум и гром!
Ночь настала за окном.
А кто вышел погулять,
Обязуется молчать,
Крепко помня о том,
Что ночь настала за окном.

После нескольких попыток Филипп сообразил, что ему предлагают. Ребекка продолжала вопить.

— Я даже не знаю, как се утихомирить, чтобы она взяла грудь, — растерялась я.

Мэтью сунул палец в дочкин ротик, и она послушно сомкнула губы.

— Давай поменяем их местами, — предложил он. — Ребекка почувствует запах молозива и брата. Быть может, это побудит ее начать сосать.

Мы сделали перемещение. Филипп орал, как злой дух, когда Мэтью оторвал его от груди. Вторую он взял не сразу. Сопением и икотой Филипп предупредил нас, что в будущем не потерпит таких трюков. Ребекка нерешительно прижималась, вертела головкой, не понимая, из-за чего вся эта шумиха, затем осторожно взяла сосок. Ее глазенки широко открылись.

— Ну вот, теперь она поняла, — сказал довольный Мэтью. — Малышка, помнишь мои слова? Твоя Мамап — ответ на любой вопрос.

Солнце в Стрельце

Стрелец управляет верой, религией, сочинениями, книгами и толкованием снов. Рожденные под этим знаком совершат великие чудеса, заслужат многие почести и щедро познают радость. Пока Солнце находится в знаке Стрельца, советуйся со стряпчими о своих делах. Это хорошее время для принесения клятв и заключения сделок.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 9^v*

Глава 32

— Близнецам десять дней от роду. Не рановато ли ты собрался делать их членами рыцарского ордена? — зевая, спросила я.

Я гуляла с Ребеккой по коридору третьего этажа. Она громко возмущалась насильственному изъятию из уютной колыбели, окутанной приятным теплом от камина.

— Все члены семьи де Клермон становятся рыцарями как можно раньше, — ответил Мэтью, прогуливающий Филиппа. — Такова традиция.

— Пусть так, но большинство новых де Клермонов — взрослые мужчины и женщины! Значит, нам для этого придется ехать в Сет-Тур?

Соображала я с трудом. Как Мэтью и обещал, ночью заботу о детях он брал на себя, но из-за их кормления я спала урывками, просыпаясь через каждые несколько часов.

— Либо туда, либо в Иерусалим, — ответил Мэтью, продолжая наш разговор.

— Только не в Иерусалим. Ехать туда в декабре? Ты никак тронулся умом? — Изабо, словно призрак, умела появляться бесшумно. — Там сейчас от паломников не протолкнуться. И потом, близнецов нужно крестить дома, в церкви, которую строил их отец, а не в Лондоне. Обе церемонии можно провести в один день.

— В данный момент, Матап, наш дом здесь, — угрюмо ответил матери Мэтью. Он все больше уставал от постоянного вмешательства бабушек. — Если понадобится, Эндрю готов окрестить их здесь.

Филипп, с первых дней обнаруживший чрезвычайную восприимчивость к быстрой смене отцовского настроения, тоже нахмурил личико и взмахнул ручонкой, словно требуя меч, чтобы вместе с отцом побеждать врагов.

— Тогда едем в Сет-Тур, — сказала я.

Пусть Эндрю Хаббард и перестал быть для меня вечной занозой в боку, я не горела желанием отдавать ему роль духовного наставника наших детей.

— Ну, если ты так решила... — пожал плечами Мэтью.

— Ты пригласишь Болдуина?

Я знала, что Мэтью сообщил Болдуину о рождении близнецов. Тот прислал мне роскошный букет цветов и зубные кольца для Ребекки и Филиппа, сделанные из серебра и кости. Зубные кольца были весьма распространенным подарком новорожденным, однако в данном случае Болдуин с достаточной прямоотой напомнил о вампирской крови в жилах малышей.

— Возможно, приглашу. Но не будем беспокоиться об этом сейчас. Слушай, почему бы тебе не прогуляться с Сарой и Изабо? Вышла бы из дому, ноги бы размяла. Если орава проголодается, у нас полным-полно сцеженного молока.

Я согласилась с предложением Мэтью, хотя меня не оставляло тревожное чувство, что меня и малышей помещают на громадную шахматную доску де Клермонов и делают это игроки, привыкшие веками разыгрывать свои партии.

В последующие дни — теперь мы вплотную готовились к отъезду во Францию — тревожное чувство лишь усиливалось. Обилие разговоров вполголоса отнюдь не способствовало моему душевному покою. Но мои руки были постоянно заняты близнецами, и времени на раздумья о семейной политике попросту не оставалось.

— Естественно, я пригласил Болдуина, — сказал Маркус. — Его присутствие необходимо.

— А Галлогласа? — спросил Мэтью.

Он послал племяннику фотографии близнецов, добавив внушительный список прозвищ, которые успели у них появиться. Мэтью сообщил Галлогласу, что ему выпала честь быть крестным отцом Филиппа. К тому же малыш носил одно из его имен. Казалось, Галлоглас откликнется. Но тот хранил молчание.

— Дай ему время, — посоветовал Маркус.

Однако с некоторых пор время перестало быть союзником Мэтью, и он не ждал, что оно вдруг вернется на его сторону.

— От Бенжамена пока никаких посланий, — сообщил Фернандо. — Снова ушел на дно.

— Ну где он прячется, черт побори?! — не выдержал Мэтью, запуская пальцы в волосы.

— Мэтью, мы прилагаем все силы. Но Бенжамен даже в свою бытность человеком любил укромные норы.

— Если сейчас нам не добраться до Бенжамена, сосредоточим внимание на Ноксе. Его гораздо легче выкурить, чем Герберта, а они наверняка поставляют сведения Бенжамену. Я в этом уверен и хочу получить подтверждение.

Мэтью знал: он не успокоится, пока всякий, кто представляет угрозу для Дианы или близнецов, не будет найден и уничтожен.

— Ты готова немного попутешествовать? — Маркус пощекотал подбородок Ребекки, и ее ротик сложился в красивую букву «О» — признак счастья. Она обожала старшего брата.

Пока я возилась с малышами, старший ребенок куда-то исчез. Казалось бы, чего проще: собрались и поехали? Но наш отъезд превратился в логистический кошмар, в чем-то сравнимый с отправкой воинского контингента на фронт.

— А где Джек? — устало спросила я.

— Пошел выгулять своего зверя перед дорогой, — ответил Фернандо. — Раз уж мы заговорили о зверях, где Корра?

— Надежно засунута внутрь.

Однако и здесь все было не так просто. Появление близнецов повергло Корру в беспокойство и уныние. Ей вовсе не улыбалось ехать во Францию внутри меня. Я и сама не радовалась такому соседству. Было так приятно вновь почувствовать себя единственной хозяйкой тела.

Громкий лай и появление величайшей в мире живой швабры возвестили о возвращении Джека.

— Джек, мы и так тебя заждались! — крикнул Маркус, и Джек подскочил к нему; Маркус передал ему ключи. — Думаю, ты сумеешь без приключений довести Сару, Марту и твою бабушку до Франции?

— Разумеется, — лаконично ответил Джек.

Он нажал несколько кнопок на автомобильном бредке, распахнув дверцы второй большой машины. Только там вместо детских кресел стояла собачья кровать.

— Возвращение домой — это всегда волнующий момент, — сказала Изабо, беря Джека под руку. — Мне это напоминает вре-

мена, когда я поехала из Константинополя в Антиохию. Филипп попросил меня взять шестнадцать повозок. Дороги были ужасными и вдобавок кишели разбойниками. Самое трудное путешествие в моей жизни. Сплошные опасности. Смерть скакала рядом. Но я с удовольствием вспоминаю ту поездку.

— Насколько помню, ты лишилась большинства повозок. — Мэтью мрачно посмотрел на мать. — И лошадей тоже.

— Не говоря уже о чужих денежках, которые у тебя тоже умыкнули, — добавил свою порцию воспоминаний Фернандо.

— Я потеряла всего десять повозок. Остальные шесть доехали в прекрасном состоянии. Что касается денег... заурядная реинвестиция, — с нескрываемым высокомерием парировала Изабо. — Не слухай их, Джек. По дороге я тебе расскажу о своих приключениях. Это скрасит монотонность поездки.

Фиби с Маркусом уселись в одну из его роскошных синих спортивных авто. Внешне машина выглядела очень английской, словно предназначалась для Джеймса Бонда. Я начинала ценить достоинства двухместных машин. Мне бы тоже хотелось провести девять часов пути наедине с Мэтью.

Маркус и Фиби двигались на максимальной скорости. Им не требовалось делать частые остановки, чтобы помыть малышей, поменять подгузники и накормить вечно голодные рты. Неудивительно, что вечером, когда мы добрались до Сет-Тура, парочка стояла на ярко освещенных ступенях вместе с Аленом и Виктуар, приветствуя наше возвращение домой.

— Мадам Изабо, милорд Маркус сказал мне, что празднества соберут целый дом гостей, — сообщил Ален, поздоровавшись с хозяйкой.

Его жена Виктуар пританцовывала от волнения. Увидев дорожные люльки, она бросилась помогать.

— Да, Ален. Все будет как в старые времена. Для мужчин мы поставим койки в амбаре. Вампирам холод нипочем, а остальным придется привыкать, — невозмутимо сказала Изабо.

Отдав Марте перчатки, она тоже пошла помогать с малышами. Близнецы были плотно укутаны и максимально защищены от ноябрьского холода.

— Согласись, Виктуар, милорд Филипп и миледи Ребекка — самые прекрасные создания, которые ты видела.

Виктуар могла лишь громко охать и ахать, но Изабо сочла такой ответ достаточным.

— Вы позволите заняться детским багажом? — спросил Ален, заглядывая в плотно набитый багажник машины.

— Это было бы замечательно, Ален, — ответил Мэтью.

И Ален деловито принялся вытаскивать из багажника многочисленные сумки, складные детские манежи и упаковки одноразовых подгузников.

Малышей нес сам Мэтью. На обледенелой части лестницы его с обеих сторон поддерживали за руки Марта, Сара, Изабо и Виктуар. Он благополучно достиг дверей и вошел внутрь. Сделав пару шагов, Мэтью остановился, пораженный размахом события. Казалось, только сейчас он осознал, куда и зачем приехал. Он привез самых юных в длинном роду де Клермонов в дом их предков. И пусть наша семья была лишь скромным ответвлением этого знаменитого рода, для наших детей Сет-Тур навсегда останется местом, овеянным родовыми традициями.

— Добро пожаловать домой, — сказала я, поцеловав мужа.

В ответ он тоже меня поцеловал и обворожительно улыбнулся:

— Спасибо, mon coeur.

Возвращение в Сет-Тур было правильным решением. Хотелось надеяться, что никакие случайности и неожиданности не омрачат это радостное событие.

Приближался день крещения. Казалось, небеса решили осуществить мои надежды.

Сет-Тур гудел и бурлил приготовлениями к крещению близнецов. Я подспудно ждала, что в комнату ворвется Филипп-старший, сыпля шутками и распевая песенки. Но сейчас центром жизни в замке был Маркус. Он расхаживал по замку как хозяин (отчасти так оно и было), создавая всем праздничное настроение. Я впервые поняла, почему Маркус напоминал Фернандо Филиппа.

Маркус распорядился, чтобы из большого зала вынесли всю мебель, а освободившееся пространство заполнили длинными столами, куда поместятся все многочисленные гости. У меня вдруг закружилась голова и возникло ощущение дежавю. Сет-Тур словно возвращался к своему средневековому облику. Нетронутыми

остались только помещения Мэтью. Их Маркус объявил неприкосновенными, поскольку там разместятся именитые гости. Я регулярно уходила в башню Мэтью, чтобы накормить, искупать и переодеть малышей. И конечно, чтобы отдохнуть от толп временной прислуги, нанятой для уборки помещений и перестановки мебели.

— Спасибо, Марта, — сказала я, вернувшись с короткой прогулки по саду.

Марта охотно оставила шумную кухню, взяв на себя обязанности няньки. Естественно, она запаслась очередным детективным романом, где описывались леденящие кровь убийства.

Я нежно похлопала спящего сына по спинке и вынула из колыбели Ребекку. Она была гораздо легче брата, и это меня настораживало.

— Она голодна, — сказала Марта, внимательно глядя на меня своими темными глазами.

— Знаю, — вздохнула я.

Ребекка всегда была голодна. Никакое количество молока не могло ее насытить. Мысли о возможных последствиях я тщательно прогоняла.

— Мэтью говорил, что пока слишком рано волноваться.

Я уткнулась носом в шею Ребекки, с наслаждением вдыхая ее сладкий младенческий запах.

— Откуда Мэтью знать? — фыркнула Марта. — Он отец, а ты мать.

— Ему это может не понравиться, — сказала я, догадываясь, куда клонит старая вампирша.

— А ему понравится, если она умрет? — без обиняков спросила Марта.

И все равно я колебалась. Если послушаться Марту и проявить своеволие, не советуясь с Мэтью, он придет в ярость. Но если я спрошу, как он оценивает состояние нашей дочери, он скажет, что Ребекке ничего не угрожает. Возможно, ее жизни действительно ничего не угрожало, однако она не производила впечатление очень уж здорового и счастливого ребенка. Ее отчаянные крики разрывали мне сердце.

Если внять намекам Марты, своевольничать нужно в отсутствие Мэтью, иначе я лишь все испорчу.

— Мэтью до сих пор на охоте? — спросила я.

— Насколько я знаю, да.

— Тише, малышка, не кричи так громко. Мамочка сейчас тебя покормит, — пробормотала я, садясь к очагу и одной рукой расстегивая рубашку.

Я приложила Ребекку к правой груди. Дочь мгновенно обхватила губами сосок и со всей доступной ей силой принялась сосать. Молоко капало из уголка ее ротика, а хныканье превратилось в протяжный вой. Ее было легче накормить до появления молока, как будто молозиво организм Ребекки переносил лучше.

Вот тогда-то я впервые и забеспокоилась.

— Держи. — Марта протянула мне тонкий острый нож.

— Обойдусь без ножа.

Я переместила Ребекку к плечу и похлопала по спинке. Малышка шумно отрыгнула, и по мне потекла струйка белой жидкости.

— Ее желудок не может переваривать молоко, — сказала Марта.

— Тогда посмотрим, как ей понравится другое угощение.

Я прижала голову Ребекки к своей руке и ногтями царапнула по мягкому шраму на левом локте. В том месте я предлагала ее отцу отведать моей крови. Я ждала, пока из вены потечет красная жизнетворная жидкость.

Ребекка мигом умолкла и замерла в напряженном ожидании.

— Так ты этого хочешь?

Я согнула руку, приложив ротик дочери к своей коже. Я ощутила те же сосательные движения, что и при кормлении грудью. Но сейчас Ребекка не хныкала. Она жадно сосала мою кровь.

В доме, полном вампиров, истечение венозной крови просто не могло остаться незамеченным. Через считанные секунды в комнате появилась Изабо. Следом за ней вошел Фернандо. Мэтью ворвался холодным вихрем. Ветер успел растрепать ему волосы.

— Всем выйти! — потребовал он, указывая на лестницу.

Не проверяя, исполнен ли его приказ, Мэтью опустился на колени перед моим стулом:

— Что ты делаешь?

— Кормлю нашу дочь.

Слезы жгли мне глаза. Ребекка шумно и с наслаждением глотала материнскую кровь. В опустевшей комнате были отчетливо слышны чавкающие звуки.

— Мы все месяцами гадали, какими родятся дети. Теперь загадка разгадана: Ребекке для здорового питания нужна кровь.

Я осторожно зажала мизинцем рану, прекратив кормить дочь. Кровотечение замедлилось.

— А Филипп? — с каменным лицом спросил Мэтью.

— Ему вполне хватает моего молока, — ответила я. — Возможно, со временем диета Ребекки станет более разнообразной. Но сейчас ей нужна кровь, и она будет получать кровь.

— Нам нельзя с первых дней превращать детей в вампиров, — сказал Мэтью. — Ты не хуже меня знаешь, почему этого нельзя делать.

— Мы не превращали Ребекку ни в кого. Она пришла к нам такой. И она не вампирша. Она вампедьма. Или ведьмирша.

Мне было не до шуток, хотя странные словосочетания вызывали смех.

— Остальным захочется узнать, с каким существом они имеют дело, — сказал Мэтью.

— Тогда пусть наберутся терпения и ждут! — огрызнулась я. — Пока слишком рано делать выводы. Не хочу, чтобы окружающий мир заталкивал Ребекку в узкие рамки, только бы уберечь собственный ум от потрясений.

— А когда у нее прорежутся зубы? Что тогда? — спросил Мэтью; с каждым словом он говорил все громче. — Ты забыла Джека?

Вот оно что! Мэтью беспокоила не принадлежность наших детей к ведьмам или вампирам, а то, передалось ли им бешенство крови. Я сунула ему в руки крепко спящую Ребекку и стала застегивать рубашку. Мэтью нежно прижал дочь к сердцу. Ее головка оказалась между его подбородком и плечом. Глаза Мэтью были закрыты, словно он хотел стереть из памяти увиденное.

— Если Ребекка или Филипп унаследовали бешенство крови, мы будем разбираться с этим вместе, как и положено семье, — сказала я. — Не надо так волноваться раньше времени.

— Разберемся с этим? Как? Невозможно зывать к разуму двухлетнего ребенка, охваченного жадной убивать, — сказал Мэтью.

— Тогда я наложу на нее заклятие. — Мы никогда не обсуждали этот шаг, но я бы осуществила его без колебаний. -- С Дже-

ком я поступила бы так же, будь это единственным способом его защитить.

— Диана, ты не сделаешь с нашими детьми то, что твои родители сделали с тобой. Потом ты себе никогда не простишь.

Наконечник стрелы в моей спине кольнул плечо. На запястье обозначился десятый узел. Нити под кожей пришли в состояние готовности. На этот раз я не колебалась.

— Ради спасения моей семьи я сделаю все, что должна.

— Свершилось, — сказал Мэтью, опуская руку с телефоном.

Было шестое декабря. Прошел год и один день с того момента, как Филипп де Клермон пометил Диану своей кровью, принеся соответствующую клятву. И сейчас письменное свидетельство, подтверждающее ее статус полноправного члена семейства де Клермон, лежало перед секретарем Конгрегации, ожидая внесения в семейную родословную. Происходило это на Изола-делла-Стелла — островке в Венецианской лагуне.

— Значит, тетушка Верена все-таки решила идти до конца, — сказал Маркус.

— Возможно, она поддерживала контакт с Галлогласом.

Фернандо не терял надежды, что ко дню крещения малышей сын Хью все-таки вернется к семье.

— Это сделал Болдуин, — сообщил Мэтью.

Он откинулся на спинку стула и вытер вспотевший лоб.

Бесшумно вошел Ален, извиняясь за вторжение. Он принес стопку писем и бокал вина. Увидев троих вампиров, сгрудившихся вокруг кухонного очага, Ален так же бесшумно вышел.

Ошеломленные Фернандо и Маркус молча переглядывались.

— Болдуин? Но если это сделал Болдуин... — Маркус смолк, не договорив.

— Безопасность Дианы волнует его сильнее, чем репутация де Клермонов, — договорил за сына Мэтью. — Отсюда вопрос: что такого знает он, чего не знаем мы?

Седьмого декабря была годовщина нашей свадьбы. Сара и Изабо взялись понынчиться с малышами и дать нам с Мэтью несколько часов свободы. Я приготовила бутылочки с молоком для Филиппа, а Ребекке — смесь из крови и молока. Затем я отнесла

близнецов в семейную библиотеку. Там бабушки соорудили волшебную страну из одеял, игрушек и разных передвижных шуточек, предвкушая вечер с внуками.

Я хотела насладиться тихим обедом вдвоем с Мэтью в его башне, чтобы в случае необходимости прийти бабушкам на выручку. Однако Изабо подала мне связку ключей.

— Обед ждет вас в Ле-Ревенане, — сказала она.

— Ле-Ревенан? — удивилась я, впервые услышав это название.

— Филипп построил замок для крестоносцев, возвращающихся из Святой земли, — пояснил Мэтью. — Он принадлежит Матап.

— Теперь это ваш дом. Я отдаю его вам, — сказала Изабо. — С годовщиной!

— Изабо, ты не можешь подарить нам целый замок. Это слишком щедрый подарок, — возразила я.

— Ле-Ревенан лучше подходит для семьи, нежели Сет-Тур. Там очень уютно. — По лицу Изабо промелькнула печаль. — Мы с Филиппом были там счастливы.

— Ты уверена? — спросил у матери Мэтью.

— Да. Диана, тебе там поправится. Там все комнаты имеют двери, — сказала Изабо, подмигивая мне.

— Разве можно называть такой громадный замок уютным? — спросила я, когда мы туда добрались.

Ле-Ревенан находился за пределами Лимузена и величиной своей лишь немного уступал Сет-Туру. Здесь было только четыре башни — по одной на каждом углу квадратной крепости, как рассказал мне Мэтью по дороге туда. Зато ров, окружавший замок, вполне мог сойти за озеро. Меня поразило великолепное здание копюшен и красивый внутренний двор. Все это не вязалось с утверждениями, будто Ле-Ревенан скромнее официальной резиденции де Клермонов. Но слова Изабо об уюте не были преувеличением. Я сразу это почувствовала. Даже просторные помещения первого этажа воспринимались уютными. Замок, построенный в XII веке, не был, однако, заповедником глухой старины. Он обновлялся сообразно эпохам и нынче обладал современными удобствами. Здесь было электричество, ваннные комнаты, а кое-где и центральное отопление. И все же я не хотела перебираться в Ле-Ревенан. Я мысленно составляла вежливый, аргументированный отказ от подарка, когда мой умный муж показал мне библиотеку.

Она занимала юго-западный угол главного здания. Зал эпохи готического Ренессанса с потолочными балками, обилием резьбы, громадным очагом и декоративными геральдическими щитами. Многочисленные окна выходили во внутренний двор. На противоположной стене было всего одно небольшое окно, но из него открывался живописный вид на окрестности Лимузена. Единственные две прямые стены занимали книжные полки, тянущиеся до самого потолка. Лестница орехового дерева вела на галерею, давая доступ к самым высоким полкам. Увиденное немного напомнило мне читальный зал герцога Хамфри в Бодлианской библиотеке: такое же темное дерево стеллажей и приглушенный свет.

Полки, тоже из орехового дерева, были заставлены и завалены книгами и коробками. Наводить порядок здесь не умели и не собирались. На полках царил настоящий хаос.

— Что здесь хранится? — спросила я.

— Личные бумаги Филиппа. После войны Матап перевезла их сюда. Разумеется, все, что связано с официальными делами семьи де Клермон и орденом Рыцарей Лазаря, осталось в Сет-Туре.

Не удивлюсь, если это был самый обширный в мире личный архив. Я шумно опустилась на ближайший стул и вдруг почувствовала себя в шкуре Фиби, окруженной фамильными шедеврами искусства. Меня сейчас окружали шедевры, обилие которых могло возбудить любого историка.

— Полагаю, доктор Бишоп, тебе захочется основательно покопаться в этих шедеврах, — улыбнулся Мэтью, целуя меня в макушку.

— Ты еще спрашиваешь! Здесь я найду сведения о Книге Жизни и ранних днях Конгрегации. Возможно, среди этого хаоса отыщутся письма, связанные с Бенжаменом и ребенком иерусалимской ведьмы.

Мой мозг уже захлестывали открывающиеся перспективы исследований.

— Сомневаюсь, — возразил Мэтью. — Думаю, ты скорее найдешь здесь чертежи стенобитных машин и наставления по содержанию и кормлению лошадей, чем что-то касающееся Бенжамена.

Интуиция историка на разные голоса твердила мне, что Мэтью серьезно недооценивает важность хаотичного содержимого биб-

лиотеки. Прошло два часа, но я по-прежнему находилась там, ро-ясь на полках и в коробках. Мэтью попивал вино и развлекал меня, персводя тексты, если они оказывались написанными шифром или на незнакомом мне языке. Бедным Алену и Виктуар не оставалось иного, как подать праздничный обед не в столовую, а в библиотеку.

На следующее утро мы перебрались в Ле-Ревенан вместе с детьми. Я больше не жаловалась на величину замка, счета за отопление и число ступенек, по которым необходимо подняться, чтобы принять душ. Последнее возражение вообще было спорным. В 1811 году, после поездки в Россию, Филипп установил в высокой башне лифт с винтовым механизмом. Еще через семьдесят пять лет подъемник модернизировали, поставив электрический мотор, и слугам-вампирам уже не требовалось крутить тяжелую ручку лебедки.

В Ле-Ревенан с нами поехала только Марта. Ален и Виктуар были бы не прочь тоже отправиться в Лимузен и передать заботы о грядущих торжествах в руки тех, кто помоложе. Марта готовила еду, а также помогала нам с Мэтью привыкать к повседневным заботам о малышах. Когда Сет-Тур начнет заполняться рыцарями, сюда приедут Фернандо и Сара. Джек тоже обещал приехать, если ему станет невмоготу от шума и мелькания незнакомых лиц. Но пока мы жили здесь впятером.

Пусть нам не все нравилось в Ле-Ревенане, замок давал шанс наконец-то почувствовать себя семьей. Ребекка теперь получала нужное питание и быстро прибавляла в весе. Филипп все перемены в распорядке и перемещения встречал со своей обычной задумчивостью. Ему нравилось следить за движением света по каменным стенам или слушать, как я шуршу бумагами в библиотеке.

Марта безотказно соглашалась посидеть с детьми, понимая, что нам с Мэтью так важно побыть вдвоем после стольких недель разлуки и всех последующих хлопот, пусть и радостных, связанных с рождением близнецов. В эти драгоценные моменты, принадлежа только друг другу, мы гуляли вдоль рва и строили планы преобразований в замке. Я интересовалась, какое место самое солнечное, чтобы устроить там ведьмин огород. Мэтью выбирал дерево, на котором он построит домик для игр близнецов, когда они подрастут.

Но какими бы прекрасными ни были эти прогулки вдвоем, мы стремились как можно больше времени проводить с нашими детьми. Мы садились возле камина в спальне и смотрели, как Ребекка и Филипп извиваются и подползают ближе друг к другу. На личиках брата и сестры отражался неподдельный восторг, а их ручонки крепко сцеплялись. Наибольшее счастье близнецы испытывали, находясь в телесном соприкосновении, словно за месяцы, проведенные в моем чреве, они привыкли к постоянному контакту. Мы клали их спать в одну колыбель. Конечно, скоро они вырастут и им вдвоем станет тесно, но пока размеры колыбели позволяли. И в каком бы положении мы их ни укладывали, брат и сестра неизменно заключали друг друга в объятия, прижимаясь лицом к лицу.

Каждый день мы с Мэтью работали в библиотеке, выискивая подсказки относительно нынешнего местонахождения Бенжамена. Мы искали сведения о таинственной иерусалимской ведьме и ее не менее таинственном ребенке. И конечно, о Книге Жизни. Вскоре Филипп и Ребекка привыкли к запаху бумаги и пергамента. Их головки поворачивались на звук отцовского голоса. Мэтью читал вслух отрывки из документов, написанных на латыни, греческом, окситанском, старофранцузском, староанглийском, на нескольких старогерманских диалектах и уникальных местных говорах, которые знал Филипп-старший.

Лингвистическая идиосинкразия Филиппа отражалась и на порядке хранения книг и персональных документов. Например, разыскивая документы времен Крестовых походов, мы натолкнулись на удивительное письмо епископа Адемара, оправдывавшего духовные мотивы Первого крестового похода. И здесь же по совершенно непонятным для нас причинам затесался список покупок, датированный серединой 1930-х годов. Филипп просил Алена, находящегося тогда в Париже, прислать ему: новые туфли от Берлутти, экземпляр книги «*La Cuisine en Dix Minutes*»¹, а также третий том «Науки жизни», написанный Г. Дж. Уэллсом, Джулианом Хаксли и Дж. И. Уэллсом.

Это время, проводимое в семейном кругу, было просто чудом. Мы смеялись и пели, удивлялись совершенству наших крошечных детей и задним числом рассказывали друг другу о своих тревогах, связанных с беременностью и возможными осложнениями.

¹ «Готовим за десять минут» (фр.).

И хотя наши чувства друг к другу никогда не ослабевали, мы еще больше укрепили их за прекрасные тихие дни, проведенные в Ле-Ревенане. Это была благословенная передышка, позволявшая нам подготовиться к непредсказуемым событиям ближайших недель.

— Вот список рыцарей, согласившихся участвовать.

Мэтью быстро пробежал глазами лист, поданный Маркусом.

— Джайлс. Рассел. Прекрасно. — Мэтью перевернул лист. — Адди. Верена. Мириам... Постой, а когда ты успел сделать рыцарем Криса?

— Когда мы были в Новом Орлеане... Мне это показалось правильным, — с некоторым смущением добавил Маркус.

— Правильное решение, Маркус. Учитывая, кто соберется на крещение малышей, сомневаюсь, что Конгрегация отважится испортить праздник, — произнес улыбающийся Фернандо. — А тебе, Мэтью, можно расслабиться. Как ты и надеялся, Диана сполна насладится этим днем.

Однако Мэтью не торопился расслабляться.

— Жаль, нам не удалось найти Нокса, — сказал он, глядя в окно на заснеженный двор.

Подобно Бенжамену, Нокс бесследно исчез. Возможные причины этого были слишком пугающими, чтобы говорить о них вслух.

— Не пора ли мне взять Герберта за жабры? — спросил Фернандо.

Все трое обсуждали возможные действия на случай, если Герберт окажется предателем. Тогда вампиры южной половины Франции будут втянуты в открытый конфликт. В последний раз такое было более тысячи лет назад.

— Пока не время, — сказал Мэтью, не желавший умножать число бед. — Я продолжу поиски в бумагах Филиппа. Должен же там быть хоть какой-то намек на логово, где прячется Бенжамен.

— Клянусь Святым семейством и их ослом! Ехать до Сет-Тура всего полчаса. Мы и так набили машину под завязку. Неужели ты хочешь взять еще что-то?

За последнюю неделю Мэтью не раз богохульно поминал Святое семейство и их декабрьские странствия, однако сегодня,

в день крещения наших малышей, эти слова казались особенно неуместными. Я догадывалась: моего мужа что-то тревожило, но об этом он молчал.

— Это первый выезд Филиппа и Ребекки в свет. Столько шума, столько незнакомых лиц. Я хочу, чтобы им было как можно уютнее.

Я нарочно теребила Филиппа, раскачивая его вверх и вниз. Уж пусть лучше срыгнет излишек молока сейчас, чем во время поездки.

— Может, оставим колыбель здесь? — с надеждой спросил Мэтью.

— В машине предостаточно места, а малышам хотя бы раз нужно будет основательно поспать. И потом, я узнала из надежных источников, что эта машина — самое большое транспортное средство во всем Лимузене, не считая сенного фургона Клода Райнара.

Местное население прозвало Мэтью Гастоном Лагаффом, хотя водительские навыки моего мужа разительно отличались от растяпы Гастона из комиксов проплого века. Они добродушно подшучивали над его *grande guimbarde*¹, когда он ездил за хлебом и вклинивал свой «рейнджровер» между чьим-то маленьким «ситроеном» и еще более миниатюрным «рено».

Мэтью молча захлопнул багажник.

— Мэтью, хватит смотреть исподлобья! — заявила Сара, выходя из дому. — Твои дети вырастут, считая тебя медведем.

— Ты сегодня особенно красива, — сказала я тетке.

Сара нарядилась в темно-зеленый английский костюм и роскошную кремовую блузку, подчеркивающую ее рыжие волосы. Вид у нее был элегантный и праздничный.

— Агата мне сшила. Она свое дело знает. — Сара повернулась, показывая наряд со всех сторон. — Да, чуть не забыла. Звонила Изабо и просила передать Мэтью, чтобы не обращал внимания на машины, припаркованные вдоль обочины, и ехал прямо к дверям. Во дворе для него оставили местечко.

— Машины? Припаркованные вдоль обочины? — переспросила я, с ужасом глядя на Мэтью.

— Маркус подумал, что будет неплохо пригласить на крестины часть рыцарей, — невозмутимо ответил он.

¹ Большая колымага (фр.).

— Зачем? — простонала я.

У меня сдавило живот. Интуиция подсказывала: события пойдут не так, как я рассчитывала, и это лишь начало.

— На случай, если Конгрегация вздумает возражать против церемонии, — сказал Мэтью.

Его глаза были холодными и спокойными, как летнее море.

Никакие предупреждения Изабо не могли подготовить меня к восторженному приему, оказанному нам. Маркус преобразил Сет-Тур в Камелот. На холодном декабрьском ветру развевались флаги и знамена. Их яркие краски неплохо сочетались и с белым снегом, и с темными базальтовыми скалами. Над крышей квадратной башни трепетал фамильный серебристо-черный флаг де Клермонов с изображением уробороса. Выше, на том же флагштоке, ветер играл большим квадратным полотнищем другого флага с большой печатью ордена Рыцарей Лазаря. Флагшток увеличил высоту и без того высокой башни почти на тридцать футов.

— Если Конгрегация не знала о готовящихся торжествах, то теперь она наверняка в курсе, — сказала я, разглядывая плоды фантазий Маркуса.

— Дальнейшие попытки оставаться в тени бессмысленны, — ответил Мэтью. — Мы же собирались двигаться дальше. Вот сегодня и начнем. А это значит, что мы не будем скрывать правду от детей и прятать их от остального мира.

Я молча кивнула и взяла его за руку.

Двор был полон желающих поздравить нас. Мэтью ехал медленно, с предельной осторожностью, часто останавливаясь, поскольку кто-нибудь из его давних друзей хотел пожать ему руку и пожелать нам всех благ. Только один раз Мэтью резко нажал на тормоза. Это случилось, когда он увидел Криса Робертса с улыбкой во все лицо и серебряной кружкой в руке.

— Эй! — крикнул Крис, стуча кружкой по окошку. — Я хочу видеть свою крестную дочь. Покажите мне ее.

— Привет, Крис! Вот уж не думала, что ты приедешь, — сказала Сара, опуская стекло.

Крис нагнулся, и они поцеловались.

— Как рыцарь, я был просто обязан приехать, — пояснил Крис, улыбаясь еще шире.

— Да, мне говорили, — вспомнила Сара.

Я знала, что в орден принимали и людей. Мне сразу вспомнились Уолтер Рэли и Генри Перси. Но я никак не ожидала увидеть в числе рыцарей и своего лучшего друга.

— Вот так. В следующем семестре я велю студентам называть меня сэром Кристофером.

— Лучше сэром, чем святым Кристофером, — слышалось звонкое сопрано.

Поодаль, уперев руки в бока, стояла улыбающаяся Мириам. Ее скромный темно-синий блейзер был расстегнут. Футболка, надетая под ним, тоже была темно-синей, с надписью на груди: «НАУКА НАЧИНАЯ С 1543 ГОДА РАЗРУШАЕТ ВСЕ». Помимо надписи, на футболке красовались изображения единорога, небесного свода сообразно представлениям Аристотеля и контуры фрески Микеланджело из Сикстинской капеллы, где Бог протягивал руку Адаму. Каждое изображение перечеркивалось кривой красной чертой на манер запрещающего знака.

— Здравствуй, Мириам! — крикнула я и помахала ей.

— Припаркуйте машину. Мне не терпится увидеть ваших крошек! — потребовала она.

Мэтью подчинился, но, когда вокруг нас стала собираться толпа, заявил, что детей нужно поскорее унести с холодного двора. Он спешно ретировался на кухню, прикрываясь Филиппом, как щитом, и неся в другой руке упаковку подгузников.

— Сколько гостей здесь собралось? — спросила я Фернандо, вспоминая десятки машин, поставленных вдоль обочины.

— Не меньше сотни. Я пробовал считать, а потом бросил.

На кухне шли лихорадочные приготовления к пиру. Для этого Маркусу пришлось нанять дополнительных работников (все теплокровные). У меня на глазах в духовку отправился фаршированный гусь. Предварительно оттуда вытащили запеченного поросенка, которого оставалось сбрызнуть вином и украсить зеленью. От соблазнительных ароматов у меня потекли слюнки.

Незадолго до одиннадцати часов утра зазвонили колокола церкви в Сен-Люсьене. К этому времени мы с Сарой нарядили близнецов в одинаковые белые шелковые платица с кружевами и плащики, сшитые Мартой и Виктуар. Теперь они как две капли воды походили на малышей XVI века. Завернув их в теплые одеяла, мы спустились вниз.

Вот тогда-то празднества и начали принимать неожиданный оборот. Сара вместе с Изабо уселись в один из семейных внедорожников, а нас Маркус усадил в «рейнджровер». Мы пристегнулись ремнями, и Маркус повез нас не к церкви, а к развалинам храма богини в горах.

Я никак не думала, что там, под дубами и кишарисами, соберется внушительная толпа. Я узнала лишь несколько лиц, Мэтью — гораздо больше. В толпе я заметила Софи с Маргарет на руках. Рядом стоял Натаниэль. Там же была и Агага Уилсон. Она посмотрела на меня так, словно где-то уже видела, но не могла вспомнить где. Чуть поодаль я увидела Амиру и Хэмиша. Оба были несколько опеломлены этой церемонией. Однако сильнее всего меня удивили десятки незнакомых вампиров. Они смотрели на меня с холодным любопытством, но без признаков враждебности.

— Как это понимать? — спросила я, когда Мэтью открыл дверь.

— Мне подумалось, что всю церемонию стоит разделить на две части: языческую, которая пройдет здесь, и христианское крещение в церкви, — пояснил он. — Тогда и Эмили сможет принять участие в церемонии.

Предусмотрительность Мэтью и его стремление сохранять память об Эм так сильно действовали на меня, что на несколько минут я лишилась дара речи. Я знала, что ночами, пока я спала, Мэтью всегда строил планы и занимался какими-то делами. Однако я никак не думала, что в его почтовую работу входят и приготовления к крещению близнецов.

— Что-нибудь не так, топ соеиг? — спросил он, обеспокоенный моим молчанием. — Я хотел сделать тебе сюрприз.

— Это удивительно, — прошептала я, когда смогла говорить. — Представляю, как обрадовалась Сара.

Гости окружили древний алтарь, посвященный богине. Сара и мы с Мэтью встали внутри круга. Тетка предчувствовала, что я не вспомню ни одного слова из ритуала наречения, хотя этих ритуалов я видела достаточно, а в некоторых участвовала сама. Она была готова руководить церемонией, которая не отличалась пышностью, но являлась важным моментом в жизни каждой маленькой ведьмы или маленького колдуна. По сути, это было официальное принятие в общину. Однако смысл церемонии был шире, о чем Сара, конечно же, знала.

— Приветствую вас, друзья и члены семьи Дианы и Мэтью, — начала она. От холода и волнения ее щеки густо порозовели. — Сегодня мы собрались в этом месте, чтобы наречь их детей именами, которые дети понесут с собой в мир. У ведьм назвать кого-то по имени означает признать силу имени. Нарекая этих детей, мы оказываем почести богине, вверившей их нашим заботам, а также благодарим богиню за дары, которые она преподнесла малюткам.

Мы с Мэтью долго обсуждали число имен и порядок их расположения. Вампирская традиция предписывала давать пять имен, однако я воспротивилась и склонила мужа к четверем, что соответствовало четверем природным стихиям. Учитывая двойную фамилию, этого будет более чем достаточно. Первое имя каждому ребенку мы дали в честь их бабушки и дедушки. Второе поддерживало существовавшую у де Клермонов традицию давать имена архангелов. Это началось с Мэтью и распространялось на членов его семьи. Третье имя давалось опять-таки в честь другой бабушки или деда, а четвертое — в честь того или той, кто сыграл важную роль в протекании моей беременности и рождении близнецов.

Вплоть до этой минуты полные имена наших детей знали только мы с Мэтью и Сара.

Сара велела Мэтью повернуть Ребекку лицом к небу.

— Ребекка Ариэль Эмили Марта, — звонкий голос Сары разносился над развалинами древнего храма, — мы приветствуем твое появление в мире и принимаем тебя в наши сердца. Иди по жизни, зная, что все, кто здесь собрался, будут узнавать тебя по этому славному имени и свято чтить твою жизнь.

«Ребекка Ариэль Эмили Марта», — прошептали в ответ деревья и ветер. Я не единственная слышала их шепот. Глаза Амьры широко раскрылись, а Маргарет Уилсон радостно заверещала и замахала ручками.

Мэтью опустил Ребекку и с любовью взглянул на дочь, так похожую на него. В ответ Ребекка потянулась и крошечным пальчиком дотронулась до отцовского носа. От этого жеста единения у меня заколотилось сердце.

Наступил мой черед. Я подняла Филиппа к небу, посвящая его богине, а также стихиям огня, воздуха, земли и воды.

— Филипп Михаил Аддисон Сорли, — продолжала Сара, — мы приветствуем и твое появление в мире и принимаем тебя в наши сердца. Иди по жизни, зная, что все, кто здесь собрался, будут узнавать тебя по этому славному имени и свято чтить твою жизнь.

Услышав последнее имя Филиппа, вампиры стали переглядываться, ища в толпе Галлогласа. Аддисон было вторым именем моего отца, а Сорли принадлежало отсутствующему шотландцу. Жаль, что он сейчас не слышал, как среди деревьев эхо повторяет его имя.

— Так пусть же Ребекка и Филипп с гордостью носят свои имена, пусть вырастают, чтобы исполнить все, что судьба определила им на жизненном пути, и пусть верят: они найдут поддержку и защиту у тех, кто собственными глазами видел, сколь любимы они своими родителями, — закончила ритуал Сара.

В ее глазах блеснули слезы. Я не видела никого, чьи глаза остались бы сухими, а лица — равнодушными. Трудно сказать, кто был сильнее всех взволнован церемонией. Но даже наша дочь, привыкшая подавать голос везде и всюду, была зачарована происходящим и задумчиво посасывала нижнюю губу.

От алтаря богини мы отправились в церковь. Вампиры шли пешком, быстро спускаясь вниз по склону. Остальные погрузились во внедорожники и машины с полным приводом. Мэтью самодовольно хмыкал и беззастенчиво хвалил собственную мудрость в выборе автомобилей.

Возле церкви к гостям присоединились жители деревни. Как и несколько веков назад, в день нашего венчания, священник ожидал нас у церковных дверей вместе с крестными родителями.

— Неужели все католические обряды совершаются на открытом воздухе? — спросила я, плотнее укутывая Филиппа в одеяло.

— Не все, но немалая часть, — ответил Фернандо. — Я никогда этого не понимал, но раз я неверующий, мне и не надо понимать.

— Тише ты! — шикнул на него Маркус, внимательно наблюдая за священником. — Отец Антуан придерживается широких экуменических взглядов и согласился закрыть глаза там, где его коллеги принялись бы изгонять нечистую силу. Однако не стоит злоупотреблять его экуменизмом. Кстати, все знают слова обряда?

— Я знаю, — ответил Джек.

— Я тоже, — добавила Мириам.

— Прекрасно. Тогда Джек возьмет Филиппа, а Мириам — Ребекку. Вы оба будете говорить. Остальные будут слушать с вниманием и кивать, когда это окажется уместным, — с неизменным добродушием заключил Маркус. — Он повернулся к священнику и подал знак. — *Nous sommes prêts, Père Antoine!*¹

Мэтью взял меня за руку и повел внутрь.

— Они не подведут? — шепотом спросила я.

Среди крестных родителей был лишь один католик, сопровождаемый испанским евреем, обращенным в христианство, баптистом, двумя пресвитерианцами и одним англиканцем. Далее следовали три ведьмы, демон и три вампира с неизвестными религиозными предпочтениями.

— Здесь дом молитвы. Я горячо просил Бога следить за нами, — ответил Мэтью, когда мы заняли места возле алтаря. — Надеюсь, Он внемлет моим словам.

Однако ни нам, ни Богу было не о чем волноваться. Джек и Мириам на прекрасной латыни ответили на вопросы священника об их вере и состоянии младенческих душ. Филипп фыркнул, когда священник подул ему на личико, отгоняя злых духов, и отчаянно сопротивлялся крупинке соли, положенной в рот. Ребекку больше интересовали длинные локоны Мириам, один из которых она зажала в кулачке.

Остальные крестные родители были весьма колоритны. Фернандо, Маркус, Крис, Марта и Сара, заменившая Вивьен Харрисон, которая не смогла приехать, вместе с Мириам участвовали в крещении Ребекки. Джек, а также Хэмиш, Фиби, Софи, Амира и Изабо, представлявшая здесь своего отсутствующего внука Галлогласа, обещали заботиться о Филиппе и направлять его на жизненном пути. Слушая, как священник произносит слова древнего ритуала, даже язычница вроде меня ощущала: что бы ни случилось, эти дети получат заботу и защиту.

Церемония крещения близилась к концу. Мэтью заметно успокоился. Отец Антуан попросил нас подойти и взять Ребекку и Филиппа у крестных родителей. Мы впервые увидели прихожан. Из рядов послышались приветственные крики.

¹ Мы готовы, отец Антуан! (*фр.*)

— Вот и конец завету! — громко произнес незнакомый мне вампир.

— Верно, верно, Рассел, — ответили ему другие.

Снова зазвонили колокола. Моя улыбка переросла в смех. Это были мгновения общей радости, искреннего счастья.

И, как уже не раз бывало, судьба погасила радостное настроение, напомнив о других сторонах жизни.

Южная дверь распахнулась. В зал ворвался холодной ветер. Вошедший стоял против света, и я видела лишь его силуэт. Я прищурилась, пытаясь рассмотреть его лицо. Все вампиры, находившиеся в церкви, вдруг исчезли и тут же вновь появились в нефе, преграждая путь к алтарю.

Я встала рядом с Мэтью и еще крепче прижала к себе Ребекку. Колокола смолкли, но эхо, сопровождавшее их звон, продолжало звучать.

— Прими мои поздравления, сестра, — послышался низкий голос Болдуина. — Я приехал, чтобы принять твоих детей в семью де Клермон.

Мэтью выпрямился во весь рост. Не оглядываясь назад, он передал Филиппа Джеку и стремительно зашагал по проходу к брату.

— Наши дети не являются де Клермонами, — холодно сказал Мэтью, подавая Болдуину сложенный лист бумаги. — Они принадлежат мне.

Глава 33

Все вампиры, демоны и ведьмы, собравшиеся в зале, шумно вздохнули. Изабо подала знак отцу Антуану, и тот быстро выпроводил из церкви жителей деревни. Потом она и Фернандо заняли оборонительную позицию по обе стороны от меня и Джека.

— Неужели ты ждешь, что я признаю порочное, большое ответвление этой семьи, благословлю его и отнесусь к нему с уважением? — спросил Болдуин, сминая в кулаке поданный лист.

У Джека от такого оскорбления потемнели глаза.

— Мэтью доверил тебе Филиппа. Ты отвечаешь за своего крестника, — напомнила Джеку Изабо. — Не позволяй словам Болдуина заслонить повеления твоего сира.

Джек шумно, прерывисто втянул в себя воздух и кивнул. Филипп загалкал, требуя внимания крестного отца, получив которое ответил озабоченно нахмуренным лобиком. Когда Джек вновь поднял голову, его глаза вернулись к нормальному состоянию.

— Знаешь, дядя Болдуин, твое поведение что-то не кажется мне дружеским, — спокойно произнес Маркус. — О семейных делах можно поговорить и после пира. Несколько часов роли не играют.

— Нет, Маркус. Мы обсудим их здесь и сейчас, чтобы потом уже к ним не возвращаться, — возразил сыну Мэтью.

Генриху VIII придворные сообщили о неверности жены в церкви, чтобы король горяча не убил вестника. Схожим образом действовал и Мэтью, считая, что Болдуин не решится убивать его при свидетелях.

Но когда Мэтью через мгновение оказался у Болдуина за спиной, я поняла, что он вознамерился защитить брата. Подобно Генриху, Мэтью не посмел бы пролить кровь в святом месте.

Впрочем, это намерение не свидетельствовало о безграничном милосердии моего мужа. Он заключил Болдуина в отпуюдь не братские объятия, крепко ухватив того левой рукой за шею. Помимо этого замка, правая рука Мэтью вцепилась Болдуину в лопатку, готовая сломать ее пополам. Лицо Мэтью оставалось бесстрастным, цвет глаз свидетельствовал о контролируемом бешенстве.

— Вот потому-то и нельзя ни в коем случае допускать, чтобы Мэтью Клермон оказался у тебя за спиной, — вполголоса сказал один вампир другому.

— Скоро Болдуина скрючит, как в аду, — ответил его приятель. — Если только еще раньше он не рухнет без сознания.

Я молча передала Ребекку Мириам. Мои руки буквально зудели от магической силы. Я прятала их в кармане пальто. Серебряное древко стрелы тяжело давило на спину. Корра возбужденно трепыхалась, готовая вырваться наружу. После Нью-Хейвена она наравне со мной потеряла доверие к Болдуину.

Между тем Болдуин в схватке с Мэтью одерживал верх. Во всяком случае, так мне казалось. Я хотела предостеречь Мэтью, но не успела. Вскоре я поняла: уступка Мэтью была лишь хитрым трюком, чтобы Болдуин изменил положение тела. Едва это произошло, Мэтью, используя тяжесть тела брата, с силой лягнул его в плечо, заставив опуститься на колени. Из горла Болдуина вырвалось сдавленное ругательство.

Это служило зримым напоминанием: пусть Болдуин и был крупнее, роль палача в семье исполнял все-таки Мэтью.

— А теперь, сир, — Мэтью чуть приподнял подбородок Болдуина, одновременно сильнее надавив брату на шею, — я буду очень признателен, если ты пересмотришь свой ответ на мою уважительную просьбу о создании отвствления семьи де Клермон.

— Никогда, — прохрипел Болдуин, у которого от нехватки кислорода посинели губы.

— Как говорит моя жена, ко всему, что связано с кланом Бишопов-Клермонов, слово «никогда» неприменимо. — Мэтью нажал еще сильнее, и у Болдуина начали закатываться глаза. — Я не собираюсь доводить тебя до обморока, а тем более убивать. Ведь если ты упадешь в обморок или умрешь, то не сможешь согласиться на мое предложение. И потому, если ты намерен и дальше говорить «нет», твое нынешнее состояние растянется на несколько часов.

— Отпусти... меня...

Каждое слово давалось Болдуину с трудом. Мэтью специально позволил ему сделать короткий шумный вдох. Этого хватало, чтобы вампир не потерял сознание, но не позволяло восстановить силы.

— Это я тебя прошу: отпусти *меня*, Болдуин. После стольких лет я хочу быть кем-то бóльшим, нежели паршивой овцой семьи де Клермон, — тихо сказал Мэтью.

— Нет, — просипел Болдуин.

Мэтью передвинул руку так, чтобы брату было легче произносить слова. Однако синюшный оттенок не исчез с губ Болдуина. Мой муж предусмотрительно надавил ботинком на лодыжку брата, чтобы тот, получая дополнительные порции кислорода, не вздумал бы вывернуться. Болдуин взвыл.

— Отвези Ребекку и Филиппа в Сет-Тур, — попросила я Мириам, засучивая рукава.

Не хотелось, чтобы дети видели отца в таком состоянии. Да и мать тоже, когда она применит магию против их дядюшки. Вокруг моих ног зашуршал ветер, превращая кучки пыли на церковном полу в миниатюрные торнадо. Залясало пламя свечей в канделябрах, готовое подчиниться мне. Загузырилась вода в кувели.

— Болдуин, отпусти меня и мой клан, — сказал Мэтью. — Мы тебе больше не нужны.

— Ты... можешь... понадобиться. Мой... палач... как-никак, — ответил Болдуин.

Пространство церкви взорвалось удивленными восклицаниями. В рядах перешептывались. Еще бы: неожиданно открылась семейная тайна де Клермонов, хотя я не сомневалась, что кое-кто и раньше знал о роли Мэтью в семье.

— Займись-ка сам этой грязной работой. Для разнообразия, — предложил Мэтью. — Бог свидетель, ты не хуже моего умеешь убивать.

— Ты... иной... Близнецы... бешенство крови... и у них тоже? — выплеснул Болдуин.

Гости умолкли.

— Бешенство крови? — переспросил вампир, в чьем голосе звучал легкий, но заметный ирландский акцент. — Мэтью, о чем он говорит?

Вампиры в церкви тревожно переглядывались. В рядах снова зашептались. Принимая приглашение Маркуса, они ни сном ни

духом не подозревали о бешенстве крови. Одно дело — сражаться с Конгрегацией и защищать детей ведьмы и вампира. И совсем другое — болезнь, способная превратить тебя в кровожадное чудовище.

— Болдуин сказал правду, Джайлс. Моя кровь заражена, — ответил Мэтью.

Наши глаза встретились. Его зрачки были слегка расширены. «Уходи, пока еще возможно», — молча требовали глаза Мэтью.

Но на этот раз Мэтью не будет сражаться один. Я протолкнулась между Изабо и Фернандо, направляясь мужу на подмогу.

— Это значит, что Маркус... — Джайлс умолк, его глаза прищурились. — Мы не можем позволить, чтобы орден Рыцарей Лазаря возглавлял страдающий бешенством крови. Такое просто невозможно.

— Джайлс, не будь таким непроходимым тупицей, — сказал его сосед-вампир, судя по акценту явно британец. — Мэтью уже был великим магистром ордена, и его болезнь никак не сказывалась на его правлении. Насколько помню, Мэтью был замечательным командиром и выводил братство из многих опасных ситуаций. Пусть Маркус — бунтарь и мятежник, но и у него есть прекрасные задатки.

Вампир улыбнулся и кивнул Мэтью. То и другое было вполне уважительным.

— Благодарю, Рассел, — сказал Мэтью. — В твоих устах это вообще звучит комплиментом.

— Маркус, покорнейше прошу меня простить за оговорку о братстве. — Джайлс подмигнул Маркусу. — Я хоть и не врач, но вполне верю, что Мэтью вот-вот отправит Болдуина в обморок.

Мэтью слегка передвинул руку. Зрачки Болдуина вернулись в нормальное положение.

— Отец вполне контролирует свое бешенство крови. У нас нет причин действовать под давлением страха и суеверий, — сказал Маркус, обращаясь ко всем. — Орден Рыцарей Лазаря создавался для защиты слабых. Каждый член ордена поклялся защищать своих братьев и сестер, не щадя собственной жизни. Излишне напоминать собравшимся, что Мэтью является рыцарем. А с этого момента рыцарями являются и его дети.

Я поняла, почему Ребекку и Филиппа так рано посвятили в рыцари.

— Я хочу услышать твой ответ, дядя. — Маркус прошел туда, где Мэтью удерживал Болдуина. — Ты остаешься рыцарем? Или на старости лет поддался трусости?

Болдуин побагровел, и отнюдь не из-за нехватки кислорода.

— Осторожнее, Маркус! — предостерег Мэтью. — Рано или поздно мне придется его отпустить.

— Рыцарем, — прохрипел Болдуин, с ненавистью глядя на Маркуса.

— Тогда и води себя как рыцарь, и относись к моему отцу с уважением, которого он заслуживает. — Маркус оглядел собравшихся. — Мэтью и Диана хотят создать собственный клан, и, когда они это сделают, Рыцари Лазаря их поддержат. Всякий, кто возражает, волен официально оспорить мое главенство. В противном случае вопрос обсуждаться не будет.

В церкви установилась абсолютная тишина.

На губах Мэтью появилась улыбка.

— Не спеши меня благодарить, — сказал Маркус. — Наше сражение с Конгрегацией пока не закончено.

— Занятие явно не из приятных, но вполне осуществимое, — сухо произнес Рассел. — Мэтью, отпусти Болдуина. Твой брат никогда не отличался проворством. Слева от тебя стоит Оливер. У него давно руки чешутся проучить Болдуина. С тех самых пор, как тот разбил сердце его дочери.

Кое-то из гостей усмехнулся. Ветер мнений изменил направление и задул в нашу сторону.

Мэтью неторопливо откликнулся на предложение Рассела. Правда, от брата не отошел ни на шаг и защитить меня не пытался. Болдуин еще несколько секунд провел на коленях, затем встал. И в то же мгновение Мэтью сам опустился на колени.

— Сир, я всецело тебе доверяю, — сказал Мэтью, склоняя голову. — И в ответ прошу твоего доверия. Ни я, ни мой клан никогда не опозорят семью де Клермон.

— Мэтью, ты же знаешь. Я не могу, — ответил Болдуин. — Вампир, страдающий бешенством крови, не способен владеть собой. Или способен лишь отчасти.

Глаза Болдуина скользнули по Джеку, однако сейчас он думал о Бенжамене и Мэтью.

— А если найдется вампир, способный на это? — спросила я.

— Диана, сейчас не время для прекраснодушных мечтаний. Насколько я знаю, вы с Мэтью до сих пор надеетесь на лекарство, но...

— Филипп клятвенно признал меня своей дочерью. И если я, как его дочь, дам тебе слово, что все потомство Мэтью, страдающее бешепством крови, будет поставлено под контроль, ты признаешь моего мужа главой нового клана?

Я находилась в нескольких дюймах от Болдуина. Магическая сила во мне напряженно гудела. Судя по любопытным взглядам собравшихся, я чувствовала, что лишилась маскирующего заклинания. Оно попросту сгорело.

— Ты не можешь этого обещать, — заявил Болдуин.

— Диана, не надо... — начал было Мэтью, но мой взгляд заставил его умолкнуть.

— Могу и обещаю. Нам незачем ждать, пока наука найдет решение. Магическое решение уже существует. Если кого-то из клана Мэтью бешенство крови подтолкнет к опасным действиям, я мигом наложу на такого вампира заклятие, — пообещала я. — Ты согласен?

Мэтью был явно шокирован моими словами. Я это видела по его глазам. Еще бы! В прошлом году я твердо держалась убеждения, что наука выше магии.

— Нет, — качая головой, отрезал Болдуин. — Твоего слова недостаточно. Тебе придется это доказать, а нам — подождать и убедиться, действительно ли твоя ведьмина магия столь эффективна.

— Прекрасно, — мигом отозвалась я. — Наша проверка начнется прямо сейчас.

Болдуин прищурился. Мэтью посмотрел на брата и сказал:

— Королева сдерживает короля.

— Не забегай вперед, братец. — Болдуин поднял Мэтью на ноги. — Наша игра еще далеко не закончена.

— Это оставили в кабинете отца Антуана, — сказал Фернандо. Была поздняя ночь, и даже самые стойкие гости давно уже спали. — Кто — неизвестно. Когда — тоже. Свидетелей не было.

Мэтью посмотрел на прозрачный контейнер с заспиртованным человеческим плодом. Это была девочка.

— Он еще безумнее, чем я думал, — пробормотал Болдуин.

Вид у брата Мэтью был бледным, и не только из-за случившегося в церкви.

Мэтью перечитал записку:

— «Поздравляю с рождением детей. Захотелось отправить тебе мою дочь, поскольку вскоре я завладею твоей. Твой сын».

— Кто-то сообщает Бенжамену о каждом твоём шаге, — сказал Болдуин.

— Весь вопрос: кто? Нельзя допустить, чтобы Ребекка или Диана оказались у него в руках, — заявил Фернандо, дотрагиваясь до плеча Мэтью.

Перспектива была настолько ужасающей, что Мэтью мог лишь кивнуть.

Вопреки заверениям Фернандо Мэтью знал: покой для него наступит не раньше, чем Бенжамен будет мертв.

После драматических событий, сопровождавших крещение, остальные зимние праздники прошли по-семейному тихо и спокойно. Гости разъехались, но осталась увеличившаяся семья Уилсон. Агате Уилсон захотелось побыть в Сет-Туре подольше, чтобы увидеть потрясающе веселую неразбериху. Крис и Мириам вернулись в Йельский университет, но-прежнему горя стремлением исследовать бешенство крови и искать лекарство от страшного недуга. Болдуин без промедлений отправился в Венецию, намереваясь в той или иной мере управлять реакцией Конгрегации на любые новости, просачивающиеся из Франции.

Мэтью целиком погрузился в приготовления к Рождеству, стремясь рассеять остатки тягостного настроения, еще остававшегося после крещения близнецов. Из леса, стоявшего по другую сторону рва, он притащил громадную ель, поставил в большом зале и украсил гирляндой белых огоньков, которые мерцали совсем как светлячки в траве.

В память о святочных украшениях Филиппа из серебристой и золотистой бумаги мы вырезали полумесяцы и звезды. Потом с помощью заклинания я соединила их. Другое заклинание подняло их в воздух и перенесло прямо на ветви елки. Там наши скромные украшения вспыхивали и мерцали, ловя отсветы очага.

В сочельник Мэтью отправился на мессу в Сен-Люсьен. Они с Джеком были единственными прихожанами-вампирами, чье присутствие отец Антуан воспринимал благосклонно. После кре-

щения близнецов он по вполне понятным причинам хотел видеть на церковных скамьях как можно меньше существ нечеловеческой природы.

Когда Мэтью вернулся, отряхивая снег с сапог, наши сытые дети уже спали. Я сидела в большом зале у огня, приготовив бутылку его любимого вина и две рюмки. Маркус уверял меня, что рюмочка-другая вина ничуть не повредит малышам, если кормить их не раньше чем через пару часов после этого.

— Покой, совершенный покой, — сказал Мэтью, поднимая голову к монитору, показывавшему спящих малышей.

— Тихая ночь, дивная ночь, — улыбнулась я и потянулась, чтобы выключить монитор.

Подобно манжетам, измеряющим давление, и всевозможным пультам дистанционного управления, это оборудование не являлось обязательным в вампирском доме.

Пока я нажимала кнопки, Мэтью ухватил меня сзади. Недели разлуки и противостояние Болдуину притушили игривую сторону наших отношений.

— У тебя нос как сосулька, — засмеялась я, когда Мэтью провсел им по моей теплой шее. — И руки не теплее.

— А зачем я, по-твоему, взял себе в жены теплокровную?

Его ледяные пальцы уже путешествовали у меня под свитером.

— Не проще было бы обзавестись грелкой? Налил туда горячей воды — и никаких хлопот? — поддразнила мужа я.

Пальцы Мэтью нашли искомое. Я выгнула спину.

— Возможно, — ответил Мэтью, награждая меня поцелуем. — Но грелка не доставит столько удовольствия.

Мы забыли про вино и про время... пока до полуночи остались даже не считанные минуты, а считанные удары сердца. Когда зазвонили колокола близлежащих церквей в Дурназак и Шалю, отмечая очередную годовщину давнего события в далеком Вифлееме, Мэтью замер. Он вслушивался в звуки колоколов, где торжественность удивительным образом сочеталась с жизнерадостью.

— О чем ты думаешь? — спросила я, когда колокола затихли.

— Вспоминаю празднование сатурналий в моем детстве. Христиан в деревне тогда было немного: мои родители да еще несколько семей. В последний день праздника — двадцать третьего

декабря — Филипп обходил каждый дом, не делая различий между язычниками и христианами. Он спрашивал у детей, что бы они хотели получить на Новый год. — Улыбка Мэтью сделалась грустной. — А проснувшись на следующее утро, мы убеждались, что наши желания исполнились.

— Это очень похоже на твоего отца, — вздохнула я. — И что ты у него просил?

— Обычно побольше еды, — засмеялся Мэтью. — Я мог съесть сколько угодно, и все куда-то проваливалось. Как говорила моя мать, «не в коня корм». А однажды я попросил меч. Все мальчишки в деревне боготворили Хью и Болдуина. Нам всем хотелось быть похожими на них. Насколько помню, меч я получил, но деревянный. Я успел несколько раз им взмахнуть, и он сломался.

— А что ты хочешь сейчас? — шепотом спросила я, целуя его глаза, щеки и рот.

— Сейчас я больше всего хочу стариться вместе с тобой, — ответил Мэтью.

Наши приехали сами, избавив нас от необходимости снова укутывать Ребекку и Филиппа для получасовой дороги. Перемены в обычном распорядке подсказали малышам, что день сегодня особенный. Дети пожелали быть частью приготовлений к торжеству. Утихомирить их можно было только единственным способом — взять с собой на кухню. Там я наспех соорудила волшебную конструкцию из летающих фруктов, переключив детское внимание на нее. Я помогала Марте готовить угощение, которое в одинаковой мере должно было понравиться вампирам и теплокровным.

За Мэтью приходилось следить не меньше, чем за детьми. Он без конца прикладывался к ореховому десерту, который я приготовила, вспомнив рецепт Эм. Если угощение доживет до начала семейной трапезы, это будет настоящим рождественским чудом.

— Ну еще малюсенький кусочек, — кашючил Мэтью, обнимая меня за талию.

— Ты уже слопал целых полфунта. Оставь Маркусу и Джеку.

Я не знала, бывает ли у вампиров «сахарный кайф», но проверять как-то не хотелось.

— Тебе по-прежнему нравится мой рождественский подарок? — спросила я.

Я ломала голову над подарком мужчине, который после рождения детей получил все, о чем мечтал. Но когда Мэтью признался в желании стариться вместе со мной, я сразу поняла, какой подарок сделаю ему.

— Я в полном восторге, — ответил муж, трогая седые прядки на висках.

— Ты всегда говорил, что от меня ты поседеешь, — улыбнулась я.

— Раньше я считал такое просто невозможным. Но оказалось, что impossible n'est pas Diana¹, — сказал он, переиначивая слова Изабо.

Мэтью все-таки стащил еще кусочек орехового десерта и ретировался к малышам.

— Привет, моя красавица, — обратился он к Ребекке.

Та в ответ заворковала. У них с Филиппом появился довольно сложный язык, состоящий из воркований, ворчаний, сопений и прочих звуков. Мы с Мэтью усиленно пытались научиться им подражать.

— Эти звуки явно показывают, что наша дочь счастлива, — сказала я, запихивая в духовку противень с печеньем.

Ребекка обожала отца. Особенно когда он пел. А вот Филипп не находил пение столь привлекательным.

— А ты тоже счастлив, мой маленький мужчина?

Мэтью подхватил сына с креслица-качалки, едва не столкнувшись с летающим бананом. Банан я добавила в общую конструкцию самым последним. Словно ярко-желтая комета, он проходил сквозь орбиты других фруктов.

— Как же тебе повезло с мамой. Не у каждого мальчишки есть мама, владеющая магией.

Подобно большинству малышей в этом возрасте, Филипп зачарованно следил за движущимися предметами. В воздухе неподвижно висел грейпфрут, вокруг которого, как планеты, вращались апельсин и лайм.

— Вряд ли он всегда будет думать, что мамочка-ведьма — это здорово, — сказала я и пошла к холодильнику за овощами для запеканки.

¹ Для Дианы невозможного не существует (фр.).

Закрыв дверцу, я обнаружила возле холодильника Мэтью и, естественно, подпрыгнула от неожиданности.

— Ты бы хоть издавал какие-нибудь звуки, чтобы я знала о твоём перемещении, — посетовала я, прижимая руку к колотящемуся сердцу.

Плотно сжатые губы Мэтью подсказывали, что он ждал другой реакции.

— Филипп, ты видишь эту женщину? — Он указал на меня, и Филипп повернул свою головку в мою сторону. — Она блестящий историк и могущественная ведьма, хотя в этом признаваться не любит. Судьба сделала тебе величайший подарок: ты можешь звать ее Маман. Это значит, что тыходишь в число немногих, кто будет знать самую главную тайну нашей семьи.

Мэтью притянул Филиппа ближе и что-то прошептал ему на ухо. Малыш посмотрел на отца и улыбнулся. Осмысленная улыбка у наших детей появилась совсем недавно, однако выражение особого счастья на их личиках я уже видела. Оно напоминало свет, медленно озаряющий их изнутри.

Филипп унаследовал мои волосы, но его улыбка была отцовской.

— Совершенно верно.

Мэтью остался доволен сыновним одобрением и вернул Филиппа в кресло-качалку. Но Ребекке не понравились эти мальчишечьи секреты, и она хмуро посмотрела на отца. Пришлось Мэтью сообщить тайну и ей, а затем дунуть на летающую малинину, направив ягоду на дочкин животик. У Ребекки округлились глазки и ротик. Казалось, слова отца произвели на нее впечатление, хотя я подозревала, что сочная малинина сыграла здесь не последнюю роль.

— Что за чепуху ты нашептывал нашим детям? — спросила я, вонзая в картофелину картофелечистку.

Мэтью забрал у меня то и другое.

— Это не чепуха, — спокойно возразил он.

Через три секунды картофелина была полностью очищенной. Мэтью потянулся за другой.

— Расскажи.

— Подойди ближе, — сказал он, подзывая меня зажатой в руке картофелечисткой. — (Я сделала пару шагов.) — Еще ближе.

Когда я встала рядом, Мэтью почти вплотную наклонился к моему лицу.

— Слушай главную тайну. Пусть я и глава семьи Бишоп-Клермон, ты ее сердце, — прошептал он. — И мы вдвоем пришли к полному согласию, что сердце важнее.

Мэтью не впервые видел коробку, где была собрана переписка между Филиппом и Годфри.

Только отчаяние могло заставить его открыть эту коробку. Взяв наугад первое из лежащих писем, он начал читать.

Мой высокочтимый сир и отец!

Как ты и приказывал, наиболее опасные из числа Шестнадцати были казнены в Париже. Поскольку Мэтью отсутствовал и никак не мог осуществить казни собственноручно, Майенн охотно взялся мне помочь. Он благодарил тебя за помощь в деле семейства Гонзага. Нынче, почувствовав себя в безопасности, герцог решил играть с обеими сторонами, одновременно ведя переговоры с Генрихом Наваррским и Филиппом Испанским. Но как ты любишь повторять, ум еще не означает мудрость.

Пока в письме не было ничего, кроме обсуждения тогдашних политических ухищрений Филиппа. Мэтью все же заставил себя читать дальше.

Теперь о других делах... Я нашел того, кого евреи называют Биньямином бен Габриелем, кто известен императору как Бенжамен Фукс и кто сам себя предпочитает именовать Бенжаменом Благословенным. Твои опасения подтвердились. Он находится на востоке, перемещаясь между двором императора Рудольфа, замками Батори, Дракулы и дворцом его императорского величества в Константинополе. До моих ушей не раз долетали тревожные слухи об отношениях Бенжамена и графини Эржебет. Если эти слухи будут распространяться и дальше, последует вмешательство Конгрегации, которое окажется губительным для семьи и тех, кто нам дорог.

Срок пребывания Мэтью в Конгрегации близится к концу, ибо он почти выслужил свои пятьдесят лет. Если ты не желаешь вмешивать его в дело, которое самым прямым образом связано с ним и его родословной, умоляю тебя заняться этим лично или незамедлительно отправить в Венгрию того, кому ты всецело доверяешь.

Помимо рассказов об излишествах графини Эржебет и произведенных ею убийствах, пражские евреи схожим образом говорят

о неслыханном ужасе, охватившем их квартал, когда Бенжамен пригрозил убить их любимого рабби и одного колдуна из Хелма. Нынче Прага полна невообразимых известий о некоем заколдованном существе, сделанном из глины. Существо это бродит по улицам и оберегает евреев от тех, кто был бы не прочь попировать на их крови. По словам евреев, Бенжамен разыскивает и другую ведьму, англичанку. Они утверждают, что в последний раз видели ее в обществе сына Изабо. Такого просто не может быть, поскольку Мэтью сейчас в Англии и он бы ни за что не опустился до общения с ведьмой.

Мэтью с шипением выдохнул ртом воздух и стал читать дальше.

Возможно, они со страху перепутали английскую ведьму с английским демоном Эдвардом Келли, которого Бенжамен посещал в императорском дворце. Было это в мае. Согласно твоему другу Йорису Хуфнагелю, несколькими неделями позже Келли был отдан Бенжамену под надзор. Это случилось после того, как демона обвинили в убийстве одного из императорских слуг. Бенжамен заточил Келли в замок Кришвоклат, откуда тот попытался бежать и едва не погиб.

Отец, я должен поделиться с тобой и другими добытыми сведениями. Делаю это с крайней неохотой, ибо сведения могут оказаться порождением фантазий и страха. Мои осведомители доносят, что в Венгрии у графини и Бенжамена побывал Герберт. Ведьмы города Пожонь¹ подали официальную жалобу Конгрегации на троих упомянутых нечестивцев, которые захватывали и пытали городских ведьм. Одной ведьме удалось бежать. Вот слова, произнесенные ею перед смертью: «Они ищут внутри нас Книгу Жизни».

Мэтью вспомнилась ужасающая фотография убитых родителей Дианы с расплосованными телами.

Упомянутые темные дела подвергают семью изрядной опасности. Герберт успел зачаровать Бенжамена магической силой, доступной ведьмам. Этому надо положить конец. Сына Мэтью нужно не только разлучить с Эржебет Батори, но и держать как

¹ Старое венгерское название Братиславы.

можно дальше от графини, иначе тайна твоей истинной пары окажется раскрытой. А еще мы должны полностью отбить у ведьм охоту продолжать поиски Книги Жизни. Ты обязательно найдешь наилучший способ достичь этих целей: действуя сам или призвав на помощь братство.

Остаюсь твоим смиренным слугой и вручаю твою душу Богу в надежде, что Он позаботится о благополучии нас обоих, дабы мы смогли свидеться и поговорить об упомянутых делах свободнее, нежели нам позволяют нынешние обстоятельства.

Твой любящий сын Годфри.

*Написано в стенах братства в Париже
и отправлено декабря 20-го дня 1591 года*

Мэтью аккуратно сложил письмо.

По крайней мере, теперь у него появилась идея, где вести поиски. Он отправится в Центральную Европу и сам займется поисками Бенжамена.

Но сначала нужно рассказать Диане о том, что он узнал. Он и так скрывал от нее, насколько возможно, новости о Бенжамене. Дальше скрывать нельзя.

Первое Рождество в жизни наших малышей оказалось на редкость ярким и праздничным. Восемь вампиров, две ведьмы, одна кандидатка в вампириши и трое собак не давали им скучать.

Мэтью с гордостью показывал всем полдюжины седых пряжек, которые я с помощью заклинаний подарила ему на Рождество, и радостно сообщал, что каждый год к ним будут прибавляться новые. Я попросила в подарок и получила тостер на шесть ломтиков хлеба, а также изумительно красивую старинную перьевую ручку, инкрустированную серебром и перламутром. Изабо раскритиковала эти подарки, сочтя их недостаточно романтичными для пары, которая недавно поженилась. Но мне не требовались новые драгоценности. Я не хотела ни путешествовать, ни наряжаться. Меня полностью устраивал тостер.

Фиби долго убеждала всю семью думать о подарках, изготовленных собственными руками или переданных по наследству. Добавлю, что речь шла не о каких-то безделушках, а о венцах, имеющих значимость и практическую ценность. Джек нарисовал свитер, который для него связала Марта. Изабо подарила ему запон-

ки, некогда принадлежавшие Филиппу. В ушах Фиби сверкали изумруды. Я было подумала, что их подарил ей Маркус. Но Фиби почему-то отчаянно покраснела и торопливо пояснила: Маркус подарил ей нечто сделанное своими руками. По соображениям безопасности она оставила подарок жениха в Сет-Туре. Видя ее пылающие щеки, я решила не углубляться в расспросы. Сара и Изабо обрадовались одинаковым фотоальбомам, где был подробно запечатлен первый месяц жизни близнецов.

А затем появились пони.

— Филипп и Ребекка, конечно же, должны ездить верхом, — заявила Изабо таким тоном, словно это было само собой разумеющимся.

Под ее пристальным взглядом конюх Жорж открыл двери трейлера и вывел двух лошадок.

— Дети с ранних лет будут видеть лошадей и привыкнут к ним раньше, чем усядутся в седло.

Похоже, у меня со свекровью имелись расхождения насчет того, как скоро может настать сей благословенный день.

— Эта порода называется пасо фино, — продолжала Изабо. — Андалузская порода великовата для новичков. Фиби призывала нас дарить вещи, переходящие по наследству, но я никогда не была рабыней принципа.

Жорж вывел из трейлера третью лошадь. Это была уже знакомая мне Ракаса.

— Диана просила пони с тех пор, как научилась говорить. Наконец ее мечта осуществилась, — сказала Сара.

Ракаса подошла к моей тетке и репнула обследовать ее карманы: не найдется ли там чего-нибудь вкусенького вроде яблока или мятных леденцов. Сара испуганно отпрыгнула:

— У лошадей такие крупные зубы!

— Возможно, Диана сумеет научить это норовистое животное хорошим манерам. Мне не удалось, — призналась Изабо.

— Дайте-ка ее мне, — попросил Джек, берясь за поводья.

Ракаса с покорностью овечки пошла за ним.

— А я думала, ты типично городской парень! — крикнула ему вслед Сара.

— Моей первой работой... я говорю о первой достойной работе... было управляться с лошадьми джентльменов, на которых они приезжали в «Кардинальскую шапку», — ответил Джек. — Ты за-

бываешь, бабуля Сара, что тогдашние города были полны лошадей. Да и свиней хватало. И их де...

— Где животные, там и продукты их жизнедеятельности, — поспешил вклиниться Маркус.

Юный пасо фино, которого он держал под уздцы, успел подтвердить его слова.

— Дорогая, ты возьмешь второго?

Фиби кивнула. Чувствовалось, она не впервые стояла рядом с лошадью. Вслед за Джеком она и Маркус повели лошадок в конюшню.

— Помните кобылку Розиту? — спросила Изабо. — Шустрая лошадка. Сама себя назначила главной в нашем табуне. Я хотела привезти сюда и Бальгазара, но, поскольку он пылает нежностью к Розите, пока оставила в Сет-Туре.

Мне казалось немыслимым, как громадный жеребец, на котором ездил Мэтью, мог заинтересоваться маленькой Розитой.

После обеда мы расселись в библиотеке, окруженные напоминаниями о долгой жизни Филиппа де Клермона. В каменном очаге трещали дрова. И вдруг Джек встал и подошел к Мэтью:

— Это мой подарок тебе. Вообще-то, всем нам. Grand-mère¹ говорила, что это есть у всех уважающих себя семей. — Джек протянул Мэтью лист бумаги. — Если тебе понравится, мы с Фернандо сделаем флаг для здешней башни.

Мэтью внимательно смотрел на лист.

— Но если не нравится... — Джек потянулся, чтобы забрать подарок, но Мэтью перехватил его руку:

— По-моему, это просто замечательно! — Мэтью взглянул на парня, которого мы всегда будем считать нашим первенцем, хотя я его не рожала, а Мэтью не делал его вампиром. — Покажи матери. Послушаем ее мнение.

Я ожидала увидеть монограмму или геральдический щит. Меня просто ошеломил символ, придуманный Джеком для нашей семьи. Это был совершенно новый уроборос. В отличие от традиционного, где змей кусал собственный хвост, здесь было два существа, соединенных в круг, который не имел ни начала, ни конца. Первый был змеем де Клермонов. Второй, точнее, вторая -- моей огнедышащей драконихой с поджатыми лапами и распростертыми крыльями. На ее голове покоилась корона.

¹ Бабушка (фр.).

— Grand-mère говорила, что на голове драконихи обязательно должна быть корона. Ты полноправный член семьи де Клермон и стоишь выше всех нас. — Джек говорил спокойно, но по лицу чувствовалось, как он нервничает; его рука что-то теребила в кармане джинсов. — Я могу убрать корону. И крылья сделать поменьше.

— Мэтью прав. Герб действительно прекрасный. — Я взяла Джска за руку, притянула к себе и поцеловала. — Спасибо, Джек.

Герб семьи Бишоп-Клермон понравился всем. Изабо сказала, что, помимо флага, нужно будет заказать столовое серебро и посуду с новым гербом.

Вечером гости уехали. Я махала им, другой рукой обнимая Мэтью за талию.

— Как замечательно прошел день!

Стоило мне произнести эти слова, как большой палец левой руки вдруг закололо. Судьба посылала новое предостережение.

— Мне все равно, насколько разумен или безумен твой план. Диана не должна отпускать тебя в Венгрию и Польшу одного, — заявил Фернандо. — Забыл, что было с тобой, когда ты уехал в Новый Орлеан?

Фернандо, Маркус и Мэтью ночь напролет спорили о письме Годфри и дальнейших действиях.

— Диане нужно отправиться в Оксфорд. Только ей по силам найти Книгу Жизни, — сказал Мэтью. — Если мои замыслы расстроятся и я не сумею найти Бенжамена, манускрипт поможет мне выманить его из логова.

— А когда ты его найдешь? — резко спросил Маркус.

— Ваша задача — оберегать Диану и детей, — столь же резко ответил Мэтью. — Бенжамена оставьте мне.

Я наблюдала за небесами, ища там знаки и намеки. Хваталась за каждую нитку, выступавшую над тканью, пытаясь увидеть и выправить неведомое зло, о котором меня предупреждало покалывание в большом пальце.

Но беда не скакала по холмам, как всадник апокалипсиса, не двигалась на малой скорости по дороге и не делала телефонных звонков.

Беда уже находилась в доме и появилась там не вчера.

Спустя несколько дней после Рождества в предвечерних сумерках я зашла в библиотеку. Мэтью сидел там. На столе я увидела несколько сложенных листов пожелтевшей бумаги. Пальцы засияли всеми цветами радуги, а сердце тревожно замерло.

— Что это? — спросила я.

— Письмо Годфри к Филиппу.

Мэтью пододвинул листки ко мне. Взглянув на них, я сокрушенно вздохнула. Письмо было написано на старофранцузском.

— Переведи мне с листа, — попросила я, садясь рядом.

Правда оказалась куда страшнее, чем допускало мое воображение. Судя по письму, у Бенжамена страсть к убийствам имела многовековую историю. Его добычей становились ведьмы, и прежде всего прядильщицы. В этом я была почти уверена, как и в причастности Герберта. А от фразы «Они ищут внутри нас Книгу Жизни» моя кровь одновременно превратилась в пламень и лед.

— Мэтью, мы должны его остановить. Если он узнает, что у нас родилась дочь... — Я замолчала, вспомнив слова Бенжамена, брошенные на прощание в Бодлианской библиотеке.

Они и сейчас не давали мне покоя. При одной мысли, как это исчадие ада могло бы обойтись с Ребеккой, магическая сила понеслась у меня по жилам, словно их ударили кнутом.

— Он уже знает. — Глаза Мэтью были полны гнева.

— И давно? — Я тихо ойкнула.

— Узнал еще до крещения, — ответил Мэтью. — Диана, я больше не могу полагаться на помощь других. Я буду искать его сам.

— Каким образом?

— Без компьютеров и попыток определить его IP-адрес. Здесь он слишком изворотлив. Я найду его более знакомым мне способом: выслежу, поймаю запах, загоню в угол, — сказал Мэтью. — А потом оторву ему руки и ноги. Если я потерплю неудачу...

— Ты не можешь потерпеть неудачу, — поспешила возразить я.

— Могу.

Наши глаза снова встретились. Мэтью требовалось, чтобы я его услышала. В моих уверениях он не нуждался.

— Ну хорошо, — спокойным тоном произнесла я, хотя внутри все бурлило. — Что произойдет, если ты потерпишь неудачу?

— К тому времени Книга Жизни должна будет находиться в твоих руках. Она единственное, что может выманить Бенжамена из его логова. И тогда мы его уничтожим раз и навсегда.

— Единственное, не считая меня, — произнесла я.

Темнеющие глаза Мэтью подсказывали, что он ни в коем случае не собирался делать меня приманкой.

— Завтра же я поеду в Оксфорд. Библиотека закрыта на рождественские каникулы. Сотрудников в залах не будет. Только охрана.

К моему удивлению, Мэтью кивнул. Он не отказывался от моей помощи.

— А ты справишься один? — спросила я.

Я не собиралась его опекать, но мне требовалось знать. Мэтью уже пострадал от прошлогодней разлуки. В ответ он лишь кивнул.

— Что будем делать с детьми? — спросил Мэтью.

— Их разумнее всего оставить здесь под присмотром Сары и Изабо. Запасов молока и крови им должно хватить до моего возвращения. С собой я возьму Фернандо, и больше никого. Если кто-нибудь следит за нами и доносит Бенжамену, нужно создавать полную иллюзию того, что мы по-прежнему здесь и жизнь течет своим чередом.

— Да, за нами кто-то следит. Я в этом не сомневаюсь. — Мэтью запустил пальцы в волосы. — Весь вопрос, чей это прихвостень — Бенжамена или Герберта? Роль этого лукавого мерзавца может оказаться серьезнее, чем мы думали.

— Если Герберт и Бенжамен находились в стоворе с самого нашего возвращения, трудно даже представить, сколько они успели узнать, — сказала я.

— В таком случае наша единственная надежда — завладеть сведениями, которых у них нет. Добудь манускрипт. Привези сюда и проверь, сумеешь ли ты вернуть ему цельность, вложив страницы, вырванные Келли. А я тем временем найду Бенжамена и сделаю то, что должен был сделать давным-давно.

— Когда ты собираешься уехать?

— Завтра. Я сделаю это после твоего отъезда. Нужно убедиться, что за тобой не увяжется хвост, — сказал Мэтью и встал.

Я молча наблюдала, как уходят на задний план те стороны личности Мэтью, что я знала и любила: поэт, ученый, воин, шпион, принц эпохи Возрождения, отец. Осталась только самая мрачная и опасная сторона. Сейчас передо мной стоял ассасин.

Но он оставался вампиром, которого я любила.

Мэтью обнял меня за плечи и ждал, когда наши глаза встретятся.

— Береги себя, — прошептал он.

Он произнес это с чувством, и мне передалась сила его слов. Потом Мэтью обхватил ладонями мое лицо, вглядываясь в каждый дюйм, словно пытался запомнить.

— Слова, что я говорил в день Рождества, не просто красивая фраза. Если я не вернусь, семья не погибнет. Есть другие, способные ее возглавить. Но сердце семьи — ты. — Я хотела возразить, однако Мэтью положил палец мне на губы. — Спорить со мной бессмысленно. Я это знаю по опыту. До встречи с тобой я был не более чем прахом и тенями. Ты вернула меня к жизни. И мне без тебя не выжить.

Солнце в Козероге

Козерог — это десятый дом зодиака. Он олицетворяет матерей, бабушек и предков по женской линии. Это знак воскресения и возрождения. В нынешнем месяце сейте семена на будущее.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 9^в*

Глава 34

В Олд-Лодже нас ждали Эндрю Хаббард и Линда Кросби. Как бы я ни уговаривала Сару остаться в Ле-Ревенане, моя тетка была непреклонна: она поедет вместе со мной и Фернандо.

— Диана, одной тебе не справиться, — заявила Сара, и тон ее голоса не располагал к дебатам. — Пусть ты и прядильщица и считаешь на помощь Корры. Магия такого уровня требует присутствия трех ведьм. И не каких-нибудь. Тебе понадобятся ведьмы, умеющие накладывать заклинания.

Линда Кросби захватила с собой официальный лондонский гримуар: древнюю книгу, от которой угрюмо пахло белладонной и аконитом. Мы разговаривали о том о сём, пока Фернандо рассказывал Эндрю о жизни Джека и Лоберо на французской земле.

— Ты действительно хочешь участвовать в моей затее? — спросила я Линду.

— Еще как! Лондонский шабаш давно не участвовал в ярких событиях, пусть даже и не таких значимых, как это. Последнее знаменательное дело — история тысяча девятьсот семьдесят первого года. Тогда мы пресекли попытки украсть бриллианты короны. — Линда возбужденно потирала руки.

Эндрю имел обширные контакты с теми, чья работа или хобби относились к лондонскому подземному миру. Сюда входили гробокопатели, инженеры метро, работники, обслуживающие водопроводные и канализационные сети. Через них он сумел достать подробные планы книгохранилища Бодлианской библиотеки, где были обозначены все туннели и стеллажи. Сейчас они занимали все пространство длинного и узкого обеденного стола в большом зале.

— В рождественские каникулы залы пустуют. Ни студентов, ни дежурных библиотекарей, ни технического персонала, — ска-

зал Эндрю. — Зато куда ни ткнись — везде строители. — Он указал на планы. — Было решено переоборудовать подземное книгохранилище в читальный зал.

— Сначала переместили редкие книги в Библиотеку Рэдклифа, а теперь взялись за подземелье, — проворчала я, разглядывая листы. — До какого часа обычно работают строители?

— То-то и оно, что сейчас они работают круглосуточно. Торопятся сделать основную работу, чтобы потом, когда начнется новый семестр, свести к минимуму закрытие читальных залов.

— А если нам прийти в читальный зал и подать заявку на книгу, как ты делала раньше? — предложила Линда. — Заполняешь бланк запроса, вкладываешь в капсулу пневмопочты и надеешься на лучшее. Мы встанем возле конвейерной ленты и будем ждать. Возможно, библиотека сумеет выполнить твой заказ и без персонала.

Я и представить не могла, что Линда так хорошо знает процедуру заказа и получения книг в Бодлианской библиотеке. Увидев мое изумленное лицо, она усмехнулась:

— Никакой магии, девочка. Я училась в колледже Святой Хильды.

— Система пневмопочты была остановлена в июле прошлого года. В августе демонтировали конвейер, — сообщил Эндрю и поднял руки. — Не казните вестника, леди. Я не числюсь в штате Бодлианской библиотеки.

— Если Стивен наложил заклинание как следует, оно не должно зависеть от оборудования. Главное, чтобы Диана заказала книгу, которая ей по-настоящему нужна, — сказала Сара.

— Сидеть здесь и строить предположения бесполезно. Нужно отправляться в Бодлианскую библиотеку, держаться подальше от рабочих и найти способ проникнуть в ту часть, что именуется Старой библиотекой, — сказала я, устав от дебатов.

Эндрю кивнул:

— У меня в бригаде землекопов работает Стэн. Этот малый всю свою жизнь только и делает, что роет землю. Если ты согласишься дождаться темноты, он впустит тебя внутрь. Разумеется, это чревато для него последствиями, но ему не привыкать к передрыгам. К тому же нет такой тюрьмы, чьи стены смогли бы его удержать.

— Стэнли Крипплгейт — замечательный парень, — подхватила Линда. — Он всегда здорово помогает мне осенью, когда нужно высаживать луковичы нарциссов.

Стэнли Крипплгейт оказался тщедушным коротышкой с выпирающей нижней челюстью и жилистым телом. По всему чувствовалось: с самого рождения он никогда не наедался досыта. Вампирская кровь дала ему силу и долголетие, но почти не смогла удлинить кости. Всем четверым он вручил ярко-желтые защитные каски.

— А не будем ли мы... слишком бросаться в глаза в таких головных уборах? — спросила Сара.

— Будучи женщинами, вы уже бросаетесь в глаза, — мрачно изрек Стэн. — Эй, Дикки! — позвал он, предварительно свистнув.

— Тише! — шикнула я.

Похоже, наше похищение старинного манускрипта окажется самым громким и заметным из всех книжных краж, какие знает история.

— Не пугайтесь. Мы с Дикки дружим с незапамятных времен. — (Откуда-то появился Дикки.) — Этих леди и джентльмена проводи на второй этаж.

Мы нахлобучили шлемы. Дикки провел нас в читальный зал герцога Хамфри, точнее, в Артс-Энд. Мы оказались между бюстом короля Карла I и бюстом сэра Томаса Бодли.

— Мне мерещится или они действительно следят за нами? — спросила Линда, хмуро поглядывая на короля-неудачника.

Король Карл моргнул.

— Ведьмы обеспечивали безопасность библиотеки с середины девятнадцатого века. Стэн предупреждал нас, чтобы не делали никаких непотребств рядом с картинами, статуями и горгульями, — пояснил Дикки и содрогнулся всем телом. — Я-то по большей части не возражаю против них. Неплохая компания в темные ночи. Но вот от этого старого паршивца меня плющит.

— Тебя бы познакомить с его отцом, — вполголоса заметил Фернандо, снял шлем и поклонился моргающему королю. — Приветствую вас, ваше величество.

Ощущение, что за тобой следят, было кошмаром, сопровождающим посетителей читальных залов многих библиотек. Спрятанные камеры могли засечь, как ты полез в карман за каплями от кашля, проносить которые было строжайше запрещено. Что

касается Бодлианской библиотеки, то у ее читателей имелись веские основания для беспокойства. Нервный центр магической системы безопасности скрывался за зрачками Томаса Бодли и короля Карла.

— Прости, Чарли.

Я подбросила желтый шлем в воздух. Он проплыл несколько футов и опустился на голову короля. Затем я щелкнула пальцами. Шлем сдвинулся ниже, закрыв королю глаза.

— Моим прикрой глазки основателю, — попросил Фернандо.

Закрыв обзор сэру Томасу, я принялась дергать и обрывать нити, связывавшие обе статуи со всей библиотекой. Узлы заклинаний не отличались сложностью: три, реже четыре перекрестья. Но их было слишком много, и они громоздились друг на друга. Это напоминало колодку электрического удлинителя, куда через тройники подключалась куча проводов, создавая явный перегруз сети. Наконец мне удалось обнаружить главный узел, с которым были соединены все остальные. Я осторожно развязала его, и неприятное ощущение, что за тобой следят, исчезло.

— Вот так-то лучше, — пробормотала Линда. — И что теперь?

— Я обещала позвонить Мэтью, как только мы окажемся внутри. Дайте мне пару минут, — попросила я, доставая из кармана мобильник.

Протолкнувшись через баррикаду решеток, я двинулась по гулкому главному проходу зала герцога Хамфри. Мэтью откликнулся после первого же звонка.

— У тебя все в порядке, топ соеиг? — Голос мужа дрожал от напряжения.

Я торопливо пересказала ему, на какой стадии поисков мы сейчас находимся.

— Как себя вели Ребекка и Филипп после моего отъезда? — спросила я, закончив рассказ.

— Беспокойно.

— А ты? — Я постаралась, чтобы мой голос звучал нежнее.

— Еще беспокойнее.

— Ты где сейчас находишься?

Мэтью дождался моего отъезда в Англию, затем отправился в Центральную Европу, двигаясь на северо-восток.

— Только что проехал Германию.

По соображениям безопасности вдаваться в подробности он не стал.

— Будь осторожен. Помни слова богини.

Эти слова не давали мне покоя. Богиня тогда заявила: чтобы обрести «Ашмол-782», я должна буду что-то отдать.

— Постараюсь, — пообещал Мэтью. — Хочу, чтобы и ты кое о чем помнила, — помолчав, добавил он.

— О чем?

— Сердца невозможно разрушить. И только любовь делает нас по-настоящему бессмертными. Что бы ни случилось, не забывай об этом, ma lionne.

Он отключился. От последней фразы у меня по спине пробежал холодок. Серебряная стрела богини загремела. Я повторила слова ограждающего заклинания, которое составила для Мэтью, и ощутила знакомое натяжение цепи, связывающей нас.

— Все в порядке? — тихо спросил Фернандо.

— Как и следовало ожидать, — ответила я, убирая телефон. — Пора начинать.

Мы условились, что сначала попытаемся в точности повторить шаги, посредством которых «Ашмол-782» попал ко мне тогда. Пока Сара, Линда и Фернандо следили за обстановкой, я аккуратно заполнила бланк запроса, вписав туда номер своего читательского билета, потом отнесла бланк в ту часть Арте-Энда, где находилось окошечко пневмопочты.

— Капсула на месте, — сообщила я, вынимая пустой контейнер. — Может, Эндрю ошибся и пневмопочта продолжает действовать?

Капсулу в контейнере покрывал густой слой пыли. Пыль попала мне в горло, и я закашлялась.

— Возможно, для нас состояние этой пневмопочты не имеет никакого значения, — заявила Сара, которая не отличалась терпеливостью. — Запихивай бланк в капсулу, и отправим ее вниз.

Я положила бланк внутрь капсулы, тщательно закрыла крышку и вернула капсулу в контейнер.

Прошло несколько минут.

— Что дальше? — спросила Сара.

Капсула лежала там, где я ее оставила.

— Надо ее хорошенько потряхнуть, — заявила Линда и ударила кулаком по передней стенке контейнера.

Окошечко пневмопочты, а также деревянные опоры, на которых держалось не только оно, но и галерея над нашими головами, задрожали, как при землетрясении. Послышался хлопок. Капсула исчезла.

— Отлично сработано, Линда! — с откровенным восхищением сказала Сара.

— Это ведьмин трюк? — кривя губы, спросил Фернандо.

— Нет. Но когда я устраиваю такую встряску своей древней стереосистеме, «Радио-4» начинает работать лучше, — ответила довольная Линда.

Прошло два часа. Мы стояли возле ленты транспортера и не видели ничего, кроме пыли.

— Переходим к плану Б, — вздохнула Сара.

Фернандо молча расстегнул и снял черный плащ. К подкладке была пришита наволочка. Внутри, переложенные двумя кусками картона, находились три листа, вырванные Эдвардом Келли из Книги Жизни.

— Прошу, — сказал он, подавая мне бесценный груз.

— Где ты хочешь провести ритуал? — спросила Сара.

— Здесь. Самое подходящее место, — ответила я, указывая на пятючок между великолепным витражным окном и столиком охраны... — Не смей это трогать!

Не знаю, можно ли кричать шепотом. Но такой звук вырвался из моего горла, когда я увидела, что намеревается сделать Фернандо. А намеревался он отодвинуть мешавшую нам стремянку на колесиках.

— Это старейшая в мире стремянка. Ей почти столько же лет, сколько библиотеке, — сказала я, прижимая к груди листы манускрипта. — Ее никто никогда не трогает.

— Не слушай ее, Фернандо. Сдвинь эту чертову лестницу! — скомандовала Сара. — Если сломается, Изабо раздобудет замену. Давай сдвигай! Тоже мне антикварная стремянка!

Пережив несколько мгновений, пока совершалось это библиотечное святотатство, я вскрыла пачку соли. Ее принесла Линда в фирменном мешке сети магазинов «Маркс и Спенсер». Я шептала слова молитвы, прося богиню найти затерянный предмет. Одновременно я сыпала соль на пол, сооружая белый треугольник. Затем я раздала Саре и Линде по листу из Книги Жизни. Третий остался у меня. Мы стали по краям треугольника, напра-

вив изображения на листах в его центр. Я произнесла заклинание, написанное ранее:

*Листы, что пропадали
И нашлись опять,
Мне покажите, где книгу искать.*

— А по-моему, нам без зеркала никак, — прошептала Сара после часа напряженных ожиданий. — Как библиотека нам что-то покажет, если мы не подготовили место, куда направить изображение?

— Может, Диане нужно было сказать не «мне покажите», а «нам покажите»? — предположила Линда, глядя на мою тетку. — Нас же здесь трое.

Я выбралась из соляного треугольника и положила лист с алхимической свадьбой на столик охраны.

— Заклинание не действует. Я ничего не чувствую: ни книги, ни какой-либо силы, ни магии. Такое ощущение, будто вся библиотека вымерла.

— Меня это не удивляет, — сочувственно усмехнулась Линда. — Представляю, каково бедняжке-библиотеке. Все эти люди целыми днями копаются в ее внутренностях.

— Ничего не поделаешь, радость моя, — сказала Сара. — Переходим к плану В.

— Может, я сначала попытаюсь изменить заклинание?

Что угодно, только не план В. Он уничтожал последние остатки клятвы читателя, которую я давала, будучи еще студенткой. Этот план представлял собой нешуточную угрозу зданию, книгам и соседним колледжам.

Но мой страх простирался дальше. Сейчас я колебалась по той же причине, что и несколькими месяцами ранее, когда столкнулась здесь с Бенжаменом. Если я в полной мере применю свою магию в стенах Бодлианской библиотеки, оборвутся последние звенья, связывающие меня с научным миром.

— Тебе нечего бояться, — успокоила меня Сара. — Корра прекрасно все сделает.

— Корра — огнедышащая дракониха, — напомнила я тетке. — Летая, она разбрасывает искры. А теперь оглянись по сторонам. На что похоже это место?

— На трутницу, — согласилась Линда. — Однако другого способа я не вижу.

— Он должен быть, — возразила я, тыча указательным пальцем в третий глаз, который упорно не желал пробуждаться.

— Диана, нужно действовать. Хватит думать о твоём драгоценном читательском билете. Пора устроить магическую встряску.

— Вначале я выйду на воздух.

Я стремительно повернулась и пошла к лестнице. Свежий воздух всегда успокаивал мои нервы и помогал думать. Я протопала по дощатым настилам, толкнула стеклянные двери и выбежала в прямоугольный двор, образованный старинными зданиями колледжей. Я глотала холодный незапыленный декабрьский воздух. Фернандо следовал за мной по пятам.

— Здравствуй, тетушка.

Из теней появился Галлоглас. Меня это не обрадовало, а насторожило. Если он здесь, случилось что-то ужасное. Услышанные слова лишь подтвердили мою догадку.

— Бенжамен захватил Мэтью.

— Быть этого не может! Я совсем недавно говорила с ним.

Серебряная цепь внутри меня качнулась.

— Это случилось пять часов назад, — взглянув на часы, сказал Фернандо. — Когда вы говорили, Мэтью назвал тебе место, где он находился?

— Он лишь сказал, что выезжает за пределы Германии, — оцепенело прошептала я.

Из дверей библиотеки показались Стэн и Дикки. Лица у обоих были хмурыми.

— Привет, Галлоглас, — произнес Стэн, кивнув шотландцу.

— Привет, Стэн, — ответил Галлоглас.

— Проблема? — спросил Стэн.

— Мэтью исчез из поля зрения и угодил в лапы к Бенжамену, — пояснил Галлоглас.

— М-да... — озабоченно пробормотал коротышка. — Бенжамен всегда был дрянью. Не верю, чтобы с годами он изменился в лучшую сторону.

Мой Мэтью... в руках этого чудовища. Мне вспомнились слова Бенжамена, его надежда, что у меня родится девочка. Перед мысленным взором мелькнула картинка из недавнего прошлого: крошечный пальчик нашей дочери дотрагивается до кончика носа Мэтью.

Потом все мои жилы наполнились гневом. Тело затряслось от сокрушающей волны магической силы. Огонь, воздух, земля и вода — все стихии были готовы вырваться наружу и смести все на своем пути. Я почувствовала странную отрешенность и опустошенность, как будто потеряла что-то жизненно важное.

Неужели я потеряла Мэтью? Нет, я по-прежнему ощущала цепь, связывающую нас.

И тогда я поняла: я потеряла не что-то жизненно важное, а нечто привычное, обыденное. Ношу, которую я несла очень долго и успела привыкнуть к ее тяжести.

Предсказание богини исполнилось: я освободилась от многолетнего груза.

Я оглянулась по сторонам, ища в темноте входную дверь.

— Куда ты собралась, тетушка? — спросил Галлоглас, удерживая дверь и не пропуская меня внутрь. — Ты не слышала моих слов? Нужно спасти Мэтью. Здесь каждая минута дорога.

Толстые стекла в дверях превратились в горы сверкающего песка. Медные петли и ручки повалились на каменный порог. Переступив через сотворенные нагромождения, я наполовину побежала, а наполовину полетела вверх по ступеням, направляясь в зал герцога Хамфри.

— Тетушка! — рявкнул за спиной Галлоглас. — Ты никак потеряла рассудок?

— Нет! — крикнула я в ответ. — А если применю магию, то не потеряю и Мэтью.

— Потерять Мэтью? О чем ты? — испуганно спросила Сара, когда я вбежала в зал.

Следом туда вбежали Галлоглас и Фернандо.

— Богиня. Она предупреждала: если я хочу получить «Аш-мол-782», мне придется что-то отдать. Но не Мэтью.

Чувство отрешенности сменилось нарастающим ощущением вынушенной силы, которая изгоняла все оставшиеся тревоги.

— Корра, лети!

Я раскинула руки, и моя огнедышащая дракониха с радостным верещанием выпорхнула наружу. Она покружилась над галереями и полетела вдоль длинного прохода, соединяющего Артс-Энд с Селден-Эндом.

— Что это было? — спросила Линда, глядя, как хвост Корры похлопал по шлему на голове Томаса Бодли.

— Страх.

Когда-то мама рассказывала мне о громадной силе страха, однако, как часто бывает у детей, я неправильно поняла ее слова. Я думала, что мне нужно защищаться от страха окружающих, но речь шла о моем собственном страхе. Превратно поняв мамины слова, я позволила страху пустить корни и расти, пока он не стал туманить мои мысли и видение мира.

Все тот же страх гасил любое желание применять магию. Он стал моим костылем и покрывалом, удерживающим меня от использования магической силы. Страх уберегал меня от чужого любопытства. Он был ямой, куда я могла спуститься и забыть, что являюсь ведьмой. Мне думалось, что со страхом я распрощалась еще в елизаветинском Лондоне, когда узнала, кто я на самом деле. Но даже сила прядильщицы не привела к окончательному разрыву со страхом. Сама того не зная, я продолжала цепляться за его остатки.

Довольно!

Воздушный поток опустил Корру вниз. Она растопырила когти и размахивала крыльями, замедляя полет. Я схватила листы из Книги Жизни и поднесла их к носу драконихи. Корра принялась.

Через мгновение от ее гневного клекота задрожали стены и цветные стекла в окнах. После нашей первой встречи в доме Благочестивой Олсеп Корра редко говорила со мной, предпочитая общаться жестами и иными звуками. Но сейчас она заговорила:

— Эти листы отягощены смертью. И еще прядением и колдовством на крови. — Дракониха затрясла головой, словно избавляясь от запаха.

— Я не ослышалась? Она сказала про колдовство на крови? — с нескрываемым любопытством спросила Сара.

— Вопросы Дианиной зверюшке мы будем задавать потом, — угрюмо заявил Галлоглас.

— Корра, эти листы вырваны из старинного манускрипта. Он находится где-то здесь, в библиотеке. Мне нужно его найти. — Усилием воли я заглушила болтовню моих спутников, сосредоточившись на Корре. — Не исключено, что только манускрипт поможет мне вернуть Мэтью.

— А если я принесу тебе эту страшную книгу, что тогда? — спросила Корра, моргая серебристо-черными глазами.

Мне вспомнилась богиня и взгляд Джека, охваченного бешенством крови.

— Тебе захочется меня покинуть, — сказала я.

Я вдруг поняла то, чего не понимала все эти месяцы. Как и я, Корра была узницей, и заклятие не выпускало ее на свободу.

— Подобно твоему страху, я не могу уйти, пока ты сама меня не отпустишь, — сказала Корра. — Я твой дух-хранитель. С моей помощью ты научилась скручивать прошлое, прять настоящее и связывать в узел то, что должно быть. Больше ты во мне не нуждаешься.

Но за эти месяцы я сжилась с Коррой, как еще раньше сжилась со страхом. Я привыкла уповать на ее поддержку.

— А вдруг без твоей помощи я не найду Мэтью?

— Моя сила никогда тебя не покинет.

Чешуйки Корры радужно переливались. Это было заметно даже в темноте читального зала. Я подумала о тени драконихи у себя на поясице и кивнула. Подобно стреле богини и моим нитям прядильщицы, влечение Корры к огню и воде навсегда останутся внутри меня.

— И куда ты отправишься? — спросила я.

— В древние забытые места. Там я буду дожидаться других. Они появятся, когда их прядильщики дадут им свободу. Как и было предсказано, ты вернула магию. Поэтому теперь я буду не последней, кто остался, а первой.

Дыхание Корры наполняло воздух паром.

— Принеси мне манускрипт, а затем я с благословением тебя отпущу. — Я пристально посмотрела в глаза драконихи и увидела там давнишнее желание принадлежать самой себе. — Спасибо тебе, Корра. Возможно, я и вернула магию. Но крылья ей дала ты.

— И сейчас самое время воспользоваться ими, — сказала Корра.

Трижды взмахнув крыльями, на которых блестели обрывки паутины, дракониха вспорхнула к потолочным балкам.

— Чего она забралась на верхотуру? — недовольно прошептала Сара. — Отправь ее вниз по шахте транспортера. Пусть летит в подземное хранилище. Манускрипт там.

— Сара, не пытайся загонять магию в рамки, — сказала я тетке.

Думать, будто ты умнее своей магии, — опасное заблуждение, и Благочестивая Олсон наглядно мне это показала.

— Корра знает, что́ делает.

— Будем надеяться, — пробурчал Галлоглас. — Ради Мэтью.

В издаваемых Коррой звуках я узнавала песню воды и огня. За ними послышались приглушенные голоса.

— Это Книга Жизни. Вы слышите ее? — спросила я, стараясь понять, откуда идет звук.

Нет, он шел не от листов на столике охраны, хотя и они тоже принялись что-то нашептывать.

Сара покачала головой.

Корра кружила над самой старой частью зала герцога Хамфри. С каждым ударом ее крыльев голоса делались все громче.

— Слышу! — сказала взволнованная Линда. — Гул голосов. Он доносится оттуда.

Фернандо перепрыгнул через заграждения у главного прохода да читального зала. Я поспешила за ним.

— Книга Жизни не может находиться там, — не унималась Сара. — Ее бы обязательно заметили.

— Потому и не заметили, что она пряталась на виду у всех.

Подойдя к полке, я начала снимать с нее бесценные книги. Торопливо пролистав одну, я ставила ее на место и тут же брала другую. Голоса продолжали взывать, умоляя, чтобы я их нашла.

— Тетушка! Кажется, Корра нашла твою книгу, — сказал Галлоглас.

Корра сидела на зарешеченном шкафчике, куда убирались манускрипты, с которыми читатели работали несколько дней. Дракониша склонила голову, словно вслушиваясь в неумолкающие голоса. Затем она что-то проворковала или прокудахтала, несколько раз дернув головой.

Фернандо, идущий на звук, остановился в том же месте. Сейчас он стоял позади стола, за которым Шон проводил рабочие дни. Взгляд Фернандо был устремлен на одну из полок. Там, рядом с телефонным справочником Оксфорда, стояла серая картонная коробка — настолько заурядная, что едва ли кто-нибудь обратил бы на нее внимание. Правда, сейчас ее было трудно не заметить: сквозь угловые сочленения просачивался свет. К передней стенке неведомо кто прилепил такую же заурядную бумажку, нижний край которой успел закрутиться в трубочку. «Убрано. После проверки вернуть на место хранения».

— Быть того не может, — прошептала я, хотя интуиция подсказывала, что так оно и есть.

Я протянула руку. Коробка качнулась и опустилась с полки мне на руки. Я осторожно поставила коробку на стол. Стоило мне убрать руки, как крышка отскочила и упала в нескольких футах. Внутри лежал манускрипт. Казалось, металлические застёжки едва сдерживают натиск страниц.

Бережно, понимая, как густо населен этот манускрипт, я выложила «Ашмол-782» из коробки на стол. Моя ладонь легла на обложку. Гул прекратился.

«Выбирай», — хором потребовали голоса.

— Я выбираю тебя, — обратилась я к книге, щелкнув застёжками.

Металл был теплым, а прикосновение к нему — приятным и успокаивающим. «Отсец», — подумала я.

Линда подала мне вырванные листы.

Я медленно раскрыла манускрипт.

Первым шел лист из плотной волокнистой бумаги. Он был добавлен потом для защиты пергаментных листов. Перевернув его, я увидела следующий лист, пергаментный. На нем рукой Элиаса Ашмола было выведено название книги. Чуть ниже шла карандашная приписка, сделанная моим отцом. Перевернув и этот лист, я увидела первую из алхимических иллюстраций «Ашмола-782». На меня смотрело лицо маленькой черноволосой девочки.

Алхимическое дитя. Помню, увидев эту крошку в первый раз, я была поражена, насколько картинка отличалась от стандартных алхимических иллюстраций. Сейчас меня поразило совсем другое. Ребенок был очень похож на нашу дочь. В одной ручке девочка сжимала серебряную розу, в другой — золотую, словно возвекая миру, что является дочерью ведьмы и вампира.

Но ведь алхимическое дитя никак не могло быть первой иллюстрацией в Книге Жизни. Ее место — за картиной алхимической свадьбы. После нескольких веков разделения настало время вернуть драгоценному манускрипту три листа, вырванные Эдвардом Келли.

Кромки, оставшиеся после вырывания, едва просматривались в недрах переплета. Я взяла лист с алхимической свадьбой, поставила к самой нижней кромке и плотно прижала. У меня на глазах лист обрел былую цельность. Оборванные нити соединились.

По листу побежали строки.

Я взяла следующий лист, где уроборос и огнедышащий дракон проливали кровь ради сотворения новой жизни, и приставила его к средней кромке.

Из книги послышался странный не то стон, не то протяжный вой. Корра предостерегающе заверещала.

Без колебаний и страха я вернула «Ашмолу-782» последний вырванный лист. Книга Жизни вновь стала цельной.

Ужасающий вой пронзил ночную темноту, разорвав ее пополам. Ветер, закружившийся возле моих ног, стал подниматься выше. Он топорщил мне волосы, отбрасывая их назад, словно огненные нити.

Поток воздуха принялся листать страницы манускрипта. Они мелькали все быстрее и быстрее. Я попыталась этому помешать, придавив велень пальцами. Мне хотелось прочесть слова, появлявшиеся из палимпсеста. При этом алхимические иллюстрации меркли. Но слов было слишком много. Они неслись лавиной, ускользая от моего понимания. Студент в лаборатории Криса оказался прав: Книга Жизни была больше чем просто текст.

Она являлась обширным хранилищем знаний, содержавшим имена ведьм, вампиров и демонов, их истории, даты рождений и смертей, проклятия и заклинания, чудеса, совершенные посредством магии и крови.

Это была история нас: прядильщиков и вампиров, несущих в своих жилах бешенство крови, а также удивительных детей, рожденных от их союза.

Книга Жизни рассказывала не только о моих невероятно далеких предках, отстоящих от меня на сотни поколений. Она рассказывала, почему столь чудесное творение оказалось возможным.

Я силилась запомнить то, что слышала от Книги Жизни.

Здесь начинается родословная древнего племени, называемого Светлорожденными. Вечность была их отцом, а Перемены — их матерью. Душа баюкала их в своем чреве...

Я лихорадочно вспоминала алхимический текст, очень похожий на этот.

...ибо, когда трое стали одним, их сила сделалась безграничной, как ночь...

И случилось так, что Бессмертных начало тяготить отсутствие у них детей. И стали они искать дочерей...

Чьих дочерей? Я попыталась задержать мелькающие страницы, но безуспешно.

...узнали, что Мудрым ведома тайна колдовства на крови.

Колдовство на крови... Что это было?

А слова мчались дальше: переплетались, изгибались в дугу. Иногда рассекались надвое, создавая новые слова. И все эти слова рождались с чудовищной скоростью.

Мелькали имена, лица и названия мест, вырванные из кошмаров и вплетенные в сладчайшие мечты.

Их любовь началась с отсутствия и желания, когда два сердца стали одним...

Я услышала шепот, полный тоски и желания, затем крик наслаждения. А листы продолжали мелькать.

...когда страх овладел ими, город был залит кровью Светлорожденных.

С листа донесся вой, вобравший в себя чей-то ужас, а следом послышалось хныканье испуганного ребенка.

...узнали ведьмы, кто среди них возлежал с Бессмертными...

Я зажала уши, чтобы хоть как-то заглушить несмолкаемую литанию. Имена, имена, имена...

Исчезнувшие...

Забывшие...

Устрашающие...

Отверженные...

Запретные...

Страницы мелькали, а я видела прихотливо сотканые узоры, из которых, по сути, и состоял манускрипт. Каждый лист был связан с родословными, чьи корни уходили в далекое прошлое.

Последняя страница Книги Жизни оказалась пустой. Но такой она оставалась недолго. На пергаменте стали появляться новые слова, выводимые невидимой рукой. Манускрипт еще не был завершен.

Вот так Светлорожденные стали Детьми Ночи.

Кто положит конец их блужданиям? — выводила невидимая рука.

Кто понесет кровь льва и волка?

Ищите носительницу десятого узла, ибо последние снова станут первыми.

У меня кружилась голова. В мозгу всплывали полузабытые слова Луизы де Клермон и Бриджит Бишоп, отрывки алхимической поэзии из «*Augoa Consurgens*». И все это — на фоне нескончаемого потока сведений из Книги Жизни.

Из переплета вдруг показался и начал расpirяться новый чистый лист. Это было одновременно похоже на расправляемое крыло Корры и на лист дерева. Сара шумно втянула воздух.

И вдруг новый лист засиял золотом, серебром и чистыми яркими красками, сделанными из толченых драгоценных камней.

— Это же герб Джека! — воскликнула Сара.

Десятый узел, составленный из сплетенных навечно огнедышащей драконихи и уробороса. Вокруг них все утопало в цветах и зелени. Рай, да и только!

Лист перевернулся, и снова потекли слова, выводимые невидимой рукой.

Здесь продолжается родословная самых древних Светлорожденных.

Невидимая рука замерла, словно ей понадобилось обмакнуть перо в чернила.

Ребекка Ариэль Эмили Марта Бишоп-Клермон, дочь Дианы Бишоп — последней в ее роду, — и Мэтью Габриэля Филиппа Бертрана Себастьяна де Клермона — первого в своем роду. Рождена под покровительством Змеи.

Филипп Михаил>Addисон Сорли Бишоп-Клермон, сын вышеупомянутых Дианы и Мэтью. Рожден под покровительством Стрельца.

Прежде чем высохли чернила этой записи, листы манускрипта столь же лихорадочно зашелестели, двигаясь в обратном направлении, к началу.

Дерево на первой иллюстрации преобразилось. На стволе, посередине, появилась новая ветвь, густо покрытая листьями, цветами и плодами.

Книга Жизни шумно захлопнулась. Щелкнули застёжки. Голоса умолкли. В зале стало тихо. Внутри меня все бурлило от магической силы. Никогда еще она не достигала такого уровня.

— Погоди! — сказала я манускрипту и попыталась снова его открыть, чтобы пристальнее рассмотреть изменившееся дерево.

Поначалу Книга Жизни противилась моим попыткам, но затем поддалась и открылась.

Ее страницы были пусты. Совершенно пусты. Меня охватила паника.

— Куда все это исчезло? — спрашивала я, переворачивая пустые страницы. — Как же я теперь верну Мэтью? Что я сделала не так?

Лицо Галлогласа было белым как снег.

— Ее глаза, — пробормотал он вслед за ругательством.

Я оглянулась через плечо, ожидая увидеть призрак какого-нибудь библиотекаря.

— Дорогая, за твоей спиной никого нет. А книга далеко не ушла, — сказала Сара, с трудом глотая слюну. — Она внутри тебя.

Книгой Жизни была теперь... я.

Глава 35

— До чего ж ты тоскливо предсказуем. — Голос Бенжамена пробивался сквозь туман отупения, окутавший мозг Мэтью. — Будем надеяться, что столь же легко я смогу манипулировать и твоей женой.

Руку Мэтью обожгло нестерпимой болью, и он, вопреки себе, не выдержал и вскрикнул. Это лишь подзадорило Бенжамена. Мэтью крепко стиснул губы, решив больше не доставлять сыну удовольствие.

Послышался звук молотка, ударяющего по железу. Домашний, привычный звук, знакомый с детства. Звон металла отдавался у него внутри, проникая в кости.

— Вот так. Это должно тебя сдержать. — Холодные пальцы Бенжамена сдавили ему подбородок. — Открой глаза, отец. Если мне придется сделать это насильно, тебе вряд ли понравится.

Мэтью заставил себя поднять веки и в нескольких дюймах от своего лица увидел бесстрастное лицо Бенжамена, который опечаленно хмыкнул:

— Скверно. Я надеялся, что ты попытаешься сопротивляться. Но это еще лишь первый акт.

Бенжамен сам наклонил ему голову.

Правое предплечье Мэтью было пробито длинным раскаленным железным прут. Конец прута Бенжамен вогнал в деревянный стул, на котором сидел Мэтью. Железо остывало, и зловоние от обожженного мяса и кости несколько уменьшилось. Мэтью не требовалось смотреть на другую руку. Он и так знал, что с ней Бенжамен поступил аналогичным образом.

— Улыбайся. Недопустимо, чтобы твоя семья хотя бы на минуту заскучала, смотря репортаж о нашей встрече. — Бенжамен схватил его за волосы и приподнял голову; Мэтью услышал не-

громкое жужжание видеокамеры. — Несколько предупреждений. Первое. Каждый прут тщательно вогнан между локтевой и лучевой костями. Горячий металл вплавится в кости. Так что, если ты попытаешься сопротивляться, это гарантированно их раздробит.

Бенжамен качнул ножку стула. Мэтью плотно стиснул зубы, испытав новый приступ обжигающей боли.

— Убедился? Второе предупреждение. Мне неинтересно тебя убивать. Никакие твои слова, действия и угрозы не заставят меня передать тебя в нежные руки смерти. Я хочу пировать на твоих мучениях и наслаждаться ими.

Мэтью знал, какого вопроса ждет от него Бенжамен, но распухший язык не подчинялся командам мозга. И все же он постарался. От этого зависело все.

— Где... Диана?

— По сведениям Питера, она в Оксфорде. Быть может, Нокс и не самый сильный колдун из всех, когда-либо живших на свете, но выслеживать твою жену он умеет. Я мог бы дать тебе возможность поговорить с ним напрямую, но это снизило бы драматический накал для зрителей и помешало бы им следить за разворачивающимися событиями. Кстати, они тебя не слышат. Я приберегаю твой голос до той благословенной минуты, когда ты сломаешься и начнешь меня умолять.

Бенжамен специально встал спиной к камере, чтобы зрители не прочли по губам. Но лицо Мэтью он не загораживал.

— Дианы... здесь... нет? — Мэтью тщательно проговаривал каждый слог.

Кто бы сейчас ни смотрел трансляцию, пусть знают: его жена не в плену у Бенжамена.

— Диана, которую ты видел, — это всего лишь мираж! — расхохотался Бенжамен. — Вот так-то, Мэтью. Нокс соорудил закливание и спроецировал ее изображение в пустую комнату наверху. Достань у тебя терпения посмотреть чуточку дольше, ты бы увидел, что отрывок повторяется.

Мэтью прекрасно знал, что это иллюзия. У показанной ему «Дианы» были светлые волосы. Диану, вернувшуюся из прошлого, Нокс не видел. Но даже если бы оттенок волос оказался правильным, Мэтью и тогда распознал бы подделку. В показанной ему «Диане» не было ни тепла, ни жизни. Само пленение Мэтью не являлось случайностью. Он намеренно пошел на это, отпра-

вившись в логово Бенжамена. Только тогда его отвратительный сын сделает очередной шаг и закончит свою чудовищную игру.

— Обладай ты невосприимчивостью к любви, то мог бы стать великой личностью. Но ты предпочел, чтобы эта никчемная эмоция управляла тобой. — Бенжамен наклонился ниже, и Мэтью уловил запах крови на его губах. — В этом, отец, твоя главная слабость.

Услышав оскорбление, Мэтью инстинктивно стиснул кулак и сейчас же расслабился за свой жест. Локтевая кость треснула, как сухая глина под раскаленным солнцем.

— Согласись, что ты вел себя глупо. Ты ничего не достиг. Твое тело и так находится под чудовищным напряжением. Твой разум полон тревог о жене и детях. Подумай, на сколько времени растянется твое выздоровление? — Бенжамен заставил Мэтью открыть рот и оглядел его язык и десны. — Тебя ведь томит жажда. И голод. У меня есть чем тебя накормить и напоить. Девочка-крошка. Года три или четыре. Когда совсем проголодаешься, скажи. Я все пытаюсь узнать, чья кровь лучше восстанавливает силы: девственниц или шлюх. Пока убедительных данных у меня нет.

Бенжамен взял планшет с зажимом и что-то пометил на медицинской карточке.

— Никогда, — отрезал Мэтью.

— «Никогда» означает очень долгое время. Филипп научил меня этому, — усмехнулся Бенжамен. — Посмотрим, как ты будешь чувствовать себя потом. И независимо от твоего решения твои реакции позволят мне ответить еще на один исследовательский вопрос: как долго нужно морить вампира голодом, чтобы из него выветрилась вся набожность и он перестал надеяться на Божье спасение?

«Очень, очень долго», — подумал Мэтью.

— Все жизненно важные показатели остаются у тебя на удивление сильными. А ведь я вогнал в тебя достаточно разных препаратов. Они вызывают дезориентацию и оупение. Мне нравятся смотреть на поведение жертв. У большинства жертв притупление инстинктов и реакций вызывает повышенную тревожность. Кое-что я наблюдаю и у тебя, однако для моих надобностей этого недостаточно. Придется увеличить дозу.

Бенжамен бросил планшет на металлический шкафчик, у которого вместо ножек были колесики. Шкафчик показался Мэтью

раритетом времен Второй мировой войны. Рядом он заметил металлический стул с наброшенным на спинку пиджаком. Пиджак был очень знакомым.

У Мэтью раздулись ноздри.

Питер Нокс. Колдуна в помещении не было, но он явно находился где-то поблизости. Здесь Бенжамен не врал.

— Отец, мне хотелось бы получше тебя узнать. Наблюдения способны открыть лишь поверхностный слой правды. Даже у обычных вампиров полным-полно тайн. А ты, мой сир, никогда не был обычным.

Подойдя вплотную, он разорвал на Мэтью рубашку, обнажив шею и плечи.

— За долгие годы я узнал, как получить максимум сведений из крови жертвы. Оказывается, все дело в скорости. Торопиться ни в коем случае нельзя. И проявлять чрезмерную жадность — тоже.

— Нст.

Мэтью ожидал, что Бенжамен вторгнется в его разум, но не мог удержаться от инстинктивной реакции на вторжение. Дважды прикованный к стулу, он все-таки дернулся. Хрустнула одна рука, затем вторая.

— Если ты без конца будешь ломать себе кости, они так и не заживут. Подумай об этом, Мэтью, прежде чем снова попытаешься от меня сбежать. Это бесполезно. Для доказательства я могу вогнать такие же пруты между большими и малыми берцовыми костями.

Острый ноготь Бенжамена чиркнул Мэтью по коже. Потекла холодная кровь.

— Прежде чем мы дойдем до конца, я узнаю все о тебе и твоей ведьме. Со временем — а времени у вампиров предостаточно — я смогу наблюдать каждое прикосновение, которое ты ей дарил. Я узнаю, что доставляет ей наслаждение и боль. Мне станет понятна магическая сила, которой она обладает, и тайны ее тела. Я буду читать ее душу, как книгу, и мне откроются все ее слабые стороны. — Бенжамен надавливал на кожу Мэтью, заставляя кровь подступать к шее. — Я уже отведал ее страха в Бодлианской библиотеке, но теперь мне хочется понять его природу. Она сильно испугалась меня и в то же время повела себя на удивление смело. С каким азартом я буду ее ломать!

«Сердца невозможно сломать», — напомнил себе Мэтью.

— Зачем? — превозмогая боль, спросил он.

— Зачем? — Голос Бенжамспа был наэлектризован яростью. — Потому что у тебя не было смелости убить меня сразу. Вместо этого ты убивал меня день за днем, выдавливая мою кровь по капле. Ты не решился честно признаться Филиппу, что подвел его и раскрыл тайные замыслы де Клермонов относительно Утремера. Вместо этого ты сделал меня вампиром и бросил прямо на улицы города, переполненного теплокровными. Помнишь, как-во испытывать неутолимую потребность в крови? Как неутихающее желание разрывает тебя пополам? А помнишь силу бешенства крови у тех, кто только-только пережил превращение?

Мэтью хорошо это помнил. И надеялся... нет, да поможет ему Бог, он молился о том, чтобы Бенжамен унаследовал бешенство крови.

— Тебя больше заботила благосклонность Филиппа, нежели судьба твоего сына. — Голос Бенжамена дрожал от ярости, глаза у него были черными как ночь. — С тех пор как я стал вампиром, мной владело одно желание: уничтожить тебя, Филиппа и всех де Клермонов. Месть давала мне цель. Время стало моим другом. Я выжидал. Строил замыслы. Я создавал собственных детей и учил их выживать тем же способом, каким выживал сам; насилуя и убивая. Это был единственный путь, ибо другого ты мне не оставил.

Мэтью закрыл глаза, пытаясь заслониться не только от лица Бенжамена, но и от сознания ошибок, которые он допустил как сын и как отец. Но Бенжамен тут же рывкнул:

— Открой глаза! Вскоре тебе будет нечего таить от меня. — (Встревоженный этим заявлением, Мэтью открыл глаза.) — Когда я узнаю тайны твоей истинной пары, я очень многое узнаю и о тебе. Нет лучшего способа узнать мужчину, чем понять его женщину. Этому я тоже научился у Филиппа.

Колесики и шестеренки в затуманенном мозгу Мэтью пусть и со скрипом, но продолжали вращаться. Страшная правда все настойчивее пыталась заявить о себе.

— У Филиппа хватило духу рассказать тебе, как мы с ним общались во время войны? Все пошло не так, как я рассчитывал. Филипп расстроил слишком много моих планов, когда явился в лагерь навестить старую цыганку. Она была ведьмой. Кто-то

шепнул Филиппу обо мне, и он, как обычно, все взял в свои руки. Та ведьма похитила немало его мыслей, остальные взболтала, точно яйца для омлета, а затем повесилась. По правде говоря, такой промашки я от него не ожидал. Разум Филиппа всегда отличался упорядоченностью. И вдруг... Мне не терпелось узнать причину во всей ее запутанной красоте.

Протестующий крик Мэтью вырвался наружу слабым хрипом, зато крики внутри не утихали. Этого он никак не ожидал.

Значит, в лагере над Филиппом издевался не какой-то безвестный пацист, а Бенжамен. Порождение Мэтью. Внук Филиппа.

Бенжамен ударил Мэтью по лицу, сломав скулу:

— Тише! Я рассказываю тебе сказочку на ночь.

Пальцы Бенжамена давили на сломанные кости скулы, как на клавиши, извлекая музыку боли.

— Когда комендант Лунвица передал мне Филиппа, было слишком поздно. После ведьмы в его некогда блистательном мозгу сохранилась лишь одна связная мысль: Изабо. Моя, так сказать, бабуля оказалась на удивление чувственной. Очень странно для столь холодной вампирши.

Как бы Мэтью ни хотелось заткнуть уши, он был не в состоянии этого сделать.

— Филипп ненавидел свою слабость, но отпустить Изабо не мог, — продолжал Бенжамен. — Даже в разгар безумия, плача, как младенца, он думал об Изабо. Думал, сознавая, что я тоже участвую в его наслаждении. — Бенжамен улыбнулся, обнажая острые зубы. — Но довольно разговоров о семейных делах. Приготовься, Мэтью. Будет больно.

Глава 36

Пока летели домой, Галлоглас предупредил Маркуса, сказав, что со мной в Бодлианской библиотеке произошло нечто неожиданное.

— Вы найдете Диану... изменившейся, — тоном опытного дипломата сообщил Галлоглас.

Изменившейся. Это слово наиболее точно описывало существо, состоявшее из узлов, нитей, цепей, крыльев, печатей, оружия, а теперь еще и из слов и дерева. Я не знала, какая сила видоизменила меня, однако во мне лишь с трудом можно было узнать прежнюю Диану.

Предупреждение не спасло Маркуса от шока. Стоило мне вылезти из машины в Сет-Туре, как он изменился в лице. Фиби восприняла мою метаморфозу более стойчески, что я отнесла за счет ее характера.

— Никаких вопросов, — сказал Маркусу Хэмиш, беря меня под локоть.

Еще в самолете он видел, что вопросы делают со мной. Никакое маскировочное заклинание не смогло скрыть молочную белизну глаз, а также буквы и символы. Даже намек на вопрос сразу же отзывался потоком букв на руках и тыльных сторонах ладоней.

Я мысленно поблагодарила судьбу, что наши дети еще слишком малы и не запомнили меня иной. Для них мать в виде живого палимпсеста будет вполне нормальным явлением.

— Никаких вопросов, — быстро согласился Маркус.

— Дети сейчас в кабинете Мэтью, под присмотром Марты. В последний час они вели себя очень беспокойно, как будто знали, что ты возвращаешься, — сказала Фиби, вместе со мной идя в дом.

— Сначала повидаю детей.

Я не поднялась, а взлетела по лестнице. Я не видела смысла скрывать появившуюся способность.

Встреча с детьми растрвила мне душу. С одной стороны, они помогали мне почувствовать себя ближе к Мэтью. Но когда он был в опасности, я смотрела на детей, а видела его черты. Глаза у Филиппа были совершенно отцовские. И такой же упрямый подбородок, хотя еще совсем младенческий. Волосы Бекки цвета воронова крыла — другое напоминание о Мэтью. Глаза дочери утратили обычную младенческую голубизну, став серо-зелеными. Бледная кожа совсем как у отца. Я взяла обоих, прижала к себе и стала шепотом рассказывать, какие чудеса устроит им отец, когда вернется домой.

Пробыв с детьми столько, сколько позволяли нервы, я вернулась вниз, медленно переставляя ноги по ступенькам. Спустившись, я сказала, что хочу видеть трансляцию из логова Бенжамена.

— Изабо сейчас смотрит в семейной библиотеке, — сказала Мириам.

От ее встревоженного лица моя кровь стала еще холоднее. Первым кровь мне охладил Галлоглас, материализовавшись во дворе Бодлианской библиотеки.

Я внутренне подготовилась к ожидавшим меня ужасам, но стоило мне войти в библиотеку, как Изабо шумно захлопнула крышку ноутбука.

— Мириам, кажется, я просила не приводить сюда Диану.

— Диана имеет право знать, — возразила Мириам.

— Бабуля, Мириам права. — Галлоглас быстро поцеловал Изабо в щеку. — И потом, тетушка будет подчиняться твоим приказам не больше, чем ты повиновалась Болдуину, когда он не допускал тебя к Филиппу, требуя подождать, пока тот оправится от ран.

Галлоглас забрал у Изабо ноутбук и поднял крышку.

Взглянув на экран, я сдавленно вскрикнула от ужаса. Если бы не серо-зеленые глаза Мэтью и не его черные волосы, я бы не узнала собственного мужа.

— Здравствуй, Диана.

В библиотеку вошел Болдуин. Моя изменившаяся внешность не вызвала у него ни малейшего удивления. Он умел владеть лицом. Но Болдуин был солдатом и знал: делать вид, будто ничего

не случилось, ни к чему не приведет. Протянув руку, он с удивительной нежностью дотронулся до моего лба:

— Больно?

— Нет.

Когда мое тело поглотило Книгу Жизни, та же участь постигла и дерево. Ствол оказался у меня на затылке, спускаясь вдоль позвоночника. Корни дерева разметались по плечам. Ветви проникли под волосы, покрыв череп. Кончики листьев торчали из волос, выглядывали из-за ушей и обрамляли лицо. Подобно дереву на шкатулке для заклинаний, ветви и корни странным образом переплетались на шее. Их узор напоминал кельтские узоры.

— Почему ты здесь? — спросила я.

После крещения Болдуин уехал и с тех пор не напоминал о себе.

— Болдуин первым увидел послание Бенжамена, — пояснил Галлоглас. — Он немедленно связался со мной, а потом с Маркусом.

— Натаниэль меня опередил. Он проследил, откуда в последний раз Мэтью звонил по мобильнику. Это был звонок тебе. Так вот, Мэтью в тот момент находился на территории Польши, — сказал Болдуин.

— Адди видела Мэтью в Дрездене. Он направлялся в Берлин, — сообщила Мириам. — Мэтью спрашивал, нет ли сведений о Бенжамене. Пока они разговаривали, Мэтью получил эсэмэску и спешно уехал.

— Потом к Адди присоединилась Верена. Они взяли след Мэтью. Один из рыцарей Маркуса видел Мэтью выезжающим из... как теперь называется Бреслау? Да, из Вроцлава. — Болдуин посмотрел на Изабо. — Он ехал куда-то на юго-восток. Должно быть, Мэтью угодил в ловушку.

— Но он последовательно двигался на север. Почему вдруг изменил направление? — хмуро спросил Маркус.

— Возможно, он отправился в Венгрию, — сказала я, мысленно представляя карту Европы. — Мы нашли письмо от Годфри. Он упоминал о венгерских связях Бенжамена.

У Маркуса зазвонил мобильник.

— Что? Что у тебя есть?

Послушав немного, Маркус подошел к другому ноутбуку. Ими был уставлен весь стол. Едва засветился экран, Маркус быстро

ввел адрес сайта. Появились кадры трансляции. Натаниэль поработал над ними, повысив четкость. На одном я увидела планшет с пружинным зажимом. На другом — уголок ткани. Вероятно, это был плащ, брошенный на стул. Третий снимок показывал окошко.

— Натаниэль, мы ждем объяснений, — сказал Маркус, включая громкую связь.

Казалось, Маркус говорит не с другом, а с подчиненным.

— Помещение достаточно пустое. Зацепок, позволяющих определить местонахождение Мэтью, совсем немного. Я выбрал самые выразительные предметы.

— Ты можешь увеличить лист на планшете?

Натаниэль, находящийся на другом конце света, послушно увеличил изображение.

— Такие планшеты мы используем для медицинских карточек. Их полным-полно в каждой больничной палате. Крепятся прямо к спинкам кроватей. — Маркус наклонил голову, вглядываясь в карточку. — Это стандартная карточка пациента. Бенжамен сделал то, что делает любой врач: измерил рост Мэтью, его вес, давление, пульс. — Маркус помолчал. — Здесь еще указаны лекарства, которые принимает Мэтью.

— Мэтью не принимал никаких лекарств, — насторожилась я.

— Теперь принимает. Не по своей воле, — коротко ответил Маркус.

— Это что, наркотики? Но наркотики на вампиров действуют, только если... — Я умолкла.

— Только если вампир получает их через теплокровного. Бенжамен кормит Мэтью... правильнее сказать, насильно кормит чьей-то кровью. — Маркус уперся ладонями в стол и выругался. — И действие этих наркотиков на вампира отнюдь не успокоительное.

— Чем он пичкает Мэтью?

Я чувствовала странное оупение в мозгу и теле. Единственными живыми частями были нити. Они пронизывали меня целиком, словно корни и ветки.

— Смесью кетамина, опиатов, кокаина и псилоцибина. — Голос Маркуса звучал глухо и бесстрастно, но дернувшееся веко сказало мне больше.

— Что такое псилоцибин? — спросила я.

Остальные названия были более или менее знакомы.

— Галлюциноген, добываемый из грибов.

— Такая смесь сведет Мэтью с ума! — воскликнул Хэмиш.

— Быстрое убийство Мэтью не входит в планы Бенжамена, — сказала Изабо. — Что это за ткань? — спросила она, указывая на экран.

— По-моему, одеяло, — ответил Натаниэль. — Ткань находится почти вне кадра, но я все равно добавил этот фрагмент.

— И никаких ориентиров, — проворчал Болдуин, глядя на изображение окна. — Только снег и деревья. Зимой в Центральной Европе тысячи мест могут выглядеть так.

На ноутбуке, принимающем трансляцию, голова Мэтью слегка повернулась.

— Там что-то происходит, — сказала я, придвигая ноутбук поближе.

Бенжамен ввел в помещение маленькую девочку. Я прикинула возраст ребенка: от силы года четыре. На девочке была длинная белая ночная рубашка с кружевным воротником, кружевными манжетами и... следами крови.

Девочка тупо озиралась по сторонам, посасывая большой палец.

— Фиби, уведи Диану в другую комнату, — распорядился Болдуин.

— Нет. Я останусь здесь. Мэтью не будет пить кровь этой малышки. Ни за что! — заявила я, упрямо тряхнув головой.

— Пойми, Мэтью сейчас не в себе от боли, потери крови и наркотиков, — осторожно сказал Маркус. — Он не отвечает за свои действия.

— Мой муж не станет пить кровь ребенка, — повторила я, чувствуя абсолютную убежденность.

Бенжамен посадил малышку к Мэтью на колено и потрепал по шее. Там виднелась ранка с запекшейся кровью.

Ноздри Мэтью инстинктивно раздулись. Кровь, источник его жизни, была совсем рядом. Но затем он намеренно отвернул голову.

Болдуин безотрывно смотрел на экран ноутбука. Он следил за братом: сначала настороженно, затем с изумлением. Еще через какое-то время изумление сменилось уважением.

— Вы только посмотрите: какое самообладание! — пробормотал Хэмиш. — А ведь сейчас все внутри его требует крови ради собственного выживания.

— Ты по-прежнему думаешь, что Мэтью недостает качеств, необходимых главе клана? — спросила я у Болдуина.

Бенжамен стоял к нам спиной. Его реакции мы не видели, но чувствовалось: он раздосадован. События шли вразрез с его планами. Размахнувшись, он ударил Мэтью по лицу. Неудивительно, что я с трудом узнала лицо мужа. Затем Бенжамен грубо схватил ребенка и держал ее так, что шея девочки находилась под самым носом Мэтью. Трансляция шла без звука. Возможно, и к лучшему, поскольку лицо девочки сморщилось от ужаса и она начала кричать.

Губы Мэтью задвигались. Девочка повернула голову к нему. Ее плечики уже не так сильно тряслись от рыданий. Изабо, сидевшая рядом со мной, вдруг запела:

— Der Mond ist aufgegangen,
Die goldnen Sternlein prangen
Am Himmel hell und klar¹.

Изабо пела так, что слова совпадали с движением губ Мэтью.

— Изабо, прекрати! — потребовал Болдуин.

— Что это за песня? — спросила я и протянула руку к экрану.

Мне захотелось коснуться лица Мэтью. Даже в условиях жуткой пытки он сохранял шокирующее бесстрашие.

— Это немецкий гимн. Часть строк превратилась в известную колыбельную. Филипп часто напевал ее после... возвращения домой.

Лицо Болдуина исказила гримаса горя. Там было что-то еще. Чувство вины.

— Это песня об окончательном приговоре, выносимом Богом, — сказала Изабо.

Руки Бенжамена задвигались, а когда остановились, детское тельце обмякло. Головка девочки склонилась под неестественным углом. Пусть Мэтью не убивал этого ребенка, он не смог спасти девочку. Еще одна смерть, которую он вечно будет носить с собой.

— Довольно! Это закончится. Сегодня же!

¹ Луна взошла, / Золотые звезды сияют, / В небе светло и ясно (нем.).

Я схватила связку ключей, оставленную кем-то на столе. Меня не волновало, от чьей они машины, но я надеялась, что от машины Маркуса. Следовательно, быстрой.

— Сообщите Верене, что я выезжаю.

— Нет!

Крик Изабо заставил меня остановиться. Не властью. Он весь состоял из душевной боли.

— Окно. Натаниэль, ты можешь увеличить эту часть картины?

— Но там нет ничего, кроме снега и деревьев, — недовольным тоном произнес Хэмиш.

— Меня интересует стена рядом с окном. Настройся на нее.

Изабо указала на грязную стену, словно Натаниэль мог видеть ее и всех нас. Но смывленный компьютерщик понял ее распоряжение и стал увеличивать стену.

Стена увеличивалась в размерах, появлялись детали. Но я по-прежнему не понимала, что Изабо рассчитывает увидеть на стене. Стену покрывали пятна сырости. Ее давно не красили. Когда-то она была белой, как плитки пола, но сейчас выглядела серой. Натаниэль продолжал увеличивать изображение, одновременно повышая четкость. Некоторые пятна превратились в ряды номеров, спускающихся к полу.

— Спасибо тебе, умный мальчик.

Глаза Изабо были красными от крови и горя. Она встала. У нее дрожали руки и ноги.

— Я разорву это чудовище на куски.

— Изабо, ты что-то поняла? — спросила я.

— Песня была ключом. Мэтью знал, что мы смотрим, — сказала Изабо.

— Бабушка, что это? — спросил Маркус, вглядываясь в экран. — Это номера?

— Один номер. Номер Филиппа.

Изабо показала на самый последний в цепи номеров.

— Его номер? — переспросила Сара.

— Номер ему присвоили в Аушвице-Биркенау. Филипп пытался освободить Равенсбрюк, но попал к нацистам в плен и был отправлен в концлагерь, — пояснила Изабо.

Названия из кошмарных снов. Места, которые всегда будут синонимами человеческой дикости.

— Нацисты вытатуировали номер на его коже. Обычным узникам это делали один раз. Но Филиппа они покрыли почти целиком. — От ярости голос Изабо звенел как набат. — Так они узнали, что он не похож на остальных заключенных.

— О чем ты говоришь? — Я не верила своим ушам, однако...

— Филиппа пытали не нацисты. Бенжамен, — сказала Изабо.

Передо мной мелькнуло лицо Филиппа. Пустая глазница, откуда Бенжамен вырвал ему глаз. Чудовищные шрамы на лице. Я вспомнила сбивчивый почерк его письма ко мне. Изуродованная рука не могла с прежней легкостью удерживать ручку.

И чудовище, семьдесят лет назад издевавшееся над Филиппом, сейчас захватило в плен моего мужа.

— Прочь с дороги!

Болдуин встал у меня на пути, не пропуская к двери. Я попыталась его оттолкнуть, но он держал крепко.

— Диана, ты никак хочешь угодить в ту же западню, что и Мэтью? Бенжамен этого и добивается.

— Я поеду в Аушвиц. Мэтью не должен умереть там, где до него погибли тысячи, — сказала я, извиваясь в руках Болдуина.

— Мэтью не в Аушвице. Филипп пробыл там недолго. Затем его отправили в Майданек. Это в окрестностях Люблина. Там мы отца и нашли. В поисках выживших я обыскал весь лагерь. Могу тебе сказать: комнаты, похожей на эту, я не видел.

— Должна уточнить. Перед Майданском Филипп побывал еще в одном лагере. В том, где заправлял Бенжамен. Это он истязал Филиппа. Я уверена, — убежденно сказала Изабо.

— Но как Бенжамен мог командовать лагерем?

Такое не укладывалось у меня в голове. Насколько я знала, нацистскими концлагерьями заправляло СС.

— Помимо крупных лагерей, были десятки небольших. И в Германии, и в Польше. А помимо них — бордели, исследовательские центры, фермы, — пояснил Болдуин. — Если Изабо права, Мэтью сейчас может находиться где угодно.

Изабо резко повернулась к Болдуину:

— Ты волен оставаться здесь и гадать, где сейчас твой брат, а я вместе с Дианой поеду в Польшу. Мы сами найдем Мэтью.

— Никто никуда не поедет! — заявил Маркус, хватив кулаком по столу. — Во всяком случае, без осмысленного плана. Где именно находился Майданек?

— Сейчас открою карту.

Фиби потянулась к ноутбуку. Я задержала ее руку. Ткань покрывала в «камере пыток» была до боли знакомой... Твид. Коричневый, с белесыми полосами и запоминающимся переплетением нитей.

— А это что? Пуговица? — Я пригляделась. — Это не покрывало. Это пиджак. — Я снова пригляделась. — Такой пиджак носил Питер Нокс. Ткань я помню еще по Оксфорду.

— Если Бенжамен действует сообща с такими колдунами, как Нокс, вампирам не освободить Мэтью! — воскликнула Сара.

— Сорок четвертый год повторяется снова, — тихо произнесла Изабо. — Бенжамен играет с Мэтью и с нами.

— Если так, пленение Мэтью не было его целью, — сказал Болдуин, щурясь на экран. — Эту ловушку Бенжамен ставил на другую дичь.

— Ему нужна тетушка, — сказал Галлоглас. — Бенжамену хочется узнать, почему Диана смогла забеременеть от вампира и родить детей.

«Бенжамен хочет сделать меня сосудом для вынашивания его ребенка», — подумала я.

— Он не дожидается экспериментов над Дианой! — с жаром заявил Маркус. — Мэтью скорее умрет, чем допустит это.

— Эксперименты вообще не нужны. Я уже знаю, почему прядильщицы могут иметь детей от вампиров, страдающих бешеным кровью.

Буквы и символы ответа мчались по моим рукам. Слова принадлежали давно исчезнувшим языкам или таким, что ведьмы использовали только для заклинаний. Нити в моем теле скручивались, превращаясь в яркие спирали из желтого и белого, черного и красного, зеленого и серебристого.

— Значит, ответ находился в Книге Жизни, — сказала Сара. — Вампиры так и думали.

— И все началось с открытия ведьм. — Я сжала губы, чтобы не выдать больше тайн. — Маркус прав. Если мы отправимся к Бенжамену без плана и без поддержки других вампиров, ведьм и демонов, он победит. А Мэтью... погибнет.

— Отправляю вам автомобильную карту Восточной и Южной Польши, — послышался из динамика телефона голос Натаниэля.

На экране открылось новое окно.

— Аушвиц находится здесь. — (Появился пурпурный флажок.) — А вот здесь находится Майданек.

На окраине какого-то города вспыхнул красный флажок. Город находился на самом востоке польской территории; практически на границе с Украиной. Флажки на карте разделяли многие мили польской земли.

— Откуда начнем? — спросила я. — Доберемся до Аушвица и дальше поедem на восток?

— Нет. Бенжамен находится где-то неподалеку от Люблина, — утверждала Изабо. — Когда Филиппа нашли, мы разговаривали с несколькими ведьмами. Они сообщили, что мучитель Филиппа имел давние связи с этими краями. Мы тогда подумали, будто речь идет о каком-то местном пособнике нацистов.

— О чем еще говорили ведьмы? — спросила я.

— Оказалось, что до этого, прежде чем заняться истязаниями моего мужа, его палач истязал ведьм городка Хелм, — ответила Изабо. — Местные ведьмы прозвали его Дьяволом.

Хелм. Я быстро нашла на карте этот городок, находящийся восточнее Люблина. Мое ведьмино шестое чувство подсказывало: Бенжамен где-то там или очень близко.

— Поиски нужно начинать отсюда, — сказала я, дотрагиваясь до кружка на карте, словно Мэтью мог почувствовать мои пальцы.

Видеотрансляция продолжалась. Бенжамен ушел, оставив Мэтью наедине с мертвой девочкой. Губы моего мужа по-прежнему двигались. Он продолжал петь... для ребенка, который уже не услышит никаких звуков.

— Почему ты так уверена? — поинтересовался Хэмиш.

— Это родной город колдуна, которого я встретила в Праге шестнадцатого века. Как и я, он был прядильщиком.

Пока я говорила, на руках появились имена и родословные. Буквы были черными, чем-то похожими на узоры татуировки. Через мгновение они потускнели и исчезли, но я успела уловить смысл их послания: Авраам бен Илия, вероятно, был не первым и не последним прядильщиком в этом городе. И безумные попытки зачать ребенка Бенжамен осуществлял не где-нибудь, а в Хелме.

Теперь Мэтью смотрел на свою правую руку. Она двигалась, словно по ней пробегали судороги. Указательный палец Мэтью

стучал по подлокотнику стула. Постукивание тоже было каким-то судорожным.

— Такое ощущение, что у него повреждены нервы, управляющие движениями руки, — сказал Маркус, наблюдая за подергиванием отцовских пальцев.

— Это не бессмысленные движения. — Галлоглас наклонялся все ниже, пока не уткнулся подбородком в клавиатуру. — Это азбука Морзе.

— Что он передает?

Неужели мы пропустили часть послания? Эта мысль меня просто бесила.

— D. Четыре. D. Пять. C. Четыре. — Галлоглас поочередно называл буквы. — Черт! Мэтью выстукивает какую-то бессмыслицу. D. X...

... C₄ — взволнованно проговорил Хэмиш. — DXC₄ — Хэмиш взмахнул руками. — Мэтью не угодил в ловушку. Он сделал это намеренно.

— Ничего не понимаю, — призналась я.

— D₄ и D₅ — первые ходы ферзевого гамбита. Одно из классических начал шахматной партии. — Хэмиш прошел к очагу, возле которого находился столик с шахматной доской и массивными фигурами. Он передвинул две пешки: сначала белую, а затем черную. — Следующим ходом белая принуждает черную делать выбор: или поставить под удар свои ключевые фигуры, но приобрести больше свободы, или пожертвовать маневренностью ради безопасности. — Рядом с первой белой пешкой Хэмиш поставил еще одну.

— Но когда Мэтью играет белыми, он не начинает с ферзевого гамбита, а когда черными — отклоняет свободу. Мэтью выбирает безопасную игру и защищает свою королеву, — сказал Болдуин, скрешивая руки на груди. — Защищает всеми доступными ему способами.

— Знаю. Потому он часто и проигрывает. Но не в этот раз. — Хэмиш поднял черную пешку, перенес через белую, находившуюся наискось к ней, и опустил в центр доски. — DXC₄. Он согласился на ферзевый гамбит.

— Я думала, Диана и есть белая королева, — сказала Сара, разглядывая фигуры. — Но из твоих слов получается, что Мэтью играет черными.

— Так оно и есть, — подтвердил Хэмиш. — Мне думается, Мэтью пытается нам сообщить, что девочка была белой пешкой Бенжамена. Игрок пожертвовал ею, рассчитывая на превосходство над Мэтью и нами.

— И теперь он обладает превосходством? — спросила я.

— Все зависит от наших дальнейших ходов, — ответил Хэмиш. — В шахматах играющий черными либо продолжает атаковать пешки ради преимущества в эндшпиле, либо ведет более агрессивную игру, задействовав коней¹.

— И каким будет следующий ход Мэтью? — спросил Маркус.

— Не знаю, — пожал плечами Хэмиш. — Ты слышал Болдуина: Мэтью никогда не соглашался на ферзевый гамбит.

— Сейчас это не имеет значения. Мэтью не пытался диктовать нам наш следующий ход. Его послание было другим: не надо защищать его королеву.

Болдуин резко повернулся ко мне:

— Ты готова к дальнейшим действиям?

— Да.

— В прошлом ты проявила нерешительность, — произнес Болдуин. — Маркус рассказывал, как ты повела себя в библиотеке, столкнувшись с Бенжаменом. В этот раз от твоих действий зависит жизнь Мэтью.

— Такое больше не повторится.

Я выдержала взгляд Болдуина. Он кивнул, посчитав это достаточным.

— Изабо, ты сможешь взять след Мэтью? — спросил он.

— Лучше, чем Верена.

— Тогда мы немедленно уезжаем, — заявил Болдуин. — Маркус, свяжись со своими рыцарями. Пусть встретят меня в Варшаве.

— Там сейчас Кузьма, — сообщил Маркус. — В мое отсутствие он командует рыцарями.

— Маркус, тебе нельзя ехать, — сказал Галлоглас. — Ты должен остаться здесь, с малышками.

— Нет! — возразил Маркус. — Он мой отец. Я способен взять его след не хуже Изабо. Мы должны использовать все преимущества.

¹ Здесь подтекст, ускользающий при переводе. В английском языке «шахматный конь» и «рыцарь» обозначаются одним словом — knight.

— Ты не посидишь, Маркус. Диана тоже. — Болдуин уперся руками в стол, глядя на нас с Маркусом. — То, что происходило до сих пор, не более чем перестрелка. Подготовка к основному сражению. Свои планы мести Бенжамен вынашивал почти тысячу лет. В нашем распоряжении — считанные часы. Мы все должны сейчас находиться там, где мы нужнее, а не там, куда ведут нас наши сердца.

— Муж нуждается в моей помощи, — отрезала я.

— Твой муж нуждается, чтобы его нашли. Это могут сделать другие. И сражаться тоже могут другие, — ответил Болдуин. — Маркус должен оставаться здесь, поскольку Сет-Тур официально считается святилищем, только если великий магистр находится в его стенах.

— Мы видели, как это помогло сдержать натиск Герберта и Нокса, — с горечью напомнила Сара.

— Да, без жертв не обошлось. — Голос Болдуина звучал с холодной четкостью, будто слова были льдинками. — Смерть Эмили — трагическая, невосполнимая потеря. Но без Маркуса сюда бы ворвались Герберт и Доменико, сопровождаемый ордой их детей. Все вы, возможно, были бы мертвы.

— Ты этого не знаешь, — сказал Маркус.

— Знаю. Доменико хвастался их замыслами. Поэтому, Маркус, ты останешься здесь. Будешь охранять Сару и детей. Тогда Диана сможет заняться своей работой.

— Какой еще работой?

— Ты, сестра, поедешь в Венецию.

В воздухе мелькнул тяжелый железный ключ. Я подняла руку, и он приземлился мне на ладонь. Ключ был не только тяжелым, но и очень изысканным по форме. Его дужка имела вид уробороса де Клермонов. Длинный черенок соединялся с бородкой, испещренной хитроумными звездчатыми вырезами. Я смутно помнила, что у нас с Мэтью есть дом в Венеции. Может, это был ключ от дома?

Все присутствующие вампиры с непонятным ужасом смотрели на мою руку. Я вертела его в разные стороны, но не видела ничего, кроме обычных радужных красок на запястье и тонких струек букв. Первым обрел дар речи Галлоглас.

— Ты не можешь отправить тетушку туда, — сказал он, нихая Болдуина в плечо. — О чем ты думал?

— О том, что она член семьи де Клермон. Я принесу больше пользы, вместе с Изабо и Вереной разыскивая Мэтью, чем сидя в зале заседаний и споря об условиях завета. — Болдуин устремил на меня сверкающие глаза и пожал плечами. — Возможно, Диана сумеет их переубедить.

— Постой... — Теперь уже я пришла в изумление. — Ты не можешь...

— Ты хочешь участвовать в заседании Конгрегации и сидеть на месте, традиционно занимаемом де Клермонами? Я бы этого хотел, сестра, — кривя губы, признался Болдуин.

— Но я же не вампириша!

— Никто и не говорит, что ты должна быть ею. Отец согласился на принятие завета с одним условием: в состав членов Конгрегации всегда будет входить кто-нибудь из де Клермонов. Без нас совет не может собраться. Я внимательно перечитал текст первоначального соглашения. Там нигде не оговаривается, что представитель семьи де Клермон обязательно должен быть вампиром. — Болдуин покачал головой. — Если бы я не знал, когда принимался завет, то наверняка подумал бы, что Филипп предвидел этот день и заранее подготовился.

— И каких действий ты ждешь от тетушки? — спросил Галлоглас. — Быть придишлицей еще не значит быть волшебницей.

— От Дианы требуется напомнить Конгрегации, что они не впервые получают жалобы на некоего вампира из Хелма, — сказал Болдуин.

— Выходит, Конгрегация знала о Бенжамене и ничего не делала?

Как такое может быть?

— Они не знали, кто тот вампир, но хорошо знали о неблагоприятных делах, творящихся в Хелме, — пояснил Болдуин. — Даже ведьмы не потребовали провести расследование. Возможно, Нокс не единственный из их породы, кто сотрудничал с Бенжаменом.

— В таком случае без поддержки Конгрегации нам нельзя соваться в Хелм, — заявил Хэмиш.

— А если жертвами Бенжамена были ведьмы, вампирам понадобится не только поддержка Конгрегации, но и благоволение Хелмского шабаша, — добавил Болдуин.

— Это значит, мы должны убедить Сату Ярвинен действовать заодно с нами. Не говоря уже про Герберта и Доменико, — заметила Сара.

— Болдуин, это невозможно, — подхватила Изабо. — Де Клермоны веками враждовали с ведьмами. Такое не забывается. Они ни за что не согласятся помочь нам спасти Мэтью.

— «Невозможно» — это не по-французски, — напомнила я свекрови. — С Сату я как-нибудь управлюсь. Когда я присоединюсь к поискам, у меня будет полная поддержка ведьм и демонов, входящих в Конгрегацию. Давать обещаний относительно Герберта и Доменико не буду.

— Ты замахваешься на трудное дело, — предупредил меня Галлоглас.

— Я хочу вернуть мужа. Что теперь? — спросила я Болдуина.

— Мы прямиком отправимся в венецианский дом Мэтью. Конгрегация требовала вашего появления. Если они увидят нас, то решат, что я выполнил их поручение.

— Диане там будет грозить какая-либо опасность? — спросил Маркус.

— Конгрегация хочет провести официальные слушания. За нами будут наблюдать, и весьма пристально, но никто не начнет войну. Во всяком случае, пока длится заседание. Я провожу Диану на Изола-делла-Стелла. Там находится Челестина — штаб-квартира Конгрегации. Диана имеет право взять с собой двух сопровождающих. Галлоглас? Фернандо? — спросил Болдуин.

— С удовольствием, — ответил Фернандо. — Последний раз я был на собрании Конгрегации еще при жизни Хью.

— Разумеется, я поеду в Венецию, — прорычал Галлоглас. — Если ты думал, что тетушка поедет без меня, тогда ты просто осел.

— Успокойся, я так не думал. Встреча не может начаться без Дианы. Дверь зала совещаний не откроется без ключа де Клермона, — пояснил Болдуин.

— Теперь понятно, почему ключ заколдован, — сказала я.

— Заколдован? — удивился Болдуин.

— Да. При изготовлении ключа в него было вложено охранительное заклинание.

Я умолчала об искусности ведьм, которые это делали. За века граматий заклинания ничуть не ослаб.

— Конгрегация перебралась на Изола-делла-Стелла в тысяча четыреста пятьдесят четвертом году. Тогда же были сделаны ключи. Потом они только передавались.

— Теперь понятно. Заклинание обергало ключи от попыток сделать копию. Если бы кто-то попытался, ключ разрушился бы у него на глазах. Умный ход, — сказала я, вертя ключ на ладони.

— Диана, ты уверена в своей готовности участвовать в заседании? — Болдуин снова буравил меня взглядом. — Нет ничего постыдного, если ты признаешься, что не готова вновь оказаться лицом к лицу с Гербертом и Сату. Мы можем составить какой-нибудь другой план.

— Уверена, — ответила я, не дрогнув под взглядом Болдуина.

— Отлично! — Болдуин взял со стола лист бумаги; внизу стояла размашистая подпись Болдуина, а еще ниже чернела восковая печать с оттиском уробороса де Клермонов. — Это отдашь секретарю, когда будешь в резиденции.

Лист являл собой официальное признание клана Бишоп-Клермонов.

— Еще до того, как Бенжамен подсунул Мэтью эту несчастную малышку, я знал: он готов возглавить свой клан, — сказал Болдуин, отвечая на мой молчаливый вопрос.

— С каких пор? — только и смогла вымолвить я.

— С того самого момента, когда мы сцепились в церкви и он позволил тебе вмешаться, не поддавшись позывам бешенства крови, — ответил Болдуин. — Диана, я найду его. И привезу домой.

— Спасибо... — Помешкав, я добавила слово, которое было у меня не только на языке, но и в сердце. — Брат.

Глава 37

Самолет де Клермонов шел на посадку в аэропорту Венеции. Его встречало море свинцового цвета, такое же небо и пронзительный ветер.

— Здравствуй, прекрасная венецианская погода, — проворчал Галлоглас.

Он заслонял меня от порывов ветра, пока мы спускались по трапу вслед за Болдуином и Фернандо.

— Хотя бы дождя нет, — сказал Болдуин, оглядывая взлетную полосу.

Среди множества предостережений, которые я слышала за время полета, было и такое: пол первого этажа может оказаться затопленным на один-два дюйма. Меня это вообще не волновало. Это умение вампиров придавать столько значимости пустякам порой сводило с ума.

— Может, мы все-таки пойдем к машине? — спросила я, кивая в сторону ожидавшего автомобиля.

— Пять часов вечера от этого раньше не наступят, — заметил идущий за мной Болдуин. — Они отказываются менять время заседания. Дань тр...

— Традиции, — перебила я. — Знаю.

Однако машина довезла нас лишь до причала аэропорта. Там Галлоглас помог мне забраться в небольшой быстроходный катер. На сверкающем штурвале красовался герб де Клермонов. Каюта имела тонированные стекла. Вскоре мы остановились у другого причала, покачивающегося напротив палатки XV века. Место, где стоял дом, находилось на изгибе Большого канала.

Ка'-Кьяромонте было подходящим жилищем для такой фигуры, как Мэтью, который веками играл ключевую роль в деловой и политической жизни Венеции. Дом имел три этажа, фасад в го-

тическом стиле и сверкающие окна. Все это говорило о богатстве и статусе владельца. Если бы целью моего посещения Венеции было не спасение Мэтью, а просто желание сменить обстановку, я бы насладилась красотой здания. Но сегодня оно воспринималось таким же мрачным, как погода. Нас приветствовал крепкий темноволосый вампир. Носатый, в круглых очках с толстыми стеклами. Его лицо говорило о привычке к долготерпению.

— *Benvegnù, madame*¹, — произнес он, поклонившись. — Для меня большая честь приветствовать вас в вашем доме. И всегда большое удовольствие снова видеть мессера Бальдовино.

— Ты жуткий врун, Санторо. Нам нужен кофе и кое-что покрепче для Галлогласа.

Вручив дворецкому перчатки и плащ, Болдуин повел меня к открытой двери палатки. Она находилась в глубине небольшого портика. Как меня и предупреждали, пол был залит водой. Возле двери громоздились мешки с песком, но и они не помогали. Пол коридора был выложен белыми и терракотовыми плитками. В дальнем конце темнела другая дверь. Стены, обшитые деревянными панелями, тоже темными, освещались свечами. Те стояли в бра с зеркальными отражателями, увеличивающими яркость света. Я откинула капюшон тяжелого плаща, размотала шарф и стала разглядывать интерьер.

— *D'accordo*², мессер Бальдовино. — Что-то в тоне голоса Санторо напоминало мне Изабо. — А что для вас, мадам Кьяромонте? У милорда Маттео отменный вкус по части вин. Может, бокальчик «Бароло»?

Я покачала головой.

— Он теперь мессер Маттео, — пояснил Болдуин, прошедший в конец коридора, отчего Санторо разинул рот. -- Только не говори мне, старый козел, что ты удивлен. Ты веками подстрекал Мэтью на бунт.

Болдуин двинулся вверх по лестнице.

Озябшими пальцами я расстегивала пуговицы на мокром плаще. Даже без дождя здешний воздух был густо насыщен влагой. Как я узнала, Венеция состояла преимущественно из воды, героически (а точнее, напрасно) удерживаемой кирпичами и известковым раствором. Сражение с пуговицами не помешало мне за-

¹ Добро пожаловать, мадам (*венетский диалект ит.*).

² Хорошо (*ит.*).

метить богатую мебель в коридоре. Видя мое любопытство, Фернандо пояснил:

— Венецианцы хорошо понимают два языка: богатство и власть. Де Клермоны свободно говорят на обоих. И потом, если бы не работа Мэтью и Болдуина, город давным-давно ушел бы под воду. Венецианцы это знают. И у твоего мужа, и у Болдуина нет причин скрывать свою значимость. — Фернандо отдал Санторо мой плащ. — Идем, покажу твою комнату.

Убранство спальни, приготовленной для меня, было выдержано в красных и золотых тонах. В камине, выложенном глазурованными плитками, горел огонь. Но ни языки пламени, ни яркие краски не согревали меня. Через несколько минут я опять спустилась вниз.

Я села на мягкую скамейку в эркере с видом на Большой канал. Камин в гостиной был гораздо больше того, что затопили в моей комнате. В нем тоже ярко пылал огонь. На деревянной полке над камином я увидела знакомый девиз: «ЧТО МЕНЯ ПИТАЕТ, ТО И РАЗРУШАЕТ». Он напомнил мне Мэтью, наши дни в Лондоне и деяния прошлого, которые даже сейчас угрожали моей семье.

— Тетушка, тебе все-таки стоит отдохнуть, — сказал Галлоглас, отыскавший меня здесь. — До заседания Конгрегации еще далеко.

Но я даже не шевельнулась. Я осталась сидеть в эркере, где каждое переплетчатое окно показывало кусочек города. Удары венецианских колоколов возвещали об очередном прошедшем часе. А время тянулось медленно.

— Пора. — Болдуин тронул меня за плечо.

Я встала. На мне был ярко расшитый жакет Елизаветинской эпохи, в котором я вернулась из прошлого, толстый черный свитер с низким воротником и шерстяные брюки. Дорожная одежда для поездки в Хелм, куда я намеревалась отправиться сразу же после окончания встречи.

— Ключ при тебе? — спросил Болдуин.

Я полезла в карман жакета. К счастью, старинная одежда была сшита под нужды домохозяйек того времени и имела множество карманов и карманчиков. Однако ключ от зала заседаний Конгрегации отличался внушительными размерами и едва помещался в самом большом кармане.

— Тогда пошли.

Галлоглас и Фернандо уже ждали нас внизу. Оба были в черных плащах. Такой же плащ Галлоглас набросил и на мои плечи. Плащ был старинным, из плотной тяжелой ткани. На правом рукаве, в складках, я увидела эмблему Мэтью.

Ветер дул с прежней свирепостью, и мне пришлось крепко вцепиться в капюшон плаща. Фернандо и Галлоглас поспешили к катеру. Тот вздымался и опускался вместе с волнами канала.

Болдуин крепко держал меня под локоть, помогая ступить на скользкую палубу катера. Едва я оказалась на палубе, как она опасно накренилась. Это Галлоглас надавил сапогом на металлическую планку, намереваясь сделать катер чуть устойчивее. Я юркнула в каюту. Галлоглас перебрался на палубу, и мы отчалили.

Мы выскочили из устья Большого канала, пронеслись мимо площади Святого Марка и свернули в канал поменьше. Он пересекал район Кастелло, выходя к лагуне на северной оконечности города. Наш путь лежал мимо острова Сан-Микеле с его высокими стенами и кипарисами, охраняющими могилы. Я согнула пальцы, соединив внутри синие и черные нити, и прошептала несколько слов поминальной молитвы об усопших.

Катер мчался мимо островов Мурано и Бурано, где и сейчас жили люди. На других островах остались лишь развалины и фруктовые деревья, погруженные в зимнюю спячку. Когда впереди появились белые стены, ограждающие Изола-делла-Стелла, у меня закололо все тело. Болдуин пояснил, что венецианцы считают остров проклятым. Ничего удивительного. Остров был пронизан магической силой: магией стихий и многовековыми наслоениями заклинаний, которые охраняли это место и отвращали от него глаза любопытствующих людей.

— Остров почувствует, кто я, и может помешать мне пройти через дверь, куда входили вампиры, — сказала я Болдуину.

Я слышала голоса духов ведьм и колдунов, связанных с этим местом. Они бдительно несли свою незримую вахту. Те, кто ограждал заклинаниями Изола-делла-Стелла и Челестину, были куда искуснее колдуна, создавшего магическую систему слежения в Бодлианской библиотеке. Интересно, как скоро обнаружится, что она выведена из строя?

— В таком случае иди быстро, — посоветовал Болдуин. — Правила Конгрегации запрещают изгонять всякого, кто войдет

в стены монастыря. Он находится в центре Челестины. Поскольку ключ у тебя, ты имеешь право войти с двумя сопровождающими. Так было всегда.

Санторо заглушил двигатель, и катер плавно достиг крытого причала. Пока двигались под аркой, я разглядела на замковом камне изображение уробороса де Клермонов. Время и соленый воздух сгладили контуры эмблемы. Неискушенный глаз не увидел бы ничего, кроме борозд.

Ступени, ведущие к высокой мраморной площадке причала, были густо покрыты водорослями. Вампир вполне мог рискнуть подняться по таким ступеням, но только не ведьма. Раньше, чем я успела подумать, Галлоглас уже был на площадке. Санторо бросил ему канат, и он с привычной ловкостью привязал катер к швартовой тумбе. Болдуин дал мне последние наставления:

— Когда войдешь в зал заседаний, занимай свое место, не вступая в разговоры. Наша публика привыкла увязать в болтовне, но сегодняшняя встреча непростая. Представитель семьи де Клермон всегда председательствует. Не стесняйся призвать их к порядку и не особо тяни с этим.

— Понятно. — Мои полномочия меня отнюдь не радовали. — Имеет значение, где я сяду?

— Твое место напротив двери, между Гербертом и Доменико. *Buona fortuna*¹, Диана, — сказал Болдуин, поцеловав меня в щеку.

— Болдуин, привези его домой! — выпалила я, хватаясь за рукав брата.

Это было последнее проявление слабости, которое я могла себе позволить.

— Привезу. Бенжамен рассчитывал, что Мэтью будет его искать, а ты помчишься вслед за мужем. Встреча со мной окажется для него полной неожиданностью.

Где-то в вышине ударил колокол.

— Нужно идти, — сказал Фернандо.

— Позаботься о моей сестре, — напутствовал его Болдуин.

— Я постоянно забочусь о супруге моего сира, — ответил Фернандо. — Можешь не волноваться. Я буду оберегать ее, не жалея жизни.

Фернандо взял меня за талию и поднял на вытянутых руках, передав Галлогласу. Через мгновение я уже стояла на площадке.

¹ Удачи (*ит.*).

Следом туда выбрался Фернандо. Болдуин перепрыгнул с нашего катера на соседний, поменьше. Махнув нам, он направил катер к концу причала, где и остановился. Там он будет ждать, пока колокола не прозвучат пять часов и не возвестят о начале встречи.

Дверь, за которой находились владения Конгрегации, была массивной, почерневшей от времени и влаги, однако замочная скважина сверкала так, словно ее только что начистили. Я отнесла этот блеск за счет магии, и покалывание в пальцах подтвердило мою догадку. Еще одно ограждающее заклинание, которое уберегало замочную скважину и механизм замка от воздействия природных стихий и неминуемой ржавчины. Мне вспомнилось то, что я видела из окон Ка'-Кьяромонте. Какой-нибудь предприимчивый венецианский колдун мог озолотиться, заговаривая городские кирпичи и штукатурку от разрушения.

Я достала ключ, ставший в моей руке теплым. Бородка скользнула в замочную скважину. Механизм замка послушно щелкнул.

Взявшись за тяжелое кольцо, я открыла дверь. Внутри был коридор, выложенный плитами из мрамора с прожилками. Сумрак позволял видеть не дальше ярда.

— Я тебя проведу, — сказал Фернандо, беря меня за руку.

После темного коридора тусклый свет монастыря показался мне ослепительно-ярким. Когда глаза привыкли, я увидела круглые арки, поддерживаемые изящными двойными колоннами. В центре двора высилась мраморная чаша колодца — напоминание о том, что монастырь строился задолго до появления электричества и водопровода. Тогда путешествия были сопряжены с трудностями и опасностями. Встречи Конгрегации длились месяцами. Им приходилось жить на острове до тех пор, пока все вопросы не будут решены.

Приглушенные разговоры смолкли. Я нагнулась, чтобы не видели моего лба. Толстые складки плаща маскировали большую сумку, висевшую у меня на плече. Я быстро оглядела собравшихся. Сату стояла одна. Она старалась не встречаться со мной глазами, но я чувствовала, как ей неприятна эта новая встреча с Дианой Бишоп. Однако я чувствовала не только ее дискомфорт. Казалось, финская ведьма... пытается юлить. У меня свело живот, к счастью не слишком сильно. Так бывало всякий раз, когда другая ведьма пыталась мне соврать. Сату окружила себя маскировочным заклинанием, но это ей не помогло. Я знала, что она скрывает.

Остальные члены Конгрегации стояли кучками сообразно своей породе. Рядом с Агатой Уилсон я увидела демона и демоницу. Герберт и Доменико удивленно переглянулись. Двух других ведьм я видела впервые. У одной было строгое лицо. Ее тугая коса каштановых с проседью волос была убрана в пучок на затылке. Платье этой ведьмы представляло собой редкую безвкусицу, подчеркнутую вычурным ожерельем. На цепочке из золота с эмалью висел миниатюрный портрет кого-то из ее предков. Вторая ведьма была симпатичной, круглолицей, с розовыми щеками и седыми волосами. Гладкая, без морщин, кожа не позволяла определить ее возраст. В этой ведьме было что-то притягательное, но что именно, я не понимала. У меня закололо кожу на руках. Книга Жизни сообщала о готовности ответить на мои вопросы, но расшифровывать их у меня не было времени.

— Приятно видеть, что де Клермоны наконец-то уступили требованию Конгрегации прислать сюда эту ведьму, — произнес Герберт; в последний раз мы встречались с ним в развалинах Ла-Пьера. — Итак, Диана Бишоп, мы встречаемся снова.

— Здравствуйте, Герберт.

Я стойко выдержала его взгляд, хотя внутри меня все сжалось. Вампир скривил губы.

— А ты такой же гордец, как и прежде, — сказал он, поворачиваясь к Галлогласу. — Подумать только: какая-то девчонка привела в замешательство и разрушила благородное семейство де Клермон!

— То же самое говорили про бабулю, — ответил Галлоглас. — Если мы выдерживаем Изабо, выдержим и эту, как ты изволил выразиться, девчонку.

— Когда ты познакомишься с грузом обвинений в ее адрес, твое мнение изменится, — заявил Герберт.

— Где Болдуин? — хмуро спросил подошедший к нам Доменико.

Вверху послышался скрип и скрежет какого-то механизма.

— Отсутствует по причине внезапно изменившихся обстоятельств, — ответил Галлоглас. — Дай нам пройти.

— Менять представителя де Клермонов без уведомления, в последнюю минуту... это противоречит нашим правилам, — заявил Герберт.

— Чего ты ждешь, Галлоглас? Открывай дверь! — скомандовал Доменико.

— У меня нет ключа, — тихо ответил Галлоглас. — Идем, те-тушка. Тебя ждет заседание.

— Как прикажешь понимать, что у тебя нет ключа? — Резкий голос Герберта диссонировал с перезвоном магических колоколов. — Ты единственный представитель семьи де Клермон.

— Не единственный. Несколько недель назад Болдуин признал Диану Бишоп дочерью Филиппа де Клермона на основании клятвы, принесенной Филиппом на крови.

Ведьмы зашептались.

— Такого просто не может быть, — возразил Доменико. — Вот уже почти семьдесят лет, как Филипп де Клермон мертв. Каким...

— Диана Бишоп — лугешественница во времени.

Герберт с откровенной неприязнью смотрел на меня. Ямочки на щеках седовласой ведьмы стали еще глубже.

— Как я сразу не догадался! Все это — часть некоего масштабного заклинания, созданного ею. Я тебя предупреждал: эту ведьму надо остановить. А теперь мы вынуждены расплачиваться за твою промашку в действиях. -- Он с упреком посмотрел на Сату.

Закончив перезвон, колокола стали отбивать время.

— Пора в зал, — сказала я. -- Недопустимо опаздывать и нарушать традиции собраний Конгрегации.

Меня до сих пор злило, что они не согласились перенести встречу на более раннее время.

Подойдя к двери, я ощутила тяжесть ключа. Дверь имела девять замочных скважин, и в восьми замерли ключи. Я вставила и быстро повернула свой. Замок тихо щелкнул. Дверь широко распахнулась.

— После вас, — сказала я, пропуская участников встречи, до начала которой оставались считанные минуты.

Зал заседаний поражал великолепием. Его украшали яркие фрески и мозаичные панно. Он освещался факелами и сотнями свечей. Сводчатый потолок едва просматривался. Я прикинула высоту зала. Этажа три, если не четыре. Стены опоясывала галерея. Самый верх занимали архивы Конгрегации. Беглый осмотр полок подсказывал: хроникам, собранным здесь, не одна тысяча лет. Кроме книг и манускриптов, на полках лежали более ранние образчики письменности: свитки и стеклянные пластинки с фрагментами папируса. Ряды выдвижных ящиков намекали на то, что внутри могут храниться глиняные дощечки.

Посередине зала стоял большой овальный стол, окруженный девятью стульями с высокими спинками. Подобно ключам и замкам, на каждом стуле был вырезан символ. Слова Болдуина подтвердились: мой стул находился у дальнего края стола, напротив двери.

В зале нас встретила молодая женщина. Каждому члену Конгрегации она вручила по кожаной папке. Я решила, что внутри находится лист с повесткой дня, но потом заметила, что папки имеют разную толщину. Возможно, это были архивные папки, извлеченные по особому требованию членов Конгрегации.

В зал я входила последней. Дверь сама захлопнулась за мной.

— Здравствуйте, мадам де Клермон, — произнесла женщина, и мне сразу понравились ее темные умные глаза. — Я Рима Хаэн, библиотекарь Конгрегации. В этой папке находятся документы, затребованные сиром Болдуином для сегодняшнего заседания. Если вам нужно что-то еще, дайте мне знать.

Я поблагодарила ее и взяла папку. Женщина не уходила. Казалось, ей хочется задать мне вопрос.

— Простите за дерзость, мадам, но не встречались ли мы прежде? Вы почему-то кажетесь мне очень знакомой. Я знаю, что вы историк. Вы когда-нибудь бывали в Севилье, в архиве Гонсалвишей?

— Нет, там я не работала, — ответила я и добавила: — Но полагаю, что знакома с владельцем.

— Меня уволили из архива по сокращению штатов, и тогда сеньор Гонсалвиш предложил мне эту работу, — пояснила Рима. — Прежний библиотекарь Конгрегации был вынужден уйти. Это произошло в июле прошлого года, и весьма неожиданно. У него случился инсульт. По традиции библиотекари Конгрегации набираются из людей. Сира Болдуина попросили срочно найти замену.

Инсульт библиотекаря и назначение Римы произошли через несколько недель после того, как Болдуин узнал о клятве Филиппа. Я сильно подозревала, что мой новый брат сам это и устроил. Личность главы клана де Клермонов становилась для меня все интереснее.

— Профессор Бишоп, вы заставляете нас ждать, — раздраженно произнес Герберт.

Судя по оживленным разговорам за столом, он был единственным, кого это волновало.

— Дайте профессору Бишоп шанс освоиться в новой обстановке. Это ее первое заседание, — с сильным шотландским акцентом сказала ведьма с ямочками. — А свое первое заседание вы помните? Или у вас, Герберт, этот счастливый день — далекое прошлое, скрытое завесой времени?

— Если дать этой ведьме шанс, то она всех нас опутает своими заклинаниями. Поверьте мне, Дженет, ее опасно недооценивать. Когда она была ребенком, Нокс провел обследование ее силы и потенциала. Как теперь выясняется, он поддался заблуждению и сделал совершенно неверное заключение.

— Благодарю вас за любезное пояснение, но вряд ли мне стоит чего-либо опасаться, — сказала Дженет, и ее серые глаза озорно блеснули.

Я взяла у Римы папку, а ей отдала сложенный лист, официально подтверждающий самостоятельность семьи Бишоп-Клермон в вампирском мире.

— Вы можете зарегистрировать этот документ?

— С удовольствием, мадам де Клермон. Библиотекарь Конгрегации одновременно выполняет и обязанности секретаря. Пока вы совещаетесь, я выполняю все, что требуется для регистрации документа.

Вручив бумаги, официально признававшие учреждение клана Бишоп-Клермонов, я обошла стол.

— Миленькие кружева, — шепнула мне Агата, указывая на собственный лоб. — И плащ потрясающий.

Я молча улыбнулась ей и пошла дальше. Добравшись до своего стула, я повозилась с влажным плащом, стараясь не показывать сумку. Наконец мне удалось его снять и повесить на спинку стула.

— У двери есть вешалка, — сказал Герберт.

Я повернулась к нему. У него округлились глаза. Мой жакет с длинными рукавами скрывал текст Книги Жизни, но глаза оставались на виду. К тому же я намеренно заплела волосы в длинную рыжую косу, обнажив кончики ветвей, покрывавших мне голову.

— В данный момент моя магическая сила не устоялась, отчего кто-то может испытывать дискомфорт, находясь рядом со мной, — сказала я. — Поэтому я предпочитаю держать плащ под рукой. Конечно, я могу, как Сату, окружить себя маскировочным заклинанием.

нением, но прятаться на виду у всех — такая же ложь, как и любые словесные формы обмана.

Я поочередно оглядела всех членов Конгрегации, подзадоривая их отреагировать на буквы и символы, которые сейчас мелькали на моем лбу.

Сату отвернулась, но я успела заметить ее испуганное лицо. Резкое движение повредило скверно наложенное маскировочное заклинание. Я пыталась найти сигнатуру заклинания и не находила. Ее не было. Сату не накладывала маскировочное заклинание. Она сама его соткала, и не слишком искусно.

«Сестра, я знаю твою тайну», — мысленно сказала я.

«А я давно подозревала твои», — язвительно ответила мне Сату.

«Но по пути сюда у меня появилось еще несколько».

После моего впечатляющего оглядывания присутствующих только Агата рискнула спросить:

— Что с тобой случилось?

— Я выбрала свой путь.

Сказав это, я швырнула на стол сумку и села. Содержимое сумки было настолько тесно связано со мной, что даже на коротком расстоянии я чувствовала его притяжение.

— Что это такое? — с подозрением спросил Доменико.

— Фирменная сумка Бодлианской библиотеки.

Я взяла ее из библиотечного магазина, когда мы уносили Книгу Жизни, не забыв сунуть двадцать фунтов под карандашный стаканчик у кассы. Весьма символично, что на холщовом мешке красовалась клятва читателя, исполненная черными и красными буквами.

Доменико открыл рот, собираясь задать новый вопрос, но я выразительно посмотрела на него. Я и так слишком долго ждала начала этого заседания. Вопросы Доменико подождут до освобождения Мэтью.

— Призываю собравшихся к порядку. Я — Диана Бишоп, дочь Филиппа де Клермона, родство с которым зафиксировано клятвой на крови. Сегодня я представляю семейство де Клермон. — Я повернулась к Доменико, который скрестил руки, показывая, что говорить не намерен, тогда я продолжила: — Справа от меня находится Доменико Микеле, а слева — Герберт из Орильяка. Агату Уилсон я знаю по Оксфорду, а с Сату Ярвинен мы про-

вели некоторое время во Франции. — Моя спина отозвалась жгучей болью, вспомнив пытки огнем. — Остальные мне незнакомы, и я прошу вас представиться.

— Меня зовут Осаму Ватанабэ, — сказал молодой демон, сидящий рядом с Агатой. — Вы очень похожи на персонаж манги. Вы позволите мне потом вас нарисовать?

— Конечно, — ответила я, надеясь, что на его рисунке я не предстану злодейкой.

— Татьяна Алкаева, — представилась демоница с серебристыми волосами и мечтательными голубыми глазами.

Она была очень похожа на героинь русских сказок. Не хватало лишь саней, запряженных тройкой белых лошадей.

— Вы полны ответов, но сейчас у меня нет вопросов, — добавила Татьяна.

— Прекрасно, — сказала я и повернулась к ведьме в безвкусном платье. — А вы кто?

— Сидония фон Борке, — ответила ведьма, надевая очки и шумно открывая папку. — И мне ничего не известно о так называемой клятве на крови.

— Сведения находятся в отчете библиотекаря. Вторая страница, внизу, третья строчка приложения. — пришел сей на помощь Осаму, и Сидония сердито зыркнула на него. — Насколько помню, строчка начинается так: «Дополнения к родословным вампиров (в алфавитном порядке): Алмаши, Беттингкорт, де Клермон, Диас...»

— Я нашла, мистер Ватанабэ, — огрызнулась Сидония.

— Дорогая Сидония, думаю, я последняя, кто еще не представился, — сказала седовласая ведьма, добродушно улыбаясь. — Я Дженет Гоуди. Я давно ждала встречи с вами, Диана. Я знала ваших отца и мать. Они были большой надеждой для всех нас, и я до сих пор искренне скорблю об их кончине.

— Спасибо, — прошептала я, тронутая бесхитростными словами этой ведьмы.

— Нам сообщили, что де Клермоны намерены обратиться к Конгрегации с ходатайством, — сказала Дженет, тактично направляя собрание в деловое русло.

Я с благодарностью посмотрела на нее:

— Де Клермоны официально обращаются к Конгрегации с просьбой помочь найти местонахождение члена клана Бишоп-

Клермонов Бенжамена Фокса. Кому-то он может быть известен под именем Бенжамена Фукса. Господин Фукс унаследовал от Мэтью Клермона, являющегося его отцом и моим мужем, бешенство крови. В течение столетий он похищал и насиловал ведьм, пытаясь сделать их беременными и получить от них потомство. В основном эти зверства совершались в окрестностях польского города Хелм. Возможно, кто-то из вас помнит жалобы, подаваемые Хелмским пабашем. Конгрегация их игнорировала. Вплоть до недавнего времени желание Бенжамена произвести на свет ребенка вампира и ведьмы оставалось неосуществимым, в основном из-за того, что ему неизвестен секрет, который ведьмы раскрыли очень давно. Оказывается, вампиры, страдающие бешенством крови, могут размножаться биологическим путем, но только с особой породой ведьм, называемых прядильщицами.

В зале установилась полная тишина. Я сделала глубокий вдох и продолжила:

— Пытаясь выманить Бенжамена из укрытия, мой муж отправился в Польшу и там исчез. Мы полагаем, что Бенжамен захватил его в плен и удерживает в здании, где во Вторую мировую войну находился нацистский концлагерь или исследовательский центр. Рыцари Лазаря поклялись освободить моего мужа, но де Клермонам понадобится также помощь ведьм и демонов. Бенжамена необходимо остановить.

Я снова оглядела зал. Кроме Дженет Гоуди, все сидели с изумленно открытыми ртами.

— Будем обсуждать? Или перейдем непосредственно к голосованию? — спросила я, страстно желая избежать долгих дебатов.

Несколько минут в зале было тихо. Затем стало очень шумно. Члены Конгрегации выкрикивали свои вопросы ко мне и обвинения в адрес друг друга.

— Значит, переходим к обсуждению, — сказала я.

Глава 38

— Тебе обязательно надо подкрепиться, — твердил Галлоглас, вкладывая мне в руку сэндвич.

— Некогда. Скоро начнется второй этап голосования, — возразила я, отталкивая сэндвич.

Помимо наставлений, Болдуин напомнил мне о сложной процедуре голосования, принятой на заседаниях Конгрегации. Голосование по каждому ходатайству проводилось в три этапа, а в перерывах участники вели дебаты. Позиции голосующих могли за считанные секунды поменяться на противоположные. Это считалось нормальным и объяснялось тем, что члены Конгрегации рассматривали (или делали вид) мнения своих оппонентов.

Первый этап я проиграла: восемь голосовали против. «За» была только я. Одни это сделали по процедурным основаниям. Мы с Мэтью нарушили завет, а Конгрегация уже проводила голосования в поддержку этого древнего соглашения. Кого-то пугала опасность распространения бешенства крови, угрожающего здоровью и безопасности всех теплокровных: демонов, ведьм и людей. В ход пошли газетные статьи о жестоких убийствах, совершенных вампирами. Их зачитывали вслух. Татьяна возражала против спасения хелмских ведьм. Со слезами на глазах она рассказала, как они наложили заклятие на ее бабушку и та, приехавшая отдохнуть, была вынуждена спешно уносить ноги. Татьяне пытались объяснить, что неприятная история с ее бабушкой произошла совсем в другом месте — в Чебоксарах. Рима даже показала ей спутниковые фотографии, подтверждающие, что Хелм находится очень далеко от берегов Волги. Татьяна упрямо твердила свое.

— Есть новости от Болдуина или Верены? — спросила я.

Сотовая связь на Изола-делла-Стелла работала неважно. Единственным местом Челестины, где ловился сигнал, был открытый двор. Сейчас его заливали потоки дождя.

— Пока нет, — ответил Галлоглас, протягивая мне чашку. — Ты хотя бы чая выпей.

От тревоги за Мэтью и злости на типично византийские права и традиции, за которые цеплялась Конгрегация, у меня сводило живот. Я вернула чашку Галлогласу, не сделав ни глотка.

— Тетушка, не принимай это близко к сердцу. Конгрегация верна себе. Отец всегда говорил, что первый этап не более чем желание каждого поулираться. Очень часто второй этап давал совершенно противоположные результаты.

Я молча кивнула, подхватила сумку из Бодлианской библиотеки и вернулась в зал заседаний. Герберт и Доменико встретили меня враждебными взглядами. Интересно, удавалось ли Хью сохранять оптимизм в лабиринтах дебатов Конгрегации?

— Бешенство крови! — прошипел Герберт, хватая меня за руку. — Как де Клермоны утаивали это от нас?

— Не знаю, — ответила я, вырываясь из его хватки. — Изабо прожила в твоём доме не одну неделю, а ты даже не почуял.

— Уже половина одиннадцатого, — заявила Сидония фон Борке, стремительно входя в зал. — В полночь мы заканчиваем. Давайте закроем это омерзительное дело и перейдем к более важным. Прежде всего к расследованию о нарушении завета семьей Бишоп.

Самым важным сейчас было избавление мира от Бенжамена, но я прикусила язык и заняла свое место, положив сумку на стол. Снедаемый любопытством, Доменико потянулся к ней.

— Не трогай!

Мои глаза были красноречивее слов, ибо он быстро убрал руку.

— Насколько я понимаю, Сидония, вы сомневаетесь в важности оказания помощи моему мужу? — резко спросила я ведьму.

Вопреки призывам к быстрому решению она была главным тормозом в рассмотрении ходатайства. Сидония цеплялась к каждой мелочи, увязала в ненужных подробностях. Меня подмывало наорать на нее.

— Ни в коем случае, — фыркнула она. — Я лишь желаю, чтобы мы рассмотрели это дело с должной быстротой.

— Я по-прежнему против вмешательства в чисто семейное дело, — сказал Герберт. — Мадам де Клермон предлагает, чтобы мы подробно рассмотрели эту печальную историю. Однако Рыцари Лазаря уже начали поиски ее мужа. Нам лучше не вмешиваться в ход поисков.

— А бешенство крови? — спросила Сату.

До сих пор она хранила молчание, если не считать короткого «нет», брошенного во время первого голосования.

— С бешенством крови вампиры разберутся сами. Мы накажем семью де Клермон за допущенные ими серьезные просчеты и примем необходимые меры для выявления и уничтожения всех, кто заражен, — заявил Герберт; он сцепил пальцы и оглядел собравшихся. — На этот счет вы можете быть совершенно спокойны.

— Поддерживаю Герберта, — сказал Доменико. — Более того, не может быть и речи об официальном признании вампирского клана, глава которого страдает бешенством крови. Такое просто невысказуемо. Мэтью Клермона необходимо умертвить, всех его детей — тоже. — Глаза вампира хищно вспыхнули.

Осаму поднял руку, ожидая, пока ее заметят.

— Говорите, мистер Ватанабэ, — предложила я.

— Кто такие прядильщики? — спросил он. — И что у них общего с вампирами, страдающими бешенством крови?

— А с чего вы взяли, что у них может быть что-то общее? — язвительно спросила Сидония.

— Вполне логично предположить, что у вампиров, страдающих бешенством крови, и ведьм-прядильщиц есть нечто общее. Иначе как Диана и Мэтью могли бы произвести детей? — спросила Агата, ожидая моего ответа.

Но Герберт не дал мне рта раскрыть. Он встал, нависнув надо мной:

— Не это ли узнал Мэтью в Книге Жизни? Или ты раскопала заклинание, позволяющее ведьме забеременеть от вампира?

— Сядьте, Герберт! — одернула его Дженст.

Пока шли дебаты, она без устали вязала, успевая высказывать здравые суждения и благодушно улыбаться.

— Эта ведьма должна нам ответить! — воскликнул Герберт. — Какое заклинание пущено в ход и как ты его осуществила?

— Ответ содержится в Книге Жизни.

Я подвинула к себе сумку и достала манускрипт, который десятилетиями таился в недрах Бодлианской библиотеки.

Послышались удивленные возгласы.

— Это уловка! — заявила Сидония; она встала и обошла вокруг стола. — Если перед нами потерянная книга заклинаний древних ведьм, я требую возможности изучить ее содержание.

— Это утраченная история вампиров! — прорычал Доменико, когда Сидония проходила мимо него.

— Изучайте, — сказала я, протягивая Сидонии Книгу Жизни.

Ведьма давила на пружины защелок, пыталась двигать ими, но те не поддавались. Манускрипт не желал с ней общаться. Я протянула руки. Книга взмыла в воздух, торопясь вернуться на свое место. Сидония и Герберт недоуменно переглянулись.

— Диана, открой ее сама, — попросила Агата.

Демоница во все глаза смотрела на меня и Книгу Жизни. Мне вспомнились ее слова, произнесенные в Оксфорде более года назад. Тогда Агата заявляла, что «Ашмол-782» принадлежит не только ведьмам и вампирам, но и демонам тоже. Каким-то образом она догадывалась о содержании книги.

Я положила Книгу Жизни на стол. Члены Конгрегации сгрудились вокруг меня. Стоило мне дотронуться до защелок, как они мгновенно открылись. Послышались шептания и вздохи. В воздухе появились призрачные следы. Их оставляли души существ, связанных с листами манускрипта.

— Всякая магия на Изола-делла-Стелла запрещена! — чуть ли не взвизгнул струхнувший Доменико. — Герберт, объясни ей!

— Успокойся, Доменико. Если бы я занималась магией, ты бы это знал, — ответила я.

Бледный Доменико смотрел, как призраки становятся все различимее, превращаясь в удлинённые человеческие фигуры с темными, пустыми глазами.

Я открыла книгу. Все вытянули шею и наклонились, чтобы поближе рассмотреть древний манускрипт.

— Там ничего нет, — произнес разъяренный Герберт. — Только пустые страницы. Что ты сделала с нашей книгой начал?

— Книга... как-то странно пахнет, — наморщил нос Доменико. — Похоже на мертвых животных.

— Нет, это запах мертвецов. — Я нарочно перелистала страницы, чтобы запах усилился. — Демонов. Вампиров. Ведьм. Они все здесь.

— Вы хотите сказать... — начала и осеклась бледная Татьяна.

— Да, — кивнула я. — Пергамент сделан из кожи наших предков. И не только он. Листы сшиты не нитками, а волосами.

— Но где текст? — почти закричал Герберт. — Книга Жизни должна содержать ключ ко множеству тайн. Это наш священный текст. История вампиров.

— Вот ваш священный текст.

Я закатала рукава. Буквы и символы струились у меня под кожей, появляясь, словно пузырьки воздуха на поверхности пруда, чтобы тут же исчезнуть. Я не представляла, как выглядят сейчас мои глаза, но подозревала, что буквы мелькают и там. Сату попятилась от меня.

— Ты заколдовала книгу! — зарычал Герберт.

— Книга Жизни была заколдована задолго до меня. Я всего лишь открыла ее.

— И она выбрала вас, — сказал Осаму, дотрагиваясь до букв на моей руке.

Вокруг места, где его палец касался моей кожи, собралась стайка букв, чтобы тут же умчаться в разные стороны.

— Но почему книга выбрала Диану Бишон? — спросил Доменико.

— Потому что я — прядильщица, создательница заклинаний. Нас осталось совсем мало.

Я вновь посмотрела на Сату. Губы финской ведьмы были плотно сжаты. Глаза умоляли не выдавать ее.

— Мы обладали слишком большой созидательной силой, и потому другие ведьмы нас убивали.

— Сила, дающая тебе возможность создавать новые заклинания, даровала тебе и способность создать новую жизнь, — сказала взволнованная Агата.

— Это особое благословение богини, которое она дарует прядильщицам, — ответила я. — Но прядильщики есть и среди мужчин. Мой отец был прядильщиком.

— Такое просто невозможно! — зарычал Доменико. — Вероломство этой ведьмы еще значительнее, чем мы думали. Я никогда не слышал ни о каких прядильщиках. Мало того что бешенство крови — это древнее проклятие — видоизменилось в еще более опасную сторону. Что же касается детей, рожденных ведьмами от вампиров, мы не можем позволить этому злу пустить корни.

Иначе мы получим чудовищ, лишенных разума и не поддающихся контролю.

— Здесь, Доменико, я должна вам возразить, — сказала Дженет.

— На каком основании? — нетерпеливо спросил он.

— На таком, что я потомок дочери вампира и ведьмы, однако никто не считает меня чудовищем или злодейкой.

Впервые с момента моего появления в зале внимание переместилось на другую участницу.

— Моя бабушка была дочерью прядильщицы и вампира. — Серые глаза Дженет устремились на меня. — В шотландских высокогорьях его все звали Никки-Бен.

— Бенжамен, — выдохнула я.

— Он самый, — кивнула Дженет. — Молодым ведьмам велели быть осторожными в безлунные ночи, чтобы Никки-Бен не поймал их. Но Изабель Гоуди, моя прабабушка, не послушалась. Между ней и вампиром возникла безумная любовь. Легенды утверждают, что он кусал ее за плечо. Потом Никки-Бен исчез и даже не подозревал, что оставил Изабель беременной его дочерью. Меня назвали в честь бабушки.

Я посмотрела на руки. Там, на манер магической бегущей строки, буквы составились в слова: «ДЖЕНЕТ ГОУДИ, ДОЧЬ ИЗОБЕЛЬ ГОУДИ И БЕНЖАМЕНА ФОКСА». Бабушка Дженет была одной из Светлорожденных.

— А когда родилась ваша бабушка?

Рассказ о жизни Светлорожденной мог бы обрисовать будущее моих детей.

— В тысяча шестьсот шестьдесят втором году, — ответила Джанет. — А умерла бабуля Дженет в тысяча девятьсот двенадцатом — храни Господь ее душу! — в возрасте двухсот пятидесяти лет. Красоту свою она сохраняла до последнего дня, но, в отличие от меня, бабуля Дженет в большей степени была вампиршей, нежели ведьмой. Она гордилась тем, что положила начало легендам о *баниш*. Не стану скрывать: немало мужчин она заманила в свою постель, чтобы сломать и погубить. Видеть бабулю Дженет в гневе — страшнее зрелища не придумаешь.

— В таком случае вам... — Теперь уже я таращила глаза на Джанет.

— В будущем году исполнится сто семьдесят, — ответила она.

Дженет прошептала несколько слов, и ее седые волосы превратились в темные, почти черные. Еще одно заклинание сделало ее кожу жемчужно-белой и сияющей.

Сейчас Дженет Гоуди выглядела не более чем на тридцать. Мое изображение заработало, представляя дальнейшую жизнь Филиппа и Ребекки.

— А ваша мама? — спросила я.

— Матушка прожила ровно двести лет. С каждым поколением наша жизнь сокращалась.

— Как вам удавалось скрывать все это от людей? — спросил Осаму.

— Так же, как это делают вампиры. Немного везения. Немного помощи от симпатизирующих ведьм. И немного готовности людей отвернуться от правды, — ответила Дженет.

— Это полнейшая чепуха! — запальчиво заявила Сидония. — Дженет, вы известная ведьма, пользующаяся уважением. Все ценят вашу способность накладывать заклинания. Вы происходите из достойной династии ведьм. Никак не пойму, зачем вам пятнать репутацию семьи подобными историями.

— А вам и не понять, — тихо сказала я.

— Это почему же? — тоном рассерженной учительницы спросила Сидония.

— Вам мешает отвращение. Страх. Неприятие всякого, кто не соответствует вашим упрощенным представлениям о мире и о том, как ему развиваться.

— Послушайте меня, Диана Бишоп!

Но я вдоволь наслушалась Сидонию и таких, как она, прикрывающихся заветом, чтобы спрятать за ним свою внутреннюю темноту.

— Нет, это вы меня послушайте! Мой отец был колдуном, мать — ведьмой. Вампир признал меня своей дочерью, принеся клятву на крови. Мой муж и отец моих детей — вампир. Дженет тоже является потомком ведьмы и вампира. Когда вы перестанете делать вид, будто в мире существует некий идеал чистокровных ведьм?

Сидония сжалась:

— Такой идеал действительно существует. Благодаря ему мы сохраняем нашу силу.

— Нет! Благодаря ему наша сила *умирает*, — возразила я. — Если мы и дальше будем придерживаться завета, через несколько поколений у нас вообще не останется никакой силы. Целью этого соглашения было не допустить, чтобы три наши породы смешивались и давали потомство.

— И снова чепуха! — закричала Сидония. — Первейшая, главнейшая цель завета — обеспечить нашу безопасность.

— Ложь! Завет был составлен, чтобы помешать рождению таких детей, как Дженет: могущественных, долгоживущих, не являющихся ни ведьмами, ни вампирами, ни демонами, а представляющих собой нечто промежуточное, — сказала я. — Этого боялись все, кто составлял завет. И это Бенжамен хочет поставить под свой контроль. Мы обязаны ему помешать.

— Нечто промежуточное? — переспросила Дженет.

Глядя на нее, я четко видела: она и мои дети действительно являются чем-то промежуточным.

— Так это и есть ответ? — задала новый вопрос она.

— Ответ на что? — насторожился Доменико.

Но я пока не была готова поделиться тайной из Книги Жизни. Пусть сначала Мириам и Крис найдут научное подтверждение тому, что манускрипт открыл мне. И вновь меня спасли от ответа колокола Челестины.

— Почти полночь. Пора заканчивать сегодняшнее заседание, — сказала Агата Уилсон, глаза которой возбужденно блестели. — Я ставлю вопрос на голосование: поддержит ли Конгрегация де Клермонов в их усилиях избавить мир от Бенжамена Фокса?

Все вернулись на свои места и проголосовали.

Результаты второго голосования оказались более утешительными: четверо «за» и пятеро «против». Я сумела заручиться поддержкой Агаты, Осаму и Дженет. Но этого было недостаточно, чтобы гарантировать успех на третьем, финальном голосовании, которое состоится завтра. Особенно если учесть, что мне противостояли мои давние враги: Герберт, Доменико и Сату.

— Заседание возобновится завтра, в пять часов вечера.

Сознавая, как тяжело достается Мэтью каждая минута в логове Бенжамена, я снова попыталась уговорить членов Конгрегации начать пораньше. И вновь мне единогласно отказали.

Я устало сложила в сумку кожаную папку, куда даже не заглянула, и Книгу Жизни. Эти семь часов меня измотали. Я постоянно думала о Мэтью и о том, какие истязания он выдерживает, пока Конгрегация препирается из-за пустяков. Я ждала, когда зал опустеет. Дженет Гоуди и Герберт уходили последними.

— Герберт! — окликнула я вампира.

Он остановился, но не повернулся.

— Я не забыла случившегося в мае, — сказала я, чувствуя, как магическая сила жжет мне руки. — Однажды ты ответишь за смерть Эмили Метер.

Теперь он повернул голову:

— Питер говорил, что вы с Мэтью что-то скрываете. Зря я не прислушался к его словам.

— А разве Бенжамен тебе не сообщил об открытии, сделанном ведьмами? — спросила я.

Но Герберт недаром так долго жил на свете, чтобы его можно было легко захватить врасплох. Он лишь скривил губы.

— До завтрашнего вечера, — произнес он, сопроводив слова легким официальным поклоном.

— Нам бы стоило звать его Никки-Берти, — заметила мне Дженет. — Они с Бенжаменом составили бы отменную парочку дьяволов.

— Целиком с вами согласна, — ответила я, ощущая новую волну тревоги.

— Вы завтра свободны? Я могу пригласить вас на ланч? — спросила Дженет Гоуди по дороге на монастырский двор.

Ее мелодичный голос с шотландским акцентом напоминал Галлогласа.

— Меня?

Даже после второго голосования я была удивлена, что Дженет готова появиться в обществе одной из де Клермонов.

— Диана, никто из нас не уместается в маленьких загончиках Конгрегации, — сказала Дженет, и на ее щеках снова обозначились ямочки.

Галлоглас и Фернандо ждали меня под аркадой двора. Увидев меня в обществе ведьмы, Галлоглас нахмурился.

— У тебя все в порядке, тетушка? — встревоженным тоном спросил он. — Нам пора возвращаться. Время уже позднее.

— Сейчас поедем. Я только закончу разговор с Дженет.

Я вглядывалась в лицо ведьмы. Вдруг она ищет моей дружбы ради каких-то неблагоприятных целей? Но ее взгляд был искренним и озабоченным.

— Почему вы помогаете мне? — спросила я напрямик.

— Потому что обещала Филиппу помочь, — ответила Дженет, бросила мешок с вязаньем и засучила рукав блузки. — Диана Бишоп, вы не единственная, чья кожа умеет рассказывать истории.

На ее руке был вытатуирован лагерный номер. Галлоглас выругался. Я шумно вздохнула.

— Вы были вместе с Филиппом в Аушвице? — спросила я, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Нет. Я была в Равенсбрюке. Я работала во Франции на УСО — Управление специальных операций. Там меня и схватили. Филипп попытался освободить лагерь. Нескольким из нас он помог выбраться, а сам попал в лапы нацистов.

— А вы знаете, где Филиппа держали после Аушвица? — спросила я, удивляясь приказному тону своего голоса.

— Нет, хотя мы активно его искали. Неужели он угодил к Никки-Бену? — Темные глаза Дженет смотрели на меня с искренним сочувствием.

— Да, — ответила я. — Мы думаем, место его пленения находилось близ Хелма.

— У Бенжамена тогда были и ведьмы, работавшие на него. Помню, я удивлялась, почему в радиусе пятидесяти миль от Хелма все покрыто густым туманом. Сколько мы ни старались, нам было не пробиться сквозь этот туман. — В глазах Дженет блеснули слезы. — Прискорбно, что мы не смогли спасти Филиппа. Но в этот раз мы будем действовать успешнее. Для семьи Бишоп-Клермон это вопрос чести. А я как-никак родственница Мэтью де Клермона.

— Склонить Татьяну на нашу сторону будет легче всего, — сказала я.

— Не Татьяну, — покачала головой Дженет. — Она до безумия влюблена в Доменико. Ее свитер не только подчеркивает фигуру. Он скрывает укусы, оставленные Доменико. Нам нужно переубедить Сату.

— Сату Ярвинен никогда мне не поможет. — Я вспомнила наше общение в развалинах Ла-Пьера.

— А я думаю, поможет. Мы объясним ей: в случае отказа отдадим ее Бенжамену в обмен на Мэтью. Ведь Сату — такая же прядильщица, как и вы. Возможно, филские прядильщицы более плодоносны, чем ведьмы Хелма.

Сату остановилась в небольшой гостинице на тихой сапро¹. Если брать за ориентир Ка'-Кьяромонте, гостиница находилась на противоположном берегу Большого канала. Внешне здание ничем не отличалось от соседних: ярко раскрашенные цветники, стикеры на окнах, информирующие о рейтинге гостиницы по сравнению с другими в этом районе (четыре звезды) и о том, что принимается оплата кредитными картами (всех видов).

Но стоило войти внутрь, и ощущение «нормальности» сразу исчезло.

Хозяйку гостиницы звали Лаура Малипьеро. Она сидела за стойкой администратора, одетая в бархат черного и пурпурного цвета, и тасовала колоду карт Таро. Черные выющиеся волосы торчали во все стороны. В них мелькали седые прядки. Над почтовыми ящиками замерла бумажная гирлянда с фигурками летучих мышей. Ароматические палочки распространяли запах шалфея и драконовой крови.

— Свободных номеров нет, — изрекла хозяйка, не поднимая головы от карт.

В углу рта была зажата сигарета: черно-пурпурная, в тон одежды. Сначала сигарета показалась мне незажженной. Стоит отметить, что над головой синьорины Малипьеро красовалась надпись: «VIETATO FUMARE»². Но затем ведьма глубоко затянулась. Дыма не было, однако кончик сигареты ярко вспыхнул.

— Говорят, она самая богатая ведьма в Венеции. Сколотила состояние, торгуя заколдованными сигаретами, — шепнула мне Дженет, недовольно поглядывая на хозяйку.

Дженет снова окружила себя маскировочным заклинанием, превратившись из изящной тридцатилетней женщины в хрупкую девяностолетнюю старуху.

¹ Площадь (*ит.*).

² Курить запрещается (*ит.*).

— Сожалею, сестры, но на этой неделе состоится Regata delle Befane¹, и в этой части Венеции вы не найдете номеров ни в одной гостинице.

Внимание синьорины Малипьеро по-прежнему было сосредоточено на картах.

Я видела афиши, расклеенные по всему городу. Близилось Крещение, а вместе с ним — ежегодные гонки на гондолах от церкви Сан-Тома до моста Риальто. Официальная регата проходила утром, а вторая — куда более захватывающая и опасная — в полночь. Там в ход пускалась не только грубая сила, но и магия.

— Синьорина Малипьеро, нам не нужен номер в вашей гостинице. Меня зовут Дженет Гоуди, а мою спутницу — Диана Бишоп. Мы пришли по заданию Конгрегации и хотим видеть Сату Ярвинен. Нам поручили выяснить, не готовится ли она к участию в гонке на гондолах, только и всего.

Эти слова заставили венецианскую ведьму забыть о картах и поднять голову. В округлившись глазах застыл испуг. Ее сигарета дрожала.

— Номер семнадцать, я не ошиблась? Не трудитесь нам помогать. Мы сами доберемся. — Дженет лучезарно улыбнулась ошеломленной ведьме и повела меня к лестнице.

— Ну вы и бульдозер, Дженет Гоуди, — прошептала я, идя с ней по коридору. — Я уж не говорю о вашем умении читать чужие мысли.

Эта магическая способность Дженет пришлась как нельзя кстати.

— Мне приятно слышать ваш комплимент, Диана. — Дженет постучалась в дверь семнадцатого номера. — Cameriera!²

Ответа не последовало. Мне хватило вчерашних проволочек на заседании Конгрегации. Я устала ждать. Взявшись за ручку двери, я прошептала отворающее заклинание. Дверь распахнулась. Сату Ярвинен ждала нашего прихода. Она стояла с поднятыми руками, готовая применить магию.

Я схватилась за нити, окружавшие ее, и крепко их натянула, заставив опустить руки. Теперь Сату не могла даже шевельнуть ими. Они словно приклеились к ее бокам.

¹ «Регата ведьм» — ежегодные венецианские гонки на гондолах, происходящие в день Крещения — 6 января (по католическому обряду).

² Горничная! (ит.)

— Что тебе известно о прядильщиках? — спросила я.

— Я знаю о них меньше, чем ты, — ответила Сату.

— И по этой причине ты издевалась надо мной в Ла-Пьере?

Во взгляде Сату ничего не дрогнуло. Ее глаза оставались такими же жесткими. Оказалось, что тогда она действовала в интересах самосохранения и никакого раскаяния не испытывала.

— Я не допущу, чтобы ты меня выдала. Они убьют всех нас, если узнают, на что способны прядильщики, — заявила Сату.

— Они меня и так убьют за любовь к Мэтью. Так что мне терять?

— Твоих детей! — зло бросила мне финская ведьма.

Это уже переходило всякие границы.

— Ты недостойна обладать дарованиями ведьмы. Я связываю тебя, Сату Ярвинен, лишаю магической силы и способности к колдовству и передаю в руки богини.

Указательным пальцем левой руки я натянула нити еще сильнее и скрепила их узлом. Палец вспыхнул темно-пурпурным светом. Как я узнала, это был цвет справедливости.

Магическая сила покинула Сату. Об этом свидетельствовал резкий свистящий звук и невидимая воронка, куда затянуло часть воздуха. В номере стало труднее дышать.

— Ты не можешь накладывать на меня заклятие! — закричала Сату. — Это запрещено!

— Можешь донести на меня Конгрегации, но прежде знай: узел, связывающий тебя, никто не развяжет, кроме меня. И какая польза Конгрегации от тебя в таком состоянии? Если хочешь сохранить свое место, тебе придется молчать и надеяться, что Сидония фон Борке ничего не заметит.

— Ты за это заплатишь, Диана Бишоп! — пригрозила Сату.

— Уже заплатила. Или ты забыла, как обошлась со мной во имя сестринской солидарности? — Я медленно приближалась к ней, продолжая говорить. — Наложенное заклятие — пустяк по сравнению с действиями Бенжамена, если он узнает, что ты прядильщица. Защититься от него ты не сможешь и окажешься полностью в его власти. Я видела, как Бенжамен поступает с ведьмами, которых пытается оплодотворить. Даже ты не заслуживаешь такой участи.

В глазах Сату вспыхнул страх.

— На сегодняшнем заседании голосуй в поддержку ходатайства де Клермонов. — Я освободила руки Сату, но заклятие, ограничивающее ее магическую силу, осталось на месте. — Если не ради Мэтью, то хотя бы ради себя.

Сату попыталась применить магию и убедилась, что ее сила действительно ушла.

— Я тебе не соврала, сестра. Твоя сила исчезла. — Я пошла к двери, добавив перед уходом: — И больше не смей угрожать моим детям. В противном случае ты будешь умолять, чтобы я зашвырнула тебя в какую-нибудь дыру и забыла о твоём существовании.

Герберт попытался оттянуть финальное голосование, ссылаясь на процедурные несоответствия. Он заявил, что нынешний состав правящего совета не отвечает критериям, установленным основополагающими документами. Документы эти были выработаны еще в эпоху Крестовых походов и требовали для принятия решения обязательного присутствия трех вампиров, трех ведьм и трех демонов.

Если бы не Дженет, я бы его задушила. Она быстро пояснила: поскольку мы обе являемся частично вампиршами и частично ведьмами, необходимый баланс сохраняется. Пока она спорила о процентном соотношении, я внимательно прочитала так называемый основополагающий документ Герберта и обнаружила там слова вроде «неотчуждаемый». Они появились гораздо позже, в XVIII веке. Когда я представила Герберту список лингвистических курьезов в документе так называемой эпохи Крестовых походов, он хмуро поглядел на Доменико и сказал, что это, очевидно, поздние копии, а сами оригиналы утеряны.

Никто ему не поверил.

Мы с Дженет выиграли голосование: шестеро против троих. Сату голосовала так, как ей велели. Ей хватило мозгов осознать свое поражение и вести себя тихо. Даже Татьяна присоединилась к нам, за что нужно было благодарить Осаму. С дотошностью лингвиста он растолковал русской демонице, что в польском языке буквосочетание «ch» обозначает звук «х», а не «ч», как в английском. Более того, он показал ей на карте все русские города, название которых начиналось на букву «ч». Все они были далеко от польского Хелма, а потому польские ведьмы никак не могли

причинить вред Татьяниной бабушке, настав на ее тело фурункулы. Татьяна и Осаму вошли в зал заседаний, держась за руки, и я подумала, что демоница поменяла не только позицию, но и бойфренда.

Когда голоса были подсчитаны и результаты занесены в протокол, мы не стали задерживаться и праздновать победу. Галлоглас, Дженет, Фернандо и я погрузились на катер де Клермонов и помчались в аэропорт.

Как и было оговорено, я послала Хэмишу эсэмэску с результатами голосования. Сообщение состояло из трех букв: ФГП -- ферзевый гамбит принят. Шифр означал, что Конгрегацию удалось склонить к поддержке операции по спасению Мэтью. Мы не знали, перехватываются ли наши сообщения, но на всякий случай решили проявлять осторожность.

Хэмиш ответил мгновенно.

Отлично. Готовимся к твоему прибытию.

Затем я обменялась сообщениями с Маркусом и узнала, что близнецы вечно голодны и Фиби сейчас занимается только ими. Я спросила про Джека. Его поведение не вызывало опасений.

После Маркуса я послала эсэмэску Изабо.

Обеспокоена парой слонов.

Это тоже было взято из шахматной терминологии. Мы прозвали Герберта, бывшего когда-то епископом¹ в Риме, и его закадычного друга Доменико парой слонов, поскольку они всегда действовали сообща. Потерпев недавнее поражение, они явно горели желанием отомстить. Скорее всего, Герберт уже предупредил Нокса, что я заручилась поддержкой Конгрегации и мы держим путь в Польшу.

Изабо ответила не так быстро, как Маркус.

Пара слонов может объявить шах и мат нашему королю только в том случае, если это позволят королева и ее ладья.

После долгой паузы от Изабо пришло еще одно сообщение.

А я скорее умру, чем это позволю.

¹ Английское слово «bishop» обозначает как епископа, так и шахматную фигуру слон.

Глава 39

Мой плотный плащ не спасал от холодного ветра. Его порывы атаковали меня, угрожая расколоть надвое. Такого холода я еще не испытывала. И как только в Хелме переживают подобные зимы?

— Вот его логово, — сказал Болдуин, махнув в сторону лежащей внизу долины, где виднелось несколько приземистых зданий.

— С Бенжаменом не менее дюжины его детей, — сообщила Верена, протягивая бинокль.

Она думала, что глаза тепловкровной ведьмы не настолько остры и отсюда я не увижу места, где томился мой муж. Я покачала головой.

Я точно знала, где Мэтью. Чем ближе к нему, тем возбужденнее становилась моя магическая сила. Она так и поровила выскочить из меня. Мне было достаточно ее и ведьминового третьего глаза, компенсировавшего ограниченность обычного зрения.

— Атаку отложим до наступления сумерек. Обычно в это время часть своры его деток выходит на охоту, — сказал Болдуин; вид у него был более чем мрачный. — Они шастают по Хелму и Люблину, хватают бездомных и слабых и поставляют отцу для кормежки.

— Опять ждать? — Три дня подряд я только и делала, что ждала. — Я больше не намерена ждать ни минуты!

— Диана, Мэтью по-прежнему жив.

Изабо рассчитывала меня утешить, но от одной мысли, что Мэтью вынужден провести еще шесть часов во власти этого чудовища, мое сердце покрылось толстой коркой льда.

— Нельзя атаковать вражеские позиции, когда там сосредоточены все силы противника, — языком военного пояснил Болду-

ин. — Мы обязаны действовать стратегически и не поддаваться эмоциям. Не забывай об этом, Диана!

«Думать и оставаться в живых», — вспомнила я слова Филиппа. Пришлось оставить мечты о быстром освобождении Мэтью и сосредоточиться на подготовке.

— Дженет говорила, что Нокс окружил главное здание ограждающими заклинаниями.

Болдуин кивнул:

— Мы ждали, когда ты приедешь и разрушишь их.

— Но каким образом рыцари сумеют добраться до логова незамеченными? — спросила я. — Бенжамен их сразу учует.

— Рыцари Лазаря воспользуются туннелями и попадут туда снизу. Для атаки должно хватить... — Фернандо наморщил лоб, что-то прикидывая в уме. — Думаю, двадцати хватит. Может, тридцати.

— Это туннели естественного происхождения, — пояснил Хэмиш, развернув лист с торопливо нарисованной схемой. — Хелм стоит на меловых отложениях. Все пространство под городом и окрестностями пронизано разветвленной сетью туннелей. Часть из них нацисты уничтожили, но эти Бенжамен сохранил в неприкосновенности. Они соединяют его логово с городом, что позволяет ему и его детям появляться в Хелме, не выходя на поверхность, захватывать жертвы и таким же образом исчезать.

— Теперь понятно, почему Бенжамена было так трудно выследить, — пробормотал Галлоглас, разглядывая схему подземного лабиринта.

— А где рыцари сейчас? — спросила я.

Еще в Хелме мне рассказали о сборе отрядов, но я пока не видела никого.

— Ожидают сигнала, — ответил Хэмиш.

— Фернандо выберет наиболее удачное время для проникновения через туннели. Но поскольку главнокомандующим является Маркус, последнее слово за ним, — сказал Болдуин, сухо кивнув Фернандо.

— Естественно, за мной, — заявил Маркус, неожиданно появившись из-за сугроба.

— Маркус? — От неожиданности и страха я даже откинула капюшон. — Что случилось с Ребеккой и Филиппом? Где они?

— Ничего не случилось. Близнецы в Сет-Туре с Сарой, Фиби и под охраной трех дюжин рыцарей. Всех отбирал сам по

принципу личной преданности де Клермонам и неприязни к Герберту и Конгрегации. Мириам с Крисом тоже там. — Маркус взял меня за руки. — Пойми, я не мог сидеть во Франции и ждать известий, когда тоже могу участвовать в освобождении отца. Возможно, Мэтью и после освобождения понадобится моя помощь.

Маркус был прав. Мэтью понадобится врач, понимающий особенности лечения вампиров.

Слова Маркуса отчасти помогли моему сердцу перестать лихорадочно колотиться. Но мозг тут же пронзила другая мысль.

— А Джек?

— С ним тоже все в порядке, — твердо ответил Маркус. — Правда, вчера вечером он взбрыкнул, узнав, что я не возьму его с собой. Но Марта, если ее вывести из себя, бывает настоящей фурией. Она пригрозила, что не допустит Джска к Филиппу, и наш парень сразу стал как шелковый. Вообще-то, Джек не выпускает малыша из поля зрения. Говорит, его обязанность — защищать крестника в любых обстоятельствах... А теперь я хочу выслушать твой план. — Маркус повернулся к Фернандо.

Фернандо стал излагать подробности операции: местонахождение рыцарей, время начала атаки и роли, отведенные Галлогласу, Болдуину, Хэмицу и Маркусу.

При всей безупречности плана мне по-прежнему было тревожно.

— Диана, что тебя волнует? — спросил Маркус, уловив мое состояние.

— Наша стратегия слишком много места отводит элементу внезапности, — сказала я. — А вдруг Герберт успел предупредить Нокса и Бенжамена? Или это сделал Доменико? Да и Сату могла решить, что поддержка Нокса надежнее защитит ее от Бенжамена.

— На этот счет, тетушка, можешь не беспокоиться, — ответил Галлоглас, чьи синие глаза вновь приобрели цвет штормового моря. — Герберт, Доменико и Сату заперты на Изола-делла-Стелла. Их там стерегут Рыцари Лазаря. У них нет ни малейшего шанса сбежать с острова.

Но и слова Галлогласа не слишком успокоили меня. Настоящее успокоение наступит, когда мы освободим Мэтью и навсегда положим конец злодействам Бенжамена.

— Готова проверить заклинания? — спросил Болдуин.

Он просто хотел чем-нибудь меня занять, чтобы понизить уровень тревожности.

Черный плащ, в котором я приехала, был слишком заметным. Я переделалась в светло-серую парку и теперь почти сливалась с окружающим снегом. Болдуин и Галлоглас подвели меня на максимально безопасное расстояние к логову Бенжамена. Я обнаружила несколько заклинаний оповещения и заклинание-капкан. Если его задеть, магия стихий устроит пожар или бурю. Была еще и горстка отвлекающих заклинаний: вполне безобидных, но способных задержать нападающих, чтобы в логове успели должным образом подготовиться. Заклинания, наложенные Ноксом, были сложными, но старыми и потрепанными. Я поняла, что без особого труда удалю все узлы и сниму всю систему магической охраны.

— Мне нужно два часа времени и помощь Дженет, — шепнула я Болдуину, когда мы вернулись обратно.

Вместе с Дженет мы освободили логово Бенжамена от невидимой колючей проволоки. Но одно заклинание пришлось оставить. Оно было напрямую связано с Ноксом, и я опасалась, что прикосновение к узлам заклинания сообщит колдуну о нашем появлении.

— А он смысленный мерзавец, — сказала Дженет, устало вытирая глаза.

— Только смысленность его и подвела. Его заклинания облепились. Полным-полно узлов, но ниток недостаточно.

— Когда все это закончится, мы обязательно проведем несколько вечеров у камина и вы объясните мне смысл ваших слов, — предложила Дженет.

— Когда все это закончится и Мэтью окажется дома, я с радостью просижу у камина до самого конца жизни, — ответила я.

Молчаливое присутствие Галлогласа напоминало о ходе времени.

— Пора идти, — сказала я Дженет, кивая в сторону шотландца.

Галлоглас заявил, что голодными в бой не ходят, и повел нас в одно из хелмских кафе. Там я заставила себя проглотить чашку чая и съесть кусочек кекса с начинкой. Я сидела возле подрагивающей батареи отопления, и ее тепло отогревало мои окоченевшие конечности.

Вскоре шелчки внутри батареи стали восприниматься как удары сигнального колокола. Наконец Галлоглас объявил, что настало время встретиться с армией Маркуса.

Он привел нас в старый дом на окраине города, построенный до Второй мировой войны. Владельцу дома купили тур в теплые края, вручили щедрую сумму и пообещали к возвращению починить прохудившуюся крышу. От него всего лишь требовалось на время уехать из Хелма, оставив ключи.

Рыцари-вампиры ждали в подвале дома. Лица нескольких из них показались мне знакомыми. Они были на крещении близнецов. Остальных я видела впервые. Они стояли, не пытаясь выдерживать строй, спокойные и готовые ко всему, что ожидало их внизу. Меня вдруг пронзила мысль: а ведь эти воины, участвующие в битвах нашего времени, когда-то сражались в средневековых Крестовых походах. Здесь собрались лучшие солдаты, которых знал мир, и, подобно всем солдатам, они были готовы пожертвовать собой во имя чего-то большего, нежели личные цели.

Фернандо отдал последние распоряжения. Галлоглас открыл наспех сооруженную дверь. За ней виднелась узкая площадка и шаткая лестница, уводящая в темноту.

— Удачи! — прошептал Галлоглас, когда первый вампир исчез из виду и бесшумно приземлился внизу.

В туннель отправилась лишь часть отряда, которой было поручено уничтожить детей Бенжамена, вышедших охотиться. Меня по-прежнему терзала мысль, что кто-нибудь может предупредить его о нашем появлении и он убьет Мэтью. Я уперлась взглядом в земляной пол и замерла.

Ожидание было невыносимым. Мы не получали никаких сведений о действиях отряда. Рыцарей Маркуса вполне могло ожидать отчаянное сопротивление. Вдруг Бенжамен сегодня решил послать за добычей больше охотников? А что, если он вообще никого не послал?

— Это и есть ад войны, — произнес Галлоглас. — Губит не сражение и даже не смерть. Губят мысли.

Где-то через час, а мне показалось, что прошло несколько дней, дверь открылась и в подвал вошел Джайлс. На его одежде темнели большие пятна крови. Я не знала, его это кровь или кровь убитых детей Бенжамена.

— Чисто, — сообщил Джайлс Галлогласу. — Но будьте осторожны. В туннелях гулкое эхо, так что старайтесь двигаться бесшумно.

Галлоглас опустил вниз сначала Дженет, затем и меня. Старая лестница с ржавыми металлическими ступеньками могла выдать наше присутствие. В туннеле была крошечная темень. Я не видела вампиров, подхвативших нас, зато чувствовала исходящий от них запах битвы.

Мы двинулись с максимальной скоростью, возможной для бесшумного передвижения. Хорошо, что я шла между двумя вампирами, предупреждавшими меня о поворотах. Без их зорких глаз и острого чутья я бы уже не один раз упала.

Болдуин и Фернандо ждали нас на пересечении трех туннелей. Рядом высились две груды, прикрытые окровавленным брезентом и посыпанные белым порошком, испускающим слабое свечение. Это были тела убитых детей Бенжамена.

— Мы посыпали их головы и тела негашеной известью, чтобы скрыть запах, — сказал Фернандо. — Устранить его полностью не получится, но какое-то время мы выиграем.

— Сколько? — спросил Галлоглас.

— Девять, — ответил Болдуин.

В правой, совершенно чистой руке он сжимал меч, зато другую покрывала субстанция, о происхождении которой я предпочла не задумываться. От жуткого контраста у меня свело живот.

— А сколько внутри? — спросила Дженет.

— Думаю, еще девять, если не больше, — невозмутимо ответил Болдуин. — Если такие же, как эти, нас ждет бой с умными и самоуверенными тварями.

— Вдобавок не брезгующие ничем, — сказал Фернандо.

— Другого я и не ждал, — усмехнулся Галлоглас, и меня удивило спокойствие в его голосе. — Мы будем ждать вашего сигнала и тогда нагрянем. Удачи, тетушка!

Болдуин потащил меня вперед, не дав проститься с Галлогласом и Фернандо. Возможно, так оно и лучше. Судя по усталым лицам рыцарей, бой отнял у них немало сил.

Туннель привел нас к наружным воротам логова Бенжамена. Там нас ждали Изабо и Хэмиш. Как я уже говорила, мы уничтожили все ограждающие заклинания, кроме того, что было на воротах, поскольку оно напрямую соединялось с Ноксом. Учутья

нас не могли. Только случайно заметить острыми вампирскими глазами. Это был единственный риск.

Дженет уменьшила эту возможность, создав сплошной маскирующий покров. Он скрывал и меня, и всех в радиусе двадцати футов.

— Где Маркус? — спросила я, удивившись его отсутствию. Хэмиш показал.

Маркус уже проник на территорию логова и притаился за изогнутым стволом дерева. Его винтовка была нацелена на одно из окон. Скорее всего, он перебрался через каменную стену по ветвям соседних деревьев. Его появление осталось незамеченным, а нам дало преимущество. Он будет нас прикрывать, когда мы пройдем через ворота и на отрезке пути до двери главного здания.

— Снайпер, — сказал Болдуин.

— Он научился стрелять, еще когда был человеком. В детстве охотился на белок. А они, как мне говорили, скачут куда быстрее вампиров, — добавила Изабо.

Маркус знал о нашем появлении, хотя ничем себя не обнаруживал. Мы с Дженет взялись за последние узлы, которые соединяли заклинание оповещения с Ноксом. Дженет соорудила закрепляющее заклинание вроде тех, какими ведьмы подпирают фундамент своих домов и удерживают маленьких детей в пределах двора. Я развязала узел заклинания Нокса, перенаправив Дженет его энергию. Мы надеялись, что заклинание не почувствует подмены и вместо тяжелых железных ворот будет охранять гранитный валун.

Наши надежды оправдались.

Мы бы уже были внутри здания, но случилась заминка. Кто-то из сыновей Бенжамена вышел на двор выкурить сигарету и вдруг увидел открытые ворота. Он выпучил глаза.

Через мгновение на месте одного глаза появилась дыра. Затем та же участь постигла второй глаз.

Сын Бенжамена схватился за горло, из которого хлестала кровь, и издал странный свистящий звук.

— Привет, *salaud*¹. Я твоя бабушка. — С этими словами Изабо ударила вампира кинжалом в сердце.

¹ Мерзавец, негодяй (*фр.*).

Кровь у сына Бенжамена хлестала сразу из нескольких ран, поэтому Болдуин без труда свернул ему шею. Вампир умер мгновенно. Еще один поворот — и голова отделилась от плеч.

Между первым выстрелом Маркуса и оторванной головой, брошенной лицом в снег, прошло сорок пять секунд.

А потом собаки подняли лай.

— Merde, — прошептала Изабо.

— Идем.

Болдуин взял меня за руку. Изабо опекала Дженет. Маркус бросил винтовку Хэмишу. Тот легко ее поймал и издал пронзительный свист.

— Стреляй по всем, кто будет выбегать из этой двери! — распорядился Маркус. — Я займусь собаками.

Я не понимала, к кому обращен свист: к собакам или ждущим Рыцарям Лазаря. Но у меня была другая задача. Я вбежала в главное здание. Внутри было ничуть не теплее, чем снаружи. Из-под ног выскочила тощая крыса и понеслась по коридору, куда с обеих сторон выходили одинаковые двери.

— Нокс знает, что мы здесь, — сказала я.

Необходимость прятаться и окружать себя маскировочными заклинаниями отпала.

— Бенжамен тоже знает, — хмуро добавила Изабо.

Как и договаривались, мы разделились. Изабо отправилась искать Мэтью, а Болдуин, Дженет и я — Бенжамсна и Нокса. Если повезет, мы найдем их всех в одном месте и сомкнем ряды. К этому времени по прямому туннелю подоспеют Рыцари Лазаря.

Из-за закрытой двери донесся тихий стон. Болдуин стремительно распахнул дверь.

Мы были в помещении, знакомом по видеотрансляциям: грязные кафельные плитки, сливное отверстие в полу, окна, выходящие на заснеженные деревья, номера, написанные жировым карандашом на стенах, и даже стул с твидовым пиджаком на спинке.

Мэтью сидел на другом стуле. Его глаза почернели. Рот открыт в беззвучном крике. Его грудная клетка рассечена и зафиксирована какой-то злобной металлической конструкцией. Я увидела медленно бьющееся сердце. Мне вспомнился покой, ощущаемый всякий раз, когда Мэтью обнимал меня и я чувствовала удары его сердца.

Болдуин бросился к нему, бормоча проклятия в адрес Бенжамена.

— Это не Мэтью, — сказала я.

Крик Изабо, донесшийся из коридора, подтвердил, что и она увидела ту же сцену.

— Это не Мэтью! — уже громче повторила я.

Подойдя к соседней двери, я повернула ручку... И там тоже оказался Мэтью, сидящий на таком же стуле. У его рук — прекрасных, сильных рук, обнимавших меня с такой любовью и нежностью... были ампутированы кисти. Культи он держал погруженными в хирургический тазик.

За каждой открываемой дверью мы находили Мэтью, подвергаемого жестокому и изощренному издевательствам. И каждая из этих иллюзорных сцен предназначалась для меня.

После дюжины таких обманов я одним словом сорвала с петель все двери в здании. Я уже не тратила время, заглядывая в открытые комнаты. Иллюзии обладали большой достоверностью, а Нокс, надо отдать ему должное, был очень искусен в их сотворении. Но ни одна из них не показывала настоящего Мэтью из плоти и крови и не могла меня обмануть, сколько бы я ни смотрела.

— Настоящий Мэтью находится там же, где и Бенжамен. Найдите его! — Я вышла, не дожидаясь ответа Болдуина и Дженет. — Питер Нокс! Игра закончена. Где ты прячешься? — крикнула я.

Ответа не было. Я завернула за угол и обнаружила Нокса там. Он меня ждал.

— Добрый вечер, доктор Бишоп. Не угодно ли выпить со мной? Ты отсюда уже не выйдешь. Возможно, это твой последний шанс насладиться теплым помещением... пока ты не забеременеешь от Бенжамена.

У себя за спиной я возвела непроходимую стену из огня и воды. Такую же стену я выстроила за спиной Нокса, заперев нас в узком отрезке коридора.

— Отличная работа! Смотрю, в тебе проявился талант к наложению заклинаний, — сказал Нокс.

— Ты найдешь меня... изменившейся, — произнесла я, вспомнив фразу Галлогласа.

Внутри меня магия отчаянно просилась наружу. Но я держала ее под контролем. Сила подчинилась мне, затихла. Теперь она наблюдала за происходящим.

— И где же ты была? — спросил Нокс.

— В самых разных местах. Лондон. Прага. Франция. — У меня покалывали кончики пальцев. — Ты ведь тоже побывал во Франции.

— Я разыскивал твоего мужа и его сына. В Праге мне попалось одно любопытное письмо. — Глаза Нокса сверкнули. — Представь мое изумление, когда я наткнулся на Эмили Метер. Заурядная ведьма, на которую раньше бы я и не взглянул. Но оказалось, она сумела укоренить дух твоей матери внутри каменного круга. — Нокс пытался отвлечь мое внимание. — Мне это напомнило каменный круг, который я сотворил в Нигерии, чтобы поймать духов твоих родителей. Возможно, это было намерением Эмили.

У меня под кожей шевелились слова, отвечая на молчаливые вопросы, порождаемые речью Нокса.

— Каюсь, дорогая. Мне ни в коем случае нельзя было отдавать тебя в руки Сату. Я всегда подозревал, что ты... иная, — продолжал Нокс. — Раскуси я тебя в октябре прошлого года, как когда-то раскусил твоих родителей, это уберегло бы тебя от многих страданий.

Но за эти четырнадцать месяцев я познала не только страдания. Они подарили мне неожиданную радость. Сейчас я держалась за нее, как за якорь, словно помогала Дженет накладывать заклинание.

— Ты сегодня удивительно молчалива, доктор Бишоп. Неужели тебе нечего сказать?

— Абсолютно нечего. Нынче я предпочитаю действия, а не слова. Действия экономят время.

Наконец я выпустила наружу магию, томящуюся внутри меня. Сеть, сотканная для пленения Нокса, была из черных и пурпурных нитей с добавлением белого, серебристого и золотистого. Они, как крылья, расходились от моих лопаток, напоминая о Корре. Дракониша выполнила свое обещание: ее сила по-прежнему была со мной.

— Первый узел завязала — заклинания начало.

Мои сетчатые крылья стали шире.

— Весьма впечатляющая попытка сотворить иллюзию. Поздравляю, доктор Бишоп, — снисходительным тоном произнес Нокс. — Но достаточно простого изгоняющего заклинания...

— Вот уж и второй слетаю — заклинание правдой надеваю.

Серебристые и золотистые нити моей сети ярко вспыхнули, уравновешивая силы тьмы и света. Это была уже высшая магия.

— Очень жаль, что Эмили не обладала твоими способностями, — сказал Нокс. — Тогда бы она вытянула из духа твоей матери что-нибудь посерьезнее. А так, когда в Сет-Туре я похитил ее мысли, в них была сплошная белиберда.

— Начинаю третий с ходу, чтобы заклинанию дать свободу.

Громадные крылья взмахнули, слегка сотрясая воздух в магическом ящике, который я сотворила. Крылья плавно отделились от моего тела, поднялись выше и оказались над головой Нокса. Презрительно взглянув на них, он продолжил:

— Дух твоей матери бубнил Эмили что-то о хаосе и созидании и без конца повторял слова пророчества известной шарлатанки Урсулы Шиптон: «И востребит труба его золотая, мир старый хороня и новый мир рождая». То же самое я вытянул из самой Ребекки тогда, в Нигерии. Жизнь с твоим отцом ослабила ее способности. Ей требовался муж, умеющий бросить вызов.

— А четвертым узлом умножаю силу в нем.

В том месте, где крылья соединялись, возникла и начала медленно раскручиваться темная спираль. Нокс все еще недооценивал силу моей магии.

— Может, мне и тебя распотрошить? Интересно, чего в тебе больше: отцовского или материнского? — Нокс лениво шевельнул рукой, и его магия обожгла мне грудь.

— Узел пятый — что колос спелый. Заклинание созрело.

Пурпурные нити сети уплотнились вокруг спирали.

— Узлом шестым заклинание укрепим.

Золотистые нити вспыхнули еще ярче. Стоило мне слегка коснуться груди, и магическая рана, нанесенная Ноксом, тут же затянулась.

— Мои рассказы про твоих отца и мать очень заинтересовали Бенжамена. У него, Диана, есть обширные замыслы на твой счет. Ты родишь от него детей, и они станут подобны ведьмам и колдунам прошлого: сильными, мудрыми, живущими сотни лет. Тогда нам уже не нужно будет прятаться в тени. Мы станем править остальными теплокровными, ибо мы достойны правления.

— Седьмой узел начинаю — заклинание пробуждаю.

Воздух наполнился тихим завыванием. Такие же звуки издавала Книга Жизни в Бодлианской библиотеке. Тогда в нем слы-

шался ужас и боль. Сейчас оно было скорее похоже на призыв к возмездью.

Нокс перестал ухмыляться:

— Тебе не убежать от Бенжамена. Помнится, Эмили столь же безуспешно пыталась преодолеть мое воздействие. Она делала отчаянные посылки, но я все равно оказался сильнее. А ведь я всего лишь хотел получить древнюю книгу ведьминых заклинаний. Бенжамен говорил, что когда-то она была у Мэтью. — Глаза Нокса лихорадочно заблестели. — Когда я завладею этой книгой, моя власть распространится и на вампиров. Даже Герберт окажется у меня в подчинении.

— А пока восьмой идет, заклинание тихо ждет.

Я перекрутила сеть, сделав ее похожей на знак бесконечности. Пока я это делала, рядом возникла призрачная фигура моего отца.

— Стивен. — Нокс облизал пересохшие губы. — Еще одна иллюзия.

Игнорируя его слова, отец посмотрел на меня.

— Крошка, ты готова завершить начатое? — строго спросил он.

— Готова, папа.

— Тебе не хватит силы, чтобы расправиться со мной! — зарычал Нокс. — Эмили убедилась в этом, когда пыталась утаить от меня знания о книге заклинаний. И чем все закончилось? Я похитил ее мысли, а потом остановил ей сердце. Если бы твоя тетка не упрямилась...

— Девятый узел сотворим: стань, заклинание, моим.

Завывание переросло в оглушительный крик. Весь хаос, содержавшийся в Книге Жизни, и вся созидательная энергия, что удерживала там души жертв, вырвались из сотканной мною сети и окутали Питера Нокса. Руки моего отца и множество других рук, протянувшихся из темной бездны, схватили колдуна и держали в стремительном вихре магической силы, заживо пожиравшей его.

Нокс вопил от ужаса. Мое заклинание высасывало из него жизнь. Он распадался у меня на глазах. Души всех прядильщиков и прядильщиц, что жили до меня, в том числе и отец, безжалостно выдергивали и рвали нити жизни Нокса, пока от него не осталась лишь оболочка.

Когда-нибудь мне придется ответить за убийство соплеменника. Но я отомстила за Эмили, погибшую из-за чужих безумных стремлений к власти.

Я отомстила за родителей, настолько любивших дочь, что отдали жизнь за нее.

Я вытащила из спины стрелу богини. В левой руке сам собой появился лук из рябины, отделанный серебром и золотом.

Месть была моей. Теперь настало время исполнить повеление богини и свершить правосудие.

Я повернулась к отцу. Он понял мой молчаливый вопрос.

— Он наверху. Третий этаж. Шестая дверь слева. — Отец улыбнулся. — Какую бы плату ни требовала от тебя богиня, Мэтью стоит того. Как и ты когда-то.

— Мэтью стоит всего.

Я убрала магические стены и, не оглядываясь на труп Нокса, отправилась спасать живого Мэтью.

Подобно любым запасам, запасы магической силы тоже исчерпаемы. Заклинание, уничтожившее Нокса, далось мне нелегко. В магическом плане я стала гораздо слабее. Но я пошла на риск, сознавая, что без Нокса в арсенале Бенжамена останутся лишь физическая сила и жестокость.

В моем оставалась любовь. Мне было нечего терять.

Даже без стрелы богини наши силы были равны.

Со смертью Нокса исчезли и выстроенные им иллюзии. Исчезли длинные коридоры с нескончаемыми рядами одинаковых дверей. Здание предстало таким, каким было на самом деле: меньшим по размерам, грязным, полным запахов смерти и страха. Жутким логовом.

Я взбежала по лестнице. О том, чтобы взлететь, не было и речи: я не имела права потратить ни крупинцы магической силы. Я не знала, где мои соратники. Зато я точно знала, где искать Мэтью, и распахнула нужную дверь.

— Ну вот и ты. А мы тебя ждали, — произнес Бенжамен.

Он стоял позади стула. На стуле сидел настоящий Мэтью, вампир, которого я любила. Его почерневшие глаза были полны боли и бешенства крови. И все же в них вспыхнула искорка. Мэтью узнал меня.

— Ферзевый гамбит завершен, — сказала я, и Мэтью с облегчением закрыл глаза.

— Думаю, у тебя хватит ума не стрелять, — заявил Бенжамен. — Если твои познания в анатомии не так велики, как в химии, объясню: Мэтью немедленно умрет, если моя рука перестанет поддерживать вот это.

Это было большим железным шипом, вогнанным в шею Мэтью.

— Помнишь, как в Бодлианской библиотеке Изабо ткнула в меня пальцем? Она создала затычку. То же самое сделал и я.

Бенжамен чуть шевельнул шипом, и Мэтью взвыл от боли. Вытекло несколько капель крови.

— У моего папочки осталось совсем немного крови. В течение последних двух дней я кормил его исключительно осколками стекла, и теперь он внутри медленно истекает кровью.

Только сейчас я заметила в углу груды детских трупов.

— Это остатки более ранних трапез, — пояснил Бенжамен. — Не так-то просто было найти способ... правильного истязания Мэтью, чтобы не переусердствовать. Была опасность, что он умрет раньше времени. А мне он требовался достаточно живым. С глазами, способными видеть, как я овладею тобой, и с ушами, способными слышать твои крики. Но я нашел способ.

— Какое же ты чудовище, Бенжамен!

— Таким меня сделал Мэтью. Советую не тратить силы напрасу. Скоро здесь появятся Болдуин и Изабо. В этой самой комнате я когда-то держал Филиппа. Я оставил дорожку из хлебных крошек, чтобы бабушке было легче сюда попасть. Как ты думаешь, Болдуин сильно удивится, когда узнает, кто на самом деле убил его отца? Все это я видел в мыслях Мэтью. Что же касается тебя... ты даже не представляешь, какие штучки Мэтью мечтал вытворять с тобой в постели. От некоторых меня бросало в краску, а я отнюдь не ханжа.

Появление Изабо я почувствовала спиной. На пол хлынул целый дождь фотоснимков. На каждом — Филипп. В этой самой комнате, подвергаемый немислимым издевательствам. Видя ярость в моих глазах, Бенжамен ухмыльнулся.

— Я бы сейчас голыми руками и с великим наслаждением разорвала тебя на куски, но я не стану лишать дочь Филиппа этого удовольствия. — Холодный голос Изабо резал воздух, вызывая болезненное ощущение у меня в ушах.

— Смею тебя уверить, Изабо: со мной она испытывает настоящее удовольствие.

Бенжамен что-то шелнул Мэтью на ухо. Рука Мэтью дернулась, словно он хотел ударить своего мерзкого сына, но сломанные кости и порванные сухожилия лишь отозвались новыми всплесками боли.

— Вот и Болдуин подошел. Давненько мы не виделись, дядюшка. Мне есть о чем тебе рассказать. О тайне, которую Мэтью тщательно хранил. У него полно тайн, но эта самая пикантная. Обещаю, тебе понравится. — Бенжамен сделал драматическую паузу. — Филипп умер не от моих рук. Его убил не кто иной, как Мэтью. — (Болдуин бесстрастно смотрел на него.) — Хочешь врезать ему, прежде чем мои дети отправят тебя в преисподнюю, в гости к отцу? — спросил Бенжамен.

— Твои дети никуда меня не отправят. А если ты думаешь, будто я удивлен этой так называемой тайной, ты еще безумнее, чем мне казалось, — ответил Болдуин. — Я всегда могу отличить то, что делает Мэтью. Он слишком добросовестно выполняет свою работу.

— А ну брось!

Приказ Бенжамена был как удар хлыста. Его холодные, непроницаемые глаза впились в мою левую руку.

Пока происходил этот диалог, я успела поднять лук.

— Брось немедленно, или он умрет!

Бенжамен потянул шип на себя, и сейчас же хлынула кровь.

Лук с клапаньем упал на пол.

— Вот и умница. — Бенжамен вернул шип в прежнее положение; Мэтью застонал. — Ты мне понравилась даже раньше, чем я узнал, что ты прядильщица. Не это ли делает тебя непохожей на прочих ведьм? Как ни прискорбно, но Мэтью отказался говорить о пределах твоей силы. Ничего страшного. Мы точно установим, насколько далеко простираются твои способности. Можешь не сомневаться.

Да, я была умницей. Умнее, чем думалось Бенжамену. Я лучше, чем кто-либо, знала пределы своей магической силы. Я бросила лук богини, но это ничего не меняло. В правой руке оставалась стрела, способная уничтожить Бенжамена.

Я слегка коснулась мизинцем бедра Изабо, послав ей предупреждение.

— Десятым узлом все заново начнем.

Эти слова я произнесла тихим шепотом. Его легко было пропустить мимо ушей или не обратить внимания. Точно так же десятый узел казался обманчиво простой петлей. Но слова прозвучали. Мое заклинание обрело вес и силу живого существа. Я простерла левую руку, будто она и сейчас сжимала лук богини. Левый указательный палец вспыхнул ярким пурпурным светом.

Моя правая рука сделала молниеносное движение. Пальцы чуть согнулись вокруг белого оперения на золотом древке стрелы. Сейчас я стояла на самом перекрестке между жизнью и смертью.

В этот раз я не колебалась.

— Правосудие, — произнесла я, разжав пальцы.

У Бенжамена округлились глаза.

Стрела вырвалась из моей руки, пролетела через центр заклинания, набрала скорость и шумно, со всей силой ударила Бенжамена в грудь, располосовав ему грудную клетку и вопившись в сердце. Комнату залило ослепительно-яркой волной магической силы. Отовсюду потянулись золотистые и серебристые нити, сопровождаемые пурпурными и зелеными. Король-солнце. Королева-луна. Правосудие. Богиня.

Крик Бенжамена не относился к звукам этого мира. Это был крик из преисподней, где переплелось все: телесная боль, злость и досада. Он разжал пальцы, и окровавленный шип начал клониться вниз.

Не теряя ни секунды, я скрутила нити, окружавшие Мэтью, в веревку и обмотала ею конц шипа. Я крепко потянула веревку, удерживая шип на месте. Из разорванной груди Бенжамена хлестала кровь. Он тяжело рухнул на пол.

Лампочки, освещавшие комнату, мигнули и погасли. Чтобы убить Нокса, а затем и Бенжамена, я стянула на себя всю энергию, какая была в здании. То, что осталось, было силой богини: мерцающая веревка, застывшая в воздухе. Под кожей шелестели слова. С кончиков пальцев стекали последние остатки магической силы.

Кошмар закончился.

Издательства Бенжамена — тоже. Он был мертв.

А Мэтью, хотя и чудовищно искалеченный, жив.

После моей расправы с Бенжаменом дальнейшие события происходили одновременно. Изабо выволокла мертвое тело из комнаты. Болдуин подбежал к Мэтью, крикнул Маркуса, а сам стал осматривать раны. В открытую дверь ворвались Версена, Галлоглас и Хэмиш. Следом вбежал Фернандо.

Я подошла к Мэтью, прижала его голову к сердцу и постаралась хоть как-то облегчить его страдания. Одной рукой я удерживала железный шип — эту страшную затычку, без которой его жизнь оборвалась бы. Мэтью изможденно вздохнул и слегка наклонился ко мне.

— Все страшное позади. Я здесь. Ты в безопасности, — прошептала я, стараясь немного согреть его своим присутствием. — И ты жив.

— Не мог умереть. — Его голос был тише шепота, на пределе слышимости. — Умереть не попрощавшись... не мог.

Год назад в Мэдисоне я взяла с Мэтью обещание не уезжать не попрощавшись. Глаза наполнились слезами при мысли, какие муки он претерпел, чтобы сдержать слово.

— Ты выполнил обещание, — сказала я. — Теперь отдыхай.

— Диана, нам нужно перенести Мэтью отсюда.

Маркус говорил спокойно, но я уловила требовательные нотки. Он взялся за шип, готовый сменить меня.

— Не давайте Диане смотреть.

Голос Мэтью звучал непривычно хрипло. Его исхудавшая рука на подлокотнике стула чуть дернулась. Свой протест он мог выразить только так.

— Прошу вас, — добавил он.

На теле Мэтью не было живого места. И все же я сумела найти такие точки, прикосновение к которым не добавляло ему боли. От Книги Жизни исходило слабое мерцание. Тусклый свет позволил мне отыскать несколько сантиметров неповрежденной кожи. Я наклонилась и осторожно поцеловала его в кончик носа.

Глаза Мэтью были закрыты. Не зная, слышит ли он меня, я окутала его своим дыханием, погрузила в свой запах. Ноздри Мэтью чуть-чуть раздулись. Значит, он почувствовал мою близость. Но даже это движение заставило его сморщиться от боли. От зверств, причиненных Бенжаменом моему любимому вампиру, мне хотелось кричать во весь голос. Усилием воли я подавила это желание.

— Любовь моя, тебе от меня не спрятаться, — сказала я. — Я тебя вижу, Мэтью. И в моих глазах ты всегда будешь совершенным.

Он хрипло выдохнул. Сломанные ребра давили на легкие и не позволяли дышать полной грудью. Сделав неимоверное усилие, Мэтью приоткрыл один глаз. Блеснула пленка крови. Зрачок был чудовищно расширен от бешенства крови и перенесенных пыток.

— Темно. — В голосе Мэтью я уловила страх. Наверное, он испугался, подумав, что темнота означает его скорую смерть. — Почему стало так темно?

— Сейчас будет светло. Смотри. — Я подула на палец, и на самом кончике вспыхнула золотисто-голубая звездочка. — Видишь? Она будет освещать наш путь.

Я сознавала всю рискованность своей затеи. Мэтью мог и не увидеть крошечной звездочки, и тогда его страх лишь усилился бы. Он пристально посмотрел на мой палец и чуть вздрогнул. Увидел! Его зрачок чуть уменьшился, и я сочла это хорошим знаком.

Теперь Мэтью дышал менее хрипло. Его тревога улеглась.

— Мэтью нужна кровь, — тихо, по-деловому произнес Болдуин.

Не опуская пальца со звездочкой, так как Мэтью пристально смотрел на нее, я попыталась закатать рукав свитера.

— Не твоя, — пояснила Изабо, останавливая мои приготовления. — Моя кровь.

Возбуждение Мэтью вновь усилилось. Я вспомнила Джека, пытавшегося обуздать свои эмоции.

— Не здесь, — попросил он. — Не на глазах у Дианы.

— Не здесь, — согласился Галлоглас, показывая Мэтью, что к его желаниям прислушиваются.

— Диана, позволь братьям и сыну позаботиться о твоём муже, — сказал Болдуин, опуская мою руку.

Я не спорила. Галлоглас, Фернандо, Болдуин и Хэмиш соединили руки в подобии носилок. Маркус крепко держал шип.

— Диана, у меня сильная кровь, — успокоила меня Изабо, беря за руку. — Я поставлю его на ноги.

Я кивнула. Но несколькими минутами раньше я сказала Мэтью сущую правду: в моих глазах он всегда останется совершенным.

Меня не волновали его телесные раны и возможные шрамы. Куда серьезнее были раны, нанесенные его сердцу, разуму и душе. Никакое количество вампирской крови не могло их исцелить.

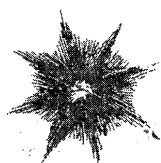
— Любовь и время, — шептала я, словно пытаюсь составить новое заклинание.

Поодаль мои родные и друзья осторожно грузили Мэтью в багажник одной из ожидавших машин. Он был без сознания.

— Любовь и время. Вот что ему нужно.

Подошла Дженет. Стараясь меня поддержать, она положила руку на плечо и сказала:

— Мэтью Клермон — древний вампир. И у него есть вы. Думаю, любовь и время сотворят все, что нужно.

Солнце в Водолее

Когда Солнце проходит через этот знак, он предвещает великую судьбу, верных друзей и помощь принцев. И потому не бойтесь перемен, происходящих в дни правления Водолея.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 10'*

Глава 40

— Домой.

Это было единственное слово, произнесенное Мэтью, пока мы летели.

Во Францию мы вернулись через шесть дней после событий в Хелме. Ходить Мэтью пока еще не мог. Руки его не слушались. Все, что попадало в его желудок, задерживалось там не более чем на полчаса. Изабо сказала мне правду: ее кровь медленно восстанавливала раздробленные кости Мэтью, порванные мышцы и сухожилия, а также внутренние органы. После бессознательного состояния, вызванного общим воздействием лекарств, боли и утомления, он теперь отказывался закрывать глаза даже во время отдыха.

Говорил он очень мало. Обычно, чтобы от чего-то отказаться.

— Нет, — сказал Мэтью, когда мы повернули к Сет-Туру. — В наш дом.

Я не стала спрашивать, в какой именно, и попросила Маркуса отвезти нас в Ле-Ревенан. Прежний владелец дал замку весьма подходящее название, ибо после всех истязаний, устроенных Бенжаменом, Мэтью был похож на призрака.

Никто не думал, что Мэтью предпочтет Ле-Ревенан Сет-Туру. Замок встретил нас холодом и пустотой. Оставив мужа с Маркусом, мы с Болдуином принялись спешно разжигать огонь в каминах и готовить постель. Учитывая нынешнее состояние Мэтью, мы обсуждали, в какой комнате его лучше разместить. В это время во двор въехало несколько машин из Сет-Тура. Даже вампиры не могли удержать Сару. Ей не терпелось нас увидеть. Подойдя к стулу Мэтью, моя тетка опустилась на колени. Ее лицо было полно сострадания и искренней заботы.

— Выглядишь ты просто жутко! — выпалила Сара.

— Чувствую себя еще хуже.

Лицо Мэтью, когда-то такое прекрасное и свежее, сейчас было предельно изможденным. Но я радовалась каждому произнесенному им слову.

— Когда Маркус разрешит, я наложу мазь. Это ускорит выздоровление, — сказала Сара, дотрагиваясь до кожи на руке Мэтью.

Воздух прорезал требовательный крик голодного ребенка.

— Бекка.

Мое сердце радостно забилося. Как здорово, что сюда привезли близнецов. Однако Мэтью почему-то не разделял моей радости.

— Нет! — Глаза Мэтью неистово сверкнули, и он задрожал всем телом. — Нет! Не сейчас! Не в таком состоянии.

Бенжамен не только издевался над телом Мэтью. Он пытался подчинить разум моего мужа. Для Мэтью это было тяжелее всего. После освобождения я все время подчеркивала, что он снова волен вести себя так, как считает нужным. Это касалось повседневной жизни и даже лечения. Но сейчас я пошла наперекор себе. Я взяла Ребекку из рук Изабо, чмокнула малышку в гладкую щечку и пристроила под локоть Мэтью.

Едва увидев лицо отца, Бекка перестала плакать.

Едва дочь оказалась у него на руках, Мэтью перестал дрожать. Я вспомнила, как меня трясло в ночь, когда я ее родила. Лицо мужа одновременно выражало испуг и блаженство.

— Правильная мысль, — пробормотала Сара. — Да и ты тоже паршиво выглядишь, — добавила она, бросив на меня беглый взгляд.

— Мам, привет, — сказал Джек, поцеловав меня в щеку.

Он попытался отдать мне Филиппа, но ребенок корчил гримасы и отворачивался.

— В чем дело, человечек? — спросила я, касаясь его личика.

Мои руки вспыхнули от притока магической силы. Буквы, ожидавшие под кожей, поднялись к поверхности и превратились в истории. Сейчас мне было не до них. Я кивнула, поцеловала сына в лоб и ощутила покалывание на губах. Это подтверждало откровение Книги Жизни: у моего сына бездна магической силы.

— Джек, отнеси и его к Мэтью.

Джек прекрасно знал, на какие ужасы способен Бенжамен. Он внутренне собрался, прежде чем взглянуть на Мэтью после пле-

на. Я увидела мужа глазами Джека: его герой, вернувшийся после тяжелой битвы раненым и измотанным. Джек откашлялся. Кашель больше напоминал рычание. Я насторожилась.

— Пап, не лишей Филиппа радости встречи с тобой, — сказал Джек, осторожно пристраивая малыша под другой локоть Мэтью.

Глаза Мэтью удивленно сверкнули. Думаю, его удивило это короткое «пап». Прежде Джек называл его либо «мастер Ройдон», либо «Мэтью». Меня он быстро привык звать матерью. И хотя Эндрю Хаббард доказывал Джеку, что Мэтью и есть его настоящий отец, наш сынок не торопился называть отцом того, кого боготворил.

— Филипп сердится, если все внимание достается Бекке.

Я улавливала истинное состояние Джека. Он мужественно справлялся с приступом и потому старался говорить нарочито весело и беззаботно.

— Бабуля Сара надавала мне кучу советов, как вести себя с младшими братьями и сестрами. Я понял, главное — почаще угощать их мороженым и водить в зоопарк.

Но Мэтью сразу раскусил болтовню Джека:

— Посмотри на меня.

Голос Мэтью звучал хрипло и слабо, однако в нем безошибочно ощущался приказ.

Джек послушался.

— Бенжамен мертв, — сказал Мэтью.

— Знаю.

Джек отвернулся. Он стоял, беспокойно переминаясь с ноги на ногу.

— Бенжамен больше никогда не будет издеваться над тобой.

— Достаточно того, что он издевался над тобой. И собирался то же сделать с мамой.

Джек посмотрел на меня, и его глаза наполнились тьмой.

Опасаясь, что приступ бешенства крови завладеет им, я шагнула к Джеку. Потом заставила себя остановиться. Мэтью дома. Пусть разбирается сам.

— Джек, смотри на меня.

От напряжения кожа Мэтью сделалась серой. После приезда Джека он произнес больше слов, чем за всю неделю. Слова истощали его силы. Внимание Джека вернулось к главе клана.

— Передай Ребекку Диане. Потом снова подойдешь ко мне.

Джек исполнил и этот приказ. Мы с тревогой следили за происходящим, опасаясь, что Мэтью или Джек могут потерять самообладание.

Получив Бекку, я поцеловала дочь и стала говорить, какая она хорошая девочка, что позволила забрать себя от отца и не заплакала.

Бекка нахмурилась, показывая, что сделала это не по своей воле.

Вернувшись к стулу Мэтью, Джек хотел забрать у него и Филиппа.

— Пусть останется. — Глаза Мэтью тоже пугающе темнели. — Джек, отвези Изабо домой. И остальные тоже пусть уедут.

— Но Matthieu... — попыталась возразить Изабо.

Фернандо что-то шепнул ей на ухо, и она нехотя согласилась.

— Поехали, Джек. По дороге я расскажу тебе, как однажды Болдуин попытался выгнать меня из Иерусалима. Погибших хватало. — Произнеся это слабо завуалированное предостережение, Изабо выводила Джека из комнаты.

— Благодарю, Маман.

Мэтью по-прежнему держал сына на руках, и я видела, как они дрожат от напряжения.

— Если понадобится, звони, — шепнул мне Маркус и направился к двери.

Когда мы остались вчетвером, я забрала у Мэтью Филиппа, уложив близнецов в колыбель возле очага, затем попыталась поднять мужа со стула.

— Я слишком тяжел, — устало произнес Мэтью. — Оставь меня здесь.

— Здесь ты не останешься. — Изучив ситуацию, я придумала решение: наспех соорудила левитационное заклинание. — Отойди подальше. Я намерена заняться магией, — сказала я, вспомнив надписи на футболках Мириам.

Мэтью ответил слабым смехом. Точнее, это была лишь попытка засмеяться.

— Не надо. Могу спать на полу.

Чувствовалось, он очень устал.

— Кровать лучше, — возразила я, и мы поплыли над полом к лифту.

Потянулись дни нашей первой недели в Ле-Ревенане. Мэтью разрешил Изабо приезжать и кормить его. Он частично восста-

новил силу и подвижность. Ходить он все еще не мог, но мог стоять, правда с чьей-нибудь помощью. Восстановление рук шло сложнее, и они по-прежнему висели как плети.

— Ты так быстро выздоравливаешь, — бодрым голосом говорила я, словно окружающий мир виделся мне в розовом свете.

Но в моем разуме царила густая тьма. Там все кричало от гнева, страха собственной беспомощности. Я видела, с каким трудом мужчина, которого я люблю, продирается сквозь тени прошлого, атаковавшего его в Хелме.

СОЛНЦЕ В РЫБАХ

Когда Солнце находится в Рыбах, ожидайте утомления и печали. Сумевшие отогнать свои страхи обретут прощение и понимание. Вас могут призвать для трудов в дальние земли.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалеиша, № 4890, лист 10**

— Мне нужна часть моих книг, — с обманчивой непринужденностью заявил Мэтью и без запинки перечислил названия. — Хэмиш знает, где их взять.

После Хелма наш друг ненадолго съездил в Лондон, затем вернулся во Францию. С тех пор Хэмиш обособился в Сет-Туре, в комнатах Мэтью. Днем он оберегал мировую экономику от разрушительных действий близорукой политической бюрократии, а по вечерам опустошал винный погреб Болдуина.

Хэмиш привез заказанные книги. Мэтью предложил ему выпить по фужеру шампанского. Хэмиш правильно расценил эту попытку возвращения к нормальному образу жизни. Она была поворотным пунктом в выздоровлении Мэтью.

— А почему бы нет? Надо же передохнуть от нескончаемого кларета.

Взгляд, украдкой брошенный на меня, показывал, что я могу оставить их вдвоем.

Три часа спустя я заглянула к ним. Мужчины играли в шахматы. Я ощутила слабость в коленях, увидев Мэтью, играющего белыми. Он обдумывал ходы. Поскольку сам он двигать фигуры не мог — как я убедилась, руки были слишком сложным анатомическим механизмом, — их двигал Хэмиш.

— Е-четыре, — сказал Мэтью.

— Центральная вариация. Очень смело с твоей стороны. — Хэмиш подвинул одну из белых пешек.

— Ты же согласился на ферзевый гамбит, — спокойно заметил ему Мэтью. — Чего же ты ждал?

— Не такой перемены в манере игры. Когда-то ты упорно отказывался ставить королеву под удар. Сейчас ты это делаешь в каждой партии. Это явный перекося в стратегии, — хмуро сказал Хэмиш.

— В прошлый раз королева действовала замечательно, — шепнула я Мэтью на ухо, и он улыбнулся.

Когда Хэмиш уехал, Мэтью попросил меня почитать ему вслух. Для нас это стало ритуалом. Мы садились перед огнем. За окнами падал снег, а в руках у меня была одна из любимых книг Мэтью: Абеляр, Марло, Дарвин, Торо, Шелли, Рильке. Часто губы Мэтью двигались. Он вслед за мной повторял слова, доказывая мне и самому себе — последнее было куда важнее, — что его разум сохраняет прежнюю цельность и остроту.

— «Я — дочь стихий воды и тверди, / Любимое дитя небес», — читала я, держа в руках потертый экземпляр «Освобожденного Прометея» Шелли, куда, помимо поэмы, входили и стихи.

— «Свободно прохожу сквозь океан и лес, — прошептал Мэтью. — Меняюсь вечно, но не знаю смерти»¹.

После визита Хэмиша число обитателей Ле-Ревенана постепенно стало увеличиваться. Мэтью пригласил Джека вместе с виолончелью. Джек часами играл Бетховена. Музыка положительно действовала не только на моего мужа. Ребекка всегда затихала и погружалась в сон.

Мэтью набирал силы, хотя до настоящего выздоровления было еще далеко. Спал он урывками. Я пристраивалась рядом, надеясь, что малыши не проснутся. Я помогала Мэтью мыться и одеваться. Он принимал мою помощь, хотя в такие моменты откровенно ненавидел и себя за слабость, и меня за то, что я это вижу. Порой мне становилось невыносимо смотреть на его усилия. Тогда я сосредоточивалась на какой-нибудь зарубцевавшейся ране. Я знала: как и тени Хелма, эти шрамы никогда не исчезнут бесследно.

¹ Строки из стихотворения Перси Биши Шелли «Облако» (1820).

Нас приезжала навестить Сара. Лицо ее всегда было встревоженным, однако на этот раз предметом теткиных тревог оказалась я.

— Сколько магии ты вбухиваешь в себя, чтобы держаться на ногах?

Привыкшая жить среди вампиров, издали слышавших каждый шепот, Сара задала свой вопрос только тогда, когда я пошла проводить ее до машины.

— Я прекрасно себя чувствую, — заявила я, открывая дверцу.

— Мой вопрос был не об этом. Я вижу, что внешне все обстоит прекрасно. Это-то меня и пугает, — призналась тетка. — Так ты долго не протянешь. А кончиться все это может очень печально.

— Не выдумывай, — сказала я, не желая продолжать разговор в таком ключе.

— Когда ты свалишься, это станет горькой правдой, — возразила Сара. — Повторяю: так ты долго не протянешь.

— Как ты помнишь, Сара, семейство Бишоп-Клермон специализируется на достижении невозможного. — Я захлопнула дверцу, оставив тетку наедине с ее возражениями.

Но я недооценила Сару. Она сменила тактику. Ровно через сутки после ее визита к нам пожаловал Болдуин. Он приехал без приглашения и без предупреждения.

— Твои дурные привычки неистребимы, — заявила я, вспоминая его прошлогоднее появление в Сет-Туре, когда с первых же минут он стал наводить свои порядки. — Еще один подобный сюрприз с твоей стороны — и я окружу замок таким количеством заклинаний, что они отпугнут даже четырех всадников апокалипсиса.

— Их не видели в Лимузене со времени смерти Хью. — Болдуин поцеловал меня в обе щеки, успев оглядеться и принюхаться.

— Мэтью сегодня не принимает гостей, — сказала я, отходя в сторону. — У него была тяжелая ночь.

— Я приехал не к нему. — Орлиные глаза Болдуина впились в меня. — Хочу тебя предостеречь: если ты не прекратишь наплевательски относиться к себе, я возьму дело в свои руки.

— У тебя нет...

— Нет прав? Есть. Ты моя сестра. Твой муж в данный момент не в состоянии следить за твоим здоровьем. Поэтому либо начинай это делать сама, либо пожинай последствия.

Я хорошо помнила безапелляционный тон Болдуина.

Некоторое время мы вели поединок глаз. Убедившись, что я не опускаю головы и не отворачиваюсь, он вздохнул:

— Диана, все достаточно просто. Судя по твоему запаху, тебя хватит самое большое еще на неделю. Потом ты свалишься. Если это случится, вампирские инстинкты Мэтью потребуют забыть обо всем и защищать свою истинную пару. Ему уже будет не до выздоровления, а для него это сейчас — самое главное дело. — В словах Болдуина был резон. — Ты замужем не просто за вампиром, а за вампиром, страдающим бешенством крови. Добавь к этому склонность Мэтью опекать и оберегать всех подряд. Лучшая стратегия поведения с таким мужем — не давать ему повода думать, будто тебе грозит опасность и ты нуждаешься в его защите. Позаботься о себе, — продолжал Болдуин. — Это нужно делать всегда, а сейчас — особенно. Твой здоровый и счастливый вид благотворно подействует и на разум Мэтью, и на его тело. И принесет больше пользы, чем кровь Изабо или музыка Джека. Мы поняли друг друга?

— Да.

— Я очень рад. — Губы Болдуина сложились в улыбку. — И не забывай отвечать на электронные письма. Я тебе их шлю. Ты не отвечаешь. Это начинает раздражать.

Я молча кивнула. Я боялась, что, стоит мне открыть рот, я не сдержусь и откровенно выскажу Болдуину, куда он может засунуть свои электронные письма.

Болдуин все-таки заглянул в большой зал, где дремал Мэтью. Он неуклюже пошутил, что с таким братом не повоюешь и не подерешься. Затем, к моему великому облегчению, Болдуин уехал.

Выполняя обещание, я включила ноутбук.

Письма исчислялись сотнями. Большая их часть была из Конгрегации. От меня требовали объяснений. Остальные содержали распоряжения Болдуина.

Я опустила крышку ноутбука и вернулась в большой зал к Мэтью и детям.

Через несколько дней после визита Болдуина я проснулась среди ночи от странного ощущения. Мне показалось, будто холодный палец движется вверх по моей спине, к стволу дерева на шее.

Палец двигался рывками. С шеи он переместился на плечо, туда, где остались очертания стрелы богини и звезда, которой меня наградила Сату Ярвинен.

Затем палец медленно опустился вниз, к дракону, обвивавшему мои бедра.

«У Мэтью снова заработали руки!» — успела подумать я.

Первое, чего касаются мои руки, — твое тело. Иного я не представлял, — сказал Мэтью, сообразив, что разбудил меня.

Я едва могла дышать. Горло перехватило, и все слова застряли внутри, но они отчаянно просились наружу. На помощь пришла магия. Как уже не раз бывало, под кожей появились мерцающие буквы.

— Цена магической силы.

Рука Мэтью обхватила мою. Его большой палец трогал появляющиеся слова. Движения эти поначалу были довольно грубыми и хаотичными, но с каждым прикосновением к моей коже они становились все ровнее и увереннее. Мэтью, конечно же, видел перемены во мне. Понимал, что я стала Книгой Жизни, однако молчал вплоть до этой минуты.

— Мне так много надо сказать, — читал он, скользя губами по моей шее.

Одновременно его пальцы сосредоточенно двигались вниз, пока не оказались между ног.

Я тихо вскрикнула. Со времени нашей последней близости прошли месяцы, но мое тело сразу узнало прикосновение любимых рук. Пальцы Мэтью безошибочно касались всех мест, где я испытывала наибольшее наслаждение.

— Но ты можешь и без слов рассказать мне о своих чувствах. Я тебя вижу, даже когда ты прячешься от остального мира. Я тебя слышу, даже когда ты молчишь.

Это было точным определением любви. И магия, и буквы на моих руках исчезли, когда Мэтью обнажил мою душу, а тело направил туда, где слова действительно не требовались. Я дрожала от оргазма. Прикосновения Мэтью были легкими как перышко, но его пальцы не замирали ни на мгновение.

— Еще, — сказал он, когда во мне снова стало нарастать желание.

— Это невозможно, — пробовала возразить я.

Тогда Мэтью сделал то, от чего я застонала.

— «Невозможно» — это не по-французски, — ответил он, слегка прикусывая мне мочку уха. — И когда в следующий раз твой брат позвонит или явится без приглашения, скажи ему, пусть не беспокоится. Я прекрасно могу позаботиться о своей жене.

СОЛНЦЕ В ОВНЕ

Знак Овна указывает на владычество и мудрость. Когда Солнце находится в этом знаке, вы увидите возрастание во всех ваших трудах. Это время для новых начинаний.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 7^о*

— Ты когда начнешь проверять свою чертову почту?

У Болдуина сегодня явно выдался тяжелый день. Вслед за Мэтью я начинала все больше ценить преимущества современных коммуникаций, позволявших держать напу вампирскую родню на некотором расстоянии.

— Пока мог, я сдерживал их натиск.

Сердитое лицо Болдуина смотрело на меня с компьютерного экрана. Позади, за массивными окнами, виднелся кусочек Берлина.

— Диана, ты должна поехать в Венецию.

— Ничего я не должна.

Этот разговор у нас продолжался не первую неделю.

— Дорогая, Болдуин прав. — Мэтью склонился над моим плечом; он теперь ходил, пока медленно, но все так же бесшумно. — Диана встретится с членами Конгрегации. Но учти, Болдуин: если ты еще раз позволишь говорить с ней таким тоном, я вырву тебе язык.

— Две недели, — объявил Болдуин, ничуть не испугавшись угроз брата. — Они согласились дать ей еще две недели.

— Слишком рано, — возразила я.

На теле Мэтью оставалось все меньше следов издевательств Бенжамена, но его контроль над бешенством крови был еще слишком слабым, а реакции на происходящее — слишком острыми.

— Она приедет туда. — С этими словами Мэтью закрыл ноутбук, избавившись от лицемерия Болдуина и завершающей порции требований.

— Слишком рано, — повторила я.

— Да, для меня действительно слишком рано ехать туда и сталкиваться с Гербертом и Сату, — сказал Мэтью; его руки давили мне на плечи. — Если мы хотим, чтобы завет был отменен официально, а мы этого хотим, кто-то из нас должен поставить вопрос перед Конгрегацией.

— Что будет с детьми? — спросила я, цепляясь за соломинку.

— Конечно, мы втроем будем скучать по тебе, но мы выдержим временную разлуку. Если Сара и Изабо считают, что я не в состоянии даже подгузники малышам поменять, я не стану лишать их удовольствия повозиться с внуками. — Пальцы Мэтью падали еще сильнее, словно желая показать, какой груз ответственности лежит на моих плечах. — Ты должна это сделать. Для меня. Для нас. Для каждого члена нашей общей семьи, кто пострадал от завета: для Эмили, Ребекки, Стивена и даже для Филиппа. И для наших детей, чтобы они росли в любви, а не в страхе.

После таких слов мне было совестно отказываться ехать в Венецию.

Семейство Бишоп-Клермон включилось в работу. Все горело желанием помочь в подготовке материалов для заседания Конгрегации. Наши совместные усилия четырех пород начались с оттачивания аргументов до предельной ясности и убедительности. Поначалу было трудно отстраниться от больших и малых оскорблений, нанесенных каждому из нас, забыть о душевных травмах. Успех зависел от объективности и аргументированности наших требований. Они ни в коем случае не должны были выглядеть как личная месть.

Под конец все начало выстраиваться и казаться на удивление простым. Так случилось, когда Хэмиш взял руководство на себя. По его словам, нам требовалось неопровержимо доказать, что завет создавался вследствие страха перед смешением пород и стремления искусственно поддерживать чистоту родословных для сохранения равновесия сил между ведьмами, демонами и вампирами.

Подобно большинству простых аргументов, наши положения требовали солидного документального подкрепления, а оно — многих часов отупляющей рутинной работы. Фиби, наделенная исследовательским даром, рылась в архивах Сет-Тура, разыскивая документы, которые касались времени принятия завета и первых

заседаний Конгрегации. Она обратилась к Риму. Та, уставшая от канцелярских обязанностей, с энтузиазмом взялась за поиски в библиотеке на Изола-делла-Стелла.

Эти документы позволили нам составить целостное представление об истинных страхах основателей Конгрегации. Основатели боялись, что смешанные браки приведут к появлению детей, которые будут не демонами, не вампирами, не ведьмами, а некоей ужасающей помесью, загрязняющей древние и якобы чистые породы. Этот страх оказался убедительным доводом, учитывая понимание биологии, каким оно было в XII веке, и значимость, придаваемую в те времена наследию и родословной. Будучи проницательным политиком, Филипп де Клермон подозревал, что дети от таких союзов будут достаточно могущественными и, если очень захотят, смогут править миром.

Намного труднее и, разумеется, намного опаснее было наглядно показать, что этот страх в конечном итоге привел к ослаблению, а то и к вырождению нечеловеческих пород. Века внутривидового скрещивания привели к тому, что вампирам стало трудно создавать новых вампиров. Ведьмы с каждым поколением теряли былые способности, а склонность демонов к безумию постоянно возрастала. Этот раздел нашего обращения требовал от Бишоп-Клермонов раскрыть наличие в семье как страдающих бешенством крови, так и прядильщиков.

На основе сведений из Книги Жизни я подготовила историческую справку о прядильщиках. Рассказала, что созидательную силу прядильщиков было трудно контролировать и что она же делала их беззащитными перед враждебностью других ведьм. Постепенно ведьмы впали в самодовольство и все реже применяли новые заклинания. Старые заклинания сохраняли свою действенность, а прядильщики, которых некогда почитали, становились в лучшем случае изгоями, в худшем — на них устраивалась охота. Чтобы проиллюстрировать справку, мы с Сарой составили до боли подробное описание жизни моих родителей. Там рассказывалось о безуспешных попытках отца скрыть свои способности и об усилиях Нокса это выведать. Как ни тяжело было нам с Сарой, пришлось написать и об ужасающей гибели Стивена Проктора и Ребекки Бишоп.

Мэтью и Изабо составили такое же трагическое повествование о безумии и разрушительной силе гнева. Фернандо и Галло-

глас копались в личном архиве Филиппа, ища письменные свидетельства о том, как он оберегал Изабо от уничтожения, а также записи об их совместных усилиях спасти Мэтью, когда у него обнаружили признаки бешенства крови. Филипп и Изабо верили, что тщательное воспитание и труднодостижимый контроль станут противовесами болезни, поселившейся в его крови. Классический пример веры в способность воспитания побороть природу. Мэтью откровенно рассказал о своих ошибках и промахах в отношениях с Бенжаменом. История Бенжамена наглядно показывала, каким исчадием становится вампир, страдающий бешенством крови, если не следить за его развитием.

Дженет, приехавшая в Ле-Ревенан, привезла гримуар семьи Гоуди и копию допроса ее прабабушки Изобель. Там чрезвычайно подробно описывались любовные отношения Изобель с дьяволом по имени Никки-Бен, включая и его подлый укус. Гримуар подтверждал, что Изобель являлась прядильщицей заклинаний. Она с гордостью писала о своих уникальных магических способностях и даже указывала, за какую плату она делилась заклинаниями с ведьмами шотландских высокогорий. Изобель сама назвала имя своего любовника — Бенжамен Фокс. Таким образом, сын Мэтью вписал свое имя в семейную хронику шотландских ведьм.

— И все равно этого недостаточно, — беспокоился Мэтью, перебирая подготовленные материалы. — Мы так и не смогли объяснить, *почему* такие, как мы, и другие пары прядильщиц и вампиров, страдающих бешенством крови, способны производить детей.

Я могла объяснить. Книга Жизни раскрыла мне эту тайну. Но я хранила молчание, дожидаясь, пока Мириам и Крис не представят научные доказательства.

Вестей от них не было. Я начинала думать, что мне придется выступать перед Конгрегацией без их помощи, как вдруг во двор замка въехала машина.

— Это еще кто? — насторожился Мэтью, откладывая ручку и выглядывая в окно. — Мириам и Крис. Должно быть, какие-то неприятности в йельской лаборатории.

Мэтью не угадал. Мириам заверила его, что исследовательская команда трудится не покладая рук и показывает изумительные результаты. Крис подал мне плотно набитый конверт.

— Ты оказалась права, — улыбнулся он. — Отличная работа, профессор Бишоп!

Я с облегчением прижала конверт к груди, затем передала Мэтью. Муж торопливо вскрыл конверт, вытащил пачку листов. Его глаза забежали по строчкам и черно-белым схемам, иллюстрирующим написанное, потом он поднял голову и застыл с раскрытым ртом.

— Я тоже была удивлена, — призналась Мириам. — Пока мы исследовали демонов, вампиров и ведьм как отдельные виды, имеющие отдаленную связь с людьми, но никак не связанные между собой, истина от нас ускользала.

— Потом мы вспомнили один существенно важный момент из рассказа Дианы: Книга Жизни посвящена тому, что нас объединяет, а не разделяет, — продолжил Крис. — Диана попросила нас сравнить ее геном с геномом демонов и геномом других ведьм.

— И все, что мы так долго искали, пряталось в хромосомах, у нас на виду, — подхватила Мириам.

— Ничего не понимаю, — призналась Сара, не разделявшая общего возбуждения.

— Диана смогла зачать детей от Мэтью, поскольку у них обоих есть кровь демонов, — пояснил Крис. — Пока еще рано говорить наверняка, но, по нашей гипотезе, прядильщики произошли от древних союзов между демонами и ведьмами. Вампиры вроде Мэтью, страдающие бешенством крови, получались в том случае, когда вампир, имеющий ген бешенства крови, создает другого вампира из человека, в ДНК которого есть гены демонов.

— Анализ ДНК Изабо и Маркуса выявил лишь незначительное присутствие демонических генов, — добавила Мириам. — Это объясняет, почему, в отличие от Мэтью и Бенжамена, у них бешенство крови не проявилось.

— Но мать Стивена Проктора была человеком, — сказала Сара. — Правда, та еще заноза в заднице... прости, Диана. Однако ничего демонического в ней не было.

— Родство не обязательно должно быть непосредственным, — объяснила Мириам. — В смеси оказалось достаточно демонической ДНК, чтобы включились гены прядильщика и гены бешенства крови. Демоном мог быть кто-нибудь из дальних предков Стивена. Крис уже говорил, что пока мы имеем дело лишь с предварительными результатами. Для полного понимания понадобится не один десяток лет.

— Еще одна новость: малышка Маргарет тоже прядильщица. — Крис ткнул в лист, который держал Мэтью. — Страница тридцать. Говорю с полной уверенностью.

— Может, потому Эм так стойко оберегала Маргарет и твердила, что ребенок ни в коем случае не должен попасть в руки Нокса? — задумчиво спросила Сара. — Быть может, она каким-то образом узнала правду?

— Это потрясет Конгрегацию до самого основания, — сказала я.

— Эффект будет еще сильнее. Наука доказывает полную бессмысленность завета, — сказал Мэтью. — Мы не являемся отдельными, несовместимыми видами.

— То есть мы просто разные расы? — спросила я. — Тогда наши доводы в пользу межвидовых браков получают дополнительное подкрепление.

— Профессор Бишоп, вам нужно обновить свои знания. — улыбнулся Крис. — Расовая идентичность не имеет биологической основы. Во всяком случае, такой, какую признавало бы большинство современных ученых.

Нечто подобное я слышала от Мэтью еще в Оксфорде, в самом начале нашего знакомства.

— Но это значит...

— Это значит, что вы не являетесь чудовищами. Нет таких существ, как демоны, ведьмы и вампиры. Во всяком случае, с биологической точки зрения. Все вы люди, имеющие некоторые особенности. — Крис снова улыбнулся. — Скажи Конгрегации: пусть освобождаются от своих замшелых представлений и учатся думать по-новому, даже если им это и не нравится.

Я не стала включать слова Криса в пояснительную записку к внушительному досье, которое мы заблаговременно отправили в Венецию, но написанное мной передавало тот же смысл.

Дни завета были сочтены.

Если Конгрегация хочет и дальше оставаться на плаву, ей придется найти себе более полезные занятия, чем охрана искусственных границ между демонами, ведьмами, вампирами и людьми.

Когда утром, накануне отъезда в Венецию, я пришла в библиотеку, меня кольнуло ощущение: а ведь что-то ускользнуло от нашего внимания и не попало в документ.

Занимаясь подготовкой, мы все время натывались на липкие следы пальцев Герберта. Казалось, он прятался на полях каждого документа и каждого свидетельства. Утверждать это наверняка было трудно. Но косвенные свидетельства достаточно четко указывали: Герберт из Орильяка уже давно знал о необычных способностях прядильщиков. Одну из прядильщиц он даже держал в рабстве: ведьму Меридиану, проклявшую его перед смертью. Герберт веками снабжал Бенжамена сведениями о де Клермонах. Незадолго до своей последней миссии в нацистской Германии Филипп узнал о гнусной роли Герберта и припер его к стенке.

— Почему мы не отправили в Венецию никаких сведений о деяниях Герберта?

Этот вопрос я задала Мэтью, найдя его на кухне, где он готовил мне чай. Там же находилась Изабо, игравшая с внуками.

— Потому что лучше, если остальные члены Конгрегации не будут знать о причастности Герберта, — ответил Мэтью.

— Лучше для кого? — резко спросила я. — Я хочу, чтобы этого мерзавца изобличили и наказали.

— Но наказания Конгрегации очень неудовлетворительные, — сказала Изабо, и ее глаза сверкнули. — Слишком много болтовни. Недостаточно боли. Если ты хочешь по-настоящему его наказать, оставь это мне.

Ее длинные ногти застучали по поверхности стола. Я вздрогнула.

— Маман, ты и так сделала достаточно, — произнес Мэтью, выразительно посмотрев на нее.

— А-а, ты об этом. — Изабо легкомысленно взмахнула рукой. — Герберт — несносный мальчишка. Но из-за этого он завтра не посмеет сказать Диане ни слова поперек. Ты, доченька, найдешь Герберта из Орильяка на удивление сговорчивым.

Я ошеломленно плюхнулась на стул.

— Пока Изабо находилась у Герберта в плену, они с Натаниэлем занялись шпионской деятельностью, — пояснил Мэтью. — С тех пор они следят за его электронной перепиской и активностью в Интернете.

— Диана, разве ты не знаешь, что никакая информация в Интернете не исчезает бесследно? Подобно вампиру, она продолжает жить.

Чувствовалось, Изабо была искренне заворожена этим сравнением.

— И что? — спросила я, не понимая, к чему клонит моя све-
кровь.

— Герберт питает слабость не только к ведьмам, — сказала Изабо. — У него была целая вереница любовниц среди демониц. Одна из них до сих пор живет в Риме на Виа делла Скала в просторных апартаментах, которые он купил ей еще в семнадцатом веке. Правда, там всегда были жуткие сквозняки.

— Погоди, как ты сказала? В семнадцатом веке?

Я пыталась думать связно, хотя рядом с Изабо это было трудно. Сейчас она напоминала Табиту, съевшую мышь.

— Герберт не только путался с демоницами. Одну из них он превратил в вампирицу. Подобные птучки строго запрещены, причем не только заветом, но и вампирским правом. Мы весьма кстати узнали, что именно приводит к появлению бешенства крови, — сказал Мэтью. — О римской любовнице не знал даже Филипп, хотя о других демонических любовницах Герберта ему было известно.

— И мы теперь будем шантажировать Герберта? — поинтересовалась я.

— «Шантаж» — весьма грубое слово, — поморщилась Изабо. — Я предпочитаю думать, что Галлоглас был на редкость убедителен, когда вчера вечером заехал пожелать Герберту счастливого пути и завез ему книгу «*Les Anges Déchus*»¹.

— Я не хочу, чтобы де Клермоны проводили тайную операцию против Герберта. Пусть весь мир знает, какой он мерзавец, — сказала я. — Я хочу сражаться с ним честно, в открытой схватке.

— Не беспокойся. Весь мир узнает. Со временем. Войны нужно вести последовательно, *ma lionne*. — Приказной тон своих слов Мэтью смягчил поцелуем и чашкой чая.

— Филипп предпочитал войне охоту. — Изабо понизила голос, будто не хотела, чтобы Бекка и Филипп-младший подслушали ее дальнейшие слова. — Когда охотишься, можно сначала поиграть с добычей, а потом ее убить. Так мы и поступаем с Гербертом.

В таком подходе и впрямь было что-то привлекательное.

— Я не сомневалась, что ты поймешь. Ведь не зря тебя назвали в честь богини охоты. Удачной тебе охоты в Венеции, дорогая, — сказала Изабо, потрепав меня по руке.

¹ «Падшие ангелы» (фр.).

СОЛНЦЕ В ТЕЛЬЦЕ

Телсц управляет деньгами, включая взятие их в долг и отдачу долгов, а также подарками. Пока Солнце находится в Тельце, торопитесь закончить незавершенные дела. Упрочьте ваши отношения, дабы они не тревожили вас в будущем. Если же получите неожиданное вознаграждение, сделайте его вкладом в будущее.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 7°*

Венеция в мае предстала передо мной совсем другой, нежели в январе. И причина была не только в синеве неба и спокойных водах лагуны.

Тогда Мэтью находился в плену у Бенжамена. Неудивительно, что и город воспринимался холодным и враждебным. В январе мне хотелось покинуть Венецию как можно скорее. Уехав отсюда, я не собиралась возвращаться.

Но правосудие богини не будет полным до тех пор, пока я не разрушу завет.

И потому я снова оказалась в Ка'-Кьяромонте. В этот раз окну с видом на Большой канал я предпочла скамью в садике на заднем дворе.

На этой скамье мы сидели вместе с Дженет Гоуди. Мы в последний раз просматривали объемистое заявление, стараясь предусмотреть контраргументы остальных членов Конгрегации. По гравийным дорожкам с тихим шуршанием двигались любимые ручные черепахи Мэтью, вылезшие полакомиться комариками.

— Пора высзжать, — сообщил Маркус, и вслед за ним городские колокола пробили четыре часа.

Маркус и Фернандо вызвались проводить нас на Изола-делла-Стелла. Как мы с Дженет ни пытались уверить мое семейство, что прекрасно доберемся самостоятельно, Мэтью и слышать об этом не хотел.

Состав Конгрегации не поменялся. Агата, Татьяна и Осаму ободряюще улыбались мне, а вот Сидония фон Борке и вампиры встретили меня ледяными взглядами. Сату проскользнула на монастырский двор в самый последний момент, словно надеялась остаться незамеченной. От самоуверенной ведьмы, похитившей меня в саду Сет-Тура, не осталось и следа. Оценивающий взгляд

Сидонии намекал на то, что трансформация, произошедшая с Сату, не осталась незамеченной. Похоже, очень скоро госпоже Ярвинен придется уступить свое место в Конгрегации другой ведьме.

Я пересекла монастырский двор и поздоровалась с вампирами, кивнув каждому:

— Доменико, Герберт.

— Всыма, — язвительно процедил Герберт.

— И вдобавок — одна из де Клермонов. — Я нагнулась к уху Герберта. — Не увязай в благодушии, Герберт. Богиня тебя не пощадила. Она лишь отсрочила исполнение приговора. И твой день расплаты приближается.

Мне приятно было видеть страх, мелькнувший в его глазах.

Вставляя ключ де Клермонов в дверь зала заседаний, я пережила момент дежавю. Дверь распахнулось, а странное чувство только усилилось. Мои глаза остановились на уроборосе — десятом узле, — вырезанном на спинке стула нашей семьи. Серебристые и золотистые нити, пронизывающие зал, трещали от переполненности магической силой.

Всех ведьм учат верить в знаки. К счастью, над смыслом этого знака мне не потребовалось ломать голову или докапываться с помощью магии. Все было просто и понятно: «Это твоё место. Ты находишься там, где и должна находиться».

— Призываю собравшихся к порядку, — сказала я, усевшись и постучав пальцами по столу.

На моем левом указательном пальце осталась толстая фиолетовая полоса. Стрела богини, которой я убила Бенжамена, исчезла, а вот этот знак остался. Цвет справедливости и правосудия.

Я оглядела зал. Широкий стол. Документы, повествующие о судьбах моей семьи и предках моих детей. Девять членов Конгрегации, считая и меня, собрались, чтобы принять решение, которое изменит судьбу тысяч таких, как мы, живущих в разных уголках мира. В вышине я ощущала присутствие духов тех, кто заседал здесь прежде. Я чувствовала на себе их взгляды: холодные (вампиры), подталкивающие (демоны), вызывающие покалывание (ведьмы).

«Сверши правосудие, — говорили они в один голос, — и помни наши имена».

Семьи де Клермон и Бишоп-Клермон встречали нас в большой гостиной. На этот раз мое пребывание в Венеции было кратким.

— Мы победили, — сообщила я. — Завет отменен.

Послышались радостные возгласы и поздравления. Меня обнимали. Болдуин реагировал более сдержанно и лишь поднял руку с бокалом, показывая, что одобряет мои действия.

Мои глаза нашли Мэтью.

— Ничего удивительного, — сказал он.

Последовавшая тишина была наполнена невысказанными словами, но я их все равно слышала. Мэтью нагнулся и взял на руки Ребекку:

— Видишь, дочка? Твоя мама опять все исправила.

Бекка с недавних пор познала упоительное наслаждение. Она стала жевать собственные пальчики. Я очень радовалась, что у нее еще не появился вампирский эквивалент молочных зубов. Мэтью вытащил ее ручонку изо рта и помахал в мою сторону, предотвращая задуманную Беккой шумную акцию протеста.

— Bonjour, Maman.

Джек качал на коленях Филиппа. Вид у малыша был изумленный и одновременно настороженный.

— Отличная работа, мам, — сказал Джек.

— У меня было много помощников.

Мне сдавило горло. Улыбнувшись Джеку и малышу, я перевела взгляд на Сару и Агату. Склонившись друг к другу, как две школьницы, они сплетничали о заседании Конгрегации. Фернандо развлекал Софи и Натаниэля рассказами о скованном поведении Герберта и всплесках ярости Доменико. Фиби и Маркус, встретившись после недолгой разлуки, самозабвенно целовались. Болдуин теперь стоял рядом с Мэтью. Тот по-прежнему держал на руках Бекку. Я подошла к ним.

— Возьми, брат. Возвращаю, — сказала я, протягивая ему ключ де Клермонов.

Моя ладонь ощущала тяжесть старинного металла.

— Оставь себе. — Болдуин согнул мои пальцы, и ключ оказался зажатым у меня в кулаке.

Разговоры в гостиной смолкли.

— Что ты сказал? — прошептала я.

— Я сказал, чтобы ты оставила ключ себе.

— Ты ведь не...

— Да, именно это я и имел в виду. В семье де Клермон у каждого есть свое дело. Ты это знаешь. — Золотисто-карие глаза Болдуина всныхнули. — С сегодняшнего дня ты председательствуешь на встречах Конгрегации.

— Я не могу. Я же профессор! — запротестовала я.

— Расписание встреч Конгрегации составляется заранее. Соотнеси с ним свои лекции. Пока ты отвечаешь на электронные письма... — с напускной суровостью добавил Болдуин, — ты без труда урегулируешь свои дела. Всегда что-то можно передвинуть. Я слишком долго пренебрегал своими семейными обязанностями. Я же воин, а не политик.

С немой мольбой я взглянула на Мэтью, однако на сей раз он не собирался меня спасать. И в его глазах я видела не привычную готовность опекать, а гордость.

— А как же твои сестры? — спросила я, пытаясь остановить поток лихорадочных мыслей. — Верена наверняка будет возражать.

— Это было предложение Верены, — ответил Болдуин. — И потом, ты ведь тоже моя сестра.

— Значит, решено. Диана будет председательствовать в Конгрегации, пока не устанет от этой работы. — Изабо расцеловала меня в обе щеки. — Ты только представь, какая физиономия будет у Герберта, когда он узнает о решении Болдуина!

Я молча сунула ключ обратно в карман. Голова продолжала идти кругом.

— А день-то распогодился, — сказала Изабо, глядя на яркое весеннее солнце. — Идем погуляем перед обедом по саду. Ален с Мартой столько всего наготовили, причем без помощи Фернандо. От этого Марта находится в потрясюще хорошем настроении.

В гостиной снова стало шумно от разговоров и смеха. Мэтью передал Бекку Саре.

— Только не слишком долго, — сказала нам вслед Сара.

Как только мы остались вдвоем, изголодавшийся Мэтью стал меня целовать. Постепенно его поцелуи делались крепче и отчаяннее. Еще одно напоминание, что Мэтью пока не вернул себе прежнего контроля над бешенством крови. Он с трудом выдержал мое отсутствие, пусть и кратковременное.

— Расскажи мне про Венецию, топ коеиг. Надеюсь, все прошло без осложнений? — спросил он, восстановив равновесие.

— Я потом расскажу во всех подробностях. Пока же должна тебя предостеречь: Герберт опять замышляет недоброе. Он цеплялся к каждому моему слову.

— А чего ты ожидала? Происков Герберта можешь не бояться. Мы выясним, какую игру он ведет.

То, что я увидела в следующее мгновение, заставило меня остановиться и замереть.

— В чем дело, Диана? Ты идешь? — нетерпеливо спросил Мэтью.

— Я постою здесь немного. Соберусь с мыслями. Ты иди. Я тебя догоню.

Мэтью странно на меня посмотрел, но спорить не стал.

«Я знал: ты первая меня увидишь».

Голос Филиппа был совсем тихим. Сквозь него я по-прежнему видела разномастную мебель Изабо. Но меня это не волновало. Передо мной был прежний Филипп — сильный, красивый, без малейших следов издевательств Бенжамена. Он улыбался. Его глаза сверкали от восхищения и нежности.

— Почему я?

«Потому что у тебя теперь есть Книга Жизни. Ты больше не нуждаешься в моей помощи».

Наши глаза встретились.

— Завет... — начала я.

«Слышал. Я многое слышу. — Улыбка Филиппа стала еще шире. — Я горд, что завет разрушила одна из моих дочерей. Ты действовала замечательно».

— И то, что я тебя вижу, мне в награду? — спросила я, сдерживая слезы.

«Одна из наград, — ответил Филипп. — Со временем ты получишь и другие».

— Эмили. — Едва я произнесла ее имя, облик Филиппа начал таять. — Нет! Не уходи. Я не стану задавать вопросы. Просто скажи ей, что я люблю ее.

«Она это знает. И твоя мама тоже. — Филипп мне подмигнул. — Я со всех сторон окружен ведьмами. Только Изабо не говори. Ей бы это не понравилось».

Я засмеялась.

«А вот это награда *мне* за годы хорошего поведения... Ты никак собралась слезу пустить? Я больше не хочу слез. Слышишь?»

Филипп погрозил мне пальцем.

«Меня уже тошнит от слез».

— И чего ты хочешь вместо слез? — спросила я, вытирая глаза.

«Больше смеха. Больше танцев. — Глаза Филиппа озорно блеснули. — И больше внуков».

— Это зависит не только от меня, — сказала я и снова засмеялась.

«Только боюсь, доченька, в будущем тебя ждет не только смех. — Филипп перестал улыбаться. — Диана, твоя работа не закончена. Богиня просила меня вернуть тебе вот это».

Он протянул мне серебряную стрелу с золотым наконечником, которой в январе я пробила сердце Бенжамена.

— Не нужна мне ее стрела. — Я попятилась и даже подняла руку, чтобы оттолкнуть нежелательный подарок.

«Я тоже не хотел брать, но ведь кто-то должен осуществлять справедливость».

— Диана! — окликнул меня Мэтью.

Если бы не стрела богини, я бы не услышала голос мужа.

— Иду! — крикнула я в ответ.

Глаза Филиппа были полны симпатии и понимания. Я нерешительно дотронулась до золотого наконечника. Едва мои пальцы его коснулись, стрела исчезла, и я снова ощутила ее тяжесть в спине.

«С первого момента нашей встречи я знал, что ты — та», — сказал Филипп.

Слова Филиппа странным образом перекликались со словами Тимоти Уэстона, сказанными мне сначала в Бодлианской библиотеке, а потом и у него дома.

В последний раз улыбнувшись мне, призрак Филиппа начал таять.

— Постой! — крикнула я. — Что значит «та»?

«Та, кто сможет взять на себя мои тяготы и не сломаться, — прошептал мне на ухо Филипп, и моя щека ощутила легкое прикосновение его губ. — Но ты не понесешь их одна. Помни об этом, доченька».

Я не удержалась и всхлипнула на прощание.

— Диана? — Теперь уже Мэтью стоял в дверях. — Что случилось? Ты как будто призрака увидела.

Да, увидела, однако сейчас было не время рассказывать мужу об этом. Я кусала губы, не смея обмануть Филиппа. Он ведь хотел видеть нас радостными, а не печальными.

— Потанцуй со мной, — попросила я, все-таки уронив одну слезинку.

Мэтью взял мою руку, обнял за талию. Его ноги плавно заскользили по полу. Мы миновали гостиную и переместились в большой зал. Вопросов он не задавал, хотя ответы светились в моих глазах.

Я наступила ему на ногу:

— Ой, извини!

— Ты опять пытаешься вести, — пробормотал Мэтью, поцеловал меня в губы и стремительно повернул. — А сейчас твоя задача — следовать за мной.

— Совсем забыла, — засмеялась я.

— Придется почаще тебе напоминать.

Мэтью крепко прижал меня к себе. Для предупреждения его поцелуй был достаточно резким, а для обещания — достаточно сладостным.

«Филипп был прав», — подумала я, когда мы вышли в сад.

Ведущая или ведомая, я никогда не буду одна в мире, где есть Мэтью.

Солнце в Близнецах

Знак Близнецов управляет согласием в отношениях между мужем и женой и всеми делами, так или иначе связанными с верой. Человек, рожденный под этим знаком, обладает добрым и честным сердцем и прекрасным умом, что позволяет ему приобрести многие познания. Ему присущи вспышки гнева, но он отходчив и быстро мирится. Он смел в речах даже перед принцами. Он великий притворщик, распространитель хитроумных фантазий и явной лжи. Из-за своей жены он может часто попадать в беду, но всегда одолеет их общих врагов.

*Английская записная книжка
неустановленного автора. Около 1590 г.
Собрание манускриптов Гонсалвиша, № 4890, лист 8^v*

Глава 41

— Простите за беспокойство, профессор Бишоп.

Я подняла голову от манускрипта. Читальный зал Лондонского королевского общества купался в лучах летнего солнца. Его свет проникал сквозь высокие переплетчатые окна и разливался по огромному залу.

— Один профессор попросил передать вам это.

Библиотекарь протянул мне конверт с эмблемой Королевского общества. На нем черными чернилами торопливым, но разборчивым почерком было написано мое имя. Я кивком поблагодарила библиотекаря.

Внутри лежала древняя серебряная монета Филиппа. Когда ему требовалось, чтобы кто-нибудь спешно вернулся домой или выполнил его приказы, он посылал эту монету. Я нашла ей новое применение. Теперь, когда я вернулась к более активной жизни, монета помогала Мэтью справляться с приступами бешенства крови. Со времени кошмаров в логове Бенжамена прошло более пяти месяцев. Состояние мужа последовательно улучшалось, но его настроение по-прежнему было неустойчивым, и вспышки гнева могли произойти на ровном месте. Полное выздоровление наступит еще не скоро. Когда потребность Мэтью во мне достигала опасного уровня, ему было достаточно послать эту монету, и я, прервав все дела, спешила к нему.

Переплетенные манускрипты, с которыми мне сегодня не удалось поработать, я вернула дежурному библиотекарю, поблагодарив его за хлопоты. Заканчивалась моя первая полная неделя работы в архивах. Я проверяла реакцию своей магии на постоянные контакты со множеством древних текстов и блестящим интеллектом их составителей, давно покинувших наш мир. Как и Мэтью, я училась управлять ситуацией и контролировать свои

действия. Были моменты отчаяния, когда мне казалось, что я уже не вернусь к любимой работе, однако каждый новый день делал мою цель более достижимой.

После апрельского заседания Конгрегации я стала воспринимать себя не как ходящий палимпсест, а как живое и очень сложное заклинание прядильщицы. Мое тело было подобно шпалере, где переплелись нити ведьм, демонов и вампиров. Некоторые нити, слагающие меня, были чистой магией, о чем свидетельствовал темный силуэт Корры. Некоторые указывали на мое искусство прядильщицы. Остальные были сотканы из знаний, содержащихся в Книге Жизни. Каждая нить, покрытая узлами, давала мне силу, позволявшую применять стрелу богини ради справедливости, а не для отмщения или власти.

Я спустилась по широкой лестнице на первый этаж. Мэтью ждал меня в вестибюле. Как всегда, от его взгляда у меня похолодела кожа и разогрелась кровь. Я опустила монету в его протянутую ладонь.

— Все в порядке, *mon coeur*? — спросил он, поцеловав меня.

— В полном.

Я потянула за лацкан его черного пиджака — малепький собственнический жест. Сегодня Мэтью был одет так, как и надлежит известному, уважаемому профессору. Пиджак из тонкой шерсти дополняли брюки серо-стального цвета и безупречная белая рубашка. Галстук я выбирала сама, остановившись на подарке Хэмиша к минувшему Рождеству. Это был зелено-серый галстук в стиле либерти, гармонирующий с изменчивым цветом глаз Мэтью.

— Как прошло выступление?

— Завязалась интересная дискуссия. Крис, разумеется, выступал блестяще, — ответил Мэтью, отводя моему другу центральную роль и скромно отступая на задний план.

Крис, Мэтью, Мириам и Маркус представили результаты исследований, расширяющие рамки представлений о человеке и его особенностях. Они показали, как в процессе эволюции *Homo sapiens* человек заимствовал гены из ДНК других существ, например неандертальцев, до сих пор считавшихся самостоятельным видом. Многие данные были получены Мэтью уже давно, и он просто держал их под спудом. Выражаясь словами Криса, по нежеланию делиться результатами с коллегами Мэтью был вполне схож с Исааком Ньютоном.

— Маркус и Мириам выступали в привычном ключе. Она очаровывала аудиторию, а он скупо вставлял весомые фразы.

— И как реагировало почтенное научное сообщество?

Мэтью забыл снять бейдж, где значилось: «ПРОФЕССОР МЭТЬЮ КЛЕРМОН». Я сделала это сама, сунув бейдж ему в карман. Помимо имени, аббревиатуры сообщали о его членстве в Королевском обществе и оксфордском колледже Всех Душ, а также нынешнюю принадлежность к Йельскому университету. Мэтью согласился на предложение Криса и на целый год стал внештатным исследователем в лаборатории моего друга. Лаборатория получила солидный грант на изучение неcodирующих ДНК. Это заложило основы для дальнейших исследований, чтобы однажды выступить с сенсационным сообщением о ближайших родственниках человека, внешне полностью схожих с ним. В отличие от неандертальцев, они не вымерли, а веками продолжали жить среди людей. Осенью мы собирались вернуться в Нью-Хейвен.

— Поначалу с удивлением и некоторым скепсисом, — сказал Мэтью, отвечая на мой вопрос. — Но когда Крис выступил с докладом, удивление сменилось завистью. Его выступление было очень впечатляющим.

Мэтью повел меня к выходу.

— А где Крис сейчас? — спросила я, озираясь по сторонам.

— Они с Мириам поехали на Пикеринг-Плейс. Маркус отправился за Фиби. Потом все четверо собирались в какой-то устричный бар вблизи Трафальгарской площади.

— Хотелъ составить им компанию? — спросила я.

— Нет. — Мэтью обнял меня за талию. — Ты не забыла, что нас ждет обед?

Пока нас ждала машина Леонарда.

— Добрый день, сир. Здравствуйте, мадам.

— Леонард, меня больше устраивает «профессор Клермон», — сказал Мэтью, помогая мне забраться на заднее сиденье.

— Так точно! — ослепительно улыбнулся Леонард. — Едем в Клермон-Хаус?

— Да, — лаконично ответил Мэтью, садясь рядом со мной.

Был прекрасный июньский день. Путь пешком от Пэлл-Мэлл до Мейфэра, наверное, занял бы у нас меньше времени, чем поездка, но Мэтью выбрал машину по соображениям безопасности. При штурме логова Бенжамена погибли все его дети. Мы до сих

пор не получали сведений, что кому-то из них удалось выжить. И Герберт с Доменико после их сокрушительного поражения в Венеции не давали нам оснований для беспокойства. Однако Мэтью не хотел рисковать.

— Привет, Марта! — крикнула я, переступив порог дома. — Как у нас дела?

— Bien, — ответила она. — Милорд Филипп и миледи Ребекка только что проснулись после дневного сна.

— Я попросил Линду Кросби помочь Марте. Она будет чуть позже, — сказал Мэтью.

— А я уже здесь! — послышался голос Линды.

Она вошла следом за нами с двумя пакетами с эмблемой «Маркса и Спенсера» и передала их Марте.

— Вышла новая книга о приключениях очаровательного детектива Джеммы и ее приятеля Дункана. А тут — новый узор. Помнишь, я тебе рассказывала?

Линда и Марта быстро подружились. Их сблизило почти полное совпадение интересов. Обе любили детективные романы с загадочными убийствами, рукоделие, кухню, сад и сплетни. Чтобы почаще видаться, они разработали целую теорию, которую с явной выгодой для себя связали с заботой о наших детях. По их мнению, дети должны постоянно находиться под присмотром членов семьи, а когда это невозможно, то под совместным присмотром вампирши и ведьмы. Линда считала такой подход разумным, поскольку мы еще плохо знали способности и склонности малышей. Впрочем, кое-что мы знали. Ребекка предпочитала молоку кровь и спала гораздо меньше, чем дети в ее возрасте. Филипп проявлял склонности колдуна. Я несколько раз видела, как плюшевый слон сам нырял в его колыбель.

— Мы можем остаться дома, — предложила я.

Место, куда собирался меня повезти Мэтью, требовало вечернего платья, смокинга и еще целой кучи разных ухищрений.

— Нет. — Мэтью по-прежнему обожал это слово. — Мы с женой сегодня обедаем там, где я наметил.

Его тон отсекал все дальнейшие возражения.

Вниз стремительно сбегал Джек:

— Мам, привет! Я твою почту отнес наверх. Папину тоже. Ну, я поскакал. Мы с отцом Х. сегодня приглашены на обед.

— Пожалуйста, не забудь вернуться к завтраку, — сказал Мэтью, когда Джек уже был возле двери.

— Не беспокойся, папа. После обеда мы с Рэнсомом погуляем! — выпалил Джек, и дверь захлопнулась.

Пару дней назад в Лондоне появились гости из новоорленской части клана Бишоп-Клермонов. Они приехали навестить Маркуса и посмотреть достопримечательности.

— Оттого что он гуляет с Рэнсомом, мне не легче, — вздохнул Мэтью. — Пойду взгляну на детей и буду одеваться. Ты идешь?

— Я тебя догоню. Хочу сунуть нос в балльный зал и посмотреть, как там с подготовкой к твоему дню рождения. — (Мэтью застонал.) — Ну не будь ты таким старым брюзгой! — засмеялась я.

Мы вместе поднялись на третий этаж. Обычно там было холодно и тихо. Но сегодня на третьем этаже все бурлило. Обслуживающая фирма расставляла столы по краям, оставляя центральную часть для танцев. В углу репетировали музыканты.

— Я родился в ноябре, а не в июне, — пробормотал Мэтью и еще сильнее нахмурился. — В День Всех Святых. И зачем приглашать столько гостей?

— Можешь сколько угодно ворчать и придирааться к мелочам. Это не отменит факта, что завтра — годовщина твоего вампирского рождения и твоя семья хочет отпраздновать ее вместе с тобой.

Я осмотрела цветочное оформление праздника. Растения выбирал Мэтью. Я не вмешивалась, хотя ивовые ветки не особо сочетались с жимолостью. Его выбор музыки состоял из произведений разных эпох, которые завтра должны прозвучать во время танцев.

— Если тебе не нравится обилие гостей, нужно было хорошенько подумать и не сотворять столько детей.

— Но мне нравится сотворять их с тобой. — Рука Мэтью обвилась вокруг моей талии и застыла на животе.

— Тогда жди ежегодного повторения завтрашнего события. — Я чмокнула его в щеку. -- И столиков с каждым годом будет все больше.

— Раз уж мы заговорили о детях... — Мэтью запрокинул голову и прислушался; никто из теплокровных не мог слышать на таком расстоянии. — Твоя дочь голодна.

— *Твоя дочь всегда голодна*, — сказала я, дотрагиваясь до его щеки.

Бывшую спальню Мэтью превратили в детскую. Теперь там находились безраздельные владения близнецов с громадным зоопарком мягких зверей. Одежды и подгузников хватило бы на целую армию малышей, которой командовали бы два наших тирана.

Когда мы вошли, Филипп повернул голову к двери. Он с торжествующим видом стоял, держась за бортик колыбели. Пристальный взгляд Филиппа был обращен на колыбель сестры. Сидящая Ребекка смотрела на него с неменьшим интересом, словно пытаясь понять, как брату удалось столь быстро вырасти.

— Боже милосердный! Он уже стоит, — бормотал ошеломленный Мэтью. — Малыш, которому нет и семи месяцев!

Я посмотрела на крепкие, сильные ручки и ножки сына. Чему тут удивляться?

— Чем ты тут занимался, пока нас с папой не было? — спросила я, доставая малыша из колыбели и прижимая к себе.

Он ответил целым потоком неразборчивых звуков. Буквы под моей кожей пришли ему на помощь, помогая сделать ответ понятным.

— Да что ты говоришь? Тогда у тебя был очень насыщенный день.

— Ты вырастешь таким же сильным и рукастым, как и твой дед, — с восхищением сказал Мэтью, глядя, как сын крепко обхватил его палец.

Мы покормили и переодели детей, попутно разговаривая о своем. Я поделилась мыслями, возникшими у меня в читальном зале, когда просматривала бумаги Роберта Бойля. Мэтью признался, что сегодняшняя презентация в Королевском обществе позволила ему осознать проблемы в понимании геномов вампиров, ведьм и демонов.

— Проверю-ка я электронную почту, — сказала я.

С тех пор как Болдуин назначил меня официальным представителем Клермонов в Конгрегации, число получаемых писем заметно возросло. Сам Болдуин вздохнул с облегчением. Время, которое прежде он тратил на поездки в Венецию, теперь посвящалось умножению доходов и вмешательству в жизнь семьи.

— Неужели Конгрегация мало докучала тебе на этой неделе? — снова заворчал Мэтью.

Я понимала его недовольство. Слишком много вечеров уходило у меня на выработку новой политики Конгрегации, где во главу угла были поставлены равенство и открытость. Я пыталась распутать хитросплетения логики демонов, составлявших прежние документы.

— Увы, этому нет конца, — сказала я, унося Филиппа в Китайскую комнату, которая стала моим домашним офисом.

Я включила ноутбук и, усадив малыша на колени, стала просматривать сообщения.

— Сара и Агата прислали снимок! — крикнула я. Они запечатлели себя на австралийском пляже. — Иди посмотри.

— А они счастливы, — заметил Мэтью, заглядывая мне через плечо.

Ресбекка, увидев бабушку, радостно загукала.

— Трудно поверить, что с момента смерти Эм прошло уже больше года. Как приятно снова видеть Сару улыбающейся.

— Есть вести от Галлогласа? — спросил Мэтью.

Галлоглас опять исчез неведомо куда. Мы послали ему приглашение на день рождения Мэтью, но ответа не получили.

— Пока молчит, — сказала я. — Спрошу завтра у Фернандо. Может, он знает, где твой племянник.

— А что решил Болдуин? — поинтересовался Мэтью, увидев в списке сообщений имя брата.

— Завтра приедет.

Меня радовало присутствие Болдуина. Это придаст торжеству дополнительный вес и рассеет ложные слухи, будто Болдуин не до конца поддержал новый клан своего брата.

— С ним придут Верена и Эрнст. И должна тебя предупредить: Фрейя тоже будет.

Я еще не видела среднюю сестру Мэтью, но очень хотела с ней познакомиться. Особенно после впечатляющих рассказов Джениет Гоуди о былых приключениях Фрейи.

— Боже, мне только Фрейи не хватало! — застонал Мэтью. — Надо выпить. Ты чего-нибудь хочешь?

— От вина не откажусь, — рассеянно ответила я, продолжая листать сообщения.

Письма шли от Болдуина, от Римы Хаэн из Венеции, от других членов Конгрегации и от декана моего факультета в Йеле. Никогда еще я не была такой занятой. И такой счастливой — тоже.

Я прошла в кабинет Мэтью. Позабыв про вино, он рассматривал стену над камином, держа в руках извивающуюся Ребекку. Едва посмотрев в том же направлении, я поняла, чем удивлен муж.

Портрет Изабо и Филиппа, всегда висевший здесь, исчез. Бумажный квадратик сообщал: ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ КИСТИ СЭРА ДЖОШУА РЕЙНОЛЬДСА ВРЕМЕННО ИЗЪЯТ ДЛЯ ВЫСТАВКИ «СЭР ДЖОШУА РЕЙНОЛЬДС И ЕГО МИР» В КОРОЛЕВСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ ГРИНВИЧА.

— Опять проделки Фиби Тейлор, — усмехнулась я.

Еще не став вампиршей, она уже славилась в вампирских кругах способностью безошибочно устанавливать происхождение и авторство произведений искусства, которыми владели вампиры. Если владельцы соглашались передавать свои шедевры для экспонирования на выставках, то получали значительные налоговые льготы. Болдуин обожал Фиби.

Однако отнюдь не исчезновение портрета родителей повергло Мэтью в изумление.

На месте полотна Рейнольдса висел портрет другой супружеской пары — нас с Мэтью. Авторство не требовало экспертизы. Мы сразу узнали руку Джека, его характерную манеру, где сочеталось пристальное внимание к деталям, свойственное XVII веку, и современное восприятие цвета и линии. На каминной доске лежала карточка: «С днем рождения, папа».

— Я думала, он пишет твой портрет. Джек собирался сделать тебе сюрприз.

Я вспомнила, как наш сын шепотом просил меня отвлекать внимание Мэтью, пока он делал наброски.

— А мне Джек говорил, что пишет *твой* портрет, — сообщил Мэтью.

Мы оба не угадали. Джек написал парный портрет, изобразив нас в официальной гостиной возле большого окна. Я сидела на стуле Елизаветинской эпохи — реликте нашего дома в Блэкфрайерсе. Мэтью стоял у меня за спиной. Его светлые, ясные глаза смотрели прямо на зрителя. Мои — тоже, но в них было что-то не от мира сего. Художник намекал зрителям, что они видят необычную женщину.

Моя левая рука на портрете была поднята. К ней тянулась рука Мэтью. Наши пальцы переплетались. Я слегка запрокинула голову; голова Мэтью была наклонена вниз, как будто художник запечатлел нас в процессе разговора.

Джек написал меня с уроборосом, окружавшим левое запястье. Это было послание силы и солидарности, символ Бишоп-Клермонов. Наша семья началась с удивительной любви, вспыхнувшей между Мэтью и мной. Любовь крепла, ибо узы, соединявшие нас, были сильны и противостояли ненависти и страху других ведьм и вампиров. Наша любовь выдержит все, потому что мы открыли тайну, известную ведьмам древности. Тайну выживания, заключавшуюся в готовности к переменам.

Более того, уроборос символизировал наши отношения. Мы с Мэтью олицетворяли алхимическую свадьбу. Вампир и ведьма, смерть и жизнь, солнце и луна. Соединение противоположностей создало нечто более совершенное и драгоценное, чем то, что каждый из нас мог бы создать порознь.

Мы были десятым узлом.

Неподвластным разрушению.

Не имеющим начала и конца.

Благодарности

Выражаю искреннюю благодарность:

- моим любезным читательницам Фрэн, Джил, Карен, Лизе и Олив за их отзывы;
- Вольфу Грунеру, Стиву Кэю, Джейку Соллу и Сюзанне Ван, которые щедро делились своими профессиональными знаниями и были благожелательны в своей критике;
- Люси Маркс, собравшей мнения экспертов о том, сколько может весить лист веленового пергамента;
- пансионату для писательниц «Хеджбрук» за его потрясающее (и столь необходимое) гостеприимство, когда я нуждалась в нем сильнее всего;
- Сэму Столоффу и Ричу Грину за поддержку, оказываемую моей трилогии «Все души» от начала до конца;
- Карол ДеСанتي и всей команде в «Viking» и «Penguin» за поддержку этой книги и двух предыдущих на всех этапах процесса публикации;
- иностранным издателям, познакомившим читателей разных стран с историей Дианы и Мэтью;
- Лизе Халтунен за редактирование и подготовку рукописи к публикации;
- моим помощникам Джилл Хок и Эмме Дивайн за оберегание моей жизни от хаоса;
- моим друзьям за их стойкость;
- моей семье, придающей смысл моей жизни: родителям, Олив и Джеку, Карен, Джону, Лекси, Джейку и Лизе;
- моим читателям, принявшим Бишопов и Клермонов в свои сердца и сделавших их частью своей жизни.

Харкнесс Д.

X 21 Книга Жизни : роман / Дебора Харкнесс ; пер. с англ. И. Иванова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 672 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-13806-3

Мир ведьм, вампиров и демонов.

Рукопись, в которой хранятся секреты их прошлого и ключ к их будущему.

«Книга Жизни» завершает трилогию Деборы Харкнесс, признанную № 1 в списке бестселлеров «New York Times».

Вернувшись из елизаветинского Лондона в настоящее, Диана и Мэтью сталкиваются с новыми проблемами и старыми врагами. Ситуация осложняется тем, что Диана беременна двойней. В мире ведьм, вампиров и демонов любовь ведьмы Дианы и вампира Мэтью считалась запретной, а ее беременность и вовсе невозможной. Реальная угроза их будущему пока не раскрыта, а поиск таинственного манускрипта «Ашмол-782» и его недостающих страниц приобретает еще большую актуальность. Диана и Мэтью надеются, что манускрипт поможет им выяснить собственное происхождение и противостоять угрозам их союзу, который благословили звезды...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЕБОРА ХАРКНЕСС
КНИГА ЖИЗНИ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц
Редактор Ольга Давидова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Елена Терскова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.01.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 42. Заказ № 0743/19.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01, e-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

И-АВБ-21997-01-8

thebigbook.

thebigbook.

Дебора Харкнесс — американский писатель, историк и знаток вина.

Известность ей принесла трилогия о ведьмах, первая же книга которой стала бестселлером. Харкнесс — профессор истории в Университете Южной Калифорнии, ее научные интересы лежат в области истории науки и медицины от Античности до наших дней, она считается специалистом по периоду Средневековья XV–XVII веков.

«Книга Жизни» — третий роман о Диане и Мэтью. По словам Деборы Харкнесс, она сначала написала конец именно этого романа, чтобы точно знать, к чему хочет прийти в финале, и не отклоняться от этой идеи во время работы над первыми двумя книгами.

В сентябре 2018 года вышел сериал «Открытие ведьм», снятый британской телекомпанией «Bad Wolf Production». Главные роли исполняют Тереза Палмер («По соображениям совести») и Мэттью Гуд («Аббатство Даунтон», «Игра в имитацию», «Корона»).

Харкнесс — яркая писательница. Она умело создает мир, населенный ведьмами со степенью доктора исторических наук и сверхъестественными существами. Ее персонажи яркие и живые... Это тот редкий исторический роман, который не только умный, но и романтический, однако это и сверхъестественная фантастика. Даже те из нас, кто обеими ногами стоит на реальной почве, могут попасть в его плен.

San Antonio Express-News

Мы не можем просто похвалить роман Харкнесс. Это потрясающе! Факты и вымысел, история и настоящее, нежные ухаживания и бурные приступы гнева, понимание собственной личности и потеря своего я — все это проникает в ваше сердце и питает ваш разум...

The Truth About Books

Харкнесс умело сочетает исторические и научные факты, фантазию и романтику, у нее прекрасно уживаются фантастические существа и обыкновенные люди...

Among the Muses

Cover design by Tal Goretsky

Cover image © Venice landmark, StevanZZ / Shutterstock; Will & Deni McIntyre / Getty Images

© Science Source / Gettyimages.ru

ISBN 978-5-389-13806-3 01

9 785389 138063

www.azbooka.ru

КНИГА ЖИЗНИ

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

